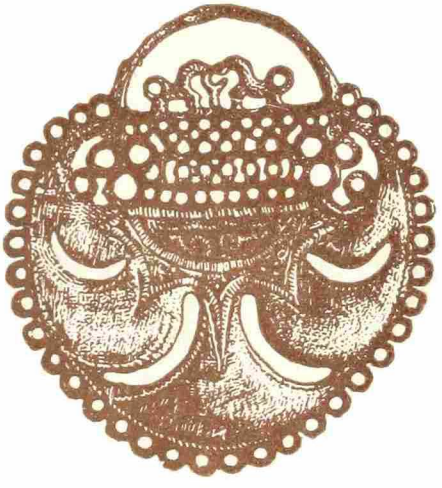
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1984

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1984

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко*, *В. В. Кропоткин*, *Л. Р. Кызласов*, *В. П. Любин*, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*, *Б. Б. Пиотровский*, *С. А. Плетнева* (зам. главного редактора), *В. И. Шилов* *А. А. Формозов*

СОДЕРЖАНИЕ

Кореняко В. А. (Москва). К методике изучения погребений со скорченными скелетами 5
Онайко Н. А. (Москва). О сахновской пластине 18
Могильников В. А. (Москва). О западной границе кулайской культуры . . 28
Кропоткин А. В. (Москва). К вопросу о племенных центрах черняховской культуры 35
Кабанов С. К. (Ташкент). Археологические данные к изучению генезиса феодализма в Средней Азии (по материалам Нахшеба, Хорезма и долины р. Чу) 48
Виленчик Б. Я. (Ленинград). Новые доказательства существования русского архаического абака 59
Афанасьев Г. Е. (Москва). Большая семья у алан 66
Федоров-Давыдов Г. А. (Москва). Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья 83

Публикации

Петрин В. Т. (Новосибирск). Новые наскальные изображения Южного Урала 96
Синюк А. Т. (Воронеж). Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) 105
Симонян А. Е. (Ереван). Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин Навер 122
Виноградов Н. Б. (Челябинск). Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья 136
Сагдуллаев А. С. (Ташкент). Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи 154
Житников В. Г., Марченко К. К. (Ростов-на-Дону, Ленинград). Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону 162
Седов А. В. (Москва). Керамические комплексы ай-ханумского типа на Правобережье Амударьи 171

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1984 г.

Красовский И. С. (Москва). Реконструкция плана фундаментов Десятинной церкви в Киеве 181
Высоцкий С. А., Мовчан И. И. (Киев). Эпиграфическая находка в Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры 191

Заметки

Уткин А. В., Костылева Е. Л. (Иваново). Ранненеолитическая верхневолжская культура на стоянке Польцо 197
Андреева М. В. (Москва). Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени 201
Мыськов Е. П. (Волгоград). Вторичные погребения срубной культуры в могильнике Ченпи 205
Радзиевская В. Е., Гопак В. Д. (Харьков). Меч римского типа из поселка Коломак в Харьковской области 209
Савчук С. А. (Ташкент). Керамическая печать из Дальверзинтепе с изображением гиппокампа 212
Братченко С. Н., Швецов М. Л. (Киев, Донецк). Средневековый могильник у станицы Багаевской 214
Мухамадиев А. Г. (Казань). Бронзовые слитки — первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тысячелетие н. э.) 219
Старков В. Ф. (Москва). Находки шахмат на архипелаге Шпицберген . . 222

Критика и библиография

Амирханов Х. А. (Москва). Paléorient. V. 5. Paris, 1979 226
Кольцов Л. В. (Москва). Gaussen J. Le Paléolithique supérieur de plein air en Périgord. XIV supplément à Gallia Préhistoire, Paris, 1980 229
Щапова Ю. Л. (Москва). Dekówna M. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980 232
Перхавко В. Б. (Москва). Проблемы раннесредневековой археологии Польши 239
Мещеряков В. Ф. (Харьков). Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981 248
Гудкова А. В. (Одесса). Баран В. Д. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981 257
Куза А. В. (Москва). Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981 . . . 262
Чернецов А. В. (Москва). Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981 266

Хроника

Шарафутдинова Э. С. (Ленинград). Симпозиум «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа» (Ереван, 1982) 273
Квирквелия О. Р., Кулаков В. И., Станюкович А. К., Хамидуллина Н. М. (Москва). Совещание «Человек и окружающая среда в древности и средневековье» (Москва, 1983) 277
Памяти Эраста Алексеевича Сымоновича 283
Щеглов А. Н. (Ленинград). Памяти Павла Николаевича Шульца 285

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 3
1984

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Korenyako V. A. (Moscow). On the Methods of Study of Crouched Burials . . 5
Onaiko N. A. (Moscow). On the Sakhnov Plate 18
Mogilnikov V. A. (Moscow). On the Western Boundary of the Kulai Culture 28
Kropotkin A. V. (Moscow). On the Centres of the Chernyakhovo Culture Tribes 35
Kabanov S. K. (Tashkent). Archaeological Data on Study of the Genesis of Feudalism in Central Asia (case-study of Nashkheb, Kwarazm and the Chu Valley) 48
Vilenchik B. Ya. (Leningrad). Fresh Evidence of the Existence of a Russian Archaic Abacus 59
Afanasyev G. E. (Moscow). The Extended Family Among the Alans 66
Fedorov-Davydov G. A. (Moscow). A Quarter of a Century of Study of the Mediaeval Towns of the Lower Volga 83

Publications

Petrin V. T. (Novosibirsk). Newly Found South Ural Petroglyphs 96
Sinyuk A. T. (Voronezh). On Aeneolithic Cemeteries of the Forest-Steppe Zone (Middle Don Area) 105
Simonyan A. E. (Erevan). Two Burials of the Middle Bronze Age in the Verin Naver Burial Ground 122
Vinogradov N. B. (Chelyabinsk). Kulevchi VI — a Newly Discovered Alakul Burial Ground in the Forest-Steppe Zone of Southern Transurals 136
Sagdullaev A. S. (Tashkent). Early Iron Age Settlements in the Kashkadarya Basin 154
Zhitnikov V. G., Marchenko K. K. (Rostov-on-Don, Leningrad). New Data on the Construction Complexes of the Elizavetovskoe Fortified Settlement on the Don 162
Sedov A. V. (Moscow). Ceramic Complexes of the Ai-Khanum Type on the Right Bank of the Amu Darya 171
Krasovsky I. S. (Moscow). Reconstruction of the Foundations' Lay-Out of the Desyatinnaya Church in Kiev 181
Vysotsky S. A., Movchan I. I. (Kiev). An Epigraphic Find in the Blizhnie Caves of the Kiev-Pechersky Monastery 191

Notes

Utkin A. V., Kostyleva E. L. (Ivanovo). An Early Neolithic Culture at Poltso Site on the Upper Volga 197
Andreeva M. V. (Moscow). A Clay Vehicle Model from a Burial of the Catacomb-Grave Epoch 201
Myskov E. P. (Volgograd). Secondary Burials of the Timber-Grave Culture of the Chenin Burial Ground 205
Radzievskaya V. E., Gopak V. D. (Kharkov). A Roman-Type Sword from Kolomak (Kharkov Region) 209
Savchuk S. A. (Tashkent). A Ceramic Seal from Dalverzintepe Depicting a Hippocampus 212
Bratchenko S. N., Shvetsov M. L. (Kiev, Donetsk). A Mediaeval Burial Ground at Bagaevskaya Village 214
Mukhamadiev A. G. (Kazan). Bronze Ingots — Earliest Metal Money in the Volga and Urals Area (1st Millennium A. D.) 219
Starkov V. F. (Moscow). Chess Found on the Spitsbergen Archipelago . . . 222

Book Reviews and Bibliography

Amirkhanov Kh. A. (Moscow). Paléorient. V. 5, Paris, 1979 226
Koltsov L. V. (Moscow). Gaussen J. Le Paléolithique supérieur de plein air en Périgord. XIV supplément à Gallia Préhistoire, Paris, 1980 229
Shchapova Yu. L. (Moscow). Dekówna M. Szklo w Europie wczesnośredniowiecznej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980 232
Perkhavko V. B. (Moscow). Problems of the Polish Early Middle Ages Archaeology 239
Meshcheryakov V. F. (Kharkov). Kadeev V. I. Chersonesus Taurica in the First Centuries of Our Era. Kharkov, 1981 248
Gudkova A. V. (Odessa). Baran V. D. The Chernyakhovo Culture According to the Materials of the Upper Dnestr and the Western Bug. Kiev, 1981 . . 257
Kuza A. V. (Moscow). Nikolskaya T. N. The Land of Vyatichi. On the History of the Population of the Upper and Middle Oka in the 9th — 13th Centuries. Moscow, 1981 262
Chernetsov A. V. (Moscow). Soboleva N. A. Russian Town and Regional Heraldry in the 18th — 19th Centuries, Moscow, 1981 266

Chronicle

Sharafutdinova E. S. (Leningrad). «Cultural Progress in the Bronze and Early Iron Epoch» Symposium (Erevan, 1982) 273
Kvirkvelia O. R., Kulakov V. I., Stanyukovich A. K., Khamidullina N. M. (Moscow). «Man and Environment in the Ancient and Mediaeval Times». Conference (Moscow, 1983) 277
In Memory of Erast Symonovich 283
Shcheglov A. N. (Leningrad). In Memory of Pavel Shults 285

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.04.84 Подписано к печати 06.07.84 Т-13145 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 25,2 Усл. кр.-отт. 85,1 тыс. Уч.-изд. л. 29,9 Бум. л. 9,0
Тираж 3352 экз. Зак. 52

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

КОРЕНЯКО В. А.

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ СО СКОРЧЕННЫМИ СКЕЛЕТАМИ

Погребения со скорченными человеческими скелетами известны с эпохи палеолита. На многих территориях они были в течение тысячелетий преобладающей формой похоронного обряда. В Европе и на большей части Азиатского континента с переходом от эпохи бронзы к железному веку происходит быстрое вытеснение скорченных трупоположений иными формами погребального ритуала (кремация, положение погребенного вытянуто на спине и др.), но определенное количество могил со скорченными костяками известно археологам в памятниках I тысячелетия до н. э.— I тысячелетия н. э. На других территориях, судя по данным этнографии, помещение в могилы умерших в скорченном положении как преобладающий ритуал сохранялось вплоть до недавнего времени (Южная Америка, Африка). Обряд скорченных трупоположений неоднократно привлекал внимание археологов и этнографов, различные мнения высказывались по поводу его происхождения и семантики (из последних работ см., например [1, с. 267—284]). В предлагаемой статье рассматриваются некоторые методические аспекты археологического анализа этого явления.

Начиная с 60-х годов в советской археологии все больше распространяется тенденция к подтверждению историко-археологических реконструкций точными, проверяемыми и в конечном счете формализуемыми фактами. Не в последнюю очередь это относится к исследованию древних погребальных обрядов. Погребальный обряд является весьма сложной системой, поэтому составляющие его элементы формализуются с различным успехом. Что касается степени скорченности скелетов в древних погребениях, то в подавляющем большинстве публикаций она до сих пор описывается весьма приблизительно и расплывчато. Во многих работах степень скорченности не указывается вовсе. В тех статьях и монографиях, авторы которых стремятся более точно высказать свои впечатления от материала, степень скорченности нередко уточняется с помощью определений «сильная», «средняя», «слабая». Реже даются более подробные описания взаимного расположения костных остатков, являющиеся следствием наблюдения в поле при расчистке погребений или рассматривания полевых чертежей и фотографий. Обычно эти наблюдения приводятся там, где автор видел «сильную» степень скорченности. В таком случае в тексте применяются типовые фразы вроде «пяточные кости скелета были притянуты к тазовым костям», «колени погребенного были притянуты к груди» и т. п.

С течением времени среди специалистов, исследующих погребальные обряды бронзового века, все настойчивее проявляется желание сделать признак «степень скорченности скелета» более дифференцированным и более точно определить, какая степень скорченности является «сильной», «средней» или «слабой». В последние годы в литературе появилось несколько попыток выражать степень скорченности погребенных в углах и градусах.

В. А. Сафронов в работе, посвященной классификации и периодизации памятников бронзового века на Северном Кавказе, предложил при классификации погребений древнеямной культуры использовать такой признак, как положение рук. Приведя различные варианты словесного описания этого признака, бытующие в отчетах и публикациях, он счел целесообразным «выбрать один признак, с помощью которого и обозначать поло-

жение рук. Такой признак должен удовлетворять двум условиям: быть в наличии во всех погребениях и характеризовать самые разнообразные позиции рук. Степень согнутости рук можно характеризовать величиной угла между плечевыми и лучевыми костями. Группа погребений, где величина угла будет заключена между 90 и 180°, будет составлена костяками с незначительно согнутыми руками. Группа погребений, где угол меньше 90°, образуется костяками с сильно согнутыми руками» [2, с. 44, 45]. Степень согнутости ног погребенных как признак похоронного ритуала в данной работе В. А. Сафронова не анализировалась.

В статье Д. Я. Телегина дается классификация степени согнутости ног, но примерно на таком же уровне, что и у В. А. Сафронова: «Степень скорченности ног неодинаковая: относительно слабая, когда угол в тазобедренном суставе прямой или тупой, и сильная или очень сильная, когда угол в тазобедренном суставе острый» [3, с. 6].

В книге С. Н. Братченко, посвященной катакомбным памятникам (эпоха средней бронзы) в низовьях Дона, также обращается внимание на степень согнутости ног погребенных. Основное внимание автор уделяет углу сгиба в тазобедренном суставе, характеризуя его как тупой, прямой или острый. Однако в книге содержатся таблицы приложений, в которых имеются по каждому погребению данные по «углам скорченности» в тазобедренных и коленных суставах, выраженные в градусах (цифры эти, за несколькими исключениями, кратные пяти, т. е. «круглые») [4, с. 61, 62, 80, 154—195].

Таким образом, имеется несколько публикаций, содержащих попытки сделать описание степени скорченности скелетов более строгим, использовать при этом выражение углов согнутости ног в тазобедренных и коленных суставах в градусах. Эти опыты отличаются несколькими общими недостатками. Во-первых, такие данные не являются полными, т. е. не решен вопрос, что измерять. В лучшем случае (у С. Н. Братченко) фигурируют два размера. Между тем ясно, что состояние признака «степень скорченности ног» может быть описано исчерпывающе только при наличии четырех измерений (углы сгиба в тазобедренных и коленных суставах обеих ног). Во-вторых, не решен вопрос, как измерять; отсутствует техника измерения углов сгиба. Поскольку угол образуется двумя пересекающимися прямыми линиями, а для проведения любой прямой линии необходимы две точки, то для измерения угла сгиба сустава необходимо иметь четыре или хотя бы три (при одной общей для обеих прямых линий) четко фиксируемые точки. Например, для измерения угла сгиба в коленном суставе необходимо фиксировать две точки на бедренной кости и две точки на одной из берцовых костей. Понятно, что определение вроде «угол сгиба между плечевыми и лучевыми костями» (В. А. Сафронов) ничего для увеличения точности размеров не дает, ибо любая кость представляет собой тело, на поверхности которого бесконечное множество точек. В-третьих, отсутствие методики измерения углов сгиба приводит к тому, что фактические данные, которыми оперируют исследователи, не являются точными, они выступают в виде «круглых» цифр. Это и понятно, так как измерения в этих случаях проводятся заведомо приблизительно, «на глазок». Даже когда исследователь добросовестно накладывает транспортир на чертеж погребения, он не может провести линию по четко определенным, раз и навсегда зафиксированным точкам и вынужден вносить в таблицы более или менее округленные цифры.

Имеется, правда, пока не опубликованная методика вычисления степени скорченности, характеризующаяся большей строгостью [1]. В ней указываются линии, которые образуют углы, измеряемые затем на чертеже или на натуре — расчищенном скелете. Первая линия проходит через первый шейный позвонок и крестец (она же линия ориентировки скелета). Вторая линия проходит через точки, лежащие на равном уда-

[1] Методика разработана И. С. Каменецким, которому я выражаю благодарность за разрешение опубликовать здесь ее краткое изложение.

лении от верхних и нижних эпифизов бедренных костей. Третья линия проходит через точки, лежащие на равном удалении от верхних и нижних эпифизов больших берцовых костей. Скорченность определяется углами между первой и второй (тазобедренные суставы) и между второй и третьей (коленные суставы) линиями [5, с. 15].

Очевидно, такая методика позволяет получать угловые величины не в округленном, а в формально точном виде. Однако ее нельзя считать строгой в полном смысле слова. Хотя линии, образующие измеряемые углы, строятся каждая по двум точкам, однако сами эти точки не зафиксированы четко, так как указывается их положение относительно эпифизов длинных костей, т. е. тех же физических тел с поверхностью из бесконечного множества точек. В итоге получается, что методика, претендующая на точное измерение углов сгиба суставов в градусах, фактически допускает при измерении ошибку в несколько градусов; более того, она объективно предусматривает эту ошибку и неизбежно приводит к ней.

Основная причина того, что описанные приемы измерения степени скорченности скелетов в погребениях неточны и не могут применяться без существенных оговорок, кроется в том, что методики эти предложены археологами, в то время как существуют научные дисциплины, представители которых занимаются изучением углов сгиба в суставах человеческого скелета, причем занимаются этим специально, давно и достигли здесь желаемой точности измерений. Это и понятно, поскольку по-настоящему точная методика измерения углов сгиба в суставах возможна лишь с учетом знаний в области анатомии человека. Поэтому для археологов представляют интерес некоторые работы в области антропологии (точнее, антропометрии и гониометрии), написанные хотя и без учета археологических потребностей, но освещающие этот предмет не с умозрительной, а с единственно правильной позиции — с позиции научных фактов.

Привлекая данные антропометрии, необходимо учесть, во-первых, что при измерении углов скорченности нижних конечностей необходимо провести три линии или оси: а) основную ось тела; б) ось, соответствующую направлению бедренных костей; в) ось, соответствующую направлению берцовых костей. Во-вторых, необходимо учесть различное положение скорченных скелетов в древних могилах: на боку (правом или левом), на спине и на животе.

Антропометрическое изучение человеческого тела производится, как правило, в условном исходном положении его: стоя, с сомкнутыми ногами, с опущенными и обращенными вперед ладонями руками. В этом положении объект равно доступен для проведения различных плоскостей и для измерений на различных поверхностях. Гораздо сложнее обстоит дело с расчищенным скелетом в погребении, где для фиксации и измерений доступны далеко не все антропометрические точки.

Рассмотрим вопрос об общей оси тела (скелета). Наиболее просты случаи, когда скелет лежит на животе или на спине. В этом случае ось тела проводится соответственно оси позвоночника. По мнению В. А. Гамбурцева, «нормальный позвоночник человека не имеет изгибов во фронтальной плоскости, его проекция на эту плоскость приближается к прямой линии» [6, с. 53]. Клинически выраженные фронтальные искривления позвоночника (сколиозы) В. А. Гамбурцев предлагает [6, с. 21 и сл.] измерять по точкам на остистых отростках VI шейного, VII грудного и V поясничного позвонков. Г. Ф. Иванов указывал [7, с. 63, 64, 120—122], что легкие сколиозы в грудной и поясничной частях позвоночника имеют характер нормальной асимметрии, т. е. естественны. За основу при измерениях он также принимал точки на VI шейном и V поясничном позвонках. При симметричности человеческих позвонков во фронтальной плоскости опорными точками на спинной поверхности, по-видимому, должны быть наиболее дорзальные точки на остистых отростках позвонков. При положении скелета на спине опорные точки должны быть зафиксированы посредине (в центре) тела позвонка, т. е. на равном расстоянии от латеральных точек правого и левого поперечных отростков. Второй способ, менее точный, который можно применять при большой разрушенно-

сти позвоночника, это, по-видимому, проведение перпендикуляра к линии между латеральными точками на плечевом отростке правой и левой лопаток. Этот перпендикуляр рассматривается как ось тела или позвоночника [6, с. 58, 59, рис. 13].

Сложнее обстоит дело с проведением общей вертикальной оси в сагиттальной плоскости, т. е. в том случае, если скелет лежит в могиле на боку. В принципе и здесь можно провести ось через определенные точки на тех же позвонках. Соответствующие схемы Г. Ф. Иванова [7, с. 121, рис. 63] и В. А. Гамбурцева [6, с. 22, рис. 4] показывают, что отвесная линия проходит через VI шейный и V поясничный позвонки. В сагиттальной плоскости лишь эти два позвонка уверенно помещаются на отвесной линии (Г. Ф. Иванов причислял сюда еще I шейный и IX грудной позвонки). Это связано с тем, что в сагиттальной плоскости человеческий позвоночник имеет два изгиба с выпуклостью вперед (поясничный и шейный лордозы) и изгиб с выпуклостью назад (грудной кифоз).

Представляют интерес данные о центре тяжести человеческого тела и об отвесной линии, проходящей через него, а также о проходящих через него фронтальной и сагиттальной плоскостях. Систематизированные и опубликованные Г. Ф. Ивановым, эти данные интересны для археологов тем более, что получены при экспериментах на замороженных трупах, а не на живых людях. Фронтальной плоскости, в которой находится общий центр тяжести тела, соответствуют тело основной кости черепа и приблизительно середина тела I крестцового позвонка [7, с. 493—496]. Вероятно, не было бы большой ошибкой для проведения вертикальной оси выбрать определенные точки на соседних костях — I шейном позвонке и V поясничном позвонке. Однако если при положении скелета на боку I шейный позвонок доступен для глаза и инструмента, то V поясничный позвонок чаще всего бывает перекрыт крылом подвздошной кости. Он может быть доступен для инструмента лишь в том случае, если будет убрана перекрывающая его тазовая кость, но это можно сделать, только убрав соответствующую бедренную кость. А в таком случае исчезает сам смысл этих манипуляций — возможность измерения угла сгиба в тазобедренном суставе.

Следовательно, для проведения оси тела в сагиттальной плоскости необходимо фиксировать не точки, лежащие на основной вертикальной оси или близ нее, а латеральные точки. Судя по данным Г. Ф. Иванова [7. с. 493—496, рис. 392], таковыми могут быть латеральные точки близ центров плечевых и тазобедренных суставов. В этом случае приходится идти на компромисс между общепринятым анатомическим представлением о центре тяжести человеческого тела и его основных осях и требованиями практических антропометрических измерений, которые осуществляются после нахождения и фиксации доступных для инструмента точек на человеческом теле или скелете.

Итак, можно допустить, что прямой линией, близкой (практически совпадающей) общей вертикальной оси человеческого тела, в сагиттальной плоскости является линия, соединяющая латеральные точки плечевого и тазобедренного сустава. В первом случае это будет наиболее латеральная точка на большом мышечном бугре верхнего эпифиза плечевой кости, во втором — наиболее латеральная точка на большом вертеле верхнего эпифиза бедренной кости (рис. 1).

Это допущение в общем совпадает с современными гониометрическими методиками, разработанными, однако, для производства измерений на живых людях. Так, при измерении амплитуды движений в тазобедренных суставах В. А. Гамбурцев рекомендует ножки циркуля-гониометра ставить на латеральный надмыщелок бедра и верхушку большого вертела. При измерении угла наклона оси бедра к вертикали он предлагает фиксировать две точки: «наиболее выступающую вверх точку большого вертела бедра и наиболее выступающую наружу точку в области наружного мыщелка бедра (коленную наружную точку)» [6, с. 62, 64]. В археологических исследованиях такими точками будут соответственно наиболее верхнелатеральная точка большого вертела на верхнем эпифизе бедрен-

Рис. 1

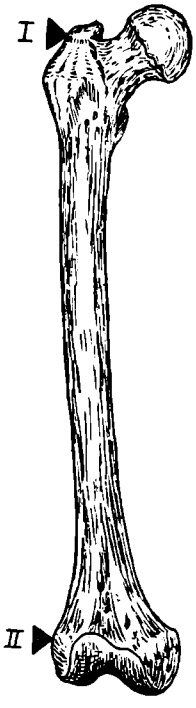


Рис. 2

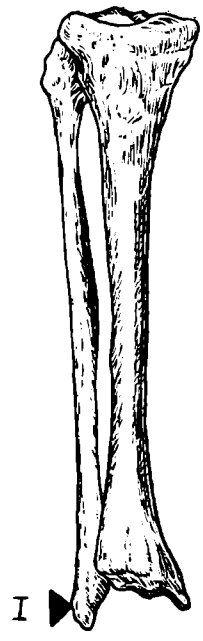


Рис. 3

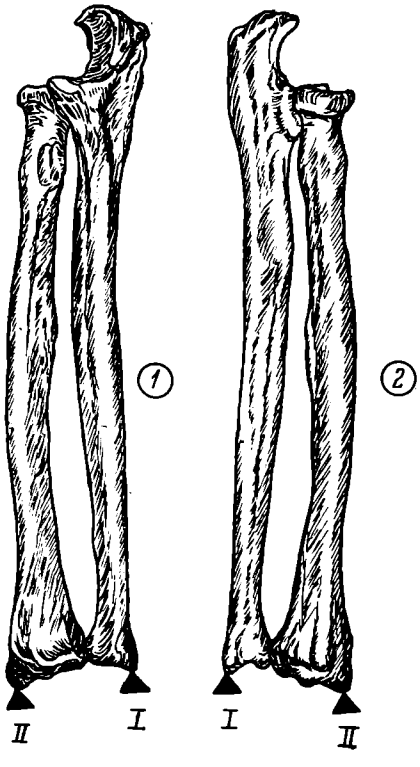


Рис. 4

Рис. 1. Правая плечевая кость (вид спереди). Гониометрические точки: I — на большом мышечном бугре; II — на наружном надмыщелке

Рис. 2. Правая бедренная кость (вид спереди). Гониометрические точки: I — на большом вертеле, II — на латеральном надмыщелке

Рис. 3. Кости правой голени (вид спереди). I — гониометрическая точка на латеральной лодыжке

Рис. 4. Лучевая и локтевая кости (*1* — вид с ладонной поверхности, *2* — вид с тыльной поверхности). Гониометрические точки: I — на шиловидном отростке локтевой кости, II — на шиловидном отростке лучевой кости

ной кости и наиболее латеральная точка на наружном (латеральном) надмыщелке нижнего эпифиза бедренной кости (рис. 2).

Что касается коленного сустава, то В. А. Гамбурцев для измерения амплитуд сгибания дает следующие рекомендации: «Ножки циркуля ставят на конец латеральной лодыжки и верхушку головки малой берцовой кости». При измерениях угла наклона голени к вертикали ножки циркуля-гониометра, ставятся на «коленную наружную точку и нижнюю наружную малоберцовую точку — самую нижнюю точку мыщелка малоберцовой кости на внешней лодыжке» [6, с, 64, 103]. При измерениях на

Таблица 1

Методика измерения углов сгиба в тазобедренных и коленных суставах

Точки на эпифизах длинных костей	Линии	Углы сгиба в суставах ног
Наиболее латеральная точка на большом мышечном бугре верхнего эпифиза плечевой кости		
Наиболее верхнелатеральная точка на большом вертеле верхнего эпифиза бедренной кости	A (ось тела)	В тазобедренном суставе
То же		
Наиболее латеральная точка на латеральном надмыщелке нижнего эпифиза бедренной кости	B (ось бедра)	В коленном суставе
То же		
Наиболее нижнелатеральная точка на латеральной лодыжке нижнего эпифиза малой берцовой кости	C (ось голени)	

скорченных скелетах такими точками вероятно, будут наиболее латеральная точка на наружном (латеральном) надмыщелке нижнего эпифиза бедренной кости и наиболее нижнелатеральная точка на латеральной лодыжке нижнего эпифиза малой берцовой кости (рис. 3).

Установив точки для измерения углов сгиба в тазобедренных и коленных суставах (рис. 1—3), мы можем провести линии, которые, пересекаясь, дадут углы, доступные измерениям с помощью гониометрических инструментов. Первая линия, соответствующая вертикальной (отвесной) оси тела, пройдет через наиболее латеральную точку на большом мышечном бугре верхнего конца плечевой кости и наиболее латеральную точку на большом вертеле верхнего эпифиза бедренной кости. Вторая линия, соответствующая направлению оси бедра, пройдет через наиболее латеральную точку большого вертела на верхнем эпифизе бедренной кости и наиболее латеральную точку на наружном (латеральном) надмыщелке нижнего эпифиза бедренной кости. Третья линия, соответствующая направлению оси голени, пройдет через наиболее латеральную точку на наружном (латеральном) надмыщелке нижнего эпифиза бедренной кости и наиболее нижнелатеральную точку на латеральной лодыжке нижнего эпифиза малой берцовой кости. Угол между первой и второй линиями будет соответствовать углу сгиба в тазобедренном суставе, а угол между второй и третьей линиями — углу сгиба в коленном суставе. Все эти данные в более лаконичном, четком и удобном для пользования виде представлены в табл. 1.

Представляют интерес данные о возможности измерения углов сгиба в плечевых и локтевых суставах. Как следует из сказанного ранее, исходная точка должна совмещаться с основной вертикальной осью тела. Это наиболее латеральная точка на большом мышечном бугре верхнего эпифиза плечевой кости. Вторая — наиболее латеральная точка на наружном надмыщелке нижнего конца (блока) плечевой кости (рис. 1). Прямая линия между этими точками соответствует направлению оси плечевой кости. Третьей является наиболее латеральная точка на костях предплечья. По мнению В. А. Гамбурцева, «при измерении амплитуды сгибания предплечья в локтевом суставе ножки циркуля ставят на локтевой и шиловидный отростки локтевой кости» [6, с. 100]. Эта рекомендация не совпадает с положением костей предплечья при условно исходном анатомическом положении тела: «При опущенной руке и повороте предплечья и кисти ладонью вперед... кости устанавливаются параллельно одна другой; при этом лучевая кость смещается кнаружи, а локтевая кость остается на внутренней стороне предплечья. При повороте предплечья и с ним кисти ладонной стороной назад... лучевая кость смеща-

Таблица 2

Методика измерения углов сгиба в плечевых и локтевых суставах

Точки на эпифизах длинных костей	Линии	Углы сгиба в суставах рук
Наиболее латеральная точка на большом мышечном бугре верхнего эпифиза плечевой кости		
Наиболее верхнелатеральная точка на большом вертеле верхнего эпифиза бедренной кости	А (ось тела)	В плечевом суставе
Наиболее латеральная точка на большом мышечном бугре верхнего эпифиза плечевой кости		
Наиболее латеральная точка на наружном надмыщелке нижнего эпифиза плечевой кости	В (ось плеча)	В локтевом суставе
То же		
Наиболее латеральная точка на шиловидном отростке нижнего эпифиза локтевой или лучевой кости (в зависимости от ситуации)	С (ось предплечья)	

ется кпереди, перекрещивая локтевую кость» [7, с. 233, 234]. В полевых условиях встречаются оба случая взаимного расположения костей предплечья. В первом случае третьей наиболее латеральной точкой будет точка на шиловидном отростке дистального конца лучевой кости, во втором случае — точка на шиловидном отростке дистального конца локтевой кости (рис. 4). Линия между одной из этих точек (в зависимости от конкретного случая) и наиболее латеральной точкой на наружном надмыщелке плечевой кости и будет соответствовать направлению оси костей предплечья. Угол между осью тела и первой линией будет углом сгиба в плечевом суставе, а угол между первой и второй линией — углом сгиба в локтевом суставе. Эти данные в более удобном для практического пользования виде отражены в табл. 2.

Конкретные археологические обстоятельства, прослеживаемые на расчищенных в поле скелетах, заметно сужают возможности точных измерений углов сгиба. Идеальным является положение скелета на спине, когда кости ног, согнутых коленями вверх, сохранили это положение. В таком случае открыты для обзора и измерения обе латеральные поверхности: и правая, и левая. В том случае, если кости ног упали в одну сторону или скелет вообще лежит на боку, точные измерения можно сделать после расчистки лишь на костях одной ноги. В этой ситуации необходимо или отказаться от измерений углов сгиба на костях другой ноги, или частично разобрать расчищенный скелет, чтобы выйти на эти кости и попытаться установить точки, соответствующие указанным выше.

Допустим, скелет обнаружен в положении на правом боку. В этом случае мы можем сразу же после расчистки измерить углы сгиба на костях левой ноги и левой руки. После этого можно частично разобрать скелет, изъяв кости левой ноги, левую тазовую кость и по возможности кости крестца и копчика. После дополнительной расчистки станут доступны кости правой ноги, но не латеральная, а медиальная их поверхность. Точки для проведения прямых линий, образующих углы сгиба, можно установить теперь приблизительно. Во-первых, это можно сделать «на глазок», мысленно спроецировав латеральные точки вверх по вертикали на медиальную поверхность эпифизов. Во-вторых, заранее согласившись с неизбежностью ошибки, можно за основу взять точки, наиболее выступающие при таком положении скелета вверх (наиболее медиальные точки). На верхнем эпифизе бедренной кости это будет точка на малом вертеле, на нижнем эпифизе бедренной кости — точка на медиальном мыщелке, на нижнем эпифизе большой берцовой кости — точка на внутренней (медиальной) лодыжке.

Изъяв кости левой руки и разобрав кости грудной клетки и пояса верхних конечностей, можно сходным способом измерить углы сгиба правой руки. Само собой разумеется, частичную разборку скелета необходимо проводить очень осторожно.

Что касается технических средств измерения углов сгиба, то для этого могут применяться хорошо известные гониометрические инструменты [6, с. 19; 8, с. 32—57]. В случае труднодоступности указанных точек (встречаются, как известно, самые причудливые случаи взаимного расположения костей расчищенного скелета) могут быть взяты линейные расстояния (с помощью мерной ленты) для построения треугольника, в котором по соотношению длин сторон могут быть определены искомые углы.

Полученные таким образом данные по углам сгиба конечностей являются точными лишь относительно. Существует несколько факторов, которые могут приводить к более или менее значительным ошибкам при измерении степени скорченности скелетов в погребениях, а также к неправильной интерпретации этих измерений.

Прежде всего это ошибки собственно измерения, определяемые состоянием гониометрического инструмента и тем, насколько точно найдены и зафиксированы исходные точки на костях человеческого скелета. По мнению В. А. Гамбурцева [6, с. 94], при измерениях амплитуд движения в суставах конечностей циркулем-гониометром точность достигает 1—2°. Эта величина относится к измерениям на живых людях. При исследовании скелетов исходные точки, возможно, могут быть зафиксированы точнее. Однако положение скелетов в погребениях не совпадает с условно исходным анатомическим положением, а именно многолетнее изучение тела в этом положении дало фактическую базу для современной антропометрии.

Существует и другой фактор, приводящий к ошибке в измерении. Он не зависит от состояния измерительного инструмента или добросовестности исследователя. Это процесс археологизации или фоссилизации (об этом термине см. [9, с. 22—32]) останков погребенного человека, идущий в течение столетий и тысячелетий и вызывающий деформации, смещения и разрушения костей.

В ходе поздних трупных изменений (проявляющихся, наиболее вероятно, при наличии в могиле перекрытия или при камерной конструкции погребального сооружения) может произойти эмфизема (вздутие) трупа. При этом может измениться первоначальная поза тела: руки окажутся раскинутыми в стороны, бедра разведенными [10, с. 255]. Далее, когда в результате мацерации кости освобождаются от мягких тканей, они могут смещаться вниз и в стороны под действием собственной тяжести или могильного заполнения. По мере того как сами кости лишаются органических веществ и минерализуются (процесс фоссилизации в узком смысле слова), они становятся все более хрупкими, могут ломаться, расплющиваться и крошиться. Последние изменения завершаются уже в ходе расчистки погребения, неизбежно ведущей, хотя и в разной степени, к разрушению костей, в том числе и к выкрашиванию эпифизов длинных костей, на которых и находятся опорные точки гониометрических замеров.

Главное внимание археолога, изучающего древние захоронения, направлено на те стороны данного археологического факта, которые можно интерпретировать как результаты ритуальных действий. Не в последнюю очередь исследователя интересует, насколько сильно сгибались конечности умершего, подвергались ли они при этом деформации или нет. Ответ на этот вопрос наряду со многими другими наблюдениями может лечь в основу реконструкции некоторых религиозных, социальных и психологических аспектов жизнедеятельности древнего общества. И ответ этот может быть получен после накопления и систематизации данных об углах сгиба конечностей скелетов в древних погребениях.

Поэтому интересны литературные данные о пределах движения в суставах рук и ног. Г. Ф. Иванов указывал, что в тазобедренном суставе

могут осуществляться «движения в сагиттальной плоскости — сгибание около 121° и разгибание около 15°. При разогнутой в колене конечности дуга сгибания в тазобедренном суставе уменьшается до 80° вследствие тормозящего действия натяжения длинных мышц, расположенных на задней поверхности бедра... Размах же свободного сгибания в коленном суставе в среднем равен 130°» [7, с. 317, 323].

Значительные данные по амплитудам движений в суставах конечностей приведены в книге В. А. Гамбурцева [6, с. 94—140]. Однако они противоречат друг другу (в разных местах книги имеются различные данные). В то же время их отмечает малая вариабельность [6, ср. с. 106, 114—116, рис. 28, 32, табл. 114 и с. 130—133, табл. 25, 26]. Это вынуждает пока с осторожностью относиться к ним и обратиться к другому исследованию, выполненному еще в 1926 г., но не потерявшему своей научной ценности.

Е. И. Синельников [11, с. 175—192], пользуясь методами вариационной статистики, установил пределы свободной подвижности суставов человеческого организма. Нормальной величиной этого признака в результате стала не определенная цифра, а предел колебаний — интервал между наибольшей и наименьшей цифрами, полученными опытным путем. В основу работы Е. И. Синельникова легли результаты измерений здоровых людей, занимавшихся преимущественно физическим трудом, в возрасте от 20 до 50 лет (100 мужчин и 100 женщин). Было установлено, что различия внутри полученных пределов зависят в разной степени от особенностей анатомического строения сустава, от тонуса и развития мускулатуры, от развития подкожного жира, пола, возраста и конституции испытуемых.

По данным Е. И. Синельникова, нормальная подвижность тазобедренного сустава (сгибание при согнутом колене) [2] составляет у мужчин 140—100°, у женщин 142—85°; коленного сустава (сгибание) у мужчин 53—30°, у женщин 57—23°; плечевого сустава (разгибание, т. е. движение назад [3]) у мужчин и женщин 80—40°; локтевого сустава (сгибание) у мужчин 50—30°, у женщин — 47—19°. Е. И. Синельников приводит данные и по другим суставам, но они для археолога не представляют большого интереса [11, с. 178—180].

Предшественники Е. И. Синельникова проводили свои исследования в основном на трупах; сам же он снимал гониометрические данные с живых людей. При этом выяснилось, что, например, данные Р. Фикка (выраженные в определенных цифрах, а не в пределах колебаний) попадают в пределы, вычисленные Е. И. Синельниковым [11, с. 186].

Сразу же необходимо остановиться на вопросе о том, насколько существенны для археологов различия в амплитуде колебаний подвижности суставов у мужчин и женщин. Вероятно, для того, чтобы успешно использовать данные о таких различиях, археологу необходимо иметь квалифицированные определения антропологического материала. Ясно, что такие определения можно получить, если в поле одновременно с археологами работает квалифицированный антрополог. Но такая идеальная ситуация встречается редко, она до сих пор скорее исключение, чем правило.

Следовательно, имеет определенный смысл обобщить данные, полученные Е. И. Синельниковым, и представить более общие пределы, в которые войдут результаты измерений и на мужчинах, и на женщинах. Пределы эти будут следующие: подвижность тазобедренного сустава (сгибание при согнутом колене) 142—85°; подвижность коленного сустава (сгибание) 57—23°; подвижность плечевого сустава (разгибание, т. е. дви-

---

[2] Имеются данные и по сгибанию при разогнутом колене, но хорошо известно, что почти у всех скорченных погребенных ноги были согнуты и в тазобедренных, и в коленных суставах.

[3] Хотя у скорченных погребенных плечевая кость может быть отведена как назад, так и вперед, привожу только эти данные. При движении руки в плечевом суставе вперед и далее кверху пределов подвижности практически нет (180°).

Таблица 3

Степень сгиба ног в тазобедренных и коленных суставах (по данным Е. И. Синельникова), в градусах

Сустав	Мужчины	Женщины	Пол не определен	Степень скорченности
Тазобедренный	>140	>142	>142	Слабая
Коленный	>53	>57	>57	
Тазобедренный	140–100	142–85	142–85	Средняя
Коленный	53–30	57–23	57–23	
Тазобедренный	<100	<85	<85	Спльная
Коленный	<30	<23	<23	

Таблица 4

Степень сгиба рук в плечевых и локтевых суставах (по данным Е. И. Синельникова), в градусах

Сустав	Мужчины	Женщины	Пол не определен	Степень скорченности
Плечевой	<40	<40	<40	Слабая
Локтевой	>50	>47	>50	
Плечевой	80–40	80–40	80–40	Средняя
Локтевой	50–30	47–19	50–19	
Плечевой	>80	>80	>80	Сильная
Локтевой	<30	<19	<19	

жение назад) 80—40°; подвижность локтевого сустава (сгибание) 50—19°.

Что такое пределы нормальной подвижности суставов и в каком смысле они могут быть интересны для археолога? Пределы нормальной подвижности — это гониометрическая (угловая) величина, до которой конечность или ее часть (локоть, бедро и т. п.) может совершать в определенном направлении движение свободно, ненатужно, без применения силы и без таких ненормальных последствий, как растяжения связок и вывихи суставов. Иными словами, это пределы, до которых возможно движение конечностей свободно, без насильственной деформации. То, что эти пределы в исследовании Е. И. Синельникова представлены не в виде одной определенной цифры, а в виде интервала между максимальной и минимальной цифрами, объективно основано на фактах эмпирического исследования.

Скорченные скелеты в древних погребениях, как считает большинство специалистов, являются результатом определенного ритуального обращения с умершим. При этих ритуальных действиях конечности (прежде всего ноги) трупа сгибались, а затем связывались или пеленались с целью зафиксировать скорченное положение тела. Мотивы, которыми руководствовались при этом сородичи умерших, были, как известно, различными. Они определялись двумя факторами: господствовавшими в данной этносоциальной среде представлениями о судьбе умерших и отношением живых к данному умершему человеку. Не останавливаясь на конкретных вариантах этих мотивов и ритуалов, необходимо подчеркнуть, что ритуал мог совершаться двумя путями. Во-первых, конечности могли сгибаться без применения большой силы, т. е. в пределах нормальной подвижности суставов. Во-вторых, конечности могли сгибаться в суставах насильственно, с большой силой, сопровождающейся деформацией суставов или перерезанием мышц и сухожилий. В последнем случае углы сгиба конечностей в суставах должны были отличаться от пределов нормальной подвижности.

Итак, можно предположить, что пределы нормальной подвижности суставов применительно к археологическим исследованиям можно считать пороговой величиной между степенью скорченности, явно не сопровождавшейся насильственным сгибанием конечностей и деформацией суставов, и между такой скорченностью, которую можно было придать трупу,

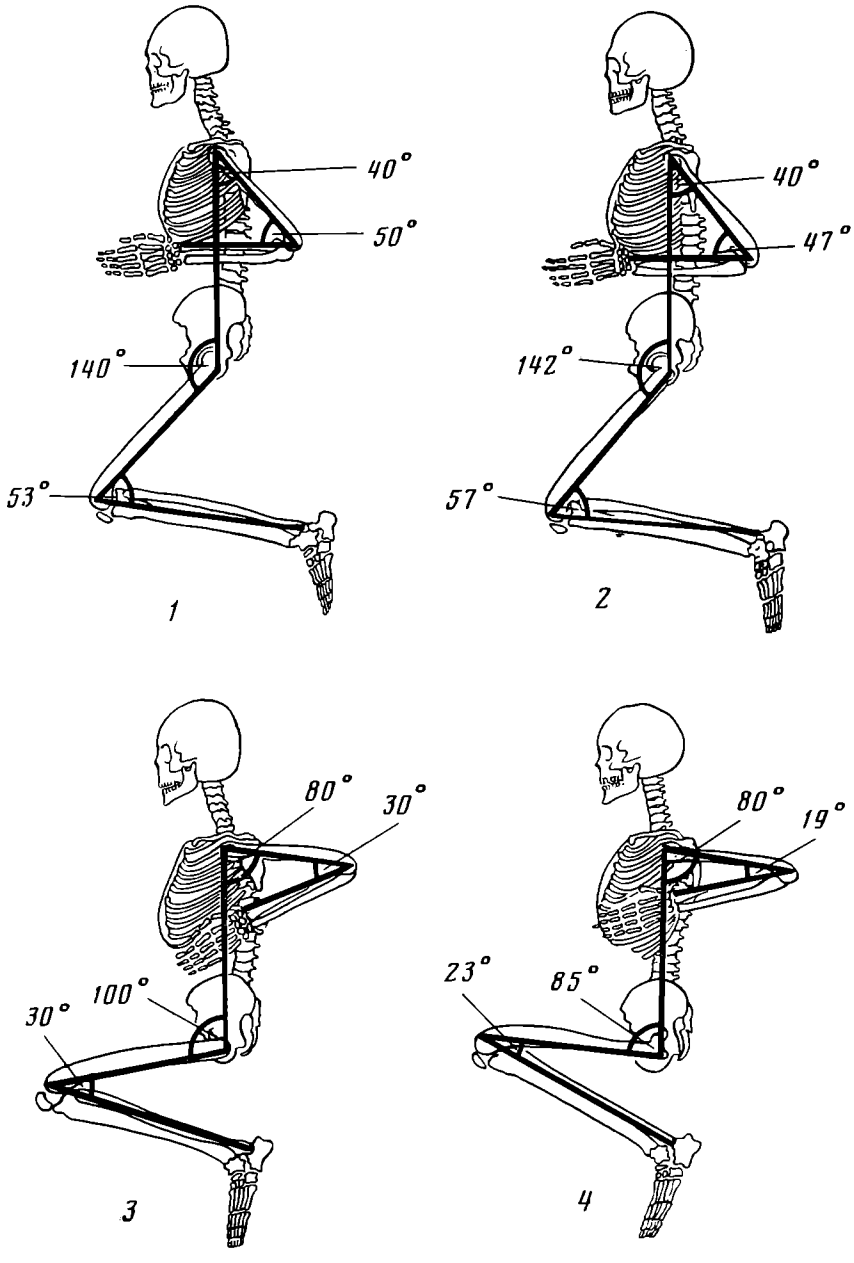


Рис. 5. Схема минимального (*1*, *2*) и максимального (*3*, *4*) пределов нормальной подвижности суставов мужского (*1*, *3*) и женского (*2*, *4*) скелетов (пределы средней степени скорченности)

только применив большую силу, деформировав суставы или перерезав сухожилия и мышцы. Сами же пределы нормальной подвижности суставов являются для археологов тем численным интервалом, где вопрос о деформирующем или ненасильственном характере ритуала останется неразрешенным. Возможна и другая интерпретация: если угол сгиба в суставах лежит в пределах нормальной подвижности, то, возможно, люди, совершавшие ритуал, сгибали конечности умершего до предела нормальной подвижности («до упора») и затем зафиксировали их в таком положении (связав или спеленав), не прибегая по каким-то соображениям к насильственной деформации.

Вновь обратившись к данным Е. И. Синельникова, мы можем определить численные выражения углов сгиба суставов для всех трех ситуаций, соответственно которым можно условно выделить сильную, среднюю и слабую степени скорченности. В табл. 3 систематизированы такие данные

по тазобедренному и коленному суставам как с учетом надежных определений пола погребенных, так и без них. В табл. 4 сведены такие же данные по углам сгиба рук: разгибание (движение назад) в плечевом суставе и сгибание в локтевом суставе. Информация о трех степенях скорченности отражена в удобном для восприятия виде на рис. 5.

В связи с имеющимися данными по плечевому и локтевому суставам стоит отметить, что в литературе и полевых отчетах традиционно степень скорченности определяется по степени согнутости ног. Среди этнографического материала можно обнаружить сведения о том, как придавалось скорченное положение трупу в целом или как при этом насильственно сгибались нижние конечности. Что касается рук, то о них чаще всего сведений мы не находим или находим указания о том, что рукам могло придаваться определенное положение с конкретным смыслом: руки протягивались в каком-то направлении, клались кистями на определенную часть тела, в руки вкладывался какой-либо предмет.

С другой стороны, по археологическим публикациям известна весьма большая вариабельность степени согнутости рук, в том числе у скорченных скелетов. Поэтому можно считать, что и данные об углах сгиба рук могут и должны (хотя бы для полноты картины) фиксироваться.

Предложенные в данной статье приемы изучения погребений со скорченными скелетами не представляют собой целостной законченной методики[4]. Они могут в будущем существенно уточняться и, возможно, стать частью более общего и исчерпывающего методического руководства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
2. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М.: Знание, 1974.
3. *Телегин Д. Я.* Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи европейской части СССР.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы. Киев: Наук. думка, 1976.
4. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
5. *Каменецкий И. С.* Введение.— В кн: *Каменецкий И. С., Смирнов Ю. А., Узянов А. А., Балабина В. И., Державин В. Л., Крайсветный М. И., Савченко Е. И., Семенов А. И., Смирнов А. С.* Отчет Донской экспедиции ИА АН СССР за 1975 г. Т. 1.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6031.
6. *Гамбурцев В. А.* Гониометрия человеческого тела. М.: Медицина, 1973.
7. *Иванов Г. Ф.* Основы нормальной анатомии человека. Т. 1. М.: Медгиз, 1949.
8. *Бунак В. В.* Антропометрия. М: Учпедгиз, 1941.
9. *Крумбигель Г., Вальтер Х.* Ископаемые. Сбор, препарирование, определение, использование, М.: Мир, 1980.
10. Судебная медицина/Под ред. Прозоровского В. И. М.: Юрид. лит. 1968.
11. *Синельников Е. И.* О нормальной подвижности суставов у человека.— Журн. эксперим. биол. и медицины, 1926, т. IV, № 10–11.
12. *Кореняко В. А.* Степное население Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от бронзы к железу (по обрядам погребений). Канд. дис.: ИА АН СССР, 1979.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 2251.

[4] Впервые высказанные здесь соображения были представлены в докладе автора на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 1 ноября 1976 г. (см. также [12, с. 116—121, 263—265]). Предложенная методика уточнялась во время полевых работ Ставропольской экспедиции ИА АН СССР, сотрудникам которой М. Н. Мансветовой, Т. Н. Мишиной, Г. П. Романовой, Н. А. Охонько автор глубоко признателен. Особую благодарность за ценные советы приношу профессору, д-ру биол. наук Е. Н. Хрисанфовой и канд. биол. наук, старшему преподавателю В. З. Юровской (кафедра антропологии МГУ).

V. A. Korenyako

ON THE METHODS OF STUDY OF CROUCHED BURIALS

Summary

The author offers some new methods of study of crouched burials, one of the most widespread ritual of the laying of a body. He says that taking into account recent data of anthropometrics and anatomical goniometry the bend angles of the feet and arms of those buried should be formed by lines running through the following points: the axis of the body runs through the extreme lateral point on the *tuberculum humeri majus* of the upper end of the humerus and the extreme lateral point on the *trochanter major* of the upper end of the femur. The hip axis runs through the extreme lateral point of the *trochanter major* of the upper part of the femur and the extreme lateral point of the *epicondylis lateralis* of the lower epiphysis of the femur. The shin axis runs through the extreme lateral point of the *epicondylis lateralis* of the lower epiphysis of the femur and the lowermost extreme lateral point of the *malleolus lateralis* of the lower epiphysis of the fibula (Fig. 1). The body and the hip axes form a bend angle of the hip-bone. The hip and the shin axes form a bend angle of the knee-point (Table 1). Similar methods are applied to measuring bend angles of the arms of the buried (Table 2). The author indicates the factors hampering the exactness of measurements and leading to errors, gives unmerical estimates for three degrees of the crouch (Tables 3, 4). The lesser degree of the crouch corresponds to bended extremities without any deformation. The greater crouch appeared when joints were deformed or muscles and sinews cut. The middle degree of the crouch is intermidiate between the greater and lesser degrees.

ОНАЙКО Н. А.

О САХНОВСКОЙ ПЛАСТИНЕ

Сахновская золотая пластина была найдена В. Е. Гёзе (поэтому ее иногда называют «пластина Гёзе») еще в 1901 г., во время раскопок курганов на берегу правого притока Днепра — р. Рось (неподалеку от с. Сахновка Каневского р-на). Вскоре появилась информация об этих раскопках [1, с. 209], а затем и публикация пластины [2, с. 273]. Недостаточно ясные обстоятельства находки, а также своеобразная манера исполнения пластины вызвали у М. И. Ростовцева сомнения в ее подлинности [3, с. 13; 4, с. 88, прим. 1; 5, с. 310, прим. 4]. Естественно, это заставляло с большой осторожностью относиться к этому памятнику и других исследователей, тем более что пластина долгое время была недоступна для обозрения. М. И. Ростовцев тоже ее не видел. Сомневаясь в подлинности сахновской пластины, он высказал также ряд ценных наблюдений над особенностями ее композиции. В конечном счете в результате исследования М. И. Ростовцев переменил свою точку зрения и высказал предположение о подлинности пластины, что и позволяет ввести ее в определенный круг памятников северочерноморской торевтики, указывающих на их культовое значение. М. И. Артамонов, не колеблясь в подлинности пластины, использовал ее как один из источников для изучения антропоморфных божеств в религии скифов [6, с. 61].

С. С. Бессонова и Д. С. Раевский в опубликованной недавно совместной статье поставили перед собой задачу — окончательно рассеять сомнения М. И. Ростовцева, а также других исследователей относительно подлинности сахновской пластины [7, с. 39]. О подлинности этой пластины писали Е. В. Черненко и В. И. Клочко [8, с. 270]. Художественно-техническому анализу в работе С. С. Бессоновой и Д. С. Раевского предшествует подробное описание пластины: сохранность, форма, сюжет, техника. Отмечается высокая проба золота. Обращаясь к особенностям композиции в рельефах пластины, С. С. Бессонова и Д. С. Раевский отмечают скученность, нагромождение персонажей (рис. 1). Отсутствие свободы и определенного ритма в расположении сцен и внутри них отдельных фигур, конечно, немаловажный фактор, сыгравший свою роль в сомнениях М. И. Ростовцева, в распоряжении которого были такие сравнительные данные, как высокохудожественные композиции на сосудах типа куль-обского, а также на карагодеуашхской пластине от головного убора. Последней он придавал особенно важное значение. Она и в композиционном решении переданных на ней изображений выше сахновской. На карагодеуашхской пластине представлено четкое деление изображений на отдельные сцены, расположенные в трех ярусах. Наибольшей насыщенностью отличается нижний ярус, но представленные на нем изображения отличаются строгим двухрядным построением [3, табл. II, *1*], в то время как на сахновской пластине некоторые фигуры (вторая справа и стоящая рядом с богиней) кажутся втиснутыми, точно для них забыли отвести побольше места. Стремление показать на одном уровне головы всех действующих лиц (и стоящего во весь рост, и коленопреклоненных) — это, конечно, стремление добиться исокефалии — признак, присущий многим изделиям северочерноморской торевтики с многофигурными композициями. Это может быть тоже одним из критериев подлинности сахновской пластины.

М. И. Ростовцев пишет о «некоторых технических особенностях» сахновской пластины, но, к сожалению, не раскрывает их. С. С. Бессонова и Д. С. Раевский сделали попытку восполнить этот пробел. Ссылаясь на

свои опыты, они полагают, что изображения на этой пластине оттиснуты по рельефу, украшавшему какой-то еще неизвестный нам металлический сосуд типа куль-обского и воронежского. Однако для выяснения техники изготовления золотых рельефов, а в данном случае рельефа на сахновской пластине, главное — понять особенности художественно-технического его исполнения, фактуру оттиска, а не композиционные изъяны и степень мастерства. Пластина отличается сравнительно резко выступающими контурами высокого рельефа, чего не наблюдается на округлых сосудах. На поверхности этого рельефа чувствуется фактура обработанного дерева. А если уж говорить о композиции сюжета сахновской пластины, то она как раз не подтверждает предположения об изготовлении пластины с сосуда. Все известные в настоящее время композиции на сосудах выполнены в лучших традициях классического искусства: отдельные фигуры и группы фигур отличаются спокойным ритмом, строгой закономерностью их расположения. Очевидно, сосудам уделялось больше внимания, их изготавливали мастера высокого класса, не утратившие творческой практики. М. И. Ростовцев не зря подметил близость сахновской пластины с карагодеуашхской, на которой отчетливо видны следы инструмента по дереву. Для оттисков с металлических штампов, которые изготовлялись по восковой модели, характерны более плавные переходы линий рельефа, создающие мягкую светотень, так как восковая модель давала большие возможности для создания высокохудожественных пластических образов. Не следует также забывать, что снятие копии с круглого сосуда на прямую ленту неизбежно оставило бы следы в верхней или нижней ее части в виде вертикальных складок, так как тулово сосуда сужается к горлу и ко дну.

Рис. 1. Сахновская пластина. Золото. Уменьшено

Рельефы сахновской и карагодеуашхской пластин отличаются плоскостностью, отсутствием детальной проработки отдельных элементов изображения. Особенно это относится к сахновской пластине. Так, например, глаза у персонажей этой пластины — без зрачков, а на карагодеуашхской пластине они отмечены точками острым инструментом, что для металлического штампа совершенно исключается. Обобщая, художник стремился показать наиболее характерное в каждом образе и тематической композиции в целом. Эта черта может характеризовать и манеру художника, и его технические средства, которые всегда в известной мере определяют стиль произведения. В данном случае большую роль сыграло дерево — материал, из которого была изготовлена форма. Поэтому вряд ли правомерно говорить о «грубости» сахновского рельефа и уж совсем несправедливо — о «примитивности» переданных в нем изображений.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно всмотреться в оттиск и представить себе, как выглядел его оригинал. Как я пыталась показать на примере куль-обских подвесок, оттиски серийного производства всегда будут казаться грубее оригинала [9, с. 389]. Уверена в том, что оригинал сахновской пластины был незаурядным. Художнику изменило чувство меры в размещении персонажей, но в остальном — в передаче сложных ракурсов, прекрасном знании анатомии человеческого тела — во всем чувствуются навыки пластического мастерства.

Особенно важной деталью, противоречащей заключению С. С. Бессоновой и С. Д. Раевского об изготовлении оттиска сахновской пластины с металлического сосуда, является орнаментальная полоса (три рельефные линии и спускающиеся от них овы), завершающая нижний край пластины. Авторы статьи почему-то о ней умолчали. Такая форма орнаментальной полосы, обрамляющая линию надбровных дуг и спускающаяся в центре к носу в виде острого выступа, характерна исключительно для обрамления налобных лент и никогда в таком виде не встречается на сосудах. Мысль о том, что этот орнамент дополнительно нанесен на пластину, вряд ли правомерна: он неизбежно задел бы изображения ног какого-нибудь персонажа. Более того, нижний край платья богини и изображение предмета, который держит в правой руке стоящий на коленях перед ней скиф, аккуратно доведены до верхнего края центральной части орнаментальной полосы. Таким образом, остается предположить, что все изображения на сахновской пластине — и сюжетная часть, и орнаментальная полоса под ней — составляют одну заранее продуманную композицию, воспроизведение которой было осуществлено только при единовременном ее исполнении. Она была оттиснута скорее всего с формы, специально изготовленной для налобного украшения. Правда, оттиск получился довольно небрежный, но в основе этого художественного произведения чувствуется рука большого мастера.

Манера исполнения мужских образов на сахновской пластине находит близкие аналогии в изображениях так называемых побратимов на фигурных бляшках из Куль-Обы [3, табл. II, *2*]. Поза сидящей богини (вся фигура в три четверти, а голова в фас) близка женским изображениям в меото-скифской скульптуре ([10, рис. 66, 69, 71] и др.). Одежду сахновской богини С. С. Бессонова и Д. С. Раевский справедливо сравнивают с одеждой богини на карагодеуашхской пластине и рельефе из Трехбратнего кургана. Но сравнения с одеждой мерджанской богини и одеждой меото-скифских статуй неправомерны, так как у них греческий хитон и плащ в виде целого куска материи, который покрывал голову, руки и верхнюю часть тулова. Эта одежда отличается и характером драпировок. Нет оснований, как мне кажется, утверждать, что сидящий слева от богини скиф на сахновской, как и на аксютинской, пластине держит скипетр или секиру. На аксютинской пластине скиф, вероятно, держит сложный лук, близкий луку, изображенному на куль-обском сосуде [11, с. 112].

Изображения сидящей на троне богини с предстоящим перед ней скифом, пьющим из ритона, имеются также на золотых бляшках из Куль-Обы и ряда приднепровских курганов [3, табл. II, *4*]. Сидящая на троне

богиня и стоящие по обе стороны от нее скифы[1] (один с круглым сосудом, другой принимает от богини ритон) украшают и упомянутую выше пластину головного убора из Карагодеуашха. Известно, что подобные изображения со времен М. И. Ростовцева определяются как сцены инвеституры [3; 12, с. 38]. Круглый предмет в руках богини на бляшках М. И. Ростовцев предположительно назвал зеркалом, не определив, однако, его значения в акте приобщения богине царя или миста.

М. И. Артамонов видит в подобных сюжетах, в том числе и в изображении на сахновской пластине, сцены жертвоприношений богине и приобщения к ней жертвенным вином. Он пишет: «... жертвоприношение и вкушение жертвенной пищи во всех религиях играет важную роль и вовсе не обязательно связывается с наделением божеством исполняющего этот обряд царской властью. Поэтому нет никаких оснований вслед за М. И. Ростовцевым истолковывать изображения богини с предстоящим как вручение ею власти скифскому царю. В этого рода сценах мы имеем обычное приобщение божеству, получение верующими через вкушение жертвенной пищи божественной благодати или силы, наконец, просто покровительства божества» [6, с. 61]. О значении зеркала в руках богини М. И. Артамонов также ничего не говорит.

Сравнивая подобные сюжеты с зороастрийскими источниками Г. Виденгрен высказал предположение о связи этих сцен с представлениями о загробном мире: стоящий перед богиней скиф — душа умершего, вкушающая напиток бессмертия. Однако Д. С. Раевский справедливо заметил, что в зороастрийских источниках душа умершего представлена перед богиней в виде юноши, что может отвечать изображениям на бляшках, но богиня на них совсем не молодая дева. Более того, на сахновской пластине, подчеркнул он, в аналогичной сцене и скиф, стоящий перед богиней, не юноша, а зрелый мужчина. Сам же Д. С. Раевский, ссылаясь на роль зеркала в свадебной обрядности индоиранских народов, рассматривает этот сюжет как брак царя с богиней, связанный с инвеституриым актом [14, с. 97]. Свадебный обряд, по его мнению, сопровождается жертвоприношениями и возлияниями, посредством зеркала скреплялся союз жениха и невесты. Таким образом, Д. С. Раевский, пытаясь понять значение зеркала в руках богини, расширяет смысловое значение изображений на сахновской пластине.

С. С. Бессонова, возвращаясь к сахновской пластине в своей недавно вышедшей монографии «Религиозные представления скифов»[2], правильно пишет о том, что для раскрытия смысла изображений на этой пластине необходимо прежде всего выяснить значение атрибутов у основных персонажей, действие которых сопровождается пиршеством и жертвоприношением [13, с. 102]. К ним С. С. Бессонова относит зеркало, так называемый кубок в руках богини, и ритон в руках предстоящего перед ней скифа. Начну с ритона. С. С. Бессонова отмечает, что ритоны служили культовыми сосудами в соседней со Скифией Фракии и на Северном Кавказе. Говорить о Фракии как о соседнем со Скифией государстве естественно, но Северный Кавказ ставить в данном случае в ряд с Фракией, мне кажется, нельзя. Как известно, его территория связана с походами скифов в Переднюю Азию, в результате чего какая-то их часть осела там и оставила нам самые ранние богатые курганы. Поэтому неслучайно многие исследователи, особенно в последнее время, включают Северный Кавказ в Скифию. К сожалению, никто до сих пор не изучал в этом плане этот многообещающий для истории ранних скифов район.

Ссылаясь на В. Н. Топорова, С. С. Бессонова считает, что ритон мог играть роль мужского символа, символа совокупления [13, с. 104]. Мне же кажется, что в решении этого вопроса следует опираться прежде всего на памятники собственно скифской художественной культуры и гре-

---

[1] По мнению С. С. Бессоновой, это Диоскуры [13, с. 107].

[2] С этой работой я познакомилась уже после того, как моя статья была сдана в редакцию журнала.

ческие аналогии, поскольку изображения мужских персонажей с ритонами — дело рук греческих мастеров, которые, безусловно, вкладывали в известной мере и свои представления, имевшие много близкого мировоззрению причерноморских скифов. У скифов это так называемые каменные бабы, олицетворявшие героизированных предков, которых ставили на вершинах курганов; у греков, как заметила и С. С. Бессонова, ритон — атрибут героизированных умерших, которых они изображали на предметах торевтики, предназначенных для тех же скифов.

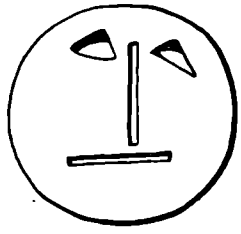


Рис. 2. Схематический рисунок личины на зеркале богини (увеличено)

Сосуды типа кубков изготовлены в традициях местных глиняных сосудов. Культовое их назначение общеизвестно. Как отметила С. С. Бессонова, они связаны «с культом священного напитка, а уже через него — с широким кругом представлений».

Зеркало. Мне кажется, что при анализе семантики зеркала следует исключить аналогии из жизни шаманов у енисейских остяков или среднеазиатских народов и ферганцев, а обратить внимание на более древних иранцев, в том числе его значение в нартском эпосе и, конечно, античной традиции. Последняя приобретает в данном случае особо важное значение, так как изображение зеркала, в отличие, например, от ритона, имеется только на импортных предметах греческого производства (торевтика). Не буду пока затрагивать вопрос о роли зеркала в свадебных обрядах, а подчеркну широкое его использование и у древних иранцев, и у греков в качестве предмета особого назначения, способного «отражать целый мир и предсказывать прошлое и будущее», предмета, «содержащего образ и душу человека», на что обратила внимание и С. С. Бессонова [13, с. 102].

С. С. Бессонова считает, что предстоящий перед богиней скиф держит посох (скипетр под вопросом), но почему-то не относит его к основным атрибутам и, видимо, поэтому не останавливается на его семантике. А между тем это очень важно для определения главного мужского персонажа в рассматриваемой сцене. Д. С. Раевский, например, уверенно называет этот предмет секирой, а скифа — Колоксаем, сочетающимся в браке с богиней.

Осмотрев пластину, я заметила, что на зеркале богини имеется схематическое изображение личины (глаза в виде вдавленных треугольников, нос и рот в виде узких рельефных полос) (рис. 2). В связи с этим мне представляется возможным продолжить поиск атрибуции зеркала сахновской богини, не претендуя на окончательное его решение, хотя бы потому, что мне нигде не удалось найти подобного изображения личины на зеркале. На зеркалах в вазовой живописи греков обычно передавались реалистические изображения смотрящих в них персонажей. На сахновской пластине богиня хотя и держит зеркало в руках, сама в него не смотрит. Более того, она точно отвернулась от зеркала, опустив голову вниз. В зеркало смотрит только скиф, стоящий на коленях перед богиней. Поэтому оно несколько развернуто в сторону скифа и находится на одном уровне с его головой.

Культовое и магическое значение зеркала хорошо известно. Эту роль оно выполняло с древнейших времен у всех народов. Касаясь изображе-

ния богини с зеркалом на бляшках, В. Д. Блаватский заметил, что зеркало «в данном случае выступает как страшное орудие чародейства, а не предмет обихода кокетливой богини» [15, с. 29]. Как магическое средство зеркало применялось в различных случаях и нередко снабжалось надписями. Павсаний в описании Эллады упоминает зеркало дважды. В одном из них оно связывается с культом Деметры. Так, в разделе о Патрах (Ахайя) он пишет: «Перед святилищем Деметры есть источник. Со стороны храма его отделяет целая стена из наваленных камней, спуск к нему сделан с внешней стороны. Тут практикуется верный способ гадания не по всем вопросам, а только по вопросам здоровья. Сюда спускают зеркало, привязав его на тонкую веревку, и, опуская его прямо, стараются не погружать его глубоко в источник, но так, чтобы вода только касалась ободка зеркала. Затем, помолившись богине и совершив воскурение фимиамом, смотрят в зеркало. И оно показывает им болящего живым или мертвым — настолько правдива эта вода». В другом сообщении Павсания (VIII, 37, 7) о значении зеркала говорится: «При выходе из храма (храм Владычицы в Аркадии.— *Н. О.*) справа вделано в стену зеркало; если посмотреться в это зеркало, то свое лицо увидишь в нем или неясно, или совсем не увидишь, но статуи богинь, как самые статуи, так и трон, можно видеть совершенно ясно».

В Северном Причерноморье, в том числе и на варварской территории, найдено много привозных и местных зеркал. Они хорошо разделяются по хронологическим периодам и по типам. Среди них довольно много зеркал в художественном оформлении. К наиболее ранним таким зеркалам относятся херсонское [16, табл. XVIII], анновское [16, табл. XIX, *5*] и келермесское [17, с. 281]. Первые два имеют ручки-подставки в виде женских фигур: на херсонском — скульптурное изображение Кибелы в окружении животных, на анновском — скульптурное изображение Афродиты. Из этих трех зеркал только келермесское может претендовать на его производство в мастерской Северного Причерноморья. Рельефным изображением Афродиты, стоящей на сфинксе, украшена ручка зеркала из кургана у с. Волковцы [16, табл. XIX, *6*].

К зеркалам этого типа примыкают зеркала, ручки которых украшены рельефными изображениями лотоса, розетки, головы Медузы и др. [16, табл. XIX, *4*].

Среди украшений на келермесском зеркале выделяется фигура пантеры, аналогичная знаменитой пантере на бляхе из того же кургана, а также на многочисленных золотых бляшках из других курганов. Со второй половины VI в. до н. э. в Северном Причерноморье появились бронзовые зеркала так называемого ольвийского типа. У основания или на конце их ручек обычно помещены рельефные и скульптурные фигуры пантеры, льва, оленя, кабана, головы барана, а также грифа [16, табл. XIX, *1*, *3*, *8*]. На одном из таких зеркал конца VI — начала V в. до н. э., происходящем из ольвийского некрополя, имеется надпись: «Демонасса, дочь Ленея, радуйся, и (ты) Леней, сын Демокла, радуйся». Поскольку имя Леней соответствует прозвищу Диониса и в надписи имеется восклицание «Эвай» (ликуй, радуйся), характерное для вакхических празднеств, Н. П. Розанова [18, с. 248], издавшая эту надпись, высказала предположение о том, что Демонасса и Леней могли происходить из жреческой семьи, которая имела отношение к культу и празднествам Диониса Ленея.

В VI—V вв. до н. э. и позднее в Северном Причерноморье бытуют и простые зеркала; края их дисков и ручек нередко обрамлялись (гравировка) плетенкой, концентрическими кругами с точкой в центре, просто кругами и т. д. На конце ручек иногда помещалась розетка в той же технике. Для V и IV вв. до н. э. характерны совсем простые зеркала (с костяной, железной или деревянной ручкой) и зеркала, художественно оформленные у основания ручек гравированным орнаментом в виде волют, спиралей, завитков. Зеркала последнего типа в основном привозные [19, с. 42]. Вместе с тем еще и в это время появляются зеркала, на дисках которых имеются изображения (гравировка) животных: оленя,

пантеры и др. К ним относятся пантикапейское зеркало [3] и зеркало из шестого Семибратнего кургана [4]. Здесь же следует упомянуть рельефное изображение животных на обивке ручки зеркала из кургана Куль-Оба [20, табл. 213].

Если обратить внимание на сюжеты украшений северочерноморских зеркал, которые, безусловно, представляли собой образное выражение определенных идей, то можно заметить, что среди них основное место занимает образ Великой богини. М. И. Максимова, изучавшая келермесское зеркало, приводит как пример китайские зеркала IV в. до н. э., на которых имеются и изображения, и пояснительные к ним надписи. Она пишет: «В ... многочисленных китайских надписях отражается вера в магическую силу зеркал, украшенных фигурами фантастических и реальных животных — заступников человека. Сходные представления, надо думать, лежат в основе декорировки и келермесского зеркала. У скифов архаической эпохи еще жива была вера в животных как носителей божественного начала. В данном случае эти малые боги подчинены высшему божеству в человеческом образе — богине Кибеле, пришедшей к скифам из Малой Азии. Звери и звероподобные чудовища, изображенные на зеркале, усиливают его магические свойства, а повелительница всех этих существ богиня Кибела с высокой горы взирает на свое царство и направляет его таинственные силы на благо владельца зеркала — скифского вождя, обеспечивая ему богатство, могущество и счастье» [17, с. 54], одним из источников которого, как известно, было даруемое богиней плодородие. На зеркалах ольвийского типа, продолжавших, видимо, традицию большой идейной роли этих предметов культа в жизни северочерноморских варваров, изображений этой богини нет, но остаются животные — ее инкарнации. Главным из них становится пантера — хищник кошачьей породы в своеобразной трактовке, хищник, занявший свое почетное место еще в декоре келермесского зеркала. Кошачий хищник — древний атрибут богини, изображенный на этом зеркале, связан с древом жизни. С. С. Бессонова справедливо указала на аналогии келермесскому сюжету на луристанских бронзах I тысячелетия до н. э., которые, по мнению многих исследователей, связаны с религиозными представлениями древних иранцев и скифов. Ею высказана также интересная и очень важная для изучения идеологии скифов мысль о том, что «в культе скифской владычицы зверей наиболее древним животным был олень, а кошачий хищник — заимствование из переднеазиатского искусства» [13, с. 82, 89]. К сожалению, эта мысль осталась не раскрытой.

Упомянутая выше надпись на ольвийском зеркале свидетельствует о ритуальном назначении зеркала в честь Диониса, бога плодородия в первоначальном его назначении, затем покровителя виноделия, бога растительности, умирающей и возрождающейся природы, что сближает его с культом Великой богини. В Ольвии существовал также культ Диониса Загрея [21], наличие которого объясняется теми изменениями в греческой религии, которые определялись учением орфиков. По их представлениям, Дионис был сначала рожден Персефоной под именем Загрея, затем растерзан титанами и вновь рожден Семелой. Таким образом, и культ Диониса Загрея, связанный с представлением о жизни и смерти, отвечал определенным проявлениям культа Великой богини. Следует также отметить, что зеркало как один из атрибутов Диониса играло большую роль в обрядности его культа. Оно было одной из трех погремушек, с помощью которых Дионис был обманут и растерзан титанами.

Изображения животных на пантикапейском, нимфейском и куль-обском зеркалах — отзвук устойчивого почитания Великой богини, а вместе с тем и свидетельство принадлежности ей зеркала как атрибута магического гадания. Многие зеркала снабжены знаками сакрального

---

[3] ГЭ, инв. № П.1833.2.
[4] ГЭ, инв. № С. Бр. VI—24.

характера (розетта, лотос, плетенка, концентрические круги и т. д.). В IV в. до н. э. появляются сахновская пластина и бляшки, на которых эта богиня выступает в образе вполне земной женщины с зеркалом в руках, по-видимому, атрибутом ее функций, а не атрибутом сугубо «воспроизводимой ситуации», т. е. свадебного обряда, по Д. С. Раевскому [14, с. 100]. С. С. Бессонова также отмечает, что «зеркало в руках богини на скифских изображениях было, скорее всего, ее постоянным атрибутом, выражением ее функций» [13, с. 103].

Использование зеркала в свадебном обряде и северочерноморскими народами, конечно, не исключено, но в данном случае, как показывает анализ изображений на зеркалах с этой территории, оно могло быть связано и с гаданием на удачное царство, успех, который связывался с представлением о великой силе матери богов, дарующей благополучие. И если иметь в виду только сахновскую пластину, то мнение М. И. Артамонова о том, что здесь мы имеем дело с получением верующими через вкушение жертвенной пищи божественной благодати, представляется вполне вероятным. Как известно, священная трапеза как гарантия бессмертия, а вместе с тем и героизация умершего характерна и для античной религии [13, с. 105]. Однако вряд ли это обычное приобщение божеству, полагает М. И. Артамонов. Дело в том, что изображение на этой пластине по своему содержанию уникально, хотя и содержит уже хорошо знакомый нам мотив сидящей на троне богини с зеркалом и предстоящим перед ней скифом. В отличие от других подобных изображений здесь показано жертвоприношение и возлияние, сопровождаемые музыкой и, возможно, пением. Судя по всеобщему ликованию персонажей, изображенных по обе стороны от богини и скифа, зеркало должно предвещать благополучный исход суеверного гадания. С другой стороны, изображенный на нем лик напоминает посмертную маску с печальным выражением лица. Что это значит? Может быть, это результат неумелого изображения человеческого лица, которое было нанесено уже после того, как пластина вышла из рук настоящего художника? В таком случае лик мог быть нанесен уже в скифской среде. Это тем более вероятно, так как греческий художник мог изобразить реалистически человеческое лицо с любым выражением: спокойным, веселым, трагическим. О том, что в центре композиции изображен не простой скиф, может свидетельствовать его отражение в зеркале богини. Согласно второму сообщению Павсания, божественное зеркало было доступно не всякому смертному.

Иконография сидящей вправо богини с зеркалом в руках известна с древнейших времен. На одном микенском перстне изображены сидящая богиня с зеркалом, а перед ней — стоящая женская фигура с цветком лотоса в левой руке. Правая ее рука поднята вверх в жесте адорации. За богиней стоит алтарь или жертвенный стол [22, табл.2, *21*]. А. Фуртвенглер, описавший эту сцену, называет сидящую в кресле богиню Афродитой, которая, как известно, первоначально была богиней плодородия. На инсигнии высшего должностного лица Дедатоса из Колхиды (V—III вв. до н. э.) изображена в такой же позе богиня растительности с веткой в левой руке и ритуальным сосудом в правой [23, табл. VI, *25*]. Все это может говорить о том, что в основе подобных изображений лежали прежде всего действия, связанные с насущной заботой у всех народов всех времен — с заботой о плодородии — источнике всех богатств и благополучия. Как показывают подобные аналогии, идея культа плодородия не всегда связана со священным браком. Наличие зеркала в руках богини усиливало магическую силу этого акта. Нередко эта тема, по-видимому, перекликалась с актом наделения царской властью, зависимость которой от магического обряда плодородия показал Фрайзер. Таким образом, есть основания предполагать, что рассматриваемые сюжеты, переданные на бляшках и пластинах, могли иметь различные оттенки, подчеркивающие различные функции богини. В Северном Причерноморье эта богиня изображалась в одежде знатных скифянок, а стоящий перед ней человек — также в костюме знатного скифа, таким, каким мы его знаем по другим изображениям в торевтике того же художественного круга.

В отличие от индоиранской традиции образы женских божеств занимают видное место в скифской мифологии. Ж. Дюмезиль склонен видеть в этом «постороннее влияние» [24, с. 55]. А если учесть истоки иконографии центрального мотива в рассматриваемом сюжете, этническую принадлежность художника, выполнившего этот и подобные ему сюжеты, а также легкость отождествления Геродотом скифских божеств с богами эллинского пантеона, то вполне уместно предположить немалую роль в этом северочерноморских греков, в жизни которых женское божество плодородия также играло большую роль. Как предполагает Б. А. Рыбаков, сахновская пластина найдена в тех местах, где хранилось священное золото сколотов, где-то у устья Роси — современной Княжьей горы [25, с. 568] — на территории земледельческих племен.

Попытка С. С. Бессоновой и Д. С. Раевского привлечь для датировки сахновской пластины изображенные на ней сосуды не привела к успеху. Это понятно: сосуды маловыразительны, к тому же та часть пластины, где они изображены, изрядно помята, совместные с ней находки до нас не дошли. В Киевском государственном музее, как любезно сообщила мне Л. Н. Романюк, имеется шесть наконечников стрел IV в. до н. э., найденных в Сахновке [26, с. 63]. По художественно-технической манере исполнения рельефа сахновская пластина, как уже отмечалось, ближе всего к подобным пластинам из Карагодеуашхского, Куль-Обского, Аксютинского и других курганов.

В связи с вопросом о назначении зеркала важно проследить изображение этого атрибута в руках богини на памятниках более позднего времени, например на боспорских стелах. До сих пор этот так называемый круглый предмет называли то гранатом, то культовым сосудом. Е. А. Попова, опубликовавшая недавно рельеф с городища Чайка, относящийся к рубежу н. э., высказала предположение, что стоящая перед всадником богиня держит в руке скорее всего зеркало [27, с. 227].

ЛИТЕРАТУРА

1. АЛЮР. Т. III. Киев, 1901.
2. *Miller A., de Mortillet A.* Sur un bandeau en or avec figures scythes decouvert dans un Kurgan de la Russie Meridionale.— L'Homme prehistorique, 1904, № 9.
3. *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, 1913, вып. 49.
4. *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд.— МАР, 1914, № 34.
5. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Спб., 1914.
6. *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСбГЭ, 1961, вып. 2.
7. *Бессонова С. С., Раєвський Д. С.* Золота пластина із Сахнівки.— Археологія, 1977, вип. 21.
8. *Черненко Е. В., Клочко В. И.* О подлинности золотой пластины из Сахновки.— СА, 1979, № 4.
9. *Онайко Н. А.* Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике (мастера медальонов куль-обских подвесок).— В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.
10. *Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев: Наук. думка, 1961.
11. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
12. *Блаватский В. Д.* Сцена инвеституры на карагодеуашхском ритоне.— СА, 1974, № 1.
13. *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наук. думка, 1983.
14. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
15. *Блаватский В. Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э.— III в. н. э.).— СА, 1964, № 4.
16. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, вып. Д1-27, М., 1966.
17. *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса.— СА, 1954, т. XXI.
18. *Розанова Н. П.* Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
19. *Билимович З. А.* Аттические зеркала в Северном Причерноморье.— В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л.: Аврора, 1973.
20. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Ленинград, 1966.
21. *Русяева А. С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии.— ВДИ, 1978, № 1.
22. *Furtwängler A.* Die Antiken Gemmen. Leipzig — Berlin, 1900.

23. *Лордкипанидзе М.* Колхские перстни-печати V—III вв. до н. э. (вопрос взаимоотношений с греческими мастерами). Тбилиси: Мецниереба, 1975.
24. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
25. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
26. Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899.
27. *Попова Е. А.* Рельеф с городища «Чайка».— СА, 1974, № 4.

N. A. Onaiko

ON THE SAKHNOV PLATE

Summary

Lately, the Sakhnov golden plate, which was considered to be a fake, has been increasingly attracting the attention of researchers. S. Bessonova and D. Raevsky in their article give a detailed description of its subject and offer their version of its technology. Raevsky, in his later monograph, analyses the meaning of the subject. He holds that the plate presents a marriage of a king and goddess and an investitute act. Having analysed the process of imprint and having discovered a human face on the goddess' mirror, the present author throws doubt upon the following points touched on by Bessonova and Raevsky: 1. the imprint was made not from a relief on a vessel, but from a wooden plate; 2. there is no reasons to believe that the mirror held by the goddess is an attribute of a marital rite.

МОГИЛЬНИКОВ В. А.

О ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кулайская культура (V в. до н. э.— IV—V вв. н. э.) — одна из культур таежной зоны Западной Сибири эпохи раннего железа, распространенная в основном в Нарымском Приобье, в последние годы стала объектом пристального внимания исследователей. Характерной ее особенностью являются зоо- и антропоморфные изображения культового назначения, отлитые из бронзы в технике «плоского литья», специфичность которых обусловила выделение особых комплексов кулайского типа [1, табл. I—III], объединенных затем в отдельную, кулайскую культуру [2, с. 223]. Сравнительно недавно были выявлены керамические комплексы, связанные с этим бронзовым литьем, и намечена хронология кулайской керамики [3, с. 51, рис. 24, *17—22*; с. 161—169]. Однако многие проблемы этой культуры еще требуют своего разрешения, в частности определение границ той культуры в различные периоды ее развития, выяснение характера ее взаимоотношений с соседними культурами и ряд других. Сейчас наиболее четко выявлены южные пределы кулайского ареала [5, с. 62, 63].

В настоящей работе мы хотим остановиться на выяснении западных пределов распространения кулайской культуры и связанного с этим вопроса о взаимоотношениях кулайской и саргатской культур. В. Н. Чернецов считал, что кулайская культура распространялась на запад до правобережного Прииртышья [2, с. 223]. Единственным основанием для этого заключения была находка Мурлинского клада на правом берегу Иртыша, ниже устья р. Тары [6, табл. XI—XII]. Наряду с этим распространение по Иртышу памятников саргатской культуры до района устья Тобола [7, рис. 1] затрагивало проблему взаимодействия кулайского и саргатского населения в Тарско-Тобольском Прииртышье и допускало возможность исключения этого района из ареала кулайской культуры. Слабая изученность памятников раннего железного века в Прииртышье, ниже устья р. Тары, пока по-прежнему затрудняет решение этих проблем. Однако в последнее время получены новые материалы, свидетельствующие о распространении кулайской культуры во второй половине I тысячелетия до н. э. до Иртыша и даже на его левобережье, затем в первой половине I тысячелетия н. э. отдельные ее памятники достигают р. Ишима [8, табл. IV, *1*].

Для определения времени обитания кулайского населения в Тарско-Тобольском Прииртышье большой интерес представляет материал Богочановского городища, расположенного в Знаменском районе Омской области, у оз. Ныр, на мысу высокой надпойменной террасы левого берега Иртыша, около дер. Богочаново. Памятник многослойный. Наряду с материалом эпохи поздней бронзы, единичными находками саргатской керамики (в том числе саргатского остродонного сосудика) здесь обнаружен комплекс материала кулайской культуры. С ним связаны контуры наземного прямоугольного жилища размером 3,8—4×6 м, пол которого находился на уровне материка, почти не врезаясь в него. Учитывая, что ко времени возникновения поселения кулайской культуры на площадке городища отложился культурный слой эпохи бронзы, можно предполагать, что основание жилища было углублено в грунт на глубину около 0,3—0,35 м от поверхности почвы, а бóльшая часть его стен поднималась над поверхностью земли. В западной стене постройки был устроен коридорообразный выход длиной 2,5 м, конусовидной формы, с постепенно увели-

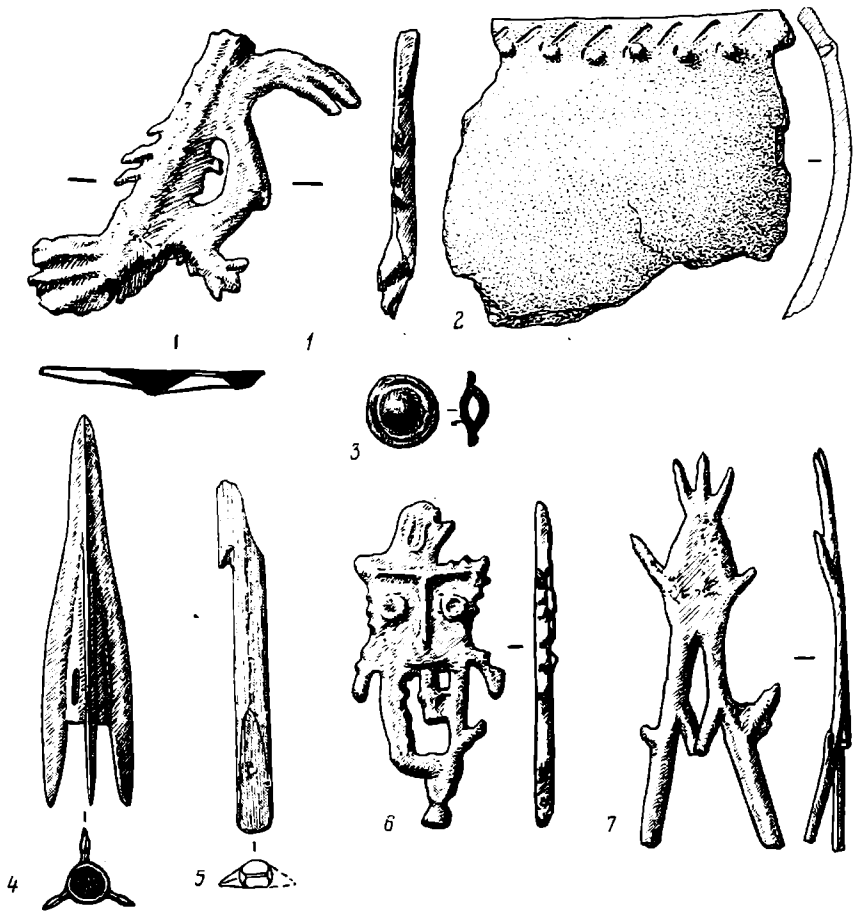


Рис. 1. Богочановское городище. *1*, *3*, *4*, *6*, *7* — бронза; *2* — глина; *5* — кость

чивавшейся шириной от 0,8 м у наружного края до 1,5 м у стены жилища.

Вдоль северной стенки жилища, от его северо-восточного угла, проходила полоса из сгнивших органических остатков (дерево?) длиной 3,9 м, шириной 0,4—0,5 м,— вероятно, остатки стены. Песчаный грунт обусловил плохую сохранность органики. В полу жилища, ближе к южной стенке, в яме глубиной до 0,3 м, находился открытый очаг размером 1,3×0,75 м. О конструкции стен жилища судить трудно. Вероятно, с ними связаны столбовые ямы, три из которых находились у северо-восточного угла жилища, и еще три — вдоль его южной стенки. Диаметры столбовых ямок 0,15—0,2 м, углубление в материк — 0,1—0,4 м.

Помимо основного в жилище прослежено два дополнительных очага меньшего размера. Один диаметром 0,65 м, с толщиной слоя 0,1 м, помещался в расширении входа в жилище, а другой — размером 0,3×0,25× ×0,05 м — был почти в середине, ближе к задней его стенке.

В культурном слое заполнения жилища и рядом с ним обнаружены керамика и вещи кулайского типа. К ним принадлежат крупный бронзовый литой втульчатый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 1, *4*), два литых бронзовых антропоморфных изображения (рис. 1, *6*, *7*), бронзовое литое птицевидное изображение (рис. 1, *1*), умбоновидная бляшка, отлитая из белой бронзы (рис. 1, *3*), обломок костяного полированного черешкового наконечника стрелы, грани которого оттянуты в шипы (рис. 1, *5*). Все бронзовые зоо- и антропоморфные изображения отлиты в односторонних формах. Поверхность их грубая и не подвергалась последующей обработке, что характерно для бронзовых фигурок плоского литья кулайской и усть-полуйской культур. Схематичное антропоморфное изображение с трехрогим завершением (рис. 1, *7*), возможно, в трехрогом

головном уборе, стилистически несколько напоминает древовидных идолов Урала и Западной Сибири, а также целый комплекс зоо- и антропоморфных изображений с трехрогими завершениями, датируемых концом I тысячелетия до н. э. — I тысячелетием н. э. [9, рис. 4, 7, 9, 14, 15, 53, 422, 424, 425, 445]. Принимая во внимание многочисленность фигур с трехрогим завершением, можно предполагать какое-то магическое значение числа 3. Вспомним трехголовые фигурки птиц [9, рис. 276, 300], строенные изображения медведя и его голов на бляхах [9, рис. 370, 376], строенные антропоморфные изображения ([9, рис. 4, 12, 38, 53, 104, 110, 159, 177, 184, 186—188] и др.). Причем эти строенные фигуры представлены в различных местах таежной зоны Урала и Западной Сибири.

Полных аналогий фигурам, найденным на городище (рис. 1, *1*, *6*, *7*), нет, что объясняется отсутствием стандарта в их изготовлении. Однако в целом стиль их изображения свойствен кулайским предметам. Изображение птицы (рис. 1, *1*) дано в профиль, что присуще кулайским зооморфным поделкам [1, табл. 1]. Антропоморфное изображение (рис. 1, *6*) характеризуется непропорционально большой головой, малыми размерами туловища и конечностей, показанных схематично. В области груди дана «линия жизни». Глаза, рот, нос, брови переданы рельефными валиками. Нос с бровями образует характерную Т-образную фигуру. Над головой имеется дополнительная, неудавшаяся при отливке деталь. Аналогичные черты типичны для кулайских антропоморфных изображений [1, табл. III, *1*, *2*, *4*; 3, рис. 22, *7*]. Бронзовый втульчатый наконечник стрелы с лопастями, переходящими в оттянутые шипы (рис. 1, *4*), является типично кулайским. Такие наконечники представлены в комплексах IV—II вв. до н. э. на широкой территории, от Приуралья до Прииртышья и Приобья [10, табл. XIII, *5*; 11, рис. 30, *1*, *2*; 6, табл. XI, *1—4*; 12, рис. 6, *5*; 1, табл. III, *9*; 5, табл. IX, *1—13*]. Столь широкое распространение свидетельствует о том, что бронзовые наконечники стрел кулайского типа как боевое оружие использовались разными племенами лесной полосы Урала и Западной Сибири, рано начавшими применять сложные луки и стрелы с крупными тяжелыми наконечниками. Позже II в. до н. э. такие наконечники стрел кулайского типа, по-видимому, выходят из употребления [13, с. 88], их заменяют железные наконечники. Указанная дата кулайских наконечников стрел определяет время бытования бронзовых литых предметов кулайского типа с Богочановского городища (рис. 1, *1*, *6*, *7*) в пределах IV—II вв. до н. э.

С бронзовыми кулайскими предметами соотносится обнаруженный на городище комплекс керамики (рис. 1, *2*; 2). Посуда лепная, изготовлена из глины с примесью песка и мелкого шамота, поверхность заглажена пучком травы или гребенчатым штампом и затем затерта мягким предметом. Сосуды круглодонные, по форме делятся на два основных типа: 1 — горшковидные сосуды со слабовыраженной короткой шейкой и вертикальным, слегка наклоненным во внутрь или наружу венчиком (рис. 2, *1—6*, *8*); 2 — чаши без выраженной шейки с наклоненным во внутрь краем (рис. 1, *2*; 2, *7*, *9*). Венчики их плоские, округлые или оттянуты наружу (рис. 1, *2*; 2). Абсолютное большинство керамики орнаментировано. Орнамент покрывает верхнюю часть сосудов. Характерен ряд ямок или жемчужин вдоль венчика, часто чередующихся друг с другом (рис. 2, *3*, *7*, *9*). Представлены узоры в виде горизонтальных рядов наклонных насечек или елочки, выполненных зубчатым штампом и, реже, простой насечкой (рис. 1, *2*; 2, *3—6*, *8*), располагающиеся вдоль венчика, по шейке и плечикам, а также горизонтальные оттиски длинной мелкозубой гребенки, сочетающиеся с наклонными отпечатками, образующие подобие узора типа взаимопроникающих треугольников (рис. 2, *7*). Небольшое количество сосудов украшено по шейке и плечикам прочерченной волной и горизонтальными линиями (рис. 2, *1*, *2*). Плоский край венчика также орнаментировался оттисками штампа, насечкой или ямочными вдавлениями (рис. 2, *3*, *4*, *6*, *8*). В целом орнаментация посуды разнообразна и индивидуальна в каждом отдельном случае при сохранении указанных элементов орнамента и орнаментальных композиций.

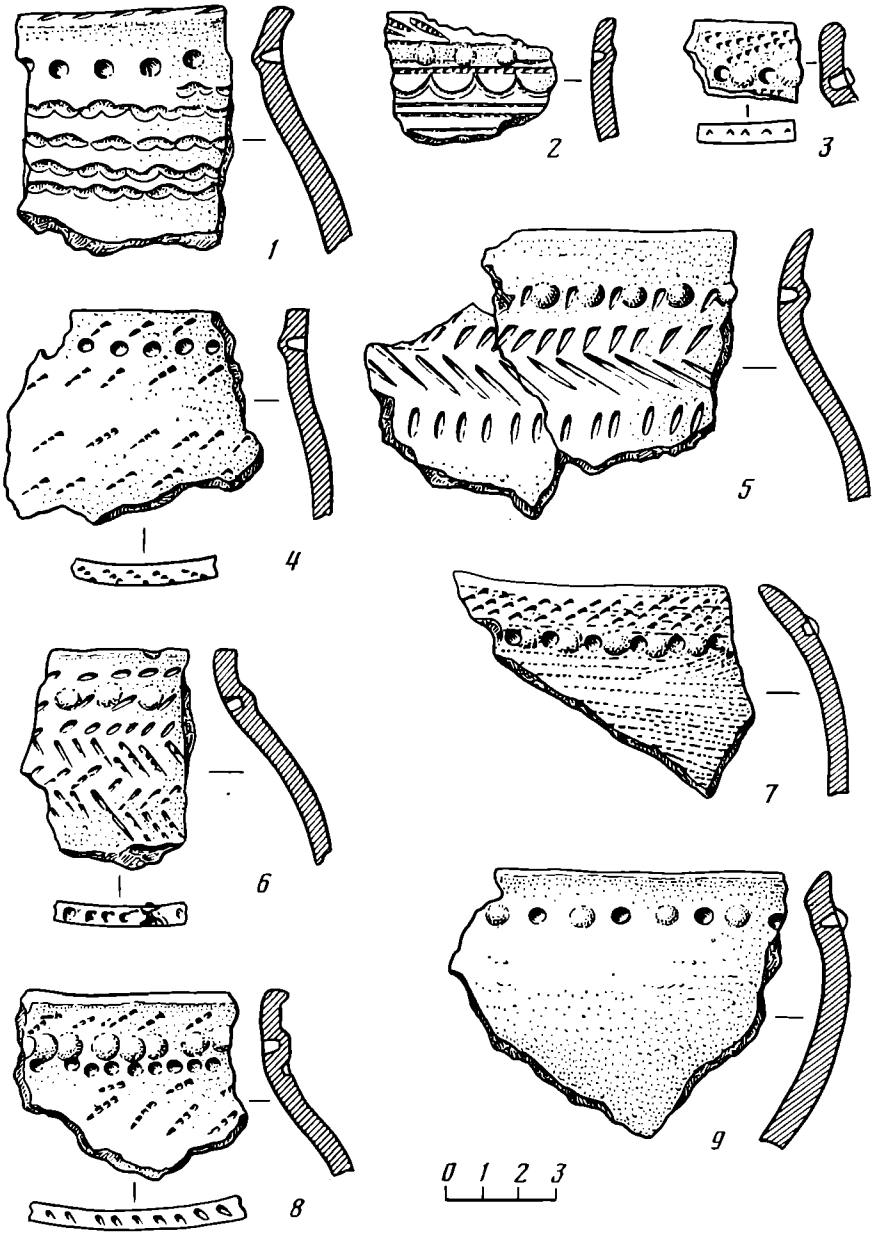


Рис. 2. Богочановское городище. Керамика

Комплекс керамики с Богочановского городища, несмотря на некоторое своеобразие, сближается с керамикой васюганского типа кулайской культуры [4, табл. I, *7*, *9*, *11*], а также, но в меньшей мере, с посудой памятников района Сургута второй половины I тысячелетия до н. э. [14, рис. 7, *4*; 15, рис. 2, *8;* 4, *7*), которая, со своей стороны, также обнаруживает близость с посудой кулайской культуры [14, с. 117].

Приведенные параллели позволяют относить комплекс материала с Богочановского городища к васюганскому этапу кулайской культуры, датируя его на основании приведенных выше аналогий наконечникам стрел кулайского типа IV—II вв. до н. э., хотя в принципе не исключается дата V—III вв. до н. э. Такое заключение следует из архаичности представленной на Богочановском городище керамики, выражающейся в отсутствии на ней штампа типа «уточки», характерного для позднего, саровского, этапа кулайской культуры и посуды переходного периода от васюганского к саровскому этапу [4, табл. I, *3*, *6*, *8*, *10*; табл. II]. Последний можно датировать III—II вв. до н. э., исходя из датировки керамики могильника Каменный Мыс, где широко представлена посуда подобного облика [5, табл. XVII, *12*, *25*, *26*].

Кроме Богочановского городища аналогичная керамика в Тарско-Тобольском Прииртышье известна на правом берегу Иртыша на Безымянном II городище [16, с. 88], напротив г. Тары, на поселении Зимняя I [17, рис. 9, *13*, *16—19*; 10, *1*], на Красноярском городище около устья р. Ишим [18, рис. 65, *3*], на Ивановском городище в районе г. Тобольска [19, табл. 6, 7, 10]. Локализация указанных памятников позволяет придерживаться мнения, что кулайское население во второй половине I тысячелетия до н. э. распространялось по южно-таежной зоне в Тарско-Тобольское Прииртышье, по правобережью Иртыша ниже устья р. Тары и даже переходило на левый берег Иртыша (Богочановское городище). В это время, вероятно, западная граница ареала кулайской культуры шла в основном по Иртышу.

В связи с этим встает вопрос о характере взаимоотношений в этом районе саргатского и кулайского населения и о разграничении их ареалов в этой части Прииртышья, поскольку известно, что саргатские памятники в Прииртышье доходили до Тобольска [7, рис. 1]. В решении этой проблемы помимо констатации локализации памятников названных культур надо учитывать экологические условия региона.

Правобережье Иртыша, к северу от устья р. Тары, занято южной зоной тайги, а размер поймы с ее пастбищами относительно невелик и ограничен во многих местах выходящим к руслу реки обрывом высокого, до 40 м над урезом воды, коренного берега, тянущимся вдоль реки подчас на десятки километров. К тому же этот берег к северу от устья Тары покрыт тайгой и вдобавок иссечен длинными оврагами с крутыми склонами. Эти обстоятельства создавали неблагоприятные условия для обитания к северу от р. Тары саргатского населения с его преимущественно скотоводческим характером хозяйства. К тому же передвижение здесь со стадами на значительные расстояния было сильно затруднено.

Иное дело на левобережье Иртыша, где лесостепь заходит значительно дальше, почти на 200 км, к северу, а площадь поймы существенно больше, так как коренной берег здесь обычно отстоит далеко от русла реки. К тому же он здесь невысок, остепнен, не имеет длинных глубоких оврагов и легко проходим. Все это создавало благоприятные условия для занятия скотоводством и продвижению по левобережью саргатского населения далеко на север.

Эти наблюдения в известной степени согласуются и с локализацией саргатских памятников, хотя следует напомнить, что эти районы археологически еще слабо исследованы и число выявленных памятников пока невелико. На правобережье Иртыша, к северу от устья р. Тары и почти до Тобольска памятники саргатской культуры пока почти неизвестны. Единичные фрагменты саргатской, вероятно, керамики с резным орнаментом по шейке найдены на Новоникольском I городище около Усть-Ишима [20, рис. 30, *2*] и ряд памятников известен близ Тобольска, на правом берегу Иртыша (Ивановское городище и курганы, Потчевашские курганы [19, с. 21; табл. V, *3*; VIII, *9*, *10*; 21). На левобережье Иртыша, к северу от устья р. Тары, саргатский материал прослежен как примесь на Богочановском городище, в курганах Кип [22, рис. 24, 32, 33], на поселениях Тюрмитяки V [23, рис. 19, *6*, *8*), близ устья р. Ишима, и Нирда I близ Тобольска [24], в Тюковском и Савинском курганах [21, с. 217, 218, табл. XVII].

Вероятно, саргатское население, редкое, судя по малочисленности памятников, занимало в основном левобережье Тарско-Тобольского Прииртышья, и только отдельные его группы попадали на правый берег в наиболее пригодные для занятия скотоводством места. Таким местом было большое расширение поймы правого берега Иртыша на месте расположения современного г. Тобольска. Не исключено, что в район Тобольска саргатское население могло проникать и по р. Тоболу.

Правобережье Иртыша, почти не освоенное саргатским населением в районе ниже устья Тары, во второй половине I тысячелетия до н. э. было занято населением кулайской культуры, по-видимому относительно малочисленным, ведущим в основном охотничье-рыболовческое хозяйство,

для занятия которым здесь были благоприятные условия. Малочисленность саргатского населения в этой части Прииртышья создавала условия для проникновения кулайцев на левобережье Иртыша (Богочановское городище) и взаимодействия их с саргатским населением.

В целом к концу I тысячелетия до н. э. саргатское население отодвинулось к югу от северных границ прежнего ареала расселения, вероятно, до широты Тары, по-видимому, во всем Прииртышье и Притоболье. Об этом свидетельствует и датировка всех наиболее северных памятников саргатской культуры (Тюковский, Макушинский, Мысовской курганы) [21, табл. XVII; 25, с. 186; 26, с. 9] временем не позже второй половины III—II в. до н. э., тогда как памятники второй половины II в. до н. э.— II в. н. э., относящиеся к периоду расцвета и консолидации этой культуры, здесь отсутствуют.

Отступление саргатского населения к югу в конце I тысячелетия до н. э. было вызвано, по-видимому, не столько давлением лесного населения, сколько ухудшением в это время природно-климатических условий, возрастанием влажности в таежной зоне и северной лесостепи и связанным с этим ростом болот, вследствие чего происходило заболачивание поймы и ровных участков террас и вызываемое этим сокращение участков пастбищ, необходимых для скотоводов-саргатцев. Этот процесс констатирован рядом исследователей. На это же явление, по-видимому, указывает большое количество остатков древесины и угля хвойных пород, в частности кедра, обнаруженное среди образцов с саргатских памятников лесостепи (Богдановских, Кокоиовских курганов и др.) [1].

Отступление саргатского населения к югу от северных пределов своего ареала и постепенная диффузия кулайцев во второй половине I тысячелетия до н. э. подготовили почву для полного заселения Тарско-Тобольского Прииртышья лесными племенами в первой половине I тысячелетия н. э.

Следы кулайской инфильтрации отмечены на целом ряде лесостепных памятников саргатской культуры правобережного Прииртышья, датируемых IV—III вв. до н. э. и в большей степени III—II вв. до н. э. [13, с. 86, 87]. Они документируются находками бронзовых блях и керамики с S-видным штампом на саргатских поселениях и в погребениях (Кокоиовское поселение, Каргановское, Богдановское, Карташовское, Вознесенское городища; Богдановские, Карташовские курганы) [27, рис. 10, *12*; 28, рис. 1, *9*; 29, рис. 4; 30, с. 219], при общем преобладании на этих памятниках саргатского инвентаря и саргатского ритуала захоронения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мягков И. М.* Древности Нарымского края (В собрании Томского краевого музея).— Тр. ТКМ, 1929, т. 11.
2. *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье.— МИА, 1953, № 35.
3. *Косарев М. Ф.* К вопросу о кулайской культуре.— КСИА, 1969, вып. 119.
4. *Чиндина Л. М.* Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа.— ИИС, 1973, № 7.
5. *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979.
6. *Чернецов В. Н.* Бронза усть-полуйского времени.— МИА, 1953, № 35.
7. *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре.— ПАДИУ. М., 1972.
8. *Акишев К. А.* Памятники старины Северного Казахстана.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7.
9. *Спицын А. А.* Шаманские изображения.— ЗОРСА, 1906, т. VIII, вып. 1.
10. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.
11. *Канивец В. И.* Канинская пещера. М.: Наука, 1964.
12. *Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972.

[1] Определения Г. Н. Лисицыной в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР.

13. *Могильников В. А.* К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978.
14. *Елькина М. В.* Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье.— В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1977.
15. *Чемякин Ю. П.* Городища Барсов Городок 1/13 и 1/14.— В кн.: Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981.
16. *Чернецов В. Н.* Результаты археологической разведки в Омской области.— КСИИМК, 1947, вып. XVII.
17. *Косарев М. Ф.* Отчет о раскопках Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции поселения Зимняя 1 в Знаменском районе Омской области летом 1974 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6222.
18. *Могильников В. А.* Отчет о работах Иртышского отряда в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3325.
19. *Могильников В. А., Сыркина И. А.* Отчет о раскопках Ивановского городища в 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4373.
20. *Могильников В. А.* Работы Иртышского отряда.— КСИА, 1963, вып. 94.
21. *Мошинская В. И.* Городище и курганы Потчеваш.— МИА, 1953, № 35.
22. *Коников Б. А.* Охранные раскопки памятников в районе д. Кип Тевризского района Омской области в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7945б.
23. *Симонов В. В.* Отчет о разведках в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6772.
24. *Косарев М. Ф.* Работы Западносибирского отряда.— АО-1981. М., 1983.
25. *Дмитриев П. А.* Мысовские стоянки и курганы.— ТСА РАНИОН, 1929, т. IV.
26. *Викторова В. Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1969.
27. *Могильников В. А.* Раскопки 1967 г. в Кокоповке.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972.
28. *Могильников В. А.* Работы в Омском Прииртышье.— ИИС, 1974, № 15.
29. *Соболев В. И.* Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н. э.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.
30. *Могильников В. А.* Работы Алтайской экспедиции.— АО-1981, М., 1983.

V. A. Mogilnikov

ON THE WESTERN BOUNDARY OF THE KULAI CULTURE

Summary

Using the material from the Boguchan fortified settlement on which he carried archaeological research, the author raises the problem of considering the right bank of the Tara-Tobol interfluve up to the Irtysh to be a region of the Kulai culture. The author also discusses the fact that individual groups of the Kulai population in this region crossed, in the second half of the 1st millennium B. C., to the left bank of the Irtysh. He thinks that the Kulai population in this region was not numerous and that it came into contact with the Sargatskoe population. The latter lived on the left bank of the Irtysh, which was more suitable for cattle breeding and crossed to the right bank in few suitable places. By the end of the 1st millennium B. C. the Sargatskoe population had shifted to the south due, probably, to some ecological factors. The appearance of the Kulai population in the Irtysh basin and on its left bank served a basis for the development of the Tara-Tobol area by the forest population in the 1st millennium A. D.

КРОПОТКИН А. В.

К ВОПРОСУ О ПЛЕМЕННЫХ ЦЕНТРАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Планомерное изучение памятников черняховской культуры, особенно в последние два десятилетия, позволило приступить к разработке таких проблем, как этническая история, экономика, социальная организация племен Восточной Европы II—V вв. н. э. Однако количество раскопанных памятников еще невелико, степень их исследованности явно недостаточна сравнительно с огромной территорией распространения памятников черняховской культуры. Многие узловые проблемы истории племен Восточной Европы II—V вв. н. э. еще далеко не решены.

В настоящей статье остановимся на важном вопросе, касающемся выделения племенных и межплеменных центров у населения, обитавшего в ареале черняховской культуры.

Характер экономики, общественных отношений и социальных институтов племен черняховской культуры большинство исследователей обычно определяло в целом [1, 2]. Рассматривалась вся возможная сумма экономических и социальных явлений (несомненно даже разновременных), в результате чего создавалась общая усредненная модель уровня развития черняховского общества. Однако если даже придерживаться наиболее узкой даты, предложенной М. Б. Щукиным, и считать, что черняховская культура существовала немногим более 150 лет (со второй половины III в. н. э. до начала V в. н. э.) [3, с. 8—13; 4, с. 87], то становится ясно, что и за этот промежуток времени происходили существенные изменения в жизни черняховских племен [1].

Хронологическая классификация черняховских поселений в лучшем случае позволяет выделить ранние (конец II—III вв.) и поздние (III — начало V вв.) памятники [5, с. 248—252]. Такая классификация, оперирующая периодами в два столетия, не дает возможности достаточно убедительно проследить динамику жизни черняховцев, т. е. хронологически расчленить различные экономические и тем более социальные явления разных регионов черняховской культуры. Необходимо подчеркнуть и то, что черняховские поселения и отдельные объекты на них, как правило, датируются исследователями временем существования черняховской культуры в целом. Поэтому немногочисленные письменные источники, несмотря на их неопределенность и фрагментарность, приобретают для темы данной статьи особую ценность.

Археологические и письменные источники свидетельствуют, что во второй половине II — начале III в. произошло передвижение населения из районов Северо-Восточной и Восточной Польши в степные и лесостепные районы Северного Причерноморья [6, с. 89—98]. Как считает М. Б. Щукин, «можно думать, что это была не миграция, а микромиграция, т. е. движение отдельных сравнительно небольших и разных по своему характеру групп населения» [7, с. 81]. Приток населения из этих районов имел место и в последующие десятилетия, вплоть до конца III—начала IV в. н. э. [7, с. 80].

Мы не располагаем сведениями о том, как (мирно или в бесчисленных военных столкновениях) происходило оседание нового населения,

[1] Следует отметить, что, по мнению большинства исследователей, памятники черняховской культуры появляются уже в конце II в. н. э. и в целом хронологически соответствуют двум последним столетиям позднеантичной цивилизации (III—IV вв. н. э.).

каким образом взаимодействовали местные и пришлые племена, какую роль играла та или иная этническая группа в сложении новой культуры. Однако известно, что в начале III в. н. э. резко обострилась военно-политическая обстановка на Придунайской границе Римской империи и в Северном Причерноморье. В Приднепровье и Поднестровье сложились обширные и могущественные союзы племен, начавшие активные военные действия против Римской империи и античных государств Северного Причерноморья. С начала 30-х годов III в. н. э. различные союзы «причерноморских» племен вторгаются в римские провинции, захватывают и разрушают Истрию, Тиру, Ольвию, Танаис, города и сельские поселения Западной Таврики и Боспорского царства [8, с. 124—130; 9].

В 269 г. могущественный союз племен Северного Причерноморья начинает новое грандиозное наступление к берегам Эгейского и Средиземного морей, вторгается в римские провинции Мезию, Фракию и Македонию. Однако римские войска императора Клавдия II наносят сокрушительное поражение варварам, вынуждая их отойти за границы империи.

Война 269—270 гг. не была последней на Дунайской границе Римской империи, но, несомненно, она явилась кульминационным моментом всех войн причерноморских племен с Римской империей в III в. н. э. После этой войны борьба причерноморских племен идет по нисходящей линии и к концу III в. окончательно затихает [9, с. 125—143]. С этого времени начинается период относительной стабилизации в отношениях Рима с племенами Северного Причерноморья, именно в это время мы видим черняховскую культуру в ее классическом сложившемся виде. Войны Северо-Причерноморского союза племен с Римской империей и государствами Северного Причерноморья имели огромное историческое значение и привели к существенному изменению политической, экономической и этнической ситуации в Юго-Восточной Европе. В результате военных действий была подорвана мощь античных причерноморских государств. Одни из них перестали существовать, другие переживали тяжелый экономический и политический кризис [10, с. 110]. Могущественная Римская империя вынуждена была оставить провинцию Дакию, на территорию которой продвинулось «варварское» население. С этого времени граница Римской империи вновь проходит по Дунаю, а на территории Дакии появляются многочисленные памятники черняховской культуры [11, с. 263—281].

В результате военных действий существенные изменения произошли и внутри союзов причерноморских племен. В ходе совместной борьбы окрепли связи между племенами, участвовавшими в военных действиях. «Разноэтничные участники походов на Афины и Филиппополь, растерявшие в перипетиях военной жизни традиции своих племенных культур, были подготовлены к быстрому восприятию элементов культуры не только своих товарищей по оружию, но и своих противников» [7, с. 84]. Активному восприятию античной культуры способствовало и то, что в состав военного союза причерноморских племен вошли многие античные города Северного Причерноморья, а после 271 г. и Дакии.

Исследования, проведенные в Тире, например, показали, что город не был полностью разрушен во время готского разгрома в 30-е годы III в. н. э. и продолжал существовать во второй половине III—IV в. н. э. Установлено, что с середины III в. н. э. в нем возобновляется каменное строительство, возникают новые постройки на развалинах римской цитадели [12, с. 20—42; 13, с. 45—49]. По свидетельству румынских археологов, в Дакии, после того как римляне ушли из провинции, остается значительное, уже сильно романизированное население [11, с. 216]. Включение экономически развитых полисов и территорий в состав союзов причерноморских племен, как и захват и использование пленников (в том числе и ремесленников) существенным образом стимулировали развитие экономики племен черняховской культуры. Письменные и археологические источники свидетельствуют о том, что пленные мастера принимали участие в строительстве флота при подготовке похода 257—258 гг. (Zosim., Hist. nova, I, 34, 1) и, по всей вероятности, других морских

предприятий, что выходцы из античных городов и римских провинций попадали в глубинные районы Европейской Сарматии, где использовался их труд и знания [14, с. 214; 15, с. 230—242].

Предполагают, что техника производства черняховской гончарной посуды была заимствована из античных центров [16, с. 25]. Быстрое распространение гончарного круга в Поднестровье и Приднепровье в III в. н. э. было вызвано не только экономическими связями с Римской империей, но и использованием труда пленных ремесленников [10, с. 110]. «Варвары» восприняли и использовали достижения античного военного дела, совершенствуя свое военное искусство и боевую технику [17]. Известно, что они использовали осадные машины при взятии городов (Dexip. fragm. 20 (ECH III); Amm. Marc., XXXI, 16, 7). Продолжали сохранять свое значение традиционные торговые связи Восточной Европы с Южным Причерноморьем и римскими провинциями, роль которых в торговле с середины III в. н. э. возрастает в связи с разгромом в 30-е годы III в. н. э. ряда причерноморских городов.

Вероятно, более значительными были социальные последствия варварских войн, в ходе которых усилилась и укрепилась власть военных вождей и племенной знати. В настоящее время трудно достаточно убедительно и полно восстановить процесс взаимовлияния и взаимодействия античной и варварской цивилизаций. Однако несомненно, что воздействие античного мира усиливало и ускоряло процесс сложения новой культурной общности, и можно с уверенностью предположить, что именно в эту бурную эпоху завершается формирование качественно нового культурно-хозяйственного единства.

Племена черняховской культуры достигают к этому времени относительно высокого уровня развития экономики и социальных институтов. Основу экономики составляло развитое земледелие и скотоводство. Жители черняховских поселений использовали железные пахотные орудия (рало различных типов, в том числе с чересло́м) при обработке земли, культивировали пшеницу, ячмень, овес, просо, гречиху, горох и другие культуры [2, с. 44, 45; 14, с. 123—132]. Уже существовали сложившиеся сорта зерновых культур [14, с. 131]. На ряде черняховских поселений обнаружены крупные зернохранилища [14, с. 134, 135]. Все это свидетельствует о высокой продуктивности земледелия. Значительное место в хозяйстве черняховцев занимало и скотоводство. По мнению В. И. Цалкина, в стаде большинства черняховских поселений преобладал крупный рогатый скот [18, с. 77, 78].

Черняховские ремесленники варили железо и достигли высокого мастерства в кузнечном деле при обработке железа и стали. «Кузнецы черняховской культуры давно выделились из общины, и ремесленная деятельность давно стала их основным занятием» [19, с. 33]. Очевидно, происходит выделение и других групп ремесленников: мастеров по литью бронзы — ювелиров, гончаров, косторезов. Высокое качество изделий, их стандартизация свидетельствуют о том, что некоторые ремесла выделялись в специальные отрасли производства.

Важное место в хозяйственной жизни населения занимали домашние ремесла: прядение, ткачество, обработка кости и т. д. Безусловно, продукция ремесленников обеспечивала в основном потребности общины. Однако наличие серий стандартных изделий на памятниках черняховской культуры (железные ножи из пакетного металла, бронзовые височные кольца, фибулы и др.) говорит о возможности изготовления их в одном производственном центре, где имело место специализированное производство, рассчитанное на более широкий внутренний рынок [19, с. 27; 14, с. 158—160]. Данное положение подтверждается открытием черняховской специализированной мастерской по производству костяных гребней в Бырлад-Вале-Саке на территории румынской Молдовы и крупного стеклодельного центра в Комарове на Среднем Днестре [15, с. 230—242; 20, с. 220; 21, с. 67—81].

Вероятно, продукция таких производственных центров обеспечивала потребности не только целых округов (или отдельных племенных групп),

но и находила сбыт в других регионах (межплеменная торговля). Следует отметить, что и на территории, занятой пшеворскими племенами, в III—IV вв. н. э. возникают крупные производственные центры (гончарные, железоделательные и др.), сбыт продукции которых охватывал значительные территории [22, с. 73—81]. По мнению польских исследователей, железоделательные центры III—IV вв. н. э. (наиболее крупный в Свентокшиских горах) обеспечивали железом не только родственные и соседние племена, но, возможно, поставляли железо и в римские провинции [23, с. 268—276].

Находки многочисленных импортных изделий на поселениях и в могильниках черняховской культуры наряду с письменными источниками свидетельствуют об интенсивном развитии внешней и внутренней торговли [10, с. 113, 114]. В города Северного Причерноморья и римские провинции вывозилось зерно, рабы, меха, скот, шкуры, кожи; черняховские племена покупали вино и оливковое масло (в амфорной таре), стеклянную и краснолаковую посуду, изделия из бронзы и другую импортную продукцию. Импортные изделия приобретали не только представители племенной и военной аристократии, но и рядовые общинники.

Торговля варваров с римскими провинциями была денежной. Отмечено широкое поступление римской монеты на территорию племен черняховской культуры. Варварское население районов, расположенных в непосредственной близости от границ Римской империи, использовало римские монеты в качестве средства денежного обращения не только во внешней, но и во внутренней торговле [14, с. 228].

Характер общественных отношений и социальных институтов черняховского общества конца III—IV в. н. э. изучен в меньшей степени. Исследователи отмечают военно-демократический характер черняховского общества, относят его по степени общественного развития к высшему этапу первобытнообщинного строя. Предполагают, что уже в IV в. н. э. у племен черняховской культуры существовала территориальная община, начался процесс выделения индивидуальных семей из большесемейных коллективов [14, с. 254—258]. Основная масса населения состояла все еще из свободных общинников, полноправных участников народного собрания, но уже существовало патриархальное рабство. Рабы составляли особый слой общества, ими обычно становились пленные, захваченные во время военных действий (Amm. Marc., XXXI, 4, 11; Jord., Getica, 134—135). Однако известно, что в рабство могли продать и свободного общинника (Amm. Marc., XXXI, 4, 11). Исследователи отмечают, что не только рабы находились в зависимом положении. По их мнению, в черняховском обществе существовал институт даннических отношений — своеобразная форма эксплуатации слабых племен более сильными, занимающими господствующее положение в разноэтничном черняховском мире [9, с. 12].

Более дифференцированным стало свободное население. Особое положение занимали представители родовой знати, власть которых заметно усилилась. Представители знатных родов возглавляли военные отряды во время войн и посольства в мирное время [24, с. 62]. Из наиболее знатных родов избирались короли. Именно в руках родовой знати, военных вождей и королей концентрировалась большая часть богатств и рабов, захваченных во время военных походов.

Открытие черняховских «княжеских» погребений (Рудка, Ханска-Лутэрия, Данчены и др.), находки кладов серебряных и золотых монет говорят не только о далеко зашедшем имущественном расслоении общества, но и несомненно о его социальном делении. Некоторые из черняховских «княжеских» погребений можно определенно сопоставить с «княжескими» погребениями пшеворской культуры [22, с. 202—215].

Укреплению королевской (княжеской) власти содействовал также институт дружины. Письменные источники сообщают о дружинах — особых отрядах воинов, состоящих на службе у королей и военных вождей [24, с. 62]. Власть верховных военачальников постепенно переходила в наследственную власть. Известно, что у вестготов в III—IV вв. н. э.

существовала наследственная королевская власть, правда, еще недостаточно устойчивая и в значительной степени ограниченная институтами и обычаями родо-племенного строя. Власть вестготских королей даже не всегда распространялась на все родственные в этническом отношении племена [24, с. 69, 70].

Несмотря на ограниченный характер королевской власти, король становился представителем публичной власти, стоящей над народом, сосредотачивая в своих руках политическую, военную, судебную, административную, духовную власть.

В непрочных межплеменных союзах северопричерноморских племен, объединяющих как родственные, так и неродственные в этническом отношении племена, большая их часть подчинялась непосредственно королевской власти [14, с. 259]. Письменные источники сообщают о существовании королевской (княжеской) власти в IV в. н. э. у антов, вестготов, остготов. Особую ценность приобретает свидетельство Иордана, в котором сообщается о событиях второй половины IV в. н. э., происходящих в Северном Причерноморье, и упоминаются антский «король» Бож и остготский Винитарий (Iord., Getica, 245—250).

В то же время отдельные племена, входящие в племенной союз и даже подчиняющиеся королевской власти, сохраняли свои родо-племенные органы власти и управления, возглавлялись старейшинами, вождями [24, с. 67—72]. Превращение социальных институтов родоплеменного строя в свою противоположность, «когда они из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа», по словам Ф. Энгельса, не было бы возможным, если не было бы разделения общества на богатых и бедных [25, с. 165]. Такое разделение уже существовало в черняховском обществе. Относительно высокий уровень развития экономики черняховских племен создавал все необходимые предпосылки для складывания классового общества.

Таким образом, уровень социально-экономического развития черняховских племен должен был давно привести к появлению у них племенных, межплеменных (военно-политических) центров или даже, по мнению Э. А. Рикмана, городов [14, с. 194].

Можно предположить, что у племен черняховской культуры сложение военно-политических центров началось еще в III в. и продолжалось на протяжении всего IV в. К сожалению, письменные источники не содержат никаких свидетельств о их существовании у племен черняховской культуры. В связи с этим археологические материалы выступают на первый план. Какие же черняховские поселения можно считать такими военно-политическими центрами? В настоящее время известно более 3000 черняховских поселений, однако из них не более 150 подверглись археологическому изучению. Причем материалы многих явно недостаточны для того, чтобы определить характер поселения (его социальный статус), поскольку даже на наиболее исследованных черняховских селищах вскрытая площадь составляет совсем немного по отношению к общей площади поселения. Так, на поселении Бакота[2] исследованная площадь (более 7000 м²) составляет 10—15%, в Лепесовке [26, с. 210] (5800 м²) — 7%, в Рипневе II [27, с. 213—250] (6027 м²) — 3% общей площади поселения. На других поселениях черняховской культуры вскрытая площадь составляет обычно менее 3%. Несмотря на то что мы располагаем неполной информацией о раскапываемых археологических объектах, рассматривая систему различных «компонентов» (топография, укрепления, размеры, планировка, характер производственных комплексов, построек и т. д.), можно выделить «неординарные поселения», которые, вероятно, являлись военно-политическими центрами черняховских племен.

Известно, что черняховские поселения обычно располагались на берегу реки или ручья и не имели укреплений. В ряде районов огромного

[2] Археологические исследования проведены И. С. Винокуром в 1969—1980 гг. (см. выпуски АО за 1970—1981 гг.).

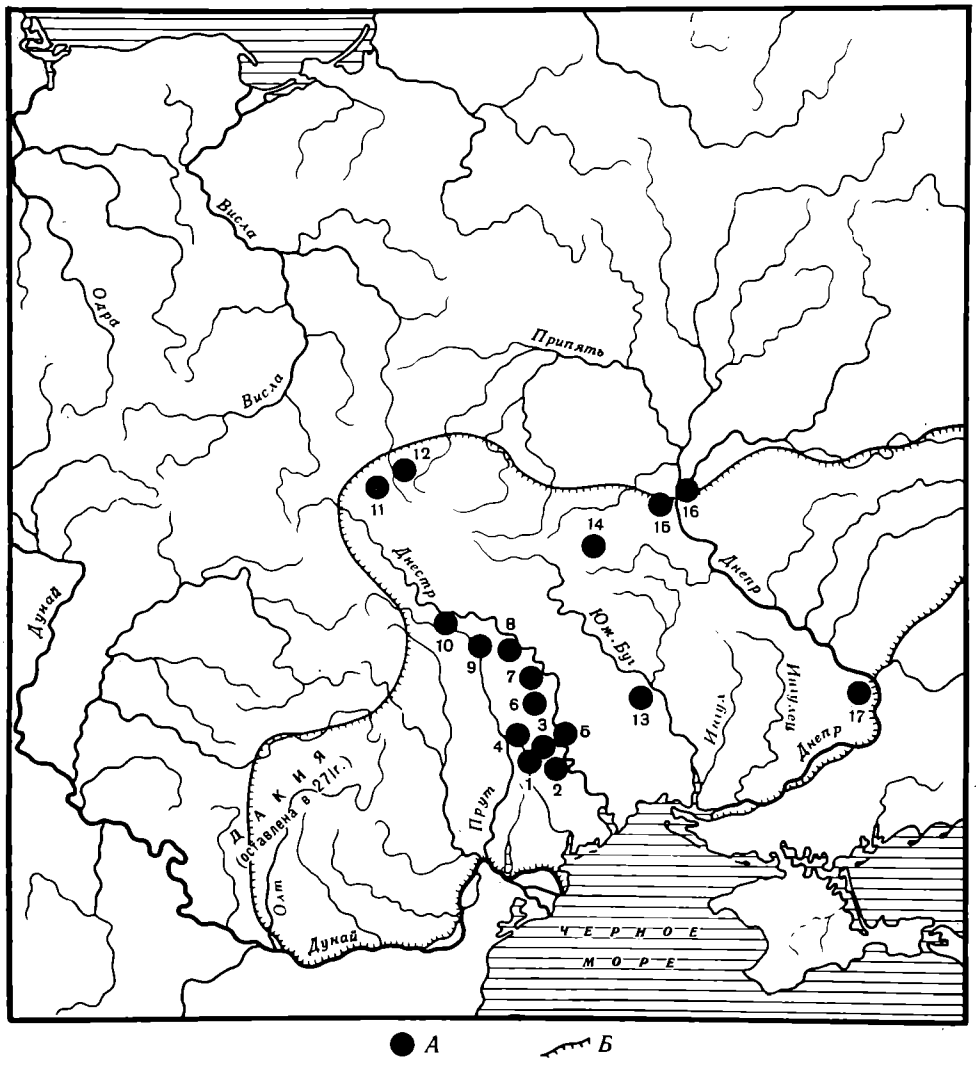


Рис. 1. Большие поселения черняховской культуры. *А* — большие поселения черняховской культуры (площадь более 15 га); *Б* — ареал черняховской культуры. *1* — Будешты; *2* — Кобуска Веке; *3* — Загайканы; *4* — Лукашевка I; *5* — Кошница; *6* — Лопатна; *7* — Солончены; *8* — Собарь; *9* — Русяны; *10* — Вороновица; *11* — Рипнев II; *12* — Неслухов; *13* — Грушевка; *14* — Иванковцы; *15* — Жуковцы; *16* — Ерковцы; *17* — Башмачка

«черняховского единства» выявлена относительно высокая плотность заселения территории. Так, в микрорегионе Черняхов—Жуковцы (Среднее Поднепровье) [28, с. 89] одно черняховское поселение приходилось на каждые 32 км², в микрорегионе Будешты (Нижнее Поднестровье) [14, с. 72] — на каждые 28 км², а в микрорегионе Жванец—Сокол—Устье (Среднее Поднестровье) [2, с. 37] — на каждые 8 км², т. е. расстояние между поселениями составляло всего лишь несколько километров. Мощность культурного слоя и наличие разновременных сооружений на поселениях свидетельствуют и об их длительном существовании. Несомненно, что там сложилась и существовала определенная структура связей и подчинения между поселками, выделялись общинные, племенные, межплеменные и экономические центры. В этой связи исследование микроструктуры (гнездо поселений, микрорегион и т. д.) представило бы нам наиболее конкретные материалы о характере системы поселений. Однако такие исследования — дело будущего, а в настоящее время мы можем использовать лишь материалы отдельных поселений различных микрорегионов. Важным критерием при оценке роли того или иного поселения в социально-экономической системе является площадь поселения. К сожалению, в большинстве случаев мы располагаем данными приблизительной оценки визуального наблюдения, которые не всегда точно отра-

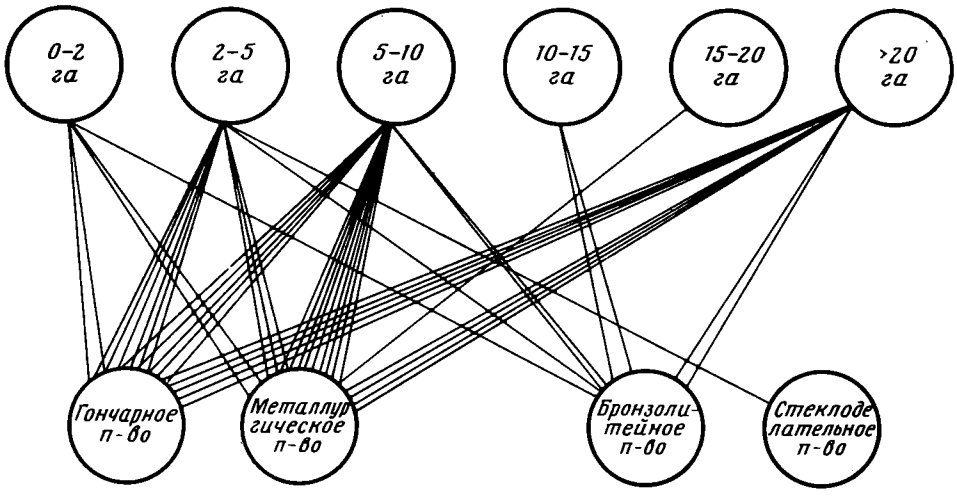


Рис. 2. Распределение производственных комплексов на поселениях черняховской культуры различной площади

жают истинную площадь поселения. Однако характер получаемых при таких наблюдениях данных идентичен и поэтому сопоставим.

Используя сведения об общей площади[3] 66 черняховских поселений, на которых проводились археологические исследования, можно прийти к следующим выводам. Поселения разделяются на несколько групп. К первой группе относятся поселения, площадь которых составляет менее 2 га (13 поселений), ко второй — площадью от 2 до 5 га (14), к третьей — от 5 до 10 га (16), к четвертой — от 10 до 15 га (7), к пятой — от 15

Таблица

Производственные комплексы	Площадь поселения, га					
	0—2	2—5	5—10	10—15	15—20	20
Металлургические	Мирогощa, Шолданешты	Комрат, Журовка Черняхов	Бакота, Делакеу, Завадовка, Иванковцы (Хмельницкая обл.), Лепесовка, Леськи, Лука-Врублевецкая, Ново-Липовское, Плоское, Слободище I		Солончены	Будешты, Лопатна, Лукашевка I Рашнев II
Бронзолитейные	Балабанешты	Демьянов II	Лепесовка, Радуцковка	Кисилев, Черепин		Будешты, Рашнев II
Гончарные	Воробиевка III, Слободзея-Душка	Журовка, Комáров, Лесогорка, Николаевка Никольское, Оселивка	Бакота, Завадовка, Иванковцы (Хмельницкая обл.), Лепесовка, Лука-Врублевецкая			Башмачка, Будешты, Неслухов, Собарь, Рашнев II
Стеклодельные		Комáров,				

[3] Общая площадь поселений не всегда устанавливалась исследователями.

до 20 га (9), к шестой — более 20 га (7). При картографировании выясняется, что 9 из 16 (более 50%) поселений, площадь которых больше 15 га, локализуются в Прутско-Днестровском междуречье. В то же время большие поселения известны и в других регионах: в верховьях Западного Буга, на территории Восточной Волыни, в Среднем Приднепровье и в степном Приднепровье, на Южном Буге. Практически все большие поселения расположены на берегах или вблизи крупных рек — основных водных путей (Западный Буг, Днестр, Южный Буг, Днепр — рис. 1).

Следующим важным критерием является степень развития ремесла и его концентрация на поселениях (рис. 2). Археологические исследования больших поселений черняховской культуры свидетельствуют о значительной концентрации и относительно высоком уровне развития ремесла на них (см. таблицу). На наиболее исследованных больших поселениях — в Будештах [14, с. 147—195; 29, с. 303—327] и Рипневе II [27, с. 213—250] — обнаружены гончарные горны, металлургические домницы, глиняные литейные тигли, различные инструменты. Производственные комплексы других больших поселений (Собарь, Солончены, Иванковцы Житомирской обл., Неслухов и др.) менее представительны, что связано в первую очередь с недостаточной их изученностью. Однако подобная концентрация производственных комплексов с близкими техническими характеристиками наблюдается и на поселениях с меньшей площадью. К ним можно отнести Лепесовку (8 га) [26, с. 209—214; 30, с. 178—192], Луку-Врублевецкую (8 га) [31, с. 45—46; 32, с. 11—19; 33, с. 112—117], Бакоту (6,4 га) и некоторые другие. Так, материал наиболее исследованного поселения Лепесовки свидетельствует о существовании здесь гончарного, железоделательного и бронзолитейного производств. Большинство черняховских поселений независимо от их площади имеет сходный характер планировки, построек, вещевого инвентаря и импортных изделий. По-видимому, в настоящее время у нас нет достаточно веских оснований для того, чтобы выделять большие поселения в отдельную группу и считать их какими-то особенными экономическими и тем более военно-политическими центрами.

Какие же черняховские поселения можно все-таки считать такими центрами и какие археологические критерии необходимы для этого? Вероятно, у племен черняховской культуры при дворе князя (гех'а) или вождя размещалась дружина, жили представители племенной аристократии. Сюда свозились рабы и богатства, захваченные во время походов; именно в таких городках пленные мастера — рабы из римских провинций и античных городов Северного Причерноморья возводили неординарные здания (место жительства вождя) и укрепления (необходимость обороны ставки), применяя свои знания строительной техники, работали в мастерских, создавая замечательные изделия, технология производства которых не была известна варварам. Исходя из этого, на территории черняховской культуры мы можем назвать несколько поселений, характеризующихся признаками, выделяющими их из ряда обычных поселений.

В степном Приднепровье исследовано поселение у с. Башмачка (Солонянский р-н Днепропетровской обл.). Поселение расположено в 3 км от Днепра на склоне балки, по дну которой протекает ручей. Длина поселения 1000 м, ширина 400 м, площадь 40 га [34, с. 48—66]. Центральной частью поселения является небольшое укрепленное мысовое городище (60×40 м). По мнению исследователей, укрепленная часть перестраивалась: сначала здесь существовали деревянные укрепления, позже их сменили каменные. Каменные стены были возведены со стороны поля и вокруг мыса. Напольные укрепления состояли из двухпанцирной стены шириной в среднем около 3 м, при ширине каждого панциря от 0,5 до 1 м. Панцири соединялись поперечными перегородками, разделяя стены на камеры-клети. В двух из них, как предполагают исследователи, находились жилые помещения для стражей крепости, остальные были забиты глиняно-земляной забутовкой. За внешним панцирем напольных укреплений находился ров шириной 5 м и глубиной от основания каменных укреплений 1,5 м. Укрепления по краю мыса тоже состояли из двух-

панцирной стены шириной около 3 м. Стены городища были сложены из гранитных камней и необработанных плит, без применения регулярной кладки. Укрепления городища были построены местными племенами, однако техника строительства была заимствована на юге. Аналогичные городища известны у поздних скифов на Нижнем Днепре и на памятниках античной периферии Северного Причерноморья [34, с. 50—51]. Исследователи предполагают, что при строительстве поселения, возможно, был использован труд военнопленных-рабов [34, с. 65].

На позднем этапе существования городища (в IV в.) оно было застроено наземными постройками обычного черняховского типа. В центральной части, практически свободной от застройки, находилось одно большое наземное сооружение площадью около 33 м² (7,5×4,4 м). «Центральное расположение постройки и отсутствие в ней очага дают основание предполагать ее общественное значение» [34, с. 54]. Вещевой инвентарь городища весьма немногочислен и типичен для обычного черняховского поселения[4]. Рядом находилось большое поселение. Здесь был открыт гончарный горн и, возможно, здесь же функционировали другие производственные мастерские, в настоящее время еще не обнаруженные.

Первый период существования городища определяется исследователями III в., строительство каменной крепости они относят к IV в. Очевидно, городище являлось военно-политическим центром одного из союзов черняховских племен, а укрепленная часть была резиденцией вождя и дружины.

Другое черняховское городище — Новый Городок было обнаружено в Веселиновском р-не Николаевской обл. [35, с. 105—114]. Оно расположено при впадении р. Чичиклея в Южный Буг, на высоком мысу, и имеет систему фортификационных сооружений. К сожалению, исследование городища не проводилось, но подъемный материал (черняховская керамика и позднеримские амфоры) свидетельствуют о его функционировании в III—IV вв. н. э. Рядом с городищем был обнаружен черняховский грунтовой могильник, где было исследовано 11 погребений.

Третье городище было исследовано на р. Ингулец у с. Александровка Снегиревского р-на Николаевской обл. [36]. Оно расположено на высоком скалистом 40-метровом мысу и было отделено от плато рвом и валом. Площадь городища (200×110 м) — 2,2 га. Городище имело систему фортификационных сооружений, состоящую из каменных стен толщиной 6 м и четырех башен, построенных на стороне, обращенной к степи. Диаметр самой мощной из них составлял 11 м. В укрепленной части городища находились каменные здания длиной 40—50, шириной 6—7 м, кладка фундамента которых была двухпанцирная с забутовкой. Внутри здания разделены поперечными перегородками на отдельные камеры.

Керамический материал и другие находки (в том числе рукоятка щита) определяют время существования городища IV в. н. э. По мнению Б. В. Магомедова, строительная техника городища у с. Александровка явилась результатом «глубокого усвоения античных традиций» и «демонстрирует высший этап развития архитектуры» у варварских племен Северного Причерноморья [36, с. 133, 134].

Учитывая неукрепленный характер большинства черняховских поселений, можно предположить, что возникновение таких центров обороны на юго-восточной границе черняховской культуры связано прежде всего с необходимостью защиты наиболее важных объектов — политических центров (резиденций вождей и аристократии). Вероятно, это произошло из-за резкого осложнения внешнеполитической обстановки в этом регионе в IV в. В таком случае городища выполняли и роль убежищ для окрестного населения.

Однако укрепленные поселения появляются и в других районах черняховской культуры. Одна из таких крепостей была построена на поселении Собарь в Сорокском р-не Молдавской ССР [14, с. 205—214; 37,

[4] Исследователи предполагают, что, возможно, произошел частичный смыв верхних слоев городища из-за наклонности мыса в сторону поймы.

с. 180—198]. Поселение Собарь площадью 26 га (750×350) расположено на склоне ручья. Крепость, обнаруженная на северной окраине поселения, имела в плане форму буквы «П». Длина западной стены составляла 38, северной — 90, восточной — 45 м. Стены крепости состояли из двух панцирей, пространство между которыми было заполнено мелкими камнями. Панцири сложены из необработанных известняковых и гранитных плит. Внутри укрепления находилось здание прямоугольной формы размерами 9,8×18 м (176,4 м²), к сожалению, исследованное только частично. Стены и фундамент здания также состояли из двух продольных панцирей, сложенных из необработанных или слегка подтесанных плитчатых обломков известняка, связанных известковым раствором с примесью толченого кирпича, черепицы и мелких камешков. Между панцирями в массе раствора камни были расположены менее систематично. В кладке стены применены также кирпич и черепица. Черепица была взята из постройки, существовавшей прежде, и отличается от черепицы, используемой при перекрытии кровли здания, что свидетельствует о том, «что на поселении Собарь существовали сменявшие друг друга сооружения, покрытые черепицей» [14, с. 207]. Окна здания были застеклены, о чем свидетельствуют остатки большого количества оконного полупрозрачного стекла, обнаруженные в развалинах. Возле здания были найдены базовые камни известняковых колонн, вероятно, от колоннады, находившейся вдоль южной и западной стен. Характер строительной техники и материалов построек в Собаре находит прямые аналогии в городах Северного и Западного Причерноморья, римских провинций, что свидетельствует о том, что здание было возведено «выходцами из какого-то античного центра, которые проникли на расстояние свыше 300 км в глубь варварских земель от побережья Черного моря и попытались обосноваться на одном из варварских поселений» [14, с. 214]. Однако такая гипотеза кажется маловероятной. По мнению Э. А. Рикмана, постройка здания осуществлялась на позднем этапе существования поселения, в IV в., и здание не было даже достроено. Но в IV в. н. э. города Северного Причерноморья уже потеряли свое былое значение, граница Римской империи проходила по Дунаю, за сотни километров к югу от поселения Собарь, а у черняховских племен уже давно образовались могущественные межплеменные объединения. Скорее всего на поселение Собарь были привезены мастера-военнопленные, труд которых и был использован при строительстве крепости-резиденции племенного вождя. Это находит подтверждение и в материалах другого черняховского поселения — у с. Комаров Кельменецкого р-на Черновицкой обл. Поселение расположено выше по Днестру, на расстоянии свыше 400 км от Черного моря, в 3 км от правого берега Днестра [21, с. 67—81]. Длина поселения 800, ширина 60 м, площадь 4,8 га. Поселение не имело укреплений, однако здесь были открыты остатки каменного здания квадратной формы размерами 6,9×6 м (41,4 м²). Следует подчеркнуть, что каменные здания не возводились в этом регионе в предшествующее время[5]. Фундамент здания был сложен из больших необработанных камней, пол вымощен небольшими плитками, стены состояли из двух боковых панцирей и были сооружены из камня. Характер кладки и постройки близок зданию из Собаря [14, с. 213]. Здание было покрыто черепицей. Обломки строительного материала, найденного на площади поселения (плинфа, черепица, возможно, от других каменных зданий), находят близкие аналогии в Собаре и античных городах Северного Причерноморья [14, с. 213]. Вероятно, в строительстве каменных зданий на поселении в Комарове принимали участие также выходцы из северопричерноморских или римских городов. Очевидно, ими была основана на поселении стеклодельная мастерская, которая в настоящее время является единственной на территории черняховской культуры. На поселении обнаружены обломки горшков для варки стекла, формы для изготовления сосудов, отходы производства (обрезки, осколки, капли, стеклянные шлаки), готовые изделия

[5] Это замечание относится и к каменным постройкам поселения у с. Собарь.

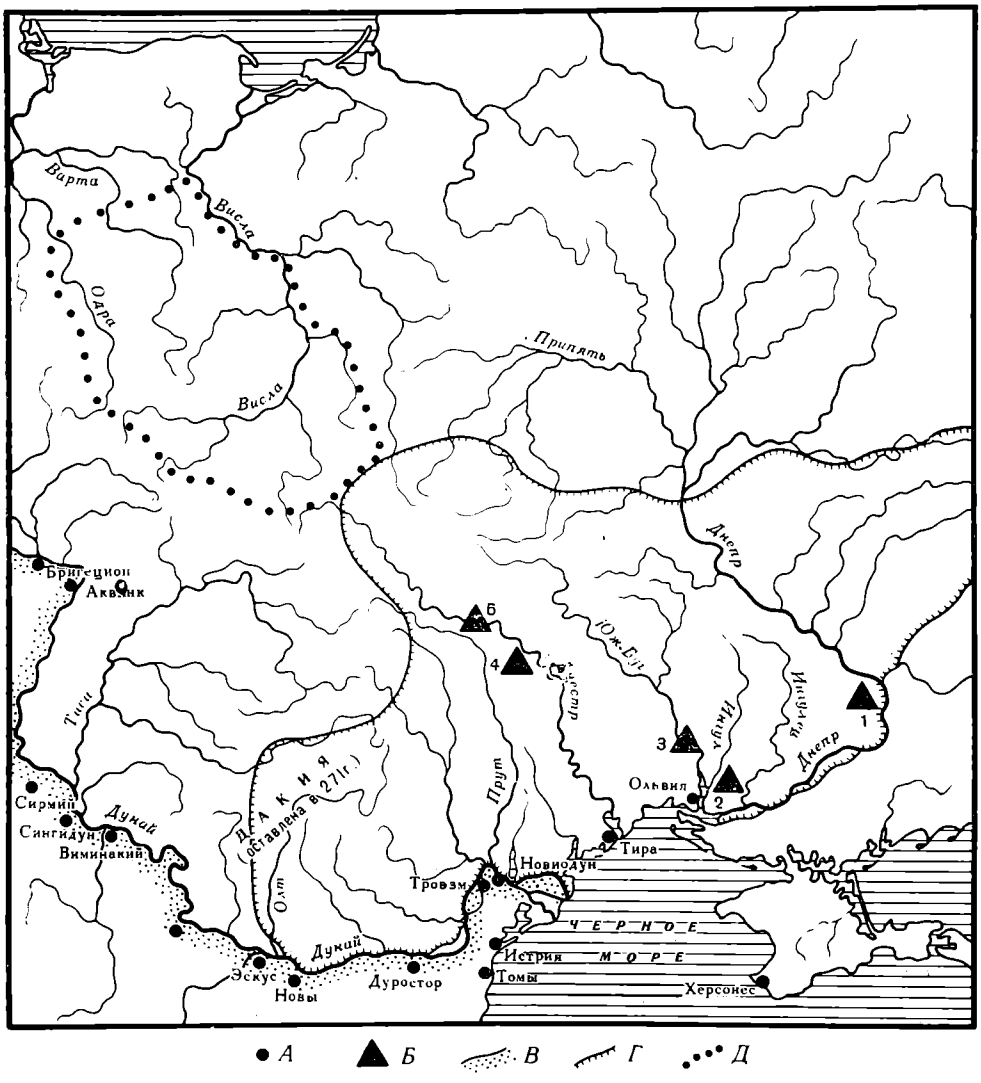


Рис. 3. Пшеворская и черняховская культура в конце III—IV вв. н. э. *А* — античные города; *Б* — племенные центры; *В* — граница Римской империи в IV в. н. э.; *Г* — ареал черняховской культуры, *Д* — ареал пшеворской культуры. *1* — Башмачка; *2* — Александровка; *3* — Новый Городок; *4* — Собарь; *5* — Комаров

и брак [15, с. 230]. Комаровские стекла близки по химическому составу стеклам римского времени, изготовлявшимся в других странах в тот же период [38, с. 84]. По мнению Ю. Л. Щаповой, «мастера-стеклоделы, обосновавшиеся на поселении, принадлежали к провинциально-римской школе стекловарения и где-то в пределах империи должны были пройти эту школу» [15, с. 234]. Предполагают, что мастерская существовала 5—10 лет и время ее функционирования определяется третьей четвертью III в. н. э. [15, с. 241, 242]. Интересно отметить, что мастерская в Комарове наряду с другой продукцией изготовляла цветные оконные стекла, вероятно, не только для зданий Комарова, но и других поселений (возможно, других племенных центров), где они находили применение [15, с. 240, 241].

Каменное здание в Комарове стратиграфически перекрывает остатки стеклодельного производства и углублено (как и на поселении Собарь) в слой черняховского поселения. Это свидетельствует о том, что строительство наземных каменных сооружений началось здесь на позднем этапе существования и хронологически определяется временем IV в. н. э. К этому времени относится и возведение крепостей Башмачка и Александровка. Видимо, интенсивное строительство военно-политических центров (что, конечно, отражает степень социально-экономической зрелости общества) стало возможным лишь в IV в., когда в черняховском об-

ществе появляются для этого все необходимые предпосылки. Несомненно, этому способствовала и возможность использовать знания и труд пленников, в результате чего появляются столь неординарные сооружения и мастерские на поселениях черняховской культуры (рис. 3).

Дальнейшее социально-экономическое развитие племен черняховской культуры привело бы к появлению у них городов. Однако гуннское нашествие уничтожило культуру. Возможно, именно этим можно объяснить отсутствие вещевого инвентаря на городище Башмачка (жители городища могли покинуть его при угрозе нападения, захватив свое имущество) и незавершенность грандиозного строительства на поселении Собарь. Ответить на все эти вопросы в настоящее время не представляется возможным, однако несомненно, что специальное изучение (раскопки большими площадями) военно-политических центров черняховской культуры в первую очередь позволит решить многие узловые проблемы истории Восточной Европы II—V вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янскої державності. Київ: Наук. думка, 1964.
2. *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. э. Київ: Наук. думка, 1972.
3. *Щукин М. Б.* О трех датировках черняховской культуры.— КСИА, 1967, вып. 112.
4. *Щукин М. Б.* Современное состояние готской проблемы и черняховская культура.— АСб. ГЭ, 1977, вып. 18.
5. *Сымонович Э. А.* К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений.— СА, 1958, № 2.
6. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
7. *Щукин М. Б.* К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций.— АСб. ГЭ, 1979, вып. 20.
8. *Кропоткин В. В.* Походы восточно-европейских дружин в Причерноморье и Подунавье в III в.— В кн.: Очерки истории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
9. *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
10. *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука, 1967.
11. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М.: Наука, 1973.
12. *Кравченко Н. М., Корпусова В. М.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри.— Археологія, 1975, № 18.
13. *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Раскопки Тиры в 1963 и в 1965—1976 гг.— В кн.: Античная Тира и Средневековый Белгород. Киев: Наук. думка, 1979.
14. *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975.
15. *Щапова Ю. Л.* Мастерская по производству стекла у с. Комарова (III—IV вв.).— СА, 1978, № 3.
16. *Рикман Э. А.* О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье.— КСИА, 1970, вып. 124.
17. *Ременников А. М.* Военное искусство племен Подунавья в эпоху их борьбы с Римской империей (III—IV вв. н. э.) (доклад 25.V.1968).— В кн.: Программа заседаний и тезисы докладов по проблемам античности. М., 1968.
18. *Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии.— МИА, 1966, № 135.
19. *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры.— МИА, 1972, № 187.
20. *Ioniţă I.* Contribuţii cu privire la cultura Sintana de Mureşi-Cerneahov pe teritoriul RSR.— AM, 1966, IV.
21. *Смішко М. Ю.* Поселення III—IV ст. н. э. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів, Чернівецької області.— МДАПВ, 1964, вып. 5.
22. *Wielowiejski J.* Życie codgienne na ziemiach polskich w okresie wpływów rzymskich (I—V w.) Warszawa, 1976.
23. *Bielenin K.* Starożytne górnictwo i hutnictwo żelaza w Górach Swiętokrzyskich. Warszawa —Kraków, 1974.
24. *Корсунский А. Р.* О социальном строе вестготов.— ВДИ, 1965, № 3.
25. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е, т. 21.
26. *Тиханова М. А.* Раскопки поселения у с. Лепесовка.— VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука, 1966.
27. *Баран В. Д.* Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга (раскопки 1957—1960 гг.).— МИА, 1964, № 116.
28. *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский Е. Л.* Новые памятники I тысячелетия н. э. в Киевском Поднепровье.— Археологія, 1975, № 15.

29. *Рикман Э. А.* Жилища Будештского селища.— МИА, 1960, № 82.
30. *Тиханова М. А.* Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовки в 1957—1959 гг.— СА, 1963, № 2.
31. *Тиханова М. А.* Поселение культуры полей погребений в Луке Врублевецкой Хмельницкой области.— КСИА АН УССР, 1955, № 4.
32. *Тиханова М. А.* К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре.— КСИА, 1974, вып. 140.
33. *Зильманович И. Д.* Гончарные печи Луки Врублевецкой.— КСИА, 1967, вып. 112.
34. *Смиленко А. Т., Мизин В. А.* Городище черняховской культуры.— В кн.: Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979.
35. *Магомедов Б. В.* Могильник и городище Городок на Южном Буге.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
36. *Магомедов Б. В.* Городища черняховской культуры (к постановке проблемы).— Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980.
37. *Рикман Э. А.* Поселение первых столетий н. э. Собарь в Молдавии (О связях черняховцев с античным миром).— СА, 1970, № 2.
38. *Безбородов М. А.* Исследования стекол из стеклоделательной мастерской III—V вв. н. э. у с. Комаров.— МДАПВ, 1964, вип. 5.

A. V. Kropotkin

ON THE CENTRES OF THE CHERNYAKHOVO CULTURE TRIBES

Summary

As is testified by written and archaeological material the Chernyakhovo culture tribes have reached, by the late 3rd-4th centuries A. D., a comparatively high level of economic and social development. Undoubtedly, by that time there existed a certain hierarchy of settlements, and tribal centres had become prominent. Today, more than 3,000 Chernyakhovo settlements are known to archaeologists, though only 150 are studied. This is sufficient, however, to single out «inordinary settlements» which, probably, were precisely such centres and which differed in their topography, fortifications, sizes, lay-out, the nature of production complexes and auxiliary constructions from other settlements.

КАБАНОВ С. К.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(по материалам Нахшеба, Хорезма и долины р. Чу)

Вопрос о характере переходного периода от рабовладельческой общественно-экономической формации к феодальной в условиях Средней Азии был поставлен выдающимися историками и археологами С. П. Толстовым и А. Ю. Якубовским. С. П. Толстов на основе материалов археологических исследований в Хорезме установил признаки упадка античного общества в IV—VI вв. [1, с. 27—29]; термин «античный» впервые применен им к изучению истории Средней Азии для характеристики общества по своей сущности рабовладельческого [1]. Начало эпохи средневековья он относил к VI—XI вв. [1, с. 29].

А. Ю. Якубовский рассматривал время между VI и началом VIII в. как период осуществления в Средней Азии специфического варианта разложения рабовладельческих отношений и феодализации; этот процесс был прерван арабским завоеванием. По его мнению, в VII—VIII вв. еще сильным был рабовладельческий уклад, а процесс феодализации нашел проявление, в частности, в развитии в эпоху халифата особого, организуемого государством института взимания налогов с крестьян. Общество Средней Азии VII—VIII вв. он еще не мог назвать феодальным [3, с. 33—35].

Таково было состояние вопроса о периоде перехода от рабовладельческого общества к феодальному в конце 40-х годов.

В дальнейшем, до начала 70-х годов, велась разработка письменных источников, освещающих вопросы становления феодализма, происходило накопление археологических материалов. Итоги этих работ в какой-то степени подвели А. М. Мандельштам, считавший VI—VII вв. рубежом рабовладельческой и феодальной эпох [4, с. 53, 54], и Б. Г. Гафуров, пришедший к выводу, что «оседлые области Средней Азии в V—VIII вв. вступают на путь феодального развития» [5, с. 299].

Во всех республиках Средней Азии широко развернулись археологические исследования раннесредневековых памятников, которые обеспечили возможность активной разработки проблем раннесредневековой истории и определили выделение особого раздела археологической науки — раннесредневековой археологии [6, с. 3]. Наибольшее развитие исследования раннесредневековых памятников получили в Согде, главным образом в связи с крупными раскопками, проводившимися все послевоенные годы в Пенджикенте [7, с. 94—110]. Но и в других областях Средней Азии накоплен археологический материал, который служит ценным источником для изучения этого малоизученного периода становления феодальных отношений.

Известно, что археологические источники по своему характеру не могут прямо отражать факты социальной истории, развитие социально-экономических отношений, в данном случае такие моменты процесса феодализации, как пути присвоения земель и формы землевладения [8, с. 12, 13]. Но они содержат ценные сведения о характере используемых средств производства, о типах жилищ, их различиях по размеру,

[1] Значительно позже А. М. Беленицким было высказано мнение, что по состоянию разработки письменных и археологических источников общественный строй дофеодальной Средней Азии нельзя определить как рабовладельческий [2, с. 71—75]. Однако во всех обобщающих работах принято это определение.

назначению, содержанию и специфике памятников материальной культуры. Анализ этих и других данных обеспечивает возможности опосредованного восстановления многих особенностей обстоятельств жизни различных групп населения. Например, комплексное исследование разного рода памятников: развалин замков, поселений различной величины и особенностей их планировки, расположенных по соседству на ограниченной территории и примерно одновременных — обеспечивает сведения о характере их взаимосвязи как своеобразных населенных территориально оформленных единиц, связанных с разными социальными группами населения. Последние, безусловно, находились в каких-то определенных производственных отношениях. Именно поэтому анализ состава материалов и пространственной взаимосвязи разных археологических памятников (поселений, замков и т. д.) и изменения их характера во времени может дать необходимые сведения для опосредованной реконструкции некоторых сторон социальной жизни обитателей поселений, прежде всего их взаимозависимости.

Собственно, этот метод комплексного изучения памятников (групп поселений) не нов. В Хорезме, например, проведено комплексное изучение памятников Беркут-Калинского оазиса [9], в Киргизии — памятников долины р. Чу [10], на юге Узбекистана — памятников Каршинского оазиса [11]. При сопоставлении результатов комплексных археологических исследований раннесредневековых поселений в названных трех областях, отличающихся своими природными условиями и особенностями исторического развития, можно выявить и некоторые показатели, позволяющие в большей или меньшей степени исследовать, например, характер усложнения связей поселений рядовых землевладельцев с замками или усадьбами, явно принадлежавшими господствующим слоям населения. Анализ таких явлений позволяет ставить вопрос о воссоздании некоторых особенностей процесса возникновения и становления феодальных отношений.

Развитие производительных сил обществ в значительной мере обусловлено природными условиями. В Нахшебе, в оазисе низовой части долины Кашкадарьи, окруженном травянистой степью, они благоприятствовали как развитию земледелия (хотя и с определенными ограничениями из-за скудости водных ресурсов), так и скотоводству. В Хорезме для развития земледелия были более благоприятные условия, водные ресурсы были неограниченными, все зависело от ресурсов рабочей силы. В долине р. Чу природные условия благоприятны для обоих видов хозяйственной деятельности, но в прилегающих горных долинах они были более благоприятны для занятия скотоводством: это обстоятельство обусловило преимущество обществ, занимавшихся скотоводством.

Обратимся прежде всего к Нахшебу. В первые века до нашей эры — первые века нашей эры это был земледельческий оазис площадью около 2000 км², с главным городом, развалинами которого является городище Ер-Курган (площадь около 150 га), находящимся в восточной части оазиса, лучше обеспеченной водой. По краям оазиса расположены крупные памятники, развалины особо укрепленных поселений, что свидетельствовало о централизованном управлении. Поселения прямоугольные в плане, более крупные из них с вышкой в центре или в одном из углов. Керамические изделия почти исключительно ремесленного производства (станковой работы).

В III—V вв. произошли значительные изменения в расположении поселений, число их возросло в восточной части оазиса, среди них начали появляться поселения нового типа, овальные в плане, двухъярусные, с вышкой — развалинами замка и с прилегающей площадкой. К концу периода забрасываются некоторые поселения на северной и западной окраинах, приходит в упадок или вовсе покидается жителями столица оазиса (Ер-Курган).

В керамическом производстве наблюдается некоторый упадок — сосуды изготовлялись не столь высокого качества, много изделий лепной работы.

Некоторые особенности социальной структуры выявлены при сплошном исследовании сельской округи в восточной части оазиса. На площади примерно в 150 га исследованы памятники трех категорий: развалины относительно крупного замка (Пирмат-бабатепе), определенного как жилище аристократа; трех бугров — развалин довольно капитальных построек, определенных как жилища большесемейных общин; несколько невысоких расплывшихся бугров — развалин неукрепленных жилищ отдельных небольших семей [11, с. 68—78, 100—103]. Все эти поселения явно земледельческие и возникли не ранее III в. н. э.

Знаменателен факт появления в этот период (III—V вв.) двухъярусных поселений: их планировка, преимущественно лепная керамика и характер наслоения в нижних ярусах, определяемых как дворы и в то же время как загоны для скота (в них много органических остатков), дают основание предполагать, что обитатели их занимались скотоводством. Возможно, это были перешедшие к оседлости кочевники. В условиях Нахшеба они могли, не оставляя скотоводства, постепенно переходить к земледелию. Можно отметить некоторое усовершенствование орудий труда: появляются ручные жернова, хотя в употреблении еще были и зернотерки.

В V—VI вв. возникают новые двухъярусные поселения. К их числу можно отнести замок с двором в месте распределения воды для орошения значительной части оазиса: вокруг него позднее развился главный город оазиса — Несеф [11, с. 56, 57]. Многие древние сельские поселения приходят в упадок: замок аристократа (Пирмат-бабатепе) оставлен, как и соседние с ним более мелкие постройки. Но у подножия другого замка (Айтугды-Тепе) выросло довольно значительное поселение [11, с. 79—82]. Эти топографические, четко прослеживаемые признаки изменения в расселении, сосредоточение населения вокруг одного из замков с достаточным основанием можно интерпретировать как новую взаимосвязь земледельцев — непосредственных производителей и владетелей замков, которая, по-видимому, отражает процесс углубления зависимости первых от аристократии, в чем и проявляются моменты начала процесса феодализации в V—VI вв.

В VI—VII вв. Средняя Азия находится под властью западнотюркского каганата. В исследованной сельской округе появляется типичное двухъярусное поселение с замком Куль-Тепе [12, с. 105—114]. По некоторым новым элементам в керамическом комплексе можно установить, что они привнесены новым этносом — тюркским, а замок основал тюркский феодал. Рядом сохранились замки местной аристократии (Айтугды-Тепе, Пишак-Тепе).

Итак, в Нахшебе на основе установленных изменений в характере расселения земледельцев можно выделить три этапа во взаимоотношениях между владетелями замков и непосредственными производителями.

На первом этапе (III—V вв.) существовали небольшие по размерам поселения, обитатели которых, как можно полагать, обладали относительной независимостью от владетелей замка.

На втором этапе (V—VI вв.) почти все население сосредотачивается возле замков, в чем можно видеть признак усиления зависимости непосредственных производителей от аристократии.

Для третьего этапа (VI—VII вв.) также характерно сосредоточение населения возле замков, а также появление новых (Куль-Тепе). Такой характер расселения и появление новых замков может свидетельствовать о новой роли последних, когда владельцы их могли выступать хозяевами прилегающих земель. В этой связи уместно привести свидетельство письменного источника, относящегося к бухарскому оазису, но косвенно подтверждающее ситуацию, которая могла сложиться в исследованной сельской округе. «В то время был один великий дихкан, которого называли Бухар-худат, потому что он происходил из древнего дихканского рода. Земельные участки большею частью принадлежали ему, и большинство остальных людей были или крестьянами, или слугами его» [13, с. 13].

Признавая, что приведенная реконструкция определенных фактов развития общества в переходной период дана на материалах исследования одной небольшой сельской округи, можно все же полагать, что отмечаемые явления носят общий характер, в них восстанавливаются наиболее характерные черты процесса феодализации в Нахшебе.

В Хорезме наиболее значительный материал в плане изучения динамики связей памятников различного рода получен в правобережных оазисах, орошенных каналами, проведенными веером от Амударьи к северу по направлению к возвышенности Султан-Уиздаг и ее отрогам. Эти оазисы представляют собой узкие полосы (3—5 км) возделанных земель вдоль каналов длиной до 40 км, разделенных барханными песками; общая площадь этой части Хорезма примерно равна Нахшебу (1500—2000 км²).

Открытие этих оазисов было одним из первых и крупных достижений экспедиции, возглавлявшейся С. П. Толстовым. В 1937 г. их впервые обследовал А. И. Тереножкин, восстановивший облик края, интенсивно обживавшегося в раннем средневековье [14, с. 168—188]. К настоящему времени Е. Е. Неразик завершила изучение этой части Хорезма. Она провела крупные раскопки в Беркут-Калинском оазисе и на одном из памятников соседнего оазиса — раннесредневековом замке Якке-Парсан [15, с. 3—40].

Отмеченная выше особенность расселения в Нахшебе, заключающаяся в том, что по краям оазиса были расположены наиболее крупные укрепленные поселения, в данной части Хорезма выражена еще более резко: это был несколько обособленный край, в период поздней античности защищенный расположенными вокруг крупными крепостями (некоторые из них — города) [16, с. 122]. Укрепленные поселения разбросаны по всей территории края, в особенности их было много в центральной части Беркут-Калинского оазиса.

Как уже указывалось, в конце 40-х годов С. П. Толстов период IV—VI вв. определял как время упадка античной культуры Хорезма. Для этого периода характерны прямоугольные в плане города. Развалинами крупнейшего из них, в то время уже находившегося в упадке, является Топрак-Кала (17,5 га). Поселения сельского типа — замки и неукрепленные поселения; все они относятся еще к рабовладельческому строю. Зарождение элементов феодальных отношений произошло в следующем периоде — афригидском (VI—IX вв.). Возникали города нового типа при замках — усадьбах крупных феодалов [17, с. 33]. Отмечается, что наиболее крупные замки расположены близ распределительных узлов оросительной системы. Намечается иерархия замков. «Однако это, конечно, еще не феодальная иерархия, ибо отсутствует пьедестал таковой — крепостная деревня» [17, с. 135]. Выявляются, таким образом, лишь зачатки или предпосылки формирования феодальной иерархии.

В работе 1962 г. С. П. Толстов придерживается прежней периодизации переходного времени от рабовладельческой общественно-экономической формации к феодальной. Концом рабовладельческого строя называются II—III вв. н. э., а в VI—VII вв. уже возникают средневековые города. В VII—VIII вв. ведутся феодальные войны. Период, предшествующий арабскому завоеванию, называется раннесредневековым [18, с. 246—249].

Как уже указывалось, большие работы по изучению памятников Хорезма периода раннего средневековья проведены Е. Е. Неразик, ей же принадлежит тщательный анализ материалов этих работ в плане раскрытия социально-экономических отношений, складывавшихся в то время. Периоду III—V вв. в Нахшебе (когда там намечаются явные перестройки в организации общественной жизни, связываемые, очевидно, с разложением рабовладельческого строя) соответствует в Хорезме период кушано-афригидский (III—V вв.) — время упадка античной культуры [17, с. 33]. Дальнейшие исследования подтвердили этот тезис (с некоторым уточнением в дате — кризис датируется V—VI вв.) [19, с. 219]. В Хорезме памятники этого времени, как отмечает Е. Е. Неразик, малочисленны и мало исследованы. Установлено, что в строительстве капитальных зданий еще прослеживаются античные фортификационные тра-

диции. Однако в VII—VIII вв. складываются новые типы поселений [19, с. 172, 173].

В Беркут-Калинском оазисе Хорезма выявлено 140 поселений разных видов, из них большая часть расположена в середине течения магистрального канала, между Тешик-Калой и Уй-Калой [9, рис. 1 и 22]. На этом участке усадьбы располагались на расстоянии 200—300 м одна от другой. Конечно, промежутки между ними — орошенные земли — были все возделаны, это был район наиболее интенсивной земледельческой культуры.

В конце VII — начале VIII в. здесь наблюдается повсеместное укрепление даже небольших поселений сооружениями башенного типа — донжонами. Они воздвигались чаще всего в месте входа, но также и в других местах укреплений — в центре, в середине одной из сторон ограды или в углах. Е. Е. Неразик объясняет факт постройки донжонов как меру подготовки жителей усадеб к нашествию арабов, вооруженных стенобитными приспособлениями [9, с, 65, 66]. Однако вряд ли владелец каждой отдельной усадьбы намеревался вступать в борьбу с иноземным завоевателями в одиночку; что же касается применения стенобитной техники, то можно найти в степах и более слабые места, помимо донжонов. Позднее высказано предположение о привнесении в Хорезм такой архитектурной формы, как башни-донжона, с севера [19, с. 180—182].

С. П. Толстов отмечает, что весь ландшафт оазиса говорит «о бурной эпохе непрерывных войн, о людях, живущих в постоянном страхе перед нападениями врага» [16, с. 198]. Врагами могли быть не только иноземные завоеватели, но и соседи. Этнографические наблюдения позволяют несколько конкретизировать обстановку, в которой жили обитатели укрепленных усадеб.

И. М. Рейснер приводит свидетельства авторов первой половины и середины XIX в. о некоторых особенностях расселения и быта афганских племен в период становления феодализма. Приведем некоторые выдержки, характеризующие обстановку в земледельческих поселениях афганцев того времени. «Поля принадлежат главе семьи, который с 7 или 8 домами своих родственников занимает небольшой укрепленный форт, господствующий над обрабатываемой землей... Дома располагаются по внутреннему обводу стен, а их крыши служат платформой, откуда защитники форта могут вести огонь через бойницы в стене. Свободное пространство в середине форта используется как загон для скота и для устройства хранилищ фуража и провианта» [20, с. 133]. Эта картина очень напоминает обстановку в Беркут-Калинском оазисе, что отмечает и И. М. Рейснер [20, с. 134].

Какие же отношения складывались между земледельцами в густо заселенных районах? «В стране юсуфзаев, как и баннучей, земледелец выходил на полевые работы в полном вооружении и ни на минуту не расставался с мушкетом. Во время жатвы каждый канди выделял вооруженную охрану, которая несла караул, обеспечивая безопасность жнецов и доставку собранного урожая в деревню» [20, с. 138].

Подобные же отношения, хотя, безусловно, в измененном виде, могли складываться и между обитателями укрепленных усадеб в Беркут-Калинском оазисе в VII—VIII вв. В густо населенной местности могли происходить споры из-за земли и распределения воды, необходимо было заботиться и об охране посевов и урожая. Все это и вынуждало жителей небольших усадеб воздвигать донжоны на той стороне своего «форта», где были расположены их поля. Помещения в донжонах могли быть и жилыми, в особенности в замках феодалов.

Аналогичные явления могли происходить и в Нахшебе. Здесь в V—VI вв. воздвигались и небольшие, как правило, поселения с вышками. В особенности характерно расположение группы памятников, известных под названием Даляшкан-Тепе. Эта группа состоит из четырех бугров, причем вышки трех из них обращены в разные стороны [11, с. 60, 61]. Конечно, такое расположение, надо полагать, диктовалось целями защиты возделываемых полей.

Социальные отношения, которые могли складываться между обитателями укрепленных поселений Хорезма, детально исследованы в работах Е. Е. Неразик [19, с. 219—224]. Здесь ограничимся лишь сопоставлением двух зданий. Это усадьба 28 в Беркут-Калинском оазисе и замок Якке-Парсан, расположенный в соседнем оазисе, орошаемом отдельным магистральным каналом.

Усадьба 28 находилась вблизи русла канала, примерно на одинаковом расстоянии между Беркут-Калой и Тешик-Калой. Вначале здание не имело донжона, он был воздвигнут позднее — в конце VII или в начале VIII в., видимо, в связи с увеличением количества поселений и возникшей необходимостью усиления охраны посевов. Размеры здания невелики — 26×26 м, размеры донжона 10×8 м. Для планировки усадьбы характерно наличие коридора в середине здания, по сторонам которого расположены «секции», преимущественно двухкамерные [9, с. 76—81, рис. 43, *1*]. Это здание определяется как «жилище членов земледельческой общины, а не феодала» [9, с. 114]. Такая планировка здания в какой-то степени отражает специфические условия организации жизни членов общины, которые могут быть связаны с распадом большесемейной общины на малые семьи.

Якке-Парсан является развалинами крупного замка площадью в 74×54 м, с донжоном размером 24×24 м, т. е. почти равным всей усадьбе 28. Памятник многослойный. Жизнь на нем протекала с IV по начало VIII в. [15, с. 5, 37]. Раскопками выявлено три строительных горизонта, наиболее исследованный из них — средний. Нижний слой датируется IV—V вв., верхний — началом VIII в., следовательно, средний слой, для нашей темы наиболее интересный, датируется VI—VII вв. В это время в донжоне было восемь помещений, из них центральное, парадное, было перекрыто куполом. Надо полагать, что в донжоне обитал владелец с семьей.

Все остальные помещения расположены вдоль внешних стен, со входами со стороны донжона. Планировка этих помещений различная. Западную сторону занимали трехкомнатные секции с отдельными кладовыми, северную — двухкомнатные секции, в восточной части — многокомнатный дом с коридором посередине. Наконец, за стеной замка — убогие помещения, в которых, по предположению Е. Е. Неразик, возможно, жили рабы [19, с. 223]. Жители западной части замка хранили запасы в своих кладовых; следовательно, происходил дележ урожая между семьями, но по какому принципу — этого на археологическом материале установить невозможно. Может быть, каждая семья получала урожай с участка, который сама и обрабатывала. В подтверждение этого предположения можно привести этнографическую параллель.

В середине XIX в. у одного из афганских племен — гильзаев «земля еще считалась общей собственностью семьи в лице ее главы. Однако обработка земли велась отдельными семьями, и земля (пахотная) находилась в пользовании таких семей. Во всяком случае, малые семьи, входившие в состав большой патриархальной семьи, имели отдельные очаги и отдельные жилища» [20, с. 133, 134]. Отдельные очаги имели и семьи, обитавшие в укрепленном поселении Якке-Парсан. Здесь вдоль западной стены открыто девять групп помещений. Можно предполагать, что в них размещались семьи наиболее привилегированной части непосредственных производителей, по своей социальной функции — предшественников класса крестьян, независимо от того, являлись ли они родственниками владетеля или не были ими: родственные отношения могли быть только оболочкой, под которой формировались классы феодалов и крестьянства. Это может относиться и к семьям, жившим в северной части замка.

Выше отмечена густота расположения поселений в Беркут-Калинском оазисе, но совсем другая картина в зоне канала, питавшего поселение Якке-Парсан: здесь вдоль канала до недавнего времени было известно всего пять-шесть усадеб, причем ближайшие из них находились в 2 км от городища. Чем объяснить такое различие в расположении и количестве усадеб? Можно предположить, что в Беркут-Калинском оазисе суще-

ствовали условия, способствовавшие выделению членов большесемейных общин в отдельные хозяйства, с постройкой зданий, как это видно на примере усадьбы 28. В Якке-Парсанском оазисе значительная часть непосредственных производителей должна была жить в замке. Возможно, в таком размещении непосредственных производителей отразился более ранний этап развития феодализма в условиях Хорезма [2].

Изучению археологических памятников долины р. Чу посвящены многие труды советских археологов. Обобщение работ, посвященных изучению памятников раннего феодализма, проведено в монографии П. Н. Кожемяко [10] и в коллективном труде «История Киргизской ССР» [21]. Широко использованы археологические материалы наряду с этнографическими в недавно вышедшей книге К. И. Петрова [22]. Эти работы обеспечивают возможность использовать археологические данные для рассмотрения особенностей процесса феодализации в этой культурно-исторической области в сравнении с соответствующими этапами истории Нахшеба и Хорезма.

Если в Хорезме и Нахшебе высокая культура земледелия известна с глубокой древности, то в Семиречье земледелие возникло относительно поздно. В самой долине р. Чу пока неизвестны земледельческие поселения древнее V—VII вв., но о том, что они могли быть, говорят исследования в соседних областях. Впервые поселение оседлых земледельцев, датированное II—V вв., было открыто в соседней долине р. Талас [23, с. 71, 72]. Более полные сведения о земледельческой культуре поры усуней (первые века до нашей эры — IV—V вв. н. э.) получены в восточной части Семиречья — там на поселении Актас были найдены каменные мотыги и обломок бронзового серпа, а в его окрестностях — следы каналов и обработанных участков [24, с. 71, 72].

О дальнейшем прогрессе земледелия в Семиречье может свидетельствовать факт находки уже в самой долине р. Чу, на городище Ак-Бешим в здании VII—VIII вв. деревянного плуга со следами железного лемеха и жернова водяной мельницы диаметром 1,5 м [25, с. 202]. Эти находки показывают, что в VII—VIII вв. по уровню развития земледелия долина р. Чу уже не отставала от древних земледельческих оазисов Средней Азии.

В III—V вв., когда в Нахшебе и Хорезме происходило разложение рабовладельческого строя, в долине р. Чу преобладало кочевое население. Прямые свидетельства письменных источников о социальной организации кочевников отсутствуют. Только на основе этнографических наблюдений можно предполагать, что феодальные отношения возникали здесь в процессе постепенного углубления социального расслоения общества, развивавшегося еще в условиях господства родо-племенных отношений; с одной стороны, выделялась родовая аристократия, захватывавшая в свое пользование пастбища и скот и в то же время ставившая в зависимое от себя положение своих сородичей, поскольку нужны были работники для ухода за скотом. Род «стал формой организации феодального господства и подчинения, превратился в своеобразную надстройку кочевого феодального общества» [26, с. 440]. С другой стороны, социальные антиподы родовой аристократии или попадали в полную зависимость, или же принуждены были переходить к оседлости и земледелию.

Первые сведения письменных источников о социальной структуре кочевых народов донесли до нашего времени орхонские надписи VI—VIII вв. и рунические тексты VII—IX вв. Этим памятникам письменности посвящена обширная литература, они многократно интерпретировались с целью определения социальных отношений оставивших их обществ [27, с. 20—52; 28, с. 148—169; 29, с. 55—69]. Приведенные в них

[2] В беседе с автором Е. Е. Неразик сообщила, что в последние годы в Якке-Парсанском оазисе открыты ранее неизвестные развалины усадеб; общее их количество теперь превышает 20 памятников этого типа; возможны и дальнейшие находки развалин раннесредневековых усадеб. Однако и в этом случае остается существенное различие в густоте расположения усадеб в сравнении с Беркут-Калинским оазисом.

данные относятся к странам, расположенным преимущественно далеко к востоку от долины р. Чу, но и они в какой-то степени могут характеризовать начальный этап развития феодализма в этой долине. Сам характер этого источника — надписи на надгробных памятниках феодальных владык,— конечно, ограничивает объем приводимых сведений, но по их текстам восстанавливается иерархия, которую можно назвать уже феодальной. Перечисляются титулы, называются члены семейств, родственники, а также и «черный народ», под которым в принципе можно понимать все подвластное трудовое население. Исходя из содержания этих текстов, можно считать, что представители господствовавшего класса кочевого населения, хотя и жили в условиях большой патриархальной семьи, но по отношению к «черному народу», владетель и члены его семейства, до самых отдаленных родственников, были феодалами. Уход какого-либо рода или группы из-под их власти на другую территорию считался тягчайшим преступлением и сурово карался; можно полагать, что это была особая форма крепостного права.

Из содержания надписей также известно, что в среде кочевых обществ было много рабов, преимущественно военнопленных, которых принудительно заставляли заниматься земледелием и ремеслами. Значительный стимул развитию земледельческих поселений дали согдийские переселенцы [30, с. 39, 40], по своим занятиям земледельцы, ремесленники и купцы.

Река Чу, выходя из предгорий, принимает на своем пути с южной стороны свыше 20 рек, удобных для устройства водозаборных сооружений [10, с. 6, 7]; большой торговый путь пересекал все эти реки, и в основном вдоль него расположены земледельческие поселения долины, в среднем с интервалом в 10—14 км. Самые ранние из поселений возникли в V—VII вв., т. е. в то время, когда в Нахшебе население сосредоточивалось около замков. В Беркут-Калинском оазисе в конце этого периода усадьбы укреплялись донжонами. Поселения Чуйской долины в своей планировке уже имели две части раннесредневекового города — цитадель и шахристан, но вместо рабада — торгово-ремесленного предместья, позднее наиболее оживленной части среднеазиатского города, здесь образовывался небольшой земледельческий оазис с разбросанными по его территории домами-усадьбами с интервалом 50—100 м между ними, как это установлено на примере Краснореченского городища [10, с. 71]. Это в какой-то мере напоминает расположение усадеб в Беркут-Калинском оазисе, но здесь они расположены значительно гуще, что объясняется особыми общественно-политическими условиями.

В Нахшебе и Хорезме во все периоды становления феодальных отношений государство в значительной степени обеспечивало общую охрану сельских поселений и их земледельческих угодий. Прямым свидетельством существования централизованного государства в Хорезме является тот факт, что выпуск традиционной монеты с I в. н. э. до начала IX в. «осуществляла династия, в руках которой в течение всего этого исторического периода находилась власть над страной» [31, с. 73]. Но в долине р. Чу во второй половине I тысячелетия н. э. формы объединений и политического устройства были неустойчивыми, население каждого из возникавших небольших земледельческих оазисов должно было заботиться об охране своих возделанных земель. Эти земли, окруженные степями и горами с кочевым или полукочевым населением, нужно было огораживать крепостными стенами, в их пределах и должны были жить земледельцы и даже скотоводы. К. И. Петров предлагает такие поселения называть «аграризованными городами» [22, с. 134]; всего в Чуйской долине он насчитывает 19 таких городов[3]. Причисляя все эти поселения к категории городов, К. И. Петров жителей их называет горожанами и считает, что «городские земледельцы с особым укладом их хозяйства не представляли собой „крестьянства“, как в сельских местностях, и вообще здесь

[3] Некоторые из этих городов, по расчетам К. И. Петрова, имели население менее 1 тыс. человек [22, с. 162], что все-таки делало их более похожими на сельские поселения.

все-таки не было деревни как таковой» [22, с. 200, 201]. С этим выводом вряд ли можно согласиться: если даже некоторые жители этих поселений совмещали труд земледельца с трудом ремесленника, все же главную часть непосредственных производителей в этих «аграризованных городах» составляли земледельцы, они и являлись по своему положению крестьянами.

Кроме «аграризованных городов» в Чуйской долине отмечено свыше 40 мелких поселений типа крепостей [10, с. 131—166]. П. Н. Кожемяко подразделяет их на две группы по местоположению: расположенные в долине, близ городищ с длинными стенами, и вдали от них — у горных ущелий. Только на немногих из них выявлены наслоения VII—VIII вв., большая их часть существовала в X—XII вв., уже в период развитого феодализма. Первые из них, видимо, связаны с хозяйственной деятельностью жителей городов, ими закреплялось право владения на окрестные земли [22, с, 95, 96]. Крепости около ущелий, можно предполагать, основывались полуоседлыми феодалами для использования пастбищ в замкнутых горных долинах и вокруг крепости, также на правах владения.

В заключение рассмотрим несколько общих вопросов развития культуры в Нахшебе, Хорезме и в долине р. Чу в период становления феодализма.

В Нахшебе на этапе разложения рабовладельческого общества (III—V вв.) наблюдается как бы некоторый упадок производительных сил, выражающийся в ухудшении качества керамических изделий, появлении в массовых количествах изделий лепной работы. Забрасываются некоторые орошенные земли на окраинах. К концу этого периода относится и упадок крупнейшего города оазиса, что, надо полагать, вызвано скорее политическими причинами [32, с. 201—207]. Однако есть факты и положительного порядка. Установлено, что вся исследованная сельская округа в восточной части оазиса возникла не ранее III в. н. э. Прослеживается переход кочевников к оседлости и земледелию, что выражено в появлении двухъярусных поселений. Отмечено усовершенствование одного из орудий труда — постепенная замена зернотерок ручными жерновами.

В Хорезме в кушано-афригидский период (IV—VI вв.), в условиях еще рабовладельческого общества, отмечается общий упадок культуры, но в то же время положено «начало коренного переустройства системы орошения на основе новых, уже средневековых гидротехнических решений» [33, с. 138]. Совершенствуются орудия труда, что также видно на примере замены зернотерок жерновами [34, с. 121]. Признак феодализма можно видеть в появлении иерархии замков.

Здесь уместно остановиться на вопросе о том, почему земледельцы Хорезма в VII—VIII вв. расселялись в укрепленных усадьбах. Е. Е. Неразик выдвигает гипотезу, согласно которой «расселение земледельцев Хорезма афригидского периода в усадьбах было связано со спецификой хозяйства, основанного на поливном земледелии, которое в условиях дельты Амударьи носило особый характер, отличный от известного на других территориях Средней Азии» [9, с. 15]. Конечно, орошение в условиях такой крупной реки, как Амударья, имеет свои специфические особенности. Но дальнейшее развитие гипотезы Е. Е. Неразик, ссылающейся на невозможность селиться на берегу этой капризной реки и об удобстве располагать жилища вблизи полей и арыков, по нашему мнению, не улавливает именно специфики условий хозяйствования в данной местности. Выше уже был отмечен факт устойчивости государственности в Хорезме, выразившейся в почти тысячелетнем существовании одной династии и одного типа монет, несмотря даже на смену общественно-экономических формаций. Отмечался и факт переустройства ирригационной сети как раз в переходной период. Устойчивость государственности, можно полагать, вызывалась именно необходимостью содержать в порядке ирригацию оазиса, для чего требовалась концентрация усилий многих тысяч земледельцев. Это и могло осуществить государство. Но если существовала государственная власть, то земледельцам незачем было окружать свои возделанные земли крепостными стенами, как в долине р. Чу, или селить-

ся у подножия замков, как в Нахшебе. Защиту от иноземных завоевателей должно было принять на себя государство, а укрепления земледельцев предназначались для обычной охраны жилищ и посевов от соседей и мелких групп кочевников, которых, видимо, вокруг Хорезма было относительно немного: кормовые ресурсы пустыни скуднее пастбищ степей и гор [4].

В Нахшебе и Хорезме в период становления феодализма известны явления некоторого упадка в культуре, но они объяснимы не общим упадком производительных сил общества, а расширением и усилением влияний передовых земледельческих обществ на кочевников, обратное влияние которых и дает некоторые признаки упадка, например в керамическом производстве или в оставлении древних городов. Вот что пишет по этому поводу Г. Ф. Ильин: «В период раннего средневековья темпы исторического процесса замедлялись, а в некоторых странах Европы и Азии, подвергшихся в конце древности особенно сильному натиску со стороны племенной периферии, наблюдается экономический упадок — натурализация хозяйства, падение роли городов, ослабление международных торговых и культурных связей» [35, с. 88].

Важным элементом в определении специфики становления феодальных отношений в долине р. Чу является факт возникновения своеобразных «аграризованных городов». Хотя на многих развалинах этих городов уже велись археологические раскопки, но они преимущественно носили разведочный характер. Процесс их возникновения можно восстановить с учетом общеисторической обстановки того времени. Конечно, эти города возникали в местностях, уже в некоторой мере освоенных земледельцами. Древнейшая их часть — цитадель и шахристан — возникали в V—VII вв. Но кем они были основаны — кочевыми владыками? По этнографическим материалам и данным письменных источников известно, что к оседлости и земледелию первыми переходили лишь беднейшие слои кочевого населения, вряд ли недавние кочевники имели возможность приступить к устройству монументальных крепостных сооружений. Среди этих земледельцев в указанное время были уже согдийские переселенцы, обладавшие гораздо более высокой культурой земледелия. Очевидно, они, их аристократия, и были инициаторами и руководителями воздвижения крепостных сооружений, обычных в Согде. Конечно, для этого нужно было обладать достаточными материальными средствами и определенным политическим влиянием, которым, видимо, и располагали представители согдийской аристократии. Это видно из того факта, что в ставку восточнотюркских каганов в 731 г., на похороны Кюльтегина, прибыл из Семиречья и представитель согдийской знати наряду с кочевыми феодалами и посланцами соседних государств [36, с. 7—11].

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что основателями цитаделей и шахристанов городов долины р. Чу были согдийцы, сумевшие мобилизовать для этой цели ресурсы местного земледельческого населения. Возможно, что на более поздних этапах развития городов укрепления возводили и переходившие к оседлости кочевые феодалы.

Как и в других регионах мира, феодализм в Средней Азии развивался в различных ее культурно-исторических областях на основе двух общественно-экономических формаций — рабовладельческой (Нахшеб, Хорезм) или первобытнообщинной, на поздней стадии ее развития (долина р. Чу). На этой первичной основе конкретные особенности ранних этапов развития феодализма определялись сочетанием многих факторов — природных, социально-экономических, политических.

[4] Е. Е. Неразик в беседе с автором выразила мнение что особенность расположения сельских поселений в Хорезме как бы отдельными хуторами, возле арыков, вызвана необходимостью постоянного наблюдения за уровнем воды в них. Кроме того, она считает, что государственность в Хорезме при феодализме не была сильна в рассматриваемый период, ее ослабляли постоянные раздоры феодалов. Конечно, это верно, но также верно и то, что государственная власть должна была обеспечивать функционирование ирригационной системы в целом. Что же касается наблюдений за уровнем воды, то оно осуществлялось тщательно повсеместно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Толстов С. П.* Периодизация древней истории Средней Азии.— КСИИМК, 1949, вып. XXVIII.
2. *Беленицкий А. М.* О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии.— КСИА, 1970, вып. 122.
3. *Якубовский А. Ю.* Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.).— КСИИМК, 1949, вып. XXVIII.
4. История таджикского народа. Т. II, кн. 1. М.: Наука, 1964.
5. *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
6. *Массон В. М.* Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана.— УСА, 1979, вып. 4.
7. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийский город в начале средних веков.— СА, 1981, № 2.
8. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972.
9. *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966.
10. *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
11. *Кабанов С. К.* Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VI вв.). Ташкент: Фан, 1977.
12. *Алимов У.* Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе.— ИМКУ, 1959, вып. 2.
13. *Мухаммад Наршахи.* История Бухары. Перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.
14. *Тереножкин А. И.* Археологические разведки в Хорезме.— СА, 1940, т. VI.
15. *Неразик Е. Е.* Раскопки Якка-Парсана.— Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 7. М., 1963.
16. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л. 1948.
17. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948.
18. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
19. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М.: Наука, 1976.
20. *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
21. История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1968.
22. *Петров К. И.* Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII вв. Фрунзе, 1981.
23. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина»/Составлены под руководством Бернштама А. Н.— МИА, 1950, № 14.
24. *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
25. *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— ТКАЭЭ, 1959, т. 2.
26. *Батраков В. С.* Особенности феодализма у кочевых народов.— В кн.: Научная сессия АН УзССР 9—14 июня 1947 г. Ташкент, 1947.
27. *Толстов С. П.* Тирания Абруя.— Истор. записки, 1938, № 3.
28. *Бернштам А.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
29. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука 1964.
30. *Бернштам А. Н.* Согдийская колонизация Семиречья.— КСИИМК, 1940, вып. VI.
31. *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.
32. *Кабанов С. К.* К вопросу о столице кидаритов.— ВДИ, 1953, № 2.
33. *Андрианов Б. Д.* Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969.
34. *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.
35. *Ильин Г. Ф.* Древность и средневековье. Проблема уровней развития производительных сил.— НАА, 1967, № 6.
36. *Кляшторный С. Г.* Согдийцы в Семиречье.— СЭ, 1959, № 1.

S. K. Kabanov

ARCHAEOLOGICAL DATA ON STUDY OF THE GENESIS OF FEUDALISM IN CENTRAL ASIA

(case-study of Nashkheb, Kwarazm and the Chu Valley)

The author discusses the results of archaeological research illustrating the process of the emergence and consolidation of feudalism in three historico-cultural regions of Central Asia — Nashkheb, Kwarazm and the valley of the Chu River within the 3rd-8th centuries period. The article reveals major specific features of this process engendered by natural, socio-economic and political factors. Nashkheb was characterised by land-tilling population living in immediate proximity to feudal castles; Kwarazm — by a hierarchy of castles which included fortified estates of the land-tillers; the Chu Valley — by urban-type settlements with a citadel, living quarters and walled land-tilling suburbs. In Nashkheb and Kwarazm feudalism developed on the basis of the preceding slave-owning structure, while in the Chu Valley it was an outcome of the development of the primitive-communal structure.

ВИЛЕНЧИК Б. Я.

НОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ РУССКОГО АРХАИЧЕСКОГО АБАКА

И. Г. Спасский, констатировавший, что «дощаной счет» (счеты) возник на Руси в конце XVI в., обратил внимание на сообщения, датированные концом XVI в. и первой половиной XVII в., о применении на Руси счета с помощью двух сортов плодовых косточек, транспортируемых в мешочке [1, с. 300, 301]. Естественной явилась гипотеза о том, что предшественником «дощаного счета» на Руси был счет с помощью этих косточек, раскладываемых по правилам, аналогичным правилам «дощаного счета», но на любой подходящей более или менее ровной поверхности [1, с. 283, 301, 302, 372; 2, с. 47, 48]. Архаический абак, т. е. абак без рамки (таблицы) и стержней (прорезей), с древнейших времен существовал в разных странах земного шара. Общим для большинства вариантов абака является использование двух типов счетных элементов (косточек, жетонов и т. п.) — одного типа для обозначения единиц и другого для обозначения пятерок — всех разрядов десятичной системы счисления. Древнегреческий абак представлял собой доску, разделенную на части параллельными друг другу вертикальными линиями, между которыми укладывались счетные элементы (камешки). На абаке находились три группы линий, в соответствии с тремя видами древнегреческих денежных единиц — халками, драхмами и талантами, при этом значение стандартного счетного элемента определялось тем, между какими линиями он находился. Рассматривая ту часть абака, на которой откладывались драхмы, мы устанавливаем, что параллельные вертикальные линии отделяли последовательно друг от друга как разряды (единиц, десятков, сотен и т. д.), так и полуразряды (единиц и пятерок) в каждом разряде. Абак располагался перед вычислителем фронтально, счет велся справа налево (рис. 1, *1*). В западноевропейском средневековом «счете на линиях» жетоны-единицы располагались на горизонтальных линиях, а жетоны-пятерки — между линиями. Абак располагался перпендикулярно фронту, счет велся снизу вверх (рис. 1, *2*). И в древнегреческом абаке, и в «счете на линиях» число элементов-единиц не превышает четырех, а элементов-пятерок — одного. Эти два абака типологически подобны друг другу, ибо «счет на линиях» есть, по существу, древнегреческий абак, повернутый вверх на 90°, при этом осталась без изменения та особенность, которая препятствует превращению архаического абака в счеты — одинаковая пространственная ориентация соседних разрядов (единиц и десятков, десятков и сотен) — горизонтальная или вертикальная — и соседних полуразрядов (единиц и пятерок) в каждом разряде, также горизонтальная или вертикальная. Именно по этой причине в древней Греции и средневековой Западной Европе не появилось счетов. Хотя можно представить себе счеты с проволоками, на которых поочередно находится по четыре и одной косточке, но, очевидно, имелось психологическое препятствие к превращению соответствующего абака в такие счеты, отсутствующее в случае абака, в котором элементы-единицы и элементы-пятерки располагались на одной линии. И. Г. Спасский доказывает, что, несмотря на наличие описания «счета на линиях» в русских средневековых учебниках, «счет на линиях» никогда не применялся на Руси: счетные жетоны, обнаруженные археологами в составе кладов, использовались как денежное средство и как украшение; описание «счета на линиях» является перево-

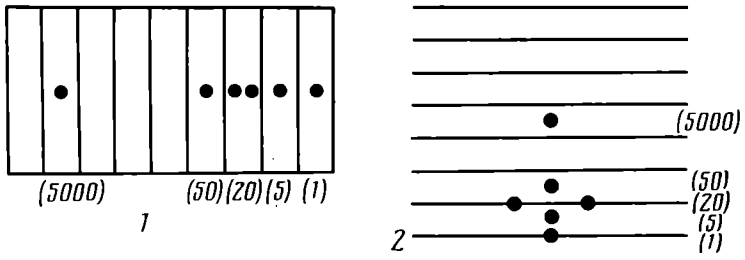


Рис. 1. Архаический абак, не способный превратиться в счеты: *1* — число 5076 в системе древнегреческого архаического абака; *2* — число 5076 в системе западноевропейского «счета на линиях»

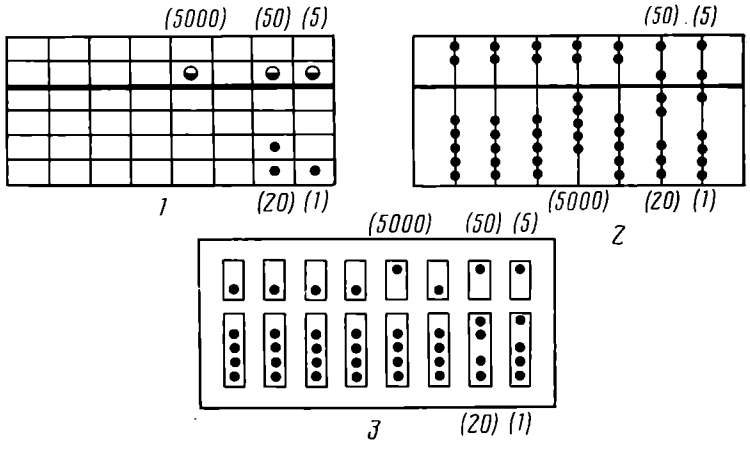


Рис. 2. Архаический абак, способный превратиться в счеты, и возникшие из него счеты: *1* — число 5076 в системе китайского архаического абака; *2* — число 5076 на китайских счетах; *3* — число 5076 на римских счетах

дом из иностранного учебника и могло быть использовано при счете на абаке с другой структурой [1, с. 298—300, 302, 372; 3, с. 12—15].

В одной из последних перед появлением китайских счетов модификаций китайского архаического абака на разделенной на квадраты счетной доске, лежащей на земле, выкладывались костяшки-единицы (не более четырех) и костяшки-пятерки (не более двух) [4, с. 336, 337, рис. 124]. Этот абак располагался перед вычислителем фронтально, счет велся справа налево (рис. 2, *1*). Рисунок 124 в книге А. Е. Раик [4, с. 337] аналогичен нашему рис. 2, *1*, но А. Е. Раик пишет: «Одна костяшка, помещенная над перегородкой, означала пять единиц данного разряда, в то время как каждая костяшка, помещенная под перегородкой, означала одну единицу» [4, с. 336]. Здесь вместо «одна костяшка, помещенная над перегородкой, означала пять единиц» следовало сказать «каждая костяшка, помещенная над перегородкой», ибо, согласно рис. 124 (рис. 2, *2*), в процессе счета их могло оказываться и две. Далее А. Е. Раик пишет: «Счетная доска была заменена рамкой, в которой были продеты... бамбуковые прутья, на которых были нанизаны костяшки по пять под перегородкой и по две над перегородкой. Как и в предыдущей модели, каждая костяшка под перегородкой означала единицу данного разряда, а каждая костяшка над перегородкой означала пять единиц данного разряда» [4, с. 337, рис. 125]. Так китайский архаический абак превратился в китайские счеты (рис. 2, *2*). Ясно, что наличие ячейки для второй пятерки на абаке (рис. 2, *1*) повышает надежность счетного устройства, ибо в этом случае после набора второй пятерки (от 6 до 10) полученная промежуточная десятка сначала фиксировалась в виде двух элементов — пятерок, а затем переносилась в высший разряд в виде его единицы. При наличии лишь одной ячейки для пятерок и четырех ячеек для единиц переход к высшему разряду происходил бы сразу от девяти единиц низшего разряда, что могло приводить к ошибкам при счете ($5\times2=10$,

5+4=9). Но вот что здесь является существенно новым по сравнению с абаком рис. 1, *1* и *2*: противоположная пространственная ориентация соседних разрядов (единиц и десятков и т. д.) — горизонтальная и соседних полуразрядов (единиц и пятерок и т. д. в каждом разряде) — вертикальная, что обеспечило возможность трансформации данного типа абака в счеты, что и произошло в X в. (рис. 2, *2*). Счеты эти располагались перед вычислителем так же, как и предшествующий им абак, счет велся справа налево, но число единиц увеличилось до 5, что обеспечило дополнительную степень надежности (5×2=10, 5+5=10). В отличие от русских счетов разделение на элементы-единицы и элементы-пятерки при переходе от архаического абака к счетам сохранилось, что объясняется древностью данного счетного устройства. В японском варианте этих счетов (XVI в.) осталась одна костяшка-пятерка [1, с. 294], дополнительная степень надежности исчезла. Нужно отметить еще одну важную особенность китайского архаического абака (рис. 2, *1*) — различную окраску костяшек-пятерок и костяшек-единиц [4, с. 336, 337], что также повышало надежность устройства, предупреждая возможность путаницы, которая могла возникнуть от спешки или утомления.

Последним из зарубежных типов абака мы рассмотрим древнеримский абак. Римские счеты (рис. 2, *3*) [5 с. 130; 6, с. 43] представляли собой бронзовую таблицу с вертикально прорезанными желобами, разделенными непрорезанным пространством на две неравные части: для движущихся по желобам штифтов-единиц в количестве 4 и штифтов-пятерок в количестве 1 в каждом желобе-разряде. Расположение таблицы при счете и направление счета здесь совпадают с китайскими счетами, но элементы-пятерки здесь передвигаются снизу вверх [7, с. 17, рис. 3]. Как и в случае древнегреческого архаического абака, мы показываем только ту часть римских счетов, где подсчитывались ассы — денежные единицы. Взаимное расположение разрядов (единиц и десятков и т. д.) и полуразрядов (единиц и пятерок в каждом разряде) такое же, как в китайском абаке.

Р. А. Симонов, исследуя вопрос о типе предшествовавшего «дощаному счету» русского архаического абака, обнаружил в дополнительной главе учебника математики Я. Накцановича (1759 г., Вильно), посвященной «калькуляторной арифметике», описание архаического абака специфического вида (рис. 3, *1*) [8, с. 65—67]. Подобно тому как «счет на линиях» явился типологическим повторением (с поворотом на 90° вверх вправо) древнегреческого абака, русский (восточноевропейский) абак явился типологическим подобием китайского архаического абака (рис. 2, *1*), если последний повернуть на 90° вниз вправо и начать счет снизу. Ясно, что такой абак мог превратиться в счеты, что и произошло в конце XVI в. Притом русские счеты соответствуют как раз этому типу абака. В случае русского архаического абака счетные элементы раскладывались на любой ровной поверхности. Звездочка на рис. 3, *1* заменяет нуль (сотен). Сравнение абака из учебника Я. Накцановича с китайским архаическим абаком (рис. 2, *1*) позволяет ответить на вопрос, почему в сообщениях XVI—XVII вв. упоминаются косточки двух сортов, а не одного. Р. А. Симонов предположил, что одним видом косточек обозначались пятерки, а другим — единицы, что предотвращало возможную путаницу при случайных перемещениях косточек из полуразрядов пятерок в полуразряд единиц и наоборот в том случае, если при счете использовалась нерасчерченная ровная поверхность, т. е. два сорта косточек использовались для усиления надежности счетного устройства, как и в абаке на рис. 2, *2*; что же касается незаполненных разрядов, то они могли при счете отмечаться щепками, камешками и т. д.

Р. А. Симонов указал на то, что опубликованная Л. А. Голубевой надпись на пряслице XIII в. из Белоозера (рис. 3, *1*) представляет собой число 100(5+5+40+50) в системе русского абака, подобного абаку из учебника Я. Накцановича [8, с. 63, 64, 68—70; 9, с. 19, рис. 2]. Однако в надписи на пряслице имеется «задержанная» десятка (единиц), не переданная на следующий уровень, после чего и десятка десятков —

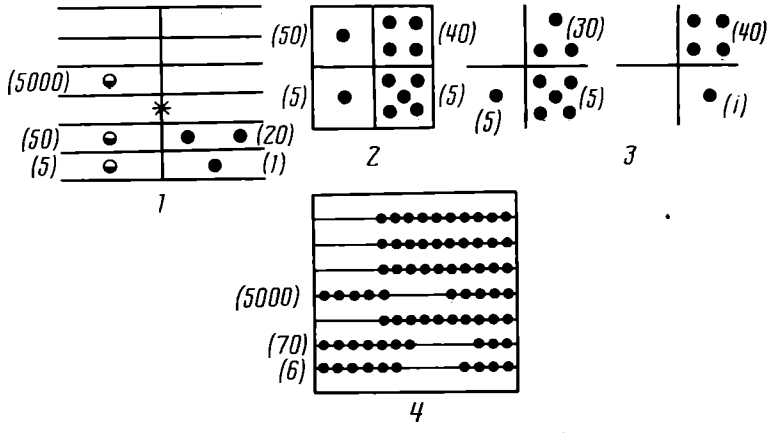


Рис. 3. Русский архаический абак и русские счеты. *1* — число 5076 в системе архаического абака из учебника Я. Накциановича; *2* — число 100 на пряслице XIII в.; *3* — число 40 и 41 в системе архаического абака с пряслица XIII в.; *4* — число 5076 на русских счетах

сотня должна была быть передана на третий уровень абака. В этом существенное различие надписи на пряслице и абака из учебника Я. Накциановича. Но подобное раздвоение можно заметить и в рассмотренных нами типах архаического абака и счетов — в одних случаях число единиц не может превышать девяти, в других случаях оно может быть равно десяти. Равным образом и русские счеты возникли в XVII в. в двух вариантах: с 9 и с 10 косточками на каждом стержне. В случае счета с использованием 9 счетных элементов, в том числе в варианте пятерка плюс четыре единицы, число 10 возникает только в виде одного элемента второго уровня, в случае счета с использованием 10 элементов число 10 возникает как 10 единиц первого уровня, а затем как одна единица второго уровня, заменяющая предыдущее представление. Промежуточная десятка единиц (первого уровня) не фиксируется при счете. Но была возможна и такая ситуация, когда число 10 фиксировалось на счетном устройстве только в виде 10 единиц, как это мы и видим на пряслице из Белоозера; превращение же их в одну единицу верхнего разряда происходило при поступлении избыточной, 11 единицы, «вытесняющей» десятку единиц на верхний уровень. В абаке, который работал таким образом, в отличие от абака из учебника Я. Накциановича, нуль не требовался вообще, незаполненные разряды в нем отсутствовали, т. е. мы достигаем максимальной надежности (рис. 3, *3*). С. П. Обнорский писал: «Те же германские языки, албанский и кельтский язык обнаруживают знакомство с 20-ричной системой счисления. Можно поставить вопрос, не ее ли реминисценцией является также черта некоторых русских диалектов — обозначение 30 посредством „двадцать десять“. Эта черта отмечена в Медынском и Мещовском уездах (прим. 6: здесь при „двадцать десять“ последующий счет — „тридцать один“, также „тридцать десять“, но „сорок один“ и т. д.) б. Калужской губ. (отв. на прог. АН № 263 и 267), в Новосильском у. (прим. 7: здесь также „тридцать десять“=40 и проч.) б. Орловской губ. (прог. № 77, черта, не общая у говорящих), в Щигр. у (прим. 8=прим. 7) б. Курской губ. (Халанский, нар. гов. Курской губ. 32: у цуканов, особенность, уже исчезнувшая из языка), в Егорьевском у. (прим. 9=прим. 7) б. Рязанской губ. (прог. № 133, черта, присущая более детям и старухам), в Мокш. у. б. Пензенской губ. (прог. № 230). Такое же указание дает и украинский язык (в песенном тексте.— Гринченко. Словарь, 1, 361)» [10, с. 328]. М. Г. Халанский в свою очередь сообщает: «...жители дер. Горностаевки Щигровского уезда... в соседних районах их называют цуканами [11, с. 29] ...Существует предание... что цуканы при счете говорили будто бы двадцать десять вместо тридцать, тридцать десять вместо 40» [11, с. 32]. Но гипотеза о 20-ричном происхождении этих оборотов не может соответствовать действительности, ибо за «двадцать десять» следует не «двад-

цать одиннадцать», а «тридцать один» и т. д. Известный случай 20-ричной системы счисления, обнаруженный в языке одного из индоиранских племен, дает отличную от зафиксированной в русских диалектах картину: «30 — двадцать десять, 40 — два двадцать, 50 — два двадцать десять, 60 — три двадцать и т. д.» [12, с. 164]. Та же картина встречается в финикийском, сирийском, пальмирском и грузинском языках. И в европейских языках (французский, английский), когда мы встречаемся с реликтами 20-ричной системы счисления, мы обнаруживаем 10, 15, 20×n, но не встречаем числа (слова) 30 [13, с. 8]. В рамках нашей концепции материал С. П. Обнорского может явиться доказательством существования на Руси архаического абака безнулевого типа, фрагментом которого является изображение на пряслице из Белоозера, где 100 выглядит как «девяносто десять». Именно на таком абаке вслед за «двадцать десять» следовало «тридцать один», за «тридцать десять» — «сорок один», и т. д. (рис. 3, *3*). После «девяносто десять» будет следовать «сто один», но еще в виде $10 \cdot 10^1 + 1 \cdot 10^0$; сотня в виде одной единицы третьего уровня появится только при переходе от 110 ($10 \cdot 10^1 + 10 \cdot 10^0$) к 111 ($1 \cdot 10^2 + 1 \cdot 10^1 + 1 \cdot 10^0$).

Обнаруженные обороты могут быть обязаны своим существованием счету на счетах, в том случае, если при счете откладывалось сразу несколько чисел на одном экземпляре счет. При этом могло вестись параллельное суммирование нескольких групп результатов. Поскольку обычный порядок разрядов при этом нарушался, то применение «безнулевого» счета становилось возможным. Но в этом случае мы можем утверждать, что «безнулевой» счет на архаическом абаке еще более вероятен.

Изображение на пряслице из Белоозера может явиться клеймом изготовителя, число 100 может обозначать номер изготовленной партии и т. п. [14, с. 605]. Но появление числовой надписи на пряслице можно также объяснить с помощью предположения В. Л. Янина о том, что в «безмонетный период» (XII—XIV вв.) на Руси шиферные пряслицы использовались в качестве денежного средства [15, с. 188, 189; 16, с. 60]. В этом случае надпись на пряслице может быть суммой долга и т. д.

И. Г. Спасский показал, что мнение о неприменении на Руси пятиричной системы счисления, характерной для всех типов архаического абака, является неверным, что устанавливается на основании косвенных свидетельств [1, с. 304]. Теперь после открытий Р. А. Симонова мы получили прямые доказательства правильности мнения И. Г. Спасского. С другой стороны, появление именно и только на Руси счетов без остатков пятиричной системы счисления связано с тем, что десятичный принцип в монетном деле был применен на Руси уже в 30-е годы XVI в. [1, с. 370]. «Десятичная» тенденция, наиболее полно проявившаяся в русских счетах, присутствовала в обоих архаических абаках, способных превратиться в счеты: в русском и китайском, поскольку здесь десятичная система счисления является главной, десятки следуют непосредственно друг за другом, а древняя пятиричная система счисления внутренняя, второстепенная, в то время как в греческом и западноевропейском абаках десятичная и пятиричная системы счисления структурно равноправны.

Мы можем предложить здесь следующее решение вопроса о причинах поворота на 90° взаимосвязанных генетически или типологически разновидностей абака. О попытках решить эту проблему писал И. Г. Спасский [1, с. 294, 295]. Можно заметить, что все типы абака древнего мира (рис. 1, *1*; 2, *1—3*) располагались фронтально по отношению к вычислителю, а все средневековые типы абака (рис. 1, *2*; 3, *1—4*) — перпендикулярно фронту. Переориентация абака связана, возможно, с общей активизацией и рационализацией образа жизни: перпендикулярный фронту абак удобнее как для визуального восприятия, так и для интенсивного передвигания счетных элементов; перпендикулярные фронту счеты в отличие от фронтальных могут не только лежать на земле или на подставке, но и быть установленными вертикально. Здесь существенно, в какую эпоху сложился психологический статус нации. Так, в XIX в. из России в Иран интенсивно ввозились русские сче-

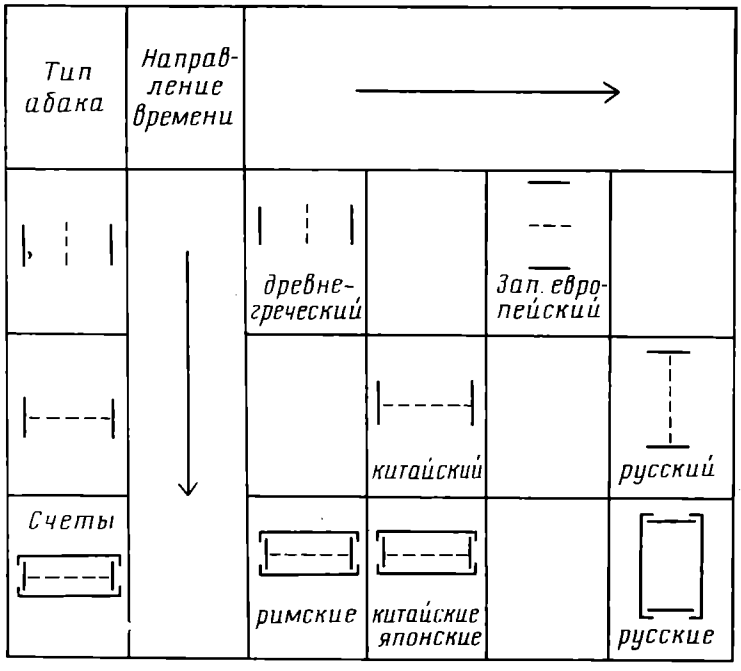


Рис. 4. Эволюция домеханических счетных устройств от древнегреческого архаического абака к русским счетам

ты, но располагались они там при счете фронтально, по китайскому образцу [1, с. 294].

Соотнося географию возникновения счетов с их историей, замечаем естественный факт: счеты возникли в тех странах, где имелись достаточно большие количества исчисляемого материала (людей, вещей, земель, животных, сельскохозяйственных продуктов, денег), достаточная длительность существования и достаточная стабильность управления: в Китае, России, Древнем Риме. Из Китая счеты были в XVI в. заимствованы Японией, относительно мелким государством, но находившемся именно в XVI в. в состоянии интенсивной торговли с Китаем (позже, в XVII в., она была ограничена законом) [17, с. 519, 520]. Сверх того, именно в XVI в. происходило объединение Японии и образование там общеяпонского рынка [17, с. 520]. Вспомним, что и XVII в. в России, когда там появились счеты,— период образования всероссийского рынка.

В заключение мы предлагаем читателям наглядную результирующую схему развития домеханических счетных устройств от древнегреческого абака к русским счетам (рис. 4).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спасский И. Г.* Происхождение и история русских счетов.— ИМИ, 1952, вып. 5.
2. *Симонов Р. А.* Математическая мысль Древней Руси. М.: Наука, 1977.
3. *Кузнецова В. С., Симонов Р. А.* Об умножении на древнерусском абаке.— В кн.: Естественнонаучные знания в Древней Руси. М.: Наука, 1980.
4. *Раик А. Е.* Очерки по истории математики в древности. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1977.
5. *Боев Г. П.* Лекции по истории математики. Ч. 1. Саратов: Коммунист, 1956.
6. *Кэджори Ф.* История элементарной математики. Одесса, 1917.
7. *Nagl A.* Die Rechentafel der Alten.— In: Sitzungberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 177, Alh. 5. Wien, 1914.
8. *Симонов Р. А.* Кирик-Новгородец — ученый XII в. М.: Наука, 1980.
9. *Голубева Л. А.* Граффити и знаки пряслиц из Белоозера.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974.
10. *Обнорский С. П.* Заметки по русским числительным.— В кн.: Академику Н. Я. Марру. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1935.
11. *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии. Спб., 1904.
12. *Розенберг Ф.* Материалы по двадцатому счету.— В кн.: Языковедные проблемы по числительным. Т. 1. Л.: Изд-во Ин-та лит. и языка Запада и Востока при ЛГУ, 1927.

13. *Фаццари Г.* Краткая история математики. М.: Задруга, 1923.
14. *Майстров Л. Е.* О математических знаках и терминах, встречающихся в археологических памятниках Древней Руси.— ИМИ, 1957, вып. 10.
15. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956.
16. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. М.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
17. Япония. V. Исторический очерк.— БСЭ, 3-е изд., т. 30. М.: Изд-во Сов. энциклопедия, 1978.

B. Ya. Vilenchik

FRESH EVIDENCE OF THE EXISTENCE OF A RUSSIAN ARCHAIC ABACUS

Summary

By way of supplementing the researches of I. G. Spassky and R. A. Simonov the author cites newly obtained linguistic and historical-mathematical evidence of the existence of a Russian archaic abacus, a predecessor of the early Russian calculating frame. A comparison of different types of the abacus (Figs. 1, *1* — 3, *1*) shows that the Russian archaic abacus was typologically akin to the Chinese (Figs. 2, *1* and 3, *1*). In the 16th and 17th centuries the Russian archaic abacus developed into a Russian calculating frame (Figs. 3, *1*, *4*), just as its Chinese counterpart evolved into a Chinese calculating frame (Figs. 2 *1*, *2*). Relevant examples derived from Russian subdialects indicate that a 13th-century inscription on a spindle whorl from Beloozero identified by R. A. Simonov as referring to the Russian archaic abacus was a fragment of some specific type of the Russian archaic abacus which did not require the use of zero (Fig. 3, *2*—*4*). The author traces the pattern of the historical and geographic regularities which governed the evolution of premechanical calculating devices (Fig. 4).

АФАНАСЬЕВ Г. Е.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ У АЛАН

Вопрос о формах семьи у алан лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья в VIII—IX вв. имеет особое значение для правильного понимания социально-экономических структур исследуемого общества, находящегося в процессе формирования классовых отношений. Наиболее полную характеристику патриархальная семья получила в монографическом исследовании М. О. Косвена [1], специально посвященном этому вопросу: «Семейная община, или домовая община, или большая патриархальная семья, была основной ячейкой патриархально-родового общества. Она состояла из трех-четырех, иногда до семи, поколений потомков, нисходящих и боковых, одного отца, составлявших одно хозяйство, покоившееся на коллективной собственности на землю и основные средства производства, а равно на коллективном потреблении продуктов этого производства» [1, с. 4]. М. О. Косвен выделял два типа семейной общины: более раннюю форму — демократическую и более позднюю — отцовскую семью [1, с. 88].

Отмечая заслуги М. О. Косвена в деле сбора и обработки фактического материала, некоторые исследователи в последние годы подвергли критике его классификацию. Так, например, Д. А. Ольдерогге [2, с. 15—17] считает, что классификация большой семьи по характеру власти (деспотическая или демократическая) — субъективна и носит случайный характер. В свою очередь он предлагает типологию большесемейных общин по степени экономической объединенности хозяйства членов большой семьи, однако сам не проводит этот принцип последовательно [3, с. 150]. Недостаточность классификации М. О. Косвена отмечал и Ю. В. Бромлей, выделяя наиболее архаичный тип большой семьи — братскую общину, связанную генетически с матриархатом [4, с. 202—209].

Отсутствие в настоящее время общепринятой типологии большесемейных общин усугубляется также и отсутствием общепринятой терминологии, относящейся к формам большой семьи (да и малой семьи тоже). В международной этнографической терминологии чаще всего различают, с одной стороны, элементарную, или нуклеарную, семью, с другой — семью расширенную. Расширенные семьи, в свою очередь, делят на вертикальные (брачные пары, связанные восходящим и соответственно нисходящим родством) и горизонтальные (брачные пары, связанные боковым родством). Недавно Ю. В. Бромлей и М. С. Кашуба, сохранив эту типологию, ввели для нее новую терминологию и обозначили элементарную семью как простую, расширенную — как сложную, вертикальную — как однолинейную и горизонтальную — как многолинейную [5, с. 27, 28; 6, с. 82—84].

При всем терминологическом разнобое для нас важна известная ясность, внесенная в историческую типологию форм большой семьи Д. А. Ольдерогге. Эта типология была развита применительно к Северо-Кавказскому региону Я. С. Смирновой как схема поэтапного перехода от большой к малой семье [7, с. 78—83].

Ретроспективно эту классификацию можно использовать и для исследования археологических источников салтово-маяцкой культуры, но только для рассмотрения одной группы материала — построек, так как здесь в некоторых случаях можно определить степень локализации и экономической интеграции отдельных семейств. Что касается изучения погребальных памятников салтово-маяцкой культуры, то мы получаем дан-

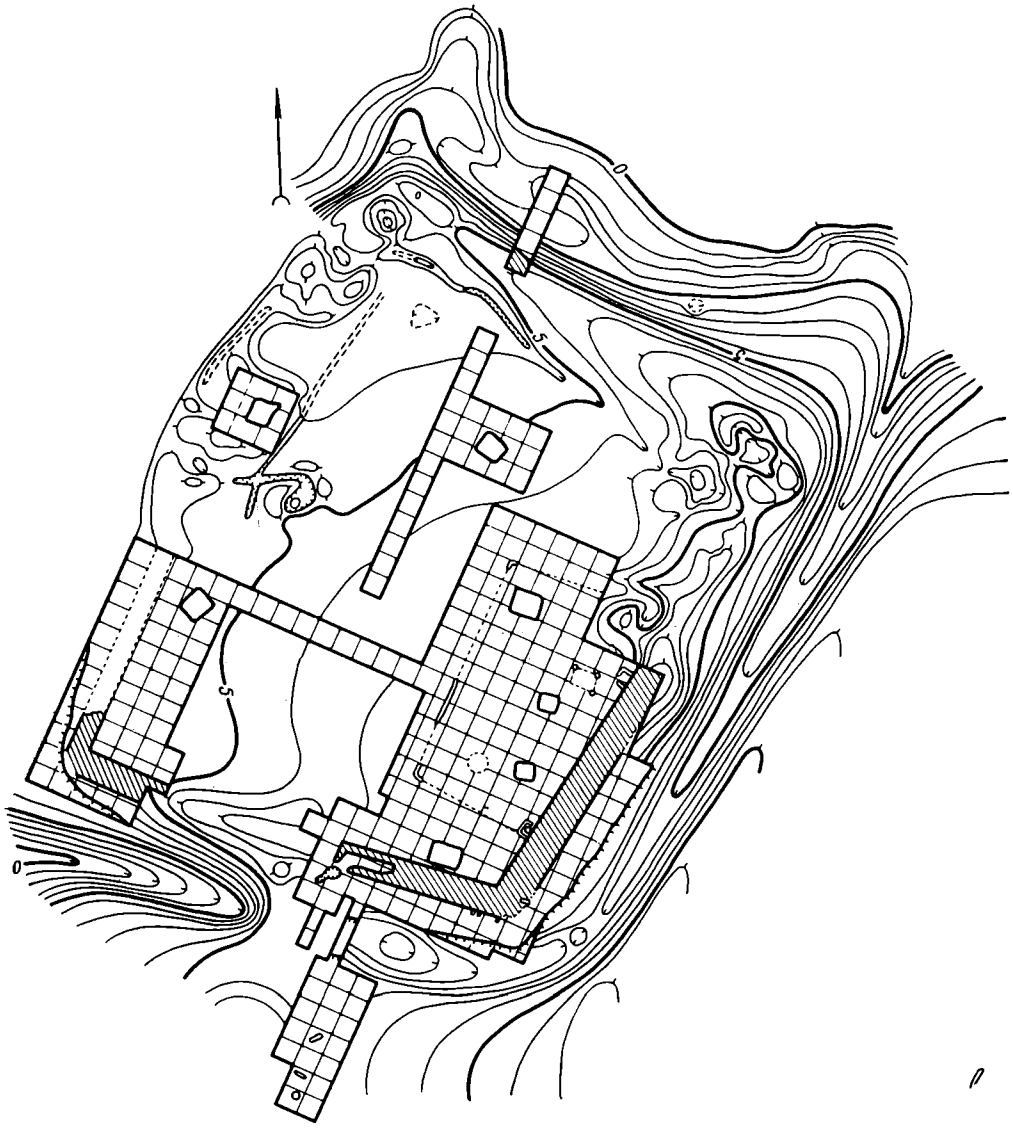


Рис. 1. План Маяцкой крепости

ные уже не об экономической интеграции малых семей, а о количестве брачных пар и числе поколений. Поэтому в последнем случае для нас удобнее использовать типологию Ю. В. Бромлея и М. С. Кашубы.

Информацию для реконструкции формы семьи у аланского населения лесостепи нам дают археологические источники (жилища и погребения), героический эпос и этнографические параллели.

Первостепенное значение для определения типов семьи по археологическим остаткам вообще и постройкам в частности принадлежит признакам, которые могут считаться специфическими или характерными для строений, принадлежащих тому или иному типу семьи. Однако само выделение этих признаков — процесс чрезвычайно сложный, так как домостроительство связано с целым рядом взаимообуславливающихся факторов, таких, как социальный, экономический, экологический, воплощаемых через архитектурное решение и строительную технику. С этими же факторами связана и этническая традиция в домостроительстве [8, с. 110—114].

Несмотря на разнообразие факторов, влияющих на домостроительство, в настоящее время археологами и этнографами выделены некоторые признаки построек, характерные для того или иного типа семьи, которые с определенной степенью достоверности могут являться критериями. Прежде всего важно определить назначение рассматриваемых помещений, т. е. являются ли они культовыми, жилыми или хозяйственными. В жи-

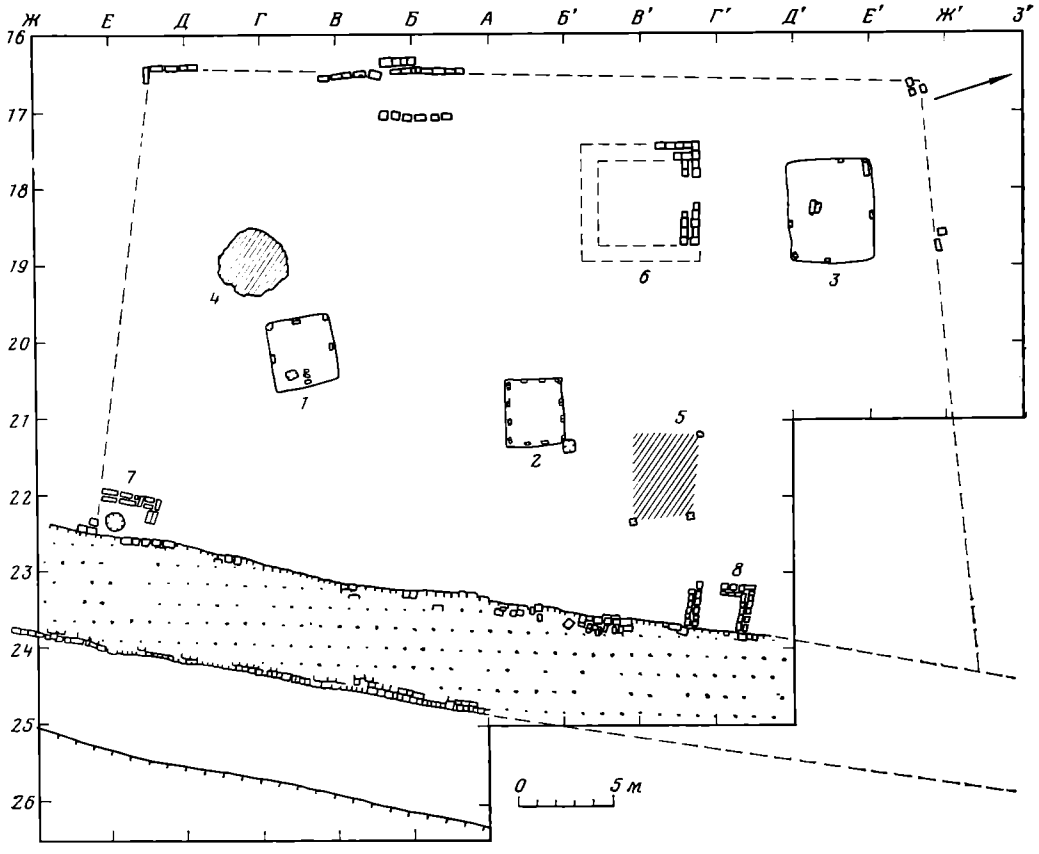


Рис. 2. План цитадели Маяцкой крепости: *1* — полуземлянка № 1; *2* — полуземлянка № 5; *3* — полуземлянка № 4; *4* — наземная постройка № 1; *5* — наземная постройка № 2; *6* — каменное сооружение № 1; *7* — каменное сооружение № 2; *8* — каменное сооружение № 3

лых помещениях большое значение имеет распределение очагов и находок, связанных с потреблением пищи и ее приготовлением — кости животных, обломки кухонных горшков и т. д. Ценную информацию носит взаимосвязь жилых и хозяйственных построек в рассматриваемом комплексе. И наконец, немаловажное значение имеют демографические расчеты — количественная характеристика людей, населявших жилые помещения, или их определенную группу [9, с. 9, 10].

Перейдем к конкретному материалу. Для данного вопроса исключительный интерес представляет внутренняя застройка Маяцкой крепости (рис. 1) прежде всего потому, что это четко изолированная крепостными стенами группа построек. Их территориальное единство дополняется хронологической и социальной общностью: крепость представляет собой феодальный замок, что уже отмечалось С. А. Плетневой.

В результате семилетних полевых исследований на этом памятнике собраны значительные материалы, характеризующие внутреннюю планировку крепости и назначение расположенных здесь построек. Территория крепости имеет особо выделенный участок, называемый нами условно «цитадель», хотя в фортификационном отношении он никакого значения не имел. Здесь были исследованы три полуземляночных сооружения, два наземных каркасных сооружения и три постройки на каменных фундаментах (рис. 2). За пределами цитадели раскопано еще четыре полуземляночных сооружения.

Поскольку крепость раскопана не полностью, а только ее внутренняя площадь, то естественно возникает вопрос, насколько количество исследованных построек отражает положение, реально существовавшее в древности. Сразу же отметим, что по микрорельефу на территории Маяцкого комплекса очень хорошо читаются западины полуземлянок. Но в случае с крепостью дело осложняется расположенными здесь во время Великой Отечественной войны укреплениями.

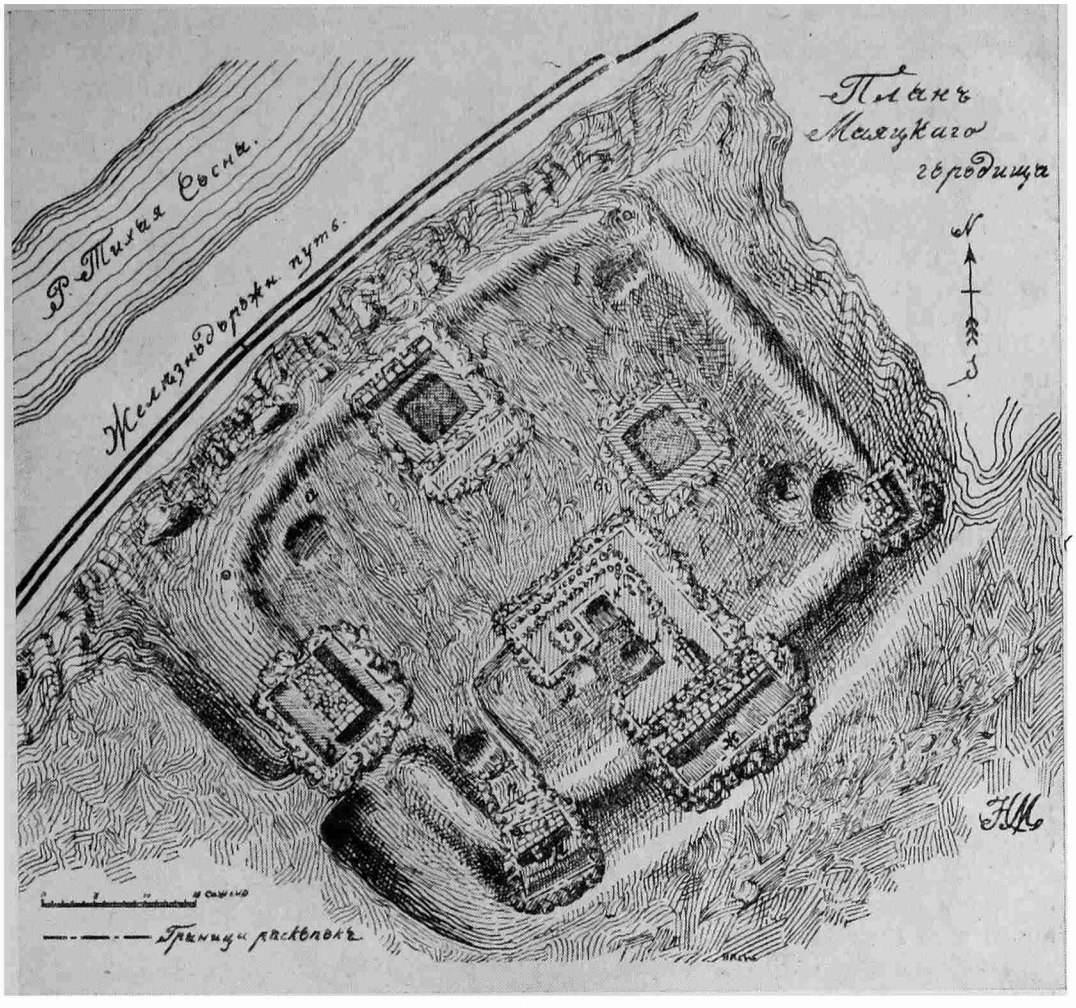


Рис. 3. План Маяцкой крепости по Н. Е. Макаренко

И здесь нам на помощь приходят планы довоенных лет. Первый план Маяцкого городища был сделан в 1906 г. А. И. Милютиным, но нигде не публиковался и был обнаружен С. А. Плетневой в архиве М. И. Артамонова. План очень схематичный, но и на нем отмечен развал стены цитадели, внутри которой прослеживаются три западины полуземлянок. На остальной территории крепости отмечены еще две западины: одна в центральной части, а другая в северном углу.

Второй план был составлен Н. Е. Макаренко и опубликован в 1911 г. [10, рис. 4]. Для нас он имеет особо важное значение, так как на нем помещены все прослеживаемые на территории крепости западины (рис. 3). Раскопки этих западин, проведенные Н. Е. Макаренко в 1907—1909 гг., С. А. Плетневой в 1975 г. и нами в 1977—1982 гг., подтвердили наличие здесь полуземляночных сооружений. В пределах цитадели кроме каменного строения і (каменное сооружение № 1) отмечены три западины — К, Л, М, соответствующие полуземлянкам № 4, 5, 1. В западном углу крепости на плане Н. Е. Макаренко нанесена западина А, соответствующая полуземлянке № 6, в районе южного угла — западина Г, соответствующая полуземлянке № 2. У северо-западной стены находилась западина Б, раскопанная Н. Е. Макаренко и вторично нами, соответствующая полуземлянке № 7. Наконец, у северного угла цитадели Н. Е. Макаренко раскопал западину Д, также исследованную нами вторично (полуземлянка № 3).

Таким образом, плану Н. Е. Макаренко вполне можно доверять, так как все нанесенные на нем и раскопанные западины соответствовали полуземлянкам. Наряду с исследованными полуземлянками на плане Н. Е. Макаренко нанесены еще две западины (одна в северном углу

крепости, другая в восточном). Однако их исследование в настоящее время нецелесообразно, так как они носят явные следы относительно недавних земляных работ и соединены между собой ходом сообщения военных лет. Вероятно, здесь находились блиндажи, аналогичные раскопанным нами у южного и западного углов крепости, а для их устройства были использованы расположенные здесь западины древних полуземлянок.

Итак, используя план Н. Е. Макаренко, можно считать, что на территории крепости существовало не семь, а девять построек полуземляночного типа.

Перейдем к характеристике раскопанных сооружений.

Полуземлянка № 1 располагалась в пределах цитадели и была раскопана С. А. Плетневой в 1975 г. Постройка площадью 12,6 м², ее пол находился на глубине 0,6 м от уровня материка. Вдоль стен прослежены ямки от столбов — по три с каждой стороны. Очаг был устроен в юго-восточной части полуземлянки в прямоугольном углублении 0,64×0,64 м, опущенном на 0,18 м ниже уровня пола. Вход в постройку был в северо-западном углу, между угловым столбом и срединным у северной стены.

В заполнении найдено большое количество костей животных, керамика, железный нож, точило и половинка игрушечного лепного сосуда. Наличие очага, обломков костей животных и фрагментов керамики несомненно свидетельствует о жилом характере этого помещения.

Полуземлянка № 2 находилась у внутреннего панциря юго-западной крепостной стены близ южного угла. Она имела площадь около 20 м². Пол постройки на 0,35 м ниже уровня материка. Вдоль каждой из сторон было от трех до четырех столбовых ямок. Открытый очаг без специального углубления располагался в южной части строения, где отмечалось скопление золы и древесного угля.

Вход в помещение скорее всего был в северном углу. Остатки очага, а также кости животных и фрагменты керамики из этой постройки говорят о ее жилом характере.

Полуземлянка № 3 располагалась в центральной части крепости за пределами цитадели у ее северного угла. В 1908 г. ее исследовал Н. Е. Макаренко, писавший, что это сооружение «...без признаков очага или других... характерных признаков жилья...», что, по его мнению, указывает на необитаемость «ямы» [10, с. 27]. Наши раскопки этого сооружения показали, что вырубленная в меловой скале прямоугольная полуземлянка имела площадь 17,8 м². Ее пол на 0,86—1 м был опущен ниже уровня материка. Вдоль каждой стены находилось по четыре столбовых ямки. У юго-западной стены был устроен очаг и предочажная яма. Очаг имел вид круглого углубления диаметром 0,66 и глубиной 0,1—0,14 м. Предочажная яма была квадратной формы размерами 0,4×0,4 м и той же глубины. В восточном углу жилища находилось вырубленное в полу непонятного назначения углубление размерами 0,76×0,38 м при глубине 0,1 м.

Очаг, кости животных и фрагменты обожженных горшков не оставляют сомнений в жилом характере этого сооружения.

Полуземлянка № 4 — самое крупное сооружение подобного рода на территории крепости. Ранее (в 1906 г.) оно было исследовано А. И. Милютиным, но ни чертежей, ни описания в отчете о раскопках не было [11, с. 155]. По этой причине нам пришлось раскопать его вторично. Оказалось, что площадь котлована была 27 м², а его пол находился на глубине 1,14 м от уровня материка.

По периметру постройки шли столбовые ямки по три с каждой стороны. В центре пола устроен очаг размерами 0,6×0,6 м, при глубине 0,3 м. Другое крупное углубление обнаружено в полу сооружения в северном углу близ опорной ямки углового столба. Оно имело прямоугольную форму размерами 0,8×0,42 м при глубине 0,22 м. Как и в других описанных случаях, сам факт наличия очага, а также найденные рядом с постройкой кости животных и обломки керамики свидетельствуют о жилом характере этого помещения.

Полуземлянка № 5 исследована в пределах цитадели крепости. Размеры сооружения небольшие, площадь 10,5 м². Пол постройки находился на глубине 1,14 м от уровня материка.

По периметру располагались ямки — основания столбов, по четыре с каждой стороны. К восточному углу помещения с наружной стороны примыкала вырубленная в материке яма размерами 0,8×0,6 м, глубиной 0,5 м. В северо-западной части эта яма имела ступеньку глубиной 0,38 м.

Никаких следов очага, древесного угля, золы или обожженных участков пола в постройке не обнаружено. Это позволяет отнести данную полуземлянку к типу нежилых, хозяйственных (вероятно, это был погреб или кладовая).

Полуземлянка № 6 находилась у внутреннего панциря северо-западной стены крепости близ западного угла. Это была постройка площадью 19,2 м², углубленная от уровня материка на 0,78 м.

По периметру постройки шли столбовые ямки, по три или четыре с каждой стороны. В центре помещался очаг — трапециевидное в плане углубление размерами 1,2×0,8 м, опущенное на 0,15 м ниже уровня пола. Три других углубления неясного назначения находились в западном, северном и восточном углах сооружения.

Вокруг постройки и в ее заполнении найдено большое количество костей животных и фрагментов керамики. Жилой характер этого помещения не вызывает сомнений.

Полуземлянка № 7 располагалась у внутреннего панциря северо-западной стены в ее центральной части. Это сооружение уже раскапывалось Н. Е. Макаренко в 1909 г. Однако его описание в публикации очень кратко [10, с. 26]. Для детального исследования этого сооружения нам пришлось его заново раскопать. Полуземлянка площадью 16,8 м². Пол находился на 0,88 м ниже уровня материка. По периметру шли столбовые ямки по три с каждой стороны, только с одной стороны было четыре столбовых ямки. Вход в постройку в виде своеобразного коридора шириной 0,57 м и длиной 1,09 м был устроен в восточном углу.

В полу полуземлянки были сделаны три углубления. Одно из них неправильной треугольной формы находилось у юго-западной стены. Два других, связанных с очагами, располагались в северной части помещения. Первое — квадратной формы размерами 0,59×0,59 м, при глубине 0,36 м, а второе — овальное 0,66×0,42 м, при глубине 0,32 м. На их дне найдена зола и кусочки древесного угля.

Наземная постройка № 1 обнаружена в пределах цитадели, рядом с жилой полуземлянкой № 1. Это была круглая площадка диаметром 3,5 м, площадью около 9,6 м², вымощенная мелким меловым камнем и потрескавшимися блоками, лежавшими на материковой поверхности.

Автор раскопок С. А. Плетнева предполагает, что она могла служить основанием для юрты. Если это действительно так, то данная постройка все же не имела постоянного жилого характера, так как здесь отсутствовали следы очага или каких-либо других отопительных сооружений.

Наземная постройка № 2 исследована нами также в пределах цитадели. В 4,7 м от внутреннего панциря юго-восточной стены были обнаружены ямки вертикальных столбов, стоящих в трех углах постройки. Площадь сооружения около 13 м². Никаких следов очага или других отопительных сооружений найдено не было. Легкость постройки и отсутствие очага свидетельствуют о каком-то хозяйственном, явно нежилом характере постройки.

На территории цитадели Маяцкой крепости были также исследованы три постройки на каменных цоколях.

Каменное сооружение № 1 раскопано Н. Е. Макаренко в 1908 г. [10, с. 15, 16; 12, с. 165]. Блоки развала строения были сосредоточены на участке площадью 8,5×7 м. Фактичести три стены этого помещения были полностью разрушены, а их направление фиксировалось каменным развалом. Правда, относительно хорошо сохранился северный угол постройки и северо-восточная стена. В плане постройка имела квадратную форму, приблизительно 5×5 м, площадью 25 м². Толщина цоколя была

около 1 м, он состоял из двух рядов блоков, щели между которыми забиты щебнем и залиты меловым раствором. Высота цоколя равна высоте одного ряда блоков — около 40 см.

Вход в постройку, вероятно, находился в северо-восточной стене близ северного угла. Никаких следов очага или других свидетельств постоянного проживания в этом помещении не обнаружено. По поводу конструкции сооружения автор раскопок высказывал два предположения. Прежде всего он допускал, что обнаруженная кладка являлась фундаментом какого-то сооружения из более легкого материала. Во-вторых, Н. Е. Макаренко не исключал возможности, что это остатки не доведенной до конца постройки какого-то здания.

Нам кажется наиболее реальным первое предположение. Вероятно, здесь действительно обнаружен фундамент или цокольная часть, на которой мог покоиться сруб. Нет никаких оснований считать это сооружение жилищем. По своим конструктивным особенностям оно явно выделяется из общего круга построек аланского варианта салтово-маяцкой культуры, представленных полуземлянками или наземными каркасными постройками. В пределах лесостепи постройки на каменных фундаментах известны только лишь на территории Салтовской крепости [13]. Налицо как бы исключительный характер этого сооружения, которое могло являться центральным церемониальным помещением в феодальном замке.

Каменное сооружение № 2 находилось также в пределах цитадели. Оно было устроено в углу цитадели, в месте стыка юго-западной стены цитадели и юго-восточной крепостной стены путем пристройки двух стен. Эти стенки сложены из двух параллельных рядов блоков, щели между которыми залиты меловым раствором. Высота стенки соответствовала одному ряду блоков. Дверной проем шириной 0,82 м устроен между юго-восточной крепостной стеной и северо-восточной стеной пристройки.

Площадь этого сооружения была всего 4,5 м^2. В центре находилась вырубленная в материке хозяйственная яма диаметром 1,1—1,3 м и глубиной 0,84 м. На дне ямы обнаружены кости животных и древесный уголь. Все это свидетельствует о хозяйственной функции строения. Эта хозяйственная яма имела над собой сооружение типа сруба, поставленного на каменный фундамент, что позволяет предположить более высокий социальный ранг владельца этого строения.

И наконец, последняя из рассматриваемых нами построек на Маяцком городище — **каменное сооружение № 3** — также находилась на территории цитадели крепости. Оно сделано путем пристройки трех стенок к внутреннему панцирю юго-восточной стены. Стенки сложены из двух параллельных рядов блоков, щели между которыми залиты меловым раствором. Высота стен соответствовала двум рядам блоков. Пол площадью 4 м^2 вымощен меловыми плитами. Вход в постройку шириной 0,94 м находился в северо-западной стенке у западного угла. Маленькие размеры и отсутствие очага позволяют отнести это помещение также к разряду хозяйственных.

Итак все сооружения мы можем разделить на три категории по их функциональной принадлежности: жилые постройки, хозяйственные и церемониальные. Важнейшим показателем жилого помещения является очаг как отопительное сооружение в зимнее время года. Очаги отмечались в шести из семи исследованных полуземлянок № 1, 2, 3, 4, 6, 7. И только в одной полуземлянке № 5 очага не было. Кроме того, эта полуземлянка выделяется и своей малой площадью — 10,5 м^2 (по сравнению с 12,6—27 м^2 других полуземлянок). Все это значительно отличает назначение полуземлянки № 5 от других, исследованных на городище. Вероятно, она выполняла хозяйственные функции типа кладовой или погреба аналогично подобным постройкам, известным на Маяцком селище. Кроме того, в разряд хозяйственных построек мы можем отнести два каменных сооружения — № 2, 3 и наземную постройку № 2 столбовой конструкции.

Трудно говорить с определенностью о назначении наземной постройки № 1, круглой в плане. Это могла быть как летняя юрта (не имеющая очага), так и хозяйственная постройка, аналогии которым нам известны по этнографическим параллелям. В частности, в Абхазии вплоть до середины XX в. бытовали круглые в плане постройки диаметром 3,5 м с легким каркасом из жердей. В бедных семьях они служили жилищем, а в богатых — хозяйственным помещением. В некоторых случаях такие круглые постройки предназначались специально для новобрачных [14, с. 156—158]. Подобные сооружения известны у осетин, где использовались в качестве времянок при полевых работах. Западные адыги и кабардинцы использовали круглые плетеные постройки в качестве кухонь [15, с. 263]. К категории церемониальных (или общественных зданий) мы относим крупное помещение на каменном фундаменте, раскопанное Н. Е. Макаренко.

Определение функциональной принадлежности раскопанных построек рисует нам любопытную картину: все хозяйственные и церемониальное помещения расположены в пределах цитадели (там же находятся и две жилые полуземлянки). Причем одна из них (№ 5) самая крупная на территории крепости. За пределами цитадели, но в границах крепости находятся четыре жилых полуземлянки без каких-либо сопутствующих хозяйственных построек или даже хозяйственных ям. Судя по плану Н. Е. Макаренко, можно допустить существование в средневековье не четырех, а шести жилых полуземлянок. Все это, безусловно, отражает явную экономическую зависимость обитателей жилищ, расположенных вне цитадели, от хозяйственного комплекса внутри цитадели.

Для реконструкции формы семьи обитателей крепости прежде всего интересны полуземлянки. Как правило, для определения формы семьи по постройкам используются два наиболее существенных критерия — количество очагов и площадь помещения. Считается, что изолированные небольшие помещения с одним очагом принадлежали малой семье [8, с. 118, 119], а количество таких жилых комнат отражает количество брачных пар в рассматриваемом комплексе [8, с. 5—26].

Площадь раскопанных на городище жилых полуземлянок (12,6—27 м²) вполне соответствует той площади, которую исследователи отводят для проживания малой семьи. Например, джейтунские жилища, принадлежащие, по мнению В. М. Массона, малым семьям, имели площадь от 15 до 30 м² [8, с. 118, 119]. Небольшие углубленные жилища черняховской культуры М. А. Тиханова связывает с малой индивидуальной семьей [16, с. 44]. По мнению Я. Н. Щапова, славянские жилища площадью от 8 до 18 м² с одной печью принадлежат малым семьям [17, с. 185].

Исследователи устанавливают и среднее количество человек, которые могли проживать на такой площади. Например, С. Н. Бибиков допускает, что в палеолитическом жилище площадью не свыше 25 м² проживало в среднем 6 человек [18, с. 9—14]. Разумеется, использование такой параллели в данном случае в значительной мере условно. Разработаны и коэффициенты, определяющие среднее количество человек в зависимости от площади жилища, но эти коэффициенты слишком универсальны и вряд ли применимы для лесостепной зоны Европы. Так, метод определения числа обитателей дома в зависимости от жилой площади, предложенный Р. Нерролом, исходит из коэффициента — 1 человек на 10 м² [19].

Видимо, здесь более подходят этнографические параллели. В частности, известно, что в монгольских и тувинских жилищах на площади в 12—13 м² проживало 5—6 человек.

Итак, допуская, что рассмотренные нами полуземлянки Маяцкой крепости принадлежали малым семьям, мы можем ориентировочно предположить и численный состав таких семей. И в этом плане интересны выводы, к которым пришел А. Г. Вишневский, исследуя демографическое поведение семей в исторической перспективе. Он считает, что в средневековье среднее число рождений в расчете на одну женщину колебалось

в пределах от четырех до шести и, при условии большой детской смертности, семье удавалось вырастить не более двух-трех детей [20, с. 32]. Отсюда размер малой семьи в среднем мог быть четыре-пять человек. Близкую численность семьи — три-пять человек — определяет Ю. А. Краснов для Безводнинского могильника [21, с. 124]. Важно отметить, что эти цифры перекликаются и с данными письменных источников. Так, например, определяется средний размер семьи у южных хунну в семь человек [22, с. 84], а средней семьи юэчжи — в четыре человека [23, с. 183, 227]. Таким образом, общую численность населения крепости можно определить в 35—40 человек.

Следовательно, размеры маяцких полуземлянок, наличие в них по одному очагу вместе с возможным числом обитателей — все это указывает на принадлежность данных жилищ малым семьям. Однако здесь естественно встает вопрос: с каким типом малых семей можно связать эти постройки? Ведь это могли быть малые нуклеарные семьи, состоящие из родителей и их малолетних детей, или малые полигинические семьи, состоящие из мужа с несколькими женами и их малолетних детей. Наконец, это могли быть и малые обособленные семьи, состоящие из родителей с малолетними детьми, но входящие как составная часть в сложную семью.

Рассматриваемый материал не может дать нам доказательств существования или отсутствия у аланского населения лесостепи малой полигинической семьи. Однако, нам кажется, что понятие «малая семья» для данного случая может быть конкретизировано.

Принципиальным отличием малой нуклеарной семьи от семейной ячейки в составе большой семьи является именно вхождение такой ячейки в большую (расширенную, сложную) семью, что обуславливает и различия в хозяйственной сущности этих семей. Если для малой нуклеарной семьи характерно частнособственническое начало, то для семейной ячейки как составной части большесемейной общины — коллективное (общинное владение землей, скотом, орудиями и продуктами производства, совместное производство). И здесь весьма показателен факт концентрации всех хозяйственных построек и, главное, кладовой-погреба и хозяйственной ямы на территории цитадели. То-есть обитатели полуземлянок за пределами цитадели не имели собственных продовольственных запасов и их хранилищ, а пользовались хранилищами цитадели. Здесь ясно проявляется общинное начало, что, как нам кажется, указывает на возможность существования большесемейной общины, проживающей на территории крепости в целом. В таком случае отдельные полуземлянки следует рассматривать как жилища семейных ячеек, входящих составной частью в сложную семью.

Более того, сам факт территориальной обособленности одной-двух малых семей в пределах цитадели не позволяет отнести эту большесемейную общину к типу демократических, по классификации М. О. Косвена. Это скорее всего отцовский тип большой семьи с концентрацией всего имущества в руках главы семьи, что вполне соответствует характеру комплекса, представляющего собой феодальный замок.

Однако наблюдается и определенная степень обособленности семейных ячеек, населявших крепость. Во-первых, об этом свидетельствуют принадлежащие им изолированные помещения. Этнографическими исследованиями установлено, что дифференциация малой семьи сопровождается прежде всего ее локальным выделением, когда малая семья получает либо отдельное помещение в общесемейном жилище, либо пристройку, либо отдельное строение на усадьбе [24; 25, с. 57—59]. Во-вторых, мы видим известную обособленность семейных ячеек в процессе приготовления и потребления пищи. На это указывают не только очаги в полуземлянках, которые можно было бы считать исключительно отопительными сооружениями. Любопытно, что в трех случаях рядом с полуземлянками обнаружены открытые очажки, предназначенные, вероятно, для приготовления пищи в летнее время.

Ближайшие территориальные и хронологические параллели описан-

ному комплексу мы находим в памятниках афригидского Хорезма. Ценность этих параллелей усиливается тем, что VI—VIII вв. для Хорезма — это период становления нового социального строя, мелких и крупных дехкан — феодализирующейся земельной знати [26, с. 112—120], что обуславливает появление укрепленных усадеб и замков. Как мы знаем, аналогичный процесс в VIII—IX вв. происходил в Хазарском каганате [27, с. 40—44], и в частности в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья, где он имел, правда, свои специфические особенности. Все это определяет интерес к исследованиям характера и формы семьи населения позднеафригидского Хорезма, проводимым Е. Е. Неразик. Она считает, что население укрепленных усадеб и замков VII—VIII вв. в Хорезме представляло собой большесемейные общины, в которых отдельные семейные ячейки получили уже значительную хозяйственную самостоятельность [28, с. 205—224]. Аналогичная ситуация зафиксирована и в других районах Средней Азии, что кроме археологических источников дополняется письменными.

Обращаясь к этнографическим параллелям, следует сказать, что они весьма многочисленны, поэтому целесообразно указать только наиболее близкие в историко-этнографическом плане.

Прежде всего комплекс строений Маяцкой крепости напоминает нам домовладения большесемейных общин Северного Кавказа, хорошо изученные этнографами. У осетин в горных районах собственностью больших семейных общин были замки, включавшие жилые, хозяйственные постройки и боевую башню. Все это было обнесено каменной стеной [29, с. 132—134]. В равнинных районах осетинская усадьба, состоявшая из комплекса жилых и хозяйственных построек, обносилась прочным тыном [30, с. 58]. Количество построек достигало порой 10 и больше. Особую «многодомность» исследователи отмечают для западных адыгов, где количество жилых домов за одной оградой иногда доходило до 15 [30, с. 58].

Центральным домом на усадьбе осетин — общесемейной комнатой являлся хадзар, где находился очаг с неугасаемым огнем. Таким главным домом Маяцкой крепости предстает полуземлянка № 4 площадью 27 м², расположенная в центре цитадели. Любопытно, что вплоть до конца XIX в. на Северном Кавказе просуществовали однокамерные жилища. Рядом с хадзаром строилось специальное помещение кладовой — кабиц, представляющее собой глухое строение, где хранились все продукты питания семьи [31, с. 6, 7; 32, с. 176—178]. Входить в нее имела право только старшая женщина в доме, которая ежедневно выдавала нужное количество продуктов невесткам. Мужчина не имел права заглядывать в кладовую. Вероятно, этой кладовой являлось самое маленькое полуземляночное строение № 5 площадью всего 10,5 м², без очага.

Наконец, обязательной принадлежностью богатых семей было отдельное помещение или отдельный дом для гостей — кунацкая. Обычно кунацкая строилась рядом с хадзаром с целью показать свое уважение гостю, а ее исключительную важность в жизни северокавказских племен донесла адыгейская поговорка: «У кого кунацкой нет, того за дворянина не считают». Можно полагать, что такой кунацкой была полуземлянка № 1. В пользу этого кроме этнографических параллелей свидетельствуют следующие факты: маленькая ее площадь по сравнению с другими жилыми постройками — всего 12,5 м², близость к центральному дому крепости — полуземлянке № 4. Жилые помещения женатых сыновей в равнинных и предгорных районах Северного Кавказа представляли собой отдельные строения. В горных же районах ввиду малоземелья к родительскому дому пристраивались комнаты молодоженов. Интересно, что жилые полуземлянки, находящиеся за пределами цитадели, разбросаны по углам крепости или рядом со срединной частью крепостных стен. Подобное расположение жилых строений несколько напоминает нам размещение брачных пар в жилище семейной общины картлийцев — дарбази, где каждый брат со своей индивидуальной семьей занимал особый угол [33, с. 52, 53].

Сходную композицию строений отмечает В. Флорец и для усадеб большесемейных общин в Болгарии. Центром двора там был отцовский дом с очагом, а вокруг него располагались меньшие строения, принадлежавшие супружеским парам. Здесь же располагались плетеные хранилища для зерна, амбары, различные навесы, хлева для скота и т. д. [34, с. 50, 51].

Другой группой археологических источников, позволяющих получить сведения о формах семьи, являются погребальные памятники. Идеологические представления, под влиянием которых складывается погребальный обряд, формируются под воздействием двух основных факторов — этнического и социального. Поэтому естественно, что восстанавливая погребальный обряд путем исследования способов захоронения, конструкций погребальных сооружений и инвентаря мы получаем какую-то информацию и об исторических общностях, оставивших могильник или группу погребальных сооружений на определенном участке могильника или отдельные погребальные сооружения [8, с. 149—153]. Соответственно определяется и методика исследования.

Большую помощь в этом вопросе оказывает антропология, дающая нам информацию о половозрастном составе погребенных и о возможных родственных связях среди них. Однако ведущую роль здесь все же играет микрохронология. Только имея хронологическую шкалу погребального инвентаря, позволяющую нам датировать захоронения в пределах жизни одного поколения, мы можем со значительной степенью достоверности хронологически дифференцировать индивидуальные захоронения, а затем сопоставлять их между собой в плане выяснения родственных, семейных связей.

Но и сейчас, хоть и с определенной степенью гипотетичности, исследователи выделяют типы погребений, характерные для той или иной формы семьи. Так, признано, что разнополые парные захоронения могут принадлежать как парной, так и малой семье, в чем проявляется стремление малой семьи утвердить свою экономическую и идеологическую самостоятельность [8, с. 155—158]. В том случае, когда усыпальница содержит большее количество взрослых погребений, соответственно подразумевается и более значительный коллектив — сложная семья.

Что касается состава погребенных в катакомбах салтово-маяцкой культуры, то наиболее четко тенденция использовать их в качестве усыпальниц малой семьи была показана С. А. Плетневой на материалах Дмитриевского могильника, где погребения супружеских пар составляют 25—30% [27, с. 79]. Близкий процент совместных мужских и женских погребений, иногда с детьми, дают и другие могильники салтово-маяцкой культуры: Салтовский — 37%, Нижнелубянский — 21%, Ютановский — 23%. В Подгоровском могильнике из четырех катакомб с половозрастными определениями в двух были совместные погребения мужчины и женщины.

Приведенные данные свидетельствуют о ведущей роли малой семьи в обществе аланского населения лесостепи. Однако в целом ряде случаев мы сталкиваемся с катакомбами, содержащими несколько пар мужских и женских скелетов, что позволяет говорить о погребении здесь членов сложных семей. Так, например, в трех катакомбах из дореволюционных раскопок Салтовского могильника находились погребения двух мужских и женских пар. В катакомбе 10 из раскопок Н. Е. Макаренко в 1905 г. были погребены 4 человека. Три из них лежали на полу камеры, а четвертый был помещен во второй ярус [35, с. 132, 133]. В катакомбе 2 из раскопок В. А. Бабенко в 1906 г. два мужских и два женских костяка лежали в ряд на полу камеры [36, с. 412]. Расположение костяков в катакомбе 17 из раскопок В. А. Бабенко в 1911 г. напоминает захоронения в катакомбе 10 из раскопок Н. Е. Макаренко в 1905 г.: три костяка лежат на полу камеры, а четвертый составляет второй ярус [37, с. 455]. Можно предполагать, что таких усыпальниц в Салтовском могильнике было раскопано значительно больше, на что указывают некоторые дневниковые записи исследователей [38, с. 438]. Но так как не

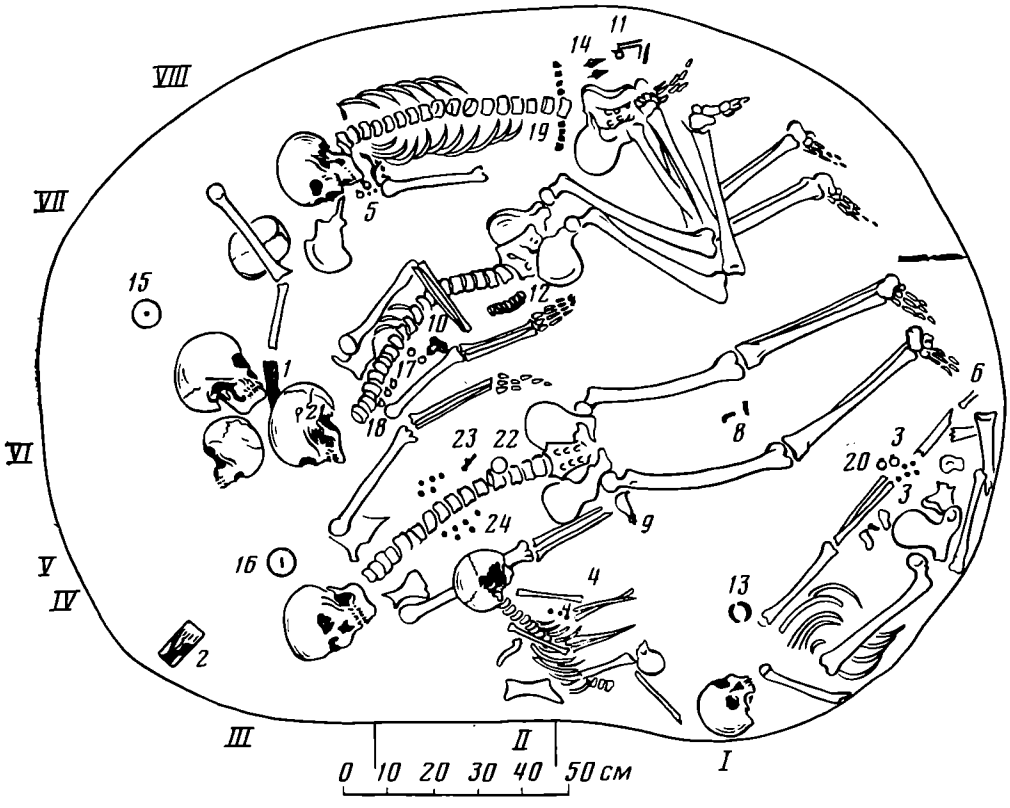


Рис. 4. План катакомбы 87 Дмитриевского могильника

во всех случаях был определен пол погребенных, говорить об этом с уверенностью трудно.

Случаи совместных погребений двух пар мужчин и женщин известны и в Дмитриевском могильнике, о чем свидетельствуют любезно предоставленные нам С. А. Плетневой неопубликованные материалы. Так, в катакомбе 101 были погребены мужчина 60—65 лет, женщина 60—65 лет, мужчина 17—19 лет и женщина 12—14 лет. Двупарные захоронения находились и в катакомбах 81 и 134 этого же могильника.

В исследуемом аспекте наиболее показательны коллективные захоронения в катакомбе 87 Дмитриевского могильника. С. А. Плетнева обнаружила здесь восемь погребений (рис. 4), которые располагались следующим образом: женщина 33—35 лет, женщина 17—19 лет, мужчина 30—35 лет, женщина 40—45 лет, ребенок 1—2 лет, мужчина 55—60 лет, ребенок 1—2 лет, женщина 35—40 лет [39].

Но не только совместное захоронение нескольких брачных пар в одной усыпальнице может свидетельствовать о существовании более крупных, чем малая нуклеарная, семейных объединений. Считается, что любая семья, отличающаяся по своему составу от малой нуклеарной семьи, при условии, что число взрослых мужчин в ней будет больше, чем в последней, уже является расширенной. С другой стороны, как показал в специальной работе Д. А. Ольдерогге, большая семья занимает положение на пересечении двух линий: родовой и общинной [2, с. 13]. Ядро большесемейной общины в случае патрилинейного рода составляют мужчины, связанные кровным родством (родовая линия), тогда как их жены, принадлежащие другим родам, отражают общинную линию. Исходя из этого и учитывая, что в раннеклассовом обществе род продолжал выполнять идеологические функции, можно допустить, что и совместные погребения нескольких мужчин в одной усыпальнице являются отражением сложных семей при патрилинейном родстве, т. е. в данном случае усыпальница предназначалась не для всех членов сложной семьи, а только для мужчин — представителей определенного рода, тогда как их жены в него входить не могли.

Случаи таких совместных погребений мужчин в одной катакомбе известны в трех могильниках салтово-маяцкой культуры. В катакомбе 23 Нижнелубянского могильника были зафиксированы два мужских погребения, совершенные в два приема [40]. В катакомбе 2 из раскопок С. А. Плетневой Ютановского могильника находились два мужских скелета [41], другое парное мужское погребение было совершено в катакомбе 21 этого могильника из наших раскопок [42]. Совместное погребение двух мужчин было исследовано в катакомбе 8 Салтовского могильника В. А. Бабенко в 1906 г. [36, с. 413]. В катакомбе 10 Ютановского могильника нами было исследовано сразу три мужских взрослых погребения с богатым инвентарем (поясные наборы, византийская монета и т. д.). В катакомбе 135 Дмитриевского могильника было совершено пять погребений. Из них четыре костяка принадлежали взрослым мужчинам, а пятый ввиду плохой сохранности не поддавался антропологическим определениям.

Допустимость отождествления описанных случаев коллективных захоронений с усыпальницами сложных семей подтверждается имеющимися археологическими параллелями. Так, исследования А. Д. Грачем погребальных памятников саглынской культуры, где в глубоких «срубах помещались остатки двух групп взрослых женатых людей (два их поколения), а также малолетние дети» привели автора к выводу, что это одна семейная группа, но, судя по двум представленным поколениям, это не классическая форма большой патриархальной семьи, а ее позднего перерождения неразделенной расширенной семьи [43, с. 158—182].

В. И. Сарианиди связывает с большесемейными общинами мавзолеи Геоксюр, каждый из которых содержит остатки от 2 до 10—12 погребений. Причем важно, что выводы коррелируются с жилыми строениями на поселении [44, с. 23, 24]. Вопросу коллективных погребений Средней Азии, Афганистана и Индии была посвящена специальная статья В. М. Массона, где автор сам принцип коллективных захоронений связывает с усыпальницами семейных общин [45, с. 7—8].

Наконец, нельзя не отметить еще один вид источников, несущих информацию о формах семьи у аланского населения лесостепи,— это топография погребений на территории Маяцкого селища (рис. 5). Еще раскопками А. Милютина в 1906 г. [11, с. 155—161] и В. Д. Языкова в 1907 г. [46, с. 102, 103; 47, с. 26] выяснено, что и на территории селища производили захоронения (кроме погребений на территории могильника, который был открыт в 1975 г.). Широкие раскопки селища, начатые в 1975 г., выявили значительное количество погребений, сделанных между жилыми и хозяйственными постройками, а иногда и в них. Захоронения производились в катакомбах с дромосом, в катакомбах с шахтой, имеющей форму хозяйственной ямы, в катакомбах, устроенных в жилищах, или хозяйственных постройках, просто в хозяйственных ямах, и, наконец, В. Д. Языков сообщал, что им было исследовано обширное трупосожжение. Несмотря на то что часть этих погребений была ограблена в древности и данные о половозрастном составе погребенных иногда отсутствуют, представляют интерес факты группировки отдельных погребений.

Так, в 1977 г. А. З. Винниковым исследована постройка 18 площадью 3,5 м². В ее стенках были сделаны катакомбы, а рядом находились две тризны. В первой катакомбе обнаружено погребение женщины 18—20 лет и ребенка, а во второй катакомбе — погребения пожилого мужчины и средних лет женщины [48, с. 78]. Явная связь между собой этих двух усыпальниц позволяет видеть среди погребенных родственников или свойственников, представляющих три поколения, что в свою очередь отражает сложную семью. Подобное сооружение было ранее исследовано А. И. Милютиным [11, с. 158—161].

Группа из пяти катакомб исследована в 1978 г. рядом с жилыми полуземлянками № 30, 19 и святилищем — постройкой № 21. Половозрастной состав погребенных был следующим: мужчина 35—45 лет, женщина 30 лет; женщина 40—45 лет, ребенок (мальчик) 7—8 лет; мужчина 17—

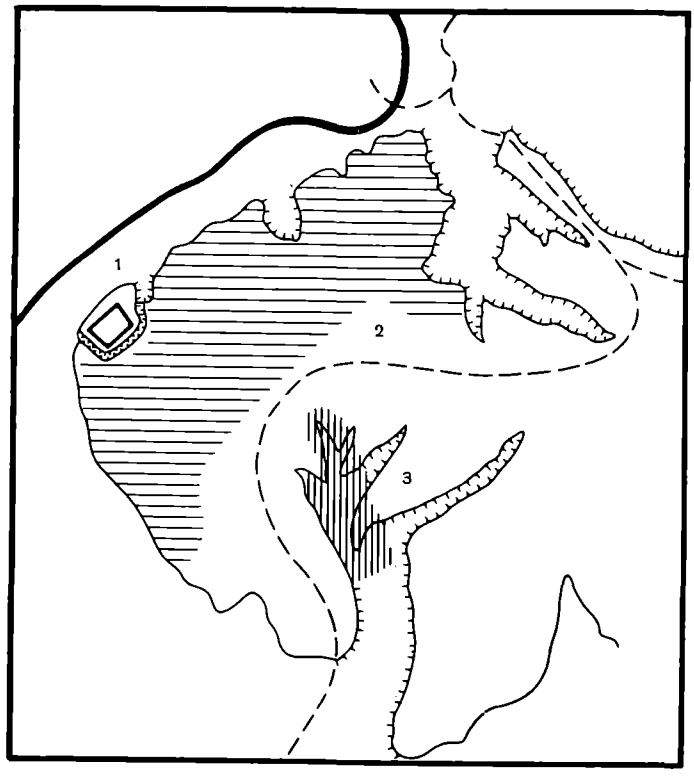


Рис. 5. Ситуационный план Маяцкого комплекса: *1* — городище; *2* — селище; *3* — катакомбный могильник

19 лет, ребенок 5—6 лет; ребенок 5 лет; ребенок 1 года, т. е. налицо три поколения погребенных. Другая группа из шести катакомб располагалась близ построек № 39, 41. К сожалению, они были ограблены и костяки настолько потревожены, что это не позволило получить годные для определения антропологические материалы. Однако интересно, что эта группа территориально и конструктивно делится на два участка. Один — состоит из трех катакомб с дромосами, а другой — из катакомб с шахтами, имеющими форму хозяйственных ям.

Наконец, группа из шести катакомб с шахтами в форме хозяйственных ям была раскопана в 1981—1982 гг. рядом с постройкой № 45, которую А. З. Винников считает святилищем. Состав погребенных в них был следующим: женщина 18—20 лет; мужчина 25—35; женщина 50—60 лет; мужчина 30—35 лет; мужчина 30—35 лет; женщина 25—30 лет; ребенок 3—5 лет; женщина 18—22 лет. Вероятно, эти погребения также отражают какую-то расширенную семью, на что косвенно указывает кроме самого факта группировки погребений рядом с жилищами конструктивная особенность погребального сооружения — шахта в форме хозяйственной ямы, известная пока только на Маяцком селище, т. е. группировка таких катакомб рядом с постройкой № 45 свидетельствует и о культовой общности погребенных здесь людей.

Итак три вида взаимодополняющих источников: комплекс построек на Маяцком городище и возможное количество их обитателей (35—40 человек) [49, с. 92—102], случаи коллективных захоронений в катакомбах салтово-маяцкой культуры и топография погребений на территории Маяцкого селища позволяют сделать вывод о существовании у алан лесостепи большесемейных общин. Однако у нас недостаточно данных для того, чтобы считать их классической формой патриархальной семейной общины. Скорее всего перед нами одна из форм распада большой патриархальной семьи. Это проявляется не только в обособленности малых семей в жилье и в потреблении пищи, что хорошо фиксируется на территории крепости. Рассмотренные примеры погребений рисуют семью, состоящую из трех поколений, два из них представлено брачными парами, а третье — погребениями детей. Подобная форма распада большесемейной патриархальной общины получила у некоторой части этнографов

название неразделенной семьи [50, с. 98, 99]. Она состояла из двух поколений: старшее представлено, как правило, одной парой, отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья. Женитьба внука приводила к выделению новой семьи. Этот процесс уменьшения численности большой семьи и ограничение ее двумя поколениями присущ как полукочевым, так и оседлым народам. Вывод о существовании у алан большесемейных общин подкрепляется и сведениями нартского эпоса. Хотя все еще продолжается дискуссия о принадлежности нартского эпоса тому или иному народу Северного Кавказа, крупнейшие нартоведы В. И. Абаев и Ж. Дюмезиль [51; 52, с. 161] считают, что его основное ядро следует связывать с осетинами, и уже потом эти представления были восприняты и порой переосмыслены соседними народами. Период формирования эпоса был очень длительным. Наиболее архаические сюжеты относятся ко II тысячелетию до н. э., но отраженные в них общественные отношения, как еще раз показал недавно В. А. Кузнецов [53], характерны для периода военной демократии и становления элементов феодальных отношений, а этот процесс у алан Северного Кавказа проходил во второй половине I тысячелетия н. э. Следовательно, в этническом и хронологическом плане нартский эпос вполне соответствует рассматриваемым археологическим материалам.

Исследователи уже отмечали некоторые элементы брачных традиций в нартском осетинском эпосе. Так, Ш. Д. Инал-Ипа подчеркивает патрилокальность поселения супругов, обычай левирата, платы за невестку выкупа — калыма, похищение невест [54, с. 35, 36]. Но до сих пор вопрос о формах семьи в нартском эпосе не рассматривался, и только Е. М. Мелетинский в статье «Место нартских сказаний в истории эпоса» [55, с. 61] отмечал, что в цикле Урызмага главная героиня нартского эпоса Сатана рисуется патриархальной хозяйкой — афсиной больших семей, которые подробно описаны этнографами XIX в. Далее Е. М. Мелетинский отмечал, что если в архаических пластах эпоса нарты представлены как группа братьев — сыновей матриархальной прародительницы, то в поздних сказаниях (в цикле об Урызмаге и Батразе.— *Г. А.*) они превращаются в большую патриархальную семью [55, с. 66].

Рассмотрим для примера семью нарта Бурафарныга Бората. Он живет в с. Нижние Нарты, где владеет большим домом с двором, стадами мелкого и крупного рогатого скота. Бурафарныг имеет жену и семерых взрослых женатых сыновей, которые живут все вместе и ведут одно хозяйство. Распорядителем имущества выступает отец. Это следует из упоминаний о том, что Бурафарныг балует своих сыновей одевая их в шапки из одной хорасанской мерлушки, рубашки из одного сукна,ноговицы и чувяки из одной кожи. От него исходят все указания, связанные с организацией нартовского кувда — пира. Перед нами типичная большесемейная община — сложная многолинейная семья с минимум двумя нисходящими поколениями и широким боковым родством.

Более ярко общинный характер семьи нартов проявляется в абхазских вариантах сказаний. Здесь мы видим три поколения: к старшему принадлежит мать нартов Сатаней — Гуаша и ее муж Хныш. Они имеют сто сыновей нартов и одну дочь — Гунду. Несмотря на то что Сатаней и воспитывала своих сыновей по обычаю на стороне, но, достигнув соответствующего возраста и женившись, они живут вместе с матерью. Вместе с Сатаней и нартами живут и дети нартов — третье поколение. Всей большой семьей руководит Сатаней, жены нартов готовят пищу, нарты охотятся или совершают военные походы, дети нартов пасут стада. Такой же большой семьей предстают перед нами и соседи нартов — братья из племени аиргь: семь братьев и одна сестра живут единой семьей в своем дворце на вершине горы.

Таким образом, нартский эпос дает нам прямые этнические и в какой-то степени хронологические параллели [56], подтверждающие существование у алан большесемейных общин в период становления классового общества, для которого, согласно исследованиям Ю. И. Семенова, они и характерны [57, с. 45].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин.— В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975.
3. *Першиц А. И.* Проблема типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии.— В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VIII. М.: Наука, 1978.
4. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981.
5. *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* К историко-этнографической характеристике современной семьи у народов Югославии.— СЭ, 1981, № 1.
6. *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Брак и семья у народов Югославии. М.: Наука, 1982.
7. *Смирнова Я. С.* Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в.— СЭ, 1981, № 1.
8. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976.
9. *Неразик Е. Е.* Поселения и жилища Хорезма как источник для исследования семьи в I—XIV вв. н. э.— В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978.
10. *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг.— ИАК, 1911, вып. 43.
11. *Милютин А. И.* Раскопки в 1906 г. на Маяцком городище.— ИАК, 1909, вып. 29.
12. ОАК за 1908 г. Спб., 1912.
13. *Іченська О. В.* Цитадель Салтівського городища.— Археологія, 1980, № 34.
14. *Малия Е. М., Акаба Л. Х.* Одежда и жилище абхазов (материалы для историко-этнографического атласа Грузии). Тбилиси: Мецниереба, 1982.
15. *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968.
16. *Тиханова М. А.* К вопросу о поселениях и жилищах черняховской культуры.— Тез. докл. конференции «Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений». Л., 1974.
17. *Щапов Я. Н.* Большая и малая семьи на Руси в VIII—XIII вв.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наук. думка, 1972.
18. *Бибиков С. Н.* Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита.— СА, 1969, № 4.
19. *Narrol R.* Floor area and settelment population.— AmA, 1962, v. 27, № 4.
20. *Вишневский А. Г.* Число детей в семье в исторической перспективе.— В кн.: Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи. Вып. III. Ереван, 1975.
21. *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980.
22. *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М.: Наука, 1968.
23. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
24. *Кондауров А. Н.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у янгобцев. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
25. *Жилина А. Н.* Жилище и семья у узбеков (на материалах Ташкентской и Хорезмской областей).— В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978.
26. *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966.
27. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
28. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М.: Наука, 1976.
29. *Калоев Б. А.* Осетины. М.: Наука, 1967.
30. *Кобычев В. П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.
31. *Магометов А. Х.* Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе: Ир, 1962.
32. *Магометов А. Х.* Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.).Орджоникидзе: Ир, 1974.
33. *Харадзе Р. Л.* Грузинская семейная община. Ч. 1. Тбилиси: Заря Востока, 1960.
34. *Флорец В.* Большая семья и ее жилище в западной Болгарии.— СЭ, 1965, № 3.
35. *Макаренко Н. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г.— ИАК, 1906, вып. 19.
36. *Бабенко В. А.* Дневник археологических раскопок в с. Верхнем Салтове в 1906 г.— Тр. XIII АС. М., 1907, т. I.
37. *Бабенко В. А.* Памятники хазарской культуры на юге России. Дневник раскопок 1911 года.— Тр. XV АС М., 1914, т. I.
38. *Покровский А. М.* Дневник раскопок.— Тр. XII АС. М., 1905, т. I.
39. *Плетнева С. А.* Отчеты о раскопках могильника у с. Дмитровское Шебекинского района Белгородской обл. за 1966, 1967, 1970 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3222, 3633, 4243.
40. *Николаенко А. Г.* Отчет об археологических исследованиях в Волоконовском районе Белгородской области в 1975 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5440.
41. *Плетнева С. А.* Отчет о работе Северо-Донецкой экспедиции в 1973 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5130.

42. *Афанасьев Г. Е.* Отчет о работе Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1979 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7994.
43. *Грач А. Д.* Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии).— В кн.: Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975.
44. *Сарианиди В. И.* Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геоксюрского некрополя).— УСА, 1972, вып. 1.
45. *Массон В. М.* Традиции коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии.— КСИА, 1964, вып. 101.
46. ОАК за 1907 г. СПб., 1910.
47. ИАК, вып. П 26. СПб., 1908.
48. *Плетнева С. А., Афанасьев Г. Е., Атавин А. Г., Винников А. Е., Кашкин А. В., Флеров В. С.* Работы Советско-Венгерской экспедиции.— АО — 1977. М., 1978.
49. *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во Вост. лит., 1961.
50. *Кисляков Н. А.* Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (по материалам Средней Азии и Казахстана).— СЭ, 1967, № 5.
51. *Абаев В. И.* Нартовский эпос.— ИСОНИИ, т. X. вып. 1. Дзауджикау, 1945.
52. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
53. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980.
54. *Инал-Ипа Ш. Д.* Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (опыт сравнительного изучения нартского эпоса).— В кн.: Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969.
55. *Мелетинский Е. М.* Место нартских сказаний в истории эпоса.— В кн.: Нартский эпос. Материалы совещания 19—20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957.
56. *Гаглойти Ю. С.* Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977.
57. *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— В кн.: Становление классов и государств. М.: Наука, 1976.

G. E. Afanasyev

THE EXTENDED FAMILY AMONG THE ALANS

Summary

Lately, a number of researchers have come up with identifications of burial constructions and burial rites typical for the extended family as a socio-economic cell. When applied to the inner constructions of the Mayak fortress they indicate that it was populated by an extended family community which consisted of highly differentiated smaller individual families. In a number of catacombs of the Saltovo-Mayak burial grounds collective burials of several, probably matrimonial, couples were discovered. This gives ground to the assumption that here we deal with the burial ground of extended families. The sex-and-age composition of those buried in the catacombs, found in groups of five to six catacombs among other constructions on the territory of the Mayak settlement, prompts the conclusion that they were used by extended families. The presence of the extended family communities among the Alans is supported by the Narty epos as well.

ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г. А.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В 1959 г. А. П. Смирнов и автор этих строк напечатали статью «Основные задачи археологического изучения Золотой Орды» [1]. Мы хотели напомнить о старой, забытой теме русской археологии. Одновременно эта статья была заявкой на будущие археологические работы на золотоордынских городищах нашего Юга.

Еще до Великой Отечественной войны эта тематика в археологической науке почти полностью угасла. В начале 1920-х годов имели место незначительные, хотя и разрекламированные их автором, раскопки Ф. В. Баллода на Царевском и Селитренном городищах, давшие основания для двух поверхностных книг с преувеличенно социологическими выводами [2, 3]. К изучению этих памятников обращались потом только саратовские археологи. Кое-какие раскопки были проведены в Азове, Крыму, но не систематические. В послевоенное время были проведены небольшие раскопки городищ — Наровчатского (Мохши), Старого Орхея, памятников XIV в. в Воронежской обл. и у Запорожья и раскопки Болгара, который, однако, не может быть отнесен к собственно золотоордынским степным городам.

А вместе с тем золотоордынские памятники хранили не только красивую керамику и изразцы да роскошные предметы аристократического быта, которые поразили всех еще во времена первых раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище в 1840—1850-х годах [4]. В исследовании центральных золотоордынских городищ был ключ к пониманию важнейшего явления истории — образования, существования и распада одного из монгольских государств — Улуса Джучи — своеобразного симбиоза городской оседлости и кочевых степей, явления регрессивного, задержавшего поступательное развитие многих народов и при этом настолько масштабного, что оно оказало влияние на общий ход мировой истории.

Большой вклад в понимание природы Золотоордынского государства, его структуры и роли внесли работы А. Н. Насонова [5] и М. Г. Сафаргалиева [6]. Но это были исследования, базировавшиеся на письменных источниках, весьма скудных и односторонне освещавших вопрос. В некоторых работах, например в книге Б. Г. Грекова и А. Ю. Якубовского [7], содержался археологический материал из раскопок XIX в. на Царевском городище. Но в целом золотоордынской археологии не существовало.

Раскопки удалось организовать в 1959 г. И с тех пор 25 лет ежегодно Поволжская археологическая экспедиция (ПАЭ), которой вначале руководил А. П. Смирнов, а затем автор этих строк (с 1973 г. совместно с В. В. Дворниченко), при самом активном участии начальников отряда Е. Л. Егорова и Н. М. Булатова, а также сотрудников экспедиции Н. Н. Бусятской, В. И. Вихляева, И. С. Вайнера, Т. В. Гусевой, Э. Д. Заливинской, Н. В. Малиновской, А. Г. Мухамадиева, Л. М. Носковой, Л. Л. Савченковой, Т. В. Скоробогатовой, Л. Т. Яблонского одновременно с крупными курганными раскопками на новостройках проводила исследования на золотоордынских городищах Волгоградской и Астраханской областей.

В 1959—1968, 1973 гг. раскапывалось Царевское городище (Новый Сарай) на Ахтубе, в 100 км ниже Волгограда (вскрыто около 9700 м²). Материалы этих раскопок полностью опубликованы [8—19]. В 1967—

1974 гг. проводилось изучение Водянского городища (Бельджамен?) близ г. Дубовка на Волге, в 40 км выше Волгограда (вскрыто около 5200 м²). Материалы почти полностью опубликованы [16, 19—23]. В 1967—1971 гг. и с 1975 г. по сей день ведутся раскопки Селитренного городища (Сарай) на Ахтубе, в 120 км выше Астрахани (вскрыто около 10 000 м²). Некоторая часть этих материалов опубликована [11, 14, 16, 19, 24, 25].

Все открытые на этих памятниках остатки материальной культуры относятся к XVI в., на Селитренном — к XIV — началу XV в. Слоев XIII в. на нижневолжских городищах пока не обнаружено.

С самого начала работ ПАЭ мы ставили перед собой задачу изучить социальный строй золотоордынского города, т. е. то, что менее всего освещено письменными источниками. Действительно, золотоордынские города Нижнего Поволжья представляют интереснейший исторический феномен. Они возникли на «пустом месте» (нигде не обнаружено подстилающего предмонгольского слоя), там, где не было традиций длительной оседлости; они развились в быстрые сроки в результате градостроительной деятельности золотоордынских ханов, поддерживались их политикой и, как только центральная власть стала терять силу, пришли в упадок [26, 27, с. 75—89]. Требовалось изучить социальный состав этих городов.

Путь к этому лежал через вскрытие больших площадей. В процессе этих работ было открыто множество домов и довольно полно исследовано несколько усадеб. Располагая этим материалом, мы уже кое-что можем сказать о социуме золотоордынского города.

Прежде всего была построена классификация золотоордынских жилищ, почти неизвестных ранее [28, 29]. Она очень чутко отражает социальный состав населения городов. Были выявлены землянки двух типов. Большие прямоугольные без специальной отопительной системы (в среднем площадью около 18 м²), как мы предполагаем, предназначались для рабов; это своего рода камеры, где подневольных работников запирали на ночь, давая для обогрева только жаровни. Более мелкие землянки (площадью в среднем 10—11 м²) представляли жилища бедных, но располагавших большей свободой индивидуальных семей. Они имели суфы-лежанки и печи с горизонтальными дымоходами типа канов.

Рангом выше стоят дома, частично заглубленные в землю. Они тоже имеют суфы и каны. Наиболее бедные наземные дома имели деревянные стены и внутренние кирпичные сырцовые сооружения — стенки суф и канов. Стены — деревянные рамы из брусьев, каркасные и фахверковые конструкции. Характерна систематически повторяющаяся планировка — П- или Г-образные суфы и печи с канами в одной из частей суфы. Значительную часть жилой площади занимает суфа.

Следующий по рангу уровень домостроительства составляли дома с деревянными стенами на кирпичных сырцовых цоколях. Они повторяли планировку домов с деревянными стенами. Полы, как и у полностью деревянных домов, могли быть мощенными жженым кирпичом и имели иногда в центре умывальник — тошнау.

Наиболее богатыми из однокомнатных домов представляются дома с полностью кирпичными сырцовыми стенами, сложенными в несколько рядов. Иногда они имели по две комнаты — жилую и каморку для хранения и приготовления продуктов.

Площадь однокомнатных домов в среднем около 28 м² (площадь их пола в среднем 11—12 м²). Жилища часто соединялись попарно [21]. Получались конструкции из двух симметрично спланированных домов. Тенденция соединять отдельные дома в сложные конструкции привела к тому, что в золотоордынских городах возникли многокомнатные дома, представлявшие простое механическое соединение однокомнатных. При этом соединяемые ячейки имели повторяющуюся планировку, часто отдельные входы. Могли объединяться дома и с деревянными, и с кирпичными стенами. Площадь таких жилых ячеек — по 15—30 м².

И наконец, вершину этой иерархической лестницы жилищ, отражающую образ жизни верхнего слоя общества золотоордынского города, представляют богатые, многокомнатные дома иногда дворцового типа.

Такой большой дом открыт в усадьбе в южной части Царевского городища («дом с юртами»). Это большое здание, почти пустое, с небольшим каном. К нему примыкало три жилых помещения с канами и суфами. Все части этого дома имели как кирпичные, так и деревянные стены. Во дворе этой усадьбы стояли юрты — воспоминание о кочевом образе жизни ее владельца [12, с. 114—138].

На усадьбе (второй) в юго-восточной части Царевского городища раскопан дом в виде группы помещений, расположенных по периметру небольшого квадратного внутреннего дворика. Основу его представляют два дома на противоположных углах двора, с канами и суфами и с печами—тандырами (соединение кана с тандыром — характерная черта золотоордынского домостроительства). Позднее на двух других углах двора выстраивают еще два примерно таких же дома, и вся конструкция получает симметричную по отношению к центру планировку. Другие помещения по периметру двора — хозяйственные камеры [17]. Рядом с этой усадьбой была раскопана еще одна (третья) — с более богатым домом. В начальный период своего существования это был сырцовый дом с мощными стенами, с двумя большими комнатами: одна пустая, другая — с печами, каном и суфой. Позднее на его месте был построен и функционировал другой дом из жженого кирпича, также с массивными стенами, прямоугольный в плане. В середине длинной фасадной стены с двумя ложными башенками по углам была ниша портала, за ней ряд помещений, деливших весь дом на две части. Внутренние стены делили дом на 11 несимметричных помещений [13, 18].

На Селитренном городище работами ПАЭ исследовано два богатых, многокомнатных дома. Один имел мощные сырцовые стены. В середине его длинных стен были айваны — проходы. Они с двух сторон вели в центральный зал с кирпичным полом, в центре которого был небольшой бассейн. Перед бассейном под балдахином на четырех столбах имелся кирпичный помост, на котором, очевидно, стояла в приемные дни тахта хозяина. По обеим сторонам зала тянулись суфы, на которых сидели, вероятно, домочадцы и гости во время торжественных церемоний в центральном зале. По обеим сторонам от центрального зала располагались два почти совершенно пустых больших помещения. Жилых комнат с суфами и канами было только три. Две из них соединялись между собой и с одной из больших комнат проходами и представляли замкнутый блок помещений. Второй блок включал небольшую спальню, помещение для хранения продуктов и небольшой внутренний дворик с семью колоннами. Каждый блок соединялся с центральным залом и внешним двором проходами. Таким был этот дом в середине XIV в. Затем в течение 20—30 лет он подвергался многочисленным перестройкам. Анализируя их, можно заметить, что в результате резко увеличивается жилой фонд, отдельные комнаты изолируются и получают специальные входы снаружи.

Семейная община распадается; центральный зал, сохраняющий какое-то время значение символа ее единства, теряет эту роль, и дом постепенно полностью забрасывается. В помещениях, можно думать, живут уже другие люди, они ютятся в развалинах дома, который полностью разрушается в конце XIV в., когда здесь образуется кладбище.

Соседняя усадьба имела еще более богатый центральный дом — настоящий многокомнатный дворец. Его центральный зал также велик. Пол здесь узорно выложен кирпичами и шестиугольными плитами, в центре его был устроен большой умывальник (тошнау). В глубине зала имелось квадратное возвышение, выстланное кирпичами, на котором, очевидно, тоже стояла тахта хозяина — крупного аристократа или вельможи.

Справа и слева от центрального зала этого дома-дворца располагались жилые и хозяйственные помещения. Это были комнаты с суфами, печами и канами, умывальниками-тошнау, кирпичными полами. В соединительных коридорах также были полы из кирпичей. Одна комната была домашней мельницей, другая служила пекарней: здесь были две большие печи для лепешек — тандыры. Раскопана в этом дворце и ванная комна-

та с кирпичным бассейном, от которого отходила система глиняных трубводопроводов и желобов.

Стены центрального зала были побелены и украшены изразцами с росписью и позолотой. Другие помещения имели роспись по белой штукатурке. В одной комнате, вероятно детской, на оштукатуренных суфе и стенах были граффити — «вавилоны», звери, люди, надписи уйгурскими и арабскими буквами. При этом доме действовал большой банный комплекс с горячей комнатой, где под полом устраивались дымоходы, обогревавшие пол, и комнатами для охлаждений, с бассейном. В 1370—1380-е годы этот дом был частично разрушен и подвергнут перестройкам, связанным с «варварским» его обживанием. В это время он перестал быть дворцом, а стал убежищем для каких-то бедняков и ремесленников, в том числе для гончаров.

Еще ярче социальная дифференциация населения золотоордынского города выступает при изучении усадеб. Открывается возможность исследовать, как группировались и объединялись в едином комплексе дома разных уровней. Располагая материалами девяти довольно полно исследованных усадеб, мы можем построить ряд, в котором представлены переходы от бедных усадеб со скромными центральными домами и жилищами для усадебных людей до богатых и обширных усадеб с многокомнатными кирпичными дворцами и разнообразными домами для привилегированного усадебного люда и второстепенной части усадебного обслуживающего персонала, в том числе для рабов (см. таблицу).

Следует отметить, что в основе планировки золотоордынского города лежал именно усадебный принцип. Это резко отличает его от южноказахского города той же поры, где доминировала сплошная застройка кварталов-массивов, что выявлено при раскопках Отрара.

Этот принцип планировки восходит к монгольским городам XIII в., представлявшим, судя по археологическим и историческим свидетельствам, концентрацию усадеб аристократии вокруг замков-дворцов ханов. Изучение усадеб позволило увязать некоторые археологические данные с историческими известиями. Прекращение жизни большинства богатых усадеб приходится на 1360—1370-е годы, т. е. на «замятню великую» в Золотой Орде, когда в результате междоусобной войны и борьбы за власть гибли целые партии и группировки эмиров и найонов, о чем повествуют восточные хронисты. Новый хан иногда вырезал всех сторонников своего конкурента. Следы репрессивной деятельности какого-то хана, захватившего в 1360-х годах власть в Новом Сарае (Царевское городище) и соорудившего ров и вал вокруг него, обнаружились при раскопках третьей усадьбы в юго-восточном квартале этого памятника. Она была перерезана рвом и валом и, таким образом, перестала существовать, в то время как в других местах ров и вал были спланированы так, что обходили ограды других усадеб [13, 18].

Вообще развитая фортификация не была характерна для золотоордынских городов [27, с. 75—76]. Ее или вообще нет, или валы и рвы настолько слабы, что имели значение не оборонительного рубежа, а административно-таможенной границы. На Царевском городище вал и ров были сооружены только в эпоху «замятни», когда ослабела центральная власть.

Археологические следы феодальной смуты имеются и на Селитренном городище. Территория его к западу от Кучугур представляла район аристократических усадеб. Оно перестают существовать именно в 1360—1370-х годах, о чем говорят гибель и запустение трех раскапываемых нами усадеб и некоторые материалы раскопок Ф. В. Баллода в этом месте [3, с. 51—52].

Таким образом, мы получили ценные сведения о том, что золотоордынские города, и прежде всего их патрициат, начиная с 1360—1370-х годов приходят в упадок в связи со смутами и ослаблением центральной власти. Ее сила была условием процветания этих городов, она обеспечивала мирную торговлю и приток материальных и людских ресурсов. И хотя на Селитренном городище в самом конце XIV в. еще существо-

Место усадьбы	Размеры усадьбы	Главный дом	Размеры главного дома, м	Дома привилегированного усадебного люда	Дома второстепенного усадебного люда и рабов (?)
Восточные пригороды Царевского городища, первая усадьба	30 м×? м	Два дома с деревянными стенами на кирпичном цоколях	6×6; 5×5	Соединение трех домов с деревянными стенами	
Там же, вторая усадьба	30 м×45 м =1350 м²	Два дома с деревянными стенами на кирпичном цоколе	5,5×5,5; 6×6	Соединение пяти домов с деревянными стенами и с деревянными стенами на кирпичном цоколе	
Там же, третья усадьба	35 м×?м	?	?	Четырехкомнатный дом с деревянными стенами, отдельный дом с деревянными стенами и землянка без кана	
Юго-восточный район Царевского городища, первая усадьба	30 м×40 м =1200 м²	Два дома с кирпичными стенами	6×5; 6×6	Дом с деревянными степами	
Там же, вторая усадьба	70 м×75 м =5250 м²	Многокомнатный дом с кирпичными стенами	18×11,5	Дом в виде соединения трех домов с кирпичными стенами	
Там же, третья усадьба	75 м×100 м =7500 м²	Двухкомнатный дом с кирпичными стенами (I период). Многокомнатный дом со стенами из жженых кирпичей (II период)	10×15,2 16,8×24	Два дома, соединенные из четырех домов с кирпичными стенами	Землянка с каном, дома с деревянными и кирпичными стенами
«Дом с юртами» в южных пригородах Царевского городища		Многокомнатный дом с кирпичными и деревянными степами	13×30	Соединение домов с кирпичными и деревянными стенами	Землянки с канами и без кана
Селитренное городище, усадьба на VIII раскопе	≈100 м×? м	Многокомнатный дом с кирпичными стенами	23,8×24,2	Соединения домов с деревянными и каркасными стенами	Дом с деревянными стенами, без печей и канов
Селитренное городище, усадьба на XI раскопе	≈145 м×? м	Многокомнатный дом из жженого кирпича с баней	34×50	Соединения домов с деревянными на кирпичных цоколях, с каркасными и кирпичными стенами	

вали и расширялись, даже на месте погибших усадеб, ремесленные мастерские, города в целом переживают кризис и резкое сокращение своей прежде огромной территории. Разгром войсками Тимура в 1395 г., следы которого в виде небрежных и беспорядочных захоронений погибших среди руин домов мы находим на Царевском и Водянском городищах, довершил этот процесс упадка.

Следует заметить, что даже средние усадьбы золотоордынских городов больше богатых усадеб русских городов того времени (в Новгороде посадские усадьбы не превышали площади 2000 м^2). Это связано с особо большими размерами золотоордынского города, не ограниченного мощной фортификацией, как это было в Западной Европе и на Руси. Бедные районы золотоордынских городов имели застройку, вытянутую вдоль улиц, с ничтожными усадебными территориями, окруженными иногда частоколом.

Кроме жилых домов были раскопаны общественные и культовые постройки. На Водянском городище была открыта большая мечеть с колонным залом. Перед ее михрабом в павильоне с деревянными колоннами был вкопан фуст мраморный византийской колонны на обломке мраморной капители, привезенной откуда-то из Причерноморья. Она служила подставкой под Коран. Мечеть имела минарет, представлявший в плане в нижней части квадрат, а вверху — цилиндрическое тело, украшенное штампованными резными ганчевыми вставками и плитками с бирюзовой поливой [22]. Мечеть была построена в 1350-х годах и просуществовала до 1370-х годов. Затем это место занимает большой могильник. На этом могильнике и на некрополе Селитренного городища раскопано несколько мавзолеев [23]; создана их классификация, включающая мавзолеи Болгара, Южного Приуралья, Северного Кавказа.

Особенностью золотоордынского градостроительства является большое многообразие типов домов и строительных материалов. Обращают на себя внимание частые перестройки в домах золотоордынских горожан, что отражает нестабильность общества. При разнообразии типов домов следует отметить грубость техники, торопливость и небрежность строительства, возведение стен из разных материалов, без фундаментов. Расширение домов часто осуществлялось простым соединением однокомнатных домов-ячеек со стандартной планировкой. Привезенный издалека мрамор использовали, не понимая его особенностей как декоративного материала. Но при этом золотоордынские мастера все же владели приемами домостроительства и правильно рассчитывали ширину и высоту стен, тяжесть перекрытия, умели возводить своды и купола. Они использовали как свои собственные строительные приемы и традиции, так и многих народов, в том числе покоренных ими центральноазиатских, дальневосточных, среднеазиатских, Волжской Болгарии [25].

Л. Р. Кызласов обоснованно считает, что золотоордынский квадратный дом с П-образными суфами и каном зародился у оседлых монголов в Центральной Азии еще до образования империи Чингисхана. Распространение этого дома на запад он объясняет тем, что вместе с монгольскими войсками пришли и строители, и ремесленники из Монголии [30]. В. Л. Егоров, оспаривая эту гипотезу, считает, что этот тип дома возник в степи в период создания монгольского государства как трансформация круглого в плане жилища типа юрты [28, с. 180—182; 31, с. 214].

Исследование домов и усадеб, прежде всего на Царевском городище, где прекрасно сохранился микрорельеф, в деталях повторяющий планировку города, дает возможность составить представление о социальной топографии города. На Царевском городище видны районы аристократических усадеб и бедняцкие плебейские районы. Первоначально район усадеб представлял, вероятно, ядро города. В усадьбах развивается ремесло, они застраиваются жилищами усадебных людей, в них строят иногда землянки для рабов, что показывает в ряде случев ужесточение эксплуатации и сохранение рабского труда внутри усадеб. Постепенно складываются районы бедноты, где селится полусвободный городской плебс — мелкие

ремесленники и торговцы, в том числе освободившиеся от рабской зависимости вчерашние пленные и переселенные ремесленики.

Как во всяком восточном городе, проблема водоснабжения в городах Золотой Орды была жизненно важной. Работами ПАЭ установлено, что большая часть улиц имела арыки, объединявшиеся вместе с поздними рвами на Царевском городище в единую систему. Арыки и ров соединялись сетью каналов с большими искусственными озерами, сооруженными на северной окраине города. Там холмы и отроги речной надпойменной террасы Волги — Ахтубы были соединены дамбами из шлаков и обломков кирпичей, и вода, стекавшая в сезон таяния снегов в низменный район, где был расположен город, задерживалась в этих искусственных водоемах. Таким образом достигалось предохранение городской территории от заболачиваемости, и одновременно создавались запасы воды. Кроме того, арыки наполнялись водой из колодцев, включенных в их систему. На Селитренном городище была открыта система дренажа, служившая для отвода лишней воды из почвы. Она представляла собой вырытые вдоль улиц канавы, в которых были уложены и засыпаны потом землей, деревянные трубы из долбленых стволов деревьев. На Царевском городище удалось установить существенное различие в водоснабжении аристократических усадеб и районов плебса. В первых вода бралась из усадебных водоемов, во вторых главным образом из уличных арыков, колодцев на перекрестках и больших квартальных хаузов на площадях.

Задаваясь целью выяснить особенности такого исторического феномена, как золотоордынский город, мы не могли пройти мимо исследования его ремесел. Золотоордынские города имели мощное, развитое средневековое ремесло. Этот факт, доказанный работами ПАЭ, существенно уточнил представления историков о городах Улуса Джучи [6, с. 80—89].

Была раскопана небольшая часть стеклоделательной мастерской, обнаружены ювелирные и костерезные мастерские. Но наибольший материал дали гончарные мастерские. Было раскопано несколько десятков горнов, прослежены этапы технологии производства почти всех групп керамики, как бытовой, так и архитектурно-декоративной. Особо важно отметить, что впервые открыты горны и принадлежности процесса производства кашинной керамики, найдены формы из алебастра, в которых оттискивали кашинные сосуды и изразцы [32], установлены типы горнов для обжига кашинных изделий, требовавших особых температурных режимов [33]. Отмечено, что каждый вид керамики требовал определенной конструкции горнов. Мелкие ремесленники, специализировавшиеся на одной каком-либо виде керамики, имели горны одного типа. Так, на Царевском городище в плебейской части города открыта индивидуальная мастерская, принадлежавшая городскому мастеру [12, с. 109—114]. Его специализация была очень узка — изготовление поливных плит, из которых на стройках резали элементы для мозаик. Кроме лепившихся и обжигавшихся между делом игрушек, мастер выпускал только эти плитки. На Водянском городище был найден горн, принадлежавший также, видимо, ремесленнику с узкой специализацией: он делал крупные неполивные сосуды, главным образом кувшины.

Другой формой организации ремесла были усадебные мастерские. Такая мастерская с двумя горнами одного типа была обнаружена внутри третьей усадьбы в районе восточного пригорода Царевского городища. Специализация ее — поливная красноглиняная и штампованная белоглиняная керамика. В той же усадьбе были открыты следы производства ювелирных украшений, в том числе из золота. Это не территориальное объединение ремесленников одной специальности в каком-либо районе или вдоль улицы города; наоборот, это объединение в одной усадьбе ремесленников разных специальностей. В этом районе Царевского городища, как указывалось, открыто три усадьбы, возникавшие последовательно, и в каждой было какое-либо ремесло. В первой при главном доме работал мастер-косторез, во второй — тоже мастер-косторез и золотых дел мастер-ювелир. После прекращения жизни второй усадьбы рядом воз-

никла третья. Сюда, видимо, перебрался мастер-ювелир (здесь были найдены его инструменты). Может быть, он освободился от зависимости и основал свою усадьбу? Плано Карпини писал о том, что именно ювелиры могут накопить деньги и освободиться от рабской зависимости. Возможно, этот ремесленник основывает тут же и гончарное производство, следы которого в виде двух горнов были здесь обнаружены [9; 15, с. 104—111; 27, с. 84; 34].

В некоторых случаях усадебное ремесло достигает крупных размеров. Так, на Селитренном городище была раскопана большая гончарная мастерская. Ее история делится на два периода. В первый (середина XIV в., до 1370-х годов) она имела несколько разнотипных горнов и выпускала как кашинную, так и красноглиняную и сероглиняную штампованную керамику. Мастерская располагалась, видимо, внутри большой усадьбы. Во второй период (1380—1390-е годы), когда усадьба рушится, мастерская резко разрастается и расширяет свою специализацию, выпуская почти все виды поливной и неполивной, бытовой и небытовой керамики, в том числе архитектурной, которые были известны в Золотой Орде. Для этой мастерской строится большой дом — хранилище материалов, полуфабрикатов и сырья и, может быть, помещение для мастеров. Есть в ней специальные горны для обжига печного припаса, обслуживавшие всю мастерскую. Производство здесь едино: разные горны ведут выкиды в одни ямы; чтобы избежать простоя горна, в нем производился обжиг другого вида керамики, который часто не подходит для его конструкции (этим пренебрегают для экономии производственного времени). Наблюдается смешение разных навыков и технических приемов, чего нет в мелких, индивидуальных мастерских. Создается впечатление, что это — большое предприятие, работавшее на рынок, объединявшее множество мастеров под одним началом и представлявшее собой производство типа рабских мануфактур «кархана», хорошо известных в Иране и других странах этой эпохи, но археологически до сих пор не исследовавшихся.

В соседней усадьбе также была мастерская с широким профилем выпуска продукции. Она продолжала существовать после гибели усадьбы и расширилась, но не стала таким большим предприятием, как вышеописанная мастерская. Гончары, работавшие раньше на усадьбу, теперь сами, видимо, живут в запущенном центральном ее доме. Мастерская просуществовала недолго после упадка усадьбы: уже в 1380-х годах она прекратила, очевидно, свою работу.

Раскапывая культурные слои золотоордынских городищ, ПАЭ была поставлена перед задачей создать классификацию массового материала, и прежде всего керамики. Была разработана технологическая классификация поливной керамики — по тесту, составу полив, красителям и технике орнаментации [35—39]. Оказалось, что поливная керамика на красной глине восходит к византийско-херсонесским и закавказским прототипам, а кашинная сходна с хорезмскими и иранскими образцами. Тезис А. Ю. Якубовского об участии хорезмских мастеров в сложении керамического производства в Сарае был пересмотрен. Следует, видимо, говорить об одновременном сложении золотоордынского стиля в поливной кашинной керамике, общего и для Хорезма, и для Поволжья. Документально зафиксировано возникновение уже в 1370—1390-х годах в Сарае стиля кобальтовой керамической росписи (для XV в. его называют тимуридским), причем оказалось возможным на материале золотоордынских городов, главным образом Селитренного городища, составить эволюционные ряды развития орнаментации этой керамики [40, 41]. На Селитренном городище открыты горны для обжига керамики в сложной технике ажурного сквозного орнамента (так называемая техника «рисового зерна»), производилась керамика, подражающая иранскому люстру и посуде с росписью типа «минаи».

Изучение орнаментов на золтоордынской поливной посуде привело к созданию классификации по орнаментам, которая совпадала в общих чертах с технологической классифкацией. Можно отметить особое богатство и разнообразие орнаментальных мотивов, значительную свободу в их

комбинации, многообразие их истоков — иранские, среднеазиатские, китайские, кавказские мотивы.

Создана классификация неполивной керамики [42, 43]. Старый тезис о том, что в этой области золотоордынская культура имела своим источником болгарскую керамику, следует пересмотреть. Отмечаются аналогии золотоордынской неполивной керамике и в позднеаланской керамике Северного Кавказа, и в керамике предмонгольского времени в городах Казахстана, и в Каракоруме XIII в.

На сложение кобальтовой керамики, несомненно, сильное воздействие оказал китайский фарфор, который в качестве импорта поступал в нижневолжские города. Здесь сложился даже особый тип керамики, подражающий китайскому и корейскому селадону (роду фарфоров со светло-зеленой окраской),— так называемая псевдоселадоновая керамика. Иногда эта подражающая фарфору керамика приобретала совершенно не свойственные дальневосточной керамике формы, например вьючных фляг. Иногда китайская орнаментация соседствует на поливной керамике с арабскими надписями [44]. Широко распространяются буддийские узоры — цветок лотоса, «узел счастья».

Особо следует упомянуть типы художественной керамики на красной глине, с полихромной росписью и гравировкой, с несовпадением цветных пятен с рисунком. Аналогии такой посуде находят в Азербайджане и Западной Туркмении. Есть аналогии золотоордынской керамике в Ани и других памятниках средневековой Армении. Керамика, особенно художественная поливная, показывает основную черту золотоордынской культуры — синкретизм. Три мощных художественно-культурных импульса соединились в ней: мусульманско-иранско-среднеазиатский, китайско-дальневосточный и византийско-причерноморский.

Изучалась в золотоордынских городах и привозная керамика. В частности, выделяется группа хорезмской серо- и черноглиняной керамики. Ее доля среди красноглиняной неполивной золотоордынской керамики увеличивается от памятника к памятнику по мере приближения к Хорезму по караванному пути через Сарайчук и караван-сараи Усть-Урта. Выделены неизвестные ранее типы белоглиняной тонкостенной керамики с резной орнаментацией, без поливы, с росписью и позолотой. Классифицированы формы и орнаменты сероглиняной штампованной керамики, имеющей среднеазиатские истоки, в золотоордынское время получавшей дополнительный декор в виде поливного покрытия некоторых частей рисунка.

Был поставлен вопрос и о художественном стиле золотоордынской керамики в связи с общим стилем искусства этой эпохи. В этом искусстве в целом отчетливо заметны тенденции к усилению живописного начала, приданию изделию ощущения какого-то всепроникающего движения, объединяющего все части предмета. Эти тенденции в том или ином виде находят отражение и в других видах художественного производства — в ювелирном деле, торевтике и т. п. [45, с. 105 сл.]. Этот стиль повышенной живописности, зарождающийся в монгольскую эпоху, получает продолжение в тимуридском искусстве XV в.

Проведена была технологическая и стилистическая классификация остатков архитектурного декора [46—51]. Выявлены типы мозаик, майолик с над- и подглазурными росписями, с рельефом и без него, резного и штампованного ганча и терракоты, а также резного камня. Исследованы орнаменты, встречающиеся на этих материалах. Исследованы орнаменты, встречающиеся на этих материалах. Отмечено, что орнаментацией мозаика отличается от майолики, ганча и резной терракоты, что говорит о разных путях сложения этих видов архитектурного декора. Особенно интересна мозаика, появившаяся в Золотой Орде раньше, чем в Средней Азии, видимо, из Ирана через Закавказье. Характерной чертой золотоордынского архитектурного декора является большой удельный вес позолоченных фольгой элементов, а также красного цвета. Своеобразна надглазурная роспись изразцов, например из центрального зала большого дома второй усадьбы, открытой на Селитренном городище. Здесь золочение

майоликовых изразцов сочеталось с персидскими стихами по их краям. Следует заметить, что почти вся архитектурная эпиграфика из золотоордынских городов оказалась персидской по языку.

Господствующей религией в золотоордынских городах был ислам. Но языческие пережитки сохранялись в быту горожан, о чем свидетельствуют прежде всего некрополи. В настоящее время на нижневолжских городищах раскопано около 400 погребений, создана классификация погребального обряда и погребальных сооружений золотоордынских городских мусульманских некрополей [52]. Погребения показывают прежде всего степень мусульманизации городского населения. Ислам требовал при погребении не класть вещи в могилу и соблюдать такое положение погребенного, при котором его лицо было бы обращено на Мекку. Исследования некрополей показали, что первое требование нарушено в 10% погребений на золотоордынских городах, а второе — в 35% погребений.

В золотоордынских некрополях явственно выступает резкая социальная дифференциация погребенных: погребения в богатых склепах из кирпича, с надгробиями, в мавзолеях, по преимуществу монголоидной верхушки горожан (они составляют 7,4% всего изученного количества могил) и погребения в простых ямах без перекрытия и надгробий в рядовых участках кладбищ — погребения городского плебса, смешанного, преимущественно европеоидного по антропологическому облику (56% всех погребений). Остальные погребения принадлежат промежуточным средним слоям населения городов [52—58].

В связи с антропологическим изучением состава населения золотоордынского города следует упомянуть о некоторых обнаруженных экспедицией, в основном бытовых, надписях, сделанных горожанами. Особенно интересна кыпчакская надпись на кости, показавшая, что каждодневная речь жителей этих городов была кыпчакской [59, 60]. Монголы растворились в массе местного населения половецких степей, и кыпчаки-половцы стали основным населением городов, давшим смешанный антропологический тип.

Существенным компонентом золотоордынского городского населения были русские — пленные, насильственно перемещенные, часто ремесленники и строители, а также приехавшие позднее купцы, члены княжеских посольств и князья, подолгу жившие в Орде. Об их присутствии говорят культовые предметы, находимые в слоях золотоордынских городов. На Водянском городище обнаружен район обитания русских, насыщенный русскими вещами и керамикой, а также христианский, видимо русский, могильник [61—65]. Наличие в материальной культуре этого памятника болгарского элемента (в строительном деле и в могильнике) говорит о проживании здесь выходцев из Волжской Болгарии. Это дало основание сопоставлять это городище с той переправой через Волгу, о которой писал В. Рубрук, повествуя, что жители его — русские и «сарацины», т. е. болгары [21, с. 80].

Было собрано более 10,5 тыс. монет, происходящих из культурного слоя Царевского, Селитренного и Водянского городищ,— почти все они джучидские. Проведено их полное нумизматическое определение [66—68]. Обилие монет, главным образом медных, на золотоордынских городищах не имеет аналогий в средневековой археологии. Это требует объяснения. Оказалось возможным предположить, что медное обращение в Золотой Орде периодически обновлялось выпуском новых пулов и обязательным обменом по новому курсу старых медных монет на новые. При этом старые монеты в значительной мере обесценивались, их теряли, ими мало дорожили. Новые выпуски были очень обильными, так как должны были сменить все обращавшиеся раньше пулы [69].

Нумизматический материал из раскопок на золотоордынских городищах позволил уточнить датировки отдельных объектов с точностью до десятилетий. Он является также прекрасным источником для исследования торговли в Золотой Орде, как внутригородской, так и междугородней, а также для изучения динамики городского торга и определения на-

иболее интенсивных периодов жизни этих городов. Монетный материал позволил уточнить локализацию Сарая и Нового Сарая [9].

Невозможно в одной статье охарактеризовать все аспекты золотоордынской археологии в работах ПАЭ. Исследовались местное стеклоделие и привозное стекло [70—73], привлекали внимание исследователей амулеты и предметы магии [74, 75], изучались металлообработка и бронзолитейное дело [76—79], оружие [78], связи с другими странами, например с Ираном [80]. Проведено изучение знаков на керамике и некоторых других изделиях [81]. Изучены кости животных из раскопок на указанных городищах [82]. Публиковались мелкие статьи об отдельных находках [74, 78, 79, 83—86]. Появились работы по золотоордынской эпиграфике [59, 60, 79, 85]. Разрабатывается отдельно тема, посвященная орнаментации керамики [87]. Все эти темы требуют более детальных исследований. Возникают и новые.

В связи с тем что в последнее время активизировались раскопки золотоордынских памятников в Крыму, Молдавии, Белгороде-Днестровском, на Северном Кавказе, в Азове, бассейне Урала, следует поставить вопрос об ареале собственно золотоордынской культуры центральных степных городов.

Золотоордынские города были мощными центрами культуры и производства. Они базировались на силе Золотоордынского государства — грабительского, паразитического и реакционного, на эксплуатации покоренных народов. Не связанные с местными традициями экономического развития, эти города оказались вновь захлестнутыми кочевой стихией, как только это государство распалось,— в XV в. Золотоордынские города с их блестящим, но недолгим подъемом именно поэтому оказались историческим «пустоцветом», не давшим в степях продолжения своей культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А.* Задачи археологического изучения Золотой Орды.— СА, 1959, № 4.
2. *Баллод Ф. В.* Приволжские Помпеи. М.— Пг., 1923.
3. *Баллод Ф. В.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань, 1923.
4. *Гусева Т. В.* История изучения Нового Сарая.— Вестн. МГУ. История, 1975, № 6.
5. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
6. *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
7. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8. *Федоров-Давыдов Г. А.* Культура и общественный быт золотоордынских городов. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
9. *Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг.— СА, 1964, № 1.
10. *Федоров-Давыдов Г. А.* Новый Сарай по раскопкам в 1963—1964 гг.— СА, 1966, № 2.
11. *Федоров-Давыдов Г. А.* Курганы, идолы, монеты. М.: Наука, 1968.
12. *Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг.— В кн.: Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970.
13. *Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае.— СА, 1970, № 3.
14. *Fedorow-Dawydow G. A.* Die Goldene Horde und ihre Vorgänger. Leipzig, 1972.
15. *Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В.* Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища).— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
16. *Федоров-Давыдов Г. А.* Три средневековых нижневолжских города — ВИ, 1974, № 3.
17. *Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки усадьбы на Царевском городище.— Вестн. МГУ. История, 1978, № 3.
18. *Федоров-Давыдов Г. А.* Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище.— Вестн. МГУ. История, 1981, № 1.
19. *Fedorov-Davydov G., Polubojarinova M.* Die Städte der Goldenen Horde.— Das Altertum, 1976, № 3.
20. *Егоров В. Л. Полубояринова М. Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
21. *Мухамадиев А. Г.* Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
22. *Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А.* Исследование мечети на Водянском городище.— В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976.

23. *Егоров В. Л.* Мавзолеи Водянского городища.— СА, 1980, № 1.
24. *Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А.* Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая.— В кн.: Новое в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1972.
25. *Fjodorov-Davidov G. A.* Az Aranyhorda földjén. Gondolat, Budapest, 1983.
26. *Федоров-Давыдов Г. А.* Города и кочевые степи в Золотой Орде.— Вестн. МГУ. История, 1965, № 6.
27. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973.
28. *Егоров В. Л.* Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959—1965 гг.) — В кн.: Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970.
29. *Егоров В. Л.* Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство): Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1973.
30. *Кызласов Л. Р.* Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры).— В кн.: История и культура востока Азии. Новосибирск: Наука, 1975.
31. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.
32. *Булатов Н. М.* Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища.— СА, 1972, № 1.
33. *Булатов Н. М.* О трех гончарных горнах Селитренного городища.— СА, 1976, № 1.
34. *Гусева Т. В.* Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая.— СА, 1974, № 3.
35. *Булатов Н. М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов.— СА, 1968, № 4.
36. *Булатов Н. М.* Кашинные миниатюрные сосуды из Нового Сарая.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
37. *Булатов Н. М.* К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах.— Вестн. МГУ. История, 1969, № 2.
38. *Булатов Р. М.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1969.
39. *Булатов Н. М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов.— В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976.
40. *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике Золотой Орды.— СА, 1974, № 4.
41. *Шляхова В. И.* Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городища).— СА, 1980, № 4.
42. *Михальченко С. Е.* Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья.— СА, 1973, № 3.
43. *Михальченко С. Е.* Сфероконусы Поволжья.— КСИА, 1974, № 140.
44. *Булатов Н. М.* Иранская ваза с Селитренного городища.— СА, 1979, № 2.
45. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
46. *Носкова Л. М.* Поливной архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитренное городище).— СА, 1972, № 1.
47. *Носкова Л. М.* Терракотовый и ганчевый декор в городах Золотой Орды.— Вестн. МГУ. История, 1972, № 5.
48. *Носкова Л. М.* Архитектурный декор золотоордынских городов Нижнего и Среднего Поволжья: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1973.
49. *Носкова Л. М.* Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья.— В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976.
50. *Воскресенский А. С.* Полихромные майолики золотоордынского Поволжья.— СА, 1967, № 2.
51. *Воскресенский А. С.* Новые данные о поливной архитектурной керамике золотоордынского Поволжья.— СА, 1970, № 1.
52. *Яблонский Л. Т.* Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды.— Вестн. МГУ. История. 1975. № 2.
53. *Яблонский Л. Т.* Исследование средневекового некрополя на городище у с. Селитренное.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1976. М.: Наука, 1978.
54. *Яблонский Л. Т.* Об этнической связи подбойных погребений мусульманского некрополя XIV в. Водянского городища.— В кн.: Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.: Наука, 1978.
55. *Яблонский Л. Т.* Некоторые результаты исследования мусульманского некрополя Селитренного городища в 1976—1977 гг.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии, 1977. М.: Наука, 1979.
56. *Яблонский Л. Т.* Мусульманский некрополь Водянского городища. СА, 1980, № 1.
57. *Яблонский Л. Т.* Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников): Автореф. канд. дис. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1980.
58. *Яблонский Л. Т.* О палеодемографии средневекового города Сарая-Бату (Селитренное городище) — СЭ, 1980, № 1.
59. *Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С.* О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая.— СА, 1963, № 3.
60. *Усманов М. А.* О языковых особенностях надписи из Нового Сарая.— СА, 1963, № 3.
61. *Полубояринова М. Д.* Русская керамика с Водянского городища.— КСИА, 1972, № 129.

62. *Полубояринова М. Д.* Русские вещи на территории Золотой Орды.— СА, 1972, № 3.
63. *Полубояринова М. Д.* Иконка с Селитренного городища.— СА, 1973, № 2.
64. *Полубояринова М. Д.* Иконка из Астрахани.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
65. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.
66. *Янина С. А.* Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг.— В кн.: Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970.
67. *Федоров-Давыдов Г. А.* Две заметки по золотоордынской нумизматике — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы: М.: Наука, 1978.
68. *Федоров-Давыдов Г. А.* Клад серебряных джучидских монет с Селитреннего городища.— НЭ, 1980, т. XIII.
69. *Федоров-Давыдов Г. А.* Особенности обращения серебряных и медных монет в Золотой Орде.— В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980.
70. *Наумов Д. В.* Химический анализ стекла Селитренного городища.— СА, 1973, № 1.
71. *Бусятская Н. Н.* Художественное стекло стран Ближнего востока на территории Восточной Европы (X—XIV вв.).— Вестн. МГУ. История, 1972, № 2.
72. *Бусятская Н. Н.* Стеклянные бусы Селитренного городища.— СА, 1973, № 1.
73. *Бусятская Н. Н.* Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII—XIV вв.).— В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука 1976.
74. *Федоров-Давыдов Г. А.* Астральный амулет из Царевского городища.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
75. *Галкин Л. Л.* Перстни-амулеты с Селитренного городища.— СА, 1972, № 3.
76. *Вайнер И. С., Кринари Г. А.* Исследование образцов золота из мастерских в районе «Трех усадеб» на Царевском городище (Новый Сарай).— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
77. *Крымина М. М.* Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья.— СА, 1977, № 3.
78. *Галкин Л. Л.* Булава из Нового Сарая.— СА, 1963, № 4.
79. *Вайнер И. С.* Серебряная пряжка из Сарая-Берке.— СА, 1964, № 1.
80. *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотая Орда и монгольский Иран.— Вестн. МГУ. История, 1978, № 6.
81. *Полубояринова М. Д.* Знаки на золотоордынской керамике.— В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
82. *Калкин В. И.* Домашние животные Золотой Орды.— Бюл. Москов. о-ва испыт. природы. Отд. биол., 1967, LXXII/1.
83. *Галкин Л. Л.* Несколько изразцов из Селитренного городища.— СА, 1968, № 3.
84. *Галкин Л. Л.* Кашинный кувшин из Селитренного городища.— СА, 1971, № 3.
85. *Федоров-Давыдов Г. А.* Браслет с надписью с Селитреннего городища.— СА, 1978, № 2.
86. *Булатов Н. М.* Золотой браслет с Селитреннего городища.— СА, 1983, № 3.
87. *Скоробогатова Т. В.* Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в.— СА, 1983, № 2.

G. A. Fedorov-Davydov

A QUARTER OF A CENTURY OF STUDY OF THE MEDIAEVAL TOWNS OF THE LOWER VOLGA

Summary

The task of archaeological investigation of the Golden Horde, primarily, of the social structure of its towns, was first set in 1959. In the same year the Volga Archaeological Expedition started its work. It excavated Tsarevskoe (New Sarai), Vodyanskoe (Beljamen [?]) and Selitrennoe (Sarai) fortified settlements, which resulted in the classification of dwellings reflecting social stratification in the towns of the Ulus Juji. The studied urban estates displayed all levels of richness and poverty thus abundantly illustrating urban society of the Golden Horde. The expedition has obtained thought-provoking archaeological material on the crisis of urban aristocracy in the period of internecine feudal wars of the 1360s-1370s. Shops of all kinds, including potters' shops, were studied which provided information on handicrafts development in the towns and their organisational forms. Alongside petty producers from among the urban plebs, archaeologists found traces of workshops on the estates and large-scale agglomerations of craftsmen. The findings of the Volga Archaeological Expedition have made it possible to create technological classification of glazed pottery of everyday use and ceramics used in architecture as well as typology of non-glazed ceramics. Glass objects und glass production were also studied. Archaeologists obtained an enormous amount of material on Juji coins. At present we are witnessing the process of the gradual «developing» of different sides of urban life in the Golden Horde. Wide-scale archaeological work is now under way in the Northern Caucasus, in Azov, Moldavia, the Urals and other places.

Публикации

ПЕТРИН В. Т.

НОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

На Урале писаницы известны давно. Все они, за небольшим исключением, были сосредоточены на береговых скалах р. Тагил, реже р. Нейва, текущих с восточного склона Среднего Урала. Писаницы этого района прекрасно опубликованы и интерпретированы в работе В. Н. Чернецова [1].

На Южном Урале были известны лишь два рисунка, найденных С. Н. Бибиковым [2] в Бурановской пещере, а также рисунки трех человеческих фигур из предвходовой части Идрисовской пещеры, исследованной М. И. Касьяновым и М. А. Бадер [3].

Что касается генезиса уральской наскальной живописи, то этот вопрос уже ставился В. И. Чернецовым, но малое число объективных данных мешало его решению. Одной из причин было отсутствие наскальных изображений собственно на Южном Урале, где, как известно, есть палеолитическая живопись Каповой пещеры. Имелся пространственный разрыв между пещерными палеолитическими росписями Южного Урала и более поздними наскальными рисунками со Среднего Урала. Обнаружение нами новых писаниц (Бурановская II и Идрисовская II) устранило это положение и показало, что на Южном Урале присутствуют достаточно богатые комплексы наскальных изображений, с которыми можно проводить сравнение.

Открытие писаниц было сделано при обследовании Идрисовской пещеры в поисках палеолитических рисунков, которые, к сожалению, не были найдены[1]. Удалось зафиксировать рисунки в предвходовой части пещеры, сейчас еще более испорченные, нежели 30 лет назад, когда их обследовала М. А. Бадер. Изображений людей оказалось не три, а четыре. Четвертая фигурка ничем существенным не отличается от опубликованных [4]. При внешнем осмотре нижней части скалы с Идрисовской пещерой удалось выявить девять групп наскальных рисунков, сделанных охрой. Это примерно в 35 м на юг от пещеры и значительно ниже. Была обследована скальная гряда и с Бурановской пещерой, которая находится всего в 15—20 км выше по течению и где С. Н. Бибиков обнаружил у входа два рисунка. Предположение о том, что на скале с Бурановской пещерой есть рисунки, подтвердилось, здесь зафиксировано четыре группы наскальных изображений. Ближайшая к пещере группа расположена на расстоянии 40 м выше по течению от Бурановской пещеры.

Вновь обнаруженным рисункам были присвоены названия — писаницы Бурановская II и Идрисовская II, хотя, на наш взгляд, рисунки, известные ранее и вновь найденные, безусловно, представляют единые комплексы.

Дальнейшие разведывательные работы, проведенные в последнее время, выявили на реках Юрюзань и Ай еще несколько новых писаниц, так что сейчас можно ставить вопрос в предварительном плане о выделении самостоятельного Южно-Уральского региона писаниц в Уральской области наскальных изображений.

---

[1] В группу входили кроме автора С. Е. Чаиркин, В. И. Широков, В. И. Стефанов.

Писаница Бурановская II

Писаница расположена на левом берегу р. Юрюзань (рис. 1).

Скальное обнажение тянется на расстояние 350 м, в левой части оно прорезано узким оврагом; в этом же обнажении, в центре, находится Бурановская пещера, исследованная перед войной С. Н. Бибиковым [2].

Рисунки, сосредоточенные в четырех группах (помимо рисунков, опубликованных С. Н. Бибиковым), расположены по низу скалы, начиная с юга, на протяжении ~200 м.

Группа I (рис. 2, фиг. *1*) находится на устьевой скале оврага выше по по течению реки. Уровень расположения плоскости с изображениями от воды 4—5, от осыпи 1,1—2 м. Поверхность скалы обращена к востоку, покрыта трещинами, цвет ее грязно-серый. Все фигуры сохранились частично, цвет краски бордовый.

Группа II (рис. 3) находится под скальным козырьком длиной ~8 м. Под ним имеется ровная площадка, до сих пор используемая для остановок рыбаков, костры которых изрядно закоптили стену скалы и нависающий козырек. Уровень расположения рисунков над площадкой 1,8—2 м. Рисунки из-за закопченности заметны очень плохо. Выделяются две фигуры, сделанные бордовой краской. Одна из них — фигура птицы с очень длинным клювом (рис. 3, *5*), выше расположено изображение животного, в какой-то степени оно испорчено сколами (рис. 3, *4*). На уровне изображения птицы, левее ее, очень сильно разрушенный рисунок красноватого цвета, предположительно эта фигура может быть антропоморфной (рис. 3, *6*). Левее и ниже расположены две фигуры прямоугольных очертаний красноватого цвета (рис. 3, *7*, *8*). Скорее всего, они сохранились неполностью.

Группа III (рис. 4, *9*) представлена всего лишь одним рисунком, расположенным в 4 м левее и выше IV группы. Рисунок имеет крупные размеры и, видимо, является лишь фрагментом еще более крупного изображения. При этом существенно, что на плоскости с изображением нет свежих сколов. Сохранившаяся часть рисунка выполнена толстыми линиями. Сейчас они имеют блекло-красный цвет.

Группа IV расположена в 150 м от группы I и в 40 м выше Бурановской пещеры. Рисунки занимают плоскость скалы, прикрытой козырьком. Подход к ним очень удобен. Высота расположения рисунков ~10 м над уровнем воды, над осыпью — 3 м. Вся плоскость с рисунками покрыта сколами (отслоившаяся кальцитовая корочка), так что от изображений остались фрагменты. Лишь в самом верху виден дугообразный знак с идущими вверх отростками. Данный рисунок можно интерпретировать как символ небосвода.

Писаница Идрисовская II

Рисунки найдены на левом берегу р. Юрюзань, в 1,5 км на восток от дер. Краснополье Салаватского района БАССР[2] (рис. 1). Здесь же находится Идрисовская пещера, в которой, как известно, еще в 30-е годы М. И. Касьяновым были обнаружены рисунки людей.

Скальное обнажение с пещерой и вновь обнаруженными рисунками имеет протяженность ~300 и высоту от 40—50 м. С одной стороны скала ограничена устьем лога. Рисунки расположены в нижней части скалы на протяжении ~60 м; и так же, как в случае с бурановскими рисунками, изображения в пещере и найденные вновь, видимо, единовременны. Изображения расположены, как правило, на высоте 0,5—1,5 м, лишь группы I, II находятся на высоте 2—3 м от основания скалы. Разрывы между группой I и VIII не превышают 4—5 м, только группа IX находится на расстоянии 27 м от остальных. Скала сложена светло-серым известняком, покрыта во многих местах лишайником. Поверхность, где нанесены рисунки, обычно ровная, хотя изредка имеются трещины. Многие рисун-

[2] Дер. Идрисово, по которой пещера получила свое название, перестала существовать, и жители переехали в дер. Краснополье.

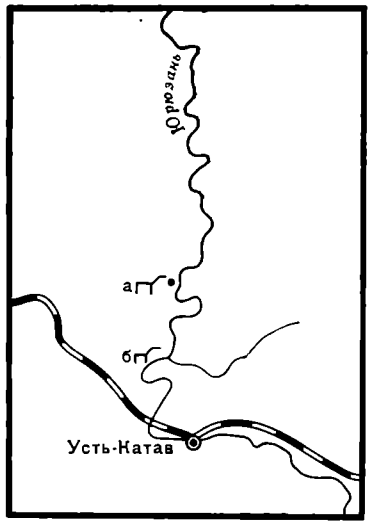


Рис. 1. Схема расположения писаниц на р. Юрюзань. *а* — писаница Идрисовская II; *б* — писаница Бурановская II

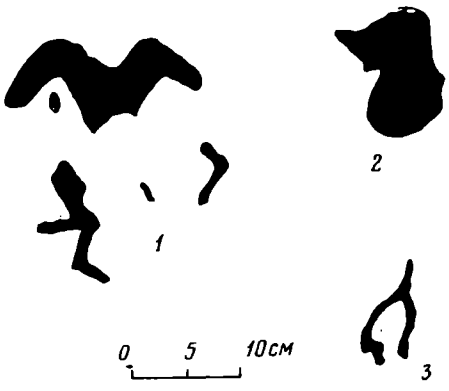


Рис. 2. I группа писаницы Бурановская II

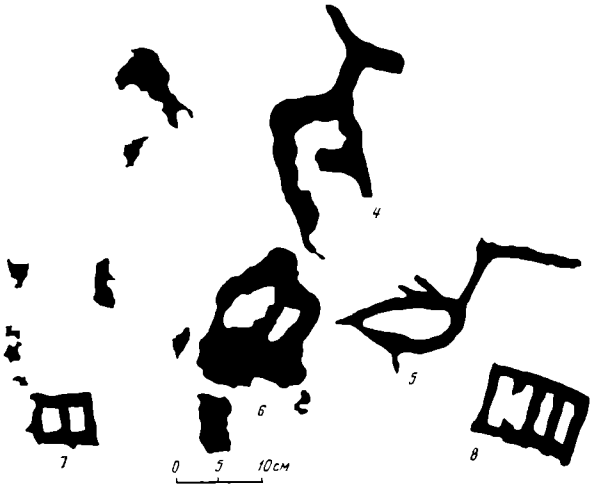


Рис. 3. II группа писаницы Бурановская II

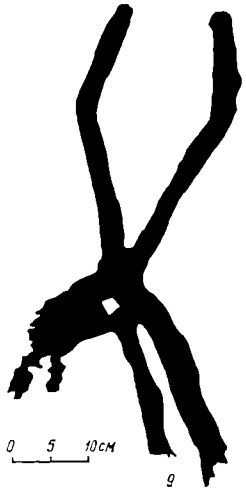


Рис. 4. III группа писаницы Бурановская II

ки покрыты известняковым натеком, через который при смачивании изображения проступают достаточно явственно.

При разведочной шурфовке удалось обнаружить культурные остатки в непосредственной близости от писаницы, а также на ровной площадке, образованной устьями двух оврагов в 30 м на юг от скалы с рисунками. Найденный в шурфах и раскопе материал насчитывает несколько сотен каменных предметов и фрагментов керамики. Материал разновременен, хронологический диапазон очень широк — от эпохи неолита до средневековья.

I группа (рис. 5, *1*). Имеется лишь фрагмент рисунка бордового цвета вокруг — пятна бледно-красноватого цвета, аморфных очертаний, незначительного размера (таблица).

II группа (рис. 6, *2—4*) состоит из четырех фигур. На ровной плоскости нанесено изображение человека в «фертообразной» позе, плохо сохранившееся сверху. Ноги фигуры образуют несомкнутый внизу ромб (рис. 6, *3*). Выше него — сохранившееся частично изображение животного (?) бордового цвета. Правее этих двух изображений — плохо различимые пятна и линии красноватой краски. Еще правее, за вертикальной трещиной, имеется рисунок ловчей загороди (рис. 6, *4*), явно при-

мыкающей к трещине, возможно, между рисунками и трещиной имеется композиционное единство. На скальном козырьке, прикрывающем эту группу, имеются пятна красноватой краски.

III группа (рис. 7) занимает плоскость размером 6,4×29 см с сильно потрескавшейся поверхностью. На ней видны пятна краски, чаще всего бордового цвета. Красноватый цвет является как бы фоном, на котором выделяются пятна более яркого цвета. Нижние рисунки расположены всего лишь в 20 см от уровня земли. Создается впечатление, что эта группа довольно ранняя.

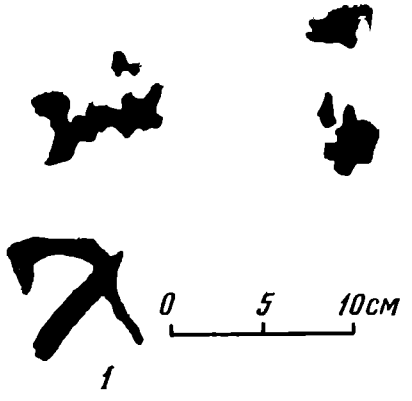


Рис. 5. I группа писаницы Идрисовская II

IV группа (рис. 8) расположена на горизонтальном участке скалы белого цвета шириной 50 и длиной ~7 м. Наиболее хорошо сохранилась фигура «пляшущего» человека (рис. 8, *5*) бледно-бордового цвета, причем изображение ног аналогично рис. 7, *3*. Некоторая асимметричность изображений создает впечатление динамичности. Отметим, что фигура покрыта кальцитовым натеком и видна лишь при смачивании. Имеется множество пятен красноватого цвета и реже бордового — остатки изображений, очень сильно нарушенных осложнениями кальцитовой корочки, на которую они были нанесены. В 1,8 м правее изображения «пляшущего» человека имеется большая группа пятен красноватого цвета. Среди них лучше сохранилась зигзагообразная вертикальная линия (рис. 8, *6*) — ловчая загородь (?) бордового цвета.

V группа (рис. 9) расположена на той же светлой полосе, что и группа IV. Она занимает плоскость самого значительного выступа на всей скальной стене. Рисунки нанесены краской бордового цвета. Их покрывала кальцитовая корочка. Несмотря на относительно хорошо сохранившиеся фигуры, смысловое значение их неясно.

Писаница	Группа	№ рисунка	Ширина, мм	Высота, мм	Цвет
Брановская II	I	1	174	210	Бордовый
		2	94	110	»
		3	48	88	»
		4	169	310	»
		5	309	178	»
	II	6	155	270	Красноватый
		7	90	73	»
		8	130	95	»
	III	9	270	589	Блекло-красноватый
Идрисовская II	I	1	90	76	Бордовый
		2	125	140	»
	II	3	128	320	Красноватый
		4	110	600	Бордовый
		5	140	154	Бордовый (не яркий)
	IV	6	170	130	Бордовый
	V	7	95	128	»
		8	123	125	»
		9	88	175	Красноватый
	VI	10	65	66	»
		11	83	58	»
		12	44	66	Бордовый
	VII	13	110	98	»
		14	97	56	»
		15	136	78	»
		16	109	42	»
	VIII	17	450	305	»
	IX	18	88	136	Красноватый
		19	157	139	»
		20	107	197	»

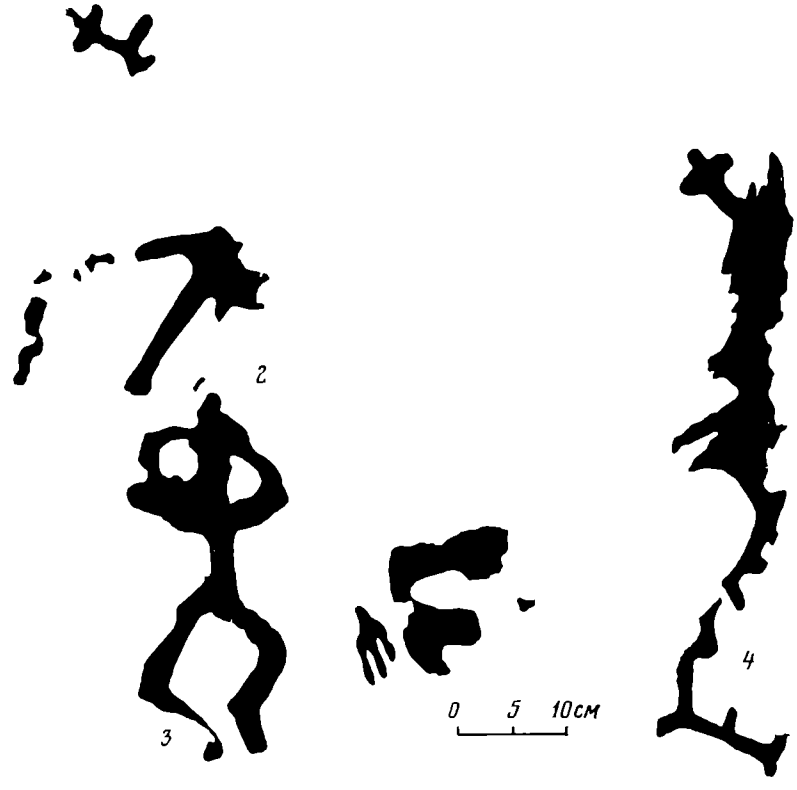


Рис. 6. II группа писаницы Идрисовская II

Рис. 7. III группа писаницы Идрисовская II

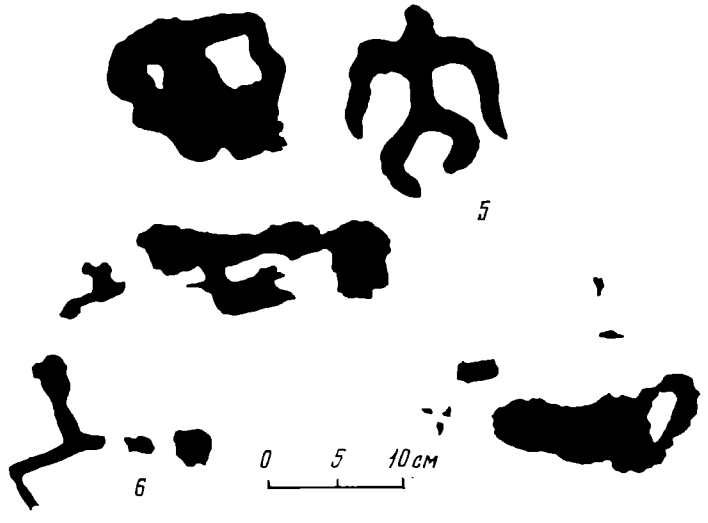


Рис. 8. IV группа писаницы Идрисовская II

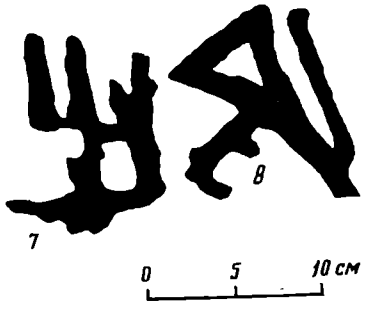


Рис. 9. V группа писаницы Идрисовская II

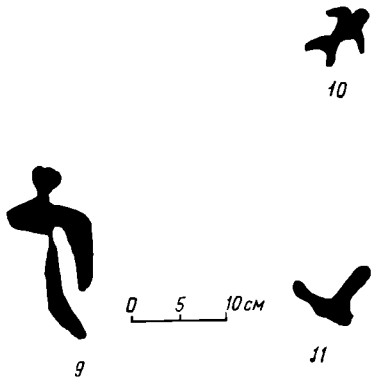


Рис. 10. VI группа писаницы Идрисовская II

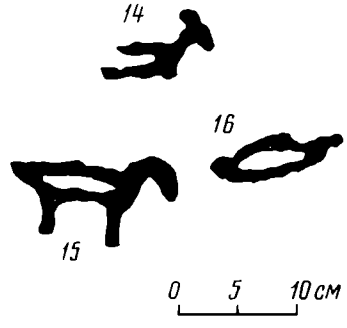


Рис. 11. VII группа писаницы Идрисовская II

Рис. 12. VIII группа писаницы Идрисовская II

Рис. 13. IX группа писаницы Идрисовская II

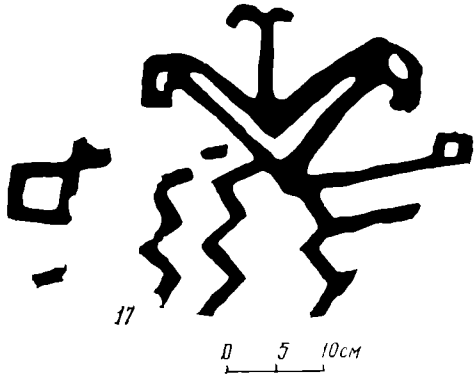


Рис. 12

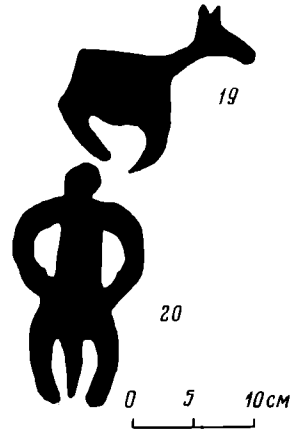


Рис. 13

VI группа (рис. 10, *9—11*) расположена на отошедшем от основной стены блоке, в расщелине. Она содержит три фигуры красноватого цвета. Две из них — антропоморфные. У одной сколом скалы уничтожены левая рука и нога. Другая человеческая фигура (рис. 10, *10*) с широко раскинутыми руками и ногами расположена наклонно. Третья фигура представлена лишь фрагментом.

VII группа (рис. 11, *12—16*) находится на противоположной стене расщелины. Она содержит пять фигур бордового цвета. Вверху сохранились фрагменты от двух фигур (12, 13) животных (?), обращенных головой вправо. Ниже видна фигура животного (*14*). Еще ниже располагается хорошо сохранившаяся фигура животного (*15*), чуть правее видны остатки еще одной фигуры, скорее всего аналогичной *15*.

VIII группа (рис. 12, *17*) располагается в 2 м левее группы VII. Она представлена сложным рисунком бордового цвета (*17*). Скорее всего, в основных своих элементах она изображает быстро текущую воду, многосекционную рыболовную ловушку типа вентерь и рыбу.

IX группа (рис. 13, *18—20*) представляет собой композицию, состоящую из двух антропоморфных фигур, расположенных выше и ниже изображения животного. Краска рисунков очень бледная, как бы слегка расплывшаяся. Верхняя фигура очень сильно повреждена сколами. Нижняя антропоморфная фигура имеет фаллос. Изображение животного, по-видимому косули, отличается тщательной проработкой головы и шеи.

Видимо, обе писаницы — Бурановскую II и Идрисовскую II — можно рассматривать как единое целое при сравнении с восточноуральскими изображениями. Более или менее сохранившиеся композиции, пригодные для сравнения с сюжетами, выделенными В. Н. Чернецовым, это одна на Бурановской писанице и пять на Идрисовской.

На Бурановской писанице группа II представляет композицию (исключая фрагменты несохранившихся изображений) из фигур косули, птицы, антропоморфной (?) и двух геометрических, которые можно интерпретировать как ловчие сооружения. В этих композициях присутствуют элементы двух первых сюжетов, выделенных В. Н. Чернецовым, связанных с охотничьими представлениями. Обращает на себя внимание то, что манера изображения фигур несколько отличается от восточноуральской. Очень близки к восточноуральским рисункам, правда, плохо сохранившиеся изображения небосвода в группе IV Бурановской писаницы.

Среди рисунков писаницы Идрисовская II классическую композицию четвертого варианта первого сюжета мы видим во II группе. Здесь есть изображения человека, ловчей изгороди и животного, однако присутствуют и почти не сохранившиеся фигуры, так что абсолютность устанавливаемой аналогии находится под некоторым сомнением.

Группа VI находится на плоскости, частично уже нарушенной обвалом. Если на отвалившейся части фигуры отсутствовали, то здесь представлена композиция из двух фигур людей и плохо сохранившейся непонятной фигуры. Привлекает внимание и странное положение фигуры человека: она находится в наклонном положении и этим близка изображению из Бурановской пещеры, хотя рисунки различаются по форме и пропорциям.

Группа VII представлена пятью полностью или частично сохранившимися изображениями косули. Возможно, они являются элементом композиции первого сюжета первого или второго варианта, но опять же здесь отличная от восточноуральской манера начертания фигур.

Группа VIII не имеет прямых аналогий среди известных писаниц. По-видимому, это изображение сложной ловушки, а таком случае ее можно отнести к первому варианту второго сюжета.

Последняя, IX группа представлена тремя фигурами, следов от других фигур не зафиксировано. Изображения животного и двух антропоморфных существ, причем с подчеркнутым признаком пола, также не обнаруживают сходства с известными сюжетами.

Таким образом, мы должны прийти к заключению, что некоторые композиции обеих писаниц в самом общем плане не выпадают из круга сюжетов, зафиксированных в восточноуральских писаницах, но обнаруживают различия как по сочетаниям отдельных элементов, так и по начертанию рисунков.

Остановимся на вопросах датировки открытых нами писаниц. Как уже указывалось, культурный слой под Идрисовской писаницей и в непосредственной близости от нее датируется широким хронологическим диапазо-

ном от неолита до средневековья. Достоверно доказать одновременность материала определенных хронологических пластов с теми или иными рисунками очень трудно. Но в отношении писаницы Идрисовская II мы можем говорить о длительном времени ее существования не только по инвентарю культурного слоя, но и по ряду признаков, характерных для самих рисунков. Это очень низкое расположение фигур от осыпи (в некоторых случаях осыпь как бы перекрывает их низ), а также значительная разница сохранности изображений, нанесенных к тому же краской разного цвета, перекрывание части рисунков кальцитовой корочкой.

Вообще же датировка писаниц, кроме случая с Араслановской писаницей [6], где связь культурного слоя и рисунков была доказана, основана на соображениях косвенного порядка, дающих возможность провести параллели между рисунками и культурными остатками. В. Н. Чернецов, великолепно проанализировавший наскальные изображения Урала, пришел к мысли, что писаницы имеют значительную древность. Описывая комплекс находок, обнаруженных под писаницей у оз. Большие Аллаки, В. Н. Чернецов указывает на мезолитический или ранненеолитический возраст вещей и считает возможным принять это время как время появления традиции наскальных изображений Урала [1, II, с. 4].

В этой же работе на основании сходства наскальных изображений с орнаментацией шигирских костяных изделий В. Н. Чернецов относит появление традиции наскальных изображений к концу V — третьей четверти IV тысячелетия до н. э.

Таким образом, разрыв во времени между писаницами и палеолитической живописью как будто существует, но это допущение основано на том, что слишком мало пока данных для положительного решения вопроса о взаимосвязи палеолитических рисунков из пещер с наскальными изображениями. Небезынтересно, что В. Н. Чернецов приводит позитивные данные в пользу возможного генетического единства пещерных росписей и рисунков на скалах: «не случайно расположение писаниц главным образом на тех скалах, где в непосредственной близости находятся пещеры, навесы и ниши» [1, II, с. 111].

На достаточно ранний (неолитический) возраст рисунков на скалах указывали и другие исследователи [1, II]. Для идрисовских изображений О. Н. Бадером и В. А. Обориным вслед за Е. Ф. Лагодовской предложен мезолитический возраст. Но все это пока косвенные данные. Если же обратиться к сравнительному анализу самих рисунков, то, конечно, мы не найдем прямых аналогий среди наскальных изображений рисункам из Каповой пещеры. Однако анализ самих писаниц приводит к мысли, что они неодновременны; есть рисунки, которые явно выбиваются из общего фона. Мы имеем в виду фигуру *9* (группа III) Бурановской писаницы. Блеклый цвет рисунка и, главное, его величина, хотя фигура сохранилась лишь частично, отсутствие аналогий среди рисунков известных писаниц указывают на специфичность этой фигуры среди уже имеющегося материала. Думается, что эта обособленность с определенной долей уверенности может объясняться более древним возрастом, чем остальные группы Бурановской писаницы.

Полученные новые материалы показали, что многие писаницы наносились на протяжении значительного отрезка времени, и до нас скорее всего в абсолютном большинстве не дошли наиболее ранние пласты наскальных изображений. Обнаружение фрагментов этого пласта является важной задачей. Возможно, фигура *9* (группа III) Бурановской писаницы указывает на существование очень древних изображений на открытых скалах Урала. Дальнейшее визуальное обследование Бурановской писаницы вряд ли даст положительные результаты; необходима трудоемкая работа по расчистке поверхности скал от лишайников, кальцитовых натеков. Только в этом случае можно попытаться найти «связующее звено» между палеолитическими и более поздними рисунками Урала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала.— САИ, вып. В4-12. [вып. I, II]. М., 1964, 1971.
2. *Бибиков С. Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала.— СА, 1950, т. XIII.
3. *Коишевский Б. А.* Итоги археологического изучения Башкирской АССР.— В кн.: Историко-археологический сборник Института краеведческой и музейной работы. М., 1948.
4. *Бадер О. Н., Оборин В. А.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
5. *Петрин В. Т.* К вопросу о датировке наскальных изображений Урала.— СА, 1977, № 2.
6. *Бадер О. Н.* Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере.— СА, 1954, т. XXI.
7. *Генинг В. Ф.* Наскальные изображения Писаного камня на реке Вишере.— СА, 1954, т. XXI.

V. T. Petrin

NEWLY FOUND SOUTH URAL PETROGLYPHS

Summary

The author gives a concise description of petroglyphs discovered by him during a repeated study of the Idrisovskaya and Buranovskaya caves on the left bank of the Yuryuzan River (Bashkir ASSR). Their subjects are very similar to each other and to the already studied East Ural petroglyphs. However, there are some differences in combination of separate elements and the character of drawing.

The dating of the petroglyphs is still unclear. It is an established fact, however, that they span a considerable period of time, the earliest of them being lost to us.

СИНЮК А. Т.

ОБ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКАХ ЛЕСОСТЕПИ

(бассейн Среднего Дона)

Изучение погребальных памятников культур эпохи неолита — энеолита Евразии позволило говорить о существовании южного и северного обрядовых стереотипов [1, с. 8—13], изменение которых в каждом из регионов имеет стадиальный характер [1, 2, с. 3—26]. Фиксирующимся процессам взаимодействия разностадиальных признаков хронологически чаще отводят место в начале формирования новой из стадий [2, с. 17]. В целом, данные выводы не имеют альтернативы с точки зрения выявления общей исторической тенденции сначала обособления, а затем широкого взаимодействия крупных культурных образований рассматриваемого времени. Этим, однако, не снимаются поиски в конкретных районах, особенно в круге памятников лесостепной зоны, специфических проявлений исторического процесса. Первые же могильники времени неолита — энеолита на Среднем Дону, недавно открытые и исследованные нами, обнаружили именно такое сочетание признаков, которое заставляет предполагать, во-первых, этнографическую неоднородность населения, а во-вторых, весьма самобытные религиозно-культовые представления у отдельных его групп. Этим обстоятельством в известной степени вызывается и сложность культурно-хронологического определения памятников. Ниже мы остановимся на рассмотрении двух могильников: — Дронихинского и Иванобугорского, расположенных в донском левобережье на р. Битюг, в 70 км друг от друга (рис. 1).

Дронихинский могильник обнаружен в урочище Дрониха близ с. Старой Тишанки (Таловский р-н Воронежской обл.) на площади многослойного поселения. Основной материал здесь имеет неолитический облик; в небольшом количестве содержалась керамика нижнедонской раннеэнеолитической культуры мариупольской области, а также материалы конца эпохи бронзы и славяно-русского времени.

Особое значение имеет открытие в толще слоя памятника обширной (около 192 м^2) подпрямоугольной площадки из битой утрамбованной ракушки — пола неолитической постройки, ставшей важнейшим стратиграфическим репером.

Топографически памятник характеризуется небольшим всхолмлением надпойменной песчаной террасы при впадении в Битюг левобережного притока Тишанки. Общая высота террасы не превышает 5 м. Всхолмление имеет длину 180 и ширину около 55 м, вытянуто по линии ЮЗ — СВ, параллельно направлению речки Тишанки (рис. 2, *1*).

Первые погребения могильника обнаружены при раскопках в 1974—1975 гг., а в 1980 г. памятник был исследован полностью [3]. Могильник содержал 21 погребение (рис. 2, 3).

Погребение 1. Костяк взрослого человека на спине, с согнутыми в коленях ногами. Ориентирован в северо-западном направлении. Располагался в едва заметном материковом углублении овальной формы. Выкид из могильной ямы прослеживался в виде светлой супесчаной линзы в толще культурного слоя на глубине 0,45 м от поверхности. Череп (без нижней челюсти) был отчленен от костяка и положен в маленькую материковую ямку за пределами могилы. Вместе с черепом оказался кварцитовый двусторонне ретушированный наконечник стрелы с черешком.

Погребение 2 разрушено одной из хозяйственных ям поселения. Сохранились фрагменты костей ног умершего в едва заметном материковом углублении, перекрытом непотревоженным ракушечным полом постройки.

Погребение 3 представлено фрагментами черепа и отдельными костями умершего. Условия залегания аналогичны предыдущему.

Погребение 4. Костяк взрослого человека лежал на спине, головой на северо-запад, ноги согнуты. Выявлен на глубине 0,75 м от поверхности и перекрыт ракушечным полом постройки.

Погребение 5 выявлено в слое на глубине 0,55 м от поверхности. Прорезало пол постройки. Костяк ребенка до 10 лет лежал вытянуто на спине с протянутыми вдоль тела руками. Ориентирован на восток с небольшим отклонением к северу.

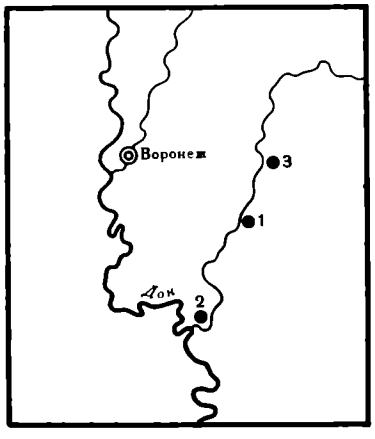


Рис. 1. Местонахождение могильников: *1* — Дронихинский могильник; *2* — Иванобугорский могильник; *3* — Мосоловский могильник

Погребение 6 представлено залегавшим на глубине 0,72 м от поверхности черепом взрослого человека.

Погребение 7 выявлено на полу постройки. Скелет ребенка до 7 лет лежал вытянуто на спине с приподнятой головой («на подушке») в направлении восток — северо-восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и кистью положена на таз. Шею ребенка украшали бусы в одну нитку. Бусы сделаны из пасты, окрашены в ярко-синий и бирюзовый цвет (рис. 4, *14—17*).

Погребение 8 слегка врезано в ракушечный пол постройки. Костяк ребенка 5—7 лет лежал вытянуто на спине с приподнятой головой, с протянутыми вдоль тела руками. Ориентирован на восток — северо-восток.

Погребение 9 также едва врезалось в пол постройки. Костяк ребенка 4—5 лет лежал на спине с приподнятой головой, с вытянутыми вдоль тела руками, ориентирован на восток — северо-восток. Ноги в коленях были отчленены, голени положены параллельно с бедрами.

Погребение 10 представлено черепом взрослого человека на глубине 0,32 м от поверхности.

Погребение 11. Костяк мужчины до 30 лет лежал с раздвинутыми в стороны и согнутыми в коленях ногами. Локти слегка отведены в стороны. Таз находился глубже верхней части костяка, что в целом определяет положение умершего в «позе роженицы».

Погребение 12 — парное, разрушено поздней ямой. Представлено нижними частями костяков двух взрослых индивидов, вероятно, мужчин. Ноги согнуты и обращены коленями влево, однако, судя по положению тазовых костей и позвонков, умершие были захоронены на спине с поднятыми вверх коленями. Погребение залегало на глубине 0,5 м от поверхности.

Погребение 13 слегка углублено в материк. Костяк женщины 30 лет лежал вытянуто на спине с руками вдоль туловища, головой на северо-восток. Голенные кости были уничтожены постройкой эпохи бронзы.

Погребение 14 выявлено в культурном слое на глубине 0,55 м от поверхности в виде отдельных костей скелета и черепа ребенка.

Погребение 15 выявлено в культурном слое на глубине 0,65 м от поверхности в виде черепа взрослого индивида.

Погребение 16 выявлено на глубине 0,6 м от поверхности в виде черепа и отдельных костей скелета подростка.

Погребение 17 — перезахоронение, включавшее два черепа мужчин, нижнюю челюсть женщины и фрагменты диафисов. Произведено, судя по компактности расположения, в «упаковке», Выявлено в слое на глубине 0,7 м от поверхности.

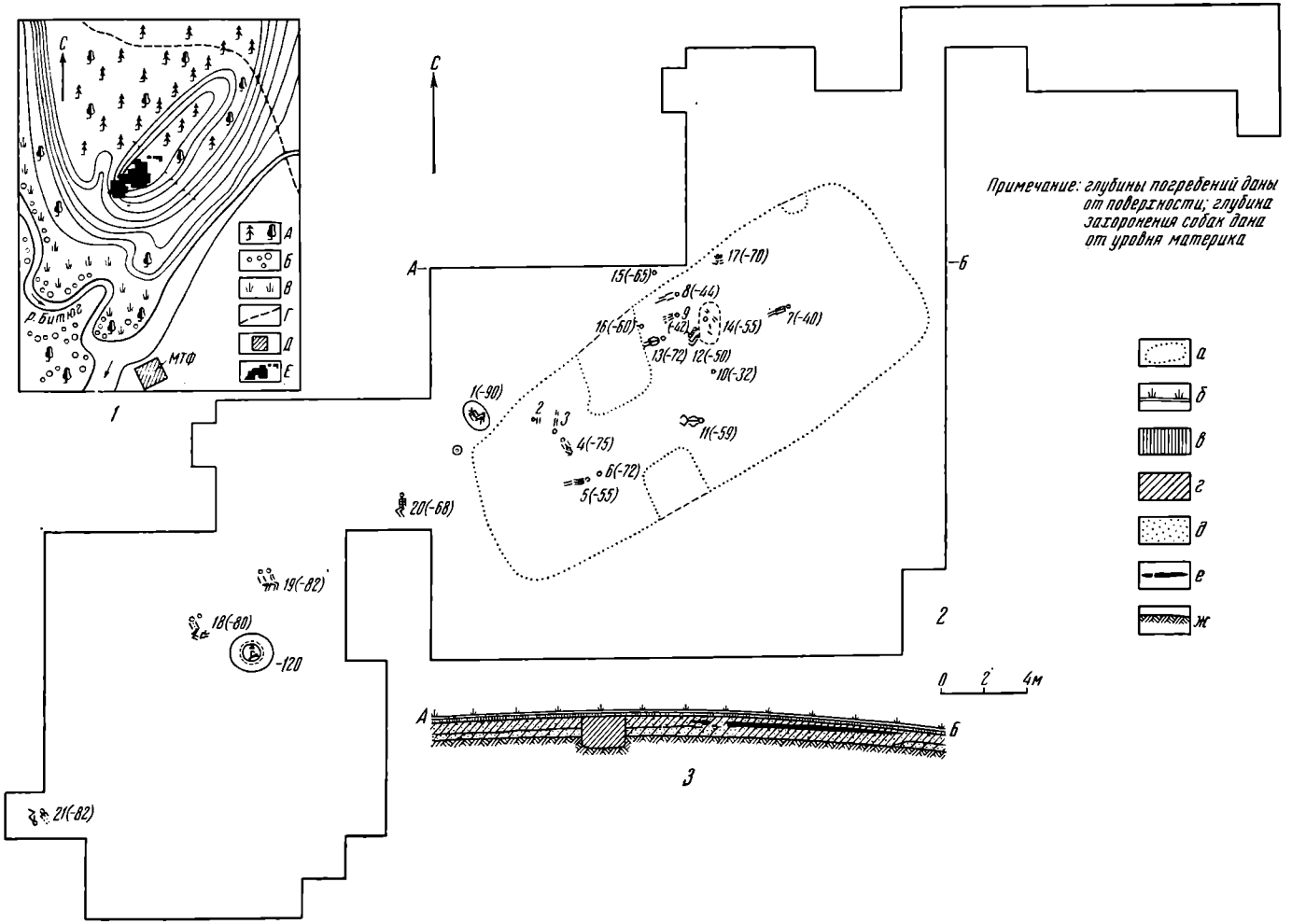


Рис. 2. Дронихинский могильник: *1* — глазомерный план (*А* — деревья; *Б* — кустарник; *В* — луг; *Г* — грунтовая дорога; *Д* — современные постройки; *Е* — раскопы); *2* — план расположения погребений; *3* — профиль наслоений памятника по линии А — Б. *а* — контуры ракушечного пола постройки; *б* — дерновый покров; *в* — аллювиальные наслоения; *г* — чернозем; *д* — песок; *е* — ракушечный слой; *ж* — материк

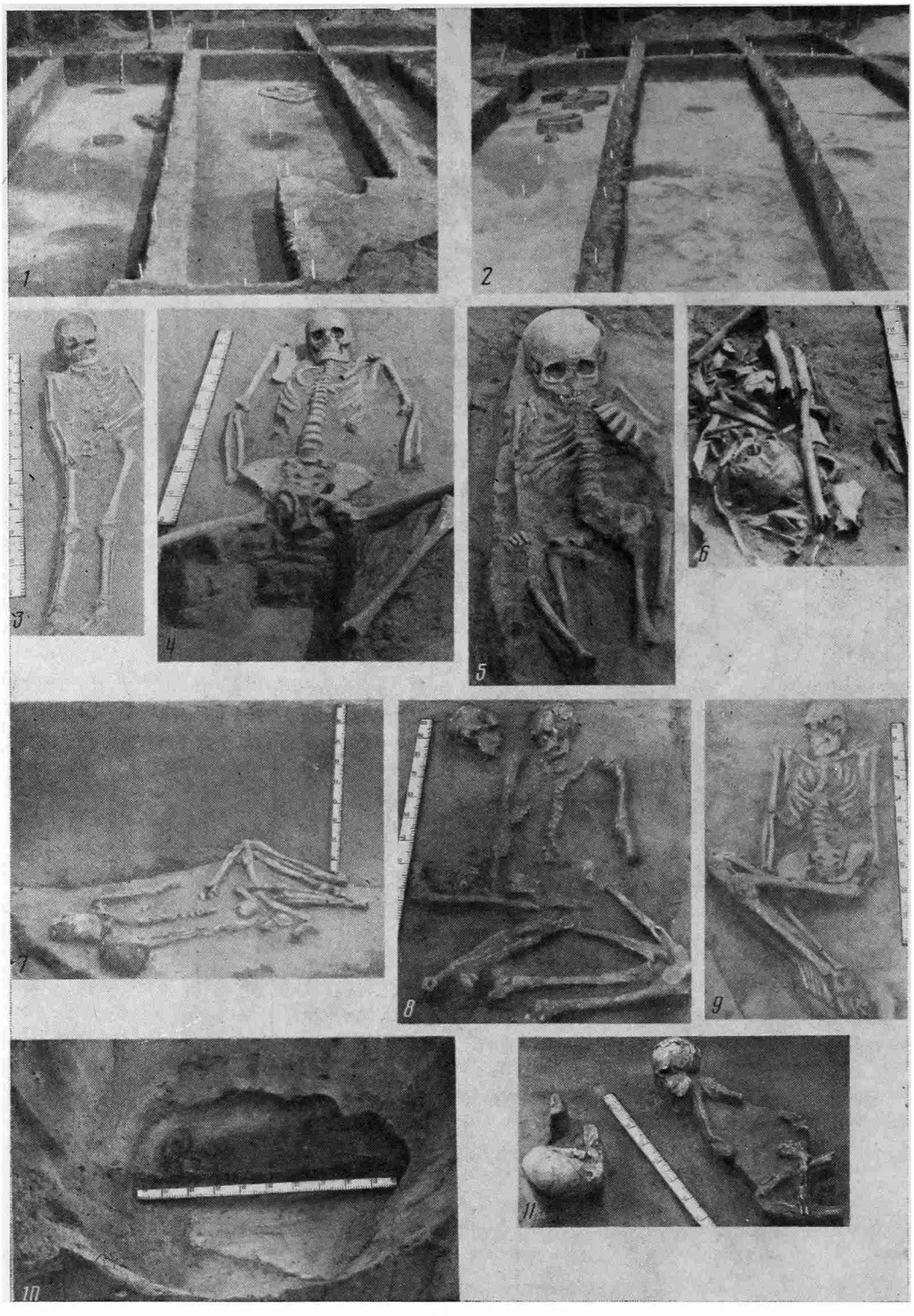


Рис. 3. Дронихинский могильник: *1* — западный участок раскопа; *2* — восточный участок раскопа; *3* — погр. 7; *4* — погр. 11; *5* — погр. 9; *6* — погр. 17; *7*, *8* — погр. 19; *9* — погр. 20; *10* — ритуальное захоронение собак; *11* — погр. 21

Погребение 18 — парное, выявлено на уровне материка. Прослежено устройство погребальной ямы, край которой обозначен выкидом на глубине 0,45 м от поверхности. Костяк мужчины (рост свыше 180 см) лежал на спине с сильно скорченными ногами и вытянутыми вдоль тела руками, с ориентировкой на северо-запад. Слева от него лежали череп и ноги женщины в анатомическом соответствии, однако неестественно большой промежуток от головы до ног и отсутствие каких-либо остатков других частей скелета заставляет предполагать захоронение женщины в

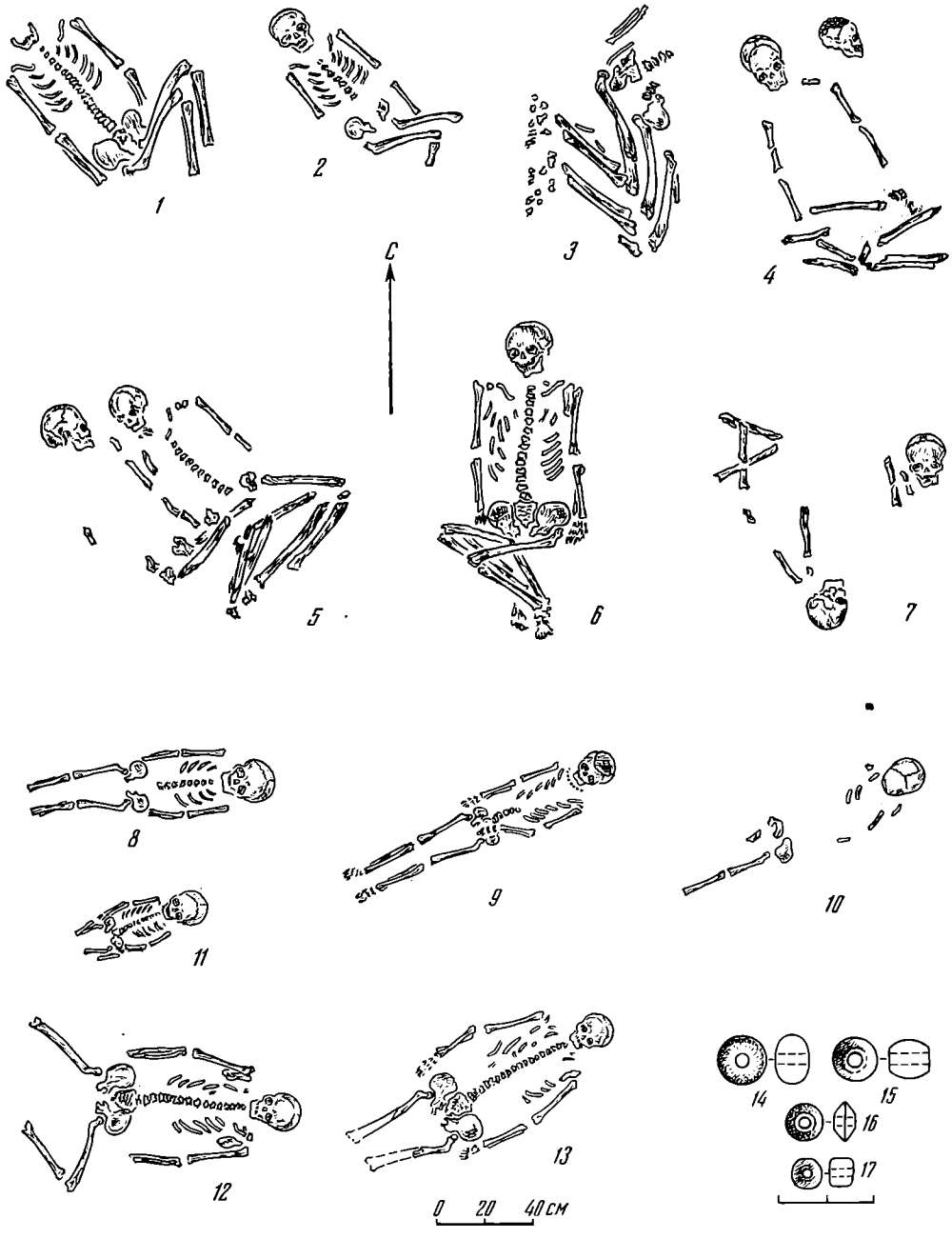


Рис. 4. Дронихинский могильник: *1* — погр. 1; *2* — погр. 4; *3* — погр. 12; *4* — погр. 18; *5* — погр. 19; *6* — погр. 20; *7* — погр. 21; *8* — погр. 5; *9* — погр. 7; *10* — погр. 8; *11* — погр. 9; *12* — погр. 11; *13* — погр. 13; *14—17* — пастовые бусы из погр. 7

расчлененном состоянии без туловища. Следы охры фиксировались по красновато-бурому оттенку костей.

Погребение 19 — парное, мужчины и женщины, выявлено на уровне материка в яме, край которой определялся выкидом. Костяки крупных размеров (190 и 180 см) лежали на спине с согнутыми и завалившимися влево ногами, с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентированы на северо-запад. Женский костяк находился слева от мужского. Под черепом последнего найден нож на кремневой пластине, однако преднамеренность сопровождения им погребения не доказывается. Кости скелетов несут следы охры.

Погребение 20 выявлено на уровне материка. В слое прослеживаются контуры ямы. Костяк женщины высокого роста (около 175 см) лежал на спине с согнутыми и завалившимися вправо ногами, с вытянутыми вдоль тела руками, ориентирован головой на север.

Погребение 21 — парное, выявлено на глубине 0,82 м от поверхности. Костяки плохой сохранности лежали головами в противоположные стороны. Один из них находился на спине с вытянутыми руками и ориентирован на север — северо-запад. Позиция ног не определяется. Другой костяк находился скорченно на правом боку, руки у колен. Рост последнего едва ли превышал 145 см, но размеры черепа вполне соответствуют взрослому мужчине.

На площади могильника жертвенных площадок или следов тризны не прослежено.

Рассмотренные погребения (исключая фрагментарные) по территориальной локализации, положению и ориентировке умерших можно разделить на две группы.

Погребения первой группы (№ 1, 4, 18—21) тяготеют к юго-западному склону возвышения, размещены вдоль возвышения в одну линию, примерно через равные промежутки. Погребения, за исключением одного, принадлежат взрослым индивидам. Характерно, что три погребения этой группы — парные. Уровень залегания погребений приурочен к основанию культурного слоя поселения, но фиксировавшиеся края могильных ям уходили в слой на уровень третьего штыка (слой мощностью в среднем до 0,8 м соответствовал глубине четырех штыков). Следовательно, эти погребения совершались на месте уже существовавшего поселения, скорее всего в один из перерывов в его функционировании. Погребения характеризуются скорченным положением на спине с ориентировкой на северо-запад, безынвентарностью и отсутствием посыпки охрой, хотя некоторые костяки имеют буроватый оттенок. Отмечаются большие размеры костяков и визуальное единство антропологического типа, очень близкого европеоидам неолито-энеолитических могильников Днепровского Левобережья [1]. Все в целом свидетельствует о несомненном культурно-хронологическом единстве погребений первой группы.

Признаки погребений второй группы (№ 5, 7—17) заметно отличаются от вышерассмотренных. Погребения локализованы в центральной части возвышения, в пределах ракушечной площадки. Соотношение их в плане менее системно, но все же можно фиксировать несколько их рядов поперек длинной оси возвышения. Ориентированы погребения на восток — северо-восток. Большинство из них одиночные, характерно вытянутое положение на спине. Интересно, что более половины этих погребений принадлежали детям. Следов охры ни в одном случае не прослежено.

Локализация обрядовых групп могла вытекать из традиции обособления захоронений детей, предусматривавшей и особые формы обряда. Здесь же могли производиться и погребения лиц, занимавших особое место при жизни. В частности, именно так обстояло дело с мужчиной, захороненным в «позе роженицы» (как отражение обычая «кувады»). По этим соображениям погребения первой группы следовало бы рассматривать как принадлежащие только полноправным членам коллектива. Но, с другой стороны, в могильниках среднестоговско-хвалынского типа, аналогичных первой обрядовой группе, детские погребения размещались на общей площади по единым обрядовым признакам [4, с. 81; 5], а встречавшиеся вытянутые погребения чаще рассматриваются как более ранние [6]. Напомним, что и в первой группе Дронихинского могильника выявлено одно захоронение ребенка. Трудно было бы объяснить и причину помещения здесь захоронения карлика в «нестандартной» позе, явно отражающего особый прижизненный общественный статус. В целом более убедительным, на наш взгляд, является предположение об этнографическом или по крайней мере стадиальном несоответствии двух групп погребений Дронихинского могильника.

Хронологическое соотношение их в известной мере устанавливается по данным стратиграфии. Выше отмечалось, что одно из погребений первой группы было перекрыто ракушечной площадкой. Учитывая систему

[1] По предварительному определению В. П. Алексеева.

планиграфии этих погребений, возможную только при наличии в древности внешних ориентиров, следует считать, что они производились без значительных хронологических интервалов еще до сооружения постройки.

Захоронения второй группы стратиграфически так или иначе соотносятся с постройкой, располагаясь или на ракушечном полу, или разрезая его, или же бывают перекрыты им без следов нарушения пола.

Таким образом, погребения второй группы совершались и позднее сооружения постройки, что в целом говорит о более позднем их возрасте относительно погребений первой группы.

Несмотря на то, что в слое поселения практически отсутствуют типы среднестоговской керамики, погребения первой группы по сумме признаков сопоставляются с могильниками именно этой культуры. Важно отметить, что вблизи парных погребений на Дронихинском могильнике выявлено ритуальное захоронение двух собак в яме конической формы с небольшим подбоем по периметру основания. Костяк крупной особи лежал на левом боку и ориентирован на север, а второй костяк небольших размеров располагался на задних конечностях первого. Это «парное» захоронение было перекрыто прослоем углей и золы, но, судя по отсутствию следов огня на самих костяках, угли появились здесь в остывшем состоянии. На уровне прослоя обнаружена крупная кремневая пластина со скошенным концом. Стратиграфически яма соответствует другим погребениям первой группы. Ритуальные захоронения собак известны прежде всего именно на памятниках среднестоговской культуры [5].

Вытянутые погребения второй группы находят соответствия в круге неолитических могильников евразийской лесостепи, а также в раннеэнеолитических могильниках типа Мариуполь — Съезжее. Но проступает и местное отличие: отсутствие охры, характерных украшений, жертвенных площадок. Отсутствие охры совсем нетипично и для неолитических могильников лесной зоны. Надо полагать, что погребения эти принадлежат своеобразной этнографической группе населения, сохранившей архаичные черты погребального обряда.

Таким образом, в рамках Дронихинского могильника присутствуют две разнокультурные группы погребений, обнаруживающие, в целом, обратный порядок хронологического соотношения тех обрядовых признаков, которые определяют этапы развития неолита — энеолита степной и лесостепной зон Восточной Европы.

Для установления абсолютного возраста погребений Дронихинского могильника известную роль могут сыграть только сравнительные данные их обрядовых признаков, поскольку бусы из детского захоронения вообще не имеют аналогий, а синхронность найденных с погребениями кремневых изделий и самих погребений не бесспорна при наличии культурного слоя с разновременным материалом. К вопросу о датировке памятника мы вернемся ниже в связи с возможностью синхронизации его с другим среднедонским памятником — Иванобугорским могильником.

Иванобугорский могильник (рис. 5—8) представляет собой редкий тип памятника, сочетающий обрядовые нормы ранних групповых могильников и традицию устройства курганной насыпи. Исследован нами в 1981 г. [7]. Курган, высотой 0,6 м над поверхностью, диаметром не более 16 м, как бы подчеркивал естественную округлость одного из участков, ограниченного с двух сторон овражными седловинами, на склоне высокого — около 30 м, правого берега р. Битюг, недалеко от с. Черкасское (Павловский р-н Воронежской обл.) (рис. 5, 6). С кургана открывается широкий обзор места слияния пойм Битюга и Дона и хорошо видна находящаяся в 2,5 км к западу Черкасская стоянка эпохи неолита—энеолита.

В кургане выявлено 35 погребений с остатками 42 умерших. Два безынвентарных погребения (№ 17 и 19) находились в скорченном положении на спине — по традициям древнеямной обрядовости. Сходна с ними по ряду признаков безынвентарная семейная усыпальница (три взрослых и младенец) в двухкамерной деревянной конструкции, где два взрослых — мужчина и женщина — были положены на спину с неболь-

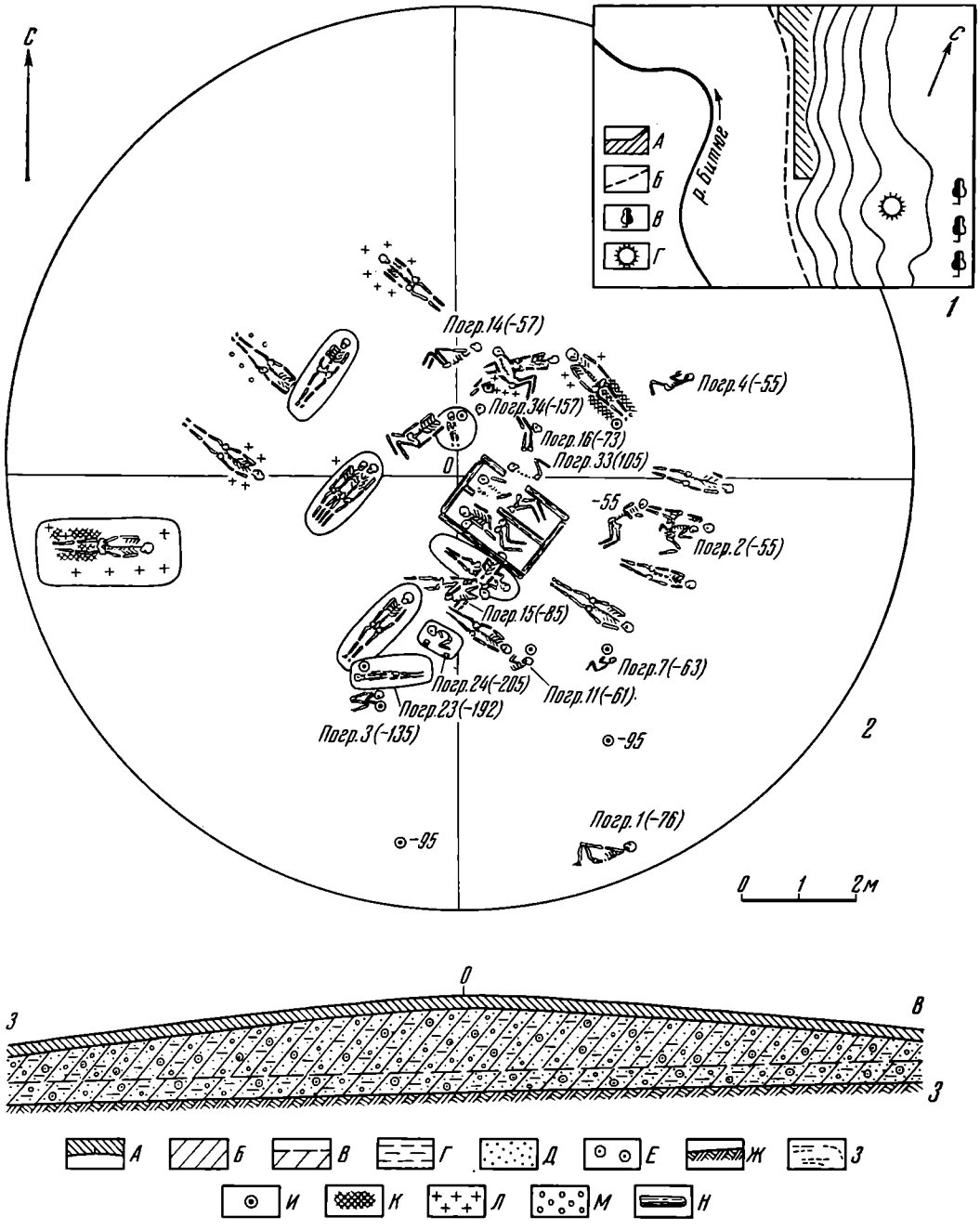


Рис. 5. Иванобугорский могильник: *1* — глазомерный план расположения (*А* — современные постройки; *Б* — грунтовая дорога; *В* — лесопосадка; *Г* — могильник); *2* — план могильника; *3* — профиль могильника: *А* — дерн; *Б* — чернозем; *В* — погребенная почва; *Г* — глина; *Д* — песок; *Е* — галька; *Ж* — материк; *З* — костный тлен; *И* — сосуды; *К* — органические остатки; *Л* — охра; *М* — мел; *Н* — дерево

шой согнутостью ног (№ 29). Часть погребений (№ 1—4, 7, 11, 14, 15, 24, 33), совершенных в скорченном состоянии на правом или левом боку, иногда в сопровождении сосудов, а в одном случае — бронзовой привески, принадлежат местным катакомбной и срубной культурам. Еще одно захоронение девочки в вытянутом положении на правом боку, судя по сопровождавшему сосуду,— киммерийское (№ 23).

Другая же часть погребений совершена по иным обрядовым традициям. Умершие лежали вытянуто на спине в спеленутом состоянии, на что указывали плотно сведенные ноги и руки. Кисти рук иногда находились под тазом (рис. 7).

В целом памятник дал прекрасные примеры прямой стратификации захоронений. Так, скорченные захоронения на боку (№ 2; 15) распола-

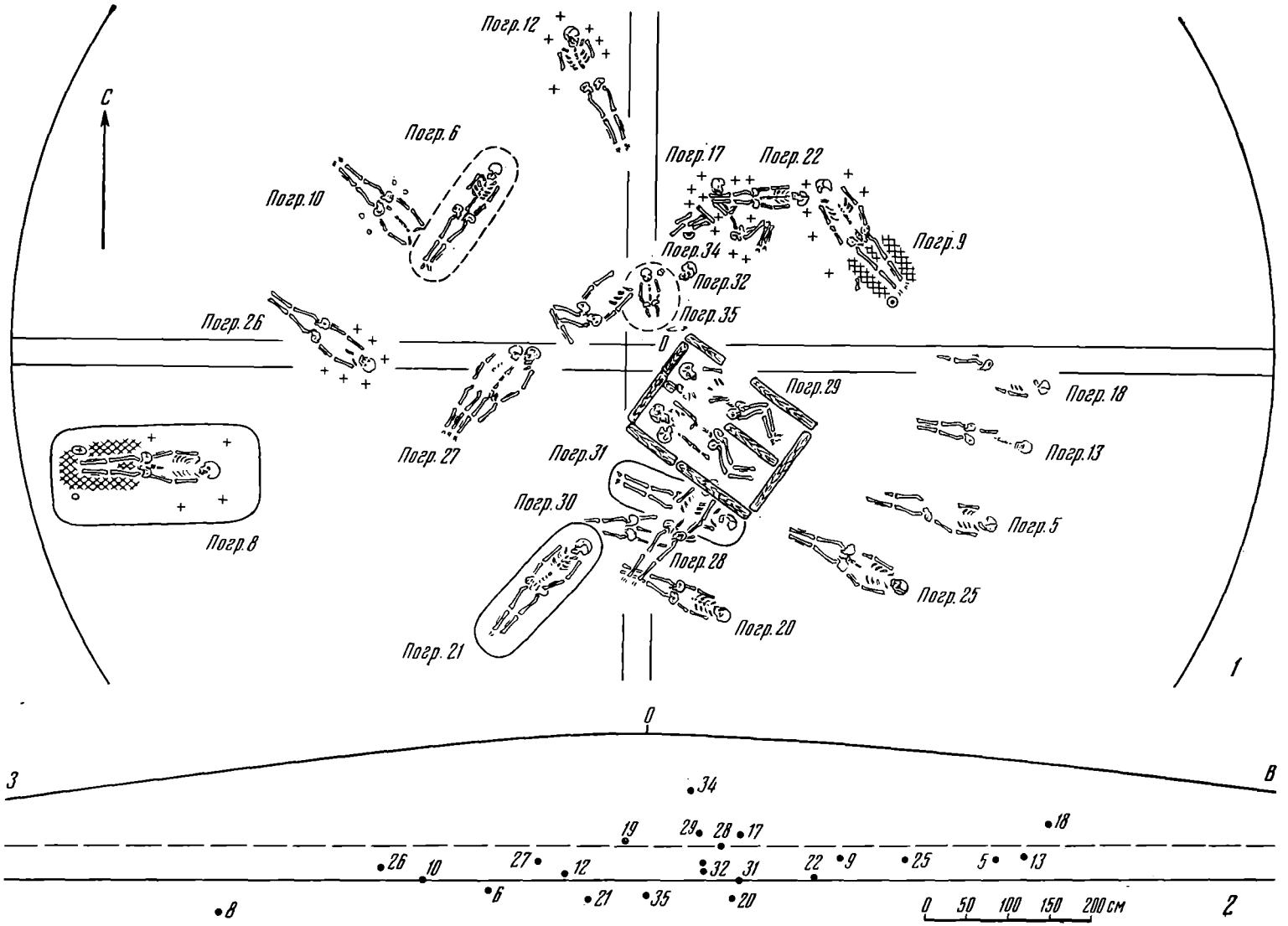


Рис. 6. Иванобугорский могильник: *1* — размещение вытянутых захоронений в плане; *2* — поглубинное размещение вытянутых захоронений

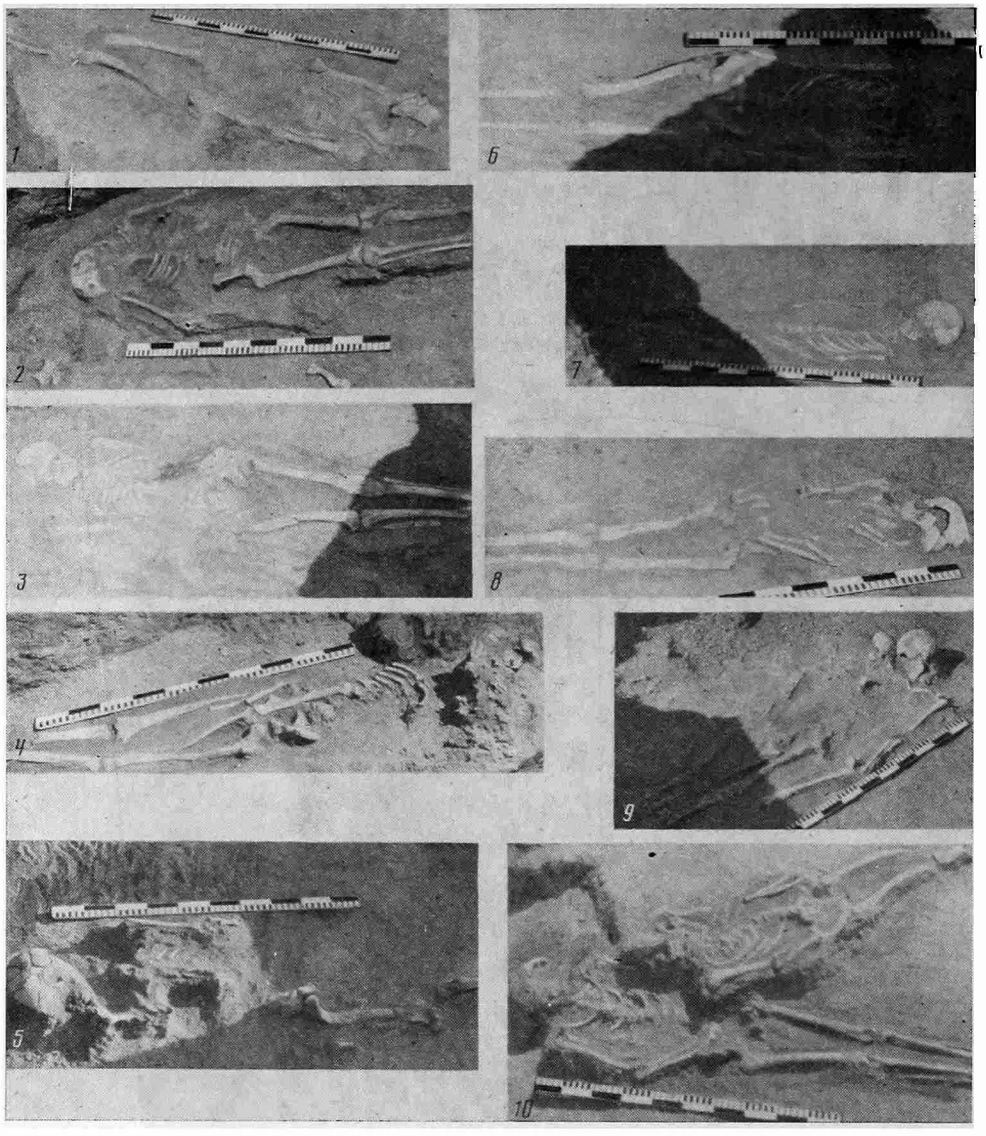


Рис. 7. Иванобугорский могильник: *1* — погр. 5; *2* — погр. 9; *3* — погр. 12; *4* — погр. 13; *5* — погр. 18; *6* — погр. 20; *7* — погр. 21; *8* — погр. 22; *9* — погр. 27; *10* — погр. 30, 31

гались над вытянутыми погребениями. Скорченные захоронения на спине во всех трех случаях тоже перекрывали вытянутые погребения. В связи с этим совершенно очевиден более древний возраст последних.

Всего выявлено 18 ранних вытянутых погребений. Все они, за исключением одного, парного (№ 27),— одиночные. Они имеют прямое отношение к курганной насыпи. Во-первых, одно из погребений (№ 18) находилось в самой насыпи, а еще несколько (№ 5, 13, 25, 27, 28, 30) были едва впущены в погребенную почву, толщина которой не превышала 0,4 м. Во-вторых, наблюдалась определенная система устройства погребений вокруг центра кургана. Их радиальное размещение наиболее четко фиксируется у группы с ориентировкой на восток и юго-восток — самой многочисленной и, по нашему мнению, самой ранней. Такое заключение основано на том, что во всех фиксируемых случаях они перекрыты или разрезаны вытянутыми погребениями с северо-восточной и северо-западной ориентировкой. Интересно отметить наличие четырех стратиграфических ярусов захоронений в центре кургана. Имеющиеся наблюдения позволяют считать, что различия в ориентировке вытянутых захоронений на данном памятнике отражают их хронологический характер. Можно выделить три группы: с ориентировкой на восток и юго-восток; с ориентировкой на северо-восток; с ориентировкой на северо-запад. Прямых свидетельств о хронологическом соотношении второй и третьей групп нет.

Некоторые же косвенные признаки (как, например, сопровождение двух из трех погребений третьей группы глиняными сосудами), сходная ориентировка с костяками в двухкамерной деревянной гробнице (верхний стратиграфический ярус), имевшими к тому же лишь слабую скорченность ног,— позволяют считать погребения третьей группы наиболее поздними.

Первая группа вытянутых погребений, как устанавливается,— самая ранняя и прямым образом связывается с насыпью кургана. Остается открытым вопрос, какое из погребений было произведено первым и сразу ли верх насыпи служил исходным ориентиром для радиального размещения погребений. Возможно, что первоначально был возведен курган как своего рода святилище, а затем в готовую насыпь стали вводить погребения. Но можно также предположить, что насыпь сооружена над конкретным погребением. Им могло быть и погр. 31. Все погребения первой группы имеют разный уровень залегания, что отражает принцип устройства индивидуальных могил, хотя контуры погребальных ям зафиксированы лишь дважды (№ 8, 31). Первая имела прямоугольную форму с сильно заоваленными углами и была врезана в материковый песок на 0,52 м. Вторая имела узкоовальную форму, углублена в материк на 0,05 м. Следует, правда, отметить, что поглубинное размещение погребений первой группы, как и всех других, а также прослеженные формы ям не дают строгих признаков ритуального характера, а, скорее, связаны со сложностью их устройства в тяжелом грунте и не всегда в летний период. В целом плохая сохранность костяков лишь частично позволила провести их половозрастное определение: погр. 5 — мужчина 30—35 лет; погр. 8 — мужчина 35—40 лет высокого роста (около 2 м); погр. 18 — мужчина 25—30 лет; погр. 20 — мужчина 25—30 лет; погр. 22 — девушка до 18 лет. Погребения, размещенные в юго-восточном секторе (№ 5, 13, 18, 20, 25, 30, 31), не имеют следов охры, угля или мела, а также безынвентарны. Лишь у костяка из погр. 31 у пояса с правой стороны находились раковинные бусы диаметром до 1,5 см в количестве 70 штук, а на запястье левой руки располагались также бусы, но меньшего диаметра — до 0,7 см в количестве 41 экз. Аналогичные перламутровые бусы сопровождали погр. 22 (северо-восточный сектор) в количестве 30 экз., располагаясь на черепе и под ним, что указывает на их принадлежность головному убору. Погребения в северо-западном секторе кургана (№ 10, 26) безынвентарны, но одно из них в области головы и груди посыпано красной охрой, а другое у таза и в ногах имело меловую посыпку. Несколько особняком и по расположению, и по ряду признаков выступает погр. 8. На полу ямы отмечались вкрапления охры, причем большой кусок охры лежал у правой голени умершего. Вблизи голени левой ноги находился круглый медный предмет диаметром до 4 см, полностью разрушившийся при извлечении.

Погребения второй группы (№ 6, 21, 27, 28), за исключением ориентировки, аналогичны рассмотренным. Слабая посыпка охры зафиксирована лишь у головы большего костяка в одновременном парном захоронении (№ 27). В материке прослежены контуры удлиненно-овальной ямы погр. 21 (кисти рук умершего были положены на таз, что не характерно для других вытянутых захоронений), аналогичной яме погр. 31 первой группы.

Погребения третьей группы (№ 9, 12, 35) отличаются от предыдущих групп, помимо ориентировки наличием сосудов (№ 9, 35) и захоронением ребенка — единственным среди вытянутых погребений. Ребенок в возрасте 2—3 лет лежал в небольшой округлой яме, углубленной в материк. Слева от черепа находился небольшой сосуд, а в заполнении ямы выше пола на 0,25 м был найден костяной однозубый гарпун с конической насадкой (рис. 8, *14*). Сосуд (рис. 8, *15*) коричневого цвета, сделан из плотного глиняного теста без видимой примеси. Снаружи хорошо сглажен, внутри сохранились следы штриховки. Сосуд остродонный, раздутый в средней части, имеет плавно отведенный короткий венчик с резким перегибом к тулову изнутри. Орнаментирован неровно-подтреуголь-

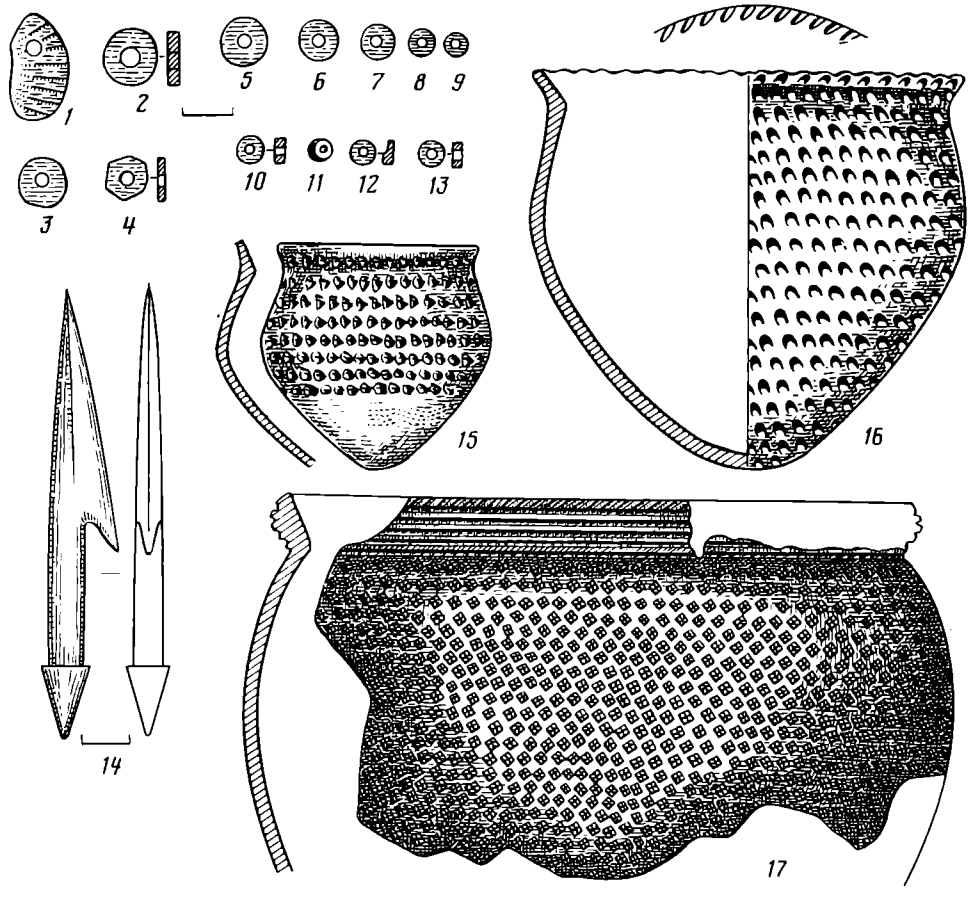


Рис. 8. Иванобугорский могильник: *1—9* — раковинные бусы из погр. 31; *10—13* — раковинные бусы из погр. 22; *14* — костяной гарпун из погр. 35; *15* — сосуд из погр. 35; *16* — сосуд из погр. 9; *17* — сосуд из погр. 34

ными, с уступчатыми основаниями «отступающими» ямками. На одном из придонных участков имеются короткие оттиски мелкогребенчатого штампа, составленные в вертикальные и наклонные колонки.

Очень близок ему сосуд из погр. 9 (рис. 8, *16*). Сосуд находился у правой голени умершего (мужчины почти двухметрового роста). В этом же погребении справа от таза лежала кость крупного животного, в ногах фиксировались органические остатки, у головы и туловища — охровая посыпка. Такое же расположение охры отмечено в погр. 12.

К данной группе погребений должно быть отнесено и перезахоронение (№ 33) — компактно лежавшие диафисы взрослого индивида и верхняя часть глиняного сосуда (рис. 8, *17*). Сосуд, при определенном своеобразии, несомненно, близок сосудам из вышерассмотренных погребений. Он имеет те же технологические признаки, венчик изнутри резко изогнут при переходе к тулову, «решетчатый» штамп сплошь покрывает поверхность. Фиксируемое сходство позволяет относить сосуды, равно как и сопровождавшиеся ими захоронения, к одному культурно-хронологическому кругу. Интересно, что перезахоронение совершено в насыпи на небольшой глубине, выше погр. 17, сопровождавшегося охрой, угольками и фрагментами дерева от перекрытия и, судя по ориентировке, принадлежащего не к самым ранним ямным памятникам. Погребение тем не менее предшествует перезахоронению.

В целом же важнейшие обрядовые показатели говорят об этнокультурном единстве всех вытянутых захоронений памятника и вместе с тем об определенной длительности функционирования могильника, поскольку появление новых признаков (включая изменение ориентировки) требовало времени. Это же подтверждается и стратиграфически. Видимо, следует предполагать перерывы в использовании могильника, на что указывают

случаи нарушения и перекрывания погребений из-за утраты внешних ориентиров.

Близки иванобугорским одиночные безынвентарные захоронения в челновидных ямах с легкой охровой окраской скелетов ряда днепро-донецких могильников, относимых к поздней хронологической группе [1, с. 4]. Индивидуальный характер имеют и многие погребения неолитических могильников лесных районов Евразии. С другой стороны, прием устройства курганов зародился в степном регионе и как правило сопровождался обрядом скорченных индивидуальных погребений [2, с. 15]. Хронологически устанавливается смена вытянутых захоронений скорченными в грунтовых могильниках, а затем и устройством курганных насыпей [8, с. 45]. Следовательно, Иванобугорский могильник включает стадиально разнородные признаки и тем самым обнаруживает свое этнокультурное своеобразие. Аналогичный синкретизм устанавливается для ряда вытянутых подкурганных погребений из памятников Нижнего Поволжья, Нижнего Дона, Северского Донца, Поднепровья. Наиболее полное рассмотрение такого рода памятников было предпринято Н. Я. Мерпертом [9], а в последнее время — И. Ф. Ковалевой [10, 11]. Н. Я. Мерперт отводит им место в круге древнеямных памятников, но в то же время не исключает вероятности установления их энтокультурного своеобразия. Данная позиция особенно ясно проступает в признании, с одной стороны, обособленности и архаичности по своему стратиграфическому положению группы погребений бассейна Северского Донца [9, с. 50, 51], а с другой — в распределении их по различным ступеням стратиграфической лестницы скорченных ямных захоронений Поволжья [9, с. 49].

В ряде статей И. Ф. Ковалевой, специально посвященных выяснению культурной принадлежности вытянутых погребений, наряду с исчерпывающим рассмотрением историографии вопроса, отстаивается тезис о принадлежности их группе населения с традициями обрядности мариупольской культурной общности и предложено называть их постмариупольскими памятниками [11, с. 53]. При этом они включаются в Волго-Днепровскую культурно-историческую общность эпохи энеолита, что, надо полагать, соответствует хвалынско-среднестоговской области, по терминологии И. Б. Васильева [8, с. 44]. Однако так называемые постмариупольские погребения не могут рассматриваться ни как единокультурные, ни как принадлежащие одному хронологическому периоду. Первое доказывается тем, что в комплексе признаков они обнаруживают явные отличия. И вполне закономерно И. Ф. Ковалева выделяет их днепровский ареал [10] с такими своеобразными проявлениями обряда, как положение умерших с развернутыми стопами, случаи кругового размещения могил вокруг ритуальных кострищ; присутствие изделий из каолина и розовой охры, особого типа керамики и т. д. Иванобугорские же погребения, за исключением расположения по окружности, не имеют перечисленных признаков и в большинстве своем не сопоставляются по ориентировке. Другими словами, вытянутые погребения под курганами Поволжья, Подонья и Поднепровья в культурном отношении не однозначны. Что касается их хронологической оценки, то в этом вопросе требуется отдельное рассмотрение погребений каждого конкретного района и конкретного памятника.

Для датировки первой и второй групп вытянутых погребений Иванобугорского могильника абсолютных критериев нет. Если же опираться на широкие сравнительные данные, то можно предполагать весьма древний возраст начала функционирования могильника. Во-первых, мелкие раковинные бусы известны в древнеямных захоронениях только первой хронологической группы [2, с. 18]. Во-вторых, не все ранние, а только вытянутые погребения с восточной ориентировкой и погребения второй группы Иванобугорского могильника по ориентировке соотносятся с ранними древнеямными погребениями и вытянутыми погребениями днепровского ареала. В-третьих, даже одно из погребений поздней (третьей) группы перекрывалось совершенным в ранних древнеямных традициях

захоронением. Наконец, в-четвертых, многие исследователи, начиная с В. А. Городцова [12, с. 180], в обряде вытянутого положения справедливо усматривают значительный архаизм. Исходя из суммы приведенных данных и придерживаясь существующей хронологии энеолита Восточной Европы, начало функционирования Иванобугорского могильника можно было бы соотнести с ранними стадиями древнеямной общности — с концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. [9, с. 45]. Однако рассмотрим этот вопрос с позиции хронологической оценки погребений третьей группы. Прежде всего, их сосуды при кажущемся архаизме, по аналогии занимают вполне определенное место в системе стратиграфии ближайшей к могильнику Черкасской стоянки. Фрагменты сходных сосудов здесь выявлены на уровне 1—3 штыков (культурный слой исследован 10 штыками) [7], значительно выше залегания материалов нижнедонской (мариупольской области), среднестоговской культур и репинской культуры первого этапа [13], совместно с материалами ямно-катокомбного времени. Не менее показательно сравнение с сосудом, найденным при разрушении одного из участков левого берега Дона близ с. Желдаковки, примерно в 40 км от Черкасской стоянки. Он обнаруживает те же технологические признаки, почти тождественную сосуду из перезахоронения орнаментацию, но уже имеет плоскодонность [14, с. 19]. У такого типа керамики отсутствует специфический признак местной энеолитической посуды — растительная или раковинная примесь в тесте. Вместе с тем нельзя не усмотреть в ней некоторые черты преемственности от репинской гончарной традиции: утолщенность венчиков, резкий их переход в тулово изнутри. Но такие признаки, как сплошное размещение отступающих вдавлений или решетчатого штампа, находят аналогии в пережиточно-неолитических материалах Среднего Дона, а позднее проявления их фиксируются на ряде памятников Примокшанья [15, с. 66—73]. Время их бытования едва ли уходит глубже конца III тысячелетия до н. э. Появление плоскодонности тоже указывает на эту дату, поскольку заимствование такого рода шло, скорее всего, из среды ранних катакомбных культур. Другой признак — ориентировка погребений в северо-западном направлении — находит параллели в древнеямных памятниках Подонья, выделяемых нами во вторую обрядовую группу [16, с. 67]. Важно отметить, что в ряде случаев они, сохраняя древнеямные обрядовые черты, сопровождались теми же сосудами, что и среднедонские раннекатакомбные захоронения [17]. Выше уже отмечалось, что перезахоронению Иванобугорского могильника предшествовало ямное погребение с северо-западной ориентировкой. Наконец, можно сослаться на два вытянутых захоронения в курганах Сасовского могильника (правобережье Среднего Дона) [17]. Оба были основными под насыпями, ориентированы на юг. Одно из них сопровождалось небольшим яйцевидным сосудом с легким утолщением венчика и уплощенным донышком, орнаментированным рядами пальцевых защипов. Защипной орнамент в Подонье более всего характерен для катакомбного времени. В данном случае и ориентировка погребенных также связана с катакомбным влиянием. Эта параллель еще раз убеждает нас в длительном существовании на Среднем Дону традиции вытянутых захоронений, вплоть до рубежа III—II тысячелетия до н. э., а если провести линию к раннеабашевским погребениям [18], то и позднее Определяя дату вытянутых погребений третьей группы Иванобугорского могильника концом III тысячелетия до н. э. (на основании синхронизации с ранней стадией распространения катакомбных культур), считаем, что и другие вытянутые погребения, несмотря на перерывы в функционировании могильника, вряд ли разделены большим хронологическим разрывом. Дело в том, что в своей основе вытянутому обряду захоронений должно соответствовать устройство грунтовых могильников. Курган как тип погребального сооружения представляет собой лишь один из заимствованных признаков новой погребальной обрядности, характеризуемой прежде всего скорченной позой умерших. Однако здесь полной замены обряда не произошло, хотя процесс этот, прослеживаемый на территории Поволжья, в основном завершился на первом хронологиче-

ском этапе дневнеямной общности [9], причем, по имеющимся предположениям, в этом процессе скорченная позиция умерших утвердилась раньше устройства курганов [8]. Аналогичный процесс отражен и в облике могильников среднестоговской культуры. Исходя из датировки третьей группы иванобугорских погребений, ясно, что на целое тысячелетие (со времени появления первых курганов) процесс смены обряда растянуться не мог и, по логике вещей, значительную часть этого времени вытянутым захоронениям должны были сопутствовать грунтовые могильники. В ряде работ нами отмечалось сравнительно широкое распространение на поселениях Среднего Дона материалов репинской культуры, в формировании которой ведущая роль отводится носителям нижнедонской раннеэнеолитической культуры мариупольского круга [13, 16]. Было высказано и предположение о преемственности погребального обряда — грунтовых могильников с вытянутой позицией умерших. Это предположение в известной степени нашло отражение в облике грунтового могильника на площади поселения Мосоловского эпохи поздней бронзы (среднее течение Битюга, примерно в 40 км выше Дронихинского могильника). Он включал три захоронения взрослых индивидов на спине (позиция ног не определялась) с южной и юго-восточной ориентировкой [19]. Охра и инвентарь отсутствовали, но рядом с плечом одного из костяков находился обломок типичного репинского сосуда [2].

Наиболее ранние памятники древнеямного населения на Среднем Дону — подкурганные захоронения с восточной и северо-восточной ориентировкой — в целом, на основании металлических изделий майкопского типа, датируются не ранее середины III тысячелетия до н. э. [16, с. 67]. Видимо, не ранее этого времени сооружена насыпь Иванобугорского могильника. Еще раз отметим, что помимо обрядовости даже в сосудах его прослеживаются репинские черты.

Все вышеизложенное дает основание относить ранние вытянутые иванобугорские захоронения к репинской культуре позднего периода, с восприятием древнеямной традиции устройства курганной насыпи. Ко времени распада этой культуры, включившей более или менее сильное влияние традиций пережиточного неолита, ямного и раннекатакомбного мира, могут быть отнесены вытянутые погребения третьей группы. В целом же памятник в соответствии с существующими хронологическими разработками датируется второй половиной III тысячелетия до н. э. Вместе с тем нельзя не согласиться и с отнесением в пределах территорий наиболее ранних вытянутых подкурганных захоронений к концу IV — началу III тысячелетия до н. э. [9, 10]. Можно считать, вслед за И. Ф. Ковалевой, что обряд вытянутых захоронений для большинства из них, включая и среднедонские, ведет начало от круга культур мариупольской области, и в широком смысле все они действительно постмариупольские. Однако, как вытекает из данных Иванобугорского могильника, вытянутые захоронения хронологически оказываются за пределами и первого, и второго этапов развития энеолита восточноевропейской лесостепи и степи, и принадлежали разным этнокультурным группировкам.

Вновь обращаясь к Дронихинскому могильнику, можно, видимо, провести определенную культурно-хронологическую параллель между его второй обрядовой группой и первой—второй группами вытянутых погребений Иванобугорского могильника. Общность проявляется как в положении умерших и их ориентировке, так и в почти полном отсутствии охры. Отметим, что в культурном слое поселения Дрониха встречены отдельные фрагменты сосудов репинского и «пострепинского» типа — из плотного теста, с желобчатыми венчиками и решетчатым штампом (рис. 9, *2—6*). Не исключено, правда, что дронихинские вытянутые погребения второй группы оставлены населением репинской культуры на ее первом этапе развития, и в таком случае их дата может уходить и в первую половину III тысячелетия до н. э. Более определенно к этому времени относятся погребения первой обрядовой группы памятника.

---

[2] С материалом автора ознакомил В. И. Сагайдак в 1972 г.

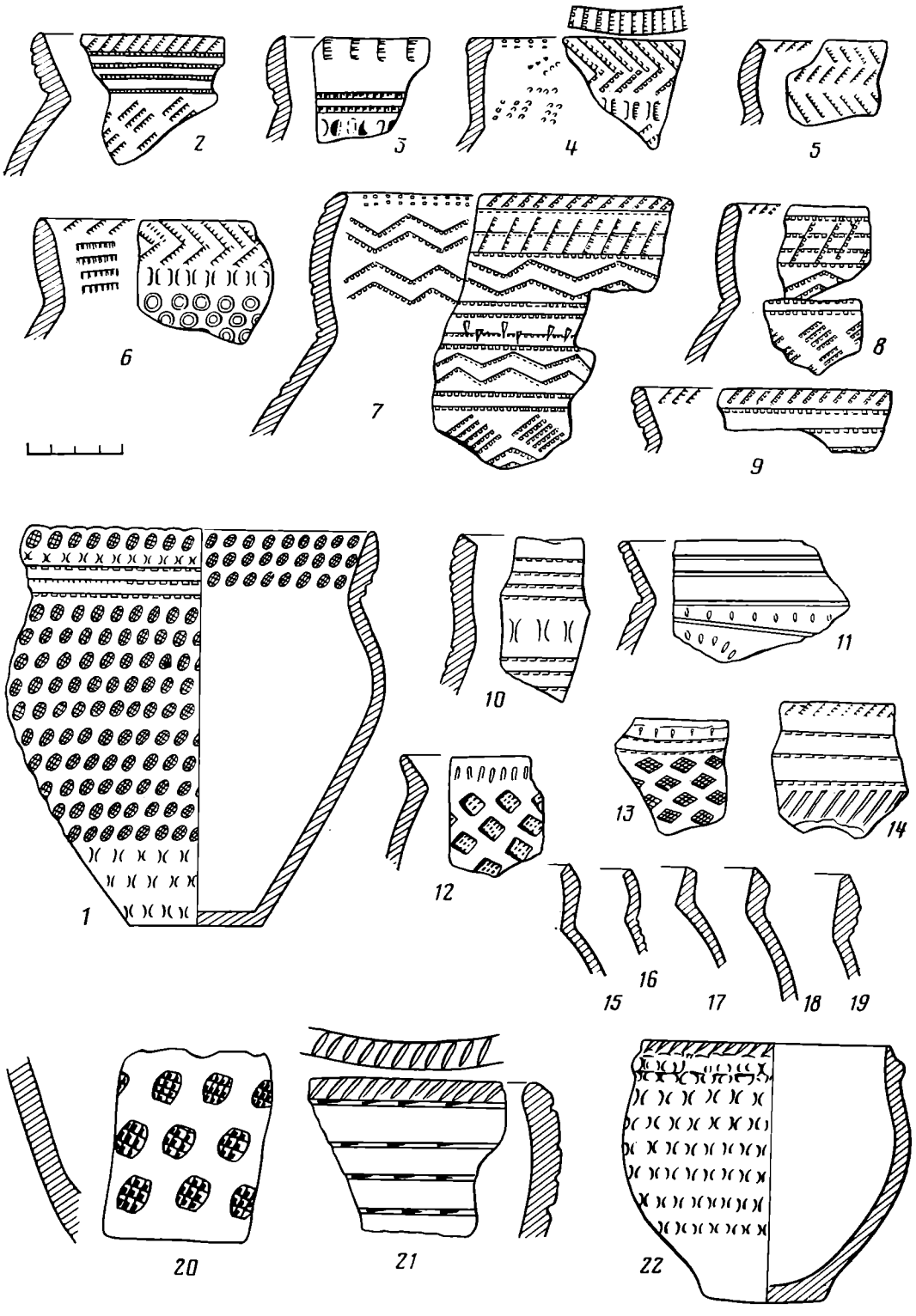


Рис. 9. *1* — сосуд из с. Желдаковки (по В. А. Афонюшкину); *2—6* — керамика из верхнего слоя черкасской стоянки; *7—9* — керамика с Дронихинского поселения; *10—12* — керамика с Архангельского (*10, 11*) и Елецкого городищ (по А. Н. Москаленко и А. Д. Пряхину); *13—19* — типы керамики из бассейна р. Мокши (по П. Д. Степанову); *20, 21* — керамика с поселения Рыбное Озеро — I (по раскопкам В. П. Левенка); *22* — сосуд из погр. 1 кург. 8 Сасовского могильника

Устанавливаемая для среднедонских могильников «нестандартность», неподчиненность стадиальной последовательности смены основных обрядовых признаков в энеолитическую эпоху отнюдь не снижает значения главного направления в разработке периодизации этой эпохи на основе выявления общих тенденций исторического процесса. Но при этом рас-

смотренные наблюдения должны быть приняты во внимание с тем, чтобы при широких культурно-хронологических обобщениях в большей степени учитывались исторические особенности и этнографическая специфика населения каждого конкретного района.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телегин Д. Я.* Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место.— СА, 1968, № 1.
2. *Мерперт Н. Я.* Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
3. *Синюк А. Т.* Раскопки экспедиции Воронежского пединститута в 1980 году.— АО — 1980. М., 1981.
4. *Телегин Д. Я., Филенко О. С.* Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье.— СА, 1982, № 1.
5. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.* Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы.— В кн.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979.
6. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наук. думка, 1973.
7. *Синюк А. Т.* Отчет о раскопках экспедиции Воронежского пединститута на Левобережье Среднего Дона в 1981 году.— Архив ИА АН СССР; р—1, № 8536, 8536а.
8. *Васильев И. Б.* Энеолит Лесостепного Поволжья.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
9. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. *Ковалева И. Ф.* Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
11. *Ковалева И. Ф.* К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганных энеолитических погребений.— В кн.: Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд. ДГУ, 1980.
12. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде.— Тр. XII АС, 1903, т. I.
13. *Синюк А. Т.* Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона.— СА, 1981, № 4.
14. *Афонюшкин В. А.* Сосуд из села Желдаковки.— Тр. Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 1. Воронеж, 1960.
15. *Степанов П. Д.* Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши.— КСИИМК, 1955, вып. 59.
16. *Синюк А. Т.* Энеолит Лесостепного Дона.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
17. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
18. *Синюк А. Т., Килейников В. В.* Курган у села Введенки на Дону.— СА, 1976, № 1.
19. *Сагайдак В. И.* Отчет о работе Левобережного Донского отряда экспедиции Воронежского университета в 1972 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4777.

A. T. Sinyuk

ON AENEOLITHIC CEMETERIES OF THE FOREST-STEPPE ZONE (MIDDLE DON AREA)

Summary

Cemeteries at Dronikha (21 burials), Ivanobugor (18 burials) and Mosolovka (3 burials), located on the Bityug River in the middle Don basin and explored for the first time, going back to the Neolithic and Aeneolithic periods, have shown the ethnographic heterogeneity of the area's population. The stratigraphic data pertaining to the Dronikha cemetery point to the later character of the group of extended burials relative to the flexed ones of the middle-Stogovo type. The implements of Ivanobugor cemetery being what they are it has been found possible to date the extended burials of the middle Don cemeteries from the middle and the second half of the 3rd millennium B. C. and increase the assurance that they belonged to the Repinka culture population. The registered conservatism of the archaic forms of the burial rite as a whole requires a more judicious approach to the evaluation of the stadial affiliation of monuments of this type within the Paleolithic and Aeneolithic periods as well.

СИМОНЯН А. Е.

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА ВЕРИН НАВЕР

Верúн Навéр — наименование местности в Аштаракском районе Армянской ССР, где расположен обширный курганный могильник эпохи бронзы и раннего железа [1, с. 15; 2, с. 91—92].

С 1976 г. археологическим отрядом Центра арменоведческих исследований Ереванского государственного университета под руководством автора начаты систематические исследования памятника [1, с. 15—17; 3, с. 269—272; 4, с. 211—220; 5, с. 7—9; 6, с. 524—525; 7, с. 426]. В 1980 г. совместной экспедицией Центра арменоведческих исследований ЕГУ и Музея основания города Еревана Эребуни было раскопано семь курганов, среди которых особого внимания заслуживают два.

Курган 22. Высота 0,5 м, диаметр по линии запад—восток 6,5 м. В каменно-земляной насыпи преобладали базальтовые камни средней величины, вулканического происхождения [1]. Под курганной насыпью находилась погребальная камера, перекрытая поперечно положенными плитами и обнесенная кромлехом, выложенным из таких же камней (рис. 1). Кромлех сохранился полукругом в северной стороне и проходил под окраиной насыпи. Центральная плита перекрытия — из красного туфа, а северная и южная — из пористого базальта (размеры последней 250×110×60 см). В северной части плит находились пять больших базальтовых камней, которые, вероятно, также выполняли функцию перекрытия камеры, хотя частично были положены за ее пределами. Щели между камнями перекрытия были заполнены мелким камнем.

После захоронения камеру засыпали пудрообразной землей с примесью туфовой пыли красного цвета, которая особенно выделялась в центральной и южной части, где находился покойник, а в северной земля была светло-коричневой с примесью мелкого камня. На глубине 60 см в северной стороне открылась сплошная забутовка из мелких базальтовых камней, мощностью свыше 60 см. Под каменной забутовкой, чуть севернее центра, поперек камеры на дне стояли три сосуда, которые разделяли ее на две неровные части. В маленькой северной части и под сосудами находились кости жертвенных животных, а в южной помещен покойник с согнутыми ногами, поднятыми вверх руками, на правом боку, головой на север, лицом к западу. В правой руке его находился черенковый бронзовый кинжал (рис. 2). Скелет сохранился очень плохо — вместо черепа было найдено лишь несколько зубов.

Камера имеет форму вытянутого четырехугольника, ориентированного по линии юг — север. Верхняя часть камеры (глубиной 30 см) вырыта в речных наносах, состоящих из гальки, смешанной с известью, а нижняя — в рыхлой туфовой скале ярко-красного цвета. Стены камеры сверху вниз и с юга на север постепенно сужаются. При этом нижняя часть северной стены вырублена аркообразно.

Погребальный инвентарь. Чернолощеный кувшин с биконическим туловом, отогнутым венчиком и цилиндрической шейкой. Орнаментирован шагающим гребенчатым штампом. В основании шейки проходит четырехрядный горизонтальный пояс из чередующихся точек и пунктиров, ниже которого в той же технике выполнено изображение восьмилепестковой

[1] Окружающая местность сплошь покрыта аналогичными камнями, выброшенными из кратера Арагаца во время извержений.

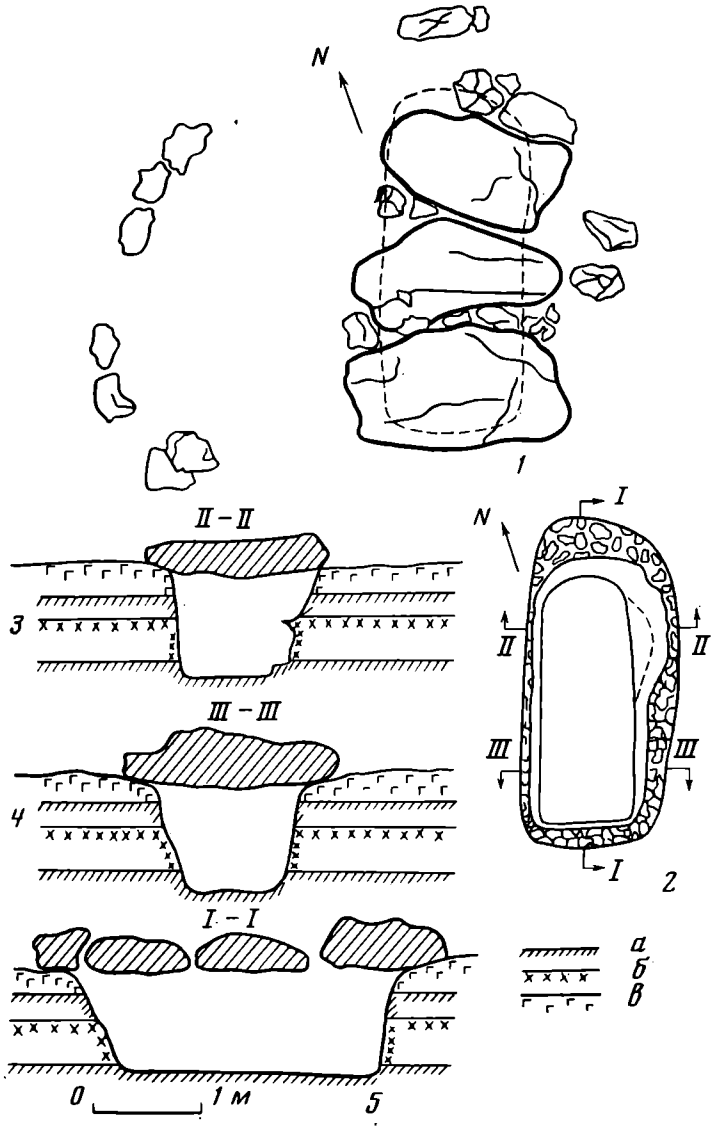


Рис. 1. Курган 22: *1—5* — планы и разрезы; *а* — туфовая скала; *б* — вулканическая пыль и шлак; *в* — галька

розетки из вписанных друг в друга полукругов и треугольников с направленными вниз концами (рис. 3, *3*).

Чернолощеная миска с прямым, чуть отогнутым венчиком, широким туловом и узким ровным дном (рис. 3, *2*). Мелкие параллельные горизонтальные линии изнутри указывают, что сосуд изготовлен на круге.

Монохромная расписная миска с биконическим туловом, ровным узким дном и срезанным внутрь венчиком. Изготовлена на круге. Тулово с внешней стороны покрыто ярко-красным ангобом. В верхней части сосуда черной краской нанесен фриз из геометрических фигур, сверху и снизу ограниченный горизонтальными линиями. Фриз состоит из трех прямоугольников, заполненных сетчатыми полями, между которыми нанесена группа вертикальных линий (5 шт.), парные треугольники с соединяющимися вершинами, ограниченные с двух сторон вертикальными линиями, и аналогичный орнамент из двухрядных треугольников (рис. 3, *1*).

Бронзовый черенковый кинжал, обоюдоострый с косыми плечиками, с сужающимся лезвием, конец округлый. В центральной части лезвия от плечиков почти до острия идет плоский выступ, который разделяет все лезвие на три грани. В верхней части черенка находится четырехугольное отверстие с заклепкой. Последняя предназначена для укрепления несохранившейся рукояти (рис. 3, *4*).

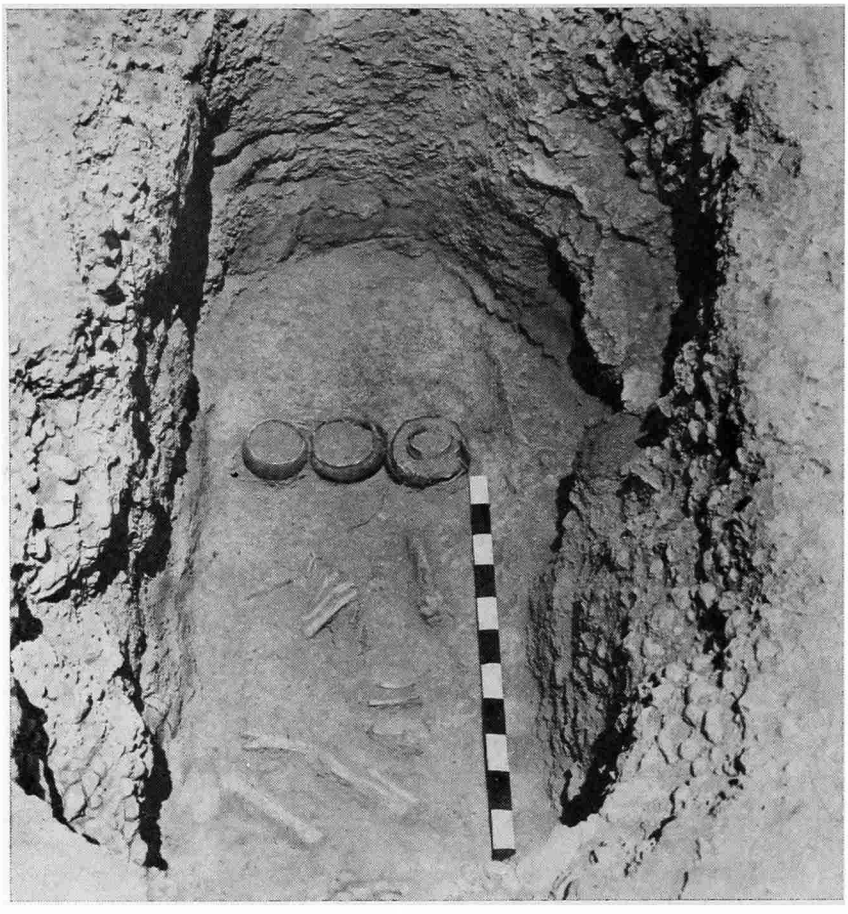


Рис. 2. Могильная яма кургана 22 после раскопок (вид с юга)

Курган 23. Находился в 1,5 м к западу от кургана 22. Высота 0,6 м, диаметр с запада на восток 8,1 м. В центральной части кургана неглубокая воронка, заполненная мелким камнем. Насыпь по структуре аналогична насыпи кургана 22. В центральной части кургана погребальная яма, перекрытая тремя положенными поперек туфовыми плитами, среди которых своими размерами выделялась средняя (200×80×70 см). Щели между ними были забиты базальтовым камнем.

Камера и плиты находились внутри кромлеха, выложенного из базальтовых камней по периметру кургана. Он в плане имеет сложную конфигурацию. Внешнее кольцо составляли вплотную стоящие камни средней величины. В нескольких местах промежутки между камнями как бы образовывали входы. С юга и запада проходит полукруг второго кромлеха, выложенный из крупных камней. Перегородки из камней соединяют внутренний и внешний кромлехи (рис. 4).

Погребальная яма засыпана пудрообразной землей красноватого цвета с примесью туфовой пыли и мелких камней. В северной стороне камеры сразу под плитами перекрытия находились три больших базальтовых камня. Такие же камни находились и в централльной части камеры на глубине 75 см. На глубине 95 см проходил слой мелких камней, а под ним слой песка мощностью 15—20 см. Последним слоем толщиной 2—3 см являлась твердая глинистая земля черного цвета, перекрывающая туфовое дно могилы. Верхняя часть камеры вырыта в речных наносах, а нижняя вырублена в туфе. Верхняя часть ее имеет яйцевидную форму, а нижняя — четырехугольную, ориентировка север — юг. Верхняя часть камеры вырыта чуть шире нижней, в результате чего на стыке материка с туфовой скалой образовался своеобразный бордюр, окольцевавший нижнюю часть могилы. На северной стороне этого бордюра, в специально вырубленной яме стояли два расписных сосуда. Другая миска черного цвета находилась в центральной части могилы, над животом ске-

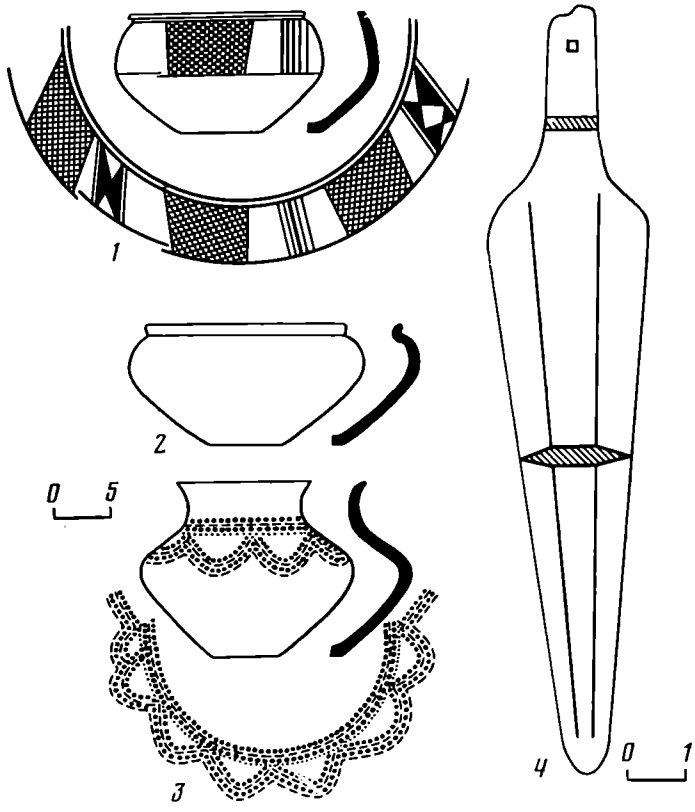


Рис. 3. Инвентарь кургана 22: *1—3* — глина; *4* — бронза

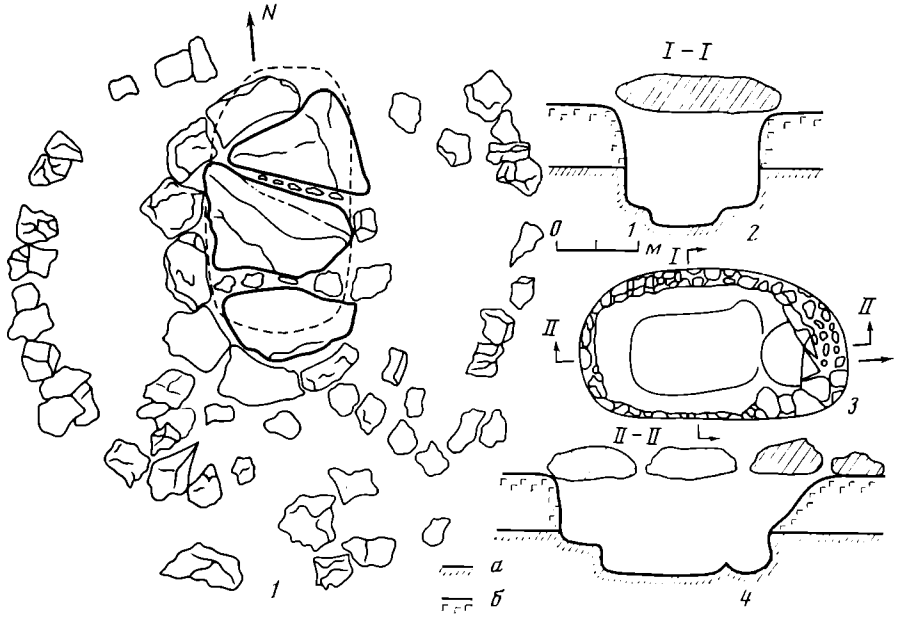


Рис. 4. Курган 23: *1—4* — планы и разрезы; *а* — туфовая скала; *б* — галька

лета (рис. 5). Чуть ниже обнаружен осколок черного обсидиана (рис. 6, *4*).

От скелета сохранились лишь истлевшие трубчатые кости, исходя из расположения которых можно предполагать, что покойник лежал на левом боку с согнутыми ногами, головой на север, лицом к востоку. В северной стороне могилы найдено несколько зубов и обломков черепа. Возле них находилось свыше 100 бусин из стекла, морских моллюсков, гагата и египетского фаянса. Они образовали полукруг: в центральной части находились крупные бусы, а по краям мелкий бисер.

Рис. 5. Могильная яма кургана 23 после раскопок (вид с севера)

Погребальный инвентарь. Монохромная расписная миска с биконическим, в нижней части выпуклым туловом, чуть расширяющимся венчиком и ровным дном. Поверхность покрыта краснолощеным ангобом, на котором черной краской выполнена роспись. Под венчиком проходит широкий фриз, сверху и снизу ограниченный горизонтальными линиями. Между ними изображены парные треугольники с соединяющимися вершинами и сетчатое поле. Из-за повреждения ангоба часть рисунков сохранилась в виде слабого отпечатка (рис. 6, *1*). Дно миски кольцевидное и как будто имитирует дно металлических сосудов.

Монохромный расписной кувшин со вздутым туловом, короткой шейкой, отогнутым венчиком и узким ровным дном. Поверхность покрыта краснолощеным ангобом, по которому в верхней части сосуда черной краской выполнен орнамент. Между двумя горизонтальными линиями изображены чередующиеся сетчатые поля и двухэтажные парные треугольники с соединяющимися вершинами. Под нижней горизонтальной линией проходит зигзагообразный пояс, от вершин которой свисают 20 спиралей (рис. 6, *3*). В нижней части сосуда находится специально просверленное отверстие.

Чернолощеная миска является точной копией чернолощеной миски из кургана 22, но местами имеет серое лощение (рис. 6, *2*).

Большой интерес представляет находка ожерелья, которое включает бусы из фаянса (27 шт.), стекла (77 шт.), гагата (1 шт.) и морских моллюсков (2 шт.) [2].

Мелкий бисер из так называемого египетского фаянса изготовлен из массы белого и светло-зеленого цвета и представлен тремя формами:

[2] Спектральный анализ бус из кург. 23 Верин-аверского некрополя сделан в лаборатории ЛОИА АН СССР Е. А. Галибиным

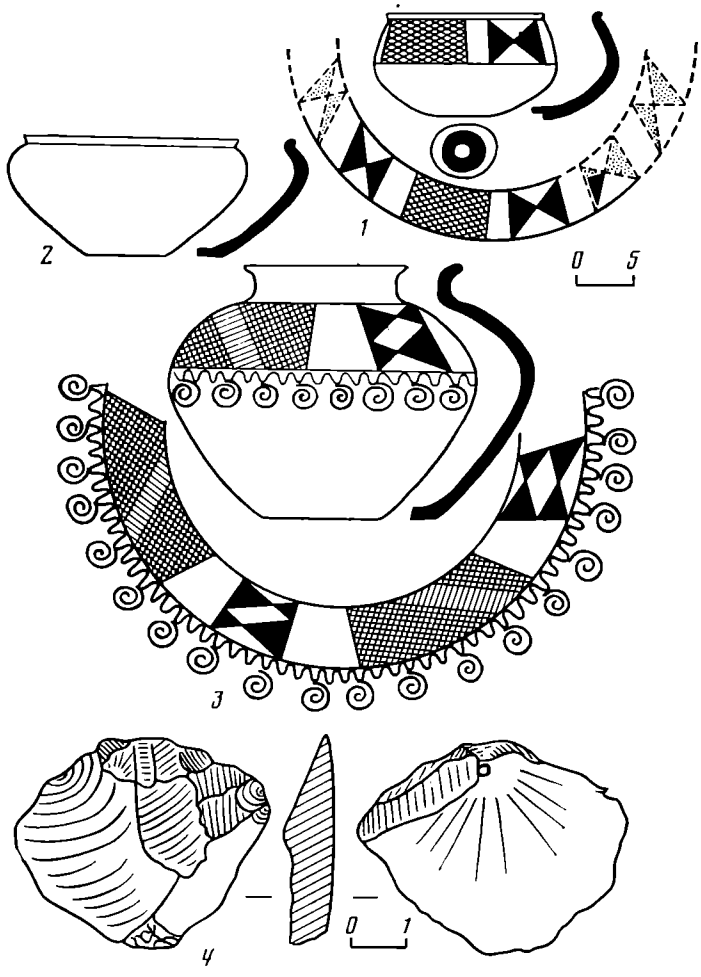


Рис. 6. Инвентарь кургана 23: *1—3* — глина; *4* — обсидиан

1 — плоские бусинки с правильно вырезанными краями в виде срезанного цилиндра. Большинство из них (15 шт.) белого цвета, а остальные имеют светлый, голубовато-зеленый оттенок (5 шт.). Диаметр 0,3—0,35, ширина 0,15—0,18, диаметр отверстия 0,1 см (рис. 7, *1*); *2* — цилиндрические бусинки с неровными краями белого (4 шт.) и светлого, голубовато-зеленого (1 шт.) цвета. Диаметр 0,3, ширина 0,25, диаметр отверстия 0,1 см (рис. 7, *2*); *3* — плоские бусы с правильно вырезанными краями в виде срезанного цилиндра (2 шт.). Изготовлены из массы белого цвета. Диаметр 0,8, ширина 0,4, диаметр отверстия 0,25 см (рис. 7, *3*).

Стеклянные бусы высокого качества различаются формами, цветовой гаммой: *1* — цилиндрическая бусина зеленого цвета с прямыми краями. Диаметр 0,3, ширина 0,3, диаметр отверстия 0,1 см (рис. 7, II); *2* — дисковидный мелкий бисер из белого (22 шт.), светлого, голубовато-зеленого (4 шт.) и черного (4 шт.) стекла. Диаметр 0,35, ширина 0,2—0,27, диаметр отверстия 0,11 см (рис. 7, I); *3* — дисковидные бусы зеленого (20 шт.) и белого (10 шт.) цвета. Диаметр 0,5—0,8, ширина 0,25—4, диаметр отверстия 0,2—0,3 см (рис. 7, IV); *4* — бочковидная бусина зеленого цвета. Диаметр 0,8, ширина 0,5, диаметр отверстия 0,25 см (рис. 7, V); *5* — бочковидная бусина из зеленого стекла с плоскими гранями с двух сторон. Диаметр 0,7—0,8, ширина 0,55, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 7, VI); *6* — семигранная бусина белого цвета в виде срезанного цилиндра. Диаметр 0,8, ширина 0,4, диаметр отверстия 0,35 см (рис. 7, XI); *7* — семигранная бусина в виде неправильной призмы из зеленого стекла. Диаметр 0,6—0,7, ширина 0,45, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 7, VIII); *8* — восьмигранная бусина в виде косой призмы из зеленого стекла. Диаметр 0,8—0,9, ширина 0,6, диаметр отверстия 0,2 см

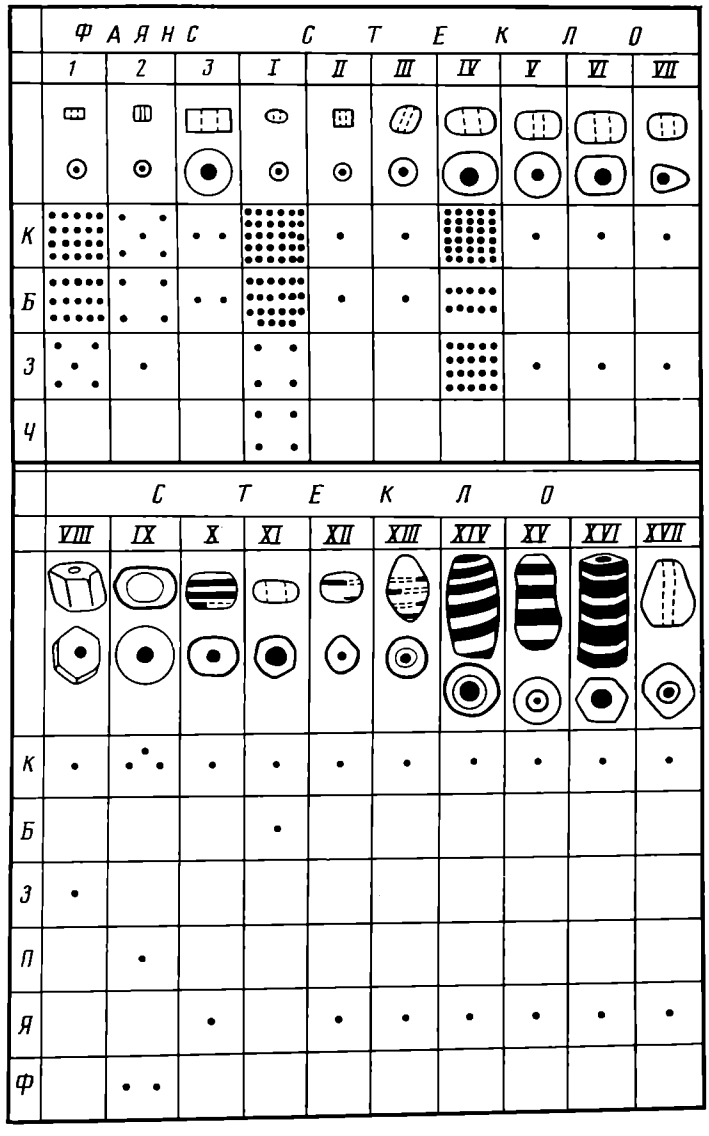


Рис. 7. Таблица классификации бус из кургана 23: *К* — количество; *Б* — белый; *З* — зеленый; *Ч* — черный; *П* — прозрачное; *Я* — янтарный; *Ф* — фиолетовый

(рис. 7, VIII); *9* — шаровидные бусы из прозрачного (1 шт.) и фиолетового (2 шт.) стекла. На поверхности фиолетовых бус, сделанных из превосходного стекла, выделяются круги другого оттенка, напоминающие пятнышки. Диаметр 0,9—1,1, ширина 0,65—0,8, диаметр отверстия 0,25—0,3 см (рис. 7, IX). Эти три бусины найдены отдельно, возле костей руки и, наверное, являются частью браслета; *10* — белая бусина в виде косого цилиндра. Диаметр 0,5, ширина 0,47, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 7, III).

Среди стеклянных бус определенную группу составляют изделия, поверхность которых покрыта чередующимися белыми и серыми полосками. Основой является патинизированная масса белого цвета, которая в первоначальном виде имела совершенно другой — янтарный цвет; *11* — семигранная бусина в виде срезанного цилиндра с округлыми гранями. На поверхности видны следы горизонтальных полос серого цвета. Диаметр 0,65—0,75, ширина 0,6, диаметр отверстия 0,15 см (рис. 7, XII); *12* — бочковидная бусина с двух сторон с прямыми краями. На сильно патинизированной поверхности выделяются следы горизонтальных полосок серого цвета. Диаметр 0.8, ширина 0,7, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 7, X); *13* — веретеновидная бусина, покрытая патиной серо-белого цвета, на которой видны следы горизонтальных полос серого цвета. Диа-

метр в центре 0,9, диаметр в краях 0,7, длина 1,9, диаметр отверстия 0.2 см (рис. 7, XIII); *14* — бочковидная длинная бусина, покрытая белой патиной, на которой проходят широкие косые полоски серого цвета. Диаметр в центре 0,8, диаметр в краях 0,4, длина 1,3, диаметр отверстия 0,45 см (рис. 7, XIV); *15* — цилиндрическая бусина, вогнутая в центральной части. По форме напоминает куколку шелковника. Патинизированная поверхность покрыта горизонтальными широкими полосками серого цвета. Диаметр в середине 0,75, диаметр по краям 0,8, диаметр отверстия 0,15, длина 1,8 см (рис. 7, XV); *16* — грушевидная бусина с выпуклой нижней частью и четырехгранной в верхней. Внешний вид сероватый, едва заметны следы более темных полосок. Диаметр выпуклой части 1,05,

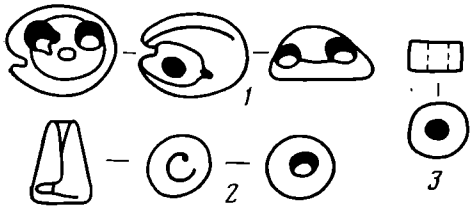


Рис. 8. Курган 23: *1*, *2* — бусы из раковин морских моллюсков; *3* — бусина из гагата

диаметр узкой части 0,45, диаметр отверстия 0,2, длина 1,2 см (рис. 7, XVII); *17* — восьмигранная длинная призма с прямыми краями. Поверхность покрыта серыми и белыми широкими горизонтальными полосами. Диаметр 0,9, длина 1,9, диаметр отверстия 0,4, ширина граней 0,4—0,5 см (рис. 7, XVI).

В настоящее время обстоятельно разработана классификация античных бус Северного Причерноморья [8, с. 59—81; 9, с. 6—89; 10, с. 6—100]. Близкое сходство нескольких форм бус позволяет использовать терминологию, предложенную Е. М. Алексеевой, для описания наших материалов. В дальнейшем для полной характеристики и сравнения вериннаверского ожерелья из кургана 23 будем пользоваться классификацией, разработанной Е. М. Алексеевой. Согласно этой классификации, бусы из кургана 23 относятся к двум формам — геометрической и сложной.

В описанной коллекции имеются следующие виды бус: округлые, бочковидные, веретеновидные, цилиндрические, линзовидные, цилиндрическая с сегментовидными фасками [8, с. 60—62, табл. 1, *1*; 9, с. 14 табл. 1, *1*], а также призматические и семигранные [9, с. 14, табл. 1, *1*].

Из сложных форм представлены грушевидная и рубленый бисер [8, с. 61—62, табл. 1, *2*; 9, с. 14, табл. 1, *2*].

Из 15 пропорциональных соотношений размеров бус, построенных Е. М. Алексеевой [8, с. 65; 9, с. 15], у нас зафиксировано три типа (1 : 1 : 1 — 35 шт.; 1 : 1 : 2 — 2 шт.; 1 : 2 : 2 — 59 шт.), а также два типа (1 : 1,5 : 1,5 — 6 шт.; 1 : 1 : 3 — 3 шт.), не отраженных в таблицах Е. М. Алексеевой.

Из 41 элемента орнамента [8, с. 65; 9, с. 15, рис. 3, табл. 3, *1*, *3*] на бусах из кургана 23 могильника Верин Навер зафиксированы два: глазок и полоска — на семи бусинах. На двух округлых бусинах фиолетового цвета едва прослеживаются глазковидные пятнышки, но так как поверхность бус вследствие патинизации сильно искажена, трудно решить, глазки ли это или глазковидные отложения, образовавшиеся вследствие патинизации.

Цветовая гамма вериннаверских бус довольно большая. Из восьми групп, определенных Е. М. Алексеевой для античных бус [8, с. 74; 9, с. 19—20], у нас встречаются бусы, относящиеся к шести группам: 1) группа черного цвета: черный — 4 шт.; 2) белый — 56 шт.; 3) группа красных цветов: сиреневый — 2 шт.; 4) группа желтых цветов: янтар-

ный — 7 шт.; 5) группа зеленых цветов: светло-зеленый — 24 шт.; бирюзовый — 10 шт. (всего 34 шт.); 6) группа синих цветов: 0; 7) бесцветные: абсолютно бесцветный — 1 шт.; 8) пестрые: 0.

Из 29 типов направления канала отверстия, присущих античным бусам [8, с. 65; 9, с. 15], у нас зафиксировано два: продольные — 12 шт. и поперечные — 94 шт.

В составе ожерелья находились также две бусины из раковин морских моллюсков Arcularia sp. (рис. 8, *1*) и Conus sp. (рис. 8, *2*) и цилиндрическая бусина с полированной поверхностью из искусственного гагата (рис. 8, *3*). Подтип моллюсков определить не удалось из-за искажений после обработки, но сочетание двух типов в одном замкнутом комплексе дало возможность точно определить место их обитания — устье Персидского залива или южное побережье Ирана [3].

Обобщая описание бус из кургана 23 вериннаверского некрополя, отметим, что, несмотря на разнообразие форм и цветовой гаммы, в целом ожерелье составляет единый комплекс, а однотипность манеры изготовления свидетельствует о том, что оно является продукцией одной мастерской.

В погребальном инвентаре рассматриваемых курганов особенно выделяются сосуды с монохромной росписью. Они по форме и орнаменту тождественны аналогичной керамике из памятников Армении кармирбердской (тазакендской) [4] группы эпохи средней бронзы: Кармир-берд, Муханнат-тапа, Гарни, Элар, Мецамор, Арич, Кети, Джраовит, Золакар, Айгеван и т. д.

Чернолощеные миски имеют аналогии в захоронениях Арича, принадлежащих к кармир-бердской группе [20, с. 103, 105—106, погр. № 29, 102, 108]. По своей форме они удивительно похожи также на чернолощеные миски завершающей фазы куро-аракской культуры из памятников Араратской долины. Особенно близкие аналогии находим в погребениях Элара. Миски, происходящие оттуда, отличаются от вериннаверских находок лишь характерными для куро-аракской культуры ямками и декоративными ручками [24, с. 37—49, рис. 40, 43, 53, 60, 63, 66, табл. VI, *2—5*, табл. VII, *1*, *2*, *4*, *7*].

Чернолощеный кувшин по форме аналогичен чернолощеным кувшинам из II слоя Узерлик-Тепе [25, с. 399, рис. 11, *1*, *2*], а орнамент и техника его нанесения (чередующиеся ряды ямочек и пунктиров) находят параллели в орнаменте миниатюрных чернолощеных сосудов этого же слоя [25, с. 400—402, рис. 12—14]. Мы здесь сталкиваемся с редким фактом, когда в погребении кармир-бердской группы обнаружен сосуд севан-узерликского облика. До сих пор аналогичные факты зафиксированы лишь в кургане 1 Кармир-берда (раскопки П. В. Чарковского) и в кургане 9 Верин Навера [2, с. 213—214; 12, с. 36], где вместе с типичными сосудами кармир-бердского типа были обнаружены единичные

---

[3] Моллюски определены в Зоологическом институте Ленинграда д-ром биол. наук Я. И. Старобогатовым. Пользуюсь случаем выразить ему глубокую благодарность.

[4] Первым известным памятником этой группы является могильник на северной окраине Еревана, который простирался от циклопической крепости Кармир-берд (Красная крепость) до с. Зовуни. Первые исследователи, производившие раскопки на территории памятника в конце XIX и начале XX в., именовали тот же самый некрополь по-разному: Тазакенд, Карахараба, Гая-Хараба, Кизил-кала (Кармир-берд) [11, с. 39; 12, с. 1—38; 13, с. 36—130]. Хотя в первых публикациях памятник назывался Кизил-кала (Кармир-берд) [14, с. 1; 15, с. 33—34; 16, с. 61], а посетивший местность в 1934 г. акад. Б. Б. Пиотровский установил, что под вышеупомянутыми названиями подразумевается один памятник [17, с. 139], последующие исследователи именовали памятник Тазакендом, а вследствие этого и всю группу аналогичных памятников — тазакендской [15, с. 33; 16, с. 7—9; 17, с. 137—147; 18, с. 91—100; 19, с. 48—54, 299; 20, с. 89—121].

Исходя из того, что могильник в основном сконцентрирован возле циклопической крепости Кармир-берд и органически связан с ней, а также из того, что с. Тазакенд давно переименовано в с. Зовуни, мы вслед за другими исследователями [21, с. 239; 22, с. 11; 23, с. 67—69, 71, 93—108] предлагаем вышеупомянутый памятник именовать Кармир-берд, а группу памятников с типичной расписной керамикой — кармир-бердской.

экземпляры монохромных сосудов севан-узерликского типа. Совместная встречаемость сосудов этих двух типов в единых комплексах может объясняться двояко: либо кармир-бердская и севано-узерликская группы памятников являются самостоятельными, непосредственно сменяющими друг друга этапами и факт нахождения сосудов разных групп в одних могилах означает, что во время появления сосудов севано-узерликского типа кармир-бердская посуда еще существовала, либо обе эти группы — одновременные. С этой точки зрения довольно интересен факт, что в ряде поселений Армении эпохи средней бронзы (Мухаппат-тапа, Гарни, Мецамор, Айгеван, Джраовит и т. д.) в одних и тех же слоях совместно встречаются черепки от керамики кармир-бердского и севано-узерликского типов [16, с. 83—123, табл. XXVII—XXVIII; 26, с. 290—295; 27, с. 21—26; 28, с. 9—10; 29, с. 3—4; 30, с. 196—202, табл. I—IV].

Кинжалы ранней поры эпохи средней бронзы имеют стандартную форму и распространены на огромной территории. Аналогичные кинжалы известны с восточного побережья Средиземноморья, Малой Азии, Армянского нагорья, Кавказа, Средней Азии и т. д. [31, с. 42—50, рис. 19; 32, с. 737; 33 с. 83 табл. XIV, *1*, *2*]. Датируются эти кинжалы второй половиной III и первой четвертью II тысячелетия до н. э. Особенно близкое сходство наш кинжал имеет с находками из памятников новосвободинского времени майкопской культуры [5], а также из погребений Элара куро-аракской эпохи [24, с. 50, рис. 68, с. 40, рис. 47, табл. VII, *8*, *9*]. Аналогичные кинжалы известны также из памятников средней бронзы Армянского нагорья: Узерлик-Тепе II, Элар и Камо, Эчмиадзин, Кармир-Ванк [24, с. 69, рис. 95, 96, табл. VII, *10—12*; 25, с. 414, рис. 24], но веринпаверский кинжал является первой находкой в нетронутой могиле с расписной керамикой кармир-бердского типа.

Завершая описание материалов из курганов 22 и 23, можно сказать, что идентичность погребального обряда, чернолощеных мисок, а также присутствие в инвентаре обоих курганов монохромных сосудов кармир-бердского типа свидетельствует об одновременности курганов и принадлежности их к одной группе памятников.

По поводу датировки памятников кармир-бердской группы высказаны разные мнения. А. А. Закаров сопоставил расписную керамику Закавказья, в том числе и кармир-бердскую, с хеттскими изделиями, считая, что первая по форме и орнаменту аналогична керамике из Богазкея [34, с. 26].

Польский ученый С. Пржеворский рассматривал территорию Южного Кавказа как особую провинцию древневосточного культурного мира в эпоху распространения расписной керамики в Эламе и Месопотамии. Он предложил выделять в керамике Закавказья два стилистических и хронологических типа. Первым типом расписной керамики Южного Кавказа Пржеворский считал тазакендскую (кармир-бердскую) керамику, сопоставляя ее с эламским стилем Ibis, керамикой Сузы I и датируя ее началом III тысячелетия до н. э. [35, с. 26—32].

Опираясь на стратиграфические данные многослойного поселения Муханнат-тапа, а также учитывая, что некоторые поселения эпохи ранней бронзы использовались носителями «культуры крашеной керамики» в качестве кладбищ, Е. Байбуртян пришел к выводу, что чернолощеная керамика шрешблурского типа (куро-аракская культура) предшествует расписной керамике [26, с. 295; 36, с. 38, 74, 79]. Тем самым Е. Байбуртян научно обосновал относительную хронологию расписной керамики. В качестве абсолютной даты для всех типов расписной керамики эпохи средней бронзы Армении им были предложены хронологические рамки XVIII—XV вв. до н. э.

Б. А. Куфтин вслед за С. Пржеворским считал, что «культура расписной керамики» Южного Кавказа, несомненно, является ветвью куль-

---

[5] Кург. 31, погр. 5. Раскопки 1979 г., материалы не опубликованы. Приношу благодарность сотруднику ЛОИА АН СССР А. Д. Резепкину за ознакомление с материалами.

туры древнейшей Месопотамии, и разделял его мнение о том, что древнейшим этапом этой культуры является керамика из Тазакенда. Б. А. Куфтин рассматривал тазакендскую керамику как совершенно своеобразное явление, развивавшееся в области контакта южномесопотамских и западных течений. Он считал, что для определения абсолютной хронологии этой керамики нет достаточных данных, но по отношению к бихромной керамике Кизил-Ванка I она, несомненно, является более древним этапом [18, с. 6].

Б. Б. Пиотровский относил триалетские и кармир-бердские курганы к одному промежутку времени, считая, что пышные захоронения из Цалкинского района — это могилы вождей крупных скотоводческих племен, а древние погребения из некрополя Тазакенда принадлежат простым общинникам. Оба памятника вместе со знаменитым кироваканским курганом он датирует серединой II тысячелетия до н. э., опираясь на ту точку зрения, что золотые и серебряные высокохудожественные изделия из триалетских курганов являются привозной продукцией хеттских мастеров [37, с. 43; 38, с. 9].

Почти вся керамика эпохи средней бронзы из древних захоронений Кармир-берда, хранящаяся в разных музеях Москвы (ГИМ), Ленинграда (МАЭ) и Тбилиси (ГМГ), впервые была опубликована К. Х. Кушнаревой. Отмечая различия в орнаментации сосудов эпохи средней бронзы, она высказала мнение, что это может служить показателем их разновременности. В целом расписная керамика эпохи средней бронзы Закавказья датируется К. Х. Кушнаревой первой половиной II тысячелетия до н. э. [15, с. 144—147].

Подробно рассматривая весь комплекс расписной керамики Армянского нагорья, А. А. Мартиросян впервые четко выделил четыре группы памятников эпохи средней бронзы, которые он отнес к одной культуре [19, с. 47]. Анализируя обширный материал Древнего Востока, А. А. Мартиросян пытался определить абсолютную датировку памятников этих четырех групп: тазакендская (кармир-бердская) — XX—XVIII вв. до н. э.; севано-узерликская — XVIII—XVII вв. до н. э.; кировакано-триалетская — XVI—XV вв. до н. э., а бихромную керамику из Кизил-Ванка I, вопреки другим исследователям, относил к последнему этапу кармир-бердской стадии [19, с. 49, 299]. Он считал, что особенно трудно определить верхний хронологический рубеж памятников кармир-бердской группы [19, с. 297]. Поддерживая разработанную Е. Байбуртяном теорию эволюционного развития среднебронзовой культуры Армянского нагорья от шенгавитской (куро-аракской) культуры [36, с. 45], А. А. Мартиросян полагал, что между культурами ранней и средней бронзы находится небольшая переходная фаза типа арагацских погребений с чернолощеной керамикой [19, с. 42]. Опираясь на общепринятую в то время точку зрения, что куро-аракская культура существовала до конца III тысячелетия до н. э., он определил нижнюю границу кармир-бердских памятников как начало II тысячелетия до н. э. [19, с. 56]. Верхняя же граница датировки памятников этой группы ничем не была обоснована. Схема А. А. Мартиросяна почти полностью была принята в литературе, хотя некоторые археологи для памятников кармир-бердской группы предлагали более узкие хронологические рамки — XIX—XVIII вв. до н. э. [20, с. 109; 39, с. 18—19].

Если в своих старых работах Э. В. Ханзадян принимала предложенную А. А. Мартиросяном хронологию, то в последней работе она разделила эпоху средней бронзы на три этапа [24, с. 60—78].

С. А. Есаян отказался от своих ранних датировок и для расписной керамики кармир-бердского типа предложил широкие хронологические рамки — XXIII—XVI вв. до н. э. [29, с. 4; 30, с. 198, 200—202].

Для определения абсолютной хронологии памятников кармир-бердской группы большое значение имеют раскопки Верин Навера. Особый интерес представляет ожерелье из кургана 23, в составе которого помимо разнообразных стеклянных, фаянсовых и гагатовых бус были бусы и из раковин моллюсков.

Французская экспедиция, работавшая в 1976 г. в Ларсе, обнаружила мастерскую ювелира. Там среди золотых, бронзовых и каменных изделий найдено огромное количество (4500 шт.) идентичных бус в сочетании с морскими моллюсками, в том числе и Conus [40, с. 35]. Последний факт не оставляет повода для сомнения в том, что ожерелье из Верин Навера целиком изготовлено в древних городах Южной Месопотамии. В пользу этого говорит и то, что в кургане 27 кармир-бердского некрополя (раскопки Э. А. Реслера) в сочетании с типичной расписной керамикой кармир-бердского типа были обнаружены голубые бусы из египетского фаянса, которые по своей форме идентичны золотым бусам из той же мастерской ювелира в Ларсе [40, табл. 2, *11*; табл. 4] [6]. Кроме описанных курганов аналогичные стеклянные и фаянсовые бусы найдены еще в шести захоронениях Верин Навера, относящихся к кармир-бердской группе. Следовательно, ожерелье южномесопотамского происхождения — неслучайное явление в памятниках Армении. С этой точки зрения любопытны сообщения древнегреческих авторов о том, что армянские купцы на своих своеобразных плотах по Евфрату достигали Вавилона [41, с. 73].

Но связи между этими отдаленными странами могли особенно интенсивно развиваться в благоприятной политической обстановке, когда северные и южные области Месопотамии были объединены в составе одного государства. Наиболее вероятными моментами для активных торговых отношений этой эпохи можно считать царствование Саргона Аккадского (XXIII в. до в. э.), период господствования третьей династии Ура (конец XXII—XXI в. до н. э.) и, наконец, время расцвета древнеассирийского государства (XIX—XVIII вв. до н. э.), когда по всей стране были установлены твердые цены на зерно, масло и шерсть, а ассирийские правители всячески стимулировали торговые отношения с внешним миром, вследствие чего в разных областях Малой Азии и Сирии возникли ассирийские торговые фактории [42, с. 123, 129, 131—132; 43, с. 42—46].

Точная датировка разрушения города Ларса с помощью эпиграфического материала из мастерской ювелира Ибшу-Ибнишу (время правления Самсу-Илуна, 30-е годы XVIII в. до н. э.) говорит о том, что ожерелье из кургана 23 Верин Навера скорее всего импортировано в Армению во время расцвета старовавилонского царства. Это нам дает первые критерии для абсолютной датировки памятников кармир-бердской группы. Так как вследствие упадка старовавилонского государства юг и север Месопотамии продолжительное время опять были разъединены, а города — центры торговли и ремесла — в основном разрушались вследствие набегов соседних племен, можно полагать, что вторая половина XVIII в. до н. э.— последний рубеж для возможного проникновения южномесопотамского импорта в Армению в эпоху кармир-бердской группы. Показательно, что аналогичные бусы в памятниках последующей севано-узерликской группы не обнаружены. Находки стеклянных и пастовых бус в более поздних комплексах не противоречат такому заключению, поскольку после прекращения южномесопотамского импорта местные мастера могли сами наладить производство бус. Об этом свидетельствует мастерская для изготовления бус эпохи раннего железа, обнаруженная в Двине [44, с. 34—35].

Сейчас важно уточнить, к какой фазе кармир-бердской эпохи относится курган 23. Учитывая синхронность курганов 22 и 23, можно уверенно высказать мнение, что оба они относятся к завершающей фазе кармир-бердской эпохи, так как курган 22 является переходным звеном от кармир-бердской к севано-узерликской группе, а верхняя граница кармир-бердской эпохи —середина XVIII в. до н. э.

Что же касается определения нижней границы этой группы, то вопрос этот более сложен. По нашему мнению, памятники эпохи средней бронзы возникли не в результате эволюционного развития куро-аракской культуры, а в результате синтеза проникавших в Армянское нагорье новых

[6] МАЭ АН СССР, археологическое хранилище, инв. № 2049.

этнических групп (носители расписной керамики) и местных элементов (носители традиций чернолощеной керамики, которая почти во всех погребениях сопровождает расписную керамику).

Обнаружение мощных культурных горизонтов в поселениях Айгевана и Джраовита, где куро-аракская керамика сочетается с расписной керамикой, свидетельствует о том, что проникновение новых этнических элементов было довольно долгим процессом. По нашему мнению, кармирбердская группа памятников сменила куро-аракскую культуру сразу, без переходных звеньев. Следовательно, время формирования памятников этой группы должно быть отнесено к последним векам III тысячелетия до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Симонян А. Е.* Верин Навер — новооткрытый среднебронзовый могильник в Аштаракском районе.— Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР (1975—1976 гг.). Ереван, 1977 (на арм. яз.).
2. *Арешян Г., Кафадарян К., Симонян А., Тирацян Г., Калантарян А.* Археологические разведки в Аштаракском и Наирийском районах Армянской ССР.— ВОН АН АрмССР, 1977, № 4 (на арм. яз.).
3. *Арешян Г., Симонян А., Саркисян Г.* Полевые археологические работы Центра арменоведения в 1976 г.— ВЕУ ОН, 1977, № 3 (на арм. яз.).
4. *Арешян Г., Симонян А., Саркисян Г., Кочарян Г., Оганян О.* Полевые археологические работы Центра арменоведения в 1977—1978 гг.— ВЕУ ОН, 1979, № 2 (на арм. яз.).
5. *Симонян А. Е.* Раскопки могильника Верин Навер в 1977—1978 гг. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР (1977—1978 гг.). Ереван, 1979 (на арм. яз.).
6. *Симонян А. Е.* Раскопки могильника Верин Навер.— АО — 1978. М., 1979.
7. *Симонян А. Е.* Раскопки могильника Верин Навер.— АО — 1980. М., 1981.
8. *Алексеева Е. М.* Классификация античных бус.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
9. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, Вып. Г1-12. М., 1975.
10. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ. Вып. Г1-12. М., 1978.
11. *Захарянц М.* Отчет о раскопках в селе Карахараба в 1903 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф-1, № 241/1895.
12. *Чарковский П. В.* Дневник о раскопках в селе Тазакенд Эриванской губернии в 1896 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф-1, № 140/1896.
13. *Реслер Э. А.* Дневник о раскопках в селе Гая Хараба Эриванской губернии в 1904 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф-1, № 122/1904.
14. Некоторые Закавказские могильники.— ИАК, 1909, вып. 29.
15. *Куфтин Б. А.* К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии.— КСИИМК, 1940, вып. VIII.
16. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941.
17. *Кушнарева К. Х.* Тазакендский могильник в Армении.— СА, 1960, № 1.
18. *Ханзадян Э. В.* Гарни IV. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969 (на арм. яз.).
19. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964.
20. *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 1975.
21. *Арешян Г. Е.* Материалы из раскопок Кармирбердского (Тазакендского) могильника в Музее Грузии.— ВЕУ ОН, 1970, № 1.
22. *Есаян С. А.* Ереван. Археологический очерк. Ереван: Айастан, 1969.
23. *Есаян С. А.* Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана. Ереван, 1972, т. III.
24. *Ханзадян Э. В.* Элар-Дарани. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979 (на арм. яз.).
25. *Кушнарева К. Х.* Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе около Агдама.— МИА, 1959, № 67.
26. *Байбуртян Е.* К проблеме крашеной керамики Армении.— Вестн. Ин-та истории и литературы Армянской ССР, 1937, кн. 2 (на арм. яз.).
27. *Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С.* Мецамор. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973 (на арм. яз.).
28. *Ханзадян Э. В.* Раскопки Джраовита: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР (1977—1978 гг.). Ереван, 1979 (на арм. яз.).
29. *Есаян С. А.* Стратиграфия расписной керамики Айгевана.— Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР (1977—1978 гг.). Ереван, 1979 (на арм. яз.).

30. *Есаян С. А.* Стратиграфия расписной керамики Айгеванского поселения (по материалам раскопок 1971—1978 гг.).— ИФЖ, 1981, № 2.
31. *Bonnet H.* Die Waffen der Völker des alten Orients. Leipzig, 1977.
32. *Ussishkin D.* Lachish.— Encyclopedia of archaeological excavation in the Holy Land. V. III. Oxford, 1977.
33. *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л.: Наука, 1981.
34. *Zakharov A. A.* Etudes sur l'archéologie de l'Asie Mineure.— Revue Hittite et Asiatique. P., 1931.
35. *Przewarski S.* Zagadnienie wpływów bliskiego Wschodu w kulturze fatjynowskiej Rosji Środkowej.— Swiatowit, 1932—1933, t. XVI.
36. *Байбуртян Е.* Последовательность древнейших культур Армении (рукопись).— Архив ИАЭ АН АрмССР, № 148.
37. *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1949.
38. *Пиотровский Б. Б.* Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР.— Доклады советской делегации на X Международном съезде историков в Риме. М., 1955.
39. *Иессен А. А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, 1965, № 125.
40. *Arnaud D., Calvet Y., Huot J.-L.* Ibšu — Ibnišu orfevre de L.— E. BABBAR de Larsa.— Syria, 1979, t. LYI.
41. *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. Стратановского Г. А. Л.: Наука, 1972.
42. История Древнего Востока. М.: Высш. школа, 1979.
43. *Садаев Д. С.* История древней Ассирии. М.: Наука, 1979.
44. *Кушнарева К. Х.* Древнейшие памятники Двина. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977.

A. E. Simonyan

TWO BURIALS OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN THE VERIN NAVER BURIAL GROUND

Summary

Verin Naver, a mound burial ground, is found in the Ashtarak Region, Armenian SSR, where the Ararat Valley borders on Mt. Aragats. The regular studies of that site have begun since 1976. They are conducted by the archaeological division of the Centre for Armenian Studies at Erevan State University headed by the present author. In 1980, seven mounds were studied two of which are discussed in the article.

The burial constructions (Fig. 1, *4*), burial rite and grave goods (Fig. 3, *6*) relate both mounds to the Karmirberd (Tazakend) group. The grave goods of mound 23 include a necklace made of beads and sea shells. The author offers a detailed classification of the beads (Fig. 7) and an opinion that they are of the South Mesopotamian origin and that the necklace was brought to Armenia in the second half of the 18th century B. C. It is the first scientifically substantiated fact used for dating sites of the Karmiberd group.

They emerged, the author argues, not as a result of the evolutionary development of the Kura-Araks culture, as is the current view, but through a synthesis of ethnic groups which had penetrated the Armenian Plateau (bearers of painted ceramics) and the local population which carried on the Kura-Araks traditions (black burnished ceramics). The Karmiberd group appeared immediately after the fall of the Kura-Araks culture which leads to the conclusion that its lower boundary should coincide with the last centuries of the 3rd millennium B. C.

ВИНОГРАДОВ Н. Б.

КУЛЕВЧИ VI — НОВЫЙ АЛАКУЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК В ЛЕСОСТЕПЯХ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

За последние 15 лет в изучении алакульских древностей Южного Зауралья и Северного Казахстана произошел качественный сдвиг. Вслед за обособлением алакульской культуры от единого, как мыслилось ранее, андроновского массива [1, с. 5] в ней был выделен ранний (петровский) этап [2, с. 26, 27]. В настоящее время созданы реальные предпосылки для выяснения динамики развития алакульской культуры на петровском этапе ее развития. Значительное количество раннеалакульских поселений и погребальных памятников изучено отрядами Урало-Казахстанской археологической экспедиции в бассейнах рек Ишим и Тобол, в пределах современной лесостепной зоны. Особую значимость для решения данной проблемы имеют сочетания поселений и относящихся к ним могильников: поселение Петровка II и могильник Петровка, поселение Кулевчи III и оставленный его обитателями могильник Кулевчи VI [3; 4].

Могильник находится в 6 км восточнее с. Кулевчи Варненского р-на Челябинской обл., занимает восточную часть площадки мыса коренного левого берега р. Караталы-Аят, в 250 м севернее ее современного русла, на высоте 8—10 м над урезом воды. С востока мыс ограничен глубоким логом. В 300 м севернее района могильника проходит грейдерная дорога из с. Кулевчи в с. Александровку. За дорогой, на водоразделе, участки лиственного леса. В 900 м юго-восточнее могильника, непосредственно на берегу реки, поселение эпохи бронзы Кулевчи III. Часть мыса была занята постройками, часть распахивалась. Насыпи курганов безусловно снивелированы, что подтверждается находками фрагментов керамики, выпаханных плугом. Отчетливо фиксировались лишь четыре земляные насыпи (курганы 1, 2, 5, 6) округлой формы, диаметром 16—24, высотой 0,25—0,4 м. В 1979—1980 гг. исследовались курганы 1—4.

Курган 1 диаметром 20, высотой 0,25 м. Под насыпью четыре могильные ямы и три углубления. Три периферийные могилы (1, 2, 3) были расположены по дуге (юг — юго-восток) относительно центрального погребения 4. Ямы 1, 3, 4 оказались ограбленными в древности. Темно-серый грунт грабительских вкопов, насыщенный обломками костей и погребального инвентаря, хорошо отчленялся от грунта первичной засыпки могильных ям — желтого глинистого, с незначительной примесью серого легкого суглинка.

Яма 1 расположена в юго-западном секторе подкурганной площадки. В верхней части сильно разрушена грабительским вкопом, имела неправильную форму (2,5×2,2 м). В придонной части менее деформирована; форма прямоугольная (2,1×1,2 м), ориентирована длинными сторонами по линии запад — восток. Глубина ямы от материка 0,7 м. Грабительский вкоп лишь в восточной половине ее достиг дна. В пределах вкопа встречены лежавшие беспорядочно кости верхней части скелета (включая череп) одного человека. В западной части дна ямы расчищены тазовые кости и кости ног человека, не потревоженные грабителями. Судя по положению костей, погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на восток. В области нижних окончаний берцовых костей вокруг ног — бронзовые бусы. Под костями стоп пятно органического тлена коричнево-черного тона. На дне, у восточной стенки, развал крупного сосуда алакульского типа. В северо-восточном углу дна лежали компактно череп и

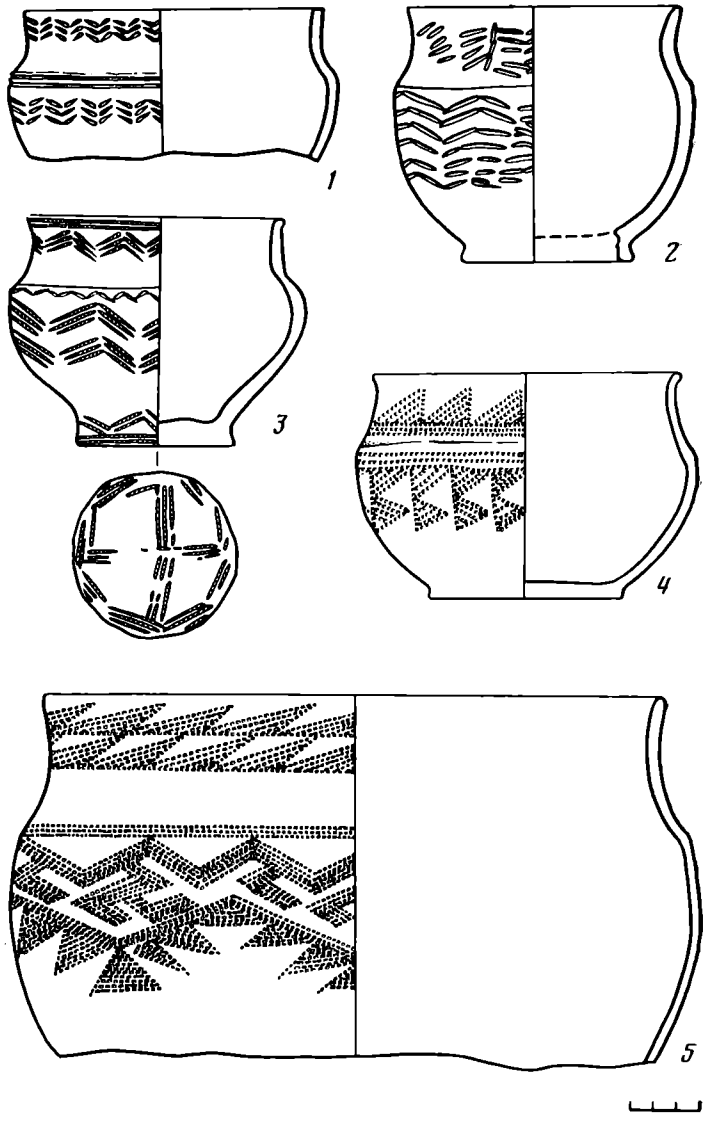


Рис. 1. Могильник Кулевчи VI. Курган 2, керамика:
1 — юго-восточный сектор; *2* — яма 4; *3*, *4* — у ямы 1;
5 — яма 1

кости конечностей одной особи мелкого рогатого скота [1]. В придонной части заполнения ямы — округлое углистое пятно диаметром до 12 см. В пределах грабительского вкопа на дне найдены украшения из створок раковин, фрагменты бронзовых желобчатых браслетов, бронзовые оковки, часть бронзового перстня с S-видным щитком, пастовые бусы. Остатки глинистого выкида из ямы 1 частично перекрывали могильную яму 2. На слое выкида небольшое пятно слабо прокаленной глины.

Яма 2 находилась в 0,4—0,85 м на восток — северо-восток от ямы 1, в юго-восточном секторе подкурганной площадки. В верхней части яма имела подпрямоугольную форму (1,6—1,9×2,05 м). Ниже она уменьшалась до 1,6×1,65 м и приобрела форму квадрата. Ориентирована сторонами по линиям СВ — ЮЗ и СЗ — ЮВ. Глубина ямы от материка 0,8 м. На дне ямы остатки двух сильно истлевших скелетов подростков, лежавших на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. В области скелета 1, лежавшего под юго-восточной стенкой, пятнами прослежен органический тлен темно-коричневого цвета с беловатой структурой поверхности (кора березы?). В области черепа тлен располагался двумя слоями — поверх скелета и под ним. На скелете 1 обнаружены остатки богатого

[1] Остеологические определения выполнены сотрудником Уральской археологической экспедиции П. А. Косинцевым.

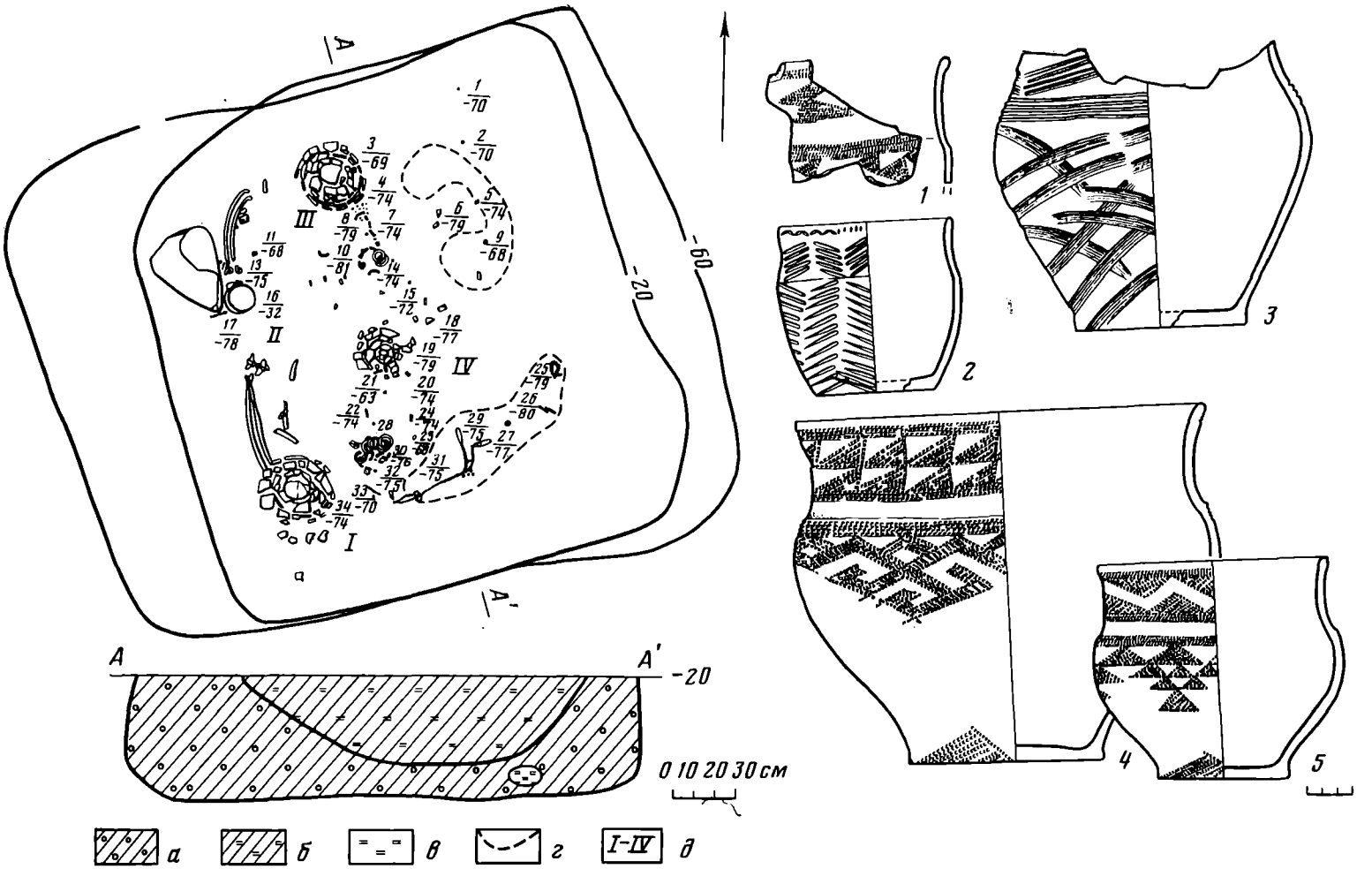


Рис. 2. Могильник Кулевчи VI. Курган 3, яма 2, план и разрез. *1*, *3—5* — керамика из ямы; 2; *2* — сосуд из ямы 1; *а* — серый грунт с гравием; *б* — темно-серый грунт с глиной, песком; *в* — глина; *г* — границы скоплений кальцинированных костей; *д* — сосуды

Рис. 2А. Скопление украшений

женского убора: у основания челюстей — два бронзовых кольца, сформованные на органической основе, обернутые золотой фольгой; у шейных позвонков — бронзовые и пастовые бусы, на остатках костей предплечья — по два бронзовых желобчатых браслета. От затылочной части черепа прослежены две ленты бронзовых обойм (первоначально крепившихся скорее всего на кожаных ремешках); ленты начинались бронзовыми зажимами и заканчивались у тазовых костей бронзовыми листовидными привесками (по одной) на ленте. Ленты обойм в середине соединялись спиралевидной пронизью. Тут же лежали два зуба животных с отверстиями в корневых частях. У нижних окончаний берцовых костей, вокруг ног — бронзовые бусы. За головами погребенных, вдоль юго-западной стенки, четыре сильно раздавленных сосуда алакульского типа. Пятый сосуд в специальном углублении стоял перед погребенным 2 на уровне грудной клетки; шестой — на уровне сгиба коленей погребенного 2. В 0,9 м восточнее края ямы 2 на уровне погребенной почвы слабо фиксировались два пятна прокаленного грунта.

Яма 3 находилась в 1,5 м северо-восточнее ямы 2, в юго-восточном секторе. Яма имела квадратную форму (1,6×1,6 м), была ориентирована сторонами по линиям СВ—ЮЗ, СЗ—ЮВ. Глубина ямы от материка 0,65 м. Яма ограблена. В заполнении и на дне — многочисленные обломки человеческих костей (не менее чем двух погребенных), остатки инвентаря: обломки бронзового браслета, очковидная бронзовая подвеска, украшения из створок раковин, из зубов животных, костяные наконечники стрел, бронзовые и пастовые бусы, фрагменты трех алакульских сосудов. У юго-восточного края ямы фиксировался слабый прокал.

Яма 4 (центральная) прямоугольной формы (2,5×1,8 м), ориентирована длинными сторонами по линии СЗ—ЮВ. В придонной части сокращается по длине до 2,1 м. Глубина ее от материка 0,6 м. Яма ограблена. Грабители не тронули лишь северо-западную ее часть. Здесь на дне лежал слой органического тлена яркого коричневого цвета. В непотревоженной части ямы, в заполнении у дна под северо-восточной стенкой, остатки двух конечностей и часть черепа одной особи крупного рогатого скота. По всей площади грабительского вкопа лежали обломки человеческих костей, фрагменты керамики. В северо-западной части дна расчищены лежавшие в анатомическом порядке берцовые кости и кости стоп одного взрослого человека. Судя по положению костей, умерший лежал на левом боку, вероятно, скорченно, головой на юго-восток. Под костями и над ними прослежен слой органического тлена древесного (?) характера.

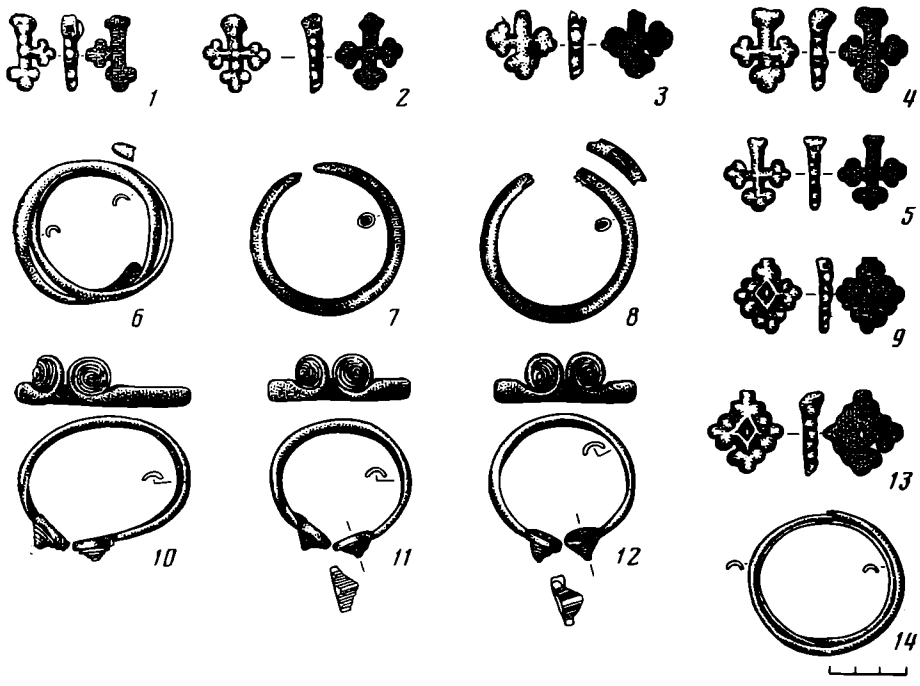


Рис. 3. Могильник Кулевчи VI. Курган 3, яма 2. *1—14* — бронзовые украшения

Углубление 3 в восточной кости подкурганной площадки по сути дела является незамкнутым ровиком, ограничивающим подкурганную площадку с востока — юго-востока. Расстояние между окончаниями изогнутого по дуге ровика до 8 м, ширина 0,75 — 1,4, глубина от материка 0,2—0,25 м. В заполнении серый грунт, неравномерно насыщенный угольками. Под насыпью кургана (у края ямы 4 и в углублении 1) обломки двух крупных сосудов алакульского типа.

Курган 2 расположен на восточном крае площадки мыса, занятого могильником, в 75 м северо-восточнее кургана 1. Насыпь диаметром 16, высотой до 0,25 м. При разборке остатков насыпи на поверхности, в слое пахоты и на уровне древней поверхности во всех секторах зафиксировано более 30 обломков каменных плит. Под насыпью оказалось пять ям, из которых четыре (2, 3, 4, 5) располагались по дуге относительно центральной ямы 1 с юго-восточной стороны. Наблюдения показали, что периферийные ямы были сооружены в пределах неглубокого, едва прорезавшего материк ровика, придонная часть которого слабо фиксировалась между ямами 2 и 3.

Яма 1 (центральная) прямоугольной формы (2,55×2,05 м). Длинными сторонами ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Глубина ее от материка не превышала 0,2 м. В придонной части заполнения и на дне обломки крупного сосуда алакульского типа с федоровскими элементами (рис. 1, *5*). С конструкцией надмогильного сооружения ямы 1 связываются обломки каменных плит, упомянутые выше. К яме 1, видимо, следует относить два сосуда, найденных в слое погребенной почвы в 3 м южнее края ямы (рис. 1, *3*, *4*), а также скопление мелких обломков кальцинированных костей в основании слоя погребенной почвы в 2,75 м к юго-западу от ямы 1.

Яма 2 прямоугольная (1,0×0,68 м), глубиной от материка 0,4 м, ориентирована длинными сторонами по линии С—Ю. На дне скелет ребенка на левом боку, скорченно; руки согнуты в локтях, ноги — в коленях, головой на север. У головы погребенного, в северо-восточном углу, алакульский сосуд. Перед лицом таранная кость мелкого рогатого скота.

Яма 3 неправильно-овальная (1,27×0,43 м), глубиной от материка 0,45—0,5 м, ориентирована по линии С—Ю. В придонной части сократилась в размерах до 0,78×0,28 м. У северной стенки на дне участок кальцинированных костей с угольками. Поверх костей два бронзовых желоб-

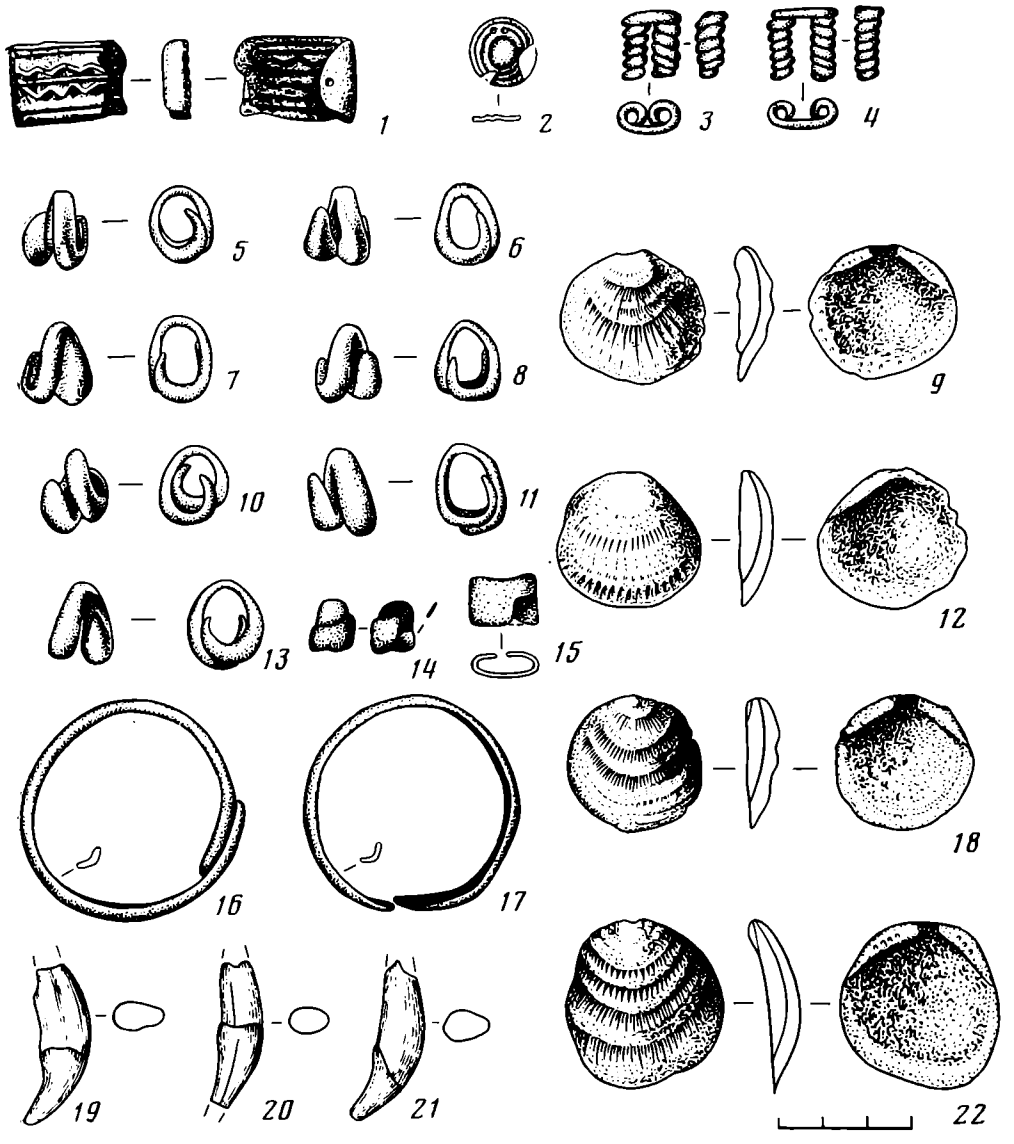


Рис. 4. Могильник Кулевчи VI. Курган 3, яма 2. Погребальный инвентарь. *1—4, 14—17* — бронза; *5—8, 10, 11, 13* — бронза, золото; *9, 12, 18, 22* — раковина; *19—21* — кость

чатых браслета один на другом. В средней части могилы два алакульских сосуда.

Яма 4 подпрямоугольная. На верхних горизонтах имеет размеры 0,95×0,64 м. В придонной части уменьшается до 0,7×0,3 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Глубина от материка 0,6 м. На дне, под тремя горизонтально положенными плитами, погребение ребенка на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. На остатках костей предплечья два бронзовых желобчатых браслета. В области грудной клетки остатки украшений из пастовых и бронзовых бус. На черепе зуб волка (?) с отверстием; за черепом алакульский сосуд. В западном углу, в верхней части заполнения, второй сосуд алакульского типа (рис. 1, *2*).

Яма 5 прямоугольная (0,3—0,5×0,7 м). Глубина от материка 0,2 м. Яма ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне, у середины северо-западной стенки, два алакульских сосуда.

В южной части подкурганной площадки кургана 2 выявлен полукольцевой ровик, разъемом направленный на север. В заполнении его несколько мелких фрагментов керамики.

Курган 3 расположен в 22—24 м к востоку — юго-востоку от кургана 1, на восточном склоне мыса. На поверхности насыпь почти не фиксировалась. Раскопки велись участками 3×3 м. Общая площадь раско-

па составила 81 м². Полностью вскрыто пять ям, три из них (1, 2, 3) оказались древними, а две (4,5) — современными. Стратиграфия раскопа: под пахотным слоем (10—30 см) участками фиксировалась тонкая, до 10 см, прослойка перемешанного темно-серого грунта с включениями глины. Скорее всего она является остатками выкида из крупной ямы 2 и сильно разрушенного надмогильного сооружения. Под этой прослойкой однородный серый грунт мощностью до 20 см — погребенная почва. Материк — светло-желтая глина.

Яма 1 изучена на участке Б/4 в северной части раскопа. Яма прямоугольная (1,1×0,55 м), ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В поперечных стенках ее имелись неширокие уступчики. У дна, вдоль продольной северо-западной стенки,— уступ, полого понижавшийся к юго-восточной стороне ямы. Глубина ямы от материка 0,55 м. В верхней части заполнения — глинистый перемешанный грунт грязно-белого цвета. Ниже, до дна, заполнение перемешанное, коричневого цвета с включениями глины. На дне погребение ребенка, лежавшего на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. Перед лицом алакульский сосуд (рис. 2, *2*). У затылочной части черепа бронзовая обойма.

Яма 3 расположена в 1,9 м западнее ямы 1 на участке Б/5. Форма ее — вытянутый с севера на юг овал размерами 1,3×0,3 м. В верхней части ямы в ее торцевых стенках имелись уступчики. Глубина ее от материка 0,55 м. Заполнение аналогично яме 1. Материальных остатков в яме не было. Участок раскопа, занятый ямами 1,3, оказался перекрытым выкидом из ямы 2. Установлено, что перед сооружением ямы 1 площадка для нее предварительно готовилась, для чего здесь почти полностью был срезан гумусный слой.

Яма 2 в центральной части раскопа, на участках Б/4, 5, В/3—5, при фиксации по материку имела прямоугольную форму (2,75×2,35 м.) Ориентирована длинными сторонами по линии СВ—ЮЗ (рис. 2). В придонной части сократилась до 2,4×2,25 м и приобрела подквадратную форму. Глубина ямы от материка 0,6 м. Основу заполнения составлял перемешанный серый грунт с гравием (рис. 2). На дне, в северо-западном углу, крупный камень. В восточной части дна могилы зафиксировано два скопления мелких обломков кальцинированных костей с редкими угольками между ними. Скопление 1 в юго-восточном углу имело неправильные, вытянутые с юго-запада на северо-восток очертания (0,95× ×0,35 м). Скопление 2 — в форме изогнутой полосы шириной в среднем до 10 см, а на концах до 30 см. Толщина слоя обломков костей и в том, и в другом случае крайне незначительна. В западной части дна могилы расчищены симметрично поставленные четыре сосуда (рис. 2, *1*, *3—5*). Рядом с сосудами 1 и 2 с северной — северо-западной стороны лежало по три ребра крупного животного (лошади ?), а около сосуда 1 еще два позвонка. В 30—40 см южнее сосуда 4 расчищено скопление украшений (рис. 2*А*), большая часть которых лежала компактно. В скопление входили: семь бронзовых браслетов двух типов (рис. 3, *6*, *10—12*, *14*), два бронзовых височных кольца (рис. 3, *7*, *8*), восемь бронзовых подвесок в 1,5 оборота (рис. 4, *5—8*, *10*, *11*, *13*), обернутых золотой фольгой, фрагменты одной (?) бронзовой подвески в 1,5 оборота без фольги. Помимо перечисленных предметов в скопление украшений № 1 входили остатки обширного украшения: крупная бронзовая обойма, орнаментированная чеканным орнаментом (рис. 4, *1*), две сдвоенные бронзовые пронизи из витой проволоки (рис. 4, *3*, *4*), пронизи из свернутых в трубочку бронзовых пластинок, большое количество бронзовых, пастовых бусин, две бронзовые ромбовидные подвески (рис. 3, *9*, *13*), пять крестообразных бронзовых подвесок (рис. 3, *1—5*), украшения из створок раковин (рис. 4, *9*, *12*, *18*, *22*), зубов волка (рис. 4, *19—21*). Первоначально украшения, видимо, помещались в небольшой емкости. Несколько браслетов в скоплении вложены один в другой. В 50—55 см южнее сосуда 4 на слое кальцинированных костей лежали две ленты бронзовых обойм (рис. 4, *15*) с крупной на одном конце обоймой и с листовидными бронзовыми привесками — на другом. В 10 см выше привесок

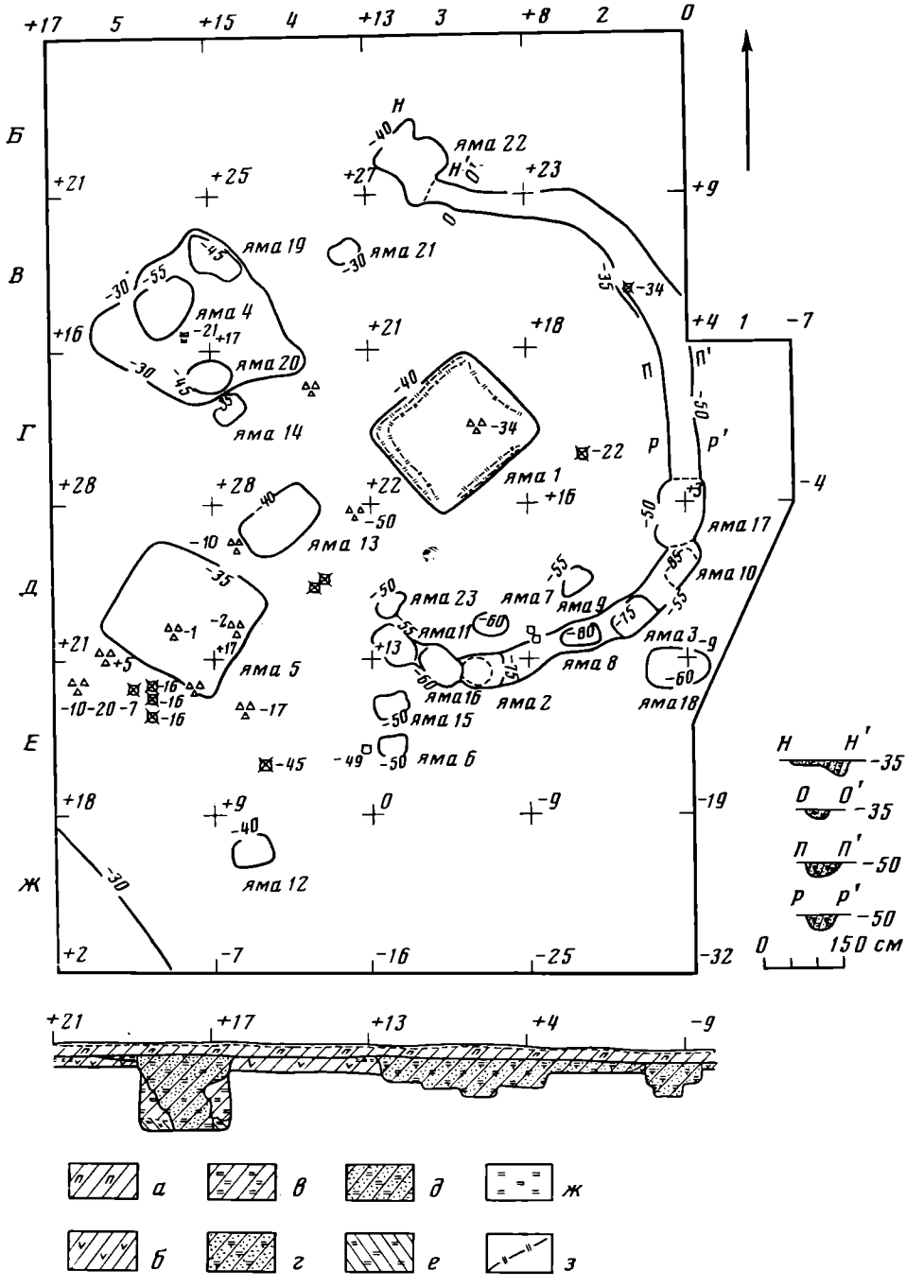


Рис. 5. Могильник Кулевчи VI. Курган 4. План раскопа и разрез по линии Е; *а* — пахотный слой; *б* — древняя почва; *в* — светлый глинистый грунт; *г* — коричневый грунт с песком и глиной; *д* — темно-серый грунт с песком и глиной; *е* — темный грунт с комками глины; *ж* — глина; *з* — границы полосы светлого глинистого грунта

ленты соединялись пронизью из свернутой в трубочку пластинки. На концах пронизи — по бронзовой бусине.

У северо-восточного окончания скопления кальцинированных костей 1 — две низки бронзовых бус, аналогичные низкам бус на нижних окончаниях берцовых костей погребенных в ямах 1 и 2 кургана 1. В целом скопление кальцинированных костей № 1, сосуды 1 и 4, ребра животного у сосуда 1, скопление украшений № 1, описанный накосник и низки бус в юго-восточном углу дна ямы составляют, по нашему мнению, единый комплекс.

С южной стороны от сосуда 3 находились остатки украшения: большое количество бронзовых и пастовых бусин и фрагменты двух бронзо-

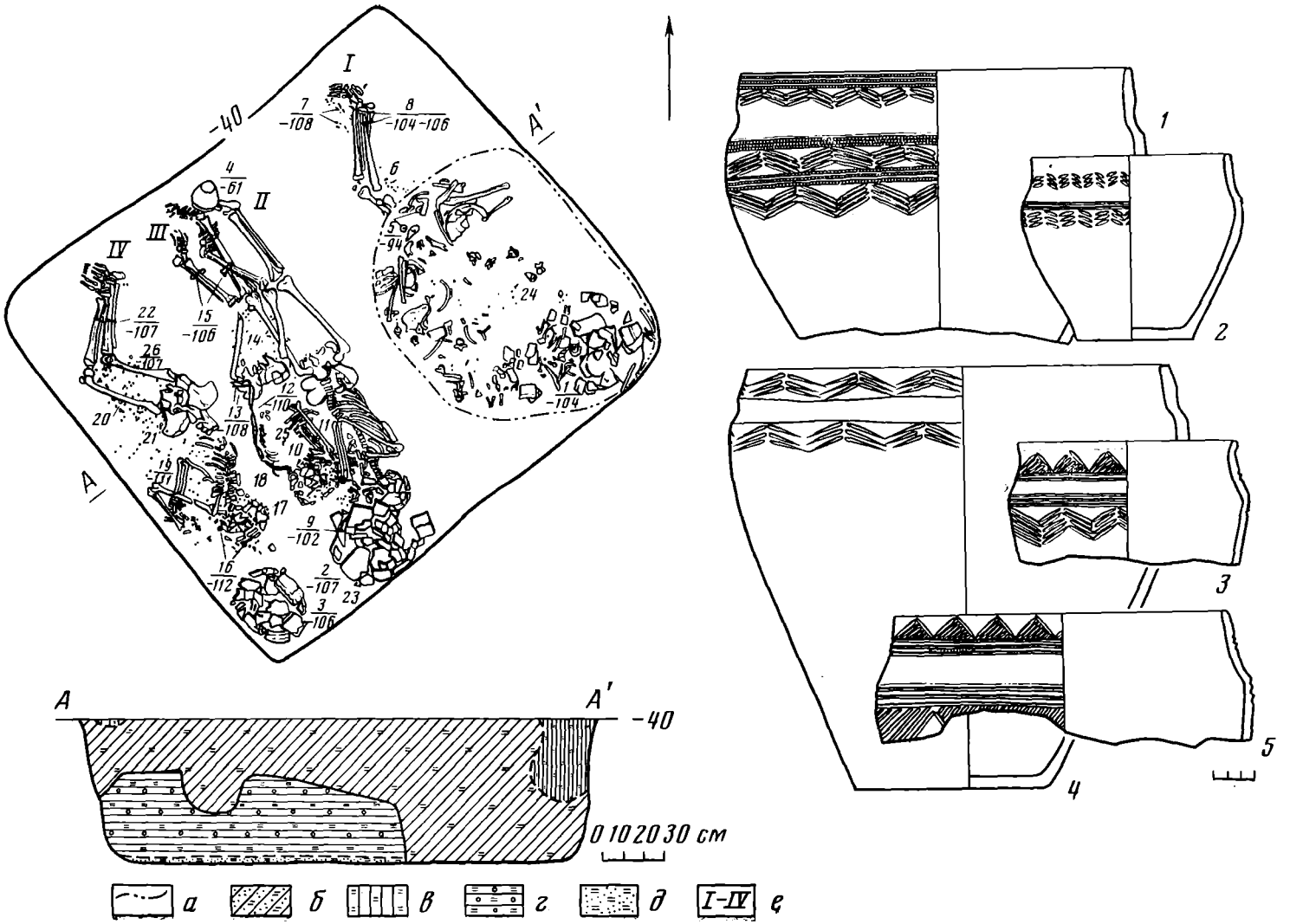


Рис. 6. Могильник Кулевчи VI. Курган 4, яма 1. План и разрез. *1—5* — керамика; *а* — границы грабительского вкопа; *б* — темно-серый грунт с песком и глиной; *в* — желтый глинистый грунт; *г* — светлый глинистый грунт с галькой; *д* — светло-коричневый грунт с глиной и песком; *е* — скелеты погребенных

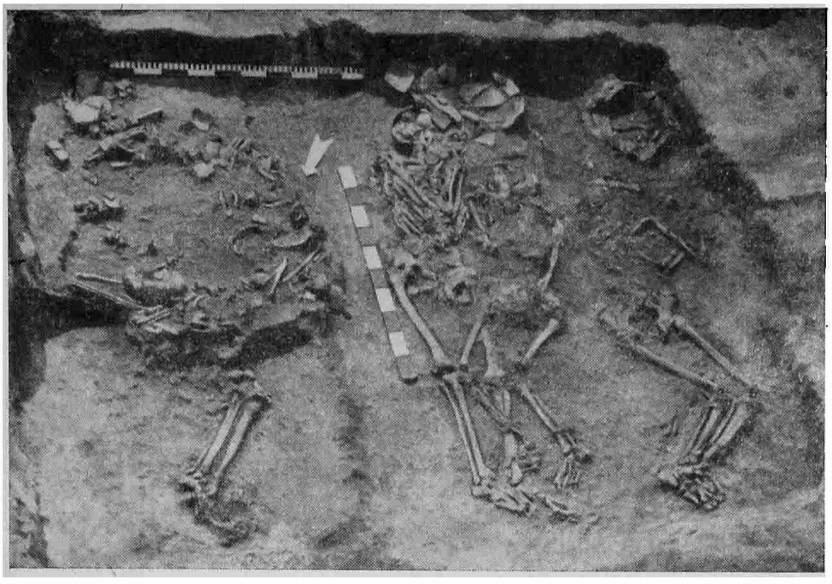


Рис. 6А. Могильник Кулевчи. Курган 4, яма 1. Погребения

вых пластинок (рис. 4, *15*). Украшение сильно потревожено порой грызуна. В 20 см южнее сосуда 3 — скопление бронзовых украшений № 2, состоявшее из семи бронзовых браслетов двух типов (рис. 4, *16*, *17*). Скопление кальцинированных костей № 2, сосуды 2 и 3, ребра животного у сосуда 2, скопление украшений № 2 составляют второй комплекс.

Таким образом, в яме 2 кургана 3 скорее всего были погребены два человека по способу трупосожжения. Керамика из описанного погребения имеет алакульско-федоровский облик.

Курган 4 представлял собой хаотичное всхолмление без выраженных границ, высотой до 18 см, расположенное в 40 м к северо-востоку от кургана 1. Исследовался участками 3×3 м. Общая площадь раскопа составила около 230 м² (рис. 5). Поверхность кургана на глубину до 0,25 м сильно разрушена распашкой. Всего исследовано при раскопках кургана 4 23 ямы и ровик у ямы 1. Планиграфия ям на площади раскопа позволила выделить три группы ям. К первой отнесена яма 1 и ямы в ровике около нее (2, 3, 6 — 11, 15 — 18, 22, 23).

Яма 1 (рис. 6) расположена в центральной части раскопа. По форме близка к квадратной (2,2×2,55 м), ориентирована длинными сторонами по линии СВ—ЮЗ. Глубина ямы от материка 0,7 м. На верхних горизонтах ее заполнение представлено грунтом темно-серого цвета с вкраплениями глины и прерывистой полосой светло-желтого глинистого грунта по краям заполнения ямы (рис. 6). В восточном углу темно-серый грунт залегал до дна, принимая в плане форму овального пятна (1,1×1,3 м). Здесь этот грунт связывается с грабительским вкопом. В не потревоженной грабителями основной части площади могилы залегал светлый глинистый грунт с включениями гальки — первоначальное заполнение ямы. В верхней части заполнения развалы нескольких сосудов петровско-алакульского типа. У середины северо-западной стенки, в непотревоженном заполнении, сосуд, перевернутый вверх дном (рис. 6, *2*). На дне ямы расчищены остатки скелетов четырех погребенных (рис. 6; 6*А*).

Скелет 1 сильно потревожен грабителями. Ненарушенными остались лишь берцовые кости и кости стоп, расчищенные в северо-восточном углу дна. Судя по их положению, погребенный лежал под северо-восточной стенкой на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Из грабительского хода извлечены многочислепные обломки человеческих костей, украшения (рис. 7,*5—7*), а также фрагменты двух сосудов (рис. 6, *3*, *5*). По всей длине берцовых костей располагались пастовые бусы, фрагменты бронзовых обойм и полусферических бляшек. У нижних окончаний берцовых костей и на костях стоп прослежены

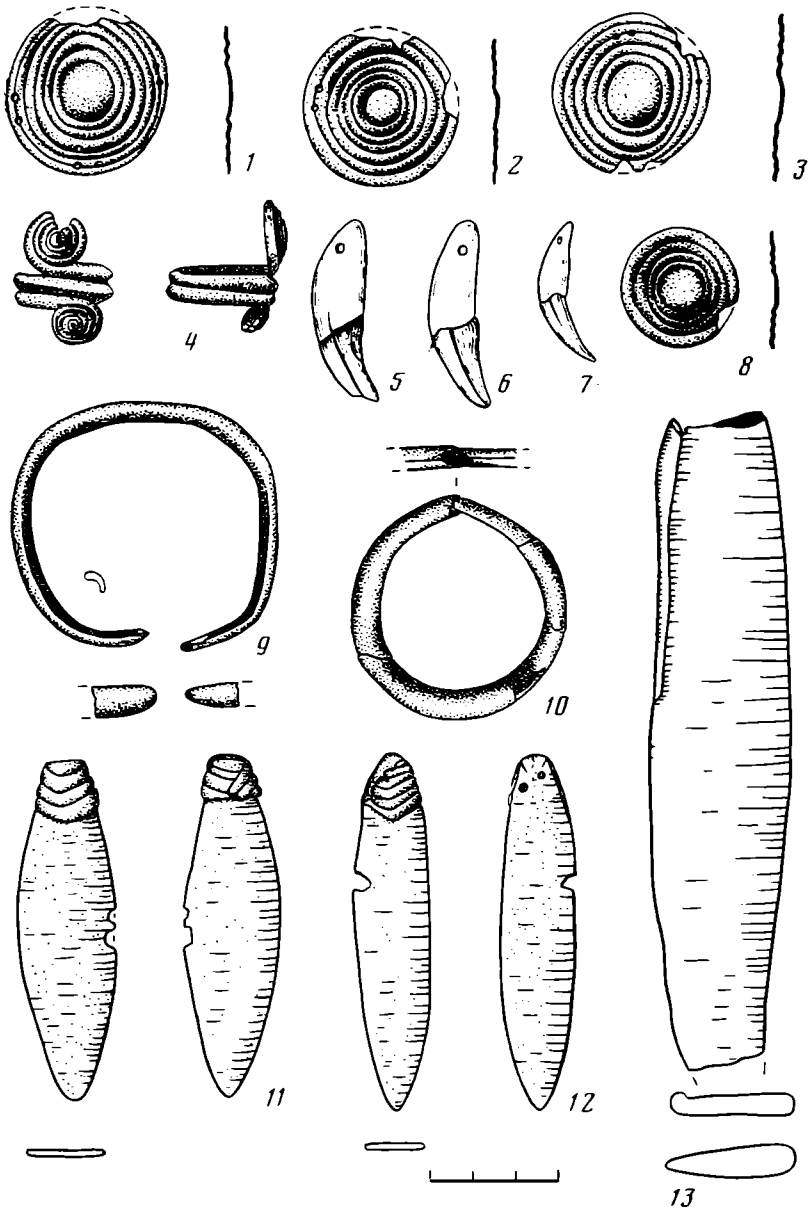


Рис. 7. Могильник Кулевчи VI. Курган 4, яма 1. *1—3*, *4*, *8—13* — бронза; *5—7* — кость

остатки кожаной (?) обуви, украшенной бронзовыми и пастовыми бусами по верхнему краю. Спереди к ним крепились с помощью низок пастовых бус небольшие бронзовые листовидные привески (по паре на каждой ноге). По верху стопы обувь была украшена бронзовыми бляшками и миниатюрными обоймочками. Остатки самой обуви прослежены в виде черного органического тлена.

Скелет 2 расчищен в центральной части дна ямы. Погребенный лежал на левом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, причем левая в локте поднята почти до уровня плеча, и ее частично перекрывали остатки черепа скелета 3. Кости ног скелета вытянуты, но положение стоп указывает, что погребенный лежал на боку. За головами погребенных 2 и 3 — развал крупного сосуда (рис. 6, *4*). В области развала бронзовый однолезвийный нож (рис. 7, *13*), бронзовая скрепа.

Скелет 3 находился вплотную к скелету 2, на правом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кости рук у лица. Согнутые в коленях ноги перекрывали кости ног скелета 2. На костях черепа погребенного 3 расчищены остатки головного убора: в области лобной.

теменной и затылочной частей черепа большое количество бронзовых нашивных бляшек двух типов (рис. 7, *8*), пастовых бусин. В области лицевого отдела черепа лента из бронзовых бляшек разных размеров с чеканным концентрическим орнаментом (рис. 7, *1—3*). В промежутках между бляшками по 3—4 бронзовых обоймы двух типов. Лента начиналась у височных долей и проходила под подбородком, где находилась самая крупная бляшка. С внешней стороны лента была окаймлена пастовыми бусами. У нижней челюсти и под затылочной частью черепа два бронзовых височных кольца (рис. 7, *10*). У колец скопления пастовых бусин. Большое их количество наблюдалось также в районе шейных позвонков. При скелете 2 имелось украшение кос (в виде двух лент бронзовых обойм с привесками на концах, рис. 7, *11*, *12*), по конструкции аналогичное подобным предметам из ямы 2 кургана 1 и ямы 2 кургана 3. На запястьях рук пять бронзовых желобчатых браслетов с несомкнутыми концами (рис. 7, *9*). На фалангах рук семь бронзовых перстней с S-видным щитком (рис. 7, *4*). На уровне пояса два зуба животных с отверстиями для привешивания. По всей длине бедренных костей пастовые бусы. Ниже колен бусы отсутствовали. У щиколоток ноги погребенного 3 были охвачены низками бронзовых бус (по одной на каждой ноге). Скелеты 2 и 3 сверху были покрыты участками сохранившимся органическим тленом с поверхностью белесо-сиреневого цвета пепельной структуры и основой коричневого цвета древесной структуры.

Скелет 4 лежал у юго-западной стенки на левом боку, скорченно, головой на юго-восток. За его черепом расчищен развал сосуда (рис. 6, *1*). На черепных костях и возле них украшения головного убора — нашивные бляшки с концентрическим орнаментом, пастовые бусы. У основания черепа два бронзовых кольца. На каждое кольцо нанизано по одной бронзовой подвеске в 1,5 оборота. На запястьях по два бронзовых желобчатых браслета. Сотни пастовых бус украшали одежду погребенного 4 до коленного сгиба. У нижних окончаний берцовых костей две низки бронзовых бусин — украшение верхнего края обуви.

Таким образом, в яме 1 кургана 4 было захоронено не менее четырех человек. С востока яму 1 полукольцом окружал ров, разъемом на запад (рис. 5). Расстояние между окончаниями рва на уровне материка 9,0—9,25 м, ширина в придонной части 0,45—0,9 м. На уровне погребенной почвы его ширина в среднем 1,5—1,85 м, а на некоторых участках до 4,0 м. Фиксируемая глубина рва от нижней границы пахотного слоя достигала 0,65 м. Яма 1 и ров около нее безусловно составляли единый комплекс. Из ямы 1 происходит керамика только петровско-алакульского типа. В юго-восточной части рва и в непосредственной близости от него расположены 14 ям (2, 3, 6 — 11,15 — 18, 22, 23) — таблица. Керамика в ямах как петровско-алакульская, так и алакульская.

Яму 5, расположенную в западной части раскопа, следует считать самостоятельным погребальным сооружением, не составлявшим единого комплекса с группой описанных ям кургана 4. По форме она близка квадратной (2,3×2,55 м), ориентирована по линии СЗ—ЮВ (рис. 8). Глубина ямы от материка составила 1,2 м. Могила частично ограблена. Грабительским ходом сильно разрушена до дна ее юго-восточная половина. Грунт, заполнявший грабительский ход, темный (рис. 8). Первоначальное заполнение ямы представлено глинистым грязно-белым грунтом В 30—35 см выше дна ямы в непотревоженной грабителями северо-западной ее части располагалась прослойка органического тлена с поверхностью сиреневато-белого цвета и темно-коричневой основой. Прослойка тлена отделяла лежавший выше светлый глинистый грунт от заполнения придонной части — темного с комками глины. На дне ямы пятнами фиксировалось белое сыпучее вещество. В заполнении ямы найден сосуд баночного типа (рис. 8, *4*), прикрытый крышкой из стенки сосуда. Из грабительского хода извлечены кости по меньшей мере двух человек, фрагменты нескольких сосудов (рис. 8, *1*, *2*, 7), украшения различных типов (рис. 9, *15*, *33*, *35*, *39*, *45*). В непотревоженной северо-западной части дна лежали остатки скелетов двух взрослых людей (рис. 8).

Таблица

Могильник Кулевчи VI, курган 4. Характеристика малых ям

№ ямы	Форма ямы	Размер, м	Ориентировка	Положение скелета	Ориентировка скелета	Количество сосудов	Вещевой инвентарь
2	Прямоугольная	0,78×0,65	З–В	Скорченно, на левом боку	В	2	Два бронзовых браслета, украшения из зуба животного, бусы
3	Подпрямоугольная	0,83×0,63	СВ–ЮЗ	Скорченно (?)	ЮЗ–З	1	32 таранные кости мелкого рогатого скота, костяной диск, бусы
4	Неправильная	1,2×1,0	СВ–ЮЗ	Скорченно, на левом боку	СВ	5	Окисленные бронзовые предметы, 18 таранных костей мелкого рогатого скота и кабана, изделие из створки раковины, бусы
6	Подпрямоугольная	0,55×0,4	З–В	–	–	1	–
7	Близка к овалу	0,62×0,45	З–В	–	–	2	–
8	Подпрямоугольная	0,78×0,45	ЗЮЗ–ВСВ	–	–	1	Таранная кость мелкого рогатого скота, бусы
9	Неправильная	0,44×0,67	СВ–ЮЗ	–	–	2	–
10	»	0,7×0,45	СВ–ЮЗ	–	–	1	Фрагмент изделия из створки раковины
11	Подпрямоугольная	0,9×0,5	СЗ–ЮВ	–	–	1	–
12	»	0,8×0,6	ВСВ–ЗЮЗ	–	–	3	Фрагмент бронзовой обоймы, бусы
13	»	1,6×0,95	СВ–ЮЗ	–	–	–	–
14	»	0,7×0,45	СВ–ЮЗ	–	–	2	Фрагмент бронзового предмета, бусы
15	»	0,67×0,45	ВСВ–ЗЮЗ	–	–	2	–
16	Близка к овалу	0,88×0,65	СЗ–ЮВ	–	–	1	–
17	Подпрямоугольная	1,3×0,8	С–Ю	–	–	1	Два желобчатых бронзовых браслета, бусы
18	»	0,75×0,65	З–В	–	–	2	Фрагменты украшений, бусы
19	Неправильная	0,8×0,4	СЗ–ЮВ	–	–	1	
20	Овальная	0,85×0,7	З–В	–	–	2	–
21	Неправильная	0,6×0,45	СВ–ЮЗ	–	–	1	–
22	»	1,2×1,0	СЗ–ЮВ	–	–	–	–
23	Близка овалу	0,6×0,4	СВ–ЮЗ	–	–	1	–

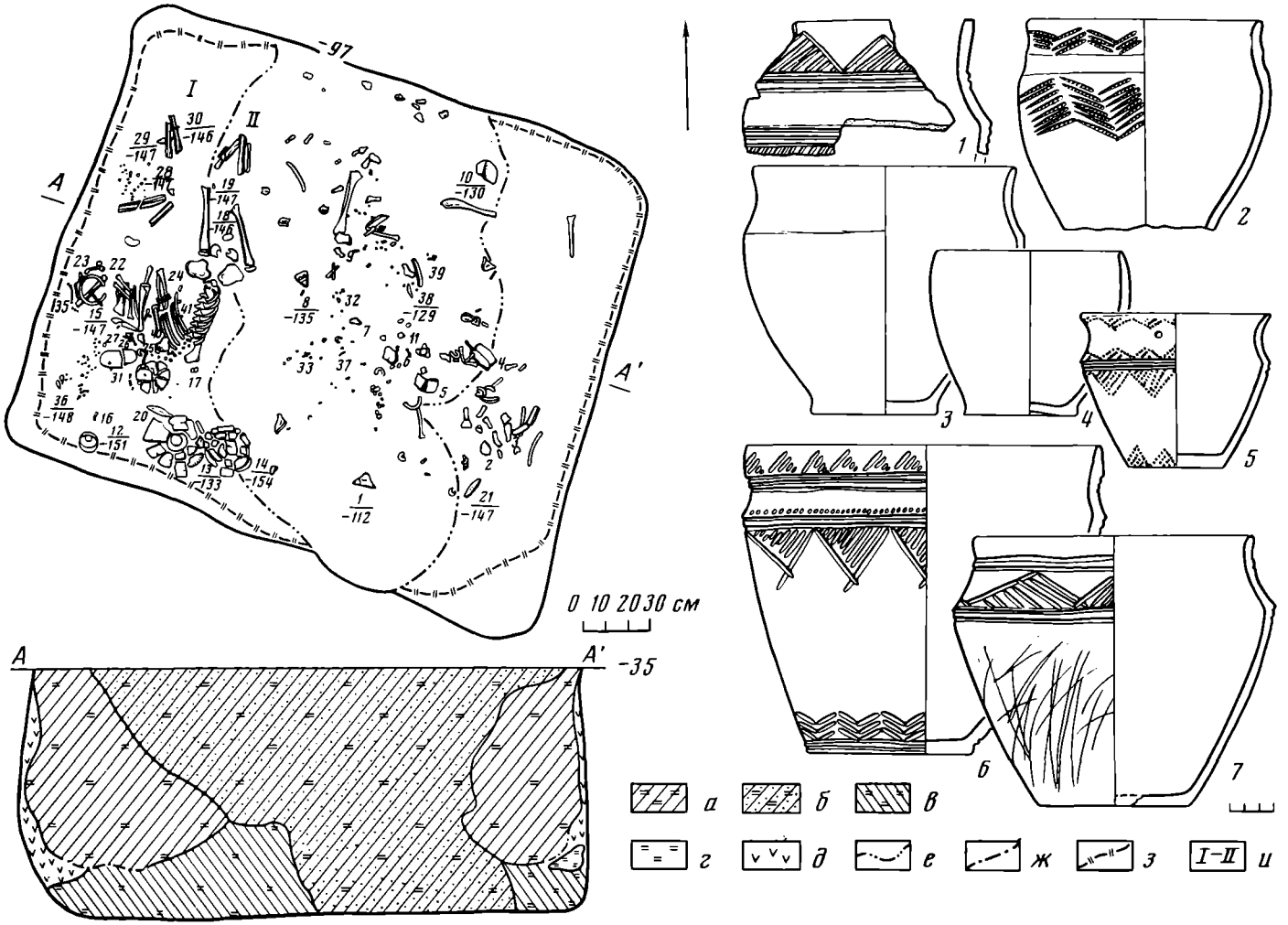


Рис. 8. Могильник Кулевчи VI. Курган 4, яма 5. План и разрез. *1—3, 5—7* — керамика; *4* — сосуд из заполнения; *а* — светлый глинистый грунт; *б* — темно-серый грунт с песком и глиной; *в* — темный грунт с комками глины; *г* — глина; *д* — сыпучий серый грунт; *е* — границы грабительского вкопа; *ж* — органический тлен; *з* — границы полосы серого грунта; *и* — скелеты погребенных

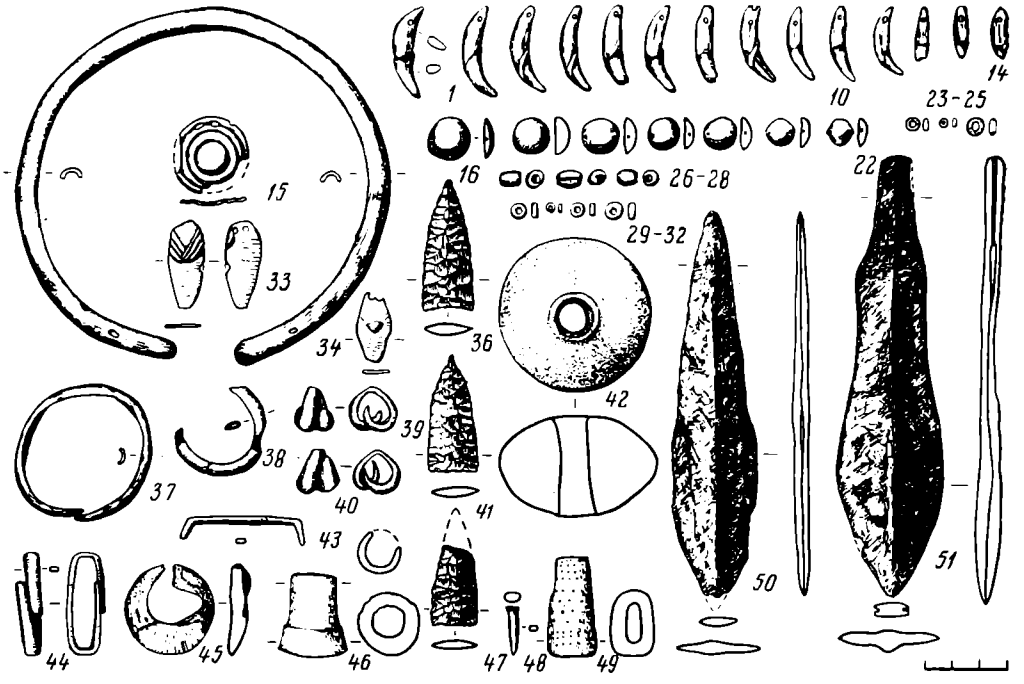


Рис. 9. Могильник Кулевчи VI. Курган 4, яма 5. Погребальный инвентарь. *1—14, 46, 49* — кость; *45* — раковина; *36, 41, 42, 47* — камень; *23—25, 29—32* — паста; *15—22, 26—28, 33—35, 37—40, 43, 44, 48, 50, 51* — бронза

Скелет 1, сильно истлевший и частично растащенный грызунами, обнаружен под северо-западной стенкой. Погребенный лежал на правом боку, скорченно, головой на юг — юго-запад. Руки согнуты в локтях. На скелете и в непосредственной близости от него обнаружено большое количество женских украшений. В области черепа пастовые бусы (рис. 9, *23—25*), бронзовые бляшки (рис. 9, *16—22*), у шейных позвонков зубы животных с отверстиями для привешивания (рис. 9, *1—3*). На запятьях фрагменты двух бронзовых желобчатых браслетов (рис. 9, *37*). За спиной погребенного 1 лежала бронзовая гривна (рис. 9, *34*), бронзовые бляшки, бусы (рис. 9, *29 — 32*) вперемежку с обломками плечевых костей. У нижних окончаний берцовых костей две низки бронзовых бусин (рис. 9, *26—28*), по одной вокруг каждой ноги.

Скелет 2 лежал вплотную к скелету 1 на левом боку, скорченно, головой на юг — юго-запад. Кости его рук, согнутые в локтях, лежали на костях рук погребенного 1. Со скелетом 2 также связан обильный инвентарь. На остатках правой лопатки костяная муфта (рис. 9, *46*). Между ребер костяное кольцо. Между бедренными костями булава из хорошо отполированного серпентинита тускло-зеленого цвета (рис. 9, *42*). В области нижнего эпифиза левой бедренной кости окончание рукояти булавы — костяная орнаментированная трубочка с подправленной под прямоугольник внутренней полостью (рис. 9, *49*). Внутри нее, острием к булаве, лежал небольшой бронзовый гвоздик (рис. 9, *48*), которым костяная трубочка крепилась к деревянной основе рукояти. Примерная длина рукояти около 30 см. За головами погребенных три сосуда (рис. 8, *3, 5, 6*). У головы погребенного 2 бронзовый нож (рис. 9, *51*) и две скрепы (рис. 9, *43, 44*). Другой нож с остатками деревянного футляра найден вне пределов грабительского вкопа — в юго-восточном углу дна (рис. 9, *50*). Из нор грызунов в дне ямы извлечено большое количество предметов погребального инвентаря (рис. 9, *4—14, 36, 40, 41, 47*). Таким образом, в яме 5 было погребено не менее четырех человек. У юго-западного края ямы 5 в углублении древнего почвенного слоя находилось четыре алакульских сосуда. Керамика из ямы 5 имеет петровско-алакульские характеристики.

В третью группу входили ямы 4, 14, 19, 20 (табл. 1). Примечательно, что эти ямы были сооружены в пределах одного углубления. В ямах петровско-алакульская керамика (рис. 10, *1—5*). Скорее всего группы ям кургана 4 не были объединены одним надмогильным сооружением.

В результате двухлетних исследований могильника Кулевчи VI изучено четыре кургана, под которыми находилось 35 ям. Под курганами 1, 2, 4 периферийные погребения (взрослых, либо детей) располагались по дуге относительно центральных крупных могильных ям. В двух случаях (курганы 2, 4) детские периферийные погребения находились в юго-восточной, восточной частях рва, сооруженного вокруг центральной могилы. В кургане 1 этот ров не совпадает с расположением периферийных погребений. В семи ямах были захоронены взрослые. Яма 1 кургана 2 может быть определена как кенотаф, если учесть, что какие-либо следы ограбления отсутствуют. Из семи ям с захоронениями взрослых людей две содержали индивидуальные погребения, в трех захоронения оказались двойными, а две ямы представляли собой коллективные погребения (не менее чем по четыре человека в каждом). В абсолютном большинстве захоронения совершены по способу ингумации, и лишь в одном случае (яма 2 кургана 3) тела умерших перед захоронением (?) были сожжены на стороне, а затем остатки сожжения были помещены в могилу. Есть целый ряд свидетельств присутствия ритуальных действий, связанных с огнем, и в погребениях, совершенных по способу ингумации. Все взрослые погребенные, положение которых в могиле возможно было определить, лежали на боку (восемь — на левом, два — на правом), скорченно. Кисти рук, как правило, у лица. Примечательно положение черепа погребенного 3 на костях руки погребенного 2 в яме 1 кургана 4, а также положение рук погребенных в яме 5 того же кургана. Ориентировка погребенных взрослых в ямах кургана 4 — юг с отклонениями к востоку и западу. В двух из четырех могил кургана 1 погребенные лежали головой на юго-восток, восток. Противоположна по отношению к ним ориентировка погребенных в яме 2 того же кургана. Планиграфия ям под курганом 1, выкид из ямы 1, частично перекрывавший яму 2, говорят об относительной неодновременности захоронений под курганом 1.

Наблюдения за расположением остатков на дне ямы 2 кургана 3 позволяют предположить наличие здесь в момент совершения погребального обряда «куклы» (по М. П. Грязнову [5, с. 89, 142, 143]), украшениями которой были накосник и скопление украшений 1, а также низки бус в юго-восточном углу дна ямы. Если исходить из этого, то становится понятным расположение погребального инвентаря. Накосник ориентирован по линии ЮЗ—СВ и начинается с крупной обоймы. На скелетах алакульских женщин, погребенных по способу ингумации, начало накосника находится у основания черепа сзади. Стало быть, сосуд 1 и ребра животного (кусок мяса) располагались за головой «куклы», а сосуд 4 и скопление украшений 1 — перед лицом ее. Украшение верхнего края обуви низками бронзовых бусин традиционно для алакульских женщин, захороненных по обряду трупоположения [6, с. 63]. Не случаен, видимо, и факт залегания накосника и низок бус непосредственно на обломках кальцинированных костей.

Факт отсутствия хорошо сохранившихся деревянных конструкций в могильных ямах могильника Кулевчи VI может быть объяснен особенностями химического состава почв в районе могильника. Косвенные признаки наличия погребальных камер имеются почти для всех крупных могильных ям.

Классификация ям малых размеров по их функциональному назначению представляется затруднительной, поскольку лишь семь из них, где сохранились остатки скелетов погребенных, могут быть достоверно определены как погребения детей. В ряде ям помимо сосудов встречены лишь остатки погребального инвентаря. Ямы 13, 22 кургана 4 вообще находок не содержали. Погребения детей в могильнике Кулевчи VI, совершенные по способу ингумации, отличаются неустойчивостью ориентировки даже в пределах одного кургана. Погребенные во всех случаях лежат

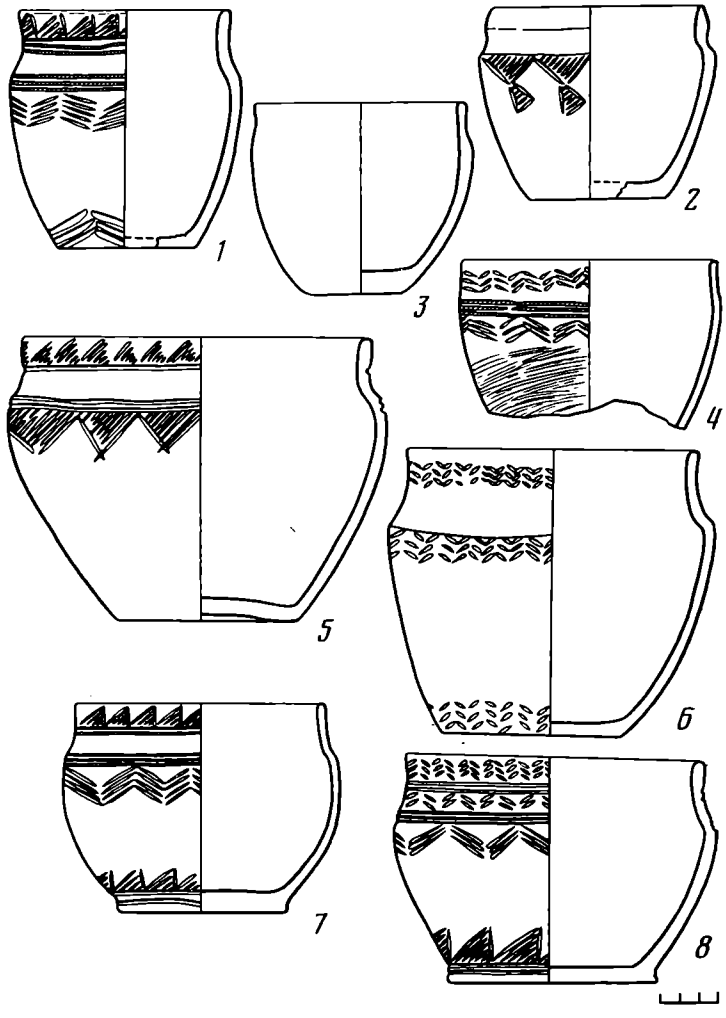


Рис. 10. Могильник Кулевчи VI. Курган 4, керамика. *1—5* — яма 4; *6* — яма 3; *7*, *8* — яма 15

на боку скорченно. Степень скорченности, где это возможно было проследить, слабая. Погребенные дети сопровождались одним-двумя сосудами и, как правило, скудным погребальным инвентарем. Исключение составляет погребение 4 кургана 4, где погребенный сопровождался пятью сосудами. Интересен факт соседства под одной насыпью детских погребений по способу как ингумации, так и кремации (курган 2) с алакульской керамикой как в тех, так и в других.

Раскопки могильника Кулевчи VI, несмотря на небольшой их объем, представляются заметным явлением в истории изучения алакульских памятников в Южном Зауралье. В результате его исследования получена не только значительная серия керамических сосудов (78 экз.), но и представительная коллекция металлических предметов (всего, включая бусы и фрагменты, 1900 единиц хранения, из них 924 бронзовые бусины, около 300 бронзовых обойм, 27 целых и 125 фрагментов бронзовых браслетов и т. д.). Интересно, что многочисленный металлический инвентарь Кулевчинского могильника типологически представляет собой единое целое и характеризуется традиционными алакульскими чертами [7, с. 73, рис. 10].

Керамика могильника в целом определяется как алакульская. В пределах памятника наиболее ранними следует считать погребения кургана 4. Ряд ям этого кургана, прежде всего центральные погребения 1 и 5, дали керамические комплексы, определяемые как петровско-алакульские, отражающие финал петровского этапа алакульской культуры. Это сосуды горшечно-баночных форм нескольких типов и банки. Характерными признаками петровско-алакульской керамики, в частности, яв-

ляются: утолщение — «воротничок» под венчиком, короткая шейка, в различной степени выраженное ребро в месте перехода от плеча к тулову. Набор элементов орнамента невелик: заштрихованные треугольники, зигзаги по шейке, параллельные горизонтальные линии, иногда в сочетании с рядом вертикальных вдавлений в месте перехода от плеча к тулову, заштрихованные треугольники, либо многорядный горизонтальный зигзаг в верхней части тулова и у дна. Орнаментация выполнена преимущественно гладким штампом или нарезками. Отдельные сосуды орнаментированы гребенчатым штампом. В примесях к тесту — песок, шамот.

Выделение петровско-алакульских типов керамики основано не только на типологическом ее анализе, но обосновано находками этих типов в закрытых комплексах ряда могильников Южного Зауралья [8]. Надежные сведения в этом отношении дает нам стратиграфическое залегание петровско-алакульской керамики в пределах построек 2—5 поселения Кулевчи III под слоем с более поздними алакульскими материалами.

Несколько позднее кургана 4 функционировал курган 1. В керамике из его погребений нет сосудов с «воротничком» под венчиком и остроребериой профилировкой. Наиболее поздним комплексом в пределах исследованной части могильника Кулевчи VI является яма 2 кургана 3. Это двойное погребение по обряду кремации тождественно погребениям Федоровского могильника [9]. Однако керамика из ямы 2 кургана 3 Кулевчинского могильника сочетает в себе как алакульские элементы, так и ряд черт, свойственных типам сосудов из Федоровского могильника.

Комплексный характер могильника и поселения Кулевчи сомнения не вызывает. В могильнике пока не обнаружены лишь погребения, материалы которых соответствовали бы раннему строительному горизонту поселения Кулевчи III.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.: Наука, 1972.
2. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, вып. 12.
3. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка.— СА, 1980, № 3.
4. *Виноградов Н. Б.* Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье.— КСИА, 1981, вып. 169.
5. *Грязнов М. П.* Таштыкская культура.— В кн.: Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979.
6. *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль.— МИА, 1952, № 24, т. I.
7. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.
8. *Стоколос В. С.* Курганы эпохи бронзы у с. Степного.— В кн.: Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск: Челябинск. книж. изд-во, 1962.
9. *Сальников К. В.* Андроновский курганный могильник у с. Федоровки.— МИА, 1940, № 1.

N. B. Vinogradov

KULEVCHI VI — A NEWLY DISCOVERED ALAKUL BURIAL GROUND IN THE FOREST-STEPPE ZONE OF SOUTHERN TRANSURALS

Summary

The author publishes materials obtained through the two-year studies of Kulevchi-VI burial ground in the forest-steppe zone of the southern Transurals, 300 km to the south of Chelyabinsk. The four studied mounds contained 35 pits, a certain number of which were defined as burials of grown-ups and children. The former contained from one to four buried persons, mostly inhumed. Bodies were placed on their sides in a contracted position, they were south-oriented with deviations to the east and west. The remains carry traces of a fire ritual. A complete series of women's decorations was obtained. A burial of two cremated persons with unprecedentedly rich grave goods was found in pit 2 of mound 3 (Fig. 2). The placement of the grave goods prompts the original presence of an anthropomorphic dummy. Children were mostly inhumed in smaller pits, their bodies placed on their sides in a contracted position. The orientation pattern is absent, grave goods are scarce.

САГДУЛЛАЕВ А. С.

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ КАШКАДАРЬИ

На фоне успешных археологических открытий в ряде областей Средней Азии древнейшие памятники долины Кашкадарьи остаются изученными крайне неравномерно. Публикации, освещающие их, весьма немногочисленны и отрывочны. Более 25 лет тому назад в литературе было высказано мнение о возможности существования в бассейне Кашкадарьи архаичной оседлоземледельческой культуры [1, с. 180]. Это утверждение основывалось на находках в низовьях Танхасдарьи керамики, которая сравнивалась с комплексами из Ферганы конца II — начала I тысячелетия до н. э. [1, с. 82]. Как выяснилось позже, материалы из разрушенных поселений Янгитепе и Джартепе 1 могут быть датированы началом и серединой I тысячелетия до н. э., однако они находят гораздо больше аналогий в керамических комплексах юга Средней Азии [1].

Со временем слои начала I тысячелетия до н. э. были выявлены на Чиракчитепе [2] и Еркургане [2], а культурные наслоения середины I тысячелетия до н. э.— на Джартепе 2[3], Караултепе [4], а также Еркургане. До 1976 г. в долине Кашкадарьи было известно три поселения переходного от эпохи бронзы периода и три поселения раннежелезного века. За исключением Еркургана, все они оказались разрушенными. На Еркургане проводились широкие археологические раскопки, позволившие ввести в научный оборот новые материалы из истории области [5]. Однако изучение древнейших культурных слоев Еркургана было затруднено тем, что они перекрыты более поздними напластованиями. На других памятниках удалось собрать лишь керамический материал, тогда как данные о типах и планировке поселений оставались неизвестными [3]. Все это вызвало необходимость проведения в бассейне Кашкадарьи дополнительных разведочных исследований с целью открытия здесь археологически стерильных памятников раннежелезного века.

Разведки, проведенные автором в 1976—1979 гг. в восточной части Кашкадарьинской обл., выявили новые поселения этого времени [6, 7]. В предгорьях Яккабагского хребта намечены границы двух древних культурно-хозяйственных районов-оазисов. Поселения Кайрагачского р-на расположены у древних протоков реки, аналогичная ситуация расселения наблюдается и в соседнем Гульдаринском р-не (рис. 1). Всего здесь обнаружено девять поселений раннежелезного века.

С точки зрения планировки выделяются два типа поселения. Наиболее характерным является поселение квадратной, подпрямоугольной, округлой и подтреугольной формы, окруженное валом оборонительных стен с одним въездом, общей площадью от 0,25 до 2 га (рис. 1, *3*—*7*). В центральной части всех поселений выделяются массивные бугры с ровной поверхностью, высотой 2—6 м. Шурфы, заложенные на Туртбур-

---

[1] Джартепе 1 было датировано С. К. Кабановым первой половиной или серединой I тысячелетия до н. э. [1]. Повторно район обследован автором в 1979 г.

[2] Работы С. К Кабанова в 1971 г. и Х. Дуке в 1972 г.

[3] Массовый археологический материал середины I тысячелетия до н. э. бассейна Кашкадарьи, за исключением керамики с Джартепе 2 [3], остается неизданным. Результаты исследований Еркургана освещались в течение последнего десятилетия в информационных заметках, поэтому для сравнительного анализа опубликованным иллюстративным материалом мы фактически не располагаем.

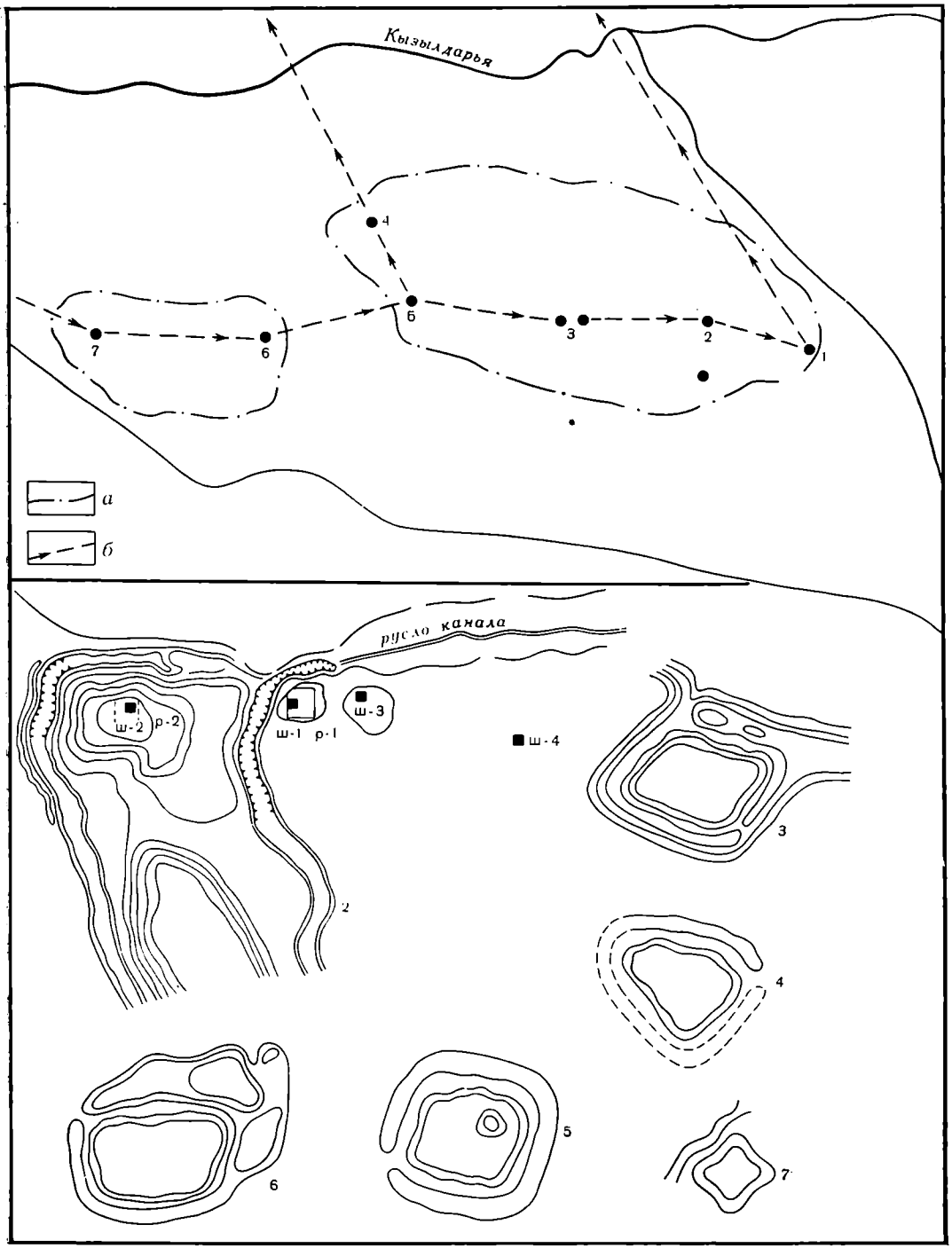


Рис. 1. Схема расположения и планы поселений Кайрагачского и Гульдаринского культурно-хозяйственных районов. *1* — Кайрагачтепе; *2* — Даратепе; *3* — Туртбурчактепе 1; *4* — Самантепе 3; *5* — Кузатепе; *6* — Курганча; *7* — Бешкутантепе *а* — границы оазисов; *б* — древние пути

чактепе 1 и Курганча, остатков сырцово-глинобитных стен не обнаружили; создается впечатление, что некоторые из указанных памятников не имели регулярной застройки.

В этом отношении показательны данные шурфов Курганчатепе (рис. 2).

На глубине ~2,5 м от дневной поверхности залегает уровень пола, подстилающего культурный слой, мощностью 0,3—0,4 м, с угольками, золой, фрагментами керамики и каменных орудий (рис. 2). После запустения поселения древнейший культурный слой оказался перекрытым надувным и натечным лессом (0,8 м); затем, во второй, несколько поздний

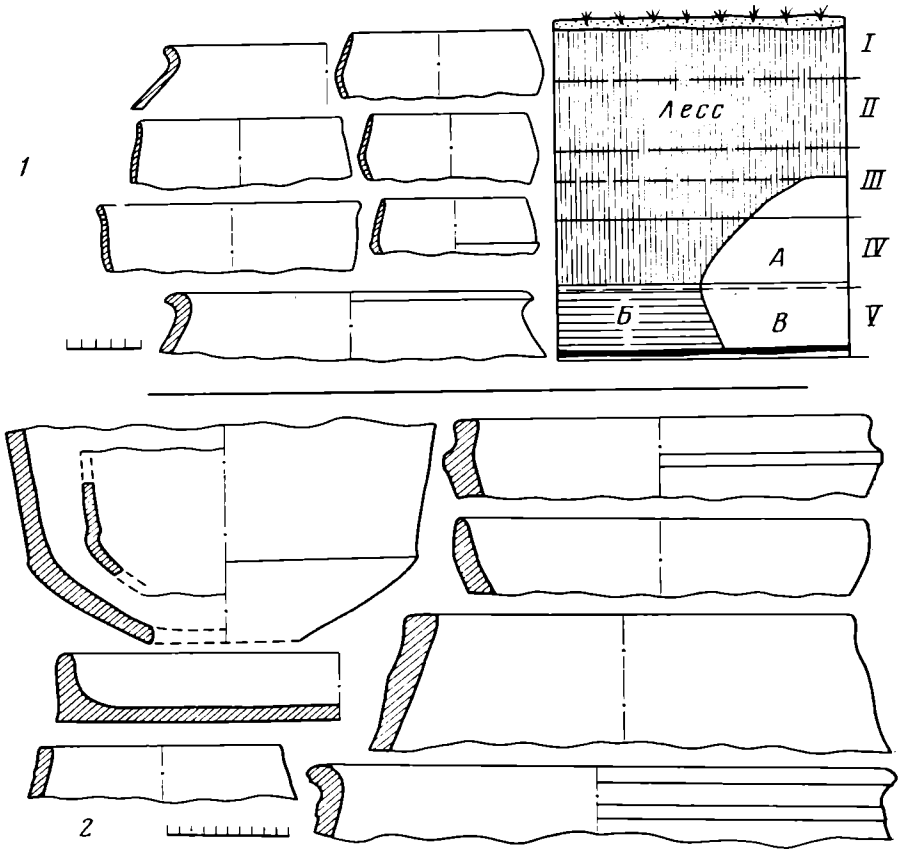


Рис. 2. Курганча. Профиль шурфа и керамика. *А* — яма; *Б* — культурный слой; *В* — уровень пола; I—V — ярусы; *1* — керамика из ямы; *2* — керамика раннежелезного века

этап обживания Курганча, на этом уровне были вырыты хозяйственные ямы, содержавшие раннеантичную керамику (рис. 2). Ямы частично разрушили культурные слои раннежелезного века. После окончательного заброса поселения над дневной поверхностью хозяйственных ям вновь отложились лессовые напластования толщиной более 1,2 м. Таким образом, культурные слои эпохи раннего железа оказались погребенными здесь под 2-метровой толщей лесса. Поэтому на поверхности Курганча какие-либо фрагменты производственно-бытового инвентаря, столь характерные для среднеазиатских памятников, фактически отсутствовали.

Другой тип планировки демонстрирует поселение Даратепе (рис. 1, *2*), которое состоит из массивного бугра более 0,5 га, высотой 8—10 м и прилегающей к нему части былого поселения площадью до 10 га.

У северной окраины Даратепе прослеживается русло древнего канала, выведенного из горной реки в 3,5 км к востоку от поселения. Ширина канала составляет от 2 до 8 м. В разрезе русла канала — глинистые слои с песком и галечником и, что особенно важно, найдены фрагменты керамики середины I тысячелетия до н. э.

Шурфы и раскопы, заложенные на Даратепе, выявили три строительных горизонта с уровнями полов, залегающих на различной глубине от дневной поверхности. Культурный слой составляет 1,2—1,8—3 м.

В раскопе 1 изучено рядовое жилище (рис. 3). На уровне второго строительного горизонта выделяется строение 10×8,3 м, огороженное пахсовыми стенами толщиной 0,7—1 м. В западной части устроен проход шириной 0,8 м, который выводит в хозяйственный двор. Северная сторона жилища открыта. Здесь, очевидно, располагался навес. Об этом свидетельствуют каменное и пахсовые основания от опорных столбов (рис. 3).

На территории хозяйственного двора размером 10,8×2,4 м обнаружены два пристенных разрушенных очага, семь раздавленных хумов, пять

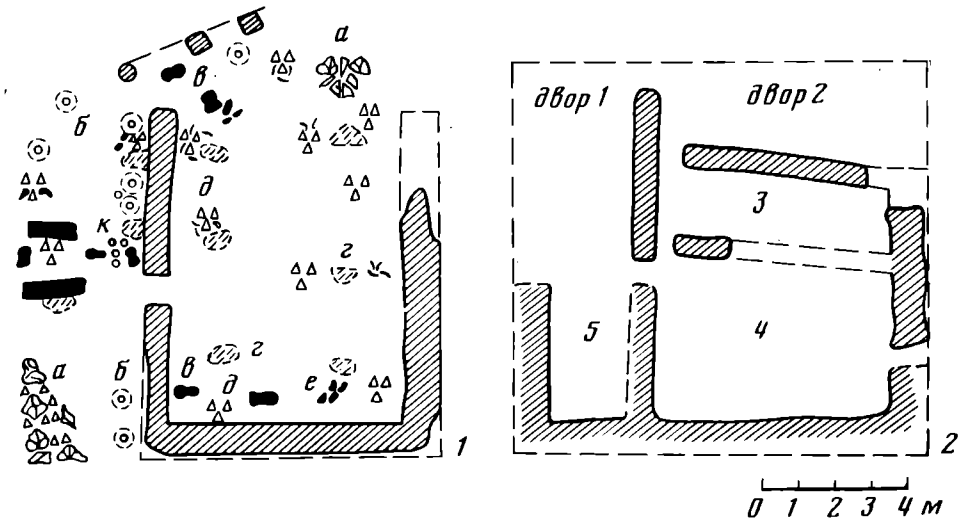


Рис. 3. Даратепе. *1*, *2* — план жилища на уровне II и III строительных горизонтов; *а* — обломки крупных сосудов; *б* — хумы; *в* — зернотерки; *г* — очаги и очажные пятна; *д* — фрагменты керамики; *е* — каменные орудия; *к* — котлы

крупных лепных котлов несколько зернотерок и многочислепные фрагменты кухонной и хозяйственной посуды, а также каменные орудия труда. В центре двора отмечаются перегородки из пахсовых стен и очажное пятно.

Внутри ограды на полу жилища зафиксированы следы шести разрушенных очагов, расположенных параллельно друг другу у противоположных стен. На жилую функцию раскопанного объекта указывают столовая, кухонная и хозяйственная посуда, орудия труда, зола и пятна органического тлена.

Для третьего строительного горизонта характерна более четкая планировка (рис. 3). Дом разделен на три помещения и два двора. Основной проход — в юго-восточном углу здания. Его стены выложены из кусков сырцового кирпича, битой глины, строительного лесса и заключены в футляр из сырцового кирпича (44×30×12 см). Стены помещений с целью закрепления были обожжены.

На центральном холме Даратепе (раскоп 2) изучено трапециевидной формы помещение (8×3—3,8 м) со стенами толщиной 1,6 м из сырцового кирпича (44×32×13 см, 46×32×11 см). В южной части комнаты расчищена пристенная суфа (2,7×0,8 м).

Материалы раскопов 1 и 2 свидетельствуют о наличии на поселении разных типов глинобитно-сырцовых строений, генезис которых восходит к предахеменидскому времени. Раскопки Даратепе позволили выявить и впервые охарактеризовать жилище долины Кашкадарьи раннежелезного века.

Керамика Даратепе представлена как лепными сосудами, так и сделанными на кругу. Для нижнего, первого строительного горизонта в подавляющем большинстве характерна лепная посуда (рис. 4). Это котлы с цилиндрическим туловом, ушкообразными ручками и налепами-выступами, сфероидные горшкообразные формы и сосуды типа хумча с петлевидными ручками.

В слоях второго строительного горизонта лепная керамика количественно уменьшается; получают распространение сделанные на кругу цилиндроконические сосуды типа хумов с приостренным клювовидным либо валикообразным венчиком (рис. 5, *13*, *14*, *17*, *19*, *23*).

В комплексе третьего строительного горизонта посуда, сделанная на кругу, преобладает над лепной (рис. 5, *1—10*). Наряду с разными типами цилиндроконической посуды получают распространение крупные от-

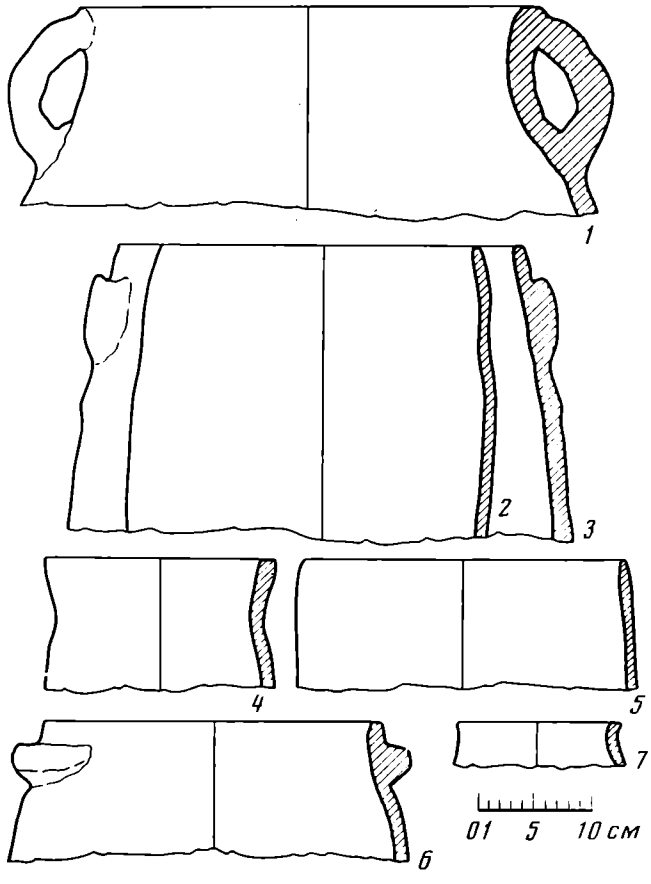


Рис. 4. Даратепе. Лепная керамика I строительного горизонта

крытые конические или близкие к цилиндру сосуды. Особо следует отметить хумы с двойными стенками тулова, которые не находят пока аналогий ни в синхронных, ни в более ранних и поздних гончарных комплексах Средней Азии.

Орудия труда Даратепе преимущественно каменные. Они изготовлены из галечных пород, туфопесчаников и аплитов. Это зернотерки, песты, терочники и точильные камни. Под уровнем пола второго строительного горизонта Даратепе найден железный нож, сохранившийся в длину на 18 см. Он является древнейшим железным изделием южного Узбекистана из числа предметов этого типа, известных в литературе. В Средней Азии более ранние железные орудия обнаружены в нижнем горизонте Анау IV и верхних слоях Дальверзинтепе в Фергане [8, с. 180, 199].

Охарактеризованные комплексы Даратепе ориентировочно могут быть датированы в пределах VII—IV вв. до н. э., хотя не исключено, что само поселение формируется несколько раньше. Обращает на себя внимание тот факт, что в керамическом материале памятника преобладают изделия домашнего производства. Наряду с ними отмечается высококачественная ремесленная посуда.

Данные, полученные при изучении поселений Кайрагачского и Гульдаринского культурно-хозяйственных районов, свидетельствуют о развитии в подгорной части долины Кашкадарьи двух направлений хозяйства. Земледельческо-скотоводческое хозяйство с ирригационным и богарным земледелием, выгонным скотоводством и прочной оседлостью, видимо, было характерным для населения Даратепе и Кайрагачтепе 1 [3] (канал и арычная сеть, крупные размеры поселений, регулярные жилые строения, мощные культурные слои, различные типы археологического инвентаря,

[3] В античное время площадь Кайрагачтепе 1 достигала 20 га.

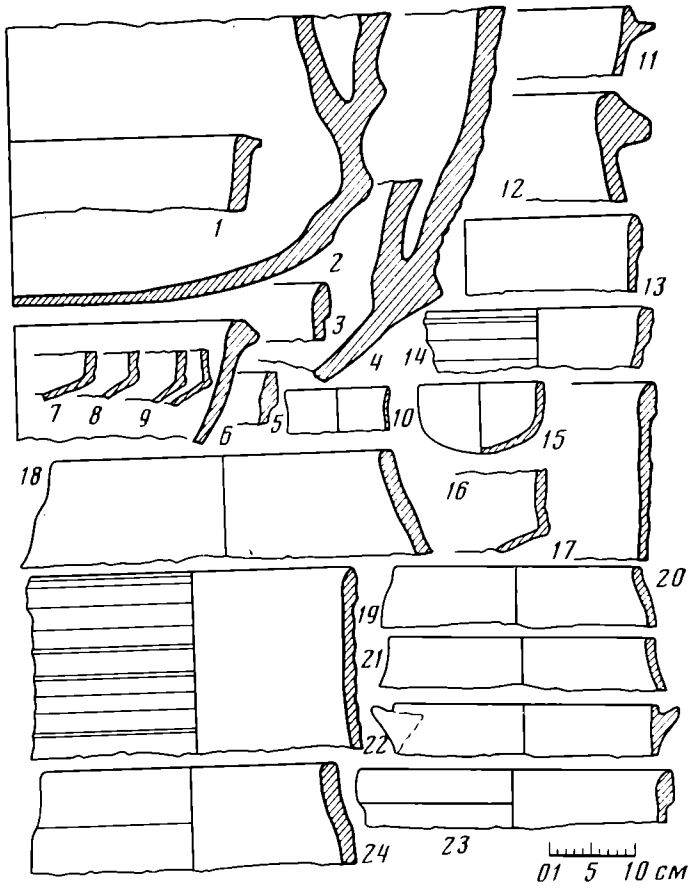


Рис. 5. Даратепе. Керамика строительных горизонтов III (*1—10*) и II (*11—24*)

орудия труда, связанные с обработкой сельскохозяйственных продуктов, и др.). На развитие скотоводческого или скотоводческо-земледельческого хозяйства указывают материалы поселений Курганча, Туртбурчактепе 1 и Самантепе 3 (незначительный культурный слой, малочисленность находок, отсутствие глинобитно-сырцовых жилищ и ирригационных сооружений, нерегулярный характер обживания поселений и менее прочная оседлость) [4].

Из числа других обследованных памятников реннежелезного века долины Кашкадарьи отметим поселения Танхасдарьинского района (рис. 6). Особенности их расположения демонстрируют тип расселения, характерный для речных равнин. Поселения площадью до 0,2—0,8 га имеют подпрямоугольную планировку. Организующим их ядром являются четко выделяющиеся бугры размерами 50×25, 55×30, высотой 4—6 м. Они, видимо, представляют остатки основных строений.

Широкие рекогносцировочные исследования, проводимые в последние годы в Кашкадарьинской области, значительно расширяют наши представления о культуре эпохи раннего железа данного региона. Уже сейчас здесь известны 18 поселений доахеменидского и ахеменидского периодов. По характеру, особенностям и типам древнего расселения в бассейне Кашкадарьи выделяются пять культурно-хозяйственных районов-оазисов, которые сформировались в переходный от эпохи бронзы период и раннежелезном веке [6, 9]. Это Еркурганский — Еркурган и Караултепе; Кызылдарьинский — Чиракчитепе и Джартепе 2; Танхасдарьинский — Янгитепе, Джартепе 1, Сарайтепе 1, 2, 3; Кайрагачский — Даратепе, Кайрагачтепе 1, Самантепе 3, Туртбурчактепе 1, 2, 3, Кузатепе

[4] В округе поселений отмечены одиночные курганы диаметром 14—25 м, имеющие каменные насыпи [6].

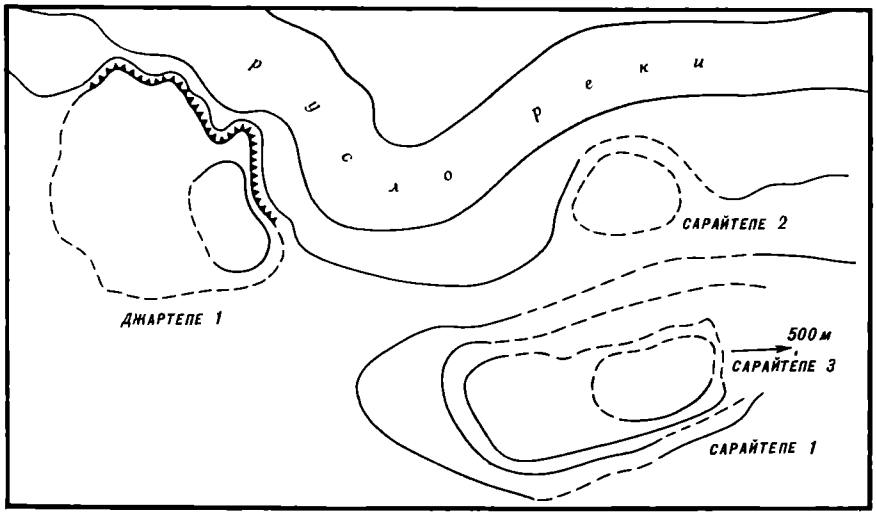


Рис. 6. Схема расположения поселений Танхасдарьинского района

и, наконец, Гульдаринский — Курганча и Бешкутантепе. Древнейшими поселениями являются Янгитепе, Чиракчитепе, Еркурган и Даратепе.

Границы древних культурно-хозяйственных районов определяются компактно освоенными зонами в пределах изолированных речных систем, и отдельные группы поселений были связаны общим источником водопользования. Четыре района концентрируются в восточной части бассейна Кашкадарьи (от современного Шахрисабза до Камаши). Расстояние между древними районами расселения составляет в среднем 7—9—22, тогда как от крайних оазисов восточной части долины Кашкадарьи до Еркургана ~70—90 км по прямому направлению. Все это, видимо, отражает процессы формирования в бассейне Кашкадарьи отдельных подобластей расселения. Можно предположить, что к середине I тысячелетия до н. э. одна такая подобласть выделилась на территории от предгорий Заравшанского хребта до Гузардарьи, вторая — в низовьях Кашкадарьи.

В связи с этим целесообразно подчеркнуть, что письменные источники эпохи античности и средневековья выделяют в бассейне Кашдарьи две отдельные области. Согласно Арриану (IV, 18, 1, 2) и Квинту Курцию Руфу (кн. VII, V, 1; кн. VIII, II, 14), это согдийские «области» и «земли» — Наутака и Ксениппа, а по средневековым источникам — Кеш, Нахшеб-Несеф. Обращает на себя внимание немаловажный факт, что один из типов поселений области Наутака, охарактеризованной Аррианом как «селение, укрепленное стеной с воротами» (III, 30, 1, 2), по внешним признакам и планировке находит аналогии в большинстве поселений восточной части бассейна Кашкадарьи (рис. 1, *3—6*). В одном из таких селений, по Арриану, был пленен Бесс — последний сатрап Бактрии и Согдины. Дальнейшее изучение этих памятников представляет значительный интерес для интерпретации историко-культурных процессов, протекавших в бассейне Кашкадарьи в эпоху раннего железа.

Вопрос о генезисе рассматриваемой культуры остается во многом открытым, что обусловлено недостаточно полным изучением археологических памятников. В порядке постановки проблемы можно высказать общие предположения. Древнейшие оседлые поселения бассейна Кашкадарьи датируются началом I тысячелетия до н. э. Их число значительно увеличивается к VII—VI вв. до н. э.— периоду, предшествовавшему ахеменидскому завоеванию Средней Азии, что наглядно иллюстрируют и публикуемые комплексы.

Начало I тысячелетия до н. э. характеризуется в Средней Азии все более расширяющимися культурными контактами между племенами с различным экономическим базисом, усиливается хозяйственный обмен. Более ранние поселения в долине Кашкадарьи еще не обнаружены, но в эпоху бронзы заселенными являлись соседняя область Сурхандарьи, низовья Амударьи и Заравшана и более южные и восточные среднеазиат-

ские районы. Не исключено, что в освоении территории Кашкадарьи большую роль сыграли земледельческие племена, видимо древнебактрийские, а также обитатели степных районов Средней Азии. Это отражает закономерный процесс поиска земледельцами новых площадей орошения и пастбищ скотоводами, что приводит к расширению земледельческих и скотоводческих ареалов обитания, а также к синтезу культур и образованию новых этнокультурных общностей.

Аналогичная картина наблюдается и в формировании в более раннее время земледельческих и скотоводческих культур в долинах Сурхана, Кафирнигана и Вахша, основную роль в котором сыграла отнюдь не аборигенное население.

Возможно, рассмотренные памятники в бассейне Кашкадарьи отражают один из поздних этапов расселения древних земледельцев и скотоводов. Показательно, что поселения раннежелезного века долины Кашкадарьи расположены либо у дорог, ведших через горные перевалы в долину Сурхана, либо у дорог к Амударье. В настоящее время мы не располагаем никакими данными о ранних местных корнях рассматриваемой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кабанов С. К.* Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи.— Тр. ИИА АН УзССР, 1955, вып. 7.
2. *Сулейманов Р., Исамиддинов М.* Основные итоги раскопок на Еркургане.— АО — 1976. М., 1977.
3. *Усманова З. И.* К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш.— ИМКУз, 1973, вып. 10.
4. *Кочнев Б. Д.* Раскопки и разведки в Каршинском оазисе.— АО — 1976. М., 1977.
5. *Сулейманов Р.* Основные этапы развития городища Еркурган.— Всесоюз. науч. совещ. «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (Тез. докл.). Ташкент, 1979.
6. *Сагдуллаев А. С.* Древнесогдийские памятники.— АО — 1978. М., 1979.
7. *Сагдуллаев А. С.* Раскопки и разведки в долине Кашкадарьи.— АО—1979. М., 1980.
8. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л.: Наука, 1966.
9. *Сагдуллаев А. С.* Античные поселения предгорий Яккабага.— Всесоюз. научн. совещ. «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (Тез. докл.). Ташкент, 1979.

A. S. Sagdullaev

EARLY IRON AGE SETTLEMENTS IN THE KASHKADARYA BASIN

Summary

The author deals with the studies of little-known settlements in the Kashkadarya basin. He uses, for the first time, resent archaeological material, investigates the problem of the nature, specific features and types of the earliest settlement patterns in the region, singles out sub-regions and analyses problems related to the genesis of culture.

ЖИТНИКОВ В. Г., МАРЧЕНКО К. К.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НА ДОНУ

Планомерное изучение строительных комплексов Елизаветовского городища на Дону началось сравнительно недавно. К настоящмеу времени детально исследованы и опубликованы остатки девяти (I—IX) построек IV — первой трети III в. до н. э. [1, с. 204 сл.]. Последующие работы на городище (1976—1980 гг.) привели к открытию еще до 10 (X—XIX) строений этого времени (рис. 1, X—XIX), заметно расширяющих наши представления о культуре и строительном деле населения скифского времени дельты Дона.

Большая часть новых строительных комплексов раскрыта полностью[1]. По крайней мере три из них (XI, XVII, XVIII) на основании стратиграфических наблюдений и датировок импортной греческой керамики могут быть отнесены к первой половине — середине IV в. до н. э.; остальные семь (X, XII—XVI и XIX) функционировали явно позднее — во второй половине IV — первой трети III в. до н. э. Более дробная, но уже, к сожалению, только относительная хронология устанавливается лишь в одном случае — для комплексов XI, XII, XIV и XV, последовательно сменявших друг друга во времени в порядке перечисления.

Все комплексы обнаружены на территории «акрополя», что убедительно подтверждает высказанное ранее предположение о концентрации подавляющего большинства долговременных построек именно в пределах центральной, наиболее укрепленной части поселения [1, с. 205].

Несмотря на значительные утраты, анализ сохранившихся следов конструкций и остатков планировочных схем вновь открытых строительных комплексов дает возможность уверенно отнести восемь из них (X—XIV, XVI—XVIII) к первому, основному типу строения Елизаветовского городища — прямоугольным в плане, сильно заглубленным в землю землянкам [1, с. 206].

Как показали наши исследования, выделенные ранее признаки, характеризующие этот тип построек, не всегда являются обязательными, например такие, как одинаковая ориентировка хронологически близких строений и отсутствие постоянных очагов или печей в пределах их площади [1, с. 206]. Более того, создается впечатление, что первый из указанных признаков вообще может быть использован при характеристике типа крайне ограниченно, поскольку положение двух новых комплексов (XVII и XVIII), достаточно уверенно датируемых первой половиной — серединой IV в. до н. э., оказалось существенно отличным (расхождение до 90°) от ориентировки других строений этого же времени (ср., например, с комплексом XI, рис. 1, XI). Столь же, если не более, существенны несовпадения в ориентировке отдельных построек и последующего периода — второй половины IV — первой трети III в. до н. э. (ср., например, ориентировку строительных комплексов X, XIV и XVI, рис. 1).

Трансформация второго из отмеченных признаков оказалась не столь заметной: остатки постоянных очагов в пределах площади вновь открытых строений были отмечены всего два раза и только в постройках второй

[1] Исключение составляют лишь постройки X—XIII вв., отдельные участки полов которых оказались ниже современного уровня грунтовых вод.

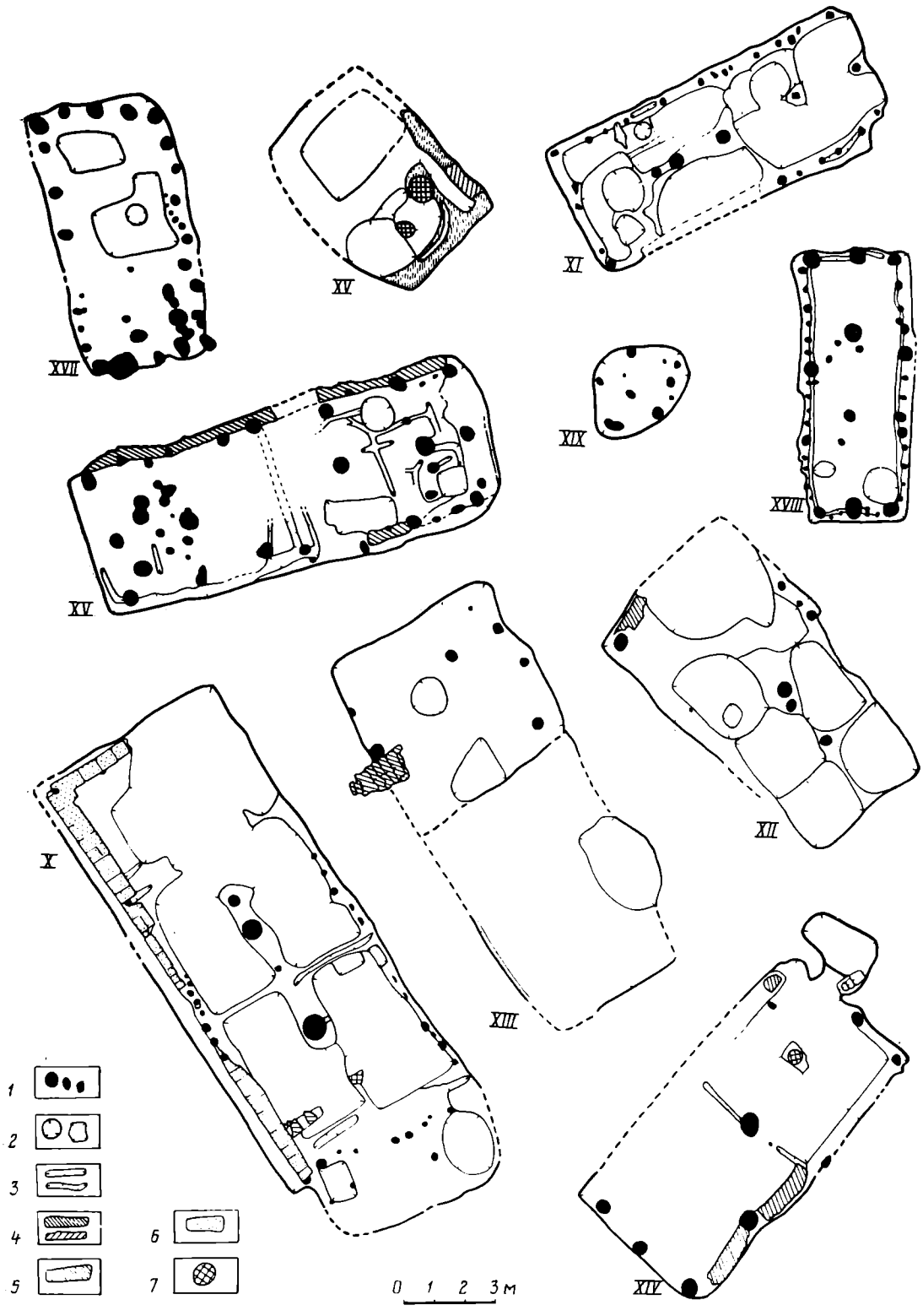


Рис. 1. Планы строительных комплексов Елизаветовского городища (X—XIX). *1* — ямки от столбов; *2* — ямы и углубления; *3* — канавки от турлучных стен и перегородок; *4* — каменные кладки; *5* — саман; *6* — сырцовые кладки; *7* — очаги

половины IV в. до н. э. (строительные комплексы X и XIV), причем в одном случае (комплекс XIV) круглый под открытого очага был слегка (на 0,2 м) приподнят над полом землянки с помощью небольшой глиняной площадки — подиума (рис. 1, XIV), а в другом подчетырехугольный под располагался прямо на материковом полу (рис. 2, *5*).

Что касается остальных признаков [1, с. 206], то установленные прежде их значение и соотношение практически не изменились с при-

бавлением нового материала. В их числе появились лишь дополнительные и, по всей видимости, сравнительно более редкие признаки, а именно: использование кладок из сырцовых кирпичей для возведения внешних стен и их частей (строительные комплексы X и XVI) и сочетание камня и сырцовых кирпичей при возведении стен каркасно-столбовой конструкции (строительный комплекс XVI).

Коротко охарактеризуем строительные комплексы, в которых отмечены новые признаки.

Первый из них — строительный комплекс X (рис. 1, X; 2). Как уже упоминалось выше, комплекс датируется второй половиной IV — первой третью III в. до н. э. В процессе функционирования он несколько раз перестраивался, относится к первому типу построек, характеризуется значительной заглубленностью пола относительно древней дневной поверхности (около 2,5 м), четырехугольным в плане котлованом площадью около 113 м, наличием стен каркасно-столбовой конструкции и т. д. Отмечено довольно четкое деление площади постройки узкой материковой перемычкой, по которой проходила турлучная стена (рис. 2, *2*), на две равные, возможно, изолированные части, причем каждая из половин в свою очередь была разделена на три примерно равные по площади помещения, расположенные зеркально относительно друг друга.

Юго-западная и часть северо-западной стены на заключительном этапе существования комплекса — в конце IV или самом начале III в. до н. э.— были перестроены: каркасно-столбовая конструкция, следы которой в виде конических ямок от столбов надежно фиксировались вдоль соответствующих бортов котлована, оказалась почти полностью заменена однородной сырцовой, сложенной из больших кирпичей на специально вырубленном материковом уступе высотой 0,6—0,85 м.

В средней части юго-западной стены зафиксирован разрыв в кладке длиной 3,1 м. Здесь была сохранена или создана заново какая-то конструкция из опорных столбов, возможно, поддерживавших лестницу, ведущую на дневную поверхность (рис. 2, *3*).

Размеры сырцовых кирпичей стен варьируют: длина в основном около 0,6, иногда до 0,7, ширина 0,35—0,5, толщина 0,09—0,12 м (рис. 2, *4*). Помимо полных кирпичей в кладке стен использованы и их части, составляющие 1/2 и 1/3 части от целых. Система кладки стен обычная — однорядная постелистая в один слой. Аналогичная схема кладки выявлена и в другом (XVI) строительном комплексе поселения; здесь преобладали кирпичи следующих размеров: 0,5×0,3×0,08—0,1 м.

Что касается более широких параллелей, обращает на себя внимание значительная близость основных размеров сырцовых кирпичей Елизаветовского городища и соответствующих параметров синхронных материалов некоторых греческих городов Северного Причерноморья [2, с. 14 сл.; 3, с. 44; 4, с. 124 сл.; 5, с. 56] и городов самой Греции [6, с. 99]. Как представляется, это сходство, определенная стандартность изготовления, да и сама система кладки кирпичей дают некоторые основания рассматривать факт появления здесь, на городище, сырцовых стен в строениях первого типа как результат определенного, скорее всего непосредственного воздействия античной культуры на строительное дело жителей Елизаветовского поселения[2]. Равным образом можно полагать, что это воздействие шло через посредство торговых контактов, на широкий и разнообразный характер которых уже не раз обращали внимание исследователи памятника [8, с. 213; 9, с. 181 сл.].

Допуская в принципе возможность такого рода воздействия, необходимо отметить, что использование нового, явно более прогрессивного и экономичного строительного материала, каковым, несомненно, в условиях Донской дельты являлся сырец, было, по-видимому, все же крайне ограниченно и не вело к сколько-нибудь заметному отступлению от традиционных конструктивно-планировочных схем самих строений.

[2] Напомним, что Б. Н. Граков также считал факт употребления сырцовых кирпичей при сооружении внутреннего оборонительного вала акрополя Каменского городища следствием влияния античной строительной техники [7, с. 49].

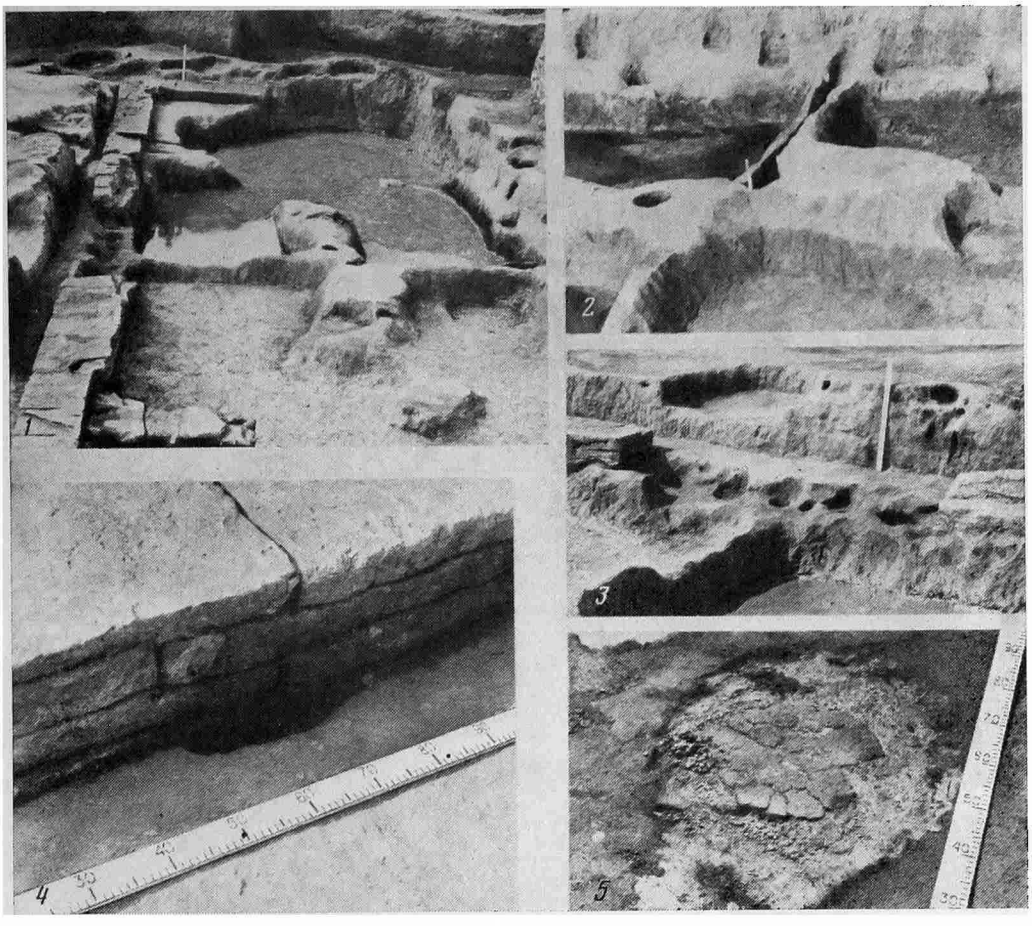


Рис. 2. Остатки строительного комплекса X. *1* — вид с юга; *2* — центральная перегородка; *3* — ямки от столбов в разрыве сырцовой стены; *4* — сырцовые кирпичи; *5* — очаг

Большая устойчивость традиций в местном домостроении, постепенность и, может быть, даже некоторая нерешительность замены привычных, апробированных десятилетиями конструкций и материалов другими, более совершенными особенно ярко и отчетливо выступает на примере строительного комплекса XVI (рис. 1, XVI; 3).

Последний, как и вышеописанное строение, представлял собой прямоугольное в плане, сильно заглубленное (до 2,0 м) в культурный слой и материк сооружение площадью около 70 м² и состоял, по всей видимости, из двух половин, разделенных в свою очередь турлучными перегородками на несколько относительно небольших помещений.

Внешняя северная и часть южной стены этого комплекса были возведены из грубо обколотых плоских камней известняка, сложенных на глиняном растворе в системе одно-, двух-, трехслойной постелистой кладки (рис. 3, *1*, *2*). Кладка сохранилась на высоту до 1,5 м. Центральный участок северной стены длиной до 1,0 м оказался выполненным из сырцовых кирпичей на высоту 7—8 рядов (рис. 3, *3*). Интересно отметить, что этот сырец в процессе возведения кладки был перекрыт несколькими рядами камней — прием, возможно, свидетельствующий о недостаточном знакомстве строителей со свойствами используемых ими материалов. Действительно примечательным в данном случае фактом, однако, является та роль, которая, очевидно, отводилась камню и сырцу в конструкции самих стен. Судя по наличию в них специальных вертикальных пазов для целого ряда (не менее семи) деревянных опорных столбов, поддерживавших кровлю строения, каменная и сырцовая кладки конструктивно выполняли функцию, которую во всех более ранних и большинстве синхронных построек поселения имели обычные камышовые плетни, обмазанные глиной.

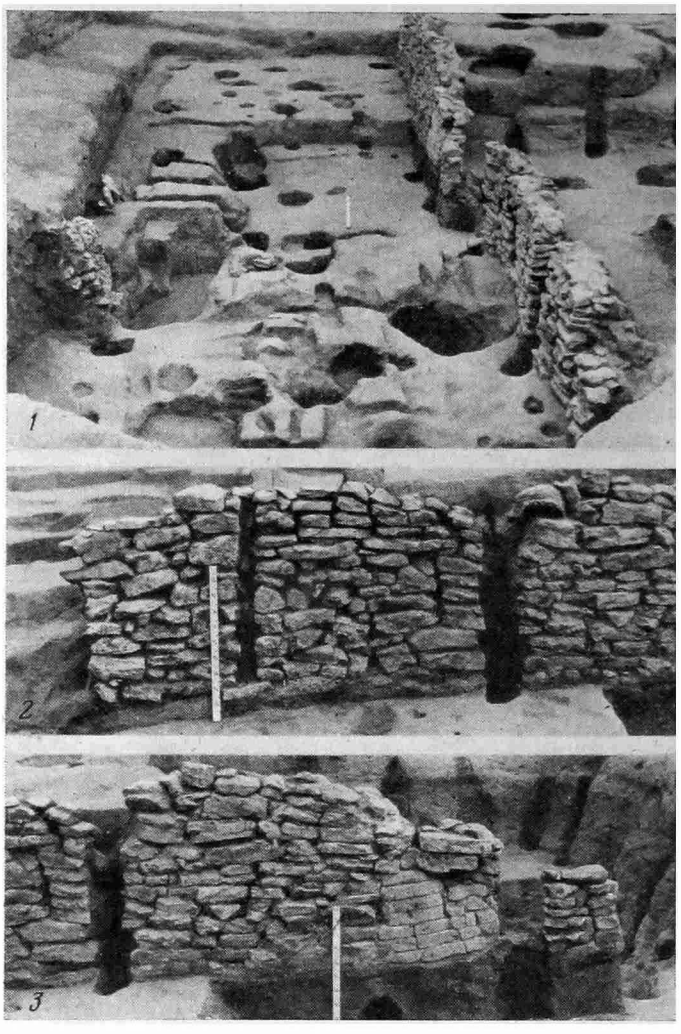


Рис. 3. Остатки строительного комплекса XVI. *1* — вид с востока; *2* — южный фас северной стены; *3* — сырцовые кирпичи в кладке северной стены

Замена камышовых плетней в местной каркасно-столбовой конструкции стен на камень или сырец, наметившаяся во второй половине IV в. до н. э., или, иными словами, попытка примирения традиционной схемы возведения стен с новыми материалами, отмечена, кроме того, и в строительном комплексе XIV, где у юго-восточного борта котлована сохранились остатки каменной кладки, в разрыве которой обнаружена коническая ямка от опорного столба каркаса (рис. 1, XIV).

Заканчивая характеристику вновь выявленных признаков строений первого типа Елизаветовского городища, упомянем также каменную лестницу у западного борта комплекса XIII (рис. 1, XIII; 4, *2*). Лестница, целиком сложенная из небольших уплощенных камней известняка, вела с материкового пола котлована на дневную поверхность; ее высота 1,6 м.

Что касается функций строений первого типа, то, как установлено, они были достаточно разнообразными — от жилого до чисто хозяйственного назначения [1, с. 207 сл.]. В этом отношении материалы новых комплексов X–XIV, XVI–XVIII почти ничего существенного не прибавляют к уже сделанным наблюдениям, и предложенные ранее общие принципы деления строений по функциям остаются непоколебленными. Впрочем, анализ находок из заполнений котлованов отдельных комплексов позволяет в некоторых случаях не только подтвердить, но и несколько расширить существующие представления.

Так, по всей видимости, на поселении в пределах «акрополя» наряду с прочими существовали и специальные производственные строения, на

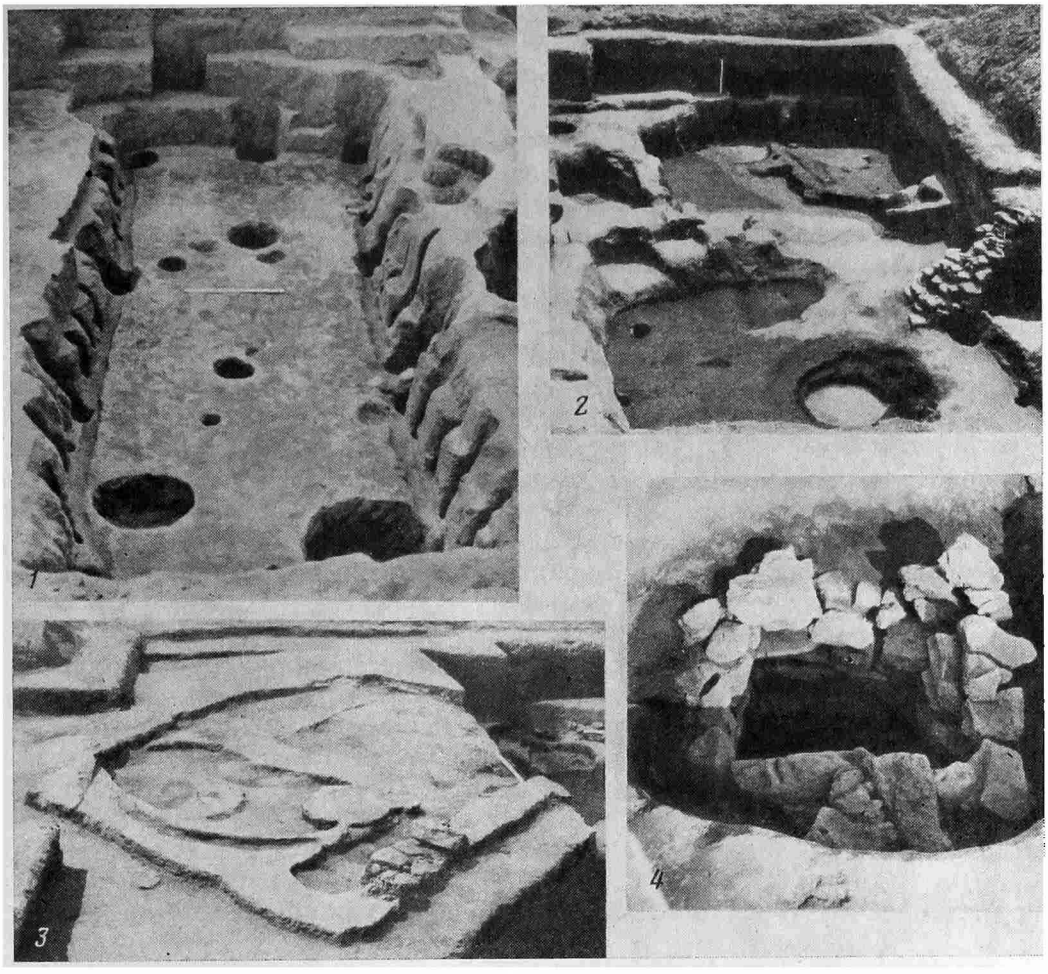


Рис. 4. *1* — строительный комплекс XVIII, вид с юга; *2* — строительный комплекс XIII, вид с севера; *3* — строительный комплекс XV, вид с востока; *4* — каменный колодец

что как будто указывают находки из заполнения строительного комплекса XVII, в состав которых входил целый набор остатков меднолитейного производства: обломки колосников и воздуходувные сопла печей, тигли, большое количество медных шлаков и т. д.

Еще раз подтвердился вывод о функционировании на поселении в IV в. до н. э. строений-складов, специально предназначенных для хранения значительных партий импортированного вина в амфорах, поскольку при вскрытии вышеупомянутого строительного комплекса XVII был обнаружен сброс 159 битых амфор второй четверти — середины IV в. до н. э. (подсчет амфор дан по ножкам) и 43 фрагментов с клеймами. Существенным в интерпретации этого сброса является присутствие в составе клейм целых серий одинаковых штемпелей, в том числе 5 гераклейских клейм магистрата Каллия (рис. 5, *2*), 18 одинаковых фасосских клейм Нюмфона и Левкона (рис. 5, *1*) и т. д. Особый интерес этого набора штемпелей состоит в том, что он практически полностью соответствует материалам склада амфор из «Дома виноторговца» — строительного комплекса VII [1, с. 213]. Заметим также, что один подобный сброс амфор этого времени зафиксирован при разборке заполнения комплекса XVIII (рис. 1, XVIII; 4, *1*), представлявшего собой однокамерную землянку с мощным столбовым каркасом стен. Весьма примечательно открытие здесь in situ на глипобитном полу и в хозяйственной яме комплекса целой серии специфичных предметов, среди которых упомянем свыше 100 синих и белых пастовых бус различной формы, 5 глазчатых бусин, 10 раковин «каури» и 32 обломка подвесок в виде бородатой головы из многоцветной стеклянной так называемой финикийской пасты (рис. 5, *3*). Наибольший интерес вызывает прекрасно сохра-

нившаяся гиря, представляющая собой в плане почти квадратную свинцовую плитку размерами 35×34,5×8 мм (рис. 5, *4*). Ее вес — 103,3 г. На обеих сторонах плитки имеются граффити: на одной — ΤΕΤΑΡΤ/Η/ — четверть, на другой — трудночитаемое буквенное обозначение (возможно цифровое). Нет никакого сомнения в том, что описываемый предмет принадлежит к гирям аттической весовой системы и соответствует четверти мины. Необходимо напомнить здесь же, что это уже третья по счету гиря такого рода, происходящая из раскопок строительных комплексов Елизаветовского городища [1, с. 210, рис. 6, *4*; 10, с. 68, рис. 1]. Находка гири-разновески наряду с бусами и подвесками позволяет предполагать в рассматриваемой землянке нечто вроде «лавки» торговца украшениями. Совсем не исключено также, что с деятельностью «лавки» в дальнейшем каким-то образом можно будет связать и уникальную для Северного Причерноморья амфору IV в. до н. э. так называемого пунийского типа (рис. 5, *5*), обнаруженную на этом же участке «акрополя» городища в заполнении котлована соседнего строительного комплекса XVI. Наличие вышеупомянутых подвесок из «финикийской» пасты и «пунийской» амфоры на поселении служит, по всей видимости, указанием на существование еще одного, ранее не фиксированного источника импорта товаров в дельту Дона.

Не исключена возможность существования на поселении во второй половине IV — первой трети III в. до н. э. каких-то строений или строения специально культового характера. На эту мысль наводит характер находок в одновременном сбросе хозяйственного мусора, выявленного в заполнении котлована строительного комплекса XVI. Здесь и в ближайшем окружении постройки было обнаружено несколько десятков человеческих черепов, сопровождаемых целой серией (не менее 25) миниатюрных красноглиняных блюдечек явно вотивного характера (рис. 5, *6*). Для того чтобы оценить значение этого материала, заметим, что в других районах городища подобного рода находки практически отсутствуют.

Остатки еще двух строительных комплексов новой серии (XV и XIX) не принадлежат к основному первому типу построек Елизаветовского городища. Один из них (XIX, рис. 1, XIX), небольшая землянка округлой формы площадью около 7 м² конструктивно вполне аналогична комплексу V [1, с. 217 сл., рис. 12], что позволяет ее вместе с последним относить к гораздо менее представительному второму типу строений городища. Следует отметить также, что помимо формы и небольших размеров эти комплексы от первого типа отличает и значительно бóльшая простота конструктивно-планировочных схем. И в первом, и во втором случаях в материковом полу вдоль бортов котлованов и в их центре было выявлено по несколько конических ямок от опорных столбов. Расположение ямок относительно друг друга дает некоторые основания предполагать для комплексов этого типа шатровую конструкцию перекрытия.

Особый интерес представляет последний комплекс новой серии — XV (рис. 1, XV; 4, *3*). Крайне плохая сохранность памятника весьма затрудняет его характеристику. Тем не менее можно утверждать, что это наземная постройка четырехугольной формы, ориентированная углами по странам света. Площадь постройки около 25,5 м². Характер внешних стен различен. Так, юго-восточная, две трети северо-восточной и часть северо-западной стены были возведены из самана (ширина стен 0,5—0,6 м, сохранившаяся высота — до 0,5 м). Небольшой участок северо-восточной стены оказался сложенным из камня. Тип кладки этого участка обычен. Характер четвертой, юго-западной стены строения точно не установлен. Есть основания, однако, полагать, что она была наиболее легкой и представляла собой простой камышовый плетень.

Внутренняя площадь строительного комплекса XV была расчленена на два примерно равные помещения. Судя по наличию в одном из них двух мощных подов печей и подходящей к одному из них абсидообразной канавки, заполненной чистой древесной золой, постройка вполне мог-

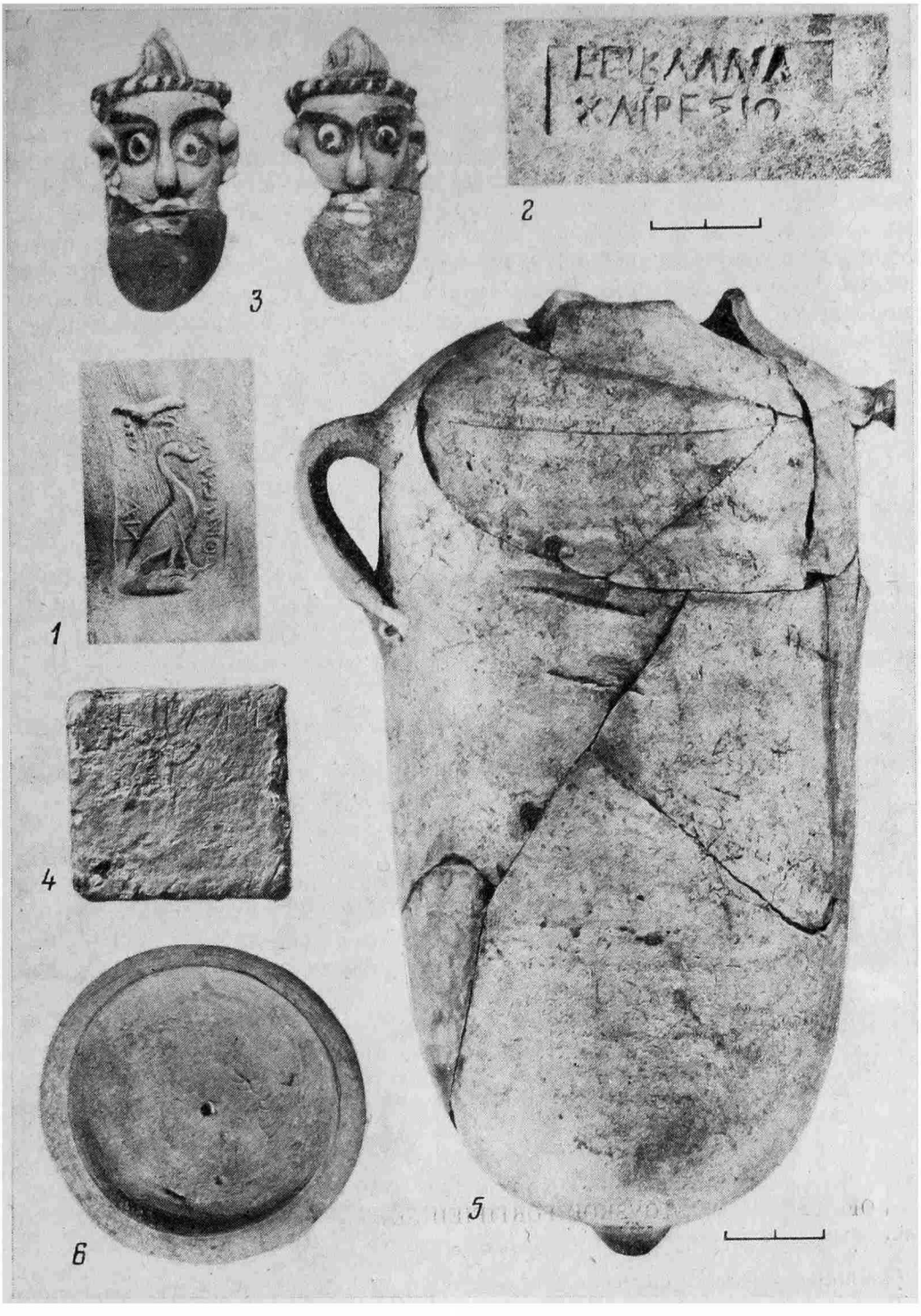


Рис. 5. Находки из строительных комплексов XVI и XVII. *1* — фасосское амфорное клеймо; *2* — гераклейское амфорное клеймо; *3* — подвески из «финикийской» пасты; *4* — свинцовая гиря; *5* — амфора «пунийского типа»; *6* — глиняное вотивное блюдечко; *1—4* — XVII строительный комплекс; *5*, *6* — XVI строительный комплекс

ла иметь хозяйственное или даже производственное назначение, что, впрочем, никак нельзя подтвердить соответствующими вещественными находками, поскольку последних in situ не оказалось.

Остатки еще одного строительного комплекса открыты в последнее время на территории «акрополя» городища. Это монументальный четырехугольный колодец, ствол которого, по-видимому, на всю глубину выложен специально уплощенными камнями известняка (рис. 4, *4*).

Интересен вопрос о возможности существования на поселении строений с черепичной крышей. Хорошо известно, что в процессе раскопок

центральной части памятника в слое постоянно встречается небольшое число обломков греческой кровельной черепицы. Крайне ограниченное количество такого рода материалов, отсутствие среди открытых строительных комплексов сооружений, несущие конструкции которых могли бы выдержать черепичную кровлю, в свое время заставило исследователей памятника выдвинуть гипотезу об ином использовании плоских черепиц, «например в качестве плит для очагов и т. п.» [1, с. 219]. Новые, также крайне малочисленные находки круглых синопских и граненых боспорских калиптеров, но, главное, редкой даже в материалах античных городов Северного Причерноморья, хорошо сохранившейся боспорской черепицы с кровельным окном [11, с. 77, рис. 3*а*] позволяют вновь вернуться к этому вопросу и предположить возможность существования на поселении нескольких, быть может всего одного-двух, зданий, имевших черепичную кровлю. Последние вполне могли принадлежать и к наиболее распространенному на поселении первому типу строений, в составе которого теперь появились такие, например, комплексы, как XVI, способные выдержать вес черепичной кровли. Однако ни это обстоятельство, ни даже отмеченное выше заметное расширение строительной базы жителей Елизаветовского поселения (использование новых строительных материалов) в конечном счете серьезно не повлияло на своеобразие местных типов построек, конструктивно-планировочные схемы которых, по всей видимости, без существенных изменений доживают до конца существования этого поселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону.— СА. 1978, № 2.
2. *Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.— МИА, 1957, № 56.
3. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы.— САИ, вып. Г1 — 20. М., 1966.
4. *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии. IV—II вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1971.
5. *Леви Е. И.* Ольвийская агора.— МИА, 1956, № 50.
6. *Кауфман С. А.* Вилла Доброй судьбы в Олинфе. (К вопросу о греческом доме классической эпохи).— В кн.: Вопросы всеобщей истории архитектуры. Сб. № 1. М.: Госстройиздат, 1961.
7. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
8. *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа.— СА, 1980, № 1.
9. *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г.— ИГАИМК, 1934, вып. 104.
10. *Брашинский И. Б.* Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону.— КСИА, 1976, вып. 145.
11. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.

V. G. Zhitnikov, K. K. Marchenko

NEW DATA ON THE CONSTRUCTION COMPLEXES OF THE ELIZAVETOVSKOE FORTIFIED SETTLEMENT ON THE DON

Summary

The author publishes materials of a new series (X-XIX, Fig. 1) of the construction complexes of the 4th-first third of the 3rd century B. C. found in the Elizavetovskoe fortified settlement on the Don. Most complexes (X-XIV and XVI-XVIII) are related to the basic, most often met with, type of constructions — relatively large (up to 100 sq. m. and larger), very deep (up to 2.5 m) rectangular ground huts. It is an established fact now that since the second half of the 4th century B. C. building stone, adobes and roofing tiles were used, probably not without Hellenic influences (Figs. 2, *1*, *4*; 3; 4, *2*, *3*). This had not resulted, however, in any noticeable transformation of the traditional construction schemes and lay-outs of the complexes.

An analysis of finds made in the newly discovered complexes (Fig. 5) has permitted the author to broaden the existing ideas on the functions of separate constructions. Thus, it can be tentively indicated that among dwelling and auxiliary complexes some of which were designed for storing large batches of wine in amphorae, there can be distinguished a «jeweller's shop» (Fig. 4, *1*) and constructions of purely cult and production purposes.

СЕДОВ А. В.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ АЙ-ХАНУМСКОГО ТИПА НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ АМУДАРЬИ

В последние годы в исследованиях по археологии Средней Азии большое внимание уделяется выявлению археологических комплексов [1, 2]. Как указал Ю. А. Заднепровский, в силу недостаточности исходного материала в это понятие входит, как правило, характеристика комплекса керамики, иногда в сочетании с некоторыми другими элементами.

Во многом благодаря раскопкам Французской миссией греческого города Ай-Ханум в устье р. Кокча (Северный Афганистан) [3, 4] [1], получено представление о собственно античной материальной культуре Бактрии. Именно на основе материалов этих раскопок, и в первую очередь при сопоставлении с керамическим комплексом Ай-Ханум [5, I, с. 121—188; II, табл. 113—143], мы можем теперь выделять синхронные памятники в правобережье р. Амударья. Комплексы с керамикой ай-ханумского типа здесь пока немногочисленны, различны по полноте исследования, «количеству и качеству» полученного материала.

Саксанохур. Раскопками открыты часть ремесленного квартала и крупный дворцово-храмовый комплекс. Дата сооружения последнего (II в. до н. э.) основана на стилистическом сопоставлении деталей каменной архитектуры (капители, базы колонн, пилястров) [2]. Здание продолжало существовать и позднее — в эпоху расцвета и упадка кушанского царства. Между слоем кушанского времени и предшествовавшим (временем сооружения?) фиксируется период запустения (стерильная прослойка) [7, с. 160—177; 8, с. 28—35]. Керамический комплекс нижнего периода фактически не выделен, однако среди коллекции кушанской керамики из ремесленного квартала встречаются единичные фрагменты светлоглиняных плоских тарелочек с клювовидным венчиком на кольцевом поддоне (см. ниже характеристику керамики).

Тахти-Сангин (Каменное городище). Раскопками последних лет открыто монументальное здание, видимо культового назначения, ядром которого являлся большой квадратный зал, окруженный обводным коридором. Судя по архитектуре, нумизматическому материалу и составу иных находок, его возведение может быть отнесено к последним векам до нашей эры. Здание продолжало функционировать и позже, в кушанское время (клады и отдельные находки монет Вимы Кадфиза, «сотера мегаса», Канишки, Хувишки). Комплекс керамики, который можно было бы соотнести с нижним периодом здания, пока не выделен [9, с. 571—572; 10, с. 560—561; 11, с. 582—583; 12, с. 476—477; 13, с. 88—90; 14; 15].

Тамошотепа. Поселение, окруженное крепостным валом высотой около 3 м, в плане представляет собой квадрат со сторонами 400 м. Внутренний рельеф сглаженный, в юго-западном углу квадратный бугор высотой около 5 м, предположительно определенный как цитадель. Раскопками вскрыты два основных строительных периода. Для верхнего характерны наземные постройки с пахсовыми стенами, иногда имеющими в основании каменную кладку, и утрамбованные площадки, напоминающие дворовые части домов. Для нижнего периода характерны крупные

---

[1] Кроме того, см. ежегодные отчеты П. Бернара в CRAIBL и «Bulletin de l'Ecole Française».

[2] О сомнениях в столь ранней дате см. [6, с. 313].

прямоугольные либо квадратные ямы-жилища, заглубленные в материковый слой. Иногда стенки этих ям надстраивались небольшими блоками пахсы различной величины и формы. Ямы-жилища (полуземлянки?), как правило, изолированы (изредка объединены в ячейки по две), лишены входов. Под полами жилых комплексов (как первого, так и второго периодов) вскрыты погребения в неглубоких овальных или прямоугольных ямах либо в катакомбах. Инвентарь отсутствует, лишь в одном случае (погребение под полом ямы-жилища нижнего периода) имеется часть сосуда с покрытием светло-красным ангобом. По стратиграфическим наблюдениям, погребения одновременны поселению [3].

Дальверзинтепе. Ранние слои (так называемый горизонт ДТ-1) зафиксированы почти на всех раскопах. В стратиграфическом шурфе цитадели (Дц-1) к ним относится первоначальная оборонительная стена и часть помещения шириной 2,8 м, с пахсовыми стенами толщиной 50—60 см. В разрезах укреплений нижнего города (ДТ-3 и ДТ-4) под пахсовым цоколем внешней оборонительной стены выявлен небольшой по толщине (35—50 см) культурный слой с керамикой и зольными прослойками. На территории самого городища к этому стратиграфическому горизонту относятся мусорные ямы, скопления хозяйственных отбросов (шурф на объекте ДТ-2), остатки построек: в шурфе на объекте ДТ-6 — основание пахсовой стены; под полом помещения 2 объекта ДТ-7 — овальная яма-жилище со ступенчатым спуском (ср. с «полуземлянками» Тамошотепа). Почти во всех случаях слои перекрыты стерильными прослойками натечного характера [22, с. 13, 23—27, 50—51, 65—70, 75, 83, 176—177].

Халчаян. Слой III—I и, возможно, связанный с ним слой III—II, выявленные в небольшом по площади шурфе в айване дворцового здания. Коллекция керамики очень немногочисленная и маловыразительная [23, с. 30—36], поэтому отнесение этих слоев к комплексам ай-ханумского типа несколько условно.

Старый Термез. Соответствующие слои вскрыты в шурфе на цитадели. Это два самых нижних слоя мощностью около 1 м, не содержавшие архитектурных остатков, и подземная камера со ступенчатым спуском, вырубленная в материке. На дне последней слой мощностью 0,7 м с характерной керамикой, отделенный от вышележащего (кушанского) стерильной натечной прослойкой [24, с. 30—31].

Калаи-Кафирниган. В нижней части стратиграфического шурфа на объекте VII выявлены остатки какой-то постройки, возведенной непосредственно на материке. В пределы шурфа попал угол помещения с оштукатуренными стенами из пахсы. В гумусном заполнении помещения встречаются фрагменты сырцового кирпича со стороной 50 см. Из этого слоя (XVII—XVIII ярусы) получен характерный комплекс керамики (см. ниже). При разрезе южной оборонительной стены городища выяснено, что первоначальная стена, покоящаяся на материке, сооружена из крупноформатного квадратного сырцового кирпича (50×50×12-14 см) [4]. У подножия внешнего фаса собрана немногочисленная коллекция керамики, предположительно соотносимая с первоначальной стеной [5].

Все перечисленные памятники дают однородный комплекс керамики, достаточно резко отличающийся как от предыдущего, древнебактрийского, так и последующего, кушанского [6]. В публикациях приведены доста-

[3] Описание памятника и предварительные результаты раскопочных работ на нем см. [16, с. 70—78; 17, с. 249—255; 18, с. 39—41; 19, с. 35—38; 20, с. 29; 21, с. 123—133].

[4] Подобный формат кирпича, видимо, является характерным для комплексов ай-ханумского типа.

[5] Материалы раскопок ЮТАЭ в 1976 и 1980 гг. О городище и работах на нем см. [25, с. 566—567; 26, с. 566—567; 27, с. 558—559; 28, с. 65—70].

[6] Сейчас, на наш взгляд, в правобережье Амударьи может быть выделено несколько последовательных крупных археологических комплексов, достаточно четко различающихся по набору керамики: 1) древнебактрийский (типа нижнего слоя Калаи-мир, Кызыл-тепе, Кучук-тепе, «Нижнего Болдая» и др.; примерные хронологические рамки — VI—IV вв. до н. э.); 2) греко-бактрийский (комплексы ай-ха-

точно подробные описания керамических коллекций [16, с. 75—78; 17, с. 256—258; 18, с. 42—47; 19, с. 38—43; 22, с. 144—146; 23, с. 30—33; 24, с. 30—32; 30, с. 119—124], поэтому мы остановимся лишь на краткой характеристике основных форм столовой и тарной посуды, а также затронем вопросы хронологии.

Наиболее распространенным типом столовой посуды в комплексах ай-ханумского типа являются *тарелочки* с прямыми отлогими стенками, обычно на сплошном дисковидном поддоне[7]. Изредка встречается кольцевой поддон или плоское дно. Закраины различной формы: преобладает клювовидный или Г-образный в сечении венчик, встречается скругленный, незначительно отогнутый. Часто внутри по дну сосуда идет кольцевой желобок, иногда вокруг него — четыре расположенных крестом штампа-пальметты. Сосуды обычно светлоглиняные, реже красноглиняные, с покрытием светлым ангобом. Имеется количественно небольшая группа сероглиняных тарелочек с покрытием серым или черным ангобом. На зеркале довольно часто отмечается наличие вертикального или горизонтального полосчатого лощения, как исключение — сплошное лощение. Черепок тонкий, плотный, хорошей отмучки и обжига. Диаметр сосудов 16—20, высота 3,5—5,0 см (рис. 1, *1—6*).

Второй тип столовой посуды — близкие по размерам, но несколько более высокие *чаши* (или *фиалы*) с плавно изогнутыми стенками и вертикальной либо (чаще) загнутой внутрь закраиной[8]. Венчик скругленный, утолщенный либо плоский, оттянутый наружу. Дно либо плоское, либо имеется дисковидный поддон (рис. 1, *7—13*, *15*).

Третий тип — более крупные и толстостенные *миски* с S-образным профилем стенок (рис. 1, *14*).

Не менее распространенной формой, чем тарелочки, являются *кубки* с овальным либо цилиндроконическим профилем резервуара[9]. Место перегиба часто отмечено снаружи желобком, валиком или уступом. Дно сосуда обычно плоское, изредка встречается сплошной дисковидный поддон. Черепок красного цвета, с двусторонним покрытием красноватым, либо (реже) светло-желтым ангобом. Верхний диаметр и высота сосудов в пределах 12—20 см (их соотношение обычно равно 1 : 1) (рис. 1, *16—22*).

Еще один тип столовой посуды — светло- либо красноангобированные *круглодонные чаши* с довольно резким прогибом стенок в верхней части и сильно отогнутым приостренным венчиком[10] (рис. 1, *23*).

Как вариант формы можно рассматривать более глубокие *плоскодонные чаши* с прогибом стенок в верхней части и острым ребром на внешней поверхности[11] (рис. 1, *24—25*).

Из типов тарной посуды обратим внимание на количественно немногочисленную группу одноручных кувшинов[12]. Горловина невысокая, слабо вогнутая, тулово шаровидной (редко грушевидной) формы, дно плоское (либо имеется слегка рельефный поддон). Венчик отогнут наружу, обычно подтреугольный в сечении. Ручка крепится к венчику и на плечики сосуда. Черепок в изломе красноватого или светло-желтого цвета, с покрытием светлым или сероватым ангобом (рис. 1, *26—28*). Известны аналогичной формы, но с более низкой горловиной *кувшины без ручек* (рис. *1*, *29—30*).

В тарной керамике комплексов ай-ханумского типа имеются крупные сосуды (*хумы* и *хумчи*) со скругленным манжетовидным венчиком, име-

нумского типа; III—I вв. до н. э.); 3) кушанский с разделением на «ранний» и «поздний» (Дальверзинтепе, Зар-тепе, Яванское городище, Кей-Кобад-шах, Тепаншах, Тулхар, Туп-хона и др.; I — начало IV в. н. э.); 4) кушано-сасанидский (верхний слой Ак-кургана, «Верхний Яван», верхний слой Зар-тепе, Ак-тепе II и др.; середина IV—V, возможно начало VI в. н. э.). Во многом аналогичную схему, но для более длительного промежутка времени французские исследователи предлагают для Восточной Бактрии [29, с. 99—154].

[7] Типы BR-O1 и H-01 в комплексе керамики Ай-Ханум.

[8] Типы BR-02 и H-02 в комплексе керамики Ай-Ханум.

[9] Типы BR-03 и H-03 в комплексе керамики Ай-Ханум.

[10] Тип BR-03-5 в комплексе керамики Ай-Ханум.

[11] Тип BR-03-3 в комплексе керамики Ай-Ханум.

[12] Типы BR-F3-1; F4 в комплексе керамики Ай-Ханум.

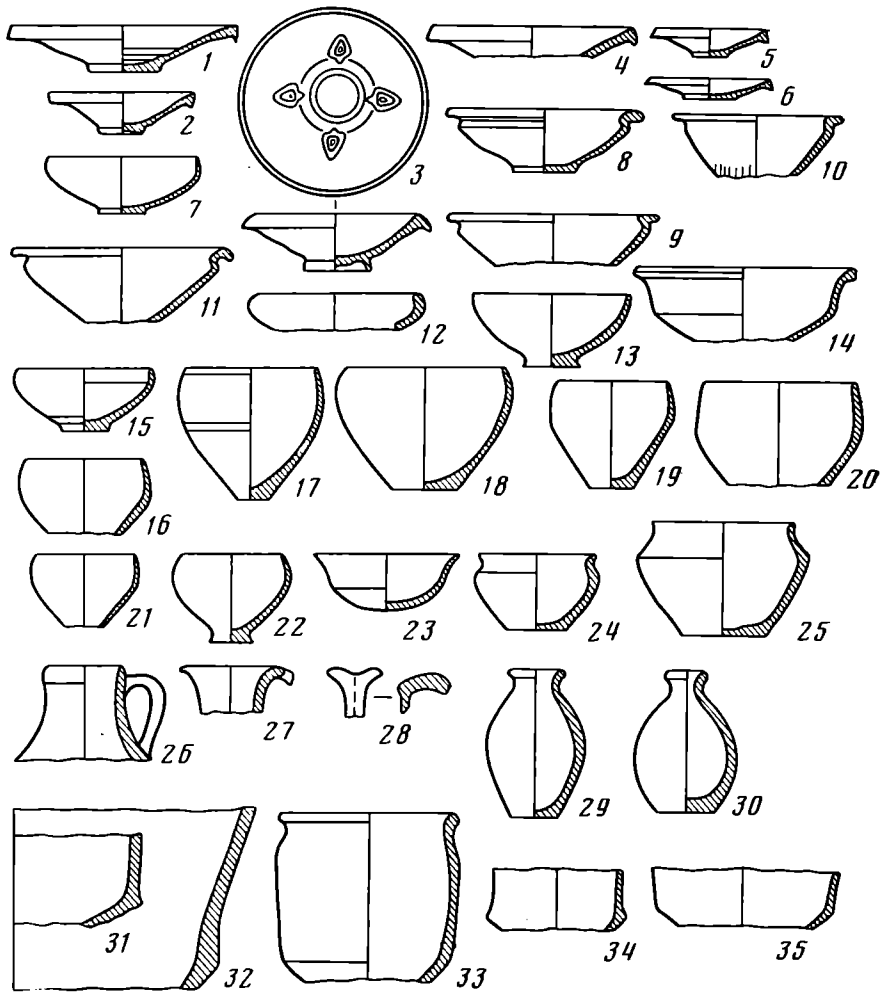


Рис. 1. Основные формы керамики комплексов ай-ханумского типа. *1—6* — тарелочки; *7—13*, *15* — чаши (фиалы); *14* — миски; *16—22* — кубки; *23* — круглодонные чаши; *24*, *25* — глубокие чаши; *26—30* — кувшины; *31—35* — цилиндроконические сосуды. *1*, *2*, *7—9*, *16—18*, *26*, *29*, *31*, *32* — Дальверзинтепе (по Г. А. Пугаченковой); *3*, *4*, *10—15*, *19*, *20—25*, *27*, *28*, *30*, *33—35* — Тамошотепа (по А. Абдуллаеву, М. А. Бубновой, Л. Т. Пьянковой); *5*, *6* — цитадель Старого Термеза (по В. А. Козловскому и Е. Г. Некрасовой)

ющие в нижней трети сосуда резкий скос, часто отмеченный снаружи острым ребром (так называемые «цилиндроконические сосуды»)[13] (рис. 1, *31—35*). Данная форма является одной из двух (вторая — кубки), которую можно генетически связывать с типами керамики предшествующего, древнебактрийского комплекса.

Основной характерной чертой керамики комплексов ай-ханумского типа к северу от Амударьи является ее необычайная близость, практически тождественность, керамике греческого города Ай-Ханум. Фиксирующиеся различия касаются в основном некоторых деталей формы сосудов (редкая встречаемость кольцевого поддона), возможно, особенностей технологии или «керамической моды» (меньшее количество серо-черной керамики, сравнительная «бедность» ассортимента столовой посуды) [22, с. 145]. В комплексе керамики Тамошотепа большой процент составляет лепная кухонная керамика и тарная посуда. Последняя категория явственно преобладает и среди круговой посуды. Эти отличия, видимо, находят вполне удовлетворительное объяснение в различном социальном статусе поселений («провинциальность» керамики): большинство поселений к северу от Амударьи — мелкие поселки с ямами-жилищами; Ай-Ханум — крупный греческий город[14].

[13] Тип H-f4 в комплексе керамики Ай-Ханум.

[14] Аналогичный вывод для Дальверзинтепе см. [22, с. 145].

Гораздо важнее отмеченное сходство комплексов керамики. Для Ай-Ханум практически все формы (за исключением фляг, кубков и количественно немногочисленных сосудов с подкосом) определяются как типично греческие, сходные с керамикой эллинистических поселений Греции, Малой Азии и Ближнего Востока [3, с. 604—639; 31, с. 87]. То обстоятельство, что совершенно аналогичная керамика имеется на поселениях, явно не входивших в число греческих колоний, свидетельствует о сильнейшем культурном воздействии, которое оказывали греческие центры Бактрии на местное население. Это воздействие было, видимо, настолько глубоким, что вторглось даже в такую традиционную область ремесла, каким является гончарство [15].

При датировке слоев поселений и городищ, содержащих керамику ай-ханумского типа, учитывают, как правило, два момента: 1) дату Ай-Ханум; 2) нашествие на Бактрию кочевников в последней трети II в. до н. э. (так называемый «штурм Греко-Бактрии») [16]. На основании этого определяется дата — III — конец II в. до н. э.

Если нижний предел датировки сомнений как будто бы не вызывает [17], то этого нельзя сказать о верхнем. По П. Бернару, возникновение города Ай-Ханум относится либо к концу IV в., либо к началу III в. до н. э. Последний, четвертый период жизни на городище распадается на три фазы: 1) вторая половина II в. до н. э. (последняя крупная перестройка административного квартала — около 150 г. до н. э.); 2) пожар около 100 г. до н. э. (гибель собственно греческого города); 3) «позднее заселение» (до 50 г. до н. э.). Последняя фаза характеризуется утратой зданиями административного квартала и культовыми сооружениями (геройон Кинея, «храм с уступами») своего первоначального назначения, превращением их в жилые дома, хозяйственные помещения, хранилища, каменоломни. На этом основании делается вывод о негреческом характере «позднего заселения» (смена населения в городе, своего рода «варварская оккупация») [4, с. 104 (синхронистическая таблица), 109—111; 6, с. 301—310; 41, с. 429—430] [18].

Четвертому периоду Ай-Ханум соответствует комплекс керамики, мало чем отличающийся от предыдущего [19]. Типы остаются без изменений, происходит лишь некоторое ухудшение качества выделки, деградация одних (например, сероглиняных чаш типа 02-d1), изменение деталей формы других (например, появляются кратеры с отогнутыми венчиками) [41, с. 450].

Таким образом, хронологические рамки существования города Ай-Ханум — III в. (конец IV в.) — середина I в. до н. э. В этих же пределах, а видимо и более широко (до конца I в. до н. э.), необходимо

---

[15] Ср. резкое отличие керамики комплексов ай-ханумского типа от предшествующей, древнебактрийской [32, с. 279—280; 33, с. 80—100; 34, с. 51; 35, с. 43—51; 36, с. 32—42; 37, с. 19—24; 38, с. 24—30]. О сильном влиянии греческой цивилизации на культуру и искусство Бактрии см., например, доклады В. М. Массона, Г. А. Пугаченковой, Б. Я. Ставиского, Б. А. Тургунова, И. Р. Пичикяна и др. на Всесоюзном симпозиуме по проблемам эллинистической культуры на Востоке, состоявшемся в мае 1980 г. в Ереване [39].

[16] См., например, [22, с. 146, 177]. В данном случае мы имеем типичный пример так называемой «даты по письменным источникам» [40, с. 97—98].

[17] Необходимо обязательно учитывать отмеченное выше резкое отличие древнебактрийского комплекса от керамики комплексов ай-ханумского типа. Объясняемое, видимо, «внешними» причинами (греко-македонское нашествие и как результат нарушение традиций), оно может свидетельствовать и о каком-то временно́м «разрыве» между комплексами.

[18] В последнее время на основании интерпретации некоторых эпиграфических находок гибель собственно греческого города отнесена П. Бернаром ко времени около 150 г. до н. э. [42, с. 24—27]. Продолжительность периода «позднего заселения» вследствие этого увеличивается до 100 лет. Этому как будто бы не противоречат как стратиграфические данные (в ряде зданий фиксируется два периода «позднего заселения» [43, с. 44—45], аналогичные слои выявлены в шурфах на юго-восточной цитадели (слой G-VIII) [42, с. 65—67]), так и нумизматические находки (монеты Аполлодота и Гермея в слоях «позднего заселения» [31, с. 94; 42, с. 36—37]).

[19] Напомним, что общая типология керамики Ай-Ханум была выработана именно на основе керамики времени «позднего заселения» [6, с. 347].

датировать и слои памятников либо сами памятники, содержащие керамику ай-ханумского типа, на правобережье Амударьи.

Мы вслед за П. Бернаром полагаем, что вряд ли традиционная дата гибели Греко-Бактрийского царства — между 140—130 гг. до н. э.— должна рассматриваться как некий фатальный рубеж, после которого жизнь на поселениях и городищах прекратилась [31, с. 93—94]. Видимо, нет ничего удивительного в том, что отдельные центры эллинистической городской цивилизации (не говоря уже о рядовых поселениях вне этих центров) могли довольно благополучно пережить «смутное время» крушения централизованной власти и кочевнического завоевания [20]. Пример тому — продолжение функционирования комплексов Саксанохура и Тахти-Сангин (Каменное городище) в кушанское время [21].

Выделение комплексов с керамикой ай-ханумского типа на правобережье Амударьи и их датировка (III—I вв. до н. э.) побуждают к изменению хронологических определений слоев ряда кушанских городищ (например Дальверзинтепе), к кардинальному пересмотру даты таких памятников, как Тулхарский могильник, могильник Туп-хона. В этой связи небезынтересно попытаться заново наметить некоторые основные моменты эволюции такой распространенной формы кушанской керамики, как бокалы (кубки на ножке; рис. 2). Одно время появление этой формы в керамике правобережной Бактрии относили к III в. до н. э. [25, с. 33], однако ее отсутствие в коллекциях керамики как собственно Ай-Ханум, так и в комплексах ай-ханумского типа уже заставило отказаться от этой точки зрения [2, с. 10—11] [22].

В археологической литературе неоднократно отмечалось, что бокалы скорее всего являются тем видом керамики, «который с течением времени подвергся наиболее отчетливо прослеживающимся изменениям (в смысле особенностей формы и пропорций)» [45, с. 145]. Основное направление этих изменений было замечено уже довольно давно. Еще М. М. Дьяконов считал, что более ранние бокалы — это сосуды хорошего качества, с лощением, на устойчивой фигурной ножке. Относительно более поздние формы — худшего качества, более вытянутых пропорций, с более или менее резким переходом от тулова к неустойчивой ножке [46, с. 165; 32, с. 285]. На ту же последовательность изменений формы сосудов — от более приземистых к вытянутым — указывали и другие исследователи [47, с. 86; 48, с. 110—111, 121—122].

Наиболее детально эволюцию бокалов (с абсолютными датировками типов) по материалам из Кобадианского оазиса и могильника Туп-хона (раскопки М. М. Дьяконова) попытался проследить А. М. Мандельштам. По форме резервуара им выделены четыре основных типа: «цилиндроконические», «выпуклоконические», «колоколовидные» и «рюмкообразные» [45, с. 92—95]. Последовательность смены типов следующая. Наиболее ранними являются «цилиндроконические» и «выпуклоконические» [23], которые бытуют ранее «рюмкообразных» (до середины I в. до н. э.) и с ними вместе не встречаются. «Колоколовидные» бокалы имели распространение одновременно с «цилиндроконическими», но период их бытования заканчивается несколько позже (ранее I в. н. э.— находки этого

---

[20] Ср. описание страны Дахя уже после ее завоевания кочевниками у Чжан Цяня (первый этап истории юэчжи, по Е. А. Давидович): «У них нет больших царей или правителей, но всюду в своих укрепленных стенами городах они возвели маленьких правителей» (перевод Е. Цюрхера, цит. по [44, с. 59]). См., кроме того, многочисленный «послеэвкратидовский» греко-бактрийский чекан.

[21] Не являются ли соответствующие части комплексов этих памятников (вместе с великолепными находками некрополя Тилля-Тепе) недостающим звеном между греко-бактрийским и кушанским («греко-иранским», по терминологии Д. Шлюмберже) искусством?

[22] Сейчас Г. А. Пугаченкова считает I в. до н. э. временем появления данной формы [22, с. 112].

[23] Последние, по заключению А. М. Мандельштама, возможно, являются локальным вариантом для Кобадиана. Однако наличие этого типа бокалов в Бабашовском могильнике, Туп-хоне (раскопки Б. А. Литвинского), а также, возможно, в Халчаяне [23, рис. 16, 17, 20] и Дальверзинтепе [22, рис. 42, 76] снимает это предположение.

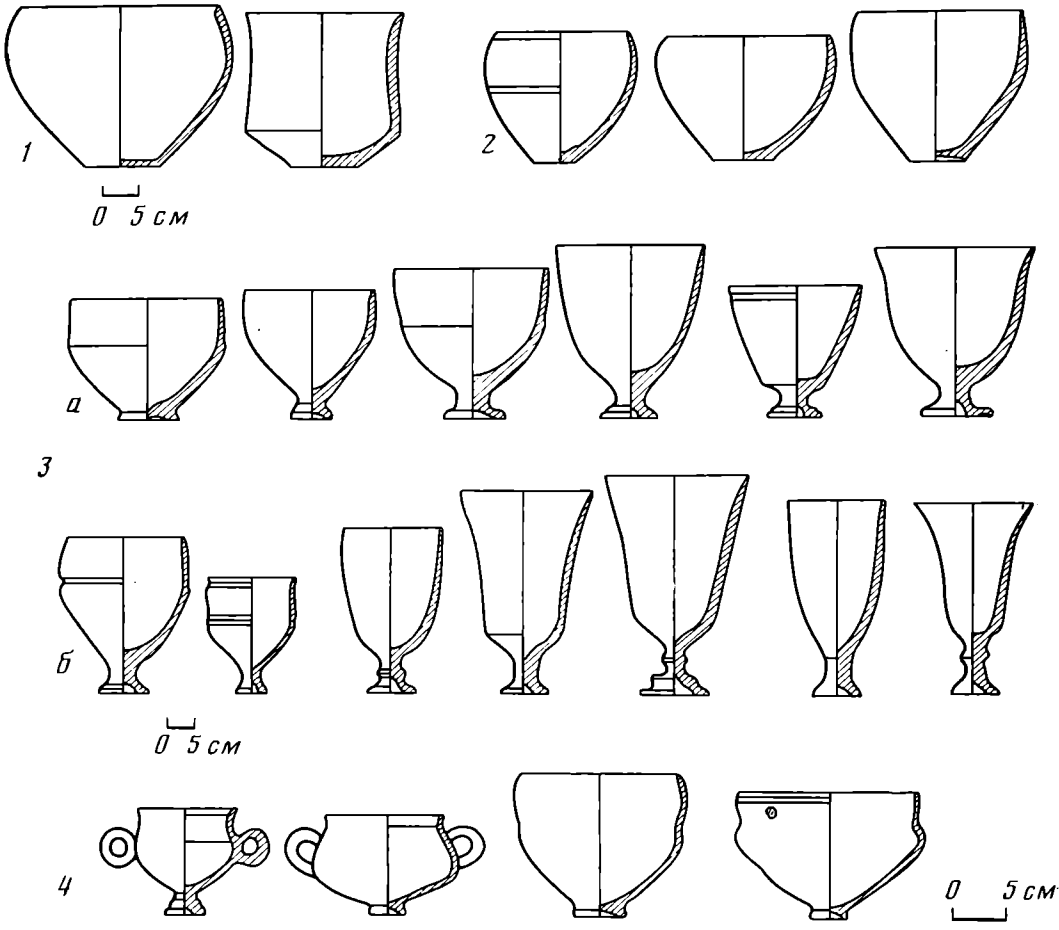


Рис. 2. Развитие формы бокала. *1* — древнебактрийский комплекс (Калаи-мир, Кызил-тепе); *2* — греко-бактрийский комплекс (Дальверзинтепе, Тамошотепа); *3* — кушанский комплекс: *а* — ранний (Тулхар), *б* — поздний (Дальверзинтепе, Туп-хона); *4* — кушано-сасанидский комплекс (Яванское городище)

типа бокалов в Туп-хоне в погребениях с подражаниями оболам Эвкратида). В заключительной фазе они по форме сближаются с «рюмкообразными». Последние характеризуются вытянутыми пропорциями, вогнутым профилем тулова, профилированной ножкой и господствуют в первых веках нашей эры. Судя по Туп-хоне (погребения с оболами), они появляются в середине I в. до н. э. [45, с. 156—157]. Легко заметить, что основная тенденция — удлинение пропорций и усложнение профилировки резервуара и ножки — сохранена и в этой схеме.

Ранее мы уже указывали на необходимость дополнения и частичного исправления типологии А. М. Мандельштама (выделение «рюмкообразного» типа по иным критериям, добавление «вытянуто-колоколовидного» варианта), пересмотра абсолютных дат смены типов [49, с. 211—213; 50]. Как нам кажется, археологический материал сейчас позволяет наметить основные моменты генезиса и эволюции этой широко распространенной формы столовой посуды кушанского времени следующим образом.

По материалам раскопок древнебактрийских поселений (Калаи-мир, Кызыл-тепе, Болдай-тепе и др.) известен тип небольших тонкостенных выпуклоконических или цилиндроконических сосудов с плоским дном, иногда с прогибом стенок в верхней, цилиндрической части. Последняя, как правило, по высоте превышает нижнюю, коническую часть [32, рис. 18; 35, рис. 13] (рис. 2, *1*). В комплексах с керамикой ай-ханумского типа имеется форма, являющаяся, видимо, развитием предыдущей: глубокие выпуклоконические или цилиндроконические кубки с плоскосрезанным дном, на кольцевом (редко) или дисковидном поддоне (рис. 1,

16—22, рис. 2, *2*). Переход от цилиндрической части к конической сглаженный, отмечен желобками либо выражен острым ребром. Соотношение высоты и диаметра сосуда составляет примерно 1 : 1.

Комплексы раннекушанского времени (типа ДТ-II) получают, таким образом, почти готовую форму (так называемый «цилиндроконический» тип бокалов, рис. 2, *3а*). Происходит лишь некоторое удлинение пропорций, появляется сначала усеченно-коническая ножка [45, табл. XX, *12*; XXI, *2*, *3*, *8*, *9*, *16*, *17*; 22, рис. 101, *1*, *2*], а затем и полая с дисковидным основанием и ярко выраженным стеблем [45, табл. XX, *1*, *6*; XXI, 7, *11—15*; *22*, рис. 76, 101, *3*]. Видимо, примерно одновременно, где-то около рубежа нашей эры, происходит формирование и других типов: «колоколовидных», «рюмкообразных» и пр.[24] Дальнейшая эволюция идет по пути удлинения и усложнения профилировки резервуара и ножки (появление «вытянутых» вариантов), улучшения качества отделки наружной поверхности[25]. Это развитие формы бокала приходится целиком на кушанское время (рис. 2, 3*а*, *б*).

В комплексах кушано-сасанидского времени бокалы практически исчезают. Их, видимо, «заменяют» тонкостенные цилиндроконические чаши с характерным перегибом стенок тулова («перехватом») в месте перехода к конической части на небольших поддонах (Зар-Тепе, Чакалак-тепе, Ак-курган, Ак-тепе II) [22, рис. 64, 110, 111; 52, рис. 34; 53, табл. IX] и биконические кубки-чаши, часто снабженные двумя ручками (Яванское городище) [54, табл. 47, *2—10*]. Естественно, эволюция бокалов не была «автономной». Почти наверняка имелось влияние как других категорий керамики (см., например, ножки кратеров [4, II, табл. 118, *h—i*; 134, *77*, *78*]), так и металлической посуды[26]. Нельзя исключить и прямое воздействие импортных образцов керамики[27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент, 1979.
2. *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология. (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг.).— В кн.: Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.: Наука, 1976.
3. *Schlumberger D., Bernard P.* Aï Khanoum.— BCH, 1965, t. 89.
4. Fouilles d'Aï Khanoum, I—II.— MDAFA, 1973, t. XXI.
5. *Gardin J.-Cl.* Les Ceramique.— In: Fouilles d'Aï-Khanoum,, I—II.— MDAFA, 1973, t. XXI.
6. *Bernard P.* Campagne de fouilles 1969 a Aï-Khanoum en Afghanisten.— CRAIBL, 1970.
7. *Литвинский Б. А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан).— СА, 1969, № 2.
8. *Мухитдинов Х. Ю.* Гончарный квартал Саксанохура.— ИООН АН ТаджССР, 1968, вып. 3.
9. *Пичикян И. Р., Войтов В. Е., Дубровин А. Ф., Арабов С. Ф., Колпаков А. А.* Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище.— АО — 1976. М., 1977.
10. *Пичикян И. Р., Дубровин А. Ф., Сарабьянов В. Д.* Открытие ботроса на Каменном городище.— АО — 1977. М., 1978.
11. *Пичикян И. Р.* Фависса центрального здания Каменного городища.— АО — 1978. М., 1979.
12. *Пичикян И. Р.* Раскопки на Каменном городище.— АО — 1979. М., 1980.

[24] Все эти типы бокалов имеются в комплексе керамики IV строительного периода поселения Чим-курган (раскопки Шахринауского отряда ЮТАЭ в 1977—1978 гг., начальник — Е. В. Зеймаль), в комплексе «свалки» первых веков нашей эры на поселении Курганча [51 с. 143].

[25] «Вытягивание» пропорций (в пределах одного типа) отчетливо прослеживается при сопоставлении материалов последовательных керамических комплексов из многослойных памятников (например, из IV и III строительных периодов поселения Чим-курган). С любезного разрешения Е. В. Зеймаля мы ознакомились с его неопубликованными материалами.

[26] Ср. металлические бокалы в Таксиле [55, с. 590, табл. 174, 272; с. 612, табл. 187, *5а*] и почти точные их копии в керамике [55, с. 417, табл. 124, *90*; с. 431, табл. 127, *220*].

[27] Попытку выявления связи согдийской керамики с греческими образцами см. [56, с. 60—78].

13. *Пичикян И. Р.* Культовый комплекс на Каменном городище.— В кн.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент, 1979.
14. *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Эроты кушанской Бактрии.— ВДИ, 1979, № 2.
15. *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Новые открытия в Южном Таджикистане.— ВАН, 1980, № 7.
16. *Юсупов А. Х., Соловьев В. С.* Новые археологические открытия в Яванской долине.— АРТ. Вып. X (1970 г.). М., 1973.
17. *Абдуллаев А., Бубнова М. А., Пьянкова Л. Т.* Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г.— АРТ, Вып. XI (1971 г.). Душанбе, 1975.
18. *Абдуллаев А.* Отчет о раскопках Томошотепа в 1972 г.— АРТ. Вып. XII (1972 г.). Душанбе, 1976.
19. *Абдуллаев А.* Отчет о раскопках Тамошотепа в 1973 г.— АРТ. Вып. XIII (1973 г.). Душанбе, 1977.
20. *Абдуллаев А.* Солярный знак из Тамошотепа и его аналогии.— В кн.: Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе, 1977.
21. *Абдуллаев А.* Раскопки Тамошотепа в 1974 г.— АРТ. Вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979.
22. *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
23. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966.
24. *Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза.— В кн.: Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.: Наука, 1976.
25. *Литвинский Б. А.* Токкуз-кала.— АО — 1975, М., 1976.
26. *Литвинский Б. А.* Буддийский храм Калаи-Кафирниган.— АО — 1976. М., 1977.
27. *Литвинский Б. А.* Древний и раннесредневековый Калаи-Кафирниган.— АО — 1977. М., 1978.
28. *Литвинский Б. А.* Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
29. *Gardin J.-Cl., Lyonnet B.* La prospection archéologique de la Bactriane Orientale (1974—1978); premiers résultats.— Mesopotamia, t. XIII—XIV. Firenzia, 1978—1979.
30. *Абдуллаев А.* Основные типы керамики Тамошотепа раннего периода.— В кн.: Материалы юбилейных конференций молодых ученых Академии наук Таджикской ССР (общественные науки). Душанбе, 1976.
31. *Bernard P.* Aï Khanoum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia.— Proceedings of the British Academy V. LIII. L., 1967.
32. *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.).— МИА, 1953, № 37.
33. *Зеймаль Т. И.* Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе.— МКТ, 1971, вып. 2.
34. *Зеймаль Т. И.* Древние и средневековые каналы Вахшской долины.— СНВ, 1971, вып. X.
35. *Беляева Т. В., Хакимов З. А.* Древнебактрийские памятники Миршаде.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1973.
36. *Пидаев Ш. Р.* Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии.— В кн.: Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.: Наука, 1974.
37. *Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В.* Роскопки древнебактрийского поселения Талашкан-Тепе 1.— В кн.: Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.: Наука, 1976.
38. *Сагдуллаев Т., Хакимов З.* Археологическое изучение городища Кызыл-Тепе. (По итогам работ 1973—1974 гг.).— В кн.: Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.: Наука, 1976.
39. Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (тезисы докладов). Ереван, 1980.
40. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. (Возможности формализованного подхода). М.: Наука, 1975.
41. *Bernard P.* La campagne des fouilles de 1970 à Aï-Khanoum (Afghanistan).— CRAIBL, 1971.
42. *Bernard P.* Campagne de fouillé 1978 à Aï Khanoum (Afghanistan).— Bulletin de l'Ecole Française d'extrême-orient. T. LXVIII. Paris, 1980.
43. *Bernard P., Francfort H.-P., Gardin J.-Cl. Liger J.-Cl., Lyonnet B., Veuve S.* Fouilles d'Aï Khanoum (Afghanistan): campagne de 1974.— Bulletin de l'Ecole Française. T. LXIII. Paris, 1976.
44. *Давидович Е. А.* Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая».— ВДИ, 1976, № 4.
45. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию.— МИА, 1966, № 136.
46. *Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда.— МИА, 1950, № 15.
47. *Кабанов С. К.* Ареал и эволюция двух древних керамических форм.— СА, 1964, № 3.
48. *Воробьева М. Г.* Керамика.— В кн.: Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.— ТХАЭЭ, 1967, т. V.

49. *Седов А. В.* К датировке Тулхарского могильника.— В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВАН СССР. Т. II. История. Ч. 1. М., 1978.
50. *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах (культура и связи кушанской Бактрии). М.: Наука, 1983.
51. *Зеймаль Е. В.* Разведочные работы Гиссаро-Пянджского отряда ЮТАЭ в 1974 г.— АРТ, Вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979.
52. Chaqalaq Tepe. Fortified village in North Afghanistan excavated in 1964—1967 / Ed. prof. Mizuno E. S. Kyoto, 1970.
53. *Пидаев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978.
54. *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. (Первое тысячелетие н. э.).— Могильники Западной Ферганы. Т. II. М. 1973.
55. *Marshall J.* Taxila. V. I—III. Cambridge, 1951.
56. *Шишкина Г. В.* Эллинистическая керамика Афрасиаба.— СА, 1975, № 2.

A. V. Sedov

CERAMIC COMPLEXES OF THE AI-KHANUM TYPE ON THE RIGHT BANK OF THE AMU DARYA

Summary

The author uses as the point of reference voluminous and precisely dated ceramic complexes from Ai-Khanum, a Greek city in Northern Afghanistan for the dating of synchronous cites on the right bank of the Amu Darya (Northern Baktria). Among the latter he includes Tamoshotepa, the lower levels of Saksanokhur, Takhti — Sangin (Stone Fortified Settlement), Dalverzintepe, the citadel in Old Termez, Kalai-Kafirnigan and, probably, Khalchayan. The basic types of dishes found were: small plates (Figs. 1, *1-6*), bowels (phials) (Fig. 1, *7-13*, *15*), beakers (Fig. 1, *16-22*), bowels with spherical bottoms (Fig. 1, *23*) and deep bowels (Fig. 1, *24-25*). Containers found on the cite included: basins (Fig. 1, *14*), jugs (Fig. 1, *26-30*), vessels of the cylindrical-conic shape (Fig. 1, *31-35*). All the types have direct analogies among the Ai-Khanum material. The complexes are dated to the 3rd-1st centuries B. C. The identification and dating of the complexes characterised by the Ai-Khanum ceramics urge the revision of dating of a number of Kushanic sites in Northern Baktria. In this connection the author offers a new periodisation of the evolution and genesis of beakers — a basic ceramic type of the Kushan period.

КРАСОВСКИЙ И. С.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЛАНА ФУНДАМЕНТОВ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ В КИЕВЕ

Десятинная церковь в Киеве, заложенная в 989 г. и законченная в 996 г., является первым известным по летописи каменным храмом на Руси. Подлинно научные раскопки храма были начаты Д. В. Милеевым в 1908 г. [1, с. 132—158] и окончательно завершены спустя 30 лет М. К. Каргером — в 1938—1939 гг. [2, с. 9—59]. Вскрытые остатки стен и фундаментов неоднократно исследовались [3, с. 78—90; 4, с. 61—80; 5, с. 68—84]. Была выполнена реконструкция структуры плана и его соразмерностей [6, с. 70—74].

Сохранившиеся планы фундаментов дают повод для разнообразных и противоречивых выводов по их отдельным элементам. Так, неодинаковое расстояние между парами стен в осях 4—5 и 6—7[1] в пролете В — Д (рис. 1) было интерпретировано Н. И. Бруновым как местоположение различных по характеру лестниц [8, с. 300], а Н. В. Холостенко располагает лестницу в утолщении стены по оси Д [7, с. 213].

Мы вновь обратились к детальному рассмотрению плана фундаментов Десятинной церкви с использованием пропорций и метрологических методов.

Ширина фундаментов в большей части прослеживается только по направлениям рвов и отличается большим разнообразием. Для систематизации их размеров определим несколько основных типов по их толщинам (см. рис. 1).

Первый, наименьший по толщине тип фундаментов, в пределах от 1,05 до 1,20 м, прослеживается в апсидах и в продольных фундаментах от апсид до пересечения с поперечной стеной по оси Ж. Эту же толщину имеют фундаменты по осям 2 и 9. Следующий тип, в пределах от 1,25 до 1,45 м наблюдается во многих частях храма, в первую очередь в его юго-восточной части. Эту толщину на большом протяжении имеет фундамент по оси И, а также некоторые участки в центральной части храма. Третий тип, толщиной в пределах 1,50—1,55 м, наблюдается в северо-восточной части храма и в его западной оконечности по осям 5 и 6. Четвертый тип фундаментов, в пределах 1,60—1,75 м, характерен для ряда продольных стен по осям Ж, Е, Д, А. Наконец, пятый тип, в пределах 1,80—2,15 м, прослеживается на пересечении фундаментов по осям 5, Д и особенно характерен для фундамента по оси 1.

Кроме различия в толщинах фундаментов можно выявить также значительные отклонения в их параллельности между собой. Однако в этом случае наблюдается более четкое зонирование по типам взаимно параллельных и взаимно перпендикулярных фундаментов (рис. 2). Таких типов можно выделить четыре. Первый включает в себя два ряда продольных и несколько поперечных стен фундаментов в южной части здания. Следующий прослеживается в центральной и северо-восточной частях здания. В эту же систему включаются и малые апсиды центральной части. Третью группу составляют продольные фундаменты среднего нефа. И наконец, можно выделить ряд параллельных поперечных стен фундаментов в северо-западной части здания.

---

[1] Для удобства исследования всем продольным стенам даны цифровые обозначения, а поперечным — буквенные. «Ось» в данном случае имеет условное значение.

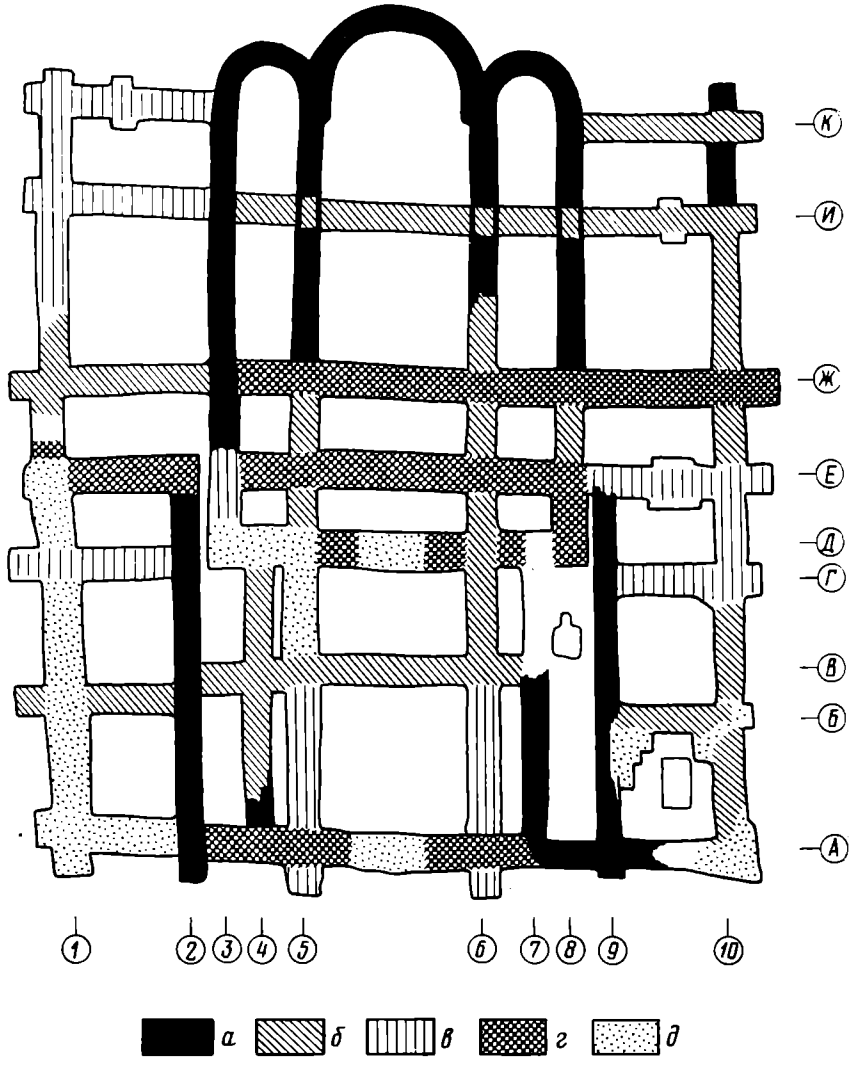


Рис. 1. Толщина стен фундаментов Десятинной церкви: *а* — 1.05—1,20 м; *б* — 1,25—1.45 м; *в* — 1,50 — 1,55 м; *г* — 1,60—1,75 м; *д* — 1.80—2,15 м

Это зонирование фундаментов оказалось тесно связанным с материалами их забутовки. Так, вся южная продольная стена и несколько перпендикулярных к ней поперечных стен сложены из красного кварцита. А не перпендикулярные по отношению к ней стены по осям Г и К отличаются и материалом забутовки. Они были выполнены из серого песчаника [2, с. 30].

Вследствие непараллельности стен фундаментов и даже отдельных граней одной и той же стены большую трудность представляет определение как внутренних, так и наружных размеров здания. Поэтому мы приводим наше определение всех основных размеров плана фундаментов Десятинной церкви с указанием мест промеров (рис. 3). Полученные данные выявляют несимметричность наружных стен фундаментов всего храма по отношению к продольной оси. Различное расстояние северной и южной стен от апсид было отмечено ещё Д. В. Милеевым при раскопках храма [1, с. 142]. Обращает на себя внимание и та особенность, что расстояние между внутренними гранями наружных стен фундаментов Десятинной церкви вблизи апсид равно 100 греческим футам (30,82 м) — 30,80 м. Расстояние между внутренними стенами фундаментов шестистолпного храма колеблется от 15,10 до 15,62 м, что также близко к 50 греческим футам (15,41 м).

Одна из особенностей плана фундаментов — наличие стены, резко выступающей за наружные поперечные размеры здания. Это стена по оси Ж.

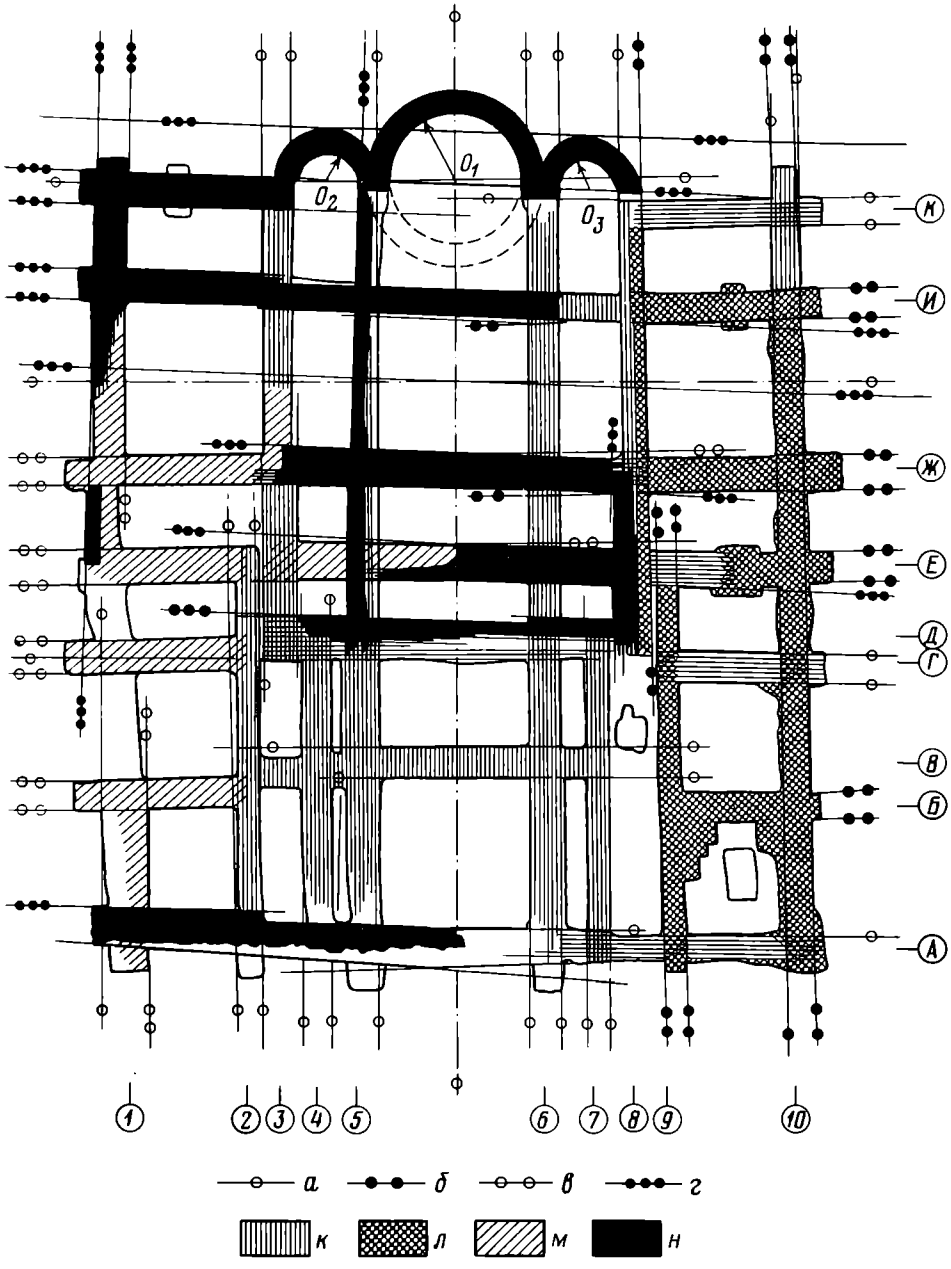


Рис. 2. Типы взаимно параллельных и взаимно перпендикулярных стен плана фундаментов Десятинной церкви: *а — г* — направление взаимно перпендикулярных и взаимно параллельных граней стен; *к — н* — взаимно параллельные или взаимно перпендикулярные стены

За грань южной стены она выступает на величину (1,65 м), близкую к размеру своей толщины. Общая длина стены (37,0 м) оказывается равной продольному размеру храма в северной части без апсид. Один и тот же размер, 33,50 м, находится между внутренними гранями восточной и западной стен и между наружными гранями северной и южной стен, при всем выявленном разнообразии в их толщинах.

Мерный анализ плана (рис. 4) позволил найти величину, которая кратным числом укладывается во многих размерах — 142,4 см. Эта величина соответствует русской малой сажени, определяемой разными исследователями в пределах от 142,2 см [9, с. 6] до 142,4 см [10, с. 93]. Причем в Десятинной церкви во многих промерах эта сажень укладывается не целое число раз, а с половиной, что соответствует характеру этой сажени как двухаршинной.

В северо-восточной части прослеживается и другая мера — 150—154 см. В данном случае эта мера соответствует или простой сажени, оп-

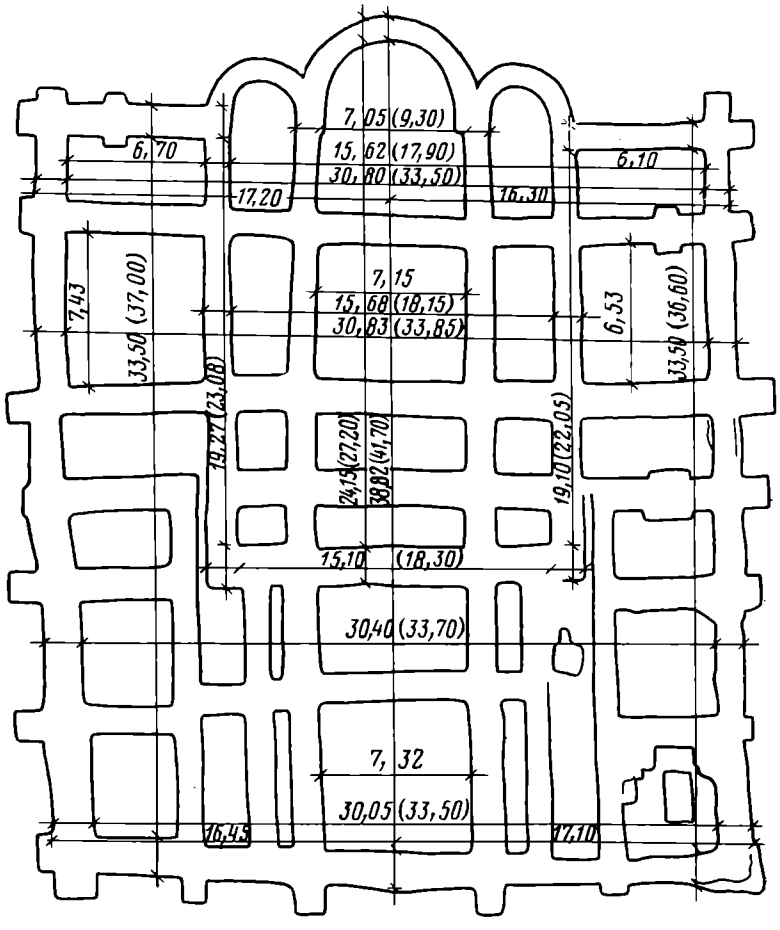


Рис. 3. Основные размеры плана фундаментов Десятинной церкви

ределенной Б. А. Рыбаковым в 152,0 см [11, с. 78], или 5 греческим футам — 154,0 см.

Вопрос о реконструкции структуры плана и его основных частей к настоящему времени в принципе решен: в его основе был шестистолпный храм, окруженный с трех сторон папертями. Однако время возведения отдельных частей остается спорным и недостаточно обоснованным. Разные материалы забутовки фундаментов из красного кварцита и серого песчаника не дают оснований для выводов о разновременности тех или иных частей здания [2, с. 30]. Утверждение, что наиболее древней частью является трехнефное здание с тремя апсидами с восточной стороны, а более поздней пристройкой — галереи, окружавшие храм с трех сторон, было сделано М. К. Каргером на основании «сложной сети переплетающихся фундаментов» [2, с. 36]. Этот вывод позднее был поддержан большинством исследователей Десятинной церкви.

Проведенный нами анализ плана фундаментов дает основание предположить, что сразу было не только задумано, но и одновременно возведено все здание — трехнефный храм с наружными галереями. В пользу этого вывода свидетельствуют такие данные: единая толщина на протяжении ряда стен как основного ядра, так и боковых галерей (стены по осям Ж, Е), а также «стыковка» поперечных стен галерей с поперечными стенами храма при своем продолжении из одного помещения в другое. За единство замысла и выполнения говорит единая система взаимно параллельных стен как храма с апсидами, так и галереи в северо-восточной части церкви. Наружные размеры храма также доказывают цельность выполнения строительства здания как единого объема. Эти размеры храма, несмотря на сложную сеть «переплетающихся фунда-

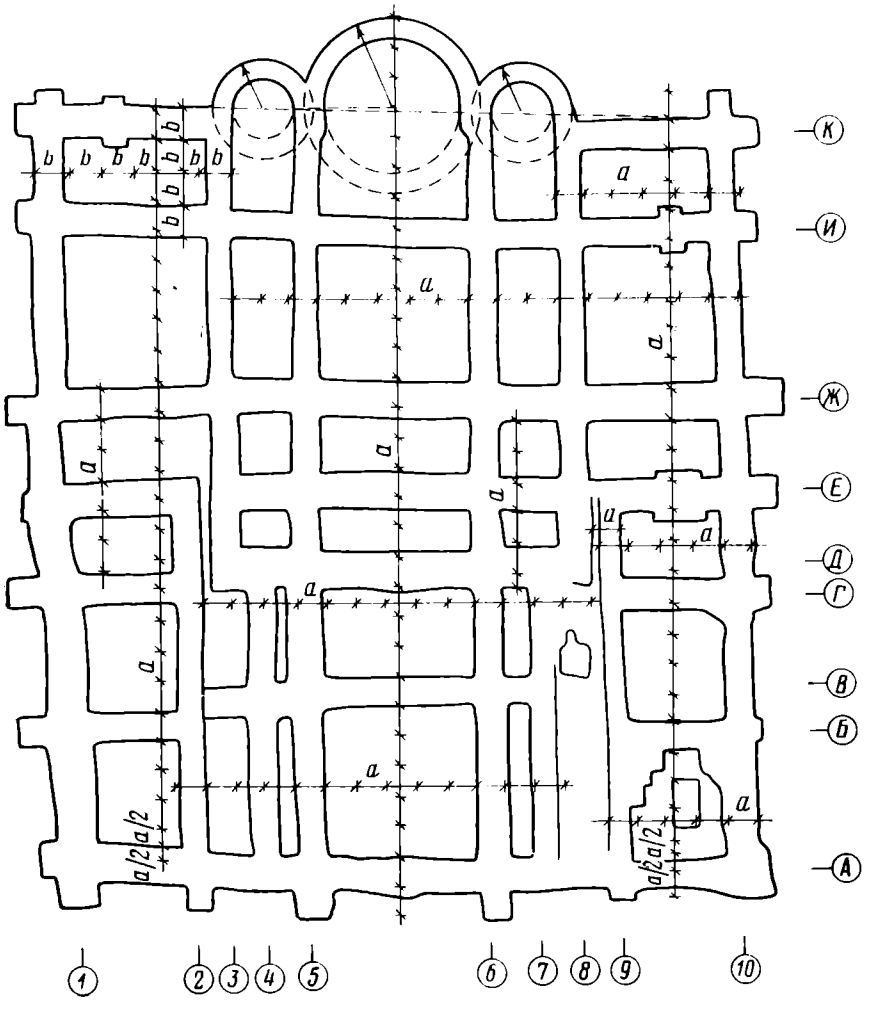


Рис. 4. Мерный анализ плана фундаментов Десятинной церкви

ментов» в восточной и западной частях, совпадают — 33,50 м. Совпадают также и внутренние размеры между западной и восточной стенами (также 33,50 м) в северной и южной частях здания, несмотря на то, что внутренние поперечные стены между ними крайне резко отличаются по взаимопараллельности. То есть эти внутренние размеры могли быть выверены только при условии, что наружные стены еще не возведены и продолжалась разбивка стен фундаментов, что позволяло беспрепятственно делать между ними замеры.

Используя кратности, выявленные в плане фундаментов Десятинной церкви, можно предположить «теоретическую модель», которая была задумана зодчим и послужила основой для выполнения плана фундаментов в натуре (рис. 5). Первичным модулем всего плана фундаментов послужил размер в 142,4 см — малая русская сажень. Этим модулем была определена и толщина всех, как внутренних, так и наружных, стен фундаментов храма.

Идея храма поражает простотой и цельностью замысла. Все размеры в поперечном направлении кратны целым числам модуля — одному или двум (табл. 1). Подкупольный квадрат был определен в пять модулей. Вместе со стенами — семь модулей. Ширина трехнефного храма — 13 модулей, а полная ширина, включая выступающие лопатки,— 25 модулей. Все указанные числа принадлежат к наиболее почитаемым в христианской символике: большинство древнерусских храмов этого периода были пятикупольные, деревянный храм Софии в Новгороде и каменный киевский Софийский собор были с 13 главами, а сама Десятинная церковь в

Таблица 1

Основные размеры фундаментов и стен Десятинной церкви, м

Конструктивные части зданий		Средний неф		Шестистолпный храм				Храм с галереями			
		наружные стены	внутренние стены	наружные стены		внутренние стены		наружные стены		внутренние стены	
Фундаменты	Обмер	9,30–10,20	7,15–7,32	A_1	17,94–18,29	A_1	15,10–15,60	A_2	33,85–33,55	A_2	30,05–30,80
	Реконстр. (1,424)	9,96 (7)	7,12 (5)		18,51 (13)		15,66 (11)		32,75 (23)		29,90 (21)
	Гр. фут (0,308)	9,25 (30)	7,71 (25)		18,50 (60)		15,41 (50)		33,91 (110)		30,82 (100)
Стены	Реконстр.	9,59	7,54		18,16		16,10		32,44		30,38
	Обмер	8,90–9,80	7,55–7,72		17,54–17,89		15,40–16,90		33,45–33,15		30,45–31,20
Фундаменты	Обмер			B_1	22,05–23,08	B_1	19,10–19,27	B_3	36,60–37,00	B_3	33,50
	Реконстр. (1,424)	–	–		22,07 (15,5)		19,22 (13,5)		36,31 (25,5)		33,46 (23,5)
	Гр. фут (0,308)				23,12 (75)		18,50 (60)		36,99 (120)		33,90 (110)
Стены	Реконстр.				21,73		19,68		36,01		33,96
	Обмер				21,65–22,68		19,50–19,67		36,20–36,60		33,90
Фундаменты	Обмер			B_2	27,20	B_2	24,15	B_4	41,70	B_4	38,82
	Реконстр. (1,424)	–	–		27,05 (19)		24,20 (17)		41,29 (29)		38,44 (27)
	Гр. фут (0,308)				27,74 (90)		24,66 (80)		41,61 (135)		38,53 (125)
Стены	Реконстр.	–	–		26,73		24,68		41,01		39,22
	Обмер				27,00		24,35		41,50		39,02

Примечание. В скобках указано число принятого модуля. Местоположение A_1, A_2 и т. д. — см. рис. к табл. 2.

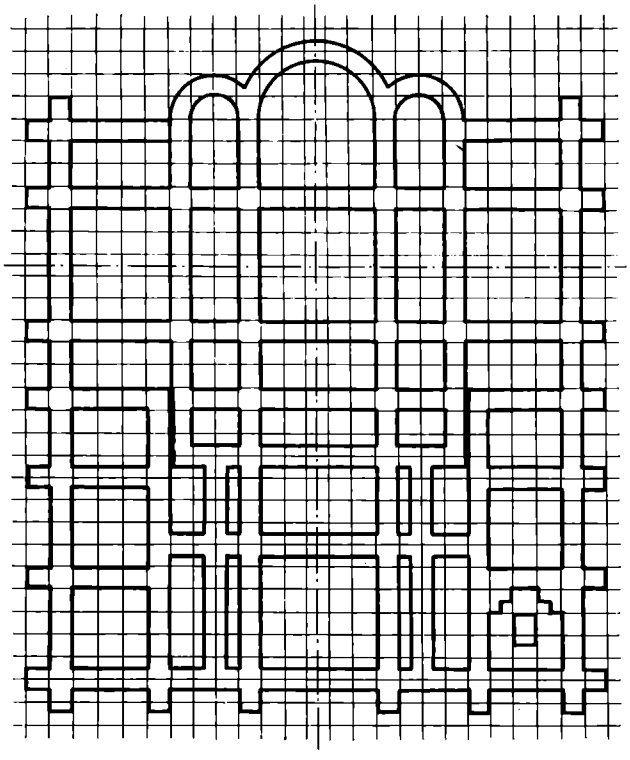


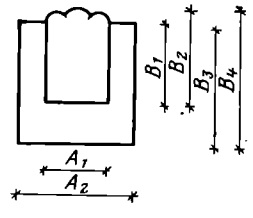
Рис. 5. Реконструкция плана фундаментов Десятинной церкви

поздних летописях предполагалась 25-главой. По определении поперечных размеров, а заодно и центрального ядра трехнефного храма в 13 модулей все продольные размеры назначались, исходя из представлений о наиболее гармоничных, на взгляд зодчего, соразмерностях храма. Продольный размер трехнефного храма был определен из отношения ширины

Таблица 2

Соразмерности плана фундаментов и стен Десятинной церкви

Элементы здания	Соотношения внутренних (В) и наружных (Н) размеров стен и фундаментов							
	$\frac{A_1H}{B_1H}$	$\frac{A_1B}{B_1B}$	$\frac{A_1H}{B_2H}$	$\frac{A_1B}{B_2B}$	$\frac{A_2H}{B_3H}$	$\frac{A_2B}{B_3B}$	$\frac{A_2H}{B_4H}$	$\frac{A_2B}{B_4B}$
Фундамент (обмер)	0,829	0,809	0,672	0,645	0,916	0,895	0,804	0,774–0,793
Фундамент (реконстр.)	0,838	0,814	0,684	0,646	0,901	0,893	0,793	0,777
Стена (обмер)	0,826	0,813	0,662	0,657	0,915	0,896	0,798	0,780
Стена (реконстр.)	0,835	0,813	0,669	0,652	0,900	0,894	0,791	0,774
2 : 3			0,666	0,666				
3 : 4								0,750
4 : 5		0,800					0,800	
5 : 6	0,835							
$1 : (\sqrt{5}-1)$							0,809	
$2 : \sqrt{5}$					0,894	0,894		



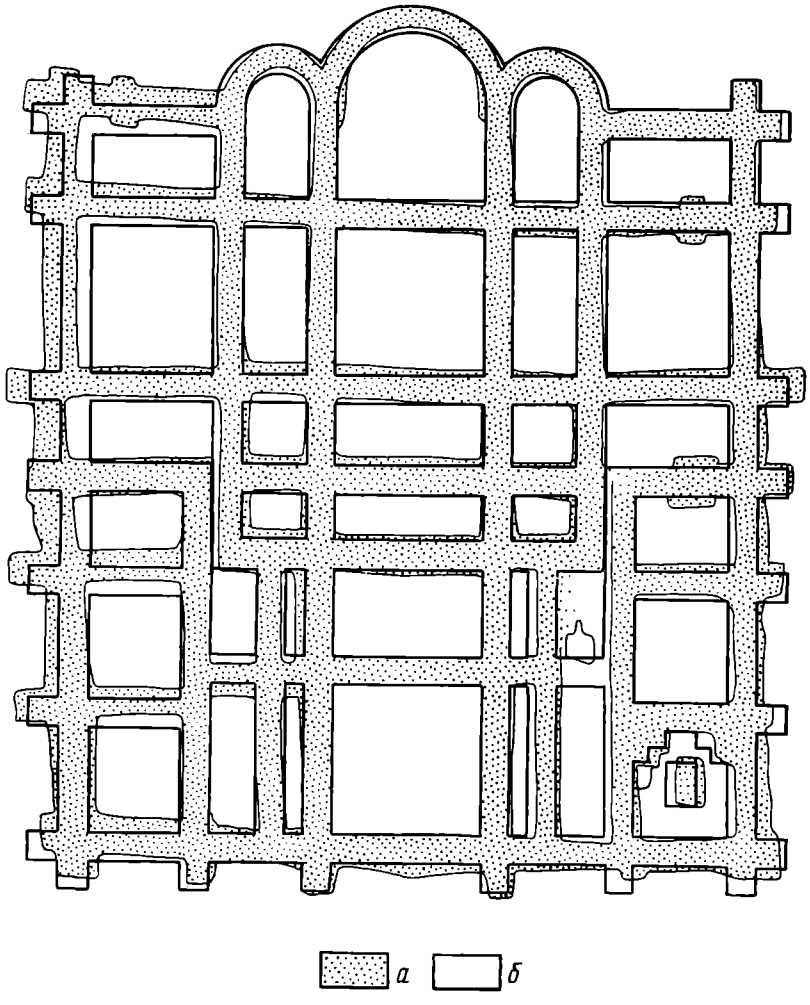


Рис. 6. Сопоставление сохранившихся и реконструируемых планов фундаментов Десятинной церкви: *а* — план фундаментов, вскрытых археологическими раскопками; *б* — реконструируемый план фундаментов

к длине как 5 : 6 (0,835). Причем если по фундаментам это соотношение равно 0,838, то по наружным предполагаемым стенам оно полностью совпадает. Определенная закономерность прослеживается и при определении общей длины храма с папертями (табл. 2). Приведенные в табл. 2 размеры стен при реконструкции даны на 4 см уже ширины фундамента.

Сопоставим два плана фундаментов Десятинной церкви — «теоретический» и вскрытый археологическими раскопками. Это сопоставление проведено путем совмещения двух планов по внутренним центральным продольным стенам, поскольку в сохранившихся фундаментах они на всем протяжении параллельны друг другу (рис. 6).

Другими точками «совпадения» были внутренние грани западных стен и наруженые грани стен больших апсид, поскольку на этом отрезке выявленный модуль на плане вскрытых фундаментов укладывается равное число раз — 28.

Данное совмещение позволяет сделать вывод: «теоретическая модель» плана фундаментов Десятинной церкви соответствует вскрытым фундаментам по всем основным параметрам и размерам. Тем не менее имеются определенные отклонения в сопоставляемых планах. Так, стена по оси 1 в восточной оконечности находится дальше от продольной оси храма, однако на таком же удалении, как стена по оси 10 при пересечении с осью А.

Удаление восточной части стены А к северу от продольной оси можно объяснить стремлением выдержать размер между внутренними гранями наружных продольных стен в 100 греческих футов. Толщина поперечных стен фундаментов, вскрытых раскопками, как правило, шире стен «модели». По-видимому, общий конструктивный принцип всего сооружения был основан на более важной роли поперечных стен по сравнению с продольными. Их утолщение было сделано уже в процессе строительства с корректировкой первоначального замысла. Вследствие этого подкупольный квадрат превратился в подкупольный прямоугольник с соотношением сторон, по определению К. Н. Афанасьева, 7 : 8 [6, с. 250].

Неравномерность в ширине стен фундаментов и разнообразие в направлении стен в большинстве случаев, по-видимому, вызвано тем, что была допущена ошибка в разбивке центральных осей. Вместо 90° продольная и поперечные оси здания пересеклись, по нашим замерам, под углом 87°15′. В дальнейшем, вероятно, не только стены, но и отдельные грани одной и той же стены иногда связывались и определялись от разных осей. Это особенно заметно на стене по оси 5 в пределах осей К — Д. Ее южная грань параллельна продольной оси, а северная — перпендикулярна поперечной.

Как уже отмечалось, модулем плана фундаментов была принята русская малая двухаршинная сажень размером 142,4 см. Можно предположить, что необходимо было учитывать и размеры кратные 25 греческим футам [6, с. 250], поскольку были и «мастера из грек». Об этом свидетельствует размер подкупольного квадрата в наземных стенах — 7,72 м (25 гр. футов — 7,71 м), расстояние между продольными стенами шестистолпного храма — 15,40 м (50 гр. футов — 15,41 м), расстояние между продольными стенами галереи — 30,80 м (100 гр. футов — 30,82 м).

Таким образом, в основе модуля фундаментов Десятинной церкви лежала русская малая сажень, а «наверху» применялись меры греческого фута. Это свидетельствует о том, что большую роль на всех этапах возведения первого каменного храма на Руси играли не только греческие, но и русские мастера.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОАК за 1908 год. Спб., 1912.
2. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 2, М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
3. *Корзухина Г. Ф.* К реконструкции Десятинной церкви.— СА, 1957, № 2.
4. *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв.— СА, 1962, № 2.
5. *Холостенко М. В.* З історії зодчества древньої Русі X ст.— Археологія, 1965, т. XIX.
6. *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
7. *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев: Наук. думка, 1980.
8. *Брунов Н. И.* Рец. на кн.: Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.) Киев, 1950.— ВВ, 1953, т. VII.
9. *Бутков П. Г.* Объяснение русских старинных мер линейной и путевой. Спб., 1844.
10. *Пилецкий А. А.* Система размеров и их отношений в древнерусской архитектуре.— В кн.: Естественнонаучные знания в Древней Руси. М.: Наука, 1980.
11. *Рыбаков Б. А.* Русские системы мер длины XI—XV веков.— СЭ, 1949, № 1.

I. S. Krasovsky

RECONSTRUCTION OF THE FOUNDATIONS' LAY-OUT OF THE DESYATINNAYA CHURCH IN KIEV

Summary

Archaeological investigations have brought to light the lay-outs of the foundations of the Desyatinnaya Church in Kiev. This discoveries led to different, often contradictory, conclusions on the reconstruction of both their individual elements and the building as a whole.

The author makes a detailed investigation of the lay-outs of the extinct foundations disclosed by M. Karger's diggings in 1938-1939. A typological analysis of the church has permitted to distinguish four basic sizes of the walls of the foundations, according to their width (Fig. 1), and also the zones which correspond to the types of mutually parallel and mutually perpendicular foundation walls (Fig. 2). Measurements have revealed the unit — 142.4 cm (the smaller Russian *sazhen*) which is divisible to the majority of the measurements.

This analysis gives ground for a supposition that the entire building with its three naves and outside galleries was designed and constructed as a single unit. The author offers his theoretical pattern of the foundations' lay-outs (Fig. 5) as they were designed by an architect and served the basis for building the foundations.

The measurements of the foundations' lay-outs also lead to the conclusion that Russian architects, together with their Greek colleagues, took part in the building of the first Russian stone church.

ВЫСОЦКИЙ С. А., МОВЧАН И. И.

ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ НАХОДКА В БЛИЖНИХ ПЕЩЕРАХ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

В 1978—1979 гг. в связи с ремонтными работами в Киево-Печерском государственном историко-культурном заповеднике представилась возможность провести археологические исследования в Ближних пещерах.

Лаврские подземные лабиринты издавна привлекали внимание путешественников XVII—XVIII вв., а позднее исследователей. О них писали в своих путевых записках Павел Алеппский, Эрих Ляссота; делал свои зарисовки А. ван Вестерфельд. Первые попытки составить планы пещер были предприняты Афанасием Кальнофойским, а затем Иннокентием Гизелем. Однако в настоящее время эти работы устарели и имеют чисто историографическое значение. Объективные научные исследования в пещерах долгое время были затруднены из-за функционирования Киево-Печерского монастыря. Первая попытка проведения археологических раскопок в Ближних пещерах относится к 30-м годам XX в. К сожалению, итоги исследования не были опубликованы, а материалы их не сохранились. Задачи нашего исследования — проследить древние, заброшенные ходы пещер, изучить архитектуру подземелий, археологические и антропологические материалы, древние надписи и т. д.

Известно, что пещеры Киево-Печерского монастыря относятся к древнейшим сооружениям Руси. Некоторые из них, видимо, существуют еще с языческих времен и носят название «варяжских».

Первое упоминание об интересующих нас пещерах находим в письменных источниках под 1051 г., годом основания Печерского монастыря [1, с. 104, 105]. Ближние и Дальние пещеры — лабиринты искусственного происхождения. Они вырыты в так называемом каолинизированном песчанике на глубине от 5 до 15 м от современной поверхности земли. На протяжении нескольких веков лаврские пещеры служили главным образом местом захоронения монахов монастыря. Здесь погребены многие известные исторические лица, упоминаемые в летописи, и сам автор «Повести временных лет» — Нестор. Именно то место, где находится сейчас гробница этого выдающегося писателя древности, привлекло в первую очередь внимание исследователей. Оказалось, что здесь находится заложенный кирпичом ход, ответвлявшийся с северной стороны от главного пещерного коридора. Обследование этого участка пещер показало, что он в северном направлении имеет в длину ~14 м, ширина колеблется от 1 до 2,5 м. От него с западной и восточной сторон ответвляется ряд небольших помещений — локул и крипт — с ранее бывшими здесь захоронениями. С восточной стороны заметны следы большого обвала, возможно, связанного с оползнем во время сильного землетрясения 1617 г. Крайним с севера помещением этой части пещерного лабиринта является прямоугольная в плане крипта длиной 2,6 и шириной 2,2 м. По обе стороны ее стен — лежанки, предназначавшиеся для трех гробниц. Свод крипты полуциркульный. В северо-восточном углу помещения имеется узкий 2-метровый лаз, заканчивающийся тупиком. Ознакомившись с антропологическими материалами находившимися в этом помещении, на которых имелись инвентарные музейные номера 30-х годов, пришли к выводу, что эта часть пещер была известна сотрудникам заповедника в довоенное время.

Пожалуй, самыми интересными и неожиданными явились эпиграфические находки в открытых помещениях. Это надписи-граффити, сделанные посетителями главным образом в первой четверти XVII в. Среди них

Рис. 1. Надпись 1150 г. из Ближних пещер Киево-Печерского монастыря

украинские, русские, одна надпись армянская. Открытие этих надписей было тем более неожиданным, что в других местах Ближних и Дальних пещер древних надписей обнаружить не удавалось. Это можно объяснить многочисленными текущими ремонтами пещерных коридоров, где набелы извести закрыли граффити и все другие следы, оставленные посетителями в древности. Не может быть никакого сомнения в том, что стены лаврских пещер еще в домонгольское время были исписаны многочисленными граффити. Доказательством этому могут служить хотя бы то почитание и ореол «святости», которыми пользовались в древности Печерский монастырь и его послушники на Руси. Здесь, несомненно, были многие надписи, написанные по известной формуле «Господи помози рабу своему».

Надписи XVII в. разбросаны по стенам помещения без какого-либо определенного порядка. Большинство из них сосредоточено в северной части основного хода и в боковых (западных) помещениях. По тематике это памятные надписи, написанные по формуле «Тут был раб божий такой-то ... року» и т. д. Вот текст одной из них: «Здесь был многогрешный раб божий Герасим Шурыпа». Наиболее поздняя из обнаруженных надписей датирована 1625 г. Видимо, позднее свободный доступ посетителей в эту часть пещер был закрыт, а ремонты, ставившие своей целью «облаголепить» подземные лабиринты, здесь не производились, чему мы и обязаны сохранностью открытых граффити.

Наиболее интересная эпиграфическая находка, относящаяся к письменности домонгольского времени, обнаружена перед входом в упоминавшуюся прямоугольную крипту с тремя лежанками — крайним северным помещением открытой части лабиринта (рис. 1, 2). Вход в крипту, имеющий в высоту 1,2 м, оформлен в виде декоративной арочки-нишки шириной в 0,4 м. Сама нишка углублена на 6 см в толщу стены и имеет ширину 0,3 м. В ней на довольно твердом каолинизированном песчанике, хорошо поддающемся обработке, прекрасным, каллиграфическим почерком написана крупная древнерусская датированная надпись. Текст ее состоит из шести строк, но четвертая и особенно пятая и шестая строки очень повреждены обвалом. На уровне первой и второй строк на поверхности стены ясно видны следы разлиновки, предшествовавшей написанию текста. Это горизонтальные параллельные линии, начертанные

острием на расстоянии 1, 2 см друг от друга, что соответствует высоте букв в 2 см и расстоянию между строками в 13 мм. Первое, что поражает при знакомстве с надписью,— это чрезвычайное мастерство ее исполнения, четкость и рельефность, подчеркиваемая красной краской в углублении букв.

Надпись начинается крестом, так называемым хризмоном, который ставился средневековыми писцами в начале текста и являлся как бы призывом к богу помочь писавшему в его трудном деле. Такие кресты перед текстом поставлены на Тмутараканском камне, при многих граффити Софийского собора в Киеве. Далее в рассматриваемой надписи следует традиционное «В лѣто», обычно вводящее дату в текст. Слово «лѣто» написано с сокращением под шатровым титлом и выносной буквой Т. Дата от сотворения мира начинается буквой «зело» под волнообразным титлом, черточкой тысяч и точками с обеих сторон (числовое значение = 6000). За «зело» написано Н («и» восмеричное) без титла, следовательно, не цифра, а соединительный союз. Вторая строка начинается с буквы Х̑ под титлом, имеющем числовое значение 600. Затем поставлена разделительная точка, а за ней две буквы под одним титлом NH=58. Таким образом, дата читается как 6658 год. Конец ее обозначен точкой, а далее написано слово ИСКОПАХОМЪ, вторая половина которого перенесена в третью строку. Далее ясно читается МѢСТО СЕ. Здесь, похоже, поставлена точка, но с уверенностью это утверждать трудно. Окончание следующего слова четвертой строки повреждено, но оно восстанавливается вполне определенно: НА ПОЛОЖ(ENНѥ). В пятой строке заметны только верхние части букв. С некоторой долей вероятности здесь можно восстановить слово ТЕЛА, написанное через Е вместо Ѣ. В шестой строке уцелели всего лишь две буквы ИМ и еще верхняя часть какой-то буквы в виде двух коротких вертикальных линий. Вероятно, здесь была буква Н («и» восьмеричное).

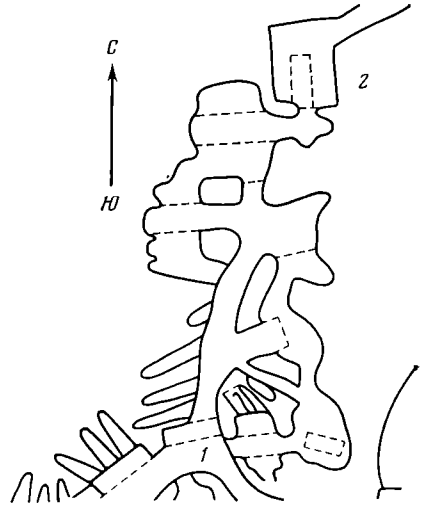
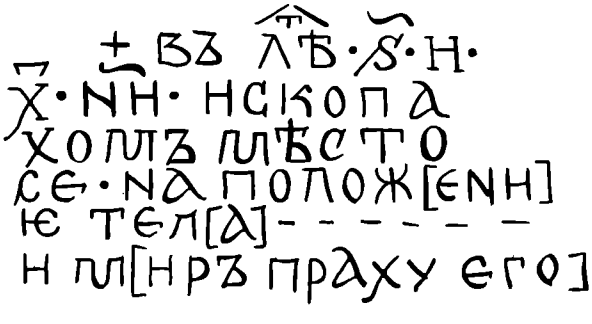


Рис. 2. План открытой в 1978—1979 гг. части пещерного лабиринта в Ближних пещерах. *1* — вход в лабиринт возле гробницы Нестора-летописца; *2* — крипта, перед входом в которую обнаружена надпись

Если дату 6658 года перевести — редуцировать — на наше летосчисление, то это будет 1150 г.[1]

Сохранившийся текст надписи читается так:



«В 1150 году выкопали это место для положения (тела)...». Далее в надписи, видимо, первоначально читалось имя покойника, а в шестой строке, начинавшейся буквами И М: «и м(ир праху его)»,— обычная в таких случаях приписка.

[1] 6658—5508=1150.

Рассмотрим теперь палеографию надписи. Как уже отмечалось выше, надпись поражает искусством исполнения. Это не просто обычная надпись, а каллиграфическая, художественная работа подстать той, которую мы знаем по одному из лучших древнерусских эпиграфических памятников — Тмутараканскому камню 1068 г. Невольно вспоминаются скептические высказывания относительно аккуратности и каллиграфичности надписи, что особенно вызывало, сомнения в древности этой замечательной находки [2, с. 24]. То же самое можно сказать и о нашей, совершенно бесспорной в отношении древности надписи, вырезанной на стене пещеры в 1150 г. Несмотря на хронологический разрыв, приблизительно в 80 лет в палеографии этих памятников наблюдается много общего. В рассматриваемой надписи видно тщательное выписывание каждой буквы, что придает ей своеобразный декоративный характер, сближающий ее с надписями на металле, которые сами по себе являлись украшением сосуда, чаши или креста.

А — в обоих случаях с несколько набухшей петлей и изогнутой спинкой, выходящей в верхнее междустрочное поле и заканчивающейся клинышком. Из памятников киевской эпиграфики наиболее близкое написание имеет буква А из надписи конца XI в. о смерти Луки Белгородского [3, табл. XIII]. Она также имеет изогнутую, возвышающуюся над строкой спинку, но петля ее менее набухшая.

В — с уменьшенной верхней частью. Подобное написание буквы встречается уже в памятниках XI в., например в надписи на Тмутараканском камне.

є — имеет начертание, известное по древнерусским и византийским памятникам эпиграфики. Главной особенностью буквы является длинный язычок с клинышком на конце, выходящий далеко вправо за пределы знака.

S — буква «зело» употреблена в числовом значении 6000. Головка ее повернута вправо, что наблюдается в ранних древнерусских памятниках вплоть до конца XII в. [4, 196, 197]. Черта тысяч не перечеркнута, как это часто делалось в более позднее время.

Н — «и» восьмеричное. Встречается в надписи 4 раза. Во всех случаях имеет строго геометрическое начертание; мачты букв — с расширяющимися концами. Высота букв близка к их ширине. Перекладина несколько приподнята, что особенно заметно в букве первой строки, и перечеркнута посредине небольшим штрихом.

К — состоит из двух частей, не соединенных друг с другом. Кончики, как и в других буквах, утолщены.

Л — встречается дважды. В слове «лѣто» верх буквы имеет покрытие, выступающие за пределы буквы слева, а в слове «положение» крючок написан справа. Известно, что древнерусские книжники для обозначения смягчения согласных (обычно Л, N, Д) употребляли специальные крючки [5, с. 280]. Подобное смягчение согласных изредка наблюдается в «Изборнике Святослава» 1073 г., Галицком евангелии, Мстиславовом евангелии и др. В нашем случае крючок справа у буквы Л в слове «положение» написан не к месту. Видимо, писавший просто хотел блеснуть своими знаниями тонкостей письма, поставив знак смягчения там, где этого не требовалось.

М — во всех трех случаях имеет начертание с округлой петлей, опущенной с горизонтальных выступов на мачтах. Сами мачты немного наклонены внутрь, нижние их части утолщены. Особенностью начертания буквы является горизонтальная черточка, пересекающая петлю немного выше середины. Подобное написание буквы Е. Ф. Карский вслед за И. А. Шляпкиным отмечал в памятниках вещевой палеографии [5, с. 195]. Встречается оно и в книжной письменности, например в заставках Минеи 1096 г. [5, с. 377].

N — «наш» — имеет начертание в виде двух толстых мачт, соединенных короткой косой перекладиной, расположенной посредине буквы. Перекладина несколько тоньше мачт, концы которых, как и в прочих буквах, утолщены.

О — особенностью написания является наклонная черта, пересекающая букву посередине. Такое декоративное О встречается в заставках рукописей, а еще чаще в надписях на вещах. Похожее написание буквы наблюдается в евхаристической надписи на кратирах Братилы и Косты из Софийского собора в Новгороде, относящихся к первой половине XII в. [6, с. 24, 25, табл. XXVII, рис. 1—4], встречено оно и среди граффити Софийского собора в Киеве.

П — простого геометрического начертания. Как и в прочих буквах надписи, концы мачт утолщены.

С — встречено трижды. Буква имеет правильную округлую форму и утолщенные кончики.

Х — употреблен в числовом значении 600. Начертание буквы аналогично ранним памятникам древнерусской книжной письменности. Правая черта удлинена, верх ее утолщен; левая черта короче и значительно толще, концы также утолщены. Близкое начертание имеется в Остромировом евангелии [7, лист 1, 2].

ъ — имеет не совсем симметричное написание. Его навес с клинышком на конце сильно выдается влево за пределы буквы. Кузов большого размера и поднимается выше середины буквы.

ѣ — встречен в надписи дважды. Особенностью буквы является расположение коромысла в уровне верха строки, что вполне согласуется с датировкой надписи XII в. Кузов примерно такой же формы и размеров, как и у ъ. Мачта, несколько выступающая над строкой; коромысло — с утолщенными концами.

ѥ — йотированное «е». Написание правой части буквы характеризуется правильной округлой формой и длинным язычком с клинышком на конце. Йот слева — в виде мачты с утолщениями с обеих сторон. Высота его несколько меньше, чем правая часть буквы.

Таким образом, палеография надписи отличается значительной декоративностью: здесь видим три разнообразных написания титл; крест-хризмон в начале текста; дополнительные начертания в буквах А, О, М, Л; утолщения концов букв, выдающее стремление писавшего передать толстые и тонкие линии. Все буквы выполнены с большой тщательностью и аккуратностью. В этом отношении рассматриваемая надпись не идет ни в какое сравнение с настенными граффити архитектурных памятников, хотя и среди них встречаются написанные с большой тщательностью.

Декоративность надписи еще больше подчеркивается красной краской в рельефе букв. По своему тону цвет этой краски напоминает тот фресковый колер, которым обычно прописывались так называемые разгранки — обрамления между композициями.

В надписи сообщается год сооружения пещеры-крипты для захоронения какого-то лица, имя которого не уцелело из-за повреждения двух последних строк записи. В ходе изучения надписи возникает вопрос: не были ли в XII в. подобными надписями снабжены и прочие захоронения в лаврских пещерах? Наши наблюдения неподалеку от открытой надписи показали, что некоторые крипты также имели аналогичные надписи. Следы их заметны в арочках над входами в склепы. Правда, остатки букв там неразличимы, но следы от них есть. Следовательно, можно заключить, что подобные пояснительные или памятные надписи делались не по инициативе самих писавших, как граффити, а по указанию монастырских властей. Если это в действительности было так, то рассматриваемая надпись не может быть причислена к граффити, так как она является одной из уцелевших в пещерах официальных надписей, сделанных по указанию или заказу игумена монастыря.

По своему содержанию надпись светская, напоминающая по конкретности сообщения запись на Тмутараканском камне или же на так называемом Стерженском кресте, поставленном в 1133 г. новгородцем Иваном Павловичем в верховьях р. Волги: «В лѣто 6641 мѣсяца июля в 14 день почах рыти рѣку сю язъ Иванко Павловиць и крестъ сь поствихъ» [6, с. 28].

Во всех трех названных надписях сообщается информация о конкретных делах: князь Глеб мерил море по льду, Иван Павлович начал рыть реку и поставил крест, а печерские монахи выкопали крипту для захоронения своего собрата или какого-то другого лица.

К сожалению, в надписи не сохранилось имя умершего, для погребения которого была выкопана пещера. Видимо, какое-то отношение к нему имела другая надпись, сделанная зеленоватой краской рядом, чуть выше на арочке. Читается она так: ТИМОС(О)ФЬИ, т. е., видимо, имя Тимофей. Надпись разделена на две части изображением так называемого «гроба Адама» (череп и две перекрещенные кости) и нижней части креста на одноступенчатой голгофе. Рисунок дает возможность приблизительно датировать надпись краской XVII—XVIII вв. Можно предположить, что надпись красками была сделана после того, как имя погребенного в пещере, читавшееся в пятой и шестой строках надписи 1150 г., было повреждено обвалом. Если это отвечало действительности, то тогда имя Тимофея должно было бы фигурировать в списках мощей Киево-Печерского монастыря и на планах пещер, составленных в XVII—XVIII вв. Но ни у Афанасия Кальнофойского (1638 г.), ни у Иннокентия Гизеля (1674 г.), ни у более поздних авторов среди мощей в Ближних и Дальних пещерах имя Тимофея не значится [8, с. 664, 665, 676, 677]. Остается предположить, что это имя относится к какому-то позднему захоронению, поскольку в склепе предусматривалось погребение трех человек.

Открытая в Ближних пещерах Киево-Печерского музея-заповедника датированная надпись 1150 г. представляет собой великолепный образец древнерусской письменности. Это весьма редкая, случайно уцелевшая официальная надпись, одна из многих, которыми в древности были снабжены захоронения в пещерах Киево-Печерского монастыря. Выполненная каллиграфическим почерком, с большим художественным вкусом, надпись проливает свет еще на одну малоизвестную сторону развития письменной культуры Руси в XII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
2. *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979.
3. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев: Наук. думка, 1966.
4. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской XI—XVII вв. Киев: Наук. думка, 1976.
5. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979.
6. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков.— САИ, вып. Е1—44. М., 1964.
7. *Трусевич Я. И.* Свод 260 азбук и образцов кириллицы и снимков рукописей X—XVIII вв. Спб., 1905.
8. *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. М., 1868.

S. A. Vysotsky, I. I. Movchan

AN EPIGRAPHIC FIND IN THE BLIZHNIE CAVES OF THE KIEV-PECHERSKY MONASTERY

Summary

The authors take as their subject a large Old Russian 12th-century inscription discovered in the course of archaeological studies in the Blizhnie Caves of the Kiev-Pechersky Monastery founded in 1051 (Fig. 1). This calligraphic epigraph marked by great mastery and artistic taste is found above one of the vaults in which monks were buried. It runs as follows: «In 6658 (1150) this vault was made to bury...». The end of the inscription was damaged by the collapse of a wall thus depriving us of the name of the buried.

The inscription is a rare specimen of the Old Russian official writing. In the 12th century other burials in the monastery probably also had similar inscriptions. Its large, distinct letters resemble the inscription on the Tmutarakan Stone of 1068.

Заметки

УТКИН А. В., КОСТЫЛЕВА Е. Л.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ ВЕРХНЕВОЛЖСКАЯ КУЛЬТУРА НА СТОЯНКЕ ПОЛЬЦО *

Стоянка Польцо (Переславский р-н Ярославской обл.) находится в излучине р. Векса, в 1 км от ее выхода из Плещеева озера. Основная часть древнего поселения расположена на левом двухтеррасном берегу, а северная окраина заходит на правый. Приблизительная площадь памятника ~10 000 м².

Стоянка открыта в августе 1924 г. переславским краеведом М. И. Смирновым [1, л. 2], годом позже исследовалась А. А. Спицыным [2], в 1937 г. памятник частично раскапывался П. Н. Третьяковым [3, с. 39], через 20 лет поселение обследовал А. Л. Никитин [4], а в 1958 и 1961 гг. он же провел охранные раскопки [5, 6]. Было вскрыто более 1200 м². В результате этих исследований А. Л. Никитин предложил новую археологическую «шкалу» Волго-Клязьминского междуречья [7], частично измененную и дополненную в его последних работах [8, 9].

При внимательном анализе вся «новизна» «шкалы» сводится к замене терминов («ямочно-гребенчатый неолит» — I, II, «берендеево» — I, II и т. д.) и разрыву единой волосовской культуры на два генетически и хронологически не связанных этапа («волосово» — I, II) [7, 10, 11]. В остальном же предложенная «шкала» мало чем отличается от периодизации неолита и эпохи металла Волго-Окского междуречья, существовавшей в археологической науке до открытия в 1972 г. Д. А. Крайновым ранненеолитической верхневолжской культуры [12].

В 1973, 1975 и 1979 гг. Верхневолжской экспедицией на стоянке Польцо были проведены широкие шурфовочные работы [1]. Этими исследованиями выяснено, что разновременные культурные остатки на всей площади поселения сильно перемешаны [2]. Расчленить материалы по культурно-хронологическим комплексам удалось только методом точной фиксации керамики по глубинам.

В дерне и сразу же под ним во всех шурфах встречено небольшое число обломков «селищенской» и древнерусской круговой посуды. Ниже, до глубины 30—40 см, залегают обломки сосудов с сетчатой и штрихованной поверхностью и единичные фрагменты фатьяновской и абашевской керамики. Волосовская керамика представлена небольшим количеством находок и только в прибрежных шурфах. Все черепки имеют поздний (а не ранний!) облик — толстые рыхлые стенки с растительной примесью, утолщенные и Г-образные края венчиков и разнообразный зубчатый, рамчатый и ямчатый орнамент. Абсолютно аналогичная керамика найдена в чистых слоях на других древних поселениях Переславского

* Пользуемся случаем поблагодарить Д. А. Крайнова, предоставившего материалы для изучения и публикации.

[1] Охватить поселение большими раскопками в настоящее время не представляется возможным, так как основная его часть застроена разъездными путями и станционными сооружениями узкоколейной железной дороги Купанского торфопредприятия, а правобережная часть занята огородами и хозяйственными постройками пос. Купанского.

[2] Поэтому нет ничего удивительного в залегании двух обломков фатьяновских сосудов in situ в третьем раскопе 1958 г. [7, с. 121].

Залесья — стоянках Вашутинская [13] и Плещеево IV [14]. На этой же глубине находятся обломки поздненеолитической посуды с редкоямочным фигурно-геометрическим и гребенчато-ямочным орнаментами. Для последних характерно преобладание различных зубчатых оттисков над ямочными вдавлениями, которые частично утратили свою правильную коническую форму. На глубине 40—60 см (в некоторых шурфах до 75 см) залегает очень мощный по насыщенности комплекс «классической» ямочно-гребенчатой керамики, которая в основании культурного слоя смешана с обломками посуды, относящейся к ранненеолитической верхневолжской культуре.

А. Л. Никитин не выделяет в своих публикациях верхневолжский керамический комплекс. Исследователь фиксирует его как «атипичный» и датирует эпохой поздней бронзы [7, с. 138] или выделяет в «особую» (?) керамику энеолитического времени [9, с. 329—330]. На этом вопросе необходимо подробно остановиться.

За три года шурфовочных работ в культурном слое стоянки Польцо найдено 128 ранненеолитических верхневолжских черепков, что составляет 10,03% от общего количества (1276 экз.) керамического материала [3]. Все обломки, за редким исключением, сильно фрагментированы и окатаны. Они тонкостенны: средняя толщина стенок не превышает 5—7 мм. Формовались сосуды методом кольцевого налепа, о чем свидетельствуют некоторые черепки, распавшиеся по линии слепки жгутов (рис. 1, *8*). Состав теста разный: глина с естественными включениями и примесями, реже мелкая дресва и органика, чаще шамот в чистом виде или в сочетании с дресвой. Обжиг костровый, слабый. Внешняя поверхность обломков тщательно залощена (порой до блеска). Некоторые черепки ангобированы или несут слабые следы окраски. Тыльная сторона часто покрыта горизонтальной прерывистой штриховкой — «расчесами» (результат заглаживания).

Основные элементы орнамента — оттиски зубчатого штампа, мелкие тычковые вдавления или наколы и ямки. Зубчатые оттиски, как правило, неширокие, мелкие, расположены длинными косыми линиями от горла сосуда к днищу или «елочкой» (рис. 1, *6, 9*). Мелкозубчатый орнамент зафиксирован на 33 обломках. Из них 20 имеют редкие горизонтальные разделительные пояса, состоящие из ямчатых и тычковых вдавлений, короткозубчатых оттисков или различных сочетаний этих элементов. 10 черепков украшены пунктирным орнаментом (рис. 1, *5*) и 3 — прочерченным. Последний наносился или тонким стержнем, или мелкозубчатым штампом, которым в этих случаях не «чеканили» зубчатые линии, а чертили сплошные. Композиционное расположение прочерков и пунктиров такое же, как и мелкозубчатого орнамента.

Вторую группу верхневолжской керамики составляют обломки с тычковой орнаментацией (50 экз.). Тычки-наколы по форме, технике нанесения и композиционному рисунку разнообразны (рис. 1, *2*, *3*, *7*, *8*). В большинстве случаев они образуют различные несложные геометрические фигуры и линии и занимают незначительную площадь поверхности сосуда, оставляя большие свободные пространства. 17 фрагментов не орнаментированы.

Три черепка имеют косовертикальный ложношнуровой орнамент, выполненный техникой «отступающей» лопаточки, и ямчатые вдавления под срезами венчиков (рис. 1, *1*, *4*). Остальные виды орнамента — редкие цилиндрические ямки и горизонтальные пояса короткозубчатых оттисков — единичны (12 экз.).

Фрагментов венчиков немного — 17 экз. Все они прямые, края оформлены довольно однообразно: или прямо срезанные, или округленные — и в большинстве случаев не орнаментированы. У двух обломков под срезом до обжига по сырой фактуре сделаны сквозные цилиндриче-

[3] Мы не привлекаем материалы из раскопок А. Л. Никитина, так как они находятся в ряде музеев (Ярославский музей-заповедник, Переславль-Залесский историко-художественный музей, ГЭ и ГИМ) и в настоящее время бóльшая их часть утрачена.

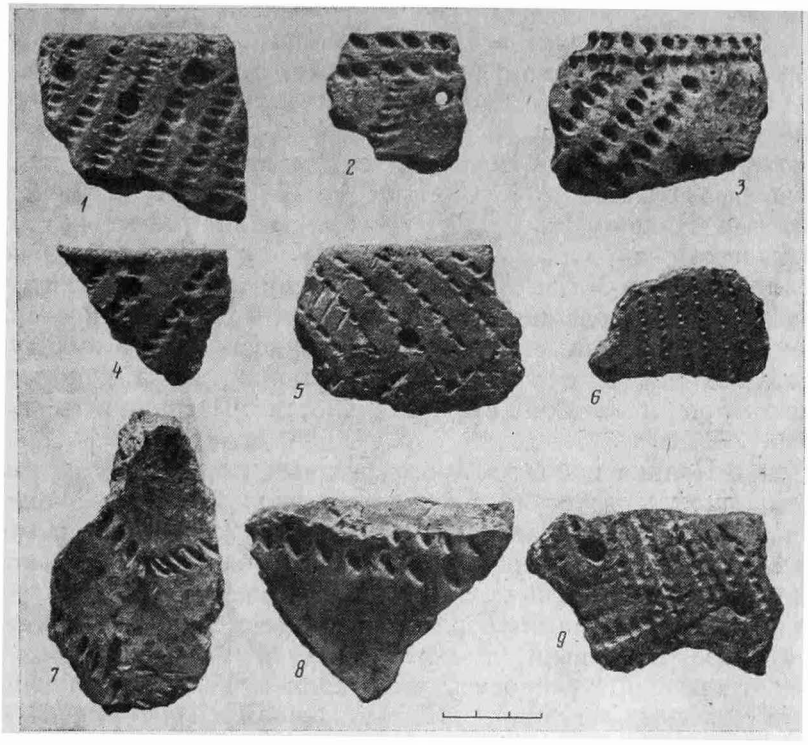


Рис. 1. Ранненеолитическая верхневолжская керамика со стоянки Польцо

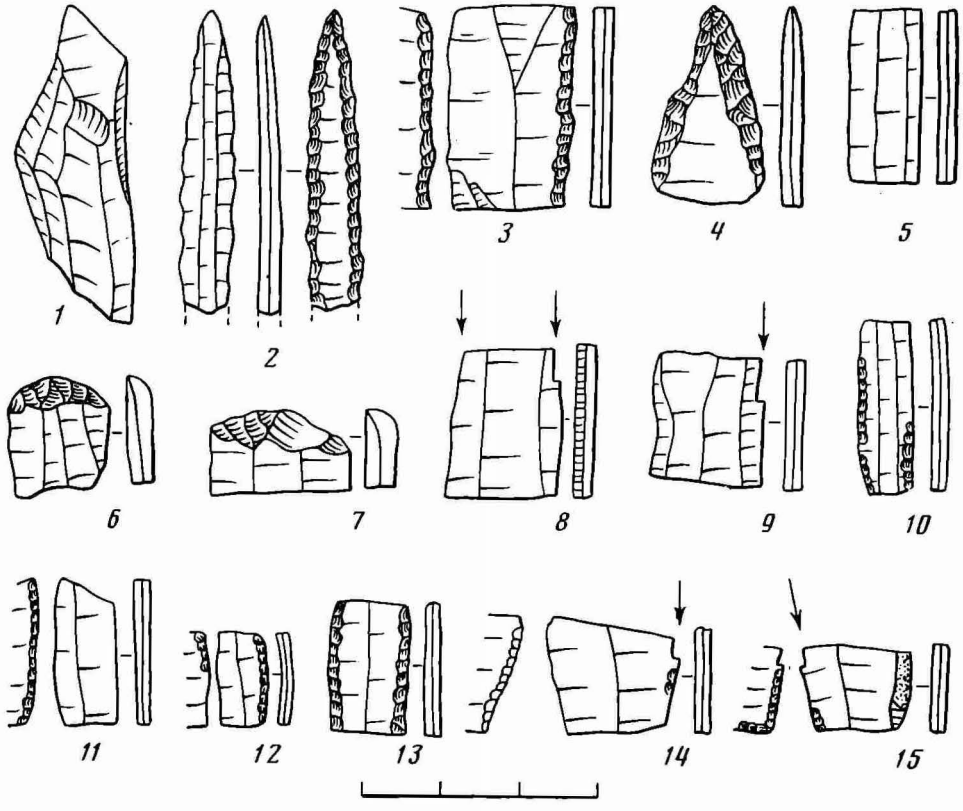


Рис. 2. Комплекс орудий на пластинках верхневолжской культуры со стоянки Польцо

ские отверстия (рис. 1, *2*), служившие, очевидно, для пропускания веревки (шнура) с целью подвешивания или более удобной транспортировки сосудов.

Обломков днищ найдено всего два. Первый принадлежал большому круглодонному сосуду, второй — маленькому, тщательно изготовленному сосудику-«кубку» с плоским донцем, украшенным густым тычковым орнаментом.

Аналогичная ранненеолитическая керамика встречена на стоянках Ивановское 1, V и VII [15], Сахтыш I, II и VIII [15], Языково I и III [15, 16], Николо-Перевоз I—III [17] и на многих других памятниках Верхнего Поволжья.

Более сложная ситуация с кремневым инвентарем. Типологически выделяется только «микролитический» комплекс, который в настоящее время многие исследователи связывают с верхневолжской культурой [12, 15, 16]; орудия же, изготовленные на отщепах, из-за перемешанности культурного слоя и слабой выразительности разграничить почти невозможно.

На стоянке Польцо найдено 49 ножевидных пластинок, орудий на них и один небольшой конический расколотый вдоль нуклеус с сильно скошенной ударной площадкой и негативами отжатых пластинок (рис. 2, *1*). Из орудий же необходимо отметить обломок наконечника стрелы с крутой ретушью по краям брюшка (рис. 2, *2*), небольшое острие (рис. 2, *4*), три резца на углах сломанных пластинок (рис. 2, *8*, *9*), обломок ножа (рис. 2, *3*), два концевых скребка с крутой ретушью (рис. 2, *6*, *7*), сверло на остром конце ребристой пластинки и девять вкладышей с затупленными мелкой ретушью рабочими краями (рис. 2, *10—13*). Три вкладыша на углах имеют короткие резцовые сколы (рис. 2, *14*, *15*).

Прочие микролиты: 21 обломок ножевидных пластинок, пять из которых — с нерегулярной ретушью по краям, шесть — правильных прямоугольных сечений (рис. 2, *5*), и четыре боковых скола с нуклеусов (ребристые пластинки). Сырьем служил местный валунный кремень светло-серых оттенков.

Таким образом, последними исследованиями стоянки Польцо установлено, что богатейший археологический материал, опубликованный А. Л. Никитиным, интерпретирован неправильно. Во-первых, культурные остатки, охватывающие огромный отрезок времени (неолит — эпоха металла), сильно перемешаны между собой и не имеют четкого стратиграфического деления. Во-вторых, основное залегание обломков посуды с мелкозубчатым и тычковым орнаментом и ножевидных пластинок отмечено внизу культурного слоя, что указывает на существование ранненеолитического горизонта верхневолжской культуры, разрушенного, по-видимому, еще в древности. Построенная и отстаиваемая А. Л. Никитиным периодизация неолита и эпохи металла Центра Русской равнины в свете новейших открытий и переоценки ранее известных материалов искажает историческую картину смены археологических культур указанной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов М. И.* Материалы для археологической карты Переславль-Залесского уезда. 1929 г.— ГИМ, ОПИ, ф. 191, № 77683.
2. *Иванов А. И.* Краткий обзор археологических исследований во Владимирской губернии за последнее десятилетие.— В кн.: Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927.
3. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л.: Наука, 1966.
4. *Никитин А. Л.* Отчет о разведке 1957 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1637.
5. *Никитин А. Л.* Отчет об археологических работах на неолитическом поселении Польцо в 1958 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1772.
6. *Никитин А. Л.* Отчет об охранных раскопках 1961 г. на неолитическом поселении Польцо в Переславском районе Ярославской области.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2335.
7. *Никитин А. Л.* Многослойное поселение Польцо.— СА, 1975, № 3,
8. *Никитин А. Л.* Древние поселения и ритмы гидросферы.— Природа, 1978, № 1.

9. *Никитин А. Л.* Палеогеографические условия поселения человека в голоцене и «древнейшая керамика».— ИВГО, 1980, т. 112, № 4.
10. *Никитин А. Л.* Существовала ли «волосовская культура»? — СА, 1974, № 1.
11. *Третьяков В. П.* В защиту единства волосовских древностей.— СА, 1975, № 4.
12. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. А., Молодцова Е. М.* Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья.— ВАН, 1973, № 5.
13. *Цветкова И. К.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславль-Залесского.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
14. *Никитин А. Л.* Неолитическое поселение Плещеево IV.— СА, 1977, № 4.
15. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3.
16. *Урбан Ю. А.* К вопросу о ранненеолитических комплексах в Калининском Поволжье.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
17. *Раушенбах В. М.* К вопросу о верхневолжской керамике в памятниках бассейна р. Дубны.— Тр. ГИМ, 1980, вып. 51.

АНДРЕЕВА М. В.

ГЛИНЯНАЯ МОДЕЛЬ ПОВОЗКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ КАТАКОМБНОГО ВРЕМЕНИ

В 1979 г. при раскопках курганной группы Чограй VIII на южном берегу Чограйского водохранилища (северо-восток Ставропольского края, р. Восточный Маныч) было открыто погребение (кург. 3, погр. 3) катакомбного времени, содержавшее в составе погребального инвентаря редкую находку — глиняную модель повозки (рис. 1, 2) [1]. Погребение было впущено в западную полу кургана, прослеживалось с уровня материка [2]. Погребальная конструкция представляла собой небольшую катакомбу с прямоугольной входной шахтой, вытянутой по линии север — юг, и округлой камерой, примыкавшей к шахте с северо-восточного угла (рис. 3). В камеру вела невысокая (30 см) ступенька. В северной части камеры на дне лежал скелет ребенка 9—12 лет [3], на спине, вытянуто, головой на юго-восток. Под кистями обнаружены остатки розовой краски, под стопами — пятно охры алого цвета. Под скелетом прослеживался коричневый тлен подстилки. При погребенном были найдены вещи: у черепа — три бронзовые бочонковидные маленькие бусины, на левом запястье — четыре бронзовые подвески в виде перевитого стерженька с полушарием на конце, у левого локтя — маленький обломок раковины, у левого бедра — в кучке (очевидно, на связке) костяная молоточковидная булавка с нарезным орнаментом и четыре круглые костяные пластинки с дырочками (рис. 3).

В 30 см к югу от черепа на меловой подсыпке стояла глиняная модель повозки-кибитки, обращенная передней гранью на восток. Боковые стенки ее выгнуты, дно слегка вдавлено внутрь. Внешняя поверхность розового цвета, хорошо заглажена. Размеры модели (в см): высота 26,5, высота передней грани 24,5; ширина передней грани 16,3; высота задней грани 21,3; ширина задней грани 12,5; дно — 14,4×19,6. В передней и боковых стенках имеются три квадратных отверстия-окна размерами соответственно 11×10, 10,7×9,8 и 10,3×10 см. Снаружи модель украшена врезным орнаментом и изображениями. Спереди окно обрамляет с трех сторон ряд точек, обведенный линией и зигзагом (солярный символ?). Под окном — широкая полоса, разделенная на треугольники, заштрихованные параллельно одной из сторон, по ребру — ряд оттисков Z-образного штампа, заключенный между линиями. На правой боковой поверхности внизу — ряд вертикальных линий, сгруппированных по две.

[1] Раскопки велись Арзгирским отрядом Ставропольской экспедиции ИА АН СССР. Комплекс вещей из этого погребения передан на хранение в ГИМ [1, с. 13—16].

[2] Основное погребение в кургане было совершено в прямоугольной яме; скелет подростка лежал на спине, вытянуто, головой на восток. Из вещей найден один астрагал.

[3] Определение Г. П. Романовой (ИА АН СССР).

Рис. 1. Модель повозки

Он отделен слегка изогнутой линией от расположенных выше двух зигзагов, состоящих из линий и точек: в нижнем точки заключены между линиями, в верхнем обрамляют их. Над окном, ближе к крыше, идет полоска из точек между линиями, над которой расположен зигзаг с точками с внутренней стороны. На левой боковой поверхности, внизу — рад вертикальных линий, сгруппированных по две-три, над ними — ряд вертикальных линий, еще выше — ряд в виде горизонтальной «елочки». Ряды разделены горизонтальными линиями. Под крышей — дугообразные линии с точками между ними, под которыми помещен зигзаг из точек. Ближе к передней грани этот зигзаг разделен вертикальной линией. Задняя грань ограничена дугообразными линиями с точками между ними, и плоскость ее заполнена в верхней части двумя рядами вертикальных линий, разделенных горизонтальными, в нижней — дугообразным пояском с зигзагом. На крыше прочерчены линии, параллельные боковым граням, на дне — две широкие углубленные линии ближе к переднему и заднему краям.

Большинство нанесенных изображений явно подчеркивает конструктивные детали: нижнюю часть повозки составляет кузов — основа с невысокими бортами, к которой спереди и сзади крепятся дуги перекрытия, соединенные между собой в верхней части боковыми дугами. Верхняя часть стенок и крыша, возможно, мыслились как плетеные. На задней грани дугообразный поясок может изображать что-то вроде запяток. Углубленные линии на дне повозки предназначены для крепления осей, которые, как и колеса, в погребении найдены не были [4].

Для прикрепления к повозке других деталей (а может быть, и для внутреннего устройства кузова) в модели имеются небольшие круглые отверстия (диаметр 0,5 см): 2 в передней стенке под окном, 2 в задней, над дугой-«запятками», выше по уровню, чем спереди, по 3 в боковых стенках над окнами, 14 в дне (по 6 рядом с углублениями для осей и 2 между ними, ближе к передней стенке). Отверстия в передней грани служили, вероятно, для прикрепления дышла, а симметрично расположенные дырочки около желобков в дне повозки — для привязывания осей с колесами. Отверстия в боковых гранях находятся друг против друга на одном уровне, что наводит на мысль о наличии перекрытия внутри кузо-

[4] Орнамент в виде зигзага и точек встречается на катакомбной посуде [2, рис. 19, *2*; 3, табл. 44, *34*).

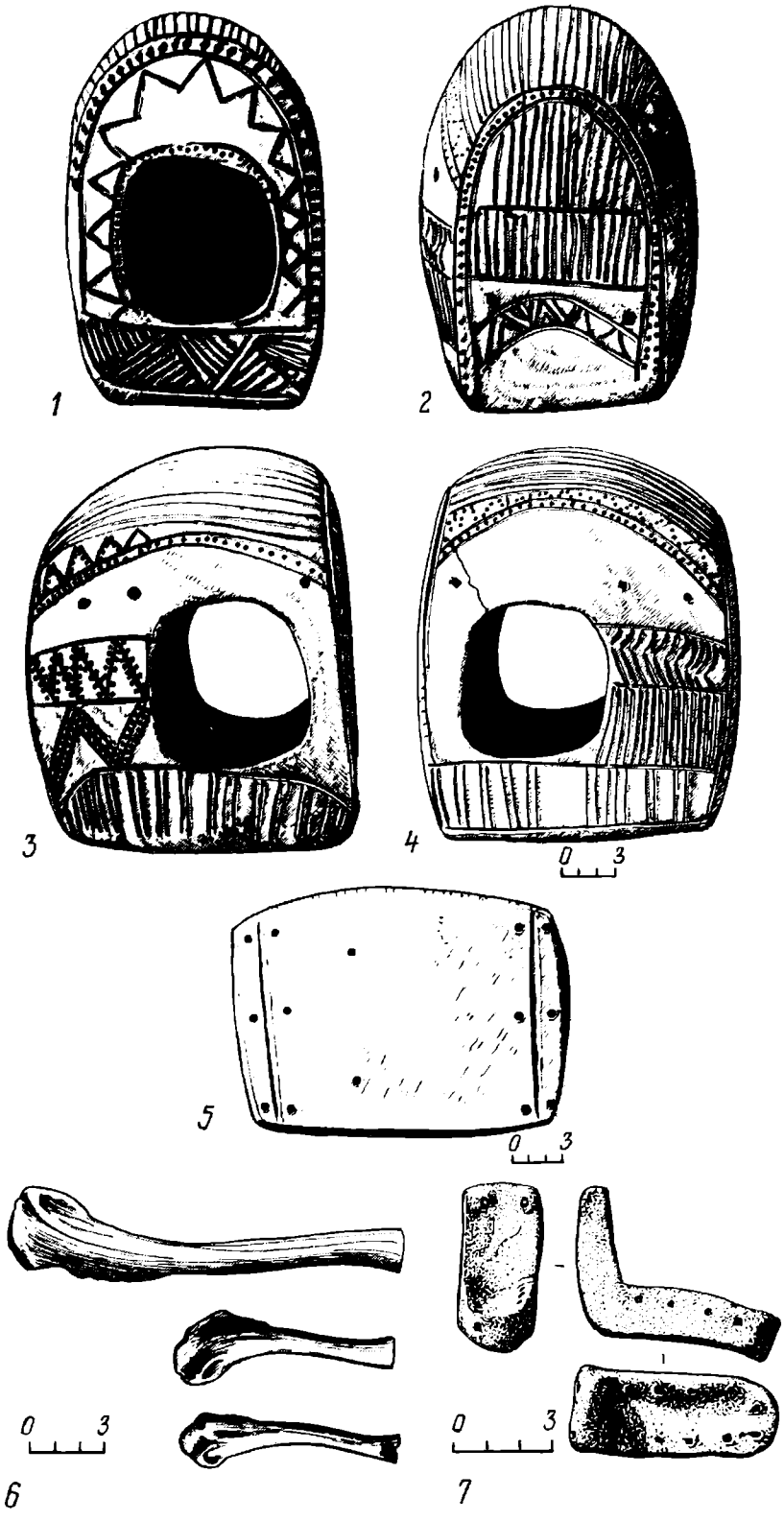


Рис. 2. Модель повозки и вещи из нее: *1—5* — модель повозки, *6* — кости птицы, глиняная фигурка

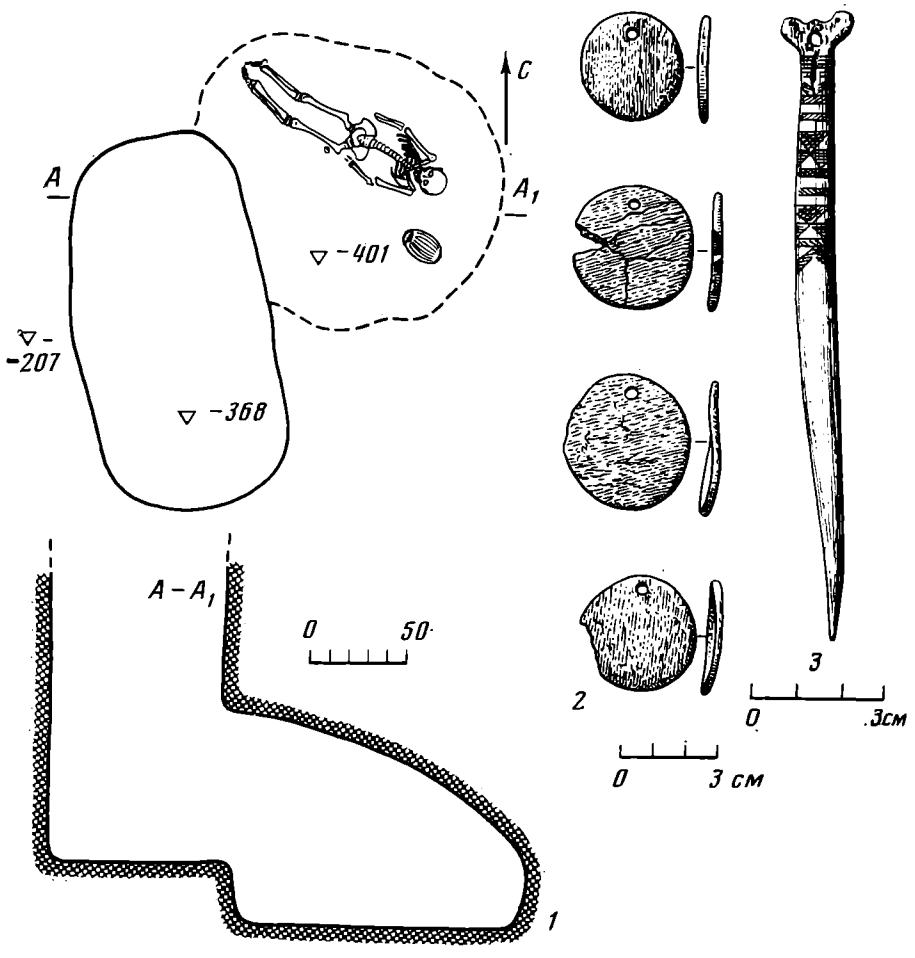


Рис. 3. План погребения и вещи из него *1* — план и разрез погребения, *2* — костяные пластинки, *3* — костяная булавка

ва. Дырочки в задней стенке модели расположены на разных уровнях, но на одинаковом расстоянии от прочерченной дуги. Развивая сугубо предположительную интерпретацию дуги как «запяток», можно представить здесь наличие какой-нибудь дополнительной конструкции именно с внешней стороны повозки. Наконец, два отверстия посередине дна модели, кажется, можно связать с организацией внутреннего пространства повозки.

Внутри модели были найдены предметы: три трубчатых птичьих кости (от трех разных особей), слегка заполированных, у которых один конец был ровно отрезан; глиняная фигурка, напоминающая известные модели «колыбелей» или «повозочек» этого времени, и маленький камешек-галька диаметром 0,5 см. Глиняная фигурка (высота 3,5, длина 5,5 см) имеет вид прямоугольной скобки, поверхность ее — красного цвета, со следами красной же краски. В нижней части имеется 10 симметрично расположенных сквозных дырочек, проколотых сбоку наискось вверх, в верхней части — 2 сквозные дырочки. Можно предположить, что они служили для закрепления (или подвешивания) фигурки.

По особенностям устройства катакомбы (камера примыкает к шахте с угла), положению погребенного (на спине, вытянуто), инвентарю (костяная молоточковидная булавка и бляшки, бронзовые подвески-стерженьки) весь комплекс следует относить к числу ранних катакомбных захоронений. Модель повозки и фигурка внутри нее также находят себе аналогии, прежде всего в памятниках начала средней бронзы Калмыкии, Восточного Маныча, Прикубанья, Нижнего Подонья[5]. Так, описанная

[5] В погребениях этого же круга встречаются наборы птичьих костей [4, с. 49]. В Элистинском могильнике рядом с моделью повозки найдена «тонкая трубчатая кость животного с тщательно срезанными и заполированными концами» [5, с. 64].

модель близка модели из Ульского аула (кург. 5) [6, с. 154, рис. 228, *а* и *б*], ст. Темижбекской (кург. 3, погр. 9) [7, с. 16—18, рис. 84] и отлична от двухколесных маленьких моделей из курганной группы «Три брата» (кург. 9, жертвенник) [8, с. 150, рис. 13] и Элистинского могильника (кург. 5, погр. 8) [5, табл. 5а]. Фигурка сопоставляется с «повозочками» из могильника Чограй I (кург 58, погр. 1) [9, с. 59—60, табл. 63, *12*], Ульского аула (кург. 5) [6, с. 152, рис. 225], Ростова-на-Дону (кург. 6, погр. 1) [10, рис. 72, *19*]. В большинстве случаев отмечается связь моделей с детскими захоронениями [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева М. В.* Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 8039.
2. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963.
3. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966.
4. *Кияшко В. Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. Донецк, 1979.
5. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. НИИИФиЭ, 1971.
6. ОАК за 1909 и 1910 гг. Спб., 1913.
7. *Николаев Г. А.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Краснодарской оросительной системы (I очередь), исследованных Темижбекским отрядом Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского университета в 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 8051.
8. *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья.— СА, 1948, т. X.
9. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1978.
10. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
11. *Häusler A* Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen in nordpontischen Raum— EAZ, 1981, Jg. 22, № 4.

[6] Об этом недавно писал А. Хойслер [11, с. 633—636]. В указанной работе приведена библиография вопроса о ранних повозках и их моделях.

МЫСЬКОВ Е. П.

ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В МОГИЛЬНИКЕ ЧЕНИН

В 1980 г. Заволжской экспедицией Волгоградского педагогического института был исследован курганный могильник у хутора Ченин Палласовского р-на Волгоградской обл. Могильник располагался на расстоянии 15 км к северу от соленого оз. Эльтон, рядом с небольшим лиманным понижением. Он состоял из восьми насыпей, вытянутых цепочкой с северо-запада на юго-восток. Все курганы могильника были сооружены над погребениями срубной культуры. Наиболее интересными оказались погребения в кургане 5, им и посвящена предлагаемая заметка.

Курган (рис. 1) имел диаметр 22 и высоту 0,8 м. Насыпь кургана была сложена из светло-серого суглинка, толщина гумусного слоя 0,3, мощность погребенной почвы 0,35 м, материк — светлый суглинок. В центральной части насыпи на погребенной почве залегал овальный в плане материковый выкид размером 7×12 и мощностью до 0,2 м. Всего в кургане обнаружено четыре погребения.

Погребение 1 (рис. 2, *1*) располагалось в центре кургана, на глубине 0,5 м от современной поверхности насыпи. Кости скелета подростка лежали кучей в следующем порядке: на длинные кости скелета были уложены кости таза, позвонки, ребра, лопатки. На них на теменной части лежал череп, рядом с которым стоял лепной сосуд. Он расслоился на мел-

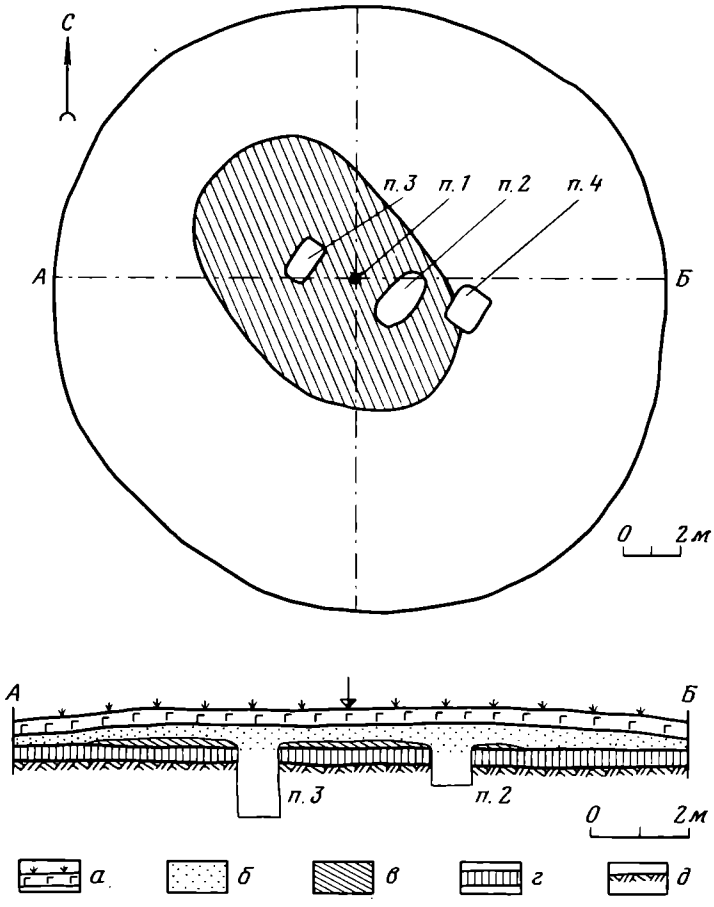


Рис. 1. План кургана 5. *а* — гумус, *б* — светло-серый суглинок, *в* — материковый выкид, *г* — погребенная почва, *д* — материк (светлый суглинок)

кие фрагменты. Наружные поверхности фрагментов светло-коричневого цвета, глина в изломе черная, с примесью шамота.

Погребение 2 (рис. 2, *2*) располагалось на расстоянии 0,8 м к юго-востоку от центра кургана. Могильная яма овальной формы была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Длина ее 2,2, ширина 1,4, глубина 0,8 м от уровня погребенной почвы. На дне ямы, в юго-западной части, кучей лежали кости взрослого человека. На длинные кости скелета были уложены кости таза, позвонки, ребра, лопатки. На них на теменной части лежал череп. Несколько костей лежало у юго-восточной стенки ямы, в норе грызуна. На костях рядом с черепом стоял горшок с красноватой поверхностью, глина в изломе черная, с примесью шамота. Высота горшка 12 см (рис. 3, *1*). В горшке лежал позвонок человека.

Погребение 3 (рис. 2, *3*) располагалось на расстоянии 1,6 м к западу от центра кургана. Могильная яма прямоугольной формы, была ориентирована по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Длина ее 1,6, ширина 1,1, глубина 1,5 м от уровня погребенной почвы. На дне ямы под остатками деревянного перекрытия лежал скелет взрослого человека на левом боку, скорченно, головой на северо-северо-восток, кисти рук располагались перед лицом. На правом виске погребенного лежала бронзовая желобчатая подвеска, обернутая золотой фольгой. Наружная поверхность ее орнаментирована параллельными поперечными рисками. Длина подвески 4 см (рис. 3, *6*). В области шейных позвонков и тазовых костей найдены 162 цилиндрические бусины из темно-серой, голубой и белой пасты диаметром от 0,2 до 0,4 см и три рубчатые пастовые пронизки голубого и белого цветов диаметром 0,3 см (рис. 3, *4*). Перед погребенным стоял лепной горшок с красноватой поверхностью, покрытой бороздами заглаживания. Срез венчика орнаментирован параллельными насеч-

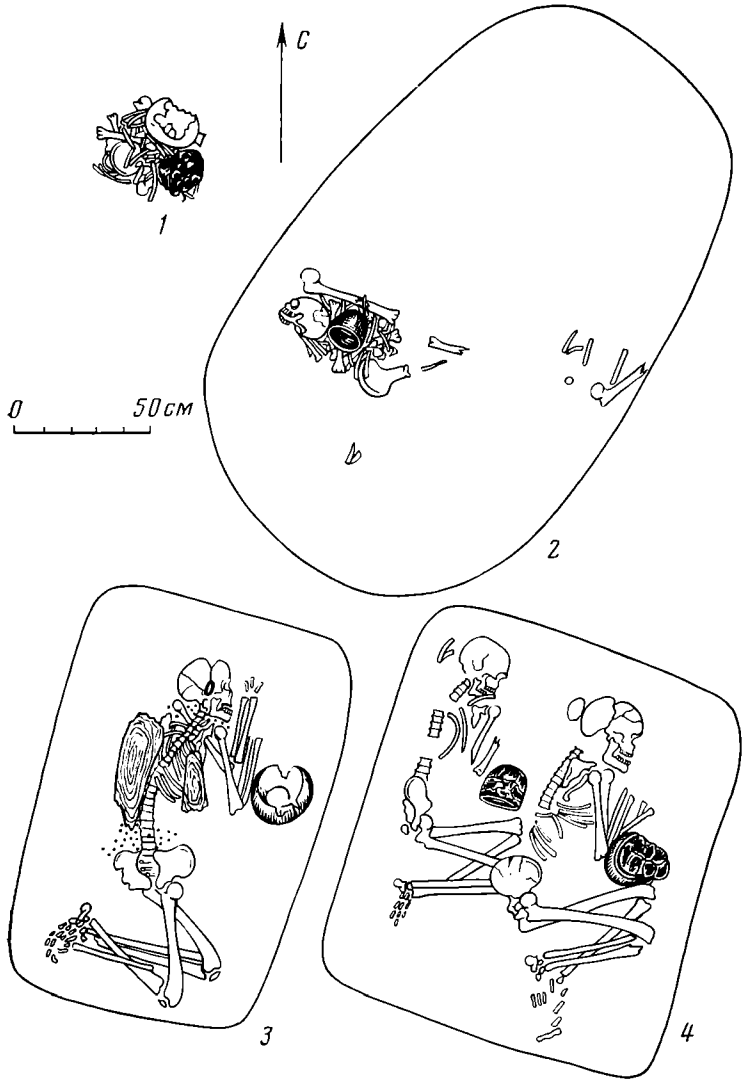


Рис. 2. Планы погребений (*1—4*)

ками. Глина, из которой изготовлен горшок, черная в изломе, без видимых примесей. Высота горшка 17 см (рис. 3, *2*).

Погребение 4 (рис. 2, *4*) располагалось на расстоянии 3,6 м к востоко-юго-востоку от центра кургана. Могильная яма подквадратной формы была ориентирована по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Длина ее 1,5, ширина 1,3, глубина 0,8 м от уровня погребенной почвы. На дне ямы лежали скелеты двух взрослых людей на левом боку, скорченно, головой на северо-северо-восток, кисти рук располагались перед лицом. Перед погребенным, лежащим у северо-западной стенки ямы, лежал лепной горшок с красноватой поверхностью, глина в изломе черная, с примесью шамота. Высота горшка 12 см (рис. 3, *3*). Перед погребенным у юго-восточной стенки ямы стоял лепной горшок с темно-коричневой поверхностью, глина в изломе черная, с примесью шамота. Высота горшка 10 см (рис. 3, *5*).

Судя по расположению материкового выкида, зафиксированного на погребенной почве, погр. 2—4 были сооружены одновременно или в пределах не очень значительного промежутка времени, а затем перекрыты курганной насыпью. Незначительная углубленность могильных ям в материк и большие размеры выкида не позволяют связывать его только с одним из исследованных захоронений. Впускное погр. 1 было сооружено несколько позже в готовой насыпи.

Такие черты погребального обряда, как северная с незначительным отклонением ориентировка погребенных, небольшие размеры могильных

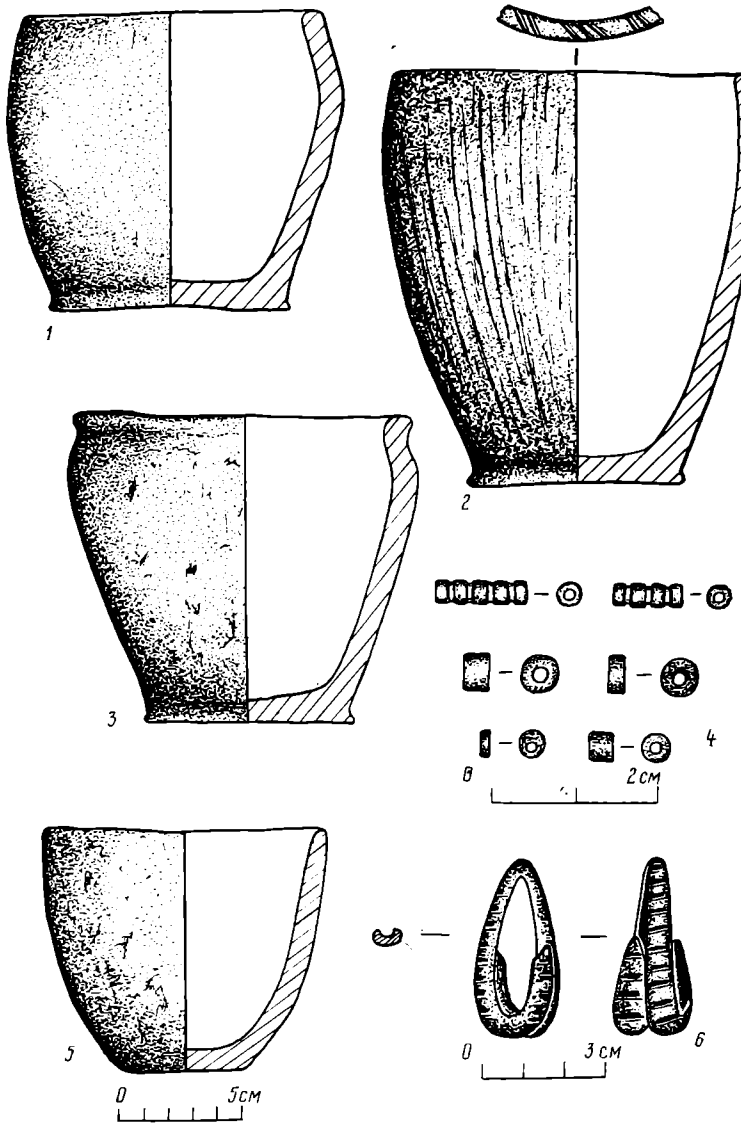


Рис. 3. Керамика и вещи из погребений. *1* — погр. 2; *2*, *4*, *6* — погр. 3; *3*, *5* — погр. 4

ям, отсутствие меловой или охристой посыпки, позволяют отнести исследованные захоронения, совершенные по обряду трупоположения, к развитой срубной культуре и датировать в пределах третьей четверти II тысячелетия до н. э. Инвентарь погребений представлен лепными сосудами баночной формы, бронзовой желобчатой височной подвеской, обернутой золотой фольгой, и пастовыми бусами. Все эти вещи имеют довольно широкое хронологическое распространение и поэтому вряд ли могут быть использованы для уточнения времени сооружения рассматриваемого погребального комплекса.

Особый интерес представляют погр. 1 и 2, совершенные по обряду вторичного захоронения. Впервые подобный обряд был отмечен П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым в кургане у с. Ново-Байбатырево Чувашской АССР [1, с. 106]. Вторичные захоронения исследованы Н. Я. Мерпертом в курганах у сел Хрящевка [2, с. 142] и Кайбела [3, с. 93] Куйбышевской обл., а также И. Б. Васильевым в Неприкском курганном могильнике [4, с. 29]. На территории Нижнего Поволжья было известно всего два подобных захоронения. Это погр. 4 кургана 4 у с. Политотдельское Волгоградской обл. [5, с. 241] и погр. 17 кургана 1 могильника Быково II [6, с. 226]. К сожалению, никаких вещей в этих погребениях не найдено, поэтому их нельзя с полной уверенностью считать срубными. Принадлежность вторичных захоронений Ченинского

могильника к срубной культуре сомнений не вызывает, поскольку одно из них сопровождалось баночным сосудом и было сооружено одновременно с обычными срубными погребениями.

Относительная многочисленность вторичных захоронений на Средней Волге и их полное отсутствие на смежных территориях позволила Н. Я. Мерперту считать этот обряд погребения характерной особенностью северо-восточного локального варианта срубной культуры [2, с. 143]. Исследование вторичных захоронений в Нижнем Поволжье позволяет говорить о более широком распространении этого обряда. При этом необходимо указать на некоторые различия средневолжских и нижневолжских погребений. Ченинские погребения отличаются от известных ранее вторичных захоронений прежде всего тем, что кости погребенного здесь не беспорядочно свалены в кучу или разбросаны по дну могильной ямы, а аккуратно уложены в определенном порядке: на длинные кости скелета положены кости таза, позвонки, ребра, лопатки, сверху на теменной части стоит череп и глиняный горшок. Кроме того, одно из исследованных погребений совершено в насыпи кургана, в то время как все известные средневолжские вторичные захоронения совершены только в материковых ямах

ЛИТЕРАТУРА

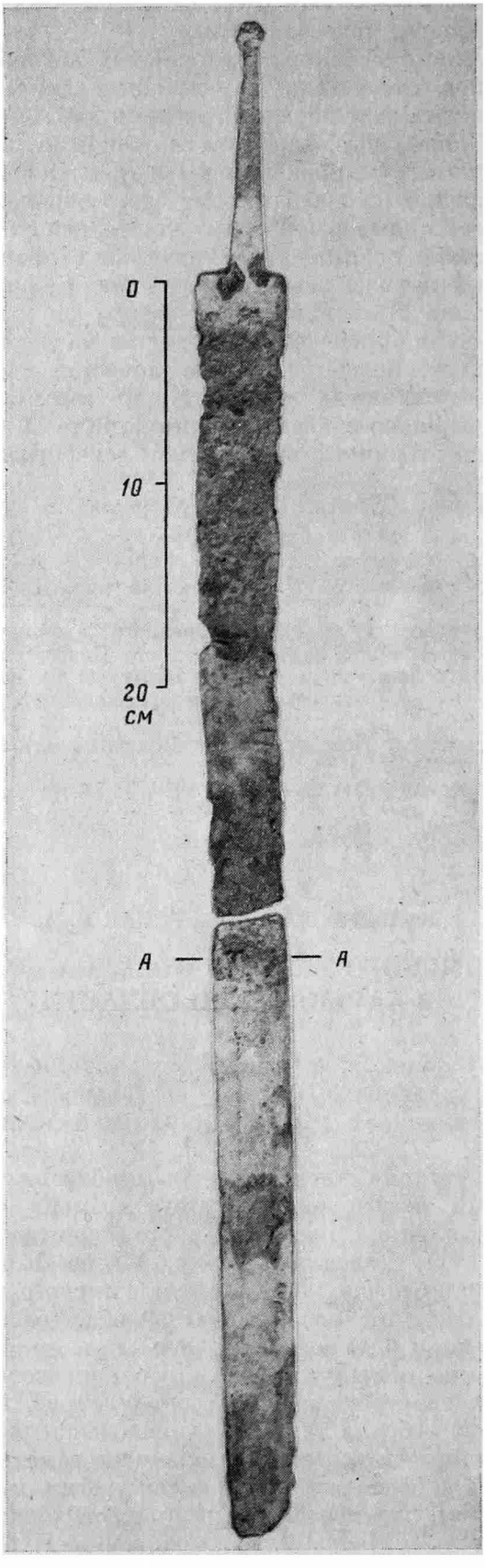
1. *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Абашевская культура в Поволжье.— МИА, 1961, № 97.
2. *Мерперт Н. Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, 1954, № 42.
3. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61.
4. *Васильев И. Б.* Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области.— В кн.: Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1975.
5. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, 1959, № 60.
6. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.

РАДЗИЕВСКАЯ В. Е., ГОПАК В. Д.

МЕЧ РИМСКОГО ТИПА ИЗ ПОСЕЛКА КОЛОМАК В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Предметы вооружения, в частности мечи, крайне редко встречаются на черняховских памятниках. Известно несколько мечей и их обломков, найденных на могильниках и поселениях этой культуры [1, с. 129, рис. 42, *1*; 2, с. 27, 28, 71; 3, с. 181; 4, с. 249; 5, с. 161, табл. 1.9]. На территории днепровского Левобережья до сих пор был известен лишь один экземпляр меча этого времени (погребение № 86 Компаниевского могильника, расположенного в междуречьи низовьев рек Псла и Ворсклы [6]). Далее к востоку они не были зафиксированы. В связи с этим важна новая находка меча римского типа, сделанная у пос. Коломак Валковского р-на Харьковской обл. (бассейн р. Ворсклы у водораздела с бассейном р. Северский Донец).

Меч был случайно обнаружен после вспашки поля вблизи бывшего хутора Тарапуньки на северо-западной окраине пос. Коломак в 1980 г. Ранее здесь же была собрана типично черняховская керамика и найдены две монеты императора Максимилиана. На мече заметна окалина от пребывания в огне, и первоначально его клинок был дважды согнут. Это свидетельствует о том, что меч скорее всего происходит из разрушенного погребения, возможно, с обрядом трупосожжения. К сожалению, нашедший его школьник не запомнил точного места находки и попытался выпрямить меч, в результате чего последний переломился на две части. В таком виде он и был передан нам учителем Коломакской школы А. А. Шинкаренко (рисунок).



Меч из Коломака (фото). *А — А* — место взятия образца

Меч обоюдоострый, общей длиной 720 мм. Клинок меча, имеющий длину 610 мм, несколько асимметричен по отношению к черенку. Размеры уступов, отделяющих черенок от клинка, неодинаковы: с одной стороны 15, с другой 8 мм. Ширина клинка у основания рукояти 43 мм. Затем он плавно сужается к острию до 33 мм. Кончик клинка поврежден. Черенок длиной 120 мм выполнен в форме прямоугольного в сечении и утончающегося к концу стержня с характерным навершием в виде шишечки на конце.

Близкие аналогии данной находке можно отыскать в Польше среди мечей III—IV вв., известных здесь на памятниках пшеворской культуры [7, с. 273, рис. 95; 8, рис. 29]. Аналогичные мечи позднеримского времени часто встречались на территории Германии [9, с. 127, рис. 145]. Особенно близок к нашему римский меч второй половины IV в. из погребения в Сувалковском уезде ПНР [8, рис. 30, 31].

Для металлографического анализа нами был вырезан образец в поперечном сечении клинка недалеко от места излома. На образце ясно прослеживается дугообразный неглубокий дол шириной 20 мм. Максимальная толщина клинка в месте взятия пробы 3,5 мм, минимальная (по основанию дола) 1,8 мм. Металлографический анализ показал, что меч изготовлен из хорошо прокованной полосы кричного железа. Микроструктура металла — феррит, местами следы перлита. Микротвердость железа невысока и колеблется в пределах 116—170 кг/мм^2. Остатков шлака в нем почти не наблюдается.

Цельножелезные мечи встречались на памятниках рубежа и первой половины I тыс. н. э. неоднократно. Находки их известны как в Восточной, так и в Центральной Европе. В частности, меч, откованный из сварочного «пакетного» железа, обнаружен в Ягнятине [10, с. 46]. Цельножелезные мечи обнаружены в пшеворских погребениях Западного Поморья на территории Польши [11, с. 149—151]. Известны они и в других районах, например на памятниках ясторфской культуры в ГДР [12, с. 325]. Таким образом, исследованный нами экземпляр по технологии изготовления исключением не является.

Коломакский меч римского типа представляет собой первую и пока единственную подобную находку на юго-восточной периферии области распространения черняховских памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рикман Э. А.* Памятник эпохи великого переселения народов. По раскопкам поселения и могильника Черняховской культуры у села Будешты. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967.
2. *Махно Е. В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР.— МИА, 1960, № 82.
3. *Смиленко (Брайчевская) А. Т.* Черняховские памятники Надпорожья.— МИА, 1960, № 82.
4. *Сымановіч Э. А.* Памятники Черняховской культуры в с. Кринички.— МИА, 1960, № 82.
5. *Махно Е. В.* Ягнятинська археологічна експедиція.— АП, 1952, т. III.
6. *Махно Е. В.* Типи поховань та планування Компаніївського могильника.— В кн.: Середні віки на Україні. Вип. 1. Київ: Наук. думка, 1971.
7. *Kostrzewski J., Chmielewski W., Jazdzewski K.* Pradzeje Polski. Warszawa, 1965.
8. *Wielowiejski J.* Życlé codzienne na ziemiach polskich w okresie wpływow rzymskich (I—V w.). Warszawa, 1976.
9. *Jahn M.* Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Würzburg, 1916.
10. *Вознесенская Г. А.* Техника обработки железа и стали.— МИА, 1972, № 187.
11. *Piaskowski J.* Badania Technologii przedmiotow zelaznych na Pommorzy zachodnim w okresie od 1 wieku p. n. e. do 2 wieku n. e.— Prace Komisji Metallurgiczno-odlewniczej. Metalurgia, № 17, Krakow, 1970.
12. *Piaskowski J.* Metallkundliche Untersuchungen an archäologischen Eisengegenständen der Vorrömischen Eisen- und Römischen Keiserzeit aus der Nordosten der DDR.— EAZ, 1969, H. 3.

САВЧУК С. А.

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ ДАЛЬВЕРЗИНТЕПЕ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГИППОКАМПА

Публикуемая терракотовая печать найдена на Дальверзинтепе, в богатом жилом доме ДТ-5, в слоях I—II вв. н. э. (рис. 1, 2). Она имеет прямоугольную форму (26—20×3—4 мм), изготовлена из хорошо отмученной глины, равномерно обожженной до светло-желтого цвета. В центре верхней части оборотной стороны находится выступ в виде усеченной пирамидки, у его основания — прорезанные углубления, возможно, для незаконченного отверстия. Сам выступ, видимо, сделан для удобства оттискивания с нее рельефного изображения. На лицевой стороне находится схематичное изображение лежащего фантастического животного влево, вырезанное тонким, острым предметом. По всей вероятности, это гиппокамп — полиморфное существо, имеющее голову коня на высокой изогнутой шее с остроконечными, напоминающими рога ушками и разинутой пастью. Передние лапы, возможно с копытами, выкинуты вперед, за спиной загнутое вперед крыло, туловище змеевидное, оканчивающееся плетеобразно-закрученным и поднятым вверх раздвоенным рыбьим хвостом. Изображение заключено в прямоугольную рамку, оформленную по периметру выступающими наружу и наклоненными вправо штрихами.

Печати с изображением гиппокампа до сих пор не были обнаружены в пределах Кушанской Бактрии. В то же время образ гиппокампа отмечен здесь в ряде памятников искусства. Так, на Дальверзинтепе при раскопках храма ДТ-9 был найден туалетный диск из мраморовидного известняка с барельефом мчащегося влево с выброшенными передними ногами гиппокампа, раздвоенный на конце хвост которого поднят парал-

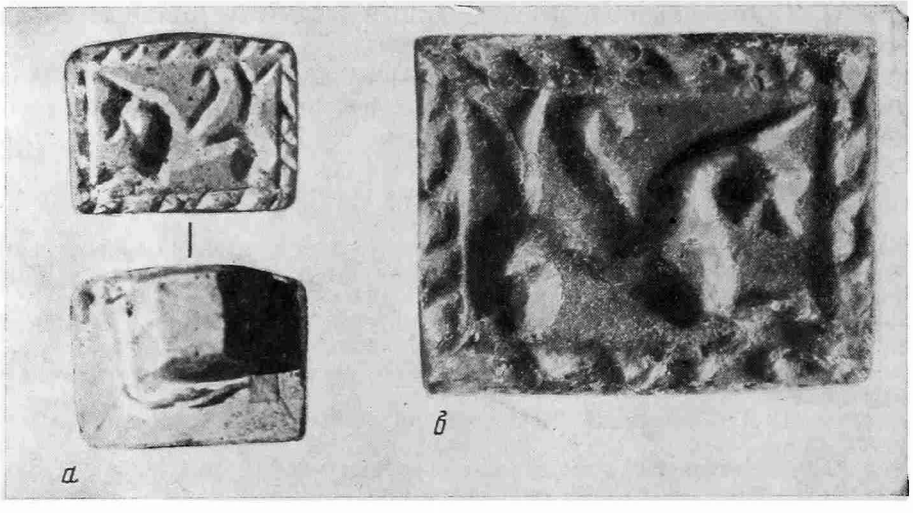


Рис. 1. Керамическая печать из Дальверзинтепе. *а* — фото, нат. величина, *б* — оттиск (увеличено)

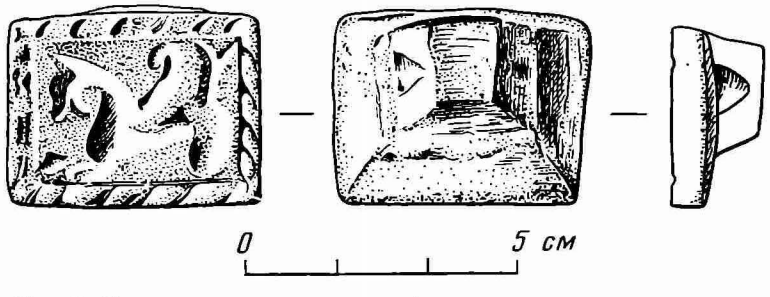


Рис. 2. Керамическая печать из Дальверзинтепе (прорисовка)

лельно кривой диска; на спине его мужской бюст [1, с. 139, рис. 99, *б*]. Аналогичные или близкие изображения гиппокампов имеются на туалетных дисках из Яванского городища в Северной Бактрии [2, с. 165] и из Гандхары [3, т. II. с. 493; т. III, с. 144, 145; 4, № 12, 37, 41, 50, 55, 90, 93], а также в скульптуре Беграма [5, с. 299, 388]. Каменная печать — скарабеоид с изображением богини на гиппокампе, относящаяся к VI—V вв. до н. э., была найдена в Беркут-калинском оазисе в Хорезме [6, с. 39]. К. В. Тревер, а позже Л. И. Ремпель исследовали почти аналогичное изображение, но без крыльев, кипедракона или морского коня (гиппокампа) с длинной головой, развевающейся гривой и хвостом гидры. Оно украшает собой черпак, покрывающий спину слона на известных индо-бактрийских фаларах Эрмитажа. Эти и другие авторы указывают на широкое распространение данного образа в памятниках эллинистического искусства в Индии и Китае времени Хань [7, т. V, табл. XI; 8, табл. 48, 49, с. 45—48, 148; 9, рис. 47; 10, с. 55]. В западной части Парфии при раскопках храма Гареуса II в. н. э. в Уруке были обнаружены терракотовые плиты с грубо выполненными, но выразительными изображениями реальных и фантастических животных [1, с. 176, рис. 5]. Среди них был рельеф с крылатым чудовищем, весьма похожим на гиппокампа с дальверзинской печати. Из живописных памятников Восточного Туркестана, как отмечает А. Грюнведель, большой интерес представляют фризы «пещеры гиппокампа» в Минг-уй у Кизыла [12, с. 106—107, 237, 238], относящиеся к раннему средневековью. Чудовища такого же типа встречены в скульптуре и настенных росписях Пенджикента (ТаджССР) VI в. н. э. [13, с. 105, тбал. VII—IX; 14, с. 75—76] и монументальной живописи Афрасиаба (УзССР) конца VII в. н. э. [15, с. 71, табл. XXXVIII].

Анализируемая печать, безусловно, являлась знаком личной собственности владельца печати. Изображение гиппокампа могло в этом случае служить своеобразным оберегом. Помещение образа гиппокампа на самых разнообразных предметах, в том числе на печати, подтверждает высказывавшееся ранее наблюдение о широком распространении в Бактрии почитания этого существа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пугаченкова Г. А.* Квартал керамистов (ДТ-9).— В кн.: Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
2. *Юркевич Э. А.* Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии.— СА, 1965, № 4.
3. *Marshall J.* The Bouddhist Art of Gandhara. Cambridge, 1960.
4. *Francfort H. P.* Les palletes du Gandhara. P., 1979.
5. *Ghirshman R.* Iran. Parthes et Sassanides. Gallimard, 1962.
6. Древний Хорезм. Каталог выставки (Гос. музей искусства народов Востока. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Гос. Исторический музей.) М., 1979.
7. *Hallade M.* Arts de l'Asie ancienne. Themes et motifs. P., 1954.
8. *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.
9. *Смирнов Я.* Восточное серебро. Спб., 1909.
10. *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент: Узбекгосиздат, 1961.
11. Парфия.— В кн.: Краткая худ. энциклопедия «Искусства стран и народов мира». Т. 3. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
12. *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan. B., 1912.
13. *Дьяконов М. М.* Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии.— В кн.: Живопись Древнего Пянджикента. М., 1954.
14. *Беленицкий А. М.* Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования.— В кн.: Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
15. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.

БРАТЧЕНКО С. Н., ШВЕЦОВ М. Л.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК У СТАНИЦЫ БАГАЕВСКОЙ

Среди многочисленных памятников салтово-маяцкой культуры в Подонье немаловажное место занимают грунтовые могильники. Первые погребения были обнаружены в конце XIX в. [1; 2, с. 123]. В 20—30-х годах М. И. Артамонов обследовал могильник у ст. Багаевской (уроч. Артуганово) [3, с. 114], который в дальнейшем вошел в число салтовских памятников Подонья [2, с. 121; 4, с. 191]. Большие работы Волго-Донской экспедиции позволили открыть еще ряд новых и обследовать уже известные памятники [5, с. 107, 141—142]. В могильнике Саркела были исследованы погребения хазарской эпохи со специфическим обрадом захоронения в круглых ямах[1] и погребения городского населения. Только одно погребение, как указывает М. И. Артамонов, можно считать типично салтовским [6, с. 76]. До 60-х годов в Подонье было исследовано еще несколько отдельных захоронений [7, с. 25—26; 8, с. 9—11, 136].

Грунтовой могильник у ст. Багаевской был открыт в 1960 г. при строительстве дороги. Он находился на продолговатой возвышенности на краю мыса у поймы р. Дон при впадении в последний р. Маныч, в 8 км от станицы и в 2 км к востоку от хут. Краснодонского. Большая часть могильника разрушена карьером, сохранились могилы лишь в северной части, где строительные работы не производились (рис. 1, *1*).

Замечено, что погребения располагались по гребню возвышения с юго-востока на северо-запад. Они находились в неглубоких ямах, возможно, с подбоями под длинной стенкой (глубина 0,6—1 м). Исследованы пять полуразрушенных погребений и одно почти неповрежденное. Кроме того, собраны отдельные вещи из пяти разрушенных могил.

К сожалению, полную характеристику погребального обряда дать трудно. Однако распределение инвентаря и некоторые детали обряда все-таки удается проследить (таблица). Погребения были совершены по об-

Таблица

Погребение	Могильная яма	Положение погребенного	Ориентация	Кости коня	Сбруя	Оружие		Керамика в изголовье	Нож	Зеркало	Железные пряжки	Изделия из рога	Кости животных	Кресало	Древесные угли
						сабля	стрелы								
1	+	Вытянут	В	+	+	+		+	+				+		+
2	+	»	ЮВ					+	+		+	+	+		+
3	+	»	ССЗ				+								
4	+	»	СЗ—ЮВ												
5	+	»	ЮВ							+					
6	+	»	ЗЮЗ	+	+			+					+	+	+

ряду ингумации, в вытянутом положении положены на спину. Часть погребений сопровождалась лежащими рядом с погребением черепом и костями ног коня (погр. 1 и 6). В этих же погребениях найдены остатки конской сбруи: в погр. 1 — обломки железных удил в зубах лошадиного черепа, в районе грудной клетки — обломки стремени; в погр. 6 — стремя (рис. 2, *3*). Еще об одном захоронении со сбруей говорит находка бронзовой бляхи от конской узлы (рис. 2, *7*).

Три погребения сопровождались оружием. В погр. 1 от сабли сохранился только небольшой обломок, лежавший у пояса; одна сабля происходит из несохранившегося погребения (рис. 2, *5*). В погр. 3, у левой руки,— несколько железных наконечников стрел с трехлопастным пером и длинной втулкой.

[1] Погребения в круглых (а точнее, в колоколовидных ямах) распространены по всей территории салтовской культуры и отображают, по-видимому, какой-то специфический обряд. Данные ямы находятся как на поселениях, так и на грунтовых и курганных могильниках. Заполнение их в основном составляют кости животных, керамика, иногда — захоронения людей.

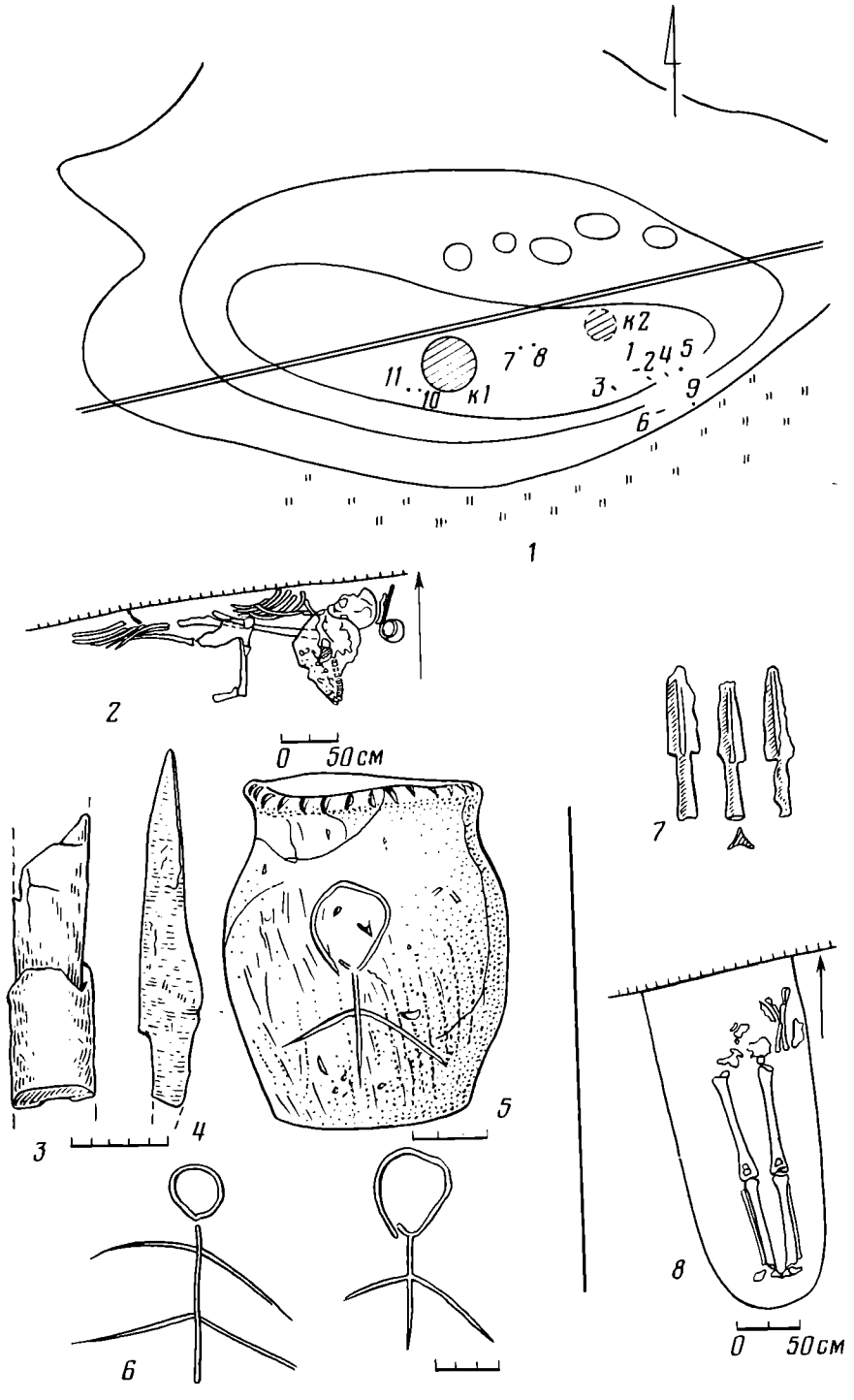


Рис. 1. Могильник у ст. Багаевской. *1* — план, *2—6* — погр. 1, *7*, *8* — погр. 3

Все захоронения, по-видимому, сопровождались напутственной пищей (кости барана) и сосудами, поставленными в изголовье умерших. В погр. 1 найден асимметричный сосуд с короткой шейкой и слабо выраженными плечиками, украшенный ногтевыми вдавлениями по венчику. Поверхность стенок сосуда неровная, в тесте отмечены растительные примеси. С двух сторон на тулове сосуда прочерчены изображения человеческой фигуры (рис. 1, *6*). В погр. 2 найден кувшин-эйнохоя, сделанный на гончарном круге (рис. 3, *6*). Аналогии сосуду из погр. 1 известны в материалах Саркела [6, с. 34, рис. 21; 9, с. 233, рис. 18, *6*, *7*, *22*, *23*; 10, с. 249]. Амфора с рифлением (с отбитой грейдером верхней частью) (рис. 2, *2*) сопровождала погр. 6. Из разрушенных могил происходят светлоглиняная круглодонная амфора (рис. 2, *5*) и сероглиняный

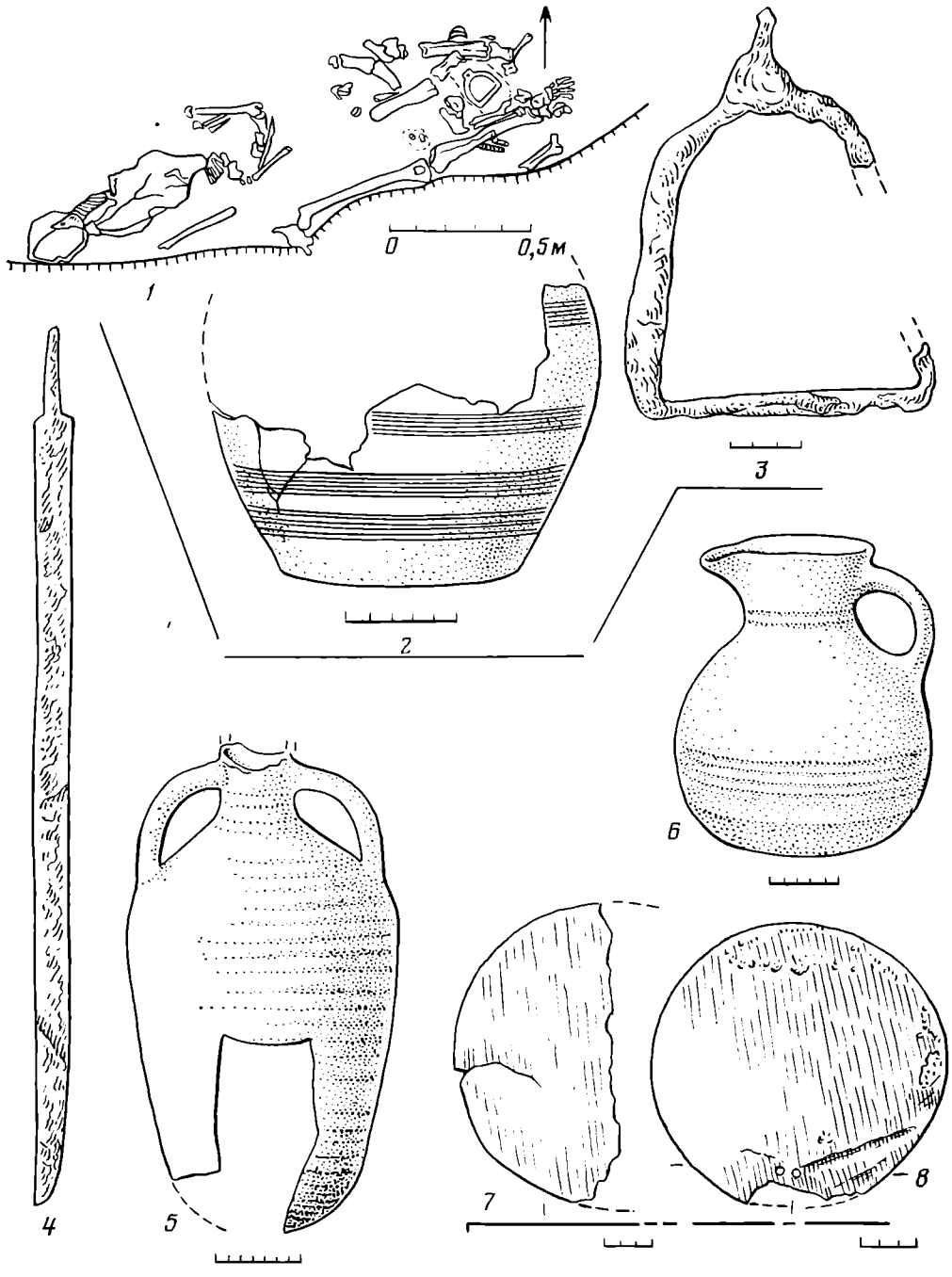


Рис. 2. Могильник у ст. Багаевской. *1—3* — погр. 6, *4—8* — разрушенные погребения

круговой кувшин (рис. 2, *6*). Амфора наиболее близка амфоре из Херсонеса VIII—IX вв. (из развала гончарной печи на берегу Карантинной бухты) [11, с. 30, рис. 12, *5*].

Бытовые предметы представлены железными ножами (рис. 1, *4*, 3, *2*). В двух погребениях были кресала и железные пряжки. Одна из них — поясная с медными заклепками (рис. 3, *3*, *4*) — происходит из погр. 2.

Интересна находка изделия из глазного отростка рога оленя (длина 12, диаметр основания 2,2 см). В верхней его части имеется втулка глубиной около 2 см, с одним отверстием сбоку (рис. 3, 7). С двух сторон на его гладкой, местами заполированной поверхности нанесено гравировкой изображение сцен охоты (рис. 4). На одной стороне два лучника, один пеший, второй на коне, стреляют в бегущего оленя. На вто-

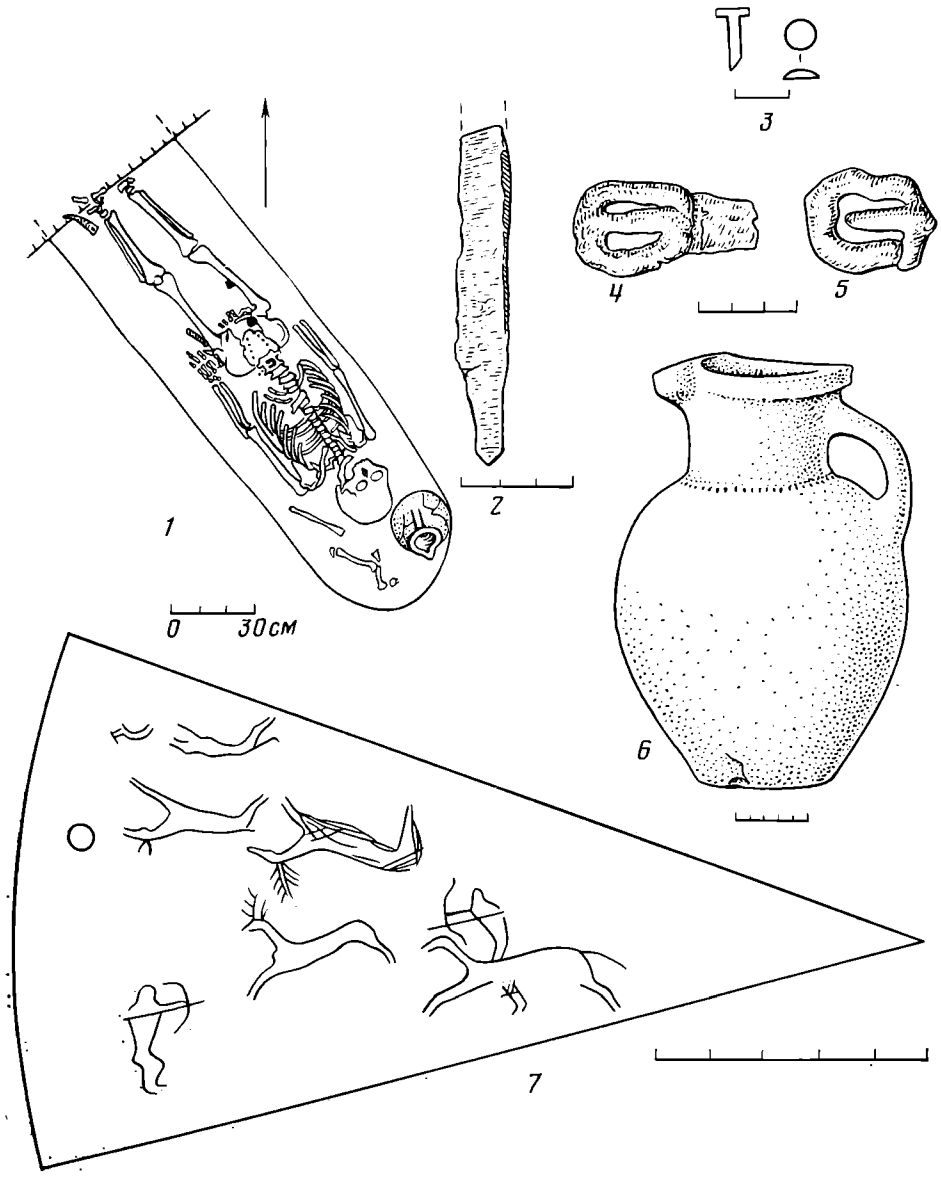


Рис. 3. Погребение 2 и инвентарь погребения

рой — два бегущих оленя, собака и какой-то зверек. Аналогии этому изделию, также с рисунками, есть в материалах раскопок Саркела — Белой Вежи [6, с. 42, рис. 28, *2*], в Болгарии [12, с. 411], а также в аварских древностях Венгрии [13, с. 21, рис. 9, *10*, *29*; 14, с. 250, рис. 7, 75, *1*]. Интересно использование такого изделия вместо псалия в удилах [15, с. 71, рис. 20, 292, *2*] [2].

Аналогии стременам и удилам известны в Венгрии [16, с. 128, рис. 4, *11*, *25—27*] и Башкирии [17, с. 199, табл. I, *357*]; аналогии сабле — в башкирских древностях [17, с. 190, табл. I, *7*; с. 195, табл. I, *197*] и кочевническом могильнике близ Саркела [18, с. 241, рис. 15, *2*].

Рассмотренный нами инвентарь могильника близок материалам этого же времени в Подонье (рис. 5). Здесь же известны памятники с аналогичным или близким обрядом погребения, где рядом с умершим в могилу помещали оружие и лошадей. Это погребение с конем у ст. Кривянской (свинофермы Заплавского зерносовхоза) [19, с. 5; 20, с. 119] и погребения у Елизаветинского могильника [21, с. 26], датируемые автором IX в.

Рассмотренные материалы объединяет не только единый хронологи-

[2] Этнографически аналогичные костяные изделия известны у пастухов как приспособления для развязывания узлов ремней и пут. Шорники используют их для разглаживания швов на кожаных изделиях.

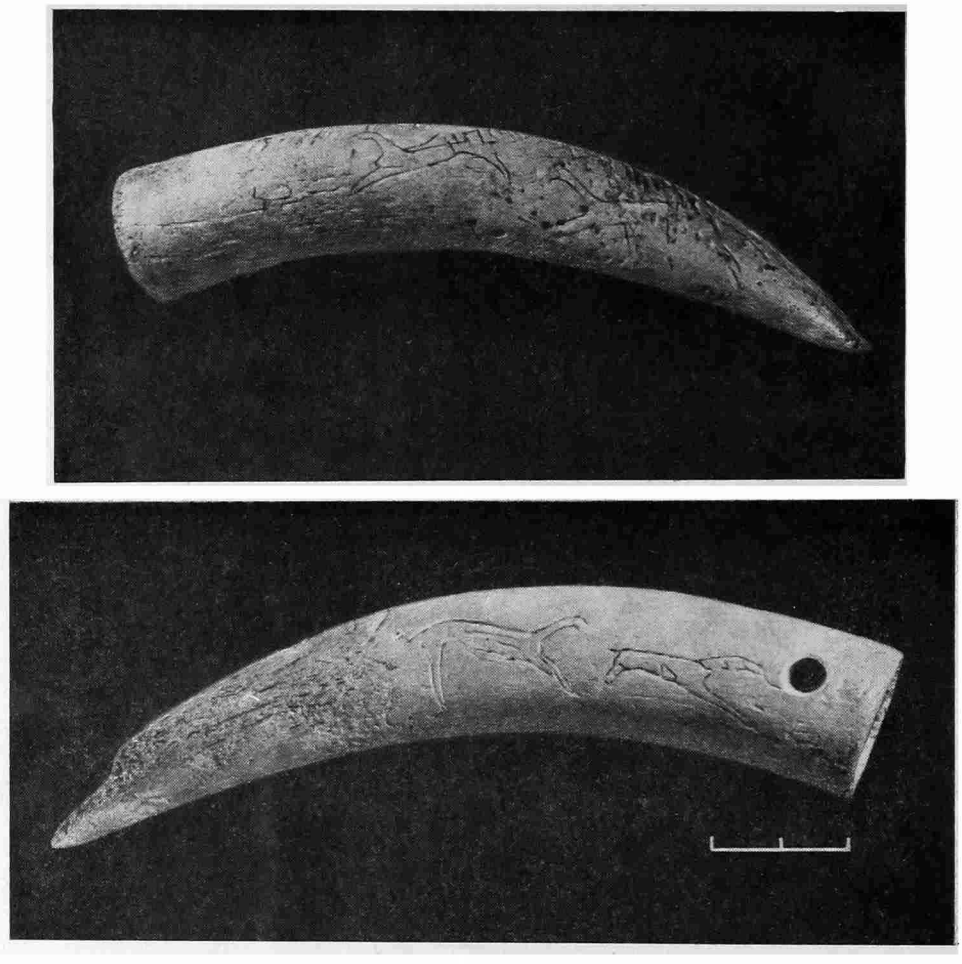


Рис. 4. Погребение 2. Изделие из рога

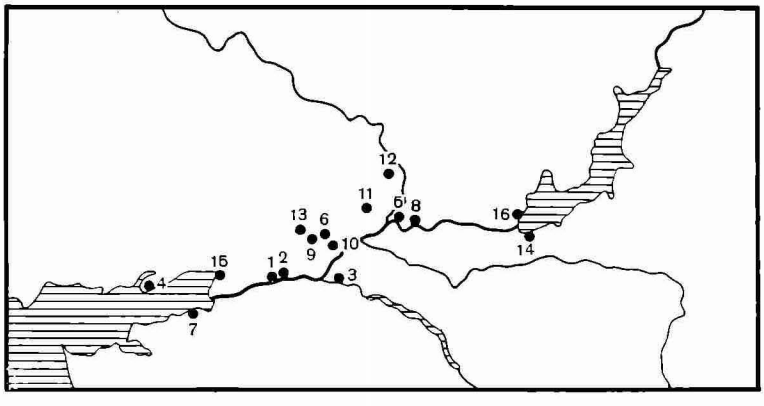


Рис. 5. Памятники Нижнего Подонья. *1* — Аксай, *2* — Алитуб, *3* — у ст. Багаевской, *4* — Беглицкая коса, *5* — Броницкая переправа, *6* — Заплавская, *7* — Комаровка, *8* — Константиновка, *9* — Красюковская, *10* — Кривянская, *11* — Крымский, *12* — Нижнекундрючевская, *13* — Новочеркасск, *14* — Саркел, *15* — Недвиговка, *16* — Цимлянск

ческий диапазон, но и элементы погребального обряда, такие, как наличие рядом с умершим чучела коня, сбруи, оружия. Захоронения без костей коня и оружия в могилах представляют другой тип погребений VIII—IX вв. в Нижнем Подонье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов Х. И.* Каталог Новочеркасского (Донского) музея. Новочеркасск. б. г.
2. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
3. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону.— ИГАИМК, 1935, вып. 131.

4. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
5. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— МИА, 1958, № 62.
6. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62.
7. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса.— МИА, 1961, № 98.
8. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
9. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
10. *Конкин В. Н.* Сосуд с прорисовкой из погребения позднего кочевника.— СА, 1971, № 1.
11. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
12. *Вължарова Ж. Н.* Славяне и прабългари по данни на некрополите от VI—XI в. на територията на България. София, 1976.
13. *Garam É.* The Homokmegy-Halom cemetery.— CAPH, 1975, vol. 1.
14. *Szabo J. G.* The Pilismarót cemetery.— CAPH, 1975, vol. 1.
15. *Garam É.* The Szebeny I—III cemetery.— CAPH, 1975, vol. 1.
16. *Kovrig I.* The Devavanya cemetery.— CAPH, 1975, vol. 1.
17. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977.
18. *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.
19. *Гадло А. В.* Отчет о работе Приазовского средневекового отряда Кобяковской археологической экспедиции ИА АН СССР 1962 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2496.
20. *Гадло А. В.* Кочевье Хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону.— В кн.: Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978.
21. *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветинского могильника в 1954 и 1958 гг.— Изв. Ростовского областного музея краеведения, № 1 (3). Ростов, 1959.

МУХАМАДИЕВ А. Г.

БРОНЗОВЫЕ СЛИТКИ — ПЕРВЫЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕНЬГИ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

(I тысячелетие н. э.)

Появление денежного обращения в Поволжье и Приуралье относится к III—IV вв. н. э. и, судя по письменным и археологическим данным, связано с активностью кочевников. Племена Поволжья и Приуралья довольно рано включились в товарно-денежные отношения с кочевым миром, а через него с развитыми странами раннего средневековья — сасанидским Ираном и Византией. Интенсивные взаимоотношения гуннов и тюрков (в том числе хазар) с Византией, сасанидским Ираном и Китаем, по-видимому, не случайно нашли свое отражение в многочисленных предметах обмена, обнаруженных в Поволжье и Приуралье в виде сосудов из драгоценных металлов и монет.

В литературе уделено значительное место изучению проникновения в Поволжье и Приуралье изделий из драгоценных металлов, в том числе сасанидских монет [1—3]. Монеты в целом как таковые должны были утратить здесь свою непосредственную функцию платежного средства. Племена Восточной Европы в рассматриваемый период находились на сравнительно низком уровне развития, и во внутренней и внешней торговле преобладал натуральный обмен. Лишь позднее, в период образования Хазарского каганата, когда приток сасанидских византийских и хорезмийских монет в Поволжье и Приуралье становится постоянным, можно говорить об ограниченном монетном обращении.

Именно поэтому интересным и достаточно важным представляется изучение бронзовых слитков — первых собственно металлических денег, изготовленных в Поволжье и Приуралье. Эти слитки найдены в богатых курганах у с. Тураево (Бондюжский р-н ТАССР), датирующихся III—V вв. н. э. [4, с. 72]. Бронзовый слиток обнаружен в богатом погребении у с. Рождественно (Лаишевский р-н ТАССР). Рождественский могильник, расположенный на правом берегу р. Меши, датируется

V—VII вв. [5, с. 82] [1]. У с. Щербет (Куйбышевский р-н ТАССР), расположенного недалеко от Булгарского городища, найден целый клад бронзовых слитков в количестве 73 экз. (из них 4 половинки). Они обнаружены рядом с двумя древними меднолитейными мастерскими, расположенными друг от друга в 15 м. В культурном слое одной из мастерских была обнаружена В-образная пряжка, близкая по форме находкам из Северного Кавказа и Крыма и характерная для V—VII вв. Химический состав остатков металла в тиглях, а также литейного шлака полностью повторяют химический состав бронзовых слитков [7, с. 234]. Следовательно, они являются изделиями местного производства, изготовленными в своеобразном «денежном дворе», расположенном в центре большого селища [2].

Бронзовые слитки щербетского клада представлены трехгранными брусками длиной около 18,5 см и весом от 70 до 111 г. Химический состав слитков однородный и представляет собой четырехкомпонентный сплав сложной латуни. В слитках медь является основой сплава (62—64%), а в каждом из проверенных слитков цинк постоянно присутствует в количестве 30%. Количество олова колеблется от 0,8 до 2%, свинец присутствует в количестве 4—5%. Сплавы с подобным составом латуни отличаются легкостью отливки, стойкой антикоррозийностью, хорошо обрабатываются. Незначительное количество серебра, висмута, никеля, сурьмы и железа, обнаруженные в составе слитков, являются примесью, перешедшей в сплав из руды [8, с. 236].

Достойна особого внимания весовая норма изготовления слитков. Не случайно К. Маркс отмечал, что меры веса при всяком металлическом обращении первоначально служат также масштабом цен. Слитки имели определенный вес. Из 69 целых слитков 45 экз. (т. е. более половины) весят от 98 до 106 г, с преобладанием веса 102—106 г (29 экз.).

Любопытно сопоставление этих данных с весом попадавших в Поволжье и Приуралье серебряных монет и блюд сасанидского производства. Сасанидские драхмы чеканились по двум весовым нормам: более ранние — 3,55 — 3,88 г и сравнительно поздние — 4,19 — 4,30 г. На поволжскую весовую систему могла повлиять сасанидская весовая система второго периода, поскольку ко времени появления собственной денежной системы относятся именно монеты этого времени.

Для установления теоретически возможной весовой нормы изготовления слитков следует уточнить величину весовой драхмы Ирана. Например, серебряное блюдо с изображением царя, охотящегося на львов, найденное у с. Мальцево Пермской области, датируется позднесасанидским периодом. На этом блюде имеется надпись такого содержания: «Собственность Фирузана. Вес 244» [9]. Вес 244, по-видимому, указывает на весовую драхму. Вес сосуда 1039,2 г, следовательно, весовая драхма была $1039{,}2 : 244 = 4{,}26$ г.

Весовая драхма в 4,26 г, как и сасанидские монеты второго периода (весом 4,10—4,30 г), как нам представляется, имеет прямую связь с весом бронзовых слитков. Бронзовые слитки были рассчитаны в 25 весовых драхм ($4{,}26 \times 25 = 106$ г), или как одна четвертая более крупного стандартного веса в 426 г (фунт).

Весовая норма изготовления слитков, выраженная в драхмах, и достаточно широкая их распространенность являются достаточно убедительны-

---

[1] Любопытно, что в углу одного из погребений могильника обнаружен набор инструментов, среди которых имеются миниатюрная железная наковаленка, два молотка, две известняковые формы для отливки мелких фигурных украшений. Здесь же найдены остатки небольшого кожаного мешочка с металлической стружкой [6, с. 170].

[2] Авторы упомянутой работы приводят высказанное мною при осмотре клада предположение, что, возможно, слитки использовались и как денежные единицы [7, с. 235]. Такое же мнение проводится в работе Р. М. Валеева [8]. Однако для подтверждения этого предположения необходимы дополнительные данные об их распространении, весе и т. д., которые бы свидетельствовали, что слитки действительно могли служить посредниками в торговле — металлическими деньгами, образовавшимися в Поволжье до появления монетного обращения в Хазарском каганате.

ми аргументами в пользу тезиса о том, что бронзовые слитки действительно служили металлическими деньгами [3].

Распространение бронзовых слитков в территориальном отношении было довольно обширным. Они не так уж редко встречаются в богатых погребениях и культурных слоях раннесредневековых городищ Поволжья и Приуралья. Мне удалось обнаружить такой слиток под витриной Пермского краеведческого музея среди находок, относящихся к родановской культуре (IX—XV вв.).

Наиболее ярким примером распространения бронзовых слитков являются находки ижевских археологов. В Удмуртском НИИ хранятся два слитка более крупных размеров (один разрублен пополам). Слитки хотя по весу гораздо тяжелее, но такой же формы. Они трехгранные, с утолщенной средней частью. Длина целого слитка 42 см, ширина в средней части 2 см, вес 400 г. Видимо, слитки изготовлены весом в 1 фунт. Вес отрубленной половинки 200 г. Любопытно, что эти совершенно одинаковые по форме слитки обнаружены в разных памятниках. Первый слиток обнаружен в городище Идна-Кар, а второй — в Гурья-Кала (раскопки М. Г. Ивановой). В богатом мужском погребении Покровского могильника в Малопургинском районе Удмуртской АССР (раскопки Т. И. Останиной) среди жертвенного комплекса обнаружен бронзовый слиток обычной формы. Длина слитка 16,1 см, толщина 0,8 см, вес 71,5 г. Такой же слиток (разломан на три части, фрагменты совпадают) имеется в собрании бронзовых вещей Удмуртского краеведческого музея. Слиток поступил в музей в 1927 г. из разведки могильника Мыдлань-Шай, проведенной А. П. Смирновым. Длина слитка 21 см, ширина 1 см, вес 100 г.

В хронологическом отношении диапазон обращения слитков довольно широк. Для Среднего Поволжья он ограничивается III—VII вв. (Тураевские курганы, где обнаружен слиток, датируются III—V вв., а слитки из Рождественского могильника и из Щербетского клада датируются V—VII вв.) Началом обращения бронзовых слитков условно можно взять III в. Этот век знаменует собой начало правления династии сасанидов и начало проникновения в Поволжье и Приуралье сасанидского металла, под воздействием которого возникла собственная денежно-весовая система. Но фактически в обращении бронзовые слитки появляются, видимо, не ранее середины IV в., т. е. тогда, когда в среде угро-финских и гуннских племен более интенсивным становится внутренний и внешний обмен.

Обращение слитков в Среднем Поволжье, видимо, ограничивается VII в.— временем появления, может быть, еще не очень интенсивного, но уже монетного обращения. На территориях севернее по Каме обращение слитков, по-видимому, сохранилось сравнительно дольше. Например, в городище Идна-Кар слиток обнаружен в слое X—XI вв., а в городище Гурья-Кала — в слое XI—XII вв.

Таким образом, как показывают клады и отдельные находки бронзовых слитков, в Поволжье и Приуралье под влиянием интенсивно поступавшего драгоценного металла не позднее VII в. сложилась собственная денежно-весовая система. Ее появление было связано со складыванием феодальных отношений у хазар, когда были созданы необходимые предпосылки для развития товарно-денежных отношений и функции денег как средства обращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.— Л.: Academia, 1935.
2. *Бадер О. Н., Смирнов А. П.* «Серебро Закамское» первых веков нашей эры.— Тр. ГИМ, 1969, вып. 13.
3. *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.

[3] Вес слитков: 70 г — 1 экз., 73 г — 1 экз., 79 г — 1 экз., 84 г — 1 экз., 85 г — 1 экз., 86 г — 1 экз., 87 г — 1 экз., 88 г — 1 экз., 92 г — 2 экз., 93 г — 1 экз., 95 г — 1 экз., 96 г — 3 экз., 97 г — 1 экз., 98 г — 5 экз., 99 г — 4 экз., 100 г — 4 экз., 101 г — 3 экз., 102 г — 8 экз., 103 г — 2 экз., 104 г — 6 экз., 105 г — 6 экз., 106 г — 7 экз., 107 г. — 2 экз., 108 г — 1 экз., 111 г — 1 экз., 4 слитков не оказалось на месте.

4. *Генинг В. Ф.* Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье.— ВАУ, 1962, вып. 1.
5. *Старостин П. Н.* Рождественский могильник.— Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1970 г. М., 1972.
6. *Старостин П. Н., Кузьминых С. В.* Погребение литейщицы из пятого рождественского могильника.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
7. *Сидоров В. Н., Старостин П. Н.* Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетского поселения.— СА, 1970, № 4.
8. *Валеев Р. М.* К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних болгар.— В кн.: Из истории ранних болгар. Казань, 1981.
9. *Лившиц В. А., Луконин В. Г.* Среднеперсидские и согдийские надписи на произведениях торевтики.— ВДИ, 1964, № 3.

СТАРКОВ В. Ф.

НАХОДКИ ШАХМАТ НА АРХИПЕЛАГЕ ШПИЦБЕРГЕН

Исследования русских памятников периода позднего средневековья в различных районах крайнего севера уже привели к целому ряду выдающихся открытий и доказали свою перспективность. Среди них наибольший интерес представляют раскопки Мангазеи, Зашиверска и остатков погибшей экспедиции XVII в. на п-ове Таймыр [1—4]. В последние годы наиболее крупные работы, связанные с изучением русских памятников в Арктике, проводит экспедиция Института археологии АН СССР на территории архипелага Шпицберген.

Среди находок, сделанных на Таймыре, в Зашиверске и в Мангазее, обращают на себя внимание шахматы. Причем если для Мангазеи и Зашиверска эти находки не столь неожиданны: это были места постоянного, многолетнего обитания, то таймырские шахматы входили в состав своеобразного, уникального комплекса, оставленного одной из древнейших русских полярных морских экспедиций.

В определенной степени это относится и к Шпицбергену — арктическому архипелагу, району широкой промысловой деятельности русских поморов. Географические особенности архипелага, удаленного от материкового поморья и расположенного в зоне продолжительной полярной ночи и ограниченной навигации, привели к выработке своеобразных циклов в хозяйственной деятельности поморов на Шпицбергене. Экспедиции рассчитывались, как правило, на год с зимовкой и включали в себя целую серию сезонных промыслов: добычу морских зверей, оленей, песцов, белых медведей, ловлю рыбы. Однако нередко промысловый сезон на Шпицбергене продолжался по нескольку лет. Известны случаи многолетней жизни поморов на Шпицбергене, правда, для относительно позднего времени — XVIII—XIX вв. Так, помор Иван Старостин прожил на Шпицбергене более 30 лет и умер там в 1829 г. В 1827 г. норвежский геолог Кейльхау встретил на о. Медвежьем мезенца Федора Рахманинова, который зимовал там 7 лет подряд [5, с. 40]. По-видимому, и в более раннее время многократные зимовки на Шпицбергене были делом обычным. В 1979 г. при раскопках русского дома на берегу лагуны Гравшен (о. Западный Шпицберген) нами была обнаружена доска с частично сохранившейся на ней надписью, вырезанной ножом: «30 ... МОВАЛ ... ТИКОВ», которую можно прочесть так: «30 раз (?) зимовал .. тиков». На основании палеографии надпись может быть датирована XVIII в.[1].

О возможности долговременной жизни на Шпицбергене свидетельствуют раскопанные нами остатки поморских домов (около 20), большинство из которых представляли собой становые избы. Это были 2—3-частные постройки, срубленные из бревен диаметром до 30 см, внутри которых сохранились развалы больших печей. О практике долговре-

[1] Автор пользуется возможностью поблагодарить Т. В. Николаеву, оказавшую помощь в прочтении и датировке этой и других надписей, найденных на Шпицбергене.

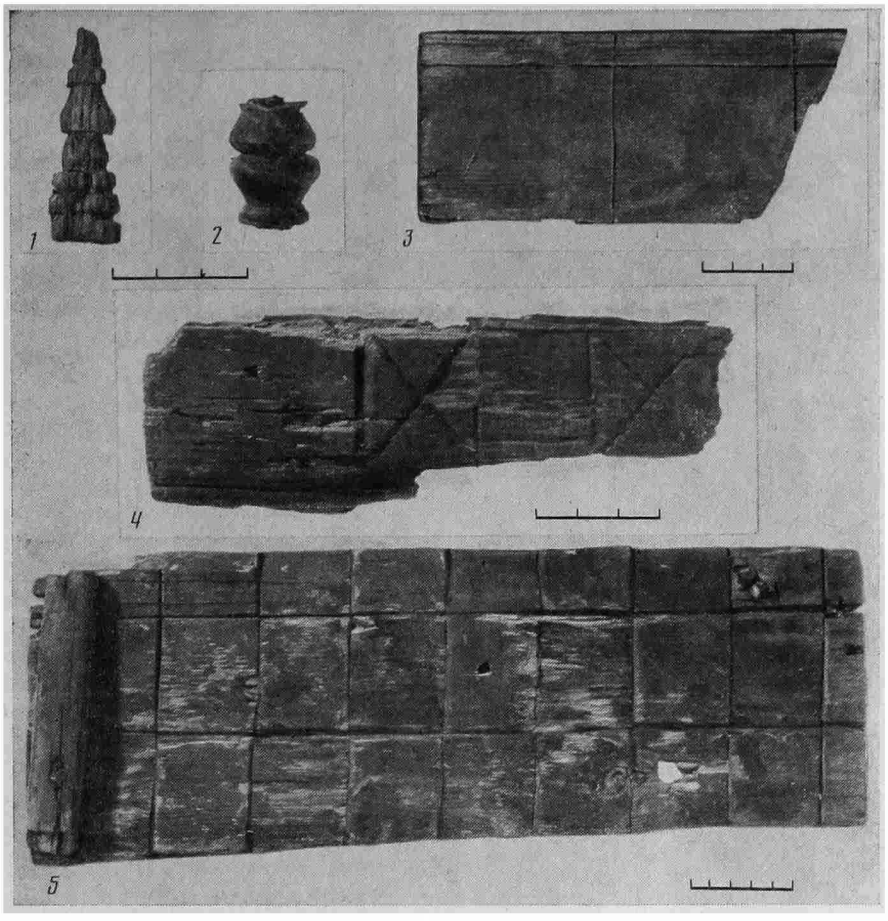


Рис. 1. Шахматы и шахматные доски Шпицбергена. *1* — Ван-Майен-букта; *2* — Слеттнесет I; *3* — Стаббэльва; *4* — Гравшён; *5* — Слеттнесет II

менного обитания говорит и состав находок, число которых в отдельных случаях доходит до 800. Среди них имеются сапожные колодки, заготовки обуви, остатки токарных и точильных станков, керамика, сковороды, сковородники, ухваты, ножи и другие предметы, свидетельствующие о хорошо налаженном быте зимовщиков, рассчитанном на долговременное обитание. К этой же категории предметов нужно отнести и шахматы, находки которых на Шпицбергене уже не являются редкостью. На сегодняшний день это самые северные в мире шахматы, найденные археологами. Среди них имеются фигурки и шахматные доски.

Шахматные фигурки были обнаружены в трех поселениях: Руссекейла I (раскопки скандинавской экспедиции 1955 и 1960 гг.) [6, с. 33], Слеттнесет I и Ван-Маейн-букта. В пяти домах найдены «шахматницы» — шахматные доски: Руссекейла I, Слеттнесет II, Стаббэльва, Мосваттнет III и Гравшён.

Шахматные доски и фигурки из Руссекейла I, к сожалению, не опубликованы. Можно лишь сказать, что на основании имеющихся данных постройка датируется второй половиной XVIII в. К этому же веку относятся и другие шахматные фигурки, найденные в Ван-Майен-букта и Слеттнесет I. Обе они опубликованы [7, с. 24]. Укажем лишь, что обе они самодельные, одна из которых вырезана из дерева вручную (Ван-Майен-букта) и представляет собой тип абстрактной фигурки высокого ранга (король или ферзь), весьма сходной с традиционными фигурками XVI—XVII вв. [8, сводная таблица] (рис. 1, *1*). Фигурка из Слеттнесет I также самодельная, выточенная из кости на токарном станке (здесь же найдены остатки самого станка). Фигурка не завершена (рис. 1, *2*).

Шахматные доски, найденные на Шпицбергене, публикуются впервые. Все четыре доски, имеющиеся в нашем распоряжении, самодель-

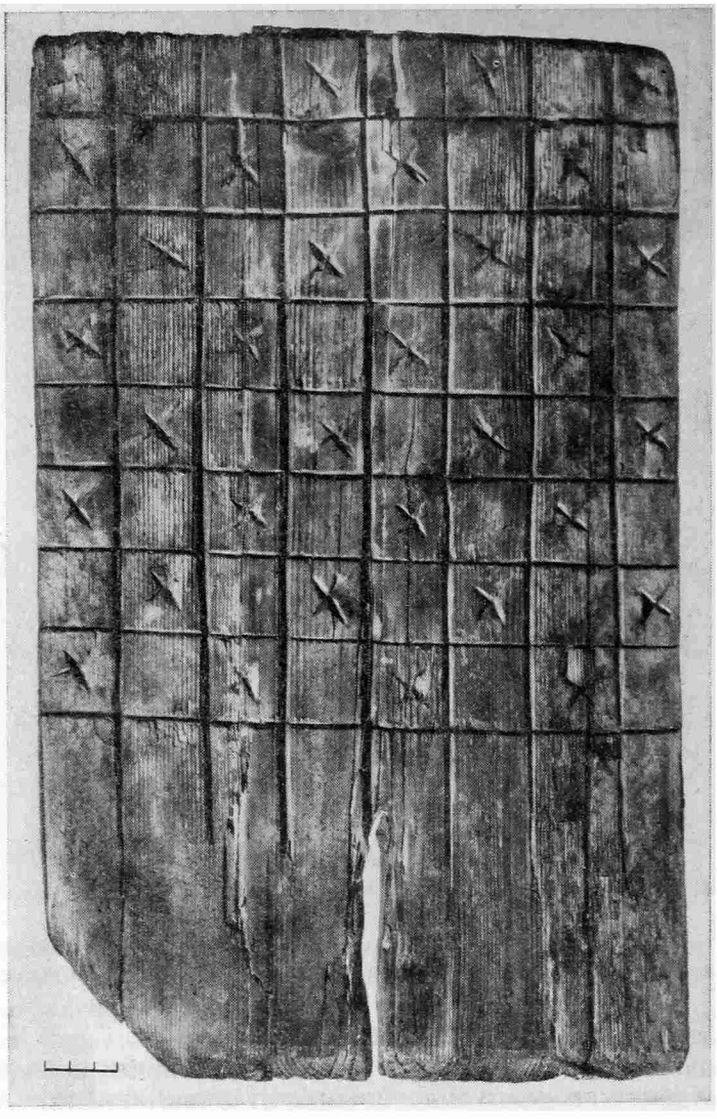


Рис. 2. Шахматная доска из поселения Мосваттнет III

ные, изготовленные на месте. Границы полей обозначены узкими желобками, вырезанными ножом. Черные поля выделялись тремя способами: закрашивались, рельефно возвышались над белыми клетками, либо перечеркивались косым крестом.

Фрагмент доски с закрашенными полями найден в Стаббэльва. Фрагмент небольшой: его размер 14×6 см (рис. 1, *3*). Желобки, разделяющие поля, очень тонкие, краска не сохранилась. Размеры полей 5×5 см, площадь игрового поля была 40×40 см. Эта доска — одна из наиболее древних на Шпицбергене: предварительная дата комплекса, в котором она была найдена,— вторая половина XVI в.

Доска с рельефными черными полями была обнаружена в Слеттнесет II (зал. Бельсунн, о. Западный Шпицберген), который датируется XVIII в. Доска сохранилась почти наполовину и состоит из двух фрагментов. По ширине она сохранилась полностью, а по длине — на три клетки (рис. 1, *5*), ширина доски 41,5 см, размеры клеток 4,5×5,5 см. По краям доска окантована невысокими бортиками шириной 2 см, которые были прикреплены при помощи небольших деревянных нагельков.

Доски третьего типа, черные поля которых обозначены косым крестом, были обнаружены в двух постройках: Гравшён и Мосваттнет III. В доме у лагуны Гравшён найден небольшой фрагмент доски, от которой сохранилось три поля: два черных и одно белое. Размер полей 3×3 см

(общий размер игрового поля 24×24 см). На краю доски имеется небольшое пространство шириной 5,5 см, не занятое клетками (рис. 1, *4*).

Дом Мосваттнет III находился на восточном берегу острова Сёркап и входил в состав небольшого поморского поселка (три дома) XVII в. (датировка предварительная). Остатки этих домов залегают в настоящее время ниже уровня первой морской террасы в пределах пляжа и почти совершенно разрушены морскими прибойными и штормовыми водами. По всей вероятности, такое положение построек следствие каких-то неотектонических явлений. В руинах одного из этих домов и была найдена шахматная доска.

Доска сохранилась полностью (рис. 2). Она изготовлена на доске толщиной 2,5 см и размером 47×28 см. Средние размеры клеток 3×3 см, ширина игрового поля 28×26 см.

Находки шахмат в русских промысловых избах на Шпицбергене не только расширяют географию этой популярной на Руси игры, но и проливают новый свет на характер быта зимовщиков, показывают, насколько он был сложнее, чем это представлялось до недавнего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеоиздат, 1980.
2. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев. М.: Наука, 1981.
3. *Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А.* Древний Зашиверск. М.: Наука, 1977.
4. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М.: Гидрометеоиздат, 1951.
5. *Ставницер М.* Русские на Шпицбергене. М.— Л.: Главсевморпуть, 1948.
6. *Reymert P. K.* Kulturvern og Kulturminner på Swalbard.— Årbok for Swalbard – 78.
7. *Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Новые находки.— Шахматы в СССР, 1981, № 5.
8. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975.

Критика и библиография

Paléorient. V. 5. Paris, 1979

В 1979 г. вышел 5-й том ежегодника «Paléorient», издаваемого Национальным центром научных исследований Франции, посвященный проблемам преистории и протоистории Юго-Западной Азии. Содержание рассматриваемого тома отличает широкий хронологический диапазон представляемых материалов (от раннего палеолита до эпохи металла), разнообразие тематики, отвечающее многодисциплинарному характеру издания, а также обширность географии как памятников, так и имен авторов статей. Статьям данного тома предшествуют некрологи по поводу кончины двух известных археологов: Кетлин Кеньон, имя которой прочно связано с исследованиями древнейших археологических памятников Палестины (в первую очередь замечательного раннеземледельческого поселения Иерихон), и Жана Дешайе — исследователя и организатора изучения археологии Востока во Франции.

Публикации и анализу новых находок ашеля Леванта посвящена статья Ф. Урса «Финальный ашель Северной Сирии. Предварительные замечания». Здесь обобщаются результаты трех лет поисковых работ (1976—1978 гг.), в ходе которых были открыты новые группы ашельских местонахождений в долине Нар эл-Кебир, в среднем течении р. Оронты близ Латамны и на р. Евфрат около Ракки. Открытие этих памятников не просто увеличивает количество ашельских памятников Леванта, но поднимает своеобразный культурный пласт индустрий. Несмотря на то что местонахождения представлены сборами с поверхности, они количественно сопоставимы и содержат достаточно широкий типологический набор изделий. Автор указывает на присутствие в рассматриваемых инвентарях выразительного левалуазского компонента и считает, что финальноашельские памятники Северной Сирии с левалуазскими нуклеусами, отщепами леваллуа и мелкими бифасами должны приниматься во внимание при решении проблемы сложения леваллуа — мустье Леванта.

Некоторые важные вопросы древнего палеолита Индии рассматриваются в статье Ж. Арманда. Обобщая данные по изучению открытой им раннепалеолитической стоянки Дуркади в Центральной Индии, автор подвергает критике взгляды Мовиуса относительно раннего палеолита Азии. На основании наличия в инвентаре названной стоянки определенного количества бифасов и близких им рубящих орудий, а также исходя из большой древности отложений памятника (миндель), исследователь высказывает гипотезу о независимом возникновении в раннем палеолите Индии традиции изготовления бифасов.

Ашельскую тематку завершает заметка М. Охел, посвященная полевому исследованию ашельских местонахождений с разрушенными культурными слоями на плато Барам.

Три статьи тома касаются мустье Ближнего Востока. Свод мустьерских памятников Палестины представлен в обширной статье П. Бутье. Здесь рассматриваются памятники района, ограниченного с запада Иорданией, с востока Средиземным морем, с севера Ливаном и с юга Синайским полуостровом. Автор приводит краткие сведения о местоположении памятников, дает их описания, историю изучения, стратиграфию и седиментологию, характеризует фауну, индустрию, антропологические остатки и проч. Работа эта ценна тем, что сжато и информативно она обобщает огромное количество публикаций материалов мустье Палестины. Восприятию материала помогает богатый иллюстративный материал, включающий многочисленные планы и разрезы отложений.

Технологические вариации мустье Леванта освещаются в статье Ф. Мандея. Исследования последних лет привели к открытию в районе Авдат Агев в пустыне.

Негев многочисленных памятников мустьерской эпохи. Технологические характеристики инвентарей этих памятников рассматриваются автором как показатель тенденции развития техники первичной обработки мустье Леванта в целом. Вариации формы отщепов связываются с различными способами подготовки нуклеусов. Эти вариации считаются зависимыми также от изменения плотности мустьерских стоянок в изучаемом районе. Автором предлагается модель, в которой технологические вариации считаются зависимыми также от изменения плотности мустьерских стоянок жизни. Тем самым затрагивается сложный вопрос о возникновении, развитии и смене традиций (в данном случае техники первичной обработки) в палеолите. Нам представляется, что природный фактор в процессе сложения традиций (характер сырья, климат, ландшафт) нельзя сбрасывать со счета, но приоритет остается за фактором социальным. Хорошо известны примеры сосуществования в одних и тех же ландшафтных условиях разных археологических культур и даже фациально различных индустрий. Ближний Восток в этом смысле не исключение.

Большое количество материалов рассматриваемого тома посвящено эпипалеолитической и неолитической тематике. Так, в статье О. Бар-Йозефа и Ф. Р. Валла предлагается новая схема эволюции натуфийской культуры. В основу схемы положен признак частоты встречаемости двусторонней краевой полукрутой ретуши в инвентарях памятников с сегментами (лунницами). Анализ кремневого инвентаря датированных радиоуглеродным методом натуфийских памятников позволяет отметить уменьшение использования данного типа ретуши от ранних памятников к поздним. Что касается другого ведущего признака этой культуры — микрорезцов, то их количественное выражение в тех или инх памятниках не обнаруживает зависимости от хронологической позиции индустрий в пределах натуфа. Следует заметить, что при характеристике натуфийской культуры здесь, как и в других работах, не берутся в расчет изделия, называемые «пластинками с выделенной головкой». Вспомним в связи с этим, что некоторые исследователи каменного века Кавказа придавали и иногда еще придают этому типу, изделий преувеличенное значение, связывая его появление в раннем голоцене Кавказа с активными ближневосточными влияниями.

В 1971 г. были начаты раскопки одного из древнейших земледельческих поселений — Телль Асвад в 30 км к западу от Дамаска. Результатам исследований этого памятника посвящена статья Г. де Контенсона и группы авторов. В отложениях Телль Асвада выделяются два горизонта, вмещающиеся, по данным радиоуглеродных датировок, в хронологический отрезок от начала VIII тыс. до н. э. до середины VII тыс. до н. э. Каменный инвентарь имеет как бы промежуточное положение между одновременными с Телль Асвадом памятниками Палестины и Среднего Евфрата. Как показали исследования, земледелие здесь практиковалось с самого основания поселения, а для второго горизонта (7300—6600 гг. до н. э.) отмечены следы орошения. Вместе с тем фаунистические остатки принадлежат исключительно диким видам животных. Обитатели поселения наряду с занятием земледелием активно охотились на газелей, водоплавающую птицу и вылавливали рыбу в близлежащем озере. Тип хозяйства, демонстрируемый материалами Телль Асвада, насколько нам известно, нетипичен для памятников со сложившимся производящим хозяйством. Как правило, для последних бывают характерны и находки остатков доместицированных животных. Другая примечательная особенность Телль-Асвада — содержание в каменном инвентаре обсидиана, происходящего из Центральной и Восточной Анатолии. Это существенный факт, документирующий ту или иную связь раннеземледельческой культуры бассейна Дамаска с Анатолийским нагорьем в столь раннюю фазу периода становления производящего хозяйства. Этот факт, однако, не является решающим в заключениях об истоках земледелия в Телль Асваде.

Происхождению и изучению техники изготовления характерных для неолита Сирии в VI тыс. до н. э. известковых сосудов посвящена статья Г. де Контенсона и Л. Куртуа. На основании экспериментальных данных авторы указывают на возможности и недостатки этого недолго просуществовавшего метода изготовления керамики.

Вопроса о специализации и координации в строительстве неолитических поселков VI тыс. до н. э. на территории Ирана касается в своей статье С. М. Шахмирзаде. Исследовав архитектуру раскопанного на широкой площади (1050 м²) поселения Загхе в области Казвин, автор приходит к выводу о сооружении его

различных участков одним и тем же мастером по намеченному плану. Это свидетельствует, по мнению автора, о наличии здесь простой формы профессиональной специализации труда.

Интересная проблема происхождения и сущности каменных мотыг поставлена в статье М. Н. Ковэн. Анализируя этот тип изделий в связи с раскопками поселения Телло, автор приходит к выводу, что изделия, называемые мотыгами, неправомерно рассматривать обобщенно. Указывается, что данная форма имеет типологическую, хронологическую, территориальную и, возможно, функциональную вариабельность. Наиболее ранние изделия, имеющие морфологическое сходство с мотыгами, известны для Ближнего Востока в IX тыс. до н. э. на Среднем Евфрате. Но они, скорее всего, являются не мотыгами в их привычном понимании, а орудиями, повторяющими форму и функцию тесел. Примерно с начала VII тыс. до н. э. довольно широко распространяются уже собственно мотыги. Их всестороннее рассмотрение позволяет автору сделать следующие выводы: возникновение каменных мотыг на разных территориях (в частности, в Ираке и Иране) имело, вероятно, конвергентный характер; включение данного типа орудий в контекст земледельческих инвентарей правомерно, но жесткой связи между наличием мотыг и техникой земледелия на поселении, в котором они обнаружены, не существует; наконец, нахождение мотыг и в доземледельческих комплексах требует установления функции этих орудий для каждого конкретного памятника отдельно.

На территории СССР мотыги известны, в частности, в памятниках энеолита — ранней бронзы западной части Кавказского Причерноморья. Несмотря на то, что их культурная и хронологическая позиции неясны (рассматриваемые орудия происходят в подавляющем большинстве из сборов с поверхности), наличие данного типа изделий рассматривают иногда как свидетельство целого этапа связей Кавказа с Ближним Востоком. Сказанное выше о мотыгах на территории Ближнего Востока требует тут большей осторожности в выводах. Мотыжки «сочи-адлерского типа» тяготеют типологически не к поздним (IV—V тыс. до н. э.), к которым они должны были бы быть ближе согласно приведенному мнению, а к ранним ближневосточным формам подобных изделий. Сопоставление их без учета этого обстоятельства лишает производимые сравнения необходимой строгости типологических идентификаций. Существенно в связи с этим и то, что каменные мотыги неизвестны для памятников Шулавери-Шомутепе, которые и территориально, и хронологически, и по типу хозяйства значительно ближе к Передней Азии, чем памятники с мотыжками «сочи-адлерского типа». Вопрос о том, почему целый «этап» связей Кавказа с Ближним Востоком, устанавливаемый по указанным мотыжкам, не коснулся обширного пласта памятников типа шулавери-шомутепе (кстати, более показательного для Кавказа, чем несколько коллекций сборов с поверхности), останется непонятным, если не признать конвергентного возникновения каменных мотыг в одном из регионов Кавказа спустя целую эпоху после их зарождения на Ближнем Востоке.

В небольшой заметке Г. Мартина и О. Бар-Йозефа приводятся данные об открытии в слоях памятника Айн-Гев III (геометрический кебарьен) остатков каменных сооружений овальной формы. Результаты этих исследований можно расценить как еще одно подтверждение того, что для Ближнего Востока первоначальный этап домостроения, относящийся к раннему эпипалеолиту, характеризуется круглопланной архитектурой. Эта картина проявляется как в кебарийских (Айн-Гев I, Джийта, Накал-Орен горизонт 9 и др.), так и в натуфийских (Айн-Гев IV, Эрк-эл Ахмар, Мурейбит и др.). То же можно видеть в синхронных названным, но иных в культурном отношении памятниках Ирака (например, Зави Чеми Шанидар). Круглопланная архитектура отмечена и на Кавказе для периода возникновения первых поселений на открытом воздухе в раннем неолите (Чохское поселение, слой С). На Кавказе и в дальнейшем в течение неолита и энеолита жилища остаются круглопланными, тогда как на Ближнем Востоке развитие архитектуры от эпипалеолита к неолиту идет по пути замены круглопланного домостроительства на прямоугольное. Этот момент служит одним из указаний на относительно самостоятельный и параллельный характер развития культур Кавказа и Ближнего Востока в мезолите и неолите. Это не отрицает, разумеется, и моментов общности путей развития двух регионов.

Две заметки журнала посвящены новым данным по эпипалеолиту северной части пустыни Негев (Ф. Валла с соавторами) и вопросу о каменных сосудах докерамического неолита А Иорданской долины (Т. Ной).

Большой интерес представляет публикация Э. О. Негахбанд «Краткое сообщение о расписном здании поселения Загхе». В ней описывается открытое раскопками общественное здание религиозного характера, датируемое концом VII — началом VI тыс. до н. э. Здание связано с неолитическим поселением Загхе недалеко от Казвина (Иран). Оно состояло из двух помещений, одно из которых имело U-образную форму, а второе было прямоугольным. Стены U-образного зала, служившего местом сбора людей, украшены расписным орнаментом геометрических форм и в виде букраниев горных козлов. Орнаментация позволяет сопоставить рассматриваемый памятник с известными алтарями Чатал-Гуюка.

Археологические памятники VII—IV тыс. до н. э. долины Балих в Северной Сирии рассматривает в своей работе Л. Копленд. Указанная территория интересна тем, что расположена между двумя такими выразительными областями развития древнейших культур, как Левант и Месопотамия. Рассмотрение конкретных данных показывает, что в первобытности она испытывала влияние обоих этих регионов. Древнейшие из изученных неолитических материалов автор относит к раннему неолиту с керамикой, возможно, типа пре-Амук А. Следующие хронологические этапы представлены здесь халафской и убейдской культурами.

Рекогносцировочным работам французской археологической экспедиции в Катаре посвящена заметка М.-Л. Инизан. Подробное изучение каменной индустрии поселения Амри в Пакистане отражено в публикации М. Лешвалье.

Следует отметить статью А. М. Тильe, посвященную анализу костных остатков мустьерского ребенка Homo 4 из Кафзеха (Палестина).

Завершает издание рецензия Ж. Бушю на книгу Р. Х. Мэдов и М. А. Зедер «Подходы к анализу фауны Среднего Востока» и сквозная библиография ко всему тому.

Рассмотренный номер ежегодника, несомненно, очень содержателен. В нем можно найти не только сведения о новых полевых археологических работах в странах Юго-Западной Азии, но и исчерпывающие обобщения материалов, оригинальные интерпретации и проблемные статьи по весьма широкому хронологическому срезу. Многодисциплинарный характер издания ориентирует читателей-специалистов на комплексность собственных исследований, позволяет ученым разных профилей быть в курсе основных разработок смежных наук по данной территории и, наконец, делает это издание интересным для разных исследователей: археологов, антропологов, палеоботаников, этнографов и историков, интересующихся проблемами первобытного прошлого Юго-Западной Азии. Этим положительным качествам вполне соответствует и высокий уровень полиграфического исполнения данного издания.

Амирханов Х. А.

Gaussen J. Le Paléolithique supérieur de plein air en Périgord. XIV supplément à Gallia Préhistoire. Paris, 1980. 291 p.

Поздний палеолит Перигора известен уже с прошлого века. Давно стали хрестоматийными знаменитые палеолитические культуры — перигордьенская, ориньякская, солютрейская, мадленская, великолепная наскальная живопись. Однако широкую известность получили главным образом памятники, расположенные в пещерах или под скальными навесами, в то время как открытые стоянки практически не фиксировались. С появлением книги Ж. Госсана этот пробел в изучении палеолита Франции в какой-то мере начал заполняться.

Ж. Госсан несколько раз в тексте подчеркивает, что он — любитель, а не археолог-профессионал. Однако это не мешает ему публиковать материалы исследованных стоянок достаточно профессионально [1].

В авторском вступлении Ж. Госсан справедливо сетует, что открытые палеолитические стоянки во Франции ввиду их бедности материалом, отсутствия данных для точных датировок долгое время оставались вне рамок интересов археологов, не служили объектом специального исследования. Только в последнее время

[1] Надо отметить, что в своей работе Ж. Госсан пользовался консультациями таких крупных специалистов по палеолиту, как Ф. Борд, Д. де Соннвилль-Борд, Х. Мовиус, а А. Леруа-Гуран даже написал предисловие к его книге.

обнаружены и раскапывались такие памятники, как Пенсеван, Корбьяк, Пон-дю-Гар, давшие остатки палеолитических жилищ. Автор рецензируемой книги справедливо в нескольких местах текста пытается привлечь интерес специалистов-археологов к исследованию открытых поселений.

Первая часть работы Ж. Госсана готовит читателя к знакомству с излагаемым материалом. Прежде всего в ней описывается географическое расположение исследованных автором памятников. Работами был охвачен небольшой район: Ж. Госсан обследовал (один или с помощью добровольных помощников) среднее течение р. Исль (правый приток р. Дордонь), от г. Сен-Астье до г. Мюссидана, всего около 20 км. И тем не менее на этом отрезке ему известно (к моменту выхода книги) 26 пунктов с находками палеолитических изделий. В работе приведено несколько карт расположения как самого района, так и памятников. Автор кратко характеризует геологически и геоморфологически изучавшийся район. Довольно большой раздел посвящен историографии. Правда, он несколько «утяжелен» включением истории исследования памятников не только палеолитических, но и всех остальных эпох, представленных в изучаемом районе.

В этой же части автор касается методики полевых работ. Ж. Госсан практически не закладывал разведочных шурфов при обследовании того или иного поселения. Все исследовавшиеся палеолитические слои находились на небольшой глубине. Поэтому исследователь использовал металлический зонд-жезл длиной ~1 м для прощупывания слоя. Ж. Госсан отмечает, что слой, как правило, обнаруживался не в месте максимального распространения подъемного материала, а на окраинах этой зоны. Раскопки начинались только тогда, когда зонд-жезл обнаруживал остатки выкладок из галек. Эти выкладки оконтуривались (опять-таки жезлом), и раскоп ставился так, чтобы выкладка по возможности была им захвачена. Раскопки производились на небольшой площади [2] с оставлением на месте всех находок.

Ж. Госсан подробно разбирает все возможные варианты нарушений культурного слоя: воздействия на него пахотных орудий, действия землеройных животных, повреждения слоев корнями растений и деревьев, геологические изменения в характере слоев (имеются в виду криотурбационные и солифлюкционные процессы).

Как считает автор, особого интереса при раскопках заслуживают бытовые объекты. Поэтому он столь подробно останавливается на приемах выявления каменных выкладок в палеолитических слоях, которые, как он думает, были остатками дна жилищ, на их характере, размерах. Он приводит небольшую сводку каменных выкладок в палеолите Франции, характеризует залегание камней в них, главным образом, плоской стороной вверх, объясняет, что эти выкладки, по его мнению, служили для предохранения жилищ от сырости почвы.

Основная, вторая часть работы — описание исследованных памятников. Оно дается по определенной схеме: географическое положение памятника, история исследования, приемы раскопок и их площадь, стратиграфия, каменный инвентарь, датировка и культурная принадлежность, описание каменных выкладок, встреченных в слое, анализ найденных материалов. Необходимо подчеркнуть, что большинство обследованных поселений небогато инвентарем, отсутствуют изделия из органических материалов, не сохранившиеся из-за почвенных условий, да и ограниченность раскопанных площадей приводит к небольшому числу находок.

Пожалуй, самый пространный очерк в этой части посвящен стоянке Сольвьё, которая раскапывалась Ф. Бордом и продолжает сейчас исследоваться американским археологом Д. Секкеттом. Она и в самом деле заслуживает особого внимания. Стоянка раскопана большой площадью, выявлена сложная стратиграфия с несколькими палеолитическими наслоениями. Здесь удалось проследить явления солифлюкции, позволяющие точнее датировать культурные остатки. На этой стоянке обнаружена, хотя и не полностью раскопана, большая каменная выкладка. В раскопанной части ее размеры 6,8×6 м. О вероятной преднамеренности выкладки свидетельствуют находки более раннего культурного слоя, обнаруженные под ней. На стоянке было три культурных горизонта: под выкладкой открыт очень

[2] Это объясняется автором или небольшими возможностями для раскопок (в них участвовали любители-энтузиасты), или тем, что памятники в основном находились на земле, бывшей в частном владении и занятой в большинстве случаев сельскохозяйственными культурами.

бедный культурный слой, относящийся, по мнению Ж. Госсана, к перигордьенской культуре; на выкладке и над ней залегали два горизонта с мадленскими остатками. Ж. Госсан считает, что материалы двух последних горизонтов были перемешаны, поэтому он не разделяет их при описании, утверждая, что перерыв между заселениями, к которым относятся эти слои, был очень кратковременным, и относит оба слоя к мадлену III.

Автор не дает окончательного истолкования вымостки, предполагая, что она является полом жилища. По густоте находок он считает, что жилище просуществовало от 6 месяцев до 2—3 лет, что нам представляется сомнительным. Число обитателей стоянки, по предположению Ж. Госсана, достигало 50 человек.

Следующая стоянка — Лё Серизье. Раскопано 30 м². Памятник относится к раннему мадлену, в раскопе обнаружена квадратная вымостка со стороной 4 м, с двумя противоположными «выходами» по одной из осей. Весь инвентарь залегал только в пределах вымостки. Ж. Госсан, считая ее дном жилища, дает две его реконструкции: в форме палатки и в форме юрты. Нам кажется более верной первая.

Стоянка Гийяссу. Исследовано 27,5 м². Здесь тоже открыта выкладка прямоугольной формы, но инвентарь залегал как в ее пределах, так и вне выкладки. Поселение относится к началу мадлена.

Стоянка Лё Брёй, датировка которой осталась неясна, дала три округлых в плане вымостки диаметром ~2 м. Стоянка Лё Ма, раскопанная на площади 49 м², представила в распоряжение исследователя две выкладки подпрямоугольной формы. Полученный при раскопках инвентарь относится к мадлену. Мадленская стоянка Плато Паррен дала почти квадратную вымостку (4,5×4 м). На стоянке Ля Кот обнаружены три культурных слоя, только нижний из которых можно отнести к ранним этапам перигордьенской культуры; два других из-за бедности нельзя отнести к какой-либо культуре. Стоянка Круа-де-Фер относится к раннему мадлену. Кроме того, автор дает описания нескольких более мелких памятников: Рюи-де-Пон, Коли, Ля Фон-Сен-Лен и др. Отмечены им и отдельные находки палеолитических изделий в районе.

Книга Ж. Госсана носит публикационный характер. Он и сам не претендует на детальный анализ исследуемого материала. Поэтому в небольшом заключении он коротко останавливается на всей сумме проблем, возникших в связи с публикацией. Одной из таких проблем является самое выявление открытых палеолитических памятников. Автор считает, что своей работой он попытался привлечь внимание французских специалистов по палеолиту к поиску и исследованию таких памятников. При этом он указывает на необходимость использования малейших признаков для обнаружения памятников этого типа, подчеркивая, что они могут находиться в различных топографических условиях. Ж. Госсан считает, что открытые стоянки могут быть не только мадленскими, об этом говорят и находки перигордьенских слоев в обнаруженных им поселениях.

Чрезвычайно важной Ж. Госсан считает проблему позднепалеолитических жилищ во Франции. Исследователь полагает, что с открытиями искусственных вымосток еще не решен вопрос о форме и характере существовавших на них жилищ, так как в раскопках не встречено никаких конструктивных деталей, кроме самих вымосток. Тем не менее Ж. Госсан отмечает, что даже по имеющимся данным можно говорить о существовании легких наземных переносных жилищ. Интересна проблема поселений с несколькими жилищами: здесь исследователь затрагивает вопрос об одновременности обнаруженных сооружений. Удивляет автора отсутствие очагов в жилищах.

Ж. Госсан коротко останавливается и на проблеме хронологии поселений. Раскопанные стоянки не дали никаких органических остатков, поэтому датировка радиокарбоновым методом невозможна. Следовательно, единственным методом остается типологический. Достаточное количество находок позволяет автору в ряде случаев правильно оценить возраст памятников. Автора интересует вопрос о численности групп населения, оставившего исследованные памятники, но этот вопрос оставлен открытым. Интересна для Ж. Госсана и проблема хозяйственных занятий первобытного человека.

Таково содержание работы Ж. Госсана. К тексту приложены списки палеолитических памятников района, статистические таблицы инвентаря поселений и обширная библиография, включающая 236 названий.

Разумеется, книга Ж. Госсана не свободна от недостатков. Прежде всего публикация вещественного материала поселений, с нашей точки зрения, очень кратка. Для некоторых памятников характер раскалывания кремня излагается чрезвычайно скупо, почти всегда отсутствуют рисунки нуклеусов, а там, где они приведены, негативы сколов не заштрихованы, что не дает возможности определить направление скалывания. Описание нуклеусов крайне формально, оно ограничивается только их формой. При описании орудий не всегда указан характер ретуши (крутая, пологая, плоская). По приведенным рисункам, хотя они в большинстве случаев довольно высокого качества, это невозможно установить. Неверно утверждение Ж. Госсана, что нет возможности археологу установить, как использовались орудия. Он прекрасно знает о существовании трассологического анализа, упоминает о нем в тексте. Именно этот анализ дает нам широкие возможности в плане определения функций каменных орудий.

Вызывает возражения методика раскопок, хотя она, видимо, обусловлена расположением стоянок на частной земле. Раскопки небольшими площадями не позволяют автору выявить характер поселения, поэтому в ряде случаев для Ж. Госсана остается неясной хозяйственная направленность населения, оставившего тот или иной памятник.

Кажется спорным утверждение автора, что гальки для вымосток использовались из очагов предшествующих заселений стоянки. Во-первых, для очага требовалось значительно меньше галек, чем для обнаруженных вымосток. Во-вторых, только в немногих случаях на раскопанных поселениях обнаружены следы предшествующих заселений. Может быть, гальки носят следы обжига потому, что очаги (правда, без специальных конструкций) все же существовали, но были размыты после оставления стоянки ее поселенцами.

Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что расположение стоянок вблизи реки доказывает существование у населения занятия рыболовством. Никаких прямых оснований для такого утверждения у Ж. Госсана нет. Возможно, рыболовство и существовало у мадленцев, но в данном случае об этом говорить не стоило.

Несмотря на эти и ряд более мелких недочетов, книга Ж. Госсана — полезная публикация, знакомящая археологов с еще одной стороной жизни позднепалеолитического населения юга Франции.

Кольцов Л. В.

DEKÓWNA M. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980.

Мария Декувна — автор рецензируемой книги — не нуждается в представлении: она хорошо известна советским археологам как автор многочисленных публикаций по вопросам средневековой торговли и ремесел, как секретарь «Археологии Польши» и как гость нашей страны, работавший в советских музеях, лабораториях и институтах. В последнее время М. Декувна особенно настойчиво изучала стекло средневековой Европы [1, с. 116—128; 2, с. 147—161; 3, с. 143—158; 4, с. 177—277; 5, с. 167—187]. Ее новая книга — заметное явление в литературе не только по истории западноевропейского стекла в средние века, но и по истории стекла в широком значении этого термина.

Книга М. Декувны включает материалы четырех памятников: Карлеон (Южный Уэллс в Англии), Стырмен (Болгария), Хайтхабу, больше известный советским читателям как Хедебю (ФРГ), и Щецин — Замковая Гора (Польша). Предметом исследования являются количественные спектральные анализы 126 предметов: 3 — из Карлеона, 14 — из Стырмена, 75 — из Хайтхабу, 34 — из Щецина. Выборка невелика. Хотя это не умаляет значения публикуемых данных, недостаточная репрезентативность источника не может не сказаться на оценках его и предлагаемой интерпретации.

Основное исследование предваряет большая вступительная глава (с. 9—41). В ней обоснованы территориальные и хронологические границы темы, оценена сте-

пень изученности ее, рассмотрены вопросы методики и общая проблематика работы. Два последних раздела, особенно методический, наиболее интересны.

Вторая глава (с. 42—91) посвящена трем бусинам из Карлеона. Две из них, изготовленные навивкой из содового стекла, вероятно, местного производства (однако само место и мастерская неизвестны); третья — из трубочки с золотой прокладкой (№ 2) — происходит, по мнению автора, из Восточного Средиземноморья.

Третья глава (с. 92—171) посвящена стеклянным изделиям из Стырмена. По мнению автора, они относятся к изделиям столичных и провинциальных византийских мастерских, некоторые из них уникальны для Южной Европы, другие, типичные для Западной Европы, здесь редки, третьи аналогичны находкам в Плиске.

В четвертой главе анализируется стекло из Хайтхабу (с. 172—198). Подчеркивая в заключительном разделе предварительный характер суждений (с. 188—198), автор пишет, что в Хайтхабу существовали стеклоделательные мастерские разных типов (такие, в которых варили стекло, и такие, в которых только делали бусы из полуфабрикатов); состав одних стекол следует античным традициям, других — ближневосточным разного времени. Дойдя в этом разделе до калиево-кальциево-кремнеземных стекол, в противоречие сказанному (с. 153), автор пишет, что степень изученности находок в Хайтхабу не позволяет сделать каких-либо предположений о возможности изготовления либо обработки здесь этих стекол, о готовых изделиях из них. По поводу происхождения найденных здесь «гладилок» (с. 196) также нельзя, по ее мнению, сказать ничего определенного.

Пятая глава посвящена находкам изделий из стекла, происходящих из раскопок на Замковой горе в Щецине. Эти стекла наиболее сложные по своему химическому составу; кроме натриево- и калиево-кальциево-кремнеземных здесь употреблялись стекла иных классов: свинцово-кремнеземные, натриево-свинцово-кремнеземные и калиево-свинцово-кремнеземные. По мнению автора, изделия, изготовленные из стекла первых двух классов, с одинаковой вероятностью могут происходить из Восточного Средиземноморья, Южной, Западной и Центральной Европы, они могут быть сделаны из привозных полуфабрикатов и из стекла, сваренного в местных мастерских; один образец (713/68) соответствует типу позднесредневековых стекол Западной Европы. Исследования автора привели к заключению, что стекла этого класса появляются во второй половине VIII в.

Свинцовые стекла во всех вариантах рассматриваются как новые технологические решения, найденные европейскими стеклоделами. Появление калиево-свинцово-кремнеземных стекол рассматривается как результат изменений (перехода к новому сырью, древесной золе и новым пропорциям), которым подверглась практика стекловарения в некоторых центрах на восточном побережье Средиземного моря (или в других центрах, находившихся под влиянием последних). Связь этих стекол с древнерусскими, относящимися к тому же классу, осталась невыясненной. Свинцовые бесщелочные стекла появляются в Польше (как следует из находок в Щецине) во второй половине X в., немногим ранее, чем в Древней Руси. Автор ограничилась хронологическими сопоставлениями, полагая, что и те, и другие представляют собой последнюю стадию развития их технологии, начало которой видится автору в Юго-Восточной Европе (без уточнения региона) в VIII в. н. э. Таким образом, VIII—IX вв.— время большой активности в стеклоделии Европы, когда изменения происходят и в технологии, и в организации, и в географии производства, стеклоделие появляется в западной и южной частях Северной Европы.

В заключении подведены краткие итоги исследования.

Методические приемы исследования, применяемые М. Декувной, как сознательно отобранные из числа наиболее употребительных в археологии, так и оригинальные, специально разработанные автором, подчинены главной, очень конкретной цели — получению максимальной информации для интерпретации изучаемых предметов. Из методов, применяемых в археологии, наиболее надежный, как считает М. Декувна,— сравнительный (не сравнительно-исторический). Специально разработанные методы названы системой классификации важнейших проблем, которая (система) представляет, как считает автор, оптимальный порядок исследования. Однако следовать этому порядку, даже его автору удается с трудом, поскольку это, по своей сути, программа для многомерного кластерного анализа с помощью машин, малопригодная для обработки вручную. Составление такой перспективной

программы, реализация которой возможна лишь в будущем,— большая заслуга автора.

Существующие методы изучения древнего стекла (вернее, методы обработки результатов анализов) М. Декувна рассмотрела очень подробно (с. 22—32). Критическая заостренность суждений приводит исследовательницу, если не к признанию невозможности научного познания древнего стекла, то к глубокому сомнению в такой возможности, особенно на современном этапе изучения (с. 34—37). Существующие приемы исследования, по мнению автора, пригодны лишь для классификации данных, но не для их интерпретации. Это положение сделано отправным для новых изысканий в области методики. Но, к сожалению, собственные методы исследования, применяемые автором последовательно и с необходимыми обоснованиями, нигде не описаны. Отведенных для этого 14 строк на с. 46 и стольких же на с. 97 явно недостаточно. Теоретические основы используемых ею методов также не раскрыты и не показаны. О них можно лишь догадываться, повторив за автором арифметические действия с результатами анализов: подсчет сумм и отношений разных соединений и т. д.

М. Декувна, к сожалению, ошибочно полагает, что сумма SiO_2, Al_2O_3, CaO, MgO, Fe_2O_3, найденная по результатам анализа *готового выплавленного стекла*, определяет песок (с. 46) — сырой материал, вводившийся в *шихту* — смесь сырья для варки стекла. И CaO, и MgO в песке существуют в виде карбонатов ($CaCO_3$ и $MgCO_3$) в связи с CO_2, который во время варки улетучивается. Отсюда следует, что песок должен быть представлен (если это нужно и практически возможно) суммой следующих соединений: SiO_2, Al_2O_3, $CaCO_3$, $MgCO_3$, Fe_2O_3. Поясню это примером, взятым из таблицы 2. В готовом стекле CaO и MgO, действительно, составляют в сумме 7,32%, но в песке их количество было вдвое большим, поскольку они существуют в виде карбонатов (46,2% от взятых карбонатов переходит в стекло согласно реакции и правилам «угара»). Таким же превращениям подвергаются и щелочные материалы. В этой связи предлагаемое автором соотношение $\frac{SiO_2 + Al_2O_3 + CaO + MgO + Fe_2O_3}{Na_2O + K_2O}$ никак не представляет отношение песка к соединениям соды: согласно предложенным М. Декувной установкам, получено отношение, равное 6,2. Согласно расчетам, соответствующим основам стекловарения, получается иное соотношение — равное 3,3.

Следует заметить, что эти расчеты не являются решающими в дискуссии о сходстве и различиях в составах древних стекол, используются и другие характеристики: соотношение окисей натрия и калия, кальция и магния, соотношение легкоплавких фракций (что соответствует нашей «рецептурной норме»), содержание окиси алюминия. Общее положение и соотношение вещей представляются в искаженном виде, а круг параллелей, приводимых в каждом конкретном случае, ограничен, и поэтому выводы неполны. Например, для бусины из Карлеона (№ 1811-2) указана одна аналогия — плоское стекло из Стырмена (№ 1331). На самом деле их в рецензируемой книге значительно больше (№ 1378b, 1431, 1232, 108).

Сравнительный метод М. Декувна реализует с помощью таблиц. Принцип составления таблиц не раскрыт: они и не хронологические, и не региональные, включают стекла разных составов. В табл. 13, например, сравниваются 13 предметов, они относятся к разному времени (от VII в. до н. э. до X в. н. э.), а иногда не имеют даты; происходят из самых разных мест (Популония, Сирия, Самтавро, Аквилея, Карлеон, Стырмен и т. д.). Кроме того, таблицы, и без того насыщенные и сложные, дополнены примечаниями, значками и символами.

Нужно заметить, что сам по себе сравнительный метод (равно и сравнительно-исторический) применим с ограничениями и при строгом соблюдении заданных условий. В противном случае он теряет свою силу. М. Декувна пользуется сравнительным методом без ограничений, расширяя без обоснований не только географические и хронологические пределы для подбора аналогий, но и пренебрегая социально-экономическими и культурными различиями. Конечно, такие сопоставления не только возможны, но даже могут быть полезными. Однако оставленные в данном случае без серьезных объяснений, они выступают в роли историко-технологических курьезов и парадоксов.

Вместе с тем сопоставления, произведенные автором, поставляют много разноплановой информации, объем которой может быть назван максимальным; к этому

как к главной цели автор и стремится. Она затрагивает вопросы основного состава и цветообразования в древних стеклах, проблему обесцвечивания и глушения, технологию изготовления бус и «гладилок». Рассмотрение всех этих вопросов произведено с глубоким знанием предмета и литературы, посвященной стеклу специально и касающейся его едва. К сожалению, эти данные рассредоточены по всем главам и разделам книги. Представленный в виде тезисов заключительный раздел (с. 340—343) не заменяет серьезного подведения итогов. Более того, смелые и ответственные заявления, сделанные в заключении, никак не вытекают и не согласуются с сугубо предположительными по характеру, чрезвычайно осторожными и осмотрительными формулировками заключительных параграфов в предыдущих разделах и главах книги.

Несколько слов о структуре книги. Каждая ее часть автономна: содержит постановку вопроса, описание методики исследования, критический анализ литературы, анализ и комментарий источника. Результат химико-технологического исследования каждого образца комментируется порознь и подробно, также порознь и подробно сравниваются другие признаки, приводятся аналогии, доводы и контрдоводы. Нередко в итоге таких сопоставлений автор приходит к заключению: на современном этапе исследования затронутый вопрос не имеет ответа.

К сожалению, текст исследования М. Декувны чрезмерно перегружен повторяющимися одними и теми же аргументами, цитатами, ссылками и ссылками на ссылки (с. 19—20, 44, 99, 179, 204 и т. д.).

Попутно замечу и следующее: раздел, посвященный стеклам из Стырмена, был опубликован за 5 лет до выхода книги. Уже тогда автору было ясно, что количество анализов недостаточно и необходимы дальнейшие исследования; тогда же были очевидны и предварительность полученных результатов, и направление дальнейших работ. Однако М. Декувна не использовала перспектив исследований, ею самою обозначенных. В книге подобного объема и характера хотелось бы видеть монографическое и последовательное рассмотрение основных проблем изучения древнего стекла, а не частичное, в связи с отдельными сюжетами.

Вместе с тем М. Декувной проведена очень большая работа. Опубликованы с подробными комментариями новые результаты анализов, надежно связанные с топографией и стратиграфией изученных памятников. Во многом справедлива критика работ, предшествовавших появлению книги рецензируемой, и отчасти адресованная ближайшим коллегам автора. Новая книга М. Декувны — безусловное и значительное явление в литературе не только по истории западноевропейского стекла в средние века, но и по истории стекла в широком значении этого термина. Эта книга требует внимательного чтения. Оставляя многие поднятые вопросы без ответа или предлагая альтернативные, конкурирующие решения, автор побуждает рассмотреть те же данные с помощью иных приемов исследования, с иных методологических позиций.

На современном этапе исследования древнего стекла в науке оформились два направления [6]. Одно, *эмпирическое,* предполагает последовательное накопление результатов количественного анализа стекол и их интерпретацию с позиций современной науки о стекле. Представители этого направления (к их числу принадлежит и М. Декувна) принимают «эластичные» принципы интерпретации анализов. Эти принципы допускают альтернативные варианты толкования аналитических данных, что представляет собой продолжение практики, имеющей место в науке о древнем стекле, когда представления выступают как сумма всех возможных вариантов решений. Поскольку накопление фактов происходит медленно (пример тому приведен выше — изучение стекол из Стырмена) и число данных до сих пор невелико (в литературе циркулирует немногим более 1500 анализов, относящихся к стеклам разных эпох и регионов), весь совокупный объем информации используется в основном для уточнений распространенных и общепринятых взглядов и оценок.

Другое направление, теоретико-вероятностное, также предполагает последовательное накопление фактов, но для их оценки и интерпретации используются некоторые методы математической статистики и комбинаторики. Главная цель при этом — создание приемов однозначной оценки аналитических данных (в рамках предложенной гипотезы, естественно). Путь отыскания таких приемов сложен и в известной мере определен программой изучения древнего стекла, намеченной Р. Смитом почти четверть века тому назад [7, с. 111—116]. Программа предлагала ясную последовательность в изучении древнего стекла: сначала должна быть най-

дена теоретико-вероятностная характеристика основного состава, а затем можно переходить к изучению его местных и хронологических различий, определяя направление движения знаний об основном составе: т. е. заниматься химией древнего стекловарения в историческом аспекте.

После того как будет получена общая характеристика основного состава, возможно изучать ту его часть, которая зависит от применения вспомогательных материалов. К числу последних относятся красители, глушители, обесцвечиватели. Химический состав и структура древнего стекла в сопоставлении с его внешними свойствами и качествами — единственно возможный путь выявления роли соединений, регистрируемых аналитически в древнем стекле.

Любой учебник по технологии стекла содержит полный список реагентов, известных и используемых в современной практике. Полного совпадения списков современных и древних материалов и реагентов нет и быть не может, технология древнего стекла отлична от современной, именно поэтому нельзя прямо распространять на первую современные технологические приемы и оценочные нормы.

Химический тип стекла — это одна сторона его характеристики. В наименовании химического типа присутствуют соединения, концентрация которых выше некоторого (найденного опытным путем) предела. Количественные различия основных стеклообразующих даже в пределах одинакового набора меняют свойства стекла. Мы допустили возможность, надеясь на наблюдательность и памятливость древнего мастера, что он заметил и связал, но не осознал эти различия и тем более не объяснил их. Объяснение технологических процессов — это дело науки нового времени.

Среди стеклообразующих присутствуют песок (он составляет основу) и так называемые легкоплавкие фракции: щелочи, щелочные земли, окись свинца (и глинозем). В заданных температурных, атмосферных и временны́х режимах из шихты (смесь песка и легкоплавких фракций) получается стекло. Легкоплавкие фракции могут быть разными по набору (это отражено в названии типа), по количеству и соотношениям. Обычно количественные различия легкоплавких фракций представляют графически [8, с. 1824—1826]. Полулогарифмические графики нас не удовлетворяли (для них необходим сложный математический аппарат), и мы предложили свой вариант, более простой. Соотношение легкоплавких фракций в стекле мы условно назвали «рецептурной нормой». «Рецептурная норма» — это те пределы, внутри которых количественно варьируют составы древних стекол, сваренных в соответствии с одним рецептом, предписывавшим или требовавшим соединить легкоплавкие фракции в определенном соотношении друг с другом, а затем и с песком. Таким путем составлялась шихта, из которой затем варилось стекло. Рецептом определялся и вид сырья. На современном этапе исследования существенно знать вид щелочного сырья. Число возможных вариантов невелико: сода, зола растений, содержащих в основном натрий, древесная зола, содержащая в основном калий, и поташ. Аналитически исследуется стекло, состав которого, естественно, отличается от взятой шихты: мы уже напоминали, что из извести ($CaCO_3$) в стекло переходит только CaO, а CO_2 улетучивается, аналогичным образом из соды (Na_2CO_3) Na_2O переходит в стекло, а CO_2 улетучивается. Природа распорядилась таким образом, чтобы и известь, и сода, переходя из шихты в стекло, количественно уменьшались примерно одинаково («угар» составляет соответственно 44 и 46%). Именно поэтому соотношение (не количество!) щелочей и щелочных земель в шихте почти строго соответствует отношению суммы окисей натрия и калия к сумме окисей кальция и магния в готовом стекле [9]. Мы последовательно просчитали это соотношение для всех стекол, состав которых опубликован [10, приложение]. Корреляционная таблица, на которой итоги расчетов представлены, проста для построения: на оси ординат отложена сумма щелочных земель, на оси абсцисс — «рецептурная норма».

Значительная часть таблиц, построенных нами для стекол различных эпох, опубликована [9, 11—15]. С помощью этих таблиц, если установить еще и вид щелочного сырья (сода или зола), естественно следуя предложенной гипотезе, можно определять однозначно связь правил стекловарения.

Можно таким путем определить правила стекловарения для всех стекол, состав которых опубликован в рецензируемой работе.

Бусина I в. н. э. из Карлеона (ан. 181/2) изготовлена из содового стекла по норме № 2 (2±0,2). Вторая бусина из Карлеона II—III вв. (54.389 А/д. 108) изго-

товлена также из содового стекла по той же строгой норме № 2. Бусина из Фараса, I—II вв. н э. (ан. 5/127) — из содового стекла по норме № 1,5 (конкретно 1,6, что укладывается в доверительные интервалы 1,5±0,15). Все три бусины изготовлены из содового стекла тройной шихты, сваренного в традициях провинциально-римского стекловарения по нормам № 2 и № 1,5.

Бусина из Карлеона III—IV вв., (ан. 181/1) изготовлена из стекла типа Na—Ca—Pb—Al—Si, заслуживает внимания в иной связи. Для изготовления этих бус использовался обычный песок, сода и известь. Стекла, изготовленные из смеси соды с особым песком (аналогичным из рек Бел, Волтурно), занимают правую часть таблицы, таких нет среди опубликованных в книге.

Стекла из Стырмена: один сосуд (№ 1303, табл. 30, 31) изготовлен из золистого стекла тройной шихты по норме № 1,1 (1±0,1) в традициях ближневосточного стекловарения. Гладилка (IX—X вв.; № 1004, табл. 36, 37) — из золистого (калиевого) стекла тройной шихты по норме № 1,1. Остальные — из содового (№ 1331, 965, 1378в, 1431, 1090, 1056, 1099) или золистого (№ 1024, 1057, 1223) стекла тройной шихты по нормам № 1,5 № 2 и № 3 (№ 995), применявшимся в Византии и сосуществовавшим там на протяжении всего времени ее существования и представлявшим собой строгие провинциально-римские (№ 1,5 и № 2) и столично-римскую (№ 3) нормы. В рамках нашей гипотезы древнее стекло, его основной химический состав, имеет более жесткую характеристику, чем дано автором рецензируемой работы.

Среди стекол из Хайтхабу (Хедебю) в традициях провинциально-римского, для средних веков византийского, стекловарения изготовлены стекла по норме № 2 и № 1,5 (содовые стекла — табл. 43, *1*, *2*, *4*, *6*; золистые — табл. 45, *1—3*, *6—8*; табл. 48, *1—7*; табл. 49, *4—7*; табл. 51, *1*, *4*, *5*).

В традициях ближневосточного стекловарения по № 1 сварены золистые стекла (табл. 45, *4*, *5*; табл. 49, *1—3*; табл. 51, *2*, *3*); содовые стекла — № 1,2 (табл. 43, *3*, *5*).

По такой же норме, но на другом щелочном сырье (на древесной золе) сварены стекла (табл. 53, *1—2*) ; иное соотношение — 0,7, 0,6 и 0,4 — характеризует еще четыре стекла (табл. 53, *4—7*).

Калиево-кальциево-кремнеземные стекла VIII—X вв. М. Декувна рассматривает в качестве предшественников западноевропейских стекол XI—XVI вв. Прослеживая постепенный переход к ним от золистых (натриевых) стекол (ан. табл. 51, *2*, *3*), она считает возможным локализовать этот процесс в Западной Европе, в Хайтхабу прежде всего.

С этим ее заключением нельзя было бы не согласиться, если бы не дальневосточный комплекс раннесредневековых стекол, недавно опубликованный. Речь идет о находках на бохайских памятниках VIII—IX вв. бус подобного состава и находках палочек, колец и бус на городищах эпохи чжурчженей XI—XIII вв. [16]. Достаточно наложить друг на друга корреляционные таблицы (опубликованную Г. Л. Силантьевым и построенную нами для Хайтхабу), чтобы убедиться в тождестве обсуждаемых стекол. Для Дальнего Востока эти стекла безусловный импорт. Бусы, найденные на бохайских и чжурчженьских памятниках, как и более ранние, эпохи хань [17], достигали этого далекого края Великим шелковым путем. Путь связывал Ближний Восток с Китаем, пролегая через Сибирь и Дальний Восток. Примечательно, что калиевые стекла на Дальний Восток экспортируются в сопровождении ближневосточных бус, изготовленных из трубочек. Тождественность дальневосточного комплекса части комплекса из Хайтхабу заставляет искать общий для них источник. Из этого же источника происходит и «гладилка» из Стырмена (табл. 36, 37), и стекло для бус, найденных в Щецине (табл. 77, *1*, *2*). С этим источником связаны три памятника, где производились изделия из стекла силами аборигенных мастеров (Хайтхабу, Щецин, Шайгинское городище). И щецинские мастера, и дальневосточные одинаково знали лишь немногие приемы обработки стекла: размягчение, навивка, спекание; они только осваивали технику обработки стекла как материала, поэтому их вторжение в самый материал, в его состав историко-технологически не мотивируется [18]. Все изменения в составе (переход от одного сырья к другому) происходили (и могли происходить) только там, где стекловарение как ремесло принадлежит к числу традиционных производств. Рецептурная норма № 1 (зола как источник щелочей) характерпзует стеклоделие Ближнего Востока, прежде всего Сирии (ее материковой части) и Месопотамии [11]. Этот же район лежал в начале Великого шелкового пути.

О применении древесной золы в стеклоделии Ближнего Востока (в древнейшие эпохи, в античности, в раннем средневековье) до сих пор не было известно, хотя анализов было проведено много. Как теперь становится очевидным, в VIII—IX вв. она применяется для изготовления такого стекла, которое распространяется как полуфабрикат, в виде палочек и «гладилок». Можно вспомнить, что такая же полусферическая форма придается заготовкам и в более позднее время [19]. Торговля подобными полуфабрикатами, очевидно, приносила немалый доход. Кроме того, калиево-кальциево-кремнеземное стекло такого состава, как показала М. Декувна, размягчается и растекается при 1040°, а порошок из него спекается при 740°. Эти его свойства облегчали применение его в качестве полуфабрикатов в изготовлении изделий, прежде всего украшений, в соответствии с собственным умением и с местными вкусами.

Всегда отмечается, что калий концентрируется в древесине, произрастающей в умеренной зоне. Ближний Восток лежит далеко на юг и восток от нее. Однако из географии хорошо известно, что климатические зоны меняются не только в зависимости от географической широты, но и от высоты над уровнем моря. В тропиках и в средиземноморской климатической зоне высоко в горах располагаются зоны умеренного климата, где произрастают соответствующие растения и деревья, аккумулирующие калий, здесь и можно было найти нужное сырье, и в достаточном количестве. (Заметим, что для получения золотистых бронз требовалась и применялась также древесная зола [20].)

Открытие, сделанное М. Декувной и поставленное в связь с находками на Дальнем Востоке, можно оценить следующим образом: находки в Хайтхабу и Щецине действительно раскрывают постепенное создание новой рецептуры. Ближний Восток, его предгорные и горные районы были местом, где описанные ею события развивались в VIII—X вв. В Западной Европе аналогичные по содержанию события развивались столетием позже.

Несколько слов о калиево-свинцово-кремнеземных стеклах из Щецина. По своему наименованию они одинаковы с древнерусскими, от которых их отличает рецептурная норма, соотношение щелочей и окиси свинца. В Древней Руси самая частая норма была равна 1,5 [13, с. 209]. Норма для щецинских стекол иная — 0,3—0,28. Путем несложного пересчета можно найти их прямую связь с обычными ближневосточными стеклами. Появление в разных местах и в разное время сходных по составу стекол, никак не связанных между собой генетически и исторически, нужно рассматривать как очередной пример конвергенции в развитии древних производств. Материалы, опубликованные в книге М. Декувны, мы рассмотрели с иных позиций, в ином круге сравнительных данных. Принципиальных разногласий или расхождений в конкретных характеристиках, полученных разными путями, нет. Однако общая оценка наблюдений и данных, сделанная М. Декувной с позиций сравнительного метода, существенно отличается от той, которая может быть получена, если рассматривать те же данные и наблюдения с позиций исторического материализма.

Понятно, что в короткой рецензии трудно откликнуться на все вопросы, которые поднимает автор работы и которые рождаются при чтении монографии. Несмотря на ошибки в конкретных решениях, общие методологические и методические просчеты, рецензируемая книга — заметная веха на пути изучения древнего стекла. М. Декувна избрала очень трудный путь. Сосредоточенно извлекая максимальную информацию о древней технологии стекла, автор отвлеклась от исторических проблем, для решения которых она располагает достаточными данными. Тем не менее, несмотря на это, ее вклад в изучение древней истории стекла чрезвычайно весом и значителен.

Щапова Ю. Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dekówna M.* Etude sur les origines de la verrerie en Pologne.— In: Annales du 3e Congres de l'AIHV (1966).
2. *Dekówna M.* Remarques sur les méthodes d'examen de perles de verre du Moyen Age trouvées en Pologne.— In: Annales du 4e Congrés de l'AIHV (1969).
3. *Dekówna M.* Problème d'existance d'un atelier verrier à Szczecin au Moyen Age.— In: Annales du 6e Congrès de l'AIHV (1974).
4. *Dekowna M.* Wyroby szklane z grodiska w Styrmen (Bulgaria).— Slavia antiqua, 1975, t. 22.

5. *Dekówna M.* Les verres de Haithabu. Rapport préliminaire.— In: Annales du 7e Congrès de l'AIHV (1979).
6. *Колчин Б. А.* Естественно-научные методы в Институте археологии АН СССР.— КСИА, 1980, вып. 163.
7. *Smith R. W.* Technological Research on Ancient Glass.— Archaeology, 1958, v. 11, № 2.
8. *Sayre E. V., Smith R. W.* Compositional Categories of Ancient Glass.— Science, 1961, v. 133, № 3467.
9. *Щапова Ю. Л.* О химическом составе древнего стекла.— СА, 1977, № 3.
10. *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол.— Минск: Наука и техника, 1969.
11. *Щапова Ю. Л.* Из истории древнейшей технологии стекла.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
12. *Щапова Ю. Л.* Происхождение стеклоделия.— Вестн. МГУ, 1978, № 6. Сер. История.
13. *Щапова Ю. Л.* О древнерусском стекловарении.— В кн.: Древняя Русь и славяне.— М.: Наука, 1978.
14. *Scapova J.* Le verre byzantin (l'aspect chimico-technologique du problème).— Средневековно стакло на Балкану (V—XV век). Београд, 1975.
15. *Scapova J.* A propos des coupes dates de Sainte Hedwige.—In: Annales de 7e Congrès de l'AIHV (1979).
16. *Силантьев Г. Л.* Техника изготовления и химический состав стеклянных изделий чжурчженей.— В кн.: Естественные науки и изучение истории производительных сил. М.: Наука, 1982.
17. *Seligman C. G., Ritchie P. D., Beck H. C.* Early Chinese Glass from Pre-Han to T'ang Times.— Nature, 1936, v. 138, № 3495.
18. *Щапова Ю. Л.* Эволюция в стеклоделии древнейших эпох.— В кн.: Естественные науки и изучение истории производительных сил. М.: Наука, 1982.
19. *Charleston R. J.* Glass «Cakes» as Raw Material nd Articles of Commerce.— JGS, 1963, v. V.
20. *Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С.* Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Туркменистана.— В кн.: Естественные науки и изучение истории производительных сил. М.: Наука, 1982.

ПЕРХАВКО В. Б.

ПРОБЛЕМЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ПОЛЬШИ

Пристальное внимание к изучению материальной культуры народов на различных этапах ее развития является неотъемлемой чертой марксистско-ленинской исторической науки. И это вполне закономерно. Исследование всех сторон материальной деятельности людей позволяет глубже охарактеризовать базис той или иной социально-экономической формации, и в особенности уровень развития производительных сил общества. Археология, изучающая вещественные источники, играет определяющую роль в исследовании проблем истории материальной культуры первобытнообщинного строя и раннеклассовых обществ, практически не отраженных в древних памятниках письменности. Напомню известное высказывание К. Маркса, который писал: «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 23, с. 191).

Археологические данные особенно важны для выяснения предпосылок складывания классовых отношений и зарождения государств, а также этапов дальнейшего развития феодального строя у славянских народов. В немногочисленных письменных источниках эти важные процессы в жизни славян почти не получили освещения. Поэтому далеко не случайно изучение материальной деятельности древнего населения Польши стало важнейшим направлением работы созданного в 1953 г. Института истории материальной культуры Польской академии наук, развернувшего массовые раскопки археологических памятников эпохи средневековья. В результате многолетней и планомерной работы коллектив сотрудников Института истории материальной культуры подготовил капитальный шеститомный труд, посвященный истории материальной культуры польских земель в дофеодальный и феодальный периоды и в эпоху капитализма, с VII в. н. э. и по 1918 г. Издание опубликовано под общей редакцией В. Хенселя и Я. Паздура и носит название «Очерк истории материальной культуры Польши».

В рецензируемом первом томе издания рассматриваются основные проблемы истории материальной культуры Польши в VII—XII вв. [1]. Изучение этого переломного периода представляет огромный интерес для исторической науки, поскольку именно на протяжении VII—XII вв. у славянских племен, населявших территорию Польши, происходил переход от первобытнообщинных отношений к феодальному способу производства, нашедший отражение во всех направлениях материальной деятельности людей. Это была эпоха возникновения и становления польской государственности.

Рецензируемая книга по структуре близка двухтомной «Истории культуры Древней Руси» (М.—Л., 1948, 1951). Она состоит из введения, трех больших частей, подразделяемых в свою очередь на 14 глав, и заключения. Во введении описывается круг проблем, рассматриваемых в данном томе издания. Три главы части I работы касаются географической среды, заселенности территории Польши в изучаемый период и господствовавших социально-экономических отношений. Природная среда, подчеркивается в книге, играла важную роль в развитии материальных условий жизни людей в эпоху раннего средневековья. В польской историко-археологической науке всегда придавалось важное значение проблеме взаимодействия природы и общества [2]. Автор данного раздела З. Подвиньская также уделяет много места описанию рельефа, растительного покрова, почв, климатических условий и животного мира различных районов Польши.

В раннем средневековье славянами были освоены главным образом равнинные и предгорные области польских земель; горные районы (Карпаты и Судеты), за исключением пунктов, через которые проходили важные торговые пути, были практически не заселены. Впрочем, справедливости ради следует признать, что горные местности Польши археологически пока еще изучены недостаточно.

Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что географические условия оказали заметное влияние и на формирование круга занятий средневекового населения, типа жилищ и одежды, на развитие общества в целом. Но постепенно это влияние ослабевает, и более заметным становится обратное воздействие человека на природу. «Хозяйственная деятельность человека в раннем средневековье (земледелие, строительство, ремесла),— отмечается в работе,— привела в определенной степени к изменению структуры растительного покрова» (с. 20). В подтверждение приводятся убедительные факты об изменении состава лесов в Санток в VII—IX вв. и окрестностях Вроцлава в X—XII вв. Массовая вырубка лесов оказала также влияние и на микроклиматические условия отдельных районов [3, с. 137—166]. Однако при всем многообразии влияния географического фактора, учит марксистско-ленинская историческая наука, окружающая среда не может в корне изменить ход исторического развития.

К числу сложных и трудноразрешимых проблем исторической географии, затронутых в книге, относится определение численности средневекового населения Польши. По приблизительным подсчетам, основанным на анализе системы хозяйства и аналогиях из других территорий, «на рубеже X/XI в. польские земли населяло 700 000 человек при средней плотности 4,7 человека на 1 кв. км» (с. 24). Несмотря на отсутствие прямых свидетельств письменных источников и несовершенство методики подсчета, эта цифра, кажется, близка к истине [1].

Как и в других славянских землях, подавляющее большинство раннесредневековых поселений на территории Польши расположено в долинах рек и ручьев, по берегам озер. Наряду с селищами уже с VI—VII вв., главным образом в Силезии и прилегающей к ней части Любусской земли, а в VII—VIII вв. и в остальных районах Польши распространяются славянские городища (гроды). В книге неоднократно упоминаются памятники, датирующиеся с VI в. (Брущев, Ленчица и др.). Имеются и веские доказательства в пользу более ранней датировки некоторых славянских поселений и погребений на территории Польши. На основе анализа встречаемости древнейших форм керамики пражского типа (вариантов 2 и 3 сосудов первого типа) И. П. Русанова выделила на раннеславянских памятниках Польши целый ряд комплексов (Нова Гута-Могила, Боровый Млын, Пуховице, Непорент, Мендзыборув, Тухлин и др.), которые можно датировать V в. или по крайней мере рубежом V—VI вв. [5, с. 176]. Польский археолог К. Годловский также

[1] Такую же оценку плотности населения раннесредневековой Польши дают специалисты в области демографии [4, с. 87].

относит время появления славян в отдельных районах Польши к V—VI вв. [6, с. 36—39]. В связи с вышеизложенным вызывает недоумение тот факт, что в названии данного тома хронологические рамки ограничены VII—XII вв., хотя многие процессы социально-экономического и культурного развития, о которых идет речь на страницах рецензируемой книги, начались уже в V—VI вв.[2]

В работе подробно показана планировка селищ и городищ. Заслуживает внимания и типология поселений, однако выделение однодворных и многодворных селищ возможно лишь при условии широких археологических раскопок каждого памятника. Древнейшие славянские городища носили характер племенных центров, позднее в VIII—IX вв. они стали местом проживания феодализирующейся племенной верхушки, а в X—XI вв. представляют феодальные усадьбы и военно-административные центры. Много места уделено рассмотрению генезиса фортификационных сооружений; от простейшего частокола до валов с внутренними решетчатой и камерной конструкциями. Однако ранняя дата городищ с решетчатыми конструкциями валов, характерных для западных славян, но в последнее время открытых и на восточнославянской территории (городец под Лугой, Змиевы валы на Киевщине, Москва, Новгород), нуждается в уточнении. Затрагивая дискуссионную проблему зарождения городов, автор данной части работы указывает на предпосылки этого процесса, сложившиеся в VIII—IX вв. (начало формирования предградий), и главную причину видит в отделении ремесла от земледелия, создавшем условия для возникновения торгово-ремесленных поселений городского типа. В книге подчеркивается огромная роль торговли в становлении таких городов, как Волин, Гнезно, Познань и др. К сожалению, грань между протогородскими центрами и раннефеодальным городом, структура которого складывается со второй половины X в., остается расплывчатой. Важной проблемой, почти не затронутой в работе, является определение археологических критериев города, отличающих его от крепостей и феодальных замков [3].

Изменения в области материальной деятельности людей показаны в тесной связи с социально-экономическими сдвигами, выразившимися в социальной дифференциации, появлении классов, возникновении раннефеодального государства и дальнейшем развитии феодального общества у славян, населявших территорию Польши. В VI—VIII вв. славянский мир состоял из совокупности территориально-соседских общин (так называемых ополий), а в IX в. возникают более крупные единицы, складывавшиеся вокруг центров формирующихся территориальных объединений. В процессе распада общины и выделения отдельных семей в качестве самостоятельных экономических единиц велика роль, как подчеркивается в книге, обычая раздела земли по жеребьевке (zrebia). В свою очередь на развивавшуюся имущественную дифференциацию семей в значительной мере повлиял процесс развития производительных сил славянского общества, и в частности переход к пашенному земледелию и совершенствование ремесленного производства. С появлением классов и зарождением института государственной власти функции общины постепенно ограничивались. Механизм образования древнепольской государственности по своему характеру близок пути, пройденному другими славянскими и неславянскими народами Европы: образовавшиеся в IX в. территориальные княжения вислян, ополян, бобржан, лендзян, дзядошан и других племенных союзов предшествовали созданию во второй половине X в. раннефеодальной монархии Пястов. Возникшие в этот период классы феодалов и находившихся в различной степени зависимости крестьян и других категорий населения заменили прежнюю родо-племенную структуру общества. В последующие XI—XII вв. происходит дальнейшее укрепление феодального права собственности на землю. Достаточно полный очерк истории социально-экономического и политического развития Польши доводится в книге до XI—XII вв., когда вследствие сепаратистских устремлений местной феодальной знати, ослабления власти князя и крестьянских выступлений наступил упадок польского государства, разделившегося на ряд княжеств. Необходимо оттенить не только отрицательные последствия, но и положительные моменты насту-

---

[2] Ведь нельзя же в качестве повода для подобной датировки использовать неравномерное и неодновременное заселение славянами разных районов польских земель, и в частности более позднее освоение Силезии и Поморья по сравнению с Малопольшей и Средней Польшей.

[3] Этот вопрос проблематичен и для историков Древней Руси, хотя советские археологи постоянно работают по исследованию признаков города [7, с. 3—9].

пившей эпохи феодальной раздробленности, выразившиеся в значительном росте производительных сил общества. Следовало бы, на наш взгляд, подробнее отразить в книге процесс формирования древнепольской народности, тесно связанный с образованием раннефеодального государства и оставивший след в памятниках материальной и духовной культуры населения [8, с. 22—27].

Основное место в рецензируемом томе занимает часть II, состоящая из двух глав, в которых рассматриваются в поступательном развитии основные занятия древнего населения Польши. Основой хозяйства, как и в других славянских землях, здесь было земледелие, важное значение имело скотоводство и промыслы, связанные с эксплуатацией лесных богатств. Заметный прогресс в области сельского хозяйства объясняется распространением в VII—VIII вв. пашенной системы земледелия [4]. Постоянно совершенствующиеся пахотные орудия представлены в это время ралом трех типов: резцовым, кривогрядильным и с полозом. По мнению З. Подвиньской, в результате дальнейшего развития земледелия уже во второй половине XII в. либо на рубеже XII—XIII вв. в польских землях появляется плуг (с. 80). Этот вывод сделан на основе анализа терминологии дани, но конкретных археологических данных пока нет. Условна и сама граница между развитыми орудиями типа рала и простейшим плугом [5]. Плуг, как и появившаяся в XII в. водяная мельница, вначале использовался лишь в богатых хозяйствах светских феодалов и монастырей. Как отмечается в работе, трехпольная система начала распространяться в феодальных хозяйствах в XII в. и приобрела более массовый характер с XIII в. (с. 83). Однако точную дату появления и начала преобладания трехполья ввиду скудности данных и постепенного характера самого процесса установить трудно [6]. Почему-то в работе не заостряется внимание на проблеме появления озимых культур, сыгравших большую роль в повышении продуктивности земледелия.

Далее в книге подробно описываются различные орудия, применявшиеся для уборки зерновых, молотьбы (серпы, косы, цепы и др.), в огородничестве и садоводстве, а также состав сельскохозяйственных (просо, рожь, пшеница, овес, ячмень, овес, горох, бобы, лен, конопля) и огородных культур (вика, репа, морковь, огурцы, лук, капуста), близкий набору растений, выращиваемых в Древней Руси [13, с. 72—84; 14, с. 73—78]. В сходных по климатическим и почвенным условиям польских землях также с XI—XII вв. увеличивается роль ржи и овса.

Глубокие перемены в области земледелия в VII—VIII и XI—XII вв. не могли не повлиять на изменение структуры скотоводства. В связи с увеличением потребности в мясе с VII в. в стаде заметно возрастает роль свиней, а с X в. опять увеличивается удельный вес крупнорогатого скота, что связано, по мнению М. Дебиньской с образованием государства и возросшими нуждами господствующего класса (с. 92). Увеличение продукции сельского хозяйства и промыслов связано и с такими социально-экономическими факторами, как появление городов и развитие товарно-денежных отношений.

Лес играл важную роль в жизнеобеспечении раннесредневекового населения Польши. В рационе людей заметное место занимали плоды лесного собирательства (грибы, ягоды, орехи, дикие яблоки и груши), дерево широко применялось в строительстве, в качестве топлива и материала для ремесел. Большое распространение получили и лесные промыслы (смолокурение, бортничество, получение древесного угля и др.), специфике которых отведено много места в книге. В результате археологических раскопок смолокурные дегтярные ямы X—XI вв. открыты на поселении в Бискупине. Сельское население продолжало активно заниматься охотой, однако многие ее виды (в частности, охота на ценных пушных зверей) вскоре становятся привилегией феодальной знати. Очевиден и отрицательный фактор столь беспощадной эксплуатации лесных богатств. Массовая охота привела к падению численности

[4] Мнение о том что переход от подсечно-огневой системы земледелия к пашенной совершался в польских землях в V—VII вв. пока не находит подтверждения в археологическом материале [9, с. 241].

[5] С подобными же методическими трудностями сталкиваются и исследователи восточноевропейских пахотных орудий по-разному датирующие появление плуга у восточных славян в широких временных рамках — от VIII—IX до XIV—XVI вв. [10, с. 140—148; 11, с. 56—70].

[6] Так, в странах Западной Европы окончательный переход к трехполью затянулся до XII—XIV вв., но и в условиях ее преобладания существовали переходные смешанные формы севооборота [12, с. 124].

и сокращению видов животных, вырубка леса явилась причиной изменения рельефа.

Бывшее долгое время подсобным занятием рыболовство, отмечается в работе, начинает выделяться в самостоятельную отрасль хозяйства в сельской местности и на морском побережье с конца X в. и несколько позднее в городах. Это явление способствовало совершенствованию рыболовной снасти и способов консервации рыбы. Археологически изучены остатки рыболовных сетей с грузилами, поплавки, лодки. Увеличение потребности в рыбе со второй половины X в. объясняют введением христианства, требующего строгого соблюдения различных постов, но вряд ли это была главная и единственная причина данного явления.

В книге обстоятельно описываются методика добычи полезных ископаемых (железной руды, камня, соли и др.) и технология различных ремесел (железоделательного, деревообрабатывающего, гончарного, камнерезного, сапожного, ювелирного, обработки кости, стеклоделия и др.), при этом широко использованы археологические материалы, свидетельства письменных источников и этнографические данные. Глубокому восприятию фактов, связанных с развитием ремесленного производства, способствуют хорошо подобранные иллюстрации, на которых изображены орудия труда, простейшие механизмы и устройства. Не имея возможности подробно остановиться на характеристике всех видов ремесел и промыслов, так обстоятельно сделанной в книге, отметим лишь некоторые общие моменты, типичные для развития ремесленного производства в целом. Эти общие характерные черты хорошо иллюстрируются на примере развития таких важных отраслей ремесленного производства, как добыча и обработка железа, гончарство, солеварение, ткачество, стеклоделие.

Выплавка железа, из которого изготовлялась большая часть орудий труда, всегда играла важную роль в жизни населения польских земель. В V—VII вв. болотная руда выплавлялась в ямах, следы которых обнаружены на многих раннеславянских поселениях. В IX—X вв. уже существовали специальные железоплавильные печи с применением искусственного поддува воздуха [7]. Это нововведение дало возможность повысить температуру плавления с 400—750° до 1100—1400°, выплавляемое железо стало более качественным. На данном уровне исследований трудно проследить изменения в технологии металлообработки на протяжении третьей четверти I тысячелетия н. э., но к IX—X вв. польским ремесленникам были уже знакомы многие секреты обработки железа и стали: науглероживание железа, сварка железа со сталью и др. Свыше половины из 224 железных изделий X—XII вв., подвергшихся структурному анализу, оказались изготовленными из так называемого пакетного металла, получаемого в результате сварки чередующихся узких стальных и железных полос. В дальнейшем потребности рынка в массовой продукции не могли не привести к упрощению технологии производства железных орудий.

Цветной металл (серебро, медь и др.) вначале ввозился в Польшу из Западной Европы и арабского Востока, но уже в XII в. начинается разработка местных месторождений серебра и олова в Бытомью, меди — в Медзянце (Силезия). С выделением и специализацией ювелирного производства становятся и более разнообразными технологические приемы польских ювелиров, применявших с XI в. литье по утраченной восковой модели и знавших искусство филиграни.

Заметное место в экономике польских земель в эпоху раннего средневековья занимала добыча соли, которая с VI—VII вв. велась в открытых соляных источниках (Будзистово под Колобжегом, Велички и Бабицы в районе Кракова, Згловянще в Куявии). В книге хорошо показан процесс выпаривания соли, реконструированный на основе археологических и этнографических данных, а также свидетельств письменных источников. Только с XIII в. в Польше приступили к разработке подземных запасов соли в шахтах. Соль являлась важным предметом торговли, ее транспортировали во все концы польских земель. Ее добычей занимались специально служилые люди князя — «сольники».

---

[7] В данном случае нельзя полностью исключить возможность культурной преемственности в развитии металлургии с римской эпохи, когда на территории Польши функционировали мощные металлургические центры с многочисленными железоплавильными горнами в районе Варшавы Свентокшиских горах под Краковом и в Нижней Силезии. Возможно свидетельством такой преемственности являются находки глиняных сопл от железоплавильных печей на городище в Шелигах под Плоцком, датирующемся VI—VII вв.

Нельзя не остановиться на характеристике массового вида ремесла — гончарства, изделия которого всегда хорошо представлены в археологическом материале. Долгое время славянское население Польши пользовалось лепной посудой, изготовленной в технике спирального или кольцевого налепа, пока в VII в. не появляются лепные сосуды, подправленные сверху на гончарном круге. Последние исследования показали несостоятельность датировки раннеславянских комплексов с обточенной керамикой более ранним временем — V—VI вв.[8] Польский археолог З. Курнатовская выделила несколько районов Польши, различающихся в силу местных традиций и неадекватных внешних влияний по темпам развития гончарства, технологии, формам и орнаментации посуды. Так, быстрое развитие гончарства в Силезии и прилегающей части Великопольши объясняется, по ее мнению, сохранением позднеримских традиций, а на изготовление керамики в Малопольше и позднее в Средней Польше оказало заметное влияние гончарство подунайских областей (с. 166). Совершенствование гончарного ремесла тесно связано также с начавшимся в IX в. процессом урбанизации. Тем не менее окончательное преобладание круговой керамики над лепной относится только к VIII—IX—X вв. Вопрос о принадлежности гончарных клейм на днищах сосудов, как считают М. Дембиньская и М. Домбровская, остается открытым, поскольку неясно, относятся ли они к личным клеймам гончаров или к княжеским знакам. Взяв за основу анализ каждой серии сосудов с клеймами в отдельности, можно прийти к выводу о реальной возможности обоих объяснений. В одних случаях гончары метили своими личными клеймами продукцию, предназначенную на рынок, а в других княжескими знаками отмечали посуду, изготовленную по заказу князя либо зависимыми от князя и других феодалов ремесленниками.

Темпы и масштабы развития различных ремесел были далеко не идентичными и были связаны с потребностями раннефеодального общества. Костерезное и кожевенное производства выделяются из домашнего ремесла с IX—X вв., в то время как ткачество продолжало развиваться в его рамках вплоть до XII в., когда распространяется горизонтальный ткацкий станок. Рассматриваемый период отмечен не только совершенствованием старых видов ремесленного производства, но и появлением новых, ранее неизвестных ремесел, в частности стеклоделия, зародившегося с помощью приехавших из других стран ремесленников. Стеклянных изделий VI—XII вв. на территории Польши обнаружено сравнительно немного, уже в силу этого вопрос о возникновении стеклоделия попал в число дискуссионных. До XII в., которым датируется древнейшая мастерская по изготовлению стеклянных изделий из природного сырья в Крушвицах, в польских землях бытовали лишь мастерские по вторичной переработке стеклянного лома, открытые в Щецине и Ополье. Неразработанность критериев начала самостоятельного производства стекла, а также сложный и постепенный характер самого процесса овладевания этим ремеслом привели к разноречивым взглядам по поводу времени возникновения стеклоделия в раннесредневековой Польше: археологи датируют это событие в одних случаях XI в. (с. 71), в других — XII в. (с. 177), а специалисты-стеклоделы даже более поздним временем [9].

Важно отметить и общие закономерности развития ремесленного производства в целом, прослеживаемые в рецензируемой работе. Наблюдаемое на протяжении VI—XII вв. неуклонное совершенствование орудий труда и технологии ремесел в свою очередь вело к росту производительности труда ремесленников, которая начала постоянно повышаться с VIII в., но особенно это стало заметно в X в., когда в хозяйствах внедряются простейшие механизмы: гончарный круг, круглые жернова, токарный станок и другие приспособления. В XII в. их список пополнился за счет появления водяной мельницы и горизонтального ткацкого станка. Открываются новые источники кинетической и тепловой энергии. Все это позволило уменьшить затраты на изготовление многих изделий, а выпуск ремесленной про-

---

[8] Таким образом, опровергается господствовавшее ранее мнение, согласно которому гончарный круг не исчезал с территории Польши на протяжении всего I тыс. н. э. [5, с. 173—176].

[9] Впрочем, в вышедшем недавно исследовании польский историк стеклоделия М. Декувна относит появление производства стекла в Щецине ко второй половине IX—X вв., а в близлежащем поморском Волине — ко второй половине X в. [15, с. 338—339].

дукции становится более массовым. Изделия, сделанные на заказ, уступают в XI—XII вв. место массовой продукции, производимой на рынок на основе упрощенной технологии. Приобретавшее все большее значение товарное производство, динамике становления которого, на наш взгляд, уделено недостаточно внимания в книге, оказывало заметное влияние на ход социально-экономического развития польского раннефеодального общества. Несмотря на господство натурального хозяйства, являвшегося антиподом товарного производства, последнее сыграло большую роль в укреплении феодального способа производства.

В девяти сравнительно небольших по объему главах части III рецензируемого тома освещаются различные факторы деятельности, элементы быта и духовная культура раннесредневекового населения польских земель: строительство, транспорт, система коммуникаций, торговля, чеканка монет, вооружение, одежда, пища, материальные проявления культа. Важным элементом жизнедеятельности средневекового человека было жилище, форма и конструкция которого в течение V—XII вв. претерпели существенные изменения. Распространенные повсеместно на территории Польши с VI—VII вв. углубленные жилища (полуземлянки и землянки срубной и столбовой конструкции) и наземные жилые постройки длительное время сосуществовали, но к XII—XIII вв. наземные дома начинают преобладать не только в городах, но и на сельских поселениях. Археологические раскопки дают не так уж много материала для воссоздания облика жилищ, особенно гипотетичными выглядят реконструкции полуземлянок, приводимые в книге (см., например, рис. 141, *а*). По той же, видимо, причине отопительные сооружения жилищ практически остались вне поля зрения автора данного раздела З. Подвиньской. В результате развития государства и церкви в городах зарождается монументальное каменное строительство. Среди построек дороманского облика X в. и романского стиля XI—XII вв. выделяются прямоугольные базилики и круглые ротонды с полусферической апсидой (Краков, Плоцк, Перемышль), по форме близкие великоморавским ротондам IX в.

В книге подчеркивается важная роль коммуникаций в средневековье в обмене товаров и сырья, а также в развитии контактов между людьми. Вначале основную нагрузку несли водные пути, но уже с конца X — начала XI в. усиленно развивается и сухопутный транспорт, с этого времени становятся более частыми находки колес и других деталей повозок. Изменения коснулись и водных перевозок: совершенствуются речные лодки и морские ладьи, на южном побережье Балтийского моря строятся судоверфи, повышается значение таких торговых портов, как Волин, Щецин, Колобжег, Гданьск. На нескольких картах в книге хорошо показана развитая сеть внешних и внутренних торговых путей, направления которых менялись в зависимости от торговой политики властей, а значит, от степени выгодности и безопасности путешествия. Транзитный путь, шедший через Киев — Сандомир — Краков — Прагу, связывал Польшу с Русью, Чехией и Западной Европой. Через путь, связывавший Балтику с Черным морем, осуществлялись контакты с византийско-арабским Востоком. Торговые центры славянского Поморья также имели важное значение в торговле с западноевропейскими странами, Русью и Скандинавией. К сожалению, в данном разделе почему-то обойдены вниманием предметы торговли Польши с Русью, Скандинавией, арабским Востоком и другими странами, хотя на эту тему в польской историко-археологической литературе имеется целый ряд специальных исследований, опубликованных в 50—60-х годах [16—18]. Проведенные за прошедшие годы археологические раскопки позволили расширить наши представления о характере внешней торговли Польши. Так, среди русского экспорта в польские земли можно отметить глиняные поливные яйца-писанки, овручские шиферные пряслица, амфоры-корчаги, бронзовые кресты-энколпионы, стеклянные бусы и браслеты, сфероконические шлемы, трубчатые замки и другие товары. Через Русь в Польшу поступали транзитное восточное серебро в виде дирхемов, пряности, византийские ткани, а в XI в., наоборот, через Польшу в древнерусские земли шел поток западноевропейских денариев и серебряного лома в виде слитков и деформированных украшений западнославянского происхождения, в XII—XIII вв. поступали бронзовые изделия романской металлопластики и других западноевропейских товаров.

Хотелось бы увидеть в книге гораздо больше материала о внутренней торговле между различными районами польских земель, о связи города с сельскохозяйственной округой. На основе детального анализа и сопоставления находок вещей следо-

вало бы очертить приблизительно районы сбыта изделий городских и сельских ремесленников, как это сделал Б. А. Рыбаков [19].

На протяжении рассматриваемого периода, отмечается в книге, происходил переход от ранней, примитивной системы торговли, связанной с обменом товара на товар, к развитой системе, при которой товар обменивался на денежный эквивалент. Функцию денег выполняли поступавшие в польские земли в IX—X вв., восточные дирхемы, место которых с конца X в. занимают западноевропейские денарии. Начавшаяся при князе Мешко I во второй половине X в. собственная чеканка польских монет в районе Гнезно и Познаня, как указывает автор данного раздела М. Дембиньская, имела «скорее репрезентативное, чем экономическое, значение», а посему прекратилась вскоре после смерти Болеслава Храброго и приняла массовый и постоянный характер лишь с 1070 г,. когда Болеслав Смелый построил княжеский монетный двор (с. 258) [10]. Необходимо подчеркнуть связь польской чеканки с образцами монет соседних государств: Чехии, Саксонии, Баварии, а также Англии эпохи Этельреда II, проявляющаяся не только в характере изображений, но и в весе монет. По подсчетам нумизматов, польские монеты составляли не более 1—2% находившихся в обращении в XI в. на территории Польши монет [20, с. 111]. Из написанного в книге остаются неясными причины существования в польских землях двух гривен разного веса, а также неоднородности системы мер и веса в целом.

Характеристику условий жизни и деятельности раннесредневекового населения Польши прекрасно дополняют главы, посвященные описанию пищи, одежды и убранства, вооружению. Характер всех этих элементов определялся прежде всего имущественным и общественным положением людей. В книге на основе археологических и иконографических данных, а также сообщений письменных источников хорошо показано, как внешний вид и внутренняя обстановка домов, одежда господствующего класса феодалов разительно отличались от условий жизни простого народа. Можно с уверенностью утверждать и о существенных отличиях рациона пищи феодалов и зажиточных людей от пищи бедных крестьян и ремесленников. Неотъемлемую принадлежность средневекового быта составляли вооружение и военное дело, изучение которого всегда находится в центре внимания польских археологов-оружиеведов [21, 22]. Характеризуя различные виды наступательного и оборонительного оружия, защитный доспех, авторы данного раздела М. Дембиньская и А. Надольский подчеркивают, что в польском вооружении в большей степени прослеживается западноевропейское влияние, но нет восточных элементов, столь характерных для соседней Руси (с. 271). Тем не менее вследствие прямого влияния древнерусского оружейного искусства Польша заимствовала в X—XIII вв. золоченые сфероконические шлемы, некоторые формы мечей, а возможно, и кольчуги [23, с. 77—78]. Образцы осадной техники археологически не изучены, однако их облик и назначение легко воссоздается по ярким описаниям Галла Анонима в «Хронике» начала XII в.

С помощью материалов археологических раскопок на страницах книги освещаются и некоторые стороны духовной культуры древних поляков: музыка, игры, культовые представления. Переход от язычества к христианской религии нашел отражение в материале из поселений и погребений: фигурки языческих идолов и амулетов уступают место крестам и прочим христианским реликвиям, а не смену обряду кремации приходит христианский обычай трупоположения умерших без курганных насыпей [11]. Впрочем, в силу живучести языческих традиций в некоторых районах Польши погребения с трупосожжениями практиковались даже в XI—XII вв. [25, с. 130].

---

[10] У сторонников другой версии, по которой монеты с именем Мешко принадлежали не Мешко I, а его внуку Мешко II (1025—1034), гораздо меньше подтверждающих аргументов. Но даже если бы эта гипотеза оказалась правдоподобной, дата чеканки первых польских монет сдвинулась лишь на 10 лет вверх — к началу правления Болеслава Храброго, унаследовавшего власть от Мешко I в 992 г. [20, с. 102—105].

[11] Требует более обстоятельного объяснения факт раннего появления славянских погребений по обряду трупоположения на территории Польши с рубежа IX—X вв. т. е. задолго до официального принятия христианства в 966 г. Быть может, данное явление связано с определенными социальными сдвигами как предполагает украинский археолог А. П. Моця в отношении смены погребального обряда восточнославянского населения Среднего Поднепровья [24, с. 122].

В заключении, написанном М. Дембиньской и З. Подвиньской, подводятся итоги всего изложенного в книге и отмечаются основные вехи в развитии материальной культуры Польши VII—XII вв. во взаимосвязи с процессами социально-экономического развития, выразившимися в распаде первобытнообщинных отношений, социальной дифференциации, отделении ремесла от земледелия, возникновении городов, появлении классов и раннефеодального государства, дальнейшем становлении феодального общества. Поскольку о всех этих закономерностях уже говорилось, отметим лишь следующее. В результате анализа материала, проделанного в рецензируемом томе, становится ясно, на каком экономическом базисе возникло раннефеодальное польское государство и развивались феодальные отношения, как создавались основы польской средневековой культуры. Темпы и характер социально-экономического, политического и культурного развития Польши и соседних славянских государств (Чехии и Руси) в эпоху раннего средневековья во многом совпадали и были синхронны. Поэтому не случайно при описании той или иной отрасли хозяйства польских земель в книге нередко приводятся соответствующие факты из истории древнерусского государства. Огромный материал, творчески переработанный и обобщенный польскими археологами, позволяет сделать закономерный вывод о том, что в итоге длительного процесса развития к XI в. славянское население польских земель достигло общеевропейского уровня, а раннефеодальное польское государство Пястов стало важным фактором политической и культурной жизни Европы.

Разумеется, не все разделы работы ввиду крайней скудости письменных свидетельств и нехватки археологических данных освещены равномерно. Но все же в результате полного охвата всех отраслей материальной и духовной культуры перед читателем предстает целостная картина многосторонней деятельности раннесредневекового населения Польши во всем ее разнообразии. В этом главное достоинство рецензируемой работы, написанной на высоком научном уровне. Книга снабжена значительным числом иллюстраций, карт и схем, усиливающих восприятие текста, и небольшим, к сожалению, справочным аппаратом. Высказанные выше отдельные замечания, неизбежные при написании такого обобщающего труда, ни в коей мере не могут повлиять на его высокую оценку. Выход такого ценного и полезного издания нельзя не приветствовать. Нет сомнения в том, что к данному тому, как и ко всему изданию в целом, будут неоднократно обращаться все исследователи, интересующиеся древней историей Польши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Historia kultury materialnej Polski w zarysie (Opracowanie zbiorowe/Pod red. Hensla W. i Pazdura J.) T. I. Od VII de XII wieku/Pod red. Dembińskiej M. i Podwinskiej Z. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978.
2. *Tyszkiewicz J.* Srodowisko naturalne i antroporegiony derzecza Narwi przed 100 lat. Wroclaw — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975.
3. Archeologia Polski, 1977, t. XXII, z. 1.
4. *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М.: Госполитиздат, 1941.
5. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976.
6. *Godlowski K.* Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia slowian w V—VII w. n. e. Kraków, 1979.
7. *Раппопорт П. А.* О типологии древнерусских поселений.— КСИА, 1967, вып. 110.
8. *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы.— В. кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М.: Наука, 1972.
9. *Надольский А.* Археологические источники о начальных этапах польской государственности.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наук. думка, 1972.
10. *Чернецов А. В.* О периодизации истории восточнославянских пахотных орудий.— СА, 1972, № 3.
11. *Краснов Ю. А.* Средневековые плуги Восточной Европы.— СА, 1979, № 4.
12. *Самаркин В. В.* Историческая география Западной Европы в средние века. М.: Высш. школа, 1976.
13. *Кирьянова Н. А* О составе земледельческих культур Древней Руси X—XV вв.— СА, 1979, № 4.
14. *Коробушкина Т. А.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1979.
15. *Dekówna M.* Śklo w Europie wczesnosredniowiecznej. Wroclaw — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980.

16. *Jażdżewski K.* Stosunki polsko-ruskie we wczesnym sredniowieszu w swietle archeologii.— PS. 1955, t. IV, z. 2.
17. *Szymański W.* Kontakty handlowe Wielkopolski w IX—XI wieku. Poznań, 1958. 1958.
18. *Żak J.* Studia nad kontaktami handlowymi spoleczenstw zachodnioslowianskich ze skandinawskimi w okresie VI do VIII w. n. e. Warszawa — Wrocław, 1962.
19. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
20. *Suchodolski S.* Poczatki mennictwa w Europie Spodkowej, Wschodnej i Polnocnej. Wroc'aw — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971.
21. *Nadolski A.* Studia nad uzbrojenim polskim w X, XI i XII w. Lodź, 1954.
22. Broń sredniowieczna z ziem polskich. Katalog. Lodź, 1978.
23. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3.— САИ, вып. Е1-36. Л., 1971,
24. *Моця А. П.* Трупосожжение и трупоположение у славян Среднего Поднепровья. Причины смены погребального обряда.— В кн.: Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979.
25. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М.: Наука, 1969.

Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьковск. ун-те. 1981. 144 с., илл.

За 155 лет раскопок Херсонеса Таврического накоплен большой и выразительный материал, неоспоримо свидетельствующий о важном значении этого причерноморского центра в течение всей его двухтысячелетней истории. В историко-археологической литературе Херсонесу посвящены несколько серьезных монографий и сотни статей. Однако многие кардинальные проблемы социально-экономического, политического и культурного развития города еще далеки от окончательного разрешения. В первую очередь это касается первых веков нашей эры — сложной эпохи подчинения Херсонеса Риму. На фоне сравнительно неплохо изученных эллинистического и средневекового периодов существования города этот период выглядит своеобразным «белым пятном». Новая книга В. И. Кадеева в значительной степени заполняет образовавшуюся лакуну.

Автор рецензируемой монографии известен как специалист в области античной археологии и истории, давно и плодотворно разрабатывающий херсонесскую проблематику [1—10]. Рассматриваемая работа является итогом многолетних изысканий, попыткой обобщить и проанализировать все имеющиеся источники и на этой основе реконструировать историю, социальную структуру, государственный строй и этнический состав населения Херсонеса в I в. до н. э.— III в. н. э.

Книга состоит из введения, четырех глав и заключения. Во введении обоснованы хронологические рамки исследования, охарактеризовано состояние источниковедческой базы, с достаточной полнотой показана история изучения Херсонеса римского времени, четко сформулированы поставленные задачи. В первой главе дан обстоятельный исторический очерк, в котором прослеживаются отношения Херсонеса с Боспорским царством и Римом. События внешнеполитической истории херсонесского государства рассматриваются В. И. Кадеевым не изолированно, они вписаны в панораму исторической ситуации, складывающейся в Средиземноморье и Причерноморье в первых веках нашей эры. История Херсонеса I в. до н. э.— III в. н. э. весьма динамична и насыщена: войны со скифами и таврами, так называемая «первая элевтерия», установление над городом боспорского протектората, упорная борьба херсонеситов за внутреннюю автономию, римская оккупация Таврики и превращение Херсонеса в главный опорный пункт римлян в Крыму, «вторая элевтерия» и получение Херсонесом статуса «свободного» по отношению к империи государства, наконец, включение Херсонеса в состав провинции при Диоклетиане. Комплексное изучение литературных, эпиграфических, нумизматических и вещественных источников позволило автору воссоздать картину исторического развития Херсонеса во всей ее многогранности и полноте.

Интересна трактовка В. И. Кадеевым вопроса о так называемой «первой элевтерии», дарованной Херсонесу Гаем Юлием Цезарем в 46 г. до н. э. и отмененной Антонием. В литературе давно уже было высказано предположение о подтверждении херсонесской элевтерии Августом, однако в цепи рассуждений исследователей явно не хватало решающего звена. Обратившись к известному декрету [11, № 355] и уверенно датировав его временем между 29—23 гг. до н. э., автор нашел это

недостающее звено (с. 15—16). Убедительна и дополнительная аргументация в пользу гипотезы, связывающей введение новой эры в Херсонесе в 25 г. до н. э. с подтверждением элевтерии Августом (с. 16—17).

В. И. Кадеев выделяет в развитии взаимоотношений Херсонеса, Боспора и Рима несколько этапов. Первый из них — симмахия между Херсонесом и Боспором — охватывает период с 14 г. до н. э. до середины 40-х годов I в. н. э., когда Херсонес фактически оказался под протекторатом боспорских правителей (Полемона I, Динамии, Аспурга, Митридата II). Союз с Боспором был заключен, несомненно, по требованию римских властей, которые в это время «не имели достаточных сил для непосредственного вмешательства в дела Северного Причерноморья» (с. 18). Действительно, на этом этапе ярко проявляется одна из ведущих тенденций внешней политики Рима: подчинять слабое государство сильному, если последнее признает гегемонию Рима и ведет проримскую политику. Говоря о положении Херсонеса конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э., автор справедливо подчеркивает, что вынужденная симмахия хотя и тяготила Херсонес, но отнюдь не означала включение его в состав Боспорского царства. Элевтерия формально не отменялась, город оставался автономным, о чем свидетельствуют прежде всего эпиграфические источники (с. 17—18). Можно добавить, что в херсонесском монетном чекане этого периода также не заметно следов боспорского влияния [12, с. 154; 13, с. 77].

Римско-боспорская война 45—49 гг. положила начало новому (второму) этапу: Херсонес, приняв участие в войне на стороне Рима, освободился от боспорского протектората и попал в непосредственную зависимость от Рима. Освещая события этого этапа, В. И. Кадеев делает ряд интересных наблюдений и выводов. Так, приведенные в главе факты не оставляют сомнений в том, что известный поход легата Мезии Т. Плавция Сильвана в Северное Причерноморье состоялся не в 57 г., а в 60-е годы (с. 20—21). Автор убедительно опровергает встречающиеся в литературе утверждения об исключительно морском характере первой римской оккупации побережья Крыма, о якобы имевшем место вывозе Т. Плавцием Сильваном из Херсонеса большого количества хлеба в Рим, выступает против преувеличения масштабов римского военного присутствия в Таврике во второй половине I в. н. э., подчеркивает ошибочность мнения о создании так называемого Таврического лимеса (с. 21—22). Попутно отметим, что в вышедшей одновременно с рецензируемой монографией статье Д. Б. Шелова о римлянах в Северном Причерноморье тоже показывается несостоятельность гипотезы о Таврическом лимесе [14, с. 59].

Удачна, на наш взгляд, предпринятая в главе попытка пролить свет на дискуссионный вопрос о политическом статусе Херсонеса в промежутке между 45 и 123 г. Одни исследователи полагают, что после 45 г. Херсонес стал совершенно независимым государством [15, с. 66 и сл.]. Другие авторы считают, что высказывание Плиния Старшего о даровании римлянам свободы Херсонесу (NH. IV.85) нельзя понимать в смысле получения Херсонесом элевтерии: речь может идти только об определенной автономии [13, с. 79; 16, с. 63—64]. В данном случае налицо неправомерное отождествление понятий «элевтерия» и «независимость». Как показал В. И. Кадеев, «свобода» в римском понимании означала не независимость, суверенитет, а лишь внутреннее самоуправление и различные права (например, право издавать собственные законы, выпускать свою монету, взимать внутренние налоги и пошлины, обращаться к императорам и т. д.), расширявшиеся или урезавшиеся по воле римских императоров (с. 31—32). Такое понимание позволяет истолковать слова Плиния о свободе, дарованной Римом, как свидетельство того, что после римско-боспорской войны Херсонес имел (вернее, сохранил, так как подтвержденная Августом элевтерия формально не отменялась и при боспорской опеке) статус «свободного» по отношению к империи государства. Конечно, оккупация способствовала (и на этом обстоятельстве в очерке акцентируется внимание) более активному вмешательству римских властей во внутренние дела полиса, и это было чревато потерей херсонеситами некоторых прав и привилегий. Трудно сказать с уверенностью, действительно ли во время правления Веспасиана велась подготовка к включению Херсонеса в состав провинции Мезия (с. 23), во всяком случае, усиление зависимости города при Нероне и Флавиях отражено в источниках. Принято считать, что осложнение обстановки на Дунае вынудило Домициана вывести воинские контингенты из Северного Причерноморья. По аргументированному мнению

В. И. Кадеева, эвакуация римского гарнизона из Херсонеса произошла уже при Траяне — не ранее II в. (с. 24).

Здесь уместно упомянуть еще одну точку зрения, согласно которой Рим вообще не выводил войска из Крыма в эпоху Дакийских войн [14, с. 56—58]. Если допустить, что в самом Херсонесе или его окрестностях в 20—30-х годах II в. н. э. размещались римские вексилляции, возникает ряд вопросов. Например, как понимать содержание почетного декрета, найденного в Херсонесе в 1968 г. и датирующегося 30-ми годами II в. н. э. [10, с. 66, прим. 75], в котором упоминаются нападения варваров, внутренние беспорядки и отряд воинов-наемников, стоявший в городе? О какой помощи для спасения Херсонеса хлопотало перед Антонином Пием посольство Гераклеи Понтийской?

Характеризуя новый, третий этап в развитии отношений Херсонеса, Боспора и Рима, автор констатирует изменение в положении Херсонеса: город временно потерял статус «свободного», император Адриан сначала подчинил его Боспору, а затем, после смерти Котиса II, между Херсонесом и Боспором (Реметалк) была заключена симмахия (с. 24—25). Нельзя не согласиться с утверждением, что в 20—30-х годах II в. н. э. в Херсонесе сложилась обстановка, подобная той, которая уже имела место здесь в 20-е годы I в. до н. э. (с. 25—26). Острые социальные конфликты, мощный натиск соседних варваров, неспособность союзного Боспора оказать реальную помощь — все это заставляло херсонесскую рабовладельческую верхушку обращаться непосредственно к Риму с просьбой прислать войска и подтвердить элевтерию.

Значительная часть первой главы посвящена полуторавековому периоду так называемой «второй элевтерии». Автор уточняет количественную и, так сказать, «качественную» характеристику римского гарнизона, расквартированного в городе и окрестностях (с. 27—31), и дает оценку положения Херсонеса в условиях новой римской оккупации. В литературе давно уже идет дискуссия по поводу «свободы», полученной Херсонесом при Антонине Пие: была ли она чисто номинальной или же город действительно обрел независимость [17, с. 111; 18, с. 57 и др.]? Для решения данного вопроса В. И. Кадеев привлекает большой сравнительный материал и приходит к выводу, что статус «свободного» по отношению к Римской империи города означал для Херсонеса утрату суверенитета при сохранении внутреннего самоуправления и некоторых прав, зафиксированных в специальном императорском рескрипте. Приводимые в главе факты указывают на несомненную и большую зависимость херсонесского государства от Рима (с. 31—34). Среди этих фактов — «наличие в Херсонесе императорского культа, появившегося в конце II в. н. э.» (с. 33). Как видно, автор вслед за Э. И. Соломоник [19, с. 38] относит учреждение в городе культа римских императоров к концу II в. н. э. Нам представляется, что есть основания пересмотреть эту датировку. В надписи на постаменте статуи легата Нижней Мезии Секста Октавия Фронтона император Домициан носит титулы «Автократор Домициан, Цезарь и бог Август Германский», причем надпись издана от имени народа Херсонеса, т. е. имеет официальный характер [11, № 422]. Возможно, конечно, что Домициан назван «богом» по политическим соображениям, но нужно учитывать конъюнктуру второй половины I в. н. э.: зависимость Херсонеса от Рима при Нероне и Флавиях возросла; не исключено, что на повестку дня стал вопрос о включении города в состав провинции: в 50—60-х годах императорский культ учреждается в Тире и на Боспоре[1]; в самом Херсонесе помимо солдат появляются римские граждане из числа представителей местной аристократии, стоящие во главе управления [2, с. 30 и сл.; 10, с. 64] и обязанные чтить императоров. Эти моменты дают возможность предположить, что культ императоров был введен херсонесской гражданской общиной не позднее времени правления Домициана. Кстати, Домициан чрезвычайно ревностно относился к насаждению культа своей особы, он провозгласил себя богом, сыном Минервы, и первым из императоров повелел называть его Господин и Бог [20, с. 28—29]. В надписи на пьедестале статуи Аристона, сына Аттины, поставленной также от имени херсонесского народа, сказано, что Аристон ходатайствовал об элевтерии перед «богом Августом» [11, № 423]. «Богом» здесь именовался император Андриан. Наконец, в изданном от имени Совета и народа Херсонеса почетном декрете в

[1] В Ольвии судя по данным эпиграфики [11, № 181], культ императоров отправлялся уже в первой половине I в. н. э.

честь «отцов-гераклеотов», хлопотавших о присылке в город римских войск, «богом и господином» назван император Антонин Пий [11, № 362]. Таким образом, эпиграфические памятники первой половины II в. н. э. тоже вписываются в ряд косвенных доказательств существования в Херсонесе этого времени императорского культа.

Завершает первую главу оригинальный вывод о том, что в самом конце III в. н. э. в результате реформаторской деятельности Диоклетиана, направленной на централизацию империи, Херсонес лишился многих прав «свободного» государства и по существу превратился в ординарный провинциальный город на окраине Римской империи (с. 36).

Много нового и интересного найдет читатель во второй главе исследования, посвященной изучению структуры общества Херсонеса. Автор не ограничивается обычной констатацией рабовладельческого характера херсонесского общества, он старается наполнить традиционную схему конкретно-историческим содержанием, представить социальный организм во всей его сложности и динамике.

Население Херсонеса рассматривается в рамках трех основных социально-правовых групп (граждане, иноземцы, рабы). В отдельную группу выделены вольноотпущенники, а в пределах названных групп — социальные группировки, возникшие в процессе имущественной дифференциации.

Тщательный анализ данных эпиграфики, привлечение аналогий позволили В. И. Кадееву очертить круг прав и обязанностей граждан Херсонеса, охарактеризовать институты почетного, нового и двойного (херсонесского и римского) гражданства, поставить важный вопрос о наличии в гражданской общине трех фил (с. 37—42). Автор убедительно показывает, что внутренние социально-экономические процессы и политика Рима, направленная на поддержку богатых слоев населения, привели в первые века нашей эры к расслоению херсонесского гражданства на различные социальные группировки: олигархическая верхушка (булевты), мелкие собственники (демоты) и люмпен-пролетарские элементы (городская беднота, чернь). Последние, как свидетельствуют надписи, представляли собой немалую политическую силу и неоднократно выступали против существующего политического порядка.

Оригинальность авторского подхода, умение заставить «заговорить» источники характерны для всех глав рецензируемой работы, но особенно ярко они проявились в разделах второй главы, посвященных институтам рабства и вольноотпущенничества в Херсонесе. Буквально по крупицам собрав все достоверные свидетельства эпиграфики и археологии о херсонесских рабах, автор книги с максимально возможной при современном состоянии источников полнотой ответил на вопросы, касающиеся масштабов и источников рабства в Херсонесе, сфер использования здесь труда рабов, имущественного и юридического положения различных категорий рабов.

Особо хочется отметить методику работы В. И. Кадеева с номенклатурой херсонесских надписей, позволившую выявить среди населения города целую группу вольноотпущенников и их потомков (с. 51—59).

Небольшим по объему, но очень важным по содержанию и выводам получился раздел о социальной борьбе. Причерноморские материалы редко, к сожалению, представляют в распоряжение исследователей достоверные данные о конкретных проявлениях социально-политической борьбы в рабовладельческом обществе. Тем большую ценность являют собой отмеченные в разделе острые социально-политические конфликты, имевшие место в Херсонесе в последней четверти I в. до н. э. и в 30-х годах II в. н. э. (с. 60—61).

В третьей главе рецензируемой книги объектом исследования является государственный строй Херсонеса в первые века нашей эры. Последовательно и подробно автор характеризует законодательные и исполнительные органы государственного управления: Народное собрание, Совет, коллегии архонтов, номофилаков, демиургов, магистратуры продика, казначея «священных сумм», «стоящего во главе управления», гимнасиархов, агораномов, экстраординарную магистратуру эпимелета. В особые разделы выделены вопросы о так называемом «царствовании» богини Девы и о происходившей в I—III вв. н. э. концентрации политической власти.

Строгий отбор и скрупулезный анализ данных, впечатляющие ссылки на аналогии в античных (прежде всего дорийских) государствах, критическое отношение к сложившимся в литературе стереотипам, применение метода исторической ретроспекции помогают автору проследить эволюцию херсонесского государства, превра-

щение рабовладельческого демократического полиса и аристократическую республику, в которой вся реальная власть оказалась в руках поддерживаемой Римом олигархической верхушки. Государственные институты Херсонеса показаны в главе как бы в движении; все изменения в государственном устройстве, исчезновение и появление тех или иных магистратур не просто фиксируются, но объясняются, увязываются с историей города, с развитием социальных отношений.

Можно добавить, что аристократизация государственного строя Херсонеса, усиление антидемократических тенденций в управлении, рост экономического и политического могущества богатых и влиятельных семей, прочно обосновавшихся у руля государственной власти и поставленных римской администрацией в привилегированное положение,— все эти явления, наглядно показанные В. И. Кадеевым, отразились и в идеологии, в частности в области официальной религии Херсонеса. В первых веках нашей эры идея религиозного единства всей гражданской общины переживала кризис. Государственные культы, бывшие ранее религией всего гражданского коллектива, все больше трансформировались в религию верхушки господствующего класса. Демократические в своей основе культы заменялись аристократическими, другими словами, шел процесс аристократизации государственной религии. Его наиболее заметными следами в Херсонесе являются упадок в I—III вв. н. э. официальных культов Геракла и Диониса, а с другой стороны — включение в официальный пантеон богов города Афродиты в качестве Venus Genetrix и учреждение культа императоров.

Интересна предложенная В. И. Кадеевым трактовка дискуссионного вопроса о так называемом «царствовании» богини Девы. Исследователи, как правило, связывают царствование Девы с установлением новой херсонесской эры в 25 г. до н. э. и реформой государственного строя. При этом принято считать, что в результате реформы богиня стала «вечной царицей», т. е. бессрочным эпонимным магистратом. В. И. Кадеев убедительно показал ошибочность представления о Деве как о «вечной царице»: никакой реформы государственного строя в этот период не было, но в тех случаях, начиная уже с первой половины I в. до н. э., когда среди граждан не находилось желающих приобрести право на исполнение магистратуры царя, «царицей» провозглашалась богиня Дева, а соответствующие расходы брал на себя ее храм. Приведя большое количество аналогий, автор справедливо подчеркивает, что «царствование» Девы — не беспрецедентное, а вполне ординарное явление для греческих государств (с. 67—73).

Соглашаясь в целом с этим выводом, позволим себе поспорить по поводу времени провозглашения Девы «царицей» Херсонеса. В. И. Кадеев и другие исследователи в качестве одного из основных признаков «царствования» Девы называют монограмму ПАР на херсонесских монетах [8, с. 12; 13, с. 11; 21, с. 322 и сл.; 22, с. 120; 23, с. 116 и др.]. Впервые она появилась в монетном типе около 90—80-х годов до н. э. [13, табл. XII, *192—195*]. Отсюда заключают, что случаи замещения богиней магистратуры царя имели место уже в первых десятилетиях I в. до н. э. Однако эпиграфические памятники, датированные «царствованием» Девы, относятся к концу I — первой половине II в. н. э. Правда, формула датировки государственных постановлений I в. до н. э.— I в. н. э. точно не известна, так как надписей, дошедших от этих двух веков, ничтожно мало, к тому же ни одна из них не имеет поддающегося восстановлению окончания.

Тем не менее, если признать монограмму ПАР как обозначение того, что монета выбита в год «царствования» Девы, то требует объяснения факт отсутствия монограмм на некоторых монетах. Например, ПАР встречаем в типе статера и одного тетрассария, датированных по херсонесской эре 104 г. (80 г. н. э.). Следовательно, в 80 г. богиня замещала эпонима. Но в том же 80 г. херсонесским монетным двором отчеканен выпуск тетрассариев без монограмм. Апалогично обстоит дело с выпусками 85 г.: монограмма есть на статере, но отсутствует на тетрассарии. Выпуски меди около 138—161 гг. выходили то с монограммой, то без нее, хотя монеты часто чеканились одним и тем же штемпелем [13, табл. XV, *228—230, 234*, XVII, *250—257*]. Недоумение рассеивается, если принять утверждение В. А. Анохина о финансовом участии храма богини Девы в монетном чекане, о субсидировании «священными суммами» храма некоторых монетных эмиссий, на которых и находим монограмму ПАР [13, с. 71—73].

Таким образом, появление монограмм ПАР на монетах Херсонеса нельзя прямо связывать с провозглашением Девы «царицей» города, хотя эти два явления могли

совпадать во времени и оба были обусловлены финансовой деятельностью храма богини.

Видимо, самый ранний случай «царствования» Девы фиксируется в 85 г. н. э. В том году херсонесскими монетариями отчеканен статер, на аверсе которого изображен мужской бюст, змея и надпись ХЕР. На оборотной стороне — изображение Девы, монограмма ПАР и надпись ВАСІΛΕΥΟΥСНС ЕТОУС Рθ [13, табл. XV, *233*], обозначающие, вероятно, что монета выпущена на средства храма Девы (монограмма) в 109 г. херсонесской эры, когда богиня исполняла обязанности царя-эпонима (надпись).

Почему же к концу I в. н. э. стала возникать ситуация, когда среди граждан не было желающих занять должность царя? Начиная с классического периода, основной обязанностью и привилегией царя в греческих государствах было руководство полисным культом [24, с. 163]. Но в первых веках нашей эры в городах Римской империи и в зависимых от нее странах главой культа выступал обычно архиерей — верховный жрец императорского культа, хотя магистратура царя могла и сохраняться [25, с. 90—91; 26, с. 39 и сл.; 27, с. 439]. Выше высказывалось предположение о введении в Херсонесе культа римских императоров уже во второй половине I в. н. э. Возможно, именно в это время херсонесский магистрат-царь, оставаясь эпонимом, утратил функции главы государственного культа, что, естественно, повлекло за собой падение престижа этой должности. Во второй половине II в. н. э. вследствие перехода функций эпонима от царя к первому архонту [2] магистратура басилевса вообще была упразднена.

В четвертой, самой большой по объему главе рецензируемой книги предпринята попытка определить этнический состав населения Херсонеса. Полемическая заостренность изложения не вызывает удивления, ибо в литературе данной проблеме уделено достаточно много внимания. В 30—50-х годах оформилось и сейчас переходит из работы в работу мнение о смешанном греко-тавро-скифско-сарматском и т. д. характере населения античного Херсонеса. Для решения спорных вопросов автор избирает единственно правильный путь — привлечение всего имеющегося комплекса источников: свидетельств древних авторов, данных агиографии, эпиграфики, материалов херсонесского городища и некрополя. Глава как бы распадается на две дополняющие друг друга части. В первой — тщательно, с учетом новейшей литературы, проанализирован ономастикон Херсонеса первых веков нашей эры; во второй — под определенным углом зрения рассмотрены разнообразные материалы херсонесского некрополя.

Автор справедливо отмечает, что «при изучении этнического состава населения эпиграфические источники могут быть использованы как: а) содержащие просопографические, или ономастические, данные; б) упоминающие о различных этнических элементах в составе населения; в) содержащие данные или формулы, характерные для определенных областей, следовательно, указывающие на влияние или присутствие выходцев из этих областей» (с. 86). Можно с уверенностью сказать, что все три способа получения информации применяются в главе с большим успехом.

Собранная В. Н. Кадеевым сводка встречающихся в Херсонесе римской эпохи имен выглядит внушительно: свыше 400 имен, принадлежавших приблизительно 360 лицам. Весьма красноречиво процентное соотношение имен по происхождению: греческие — 70,5%, латинские — 25,5%, варварские (иранские, фракийские, малоазийские) и неясного происхождения — 4%. Как видно, херсонесский ономастикон значительно менее варваризован, нежели ономастиконы Ольвии и Боспора.

На основании обстоятельного анализа всех категорий имен автор приходит к убедительному выводу об абсолютном преобладании греков в составе населения Херсонеса. Греками были не только уроженцы Херсонеса, но и проживавшие в городе выходцы из античных центров Южного Причерноморья и Боспора, значительная часть офицеров и солдат римского гарнизона, многие римские вольноотпущенники. Из иных этнических элементов просопография указывает на небольшое количество фракийцев (солдаты и члены их семей, переселенцы из Подунавья) и представителей туземного населения Малой Азии.

---

[2] Из переписки граждан Херсонеса с наместником Нижней Мезии [11, № 404] видно, что эпонимом в 80-е годы II в. н. э. был уже первый архонт.

Особую ценность, на наш взгляд, представляет собой вывод о наличии в составе населения Херсонеса в первые века нашей эры уроженцев Южного Понта и Малой Азии. К пяти известным надписям с упоминанием ойконима [11, № 445, 544, 545 [3]; 11, № 542, 543 [4]] В. И. Кадеев добавляет группу туземных малоазийских имен и ряд эпитафий с типично малоазийскими формулами (формула «памяти ради» и эпитафии с указанием возраста умерших). Изучение всех случаев употребления данных формул в Северном и Западном Причерноморье, использование широкого круга малоазийских аналогий ставят на твердую основу заключение автора о присутствии в Херсонесе греков — выходцев из городов Южного Причерноморья и эллинизированных представителей туземного населения Малой Азии.

Интенсивные политические, экономические и культурные связи Херсонеса с южным побережьем Черного моря и Малой Азией давно считаются в литературе установленным фактом. Поэтому многие новые для Херсонеса явления правильно объясняются соответствующим влиянием восточных провинций Римской империи. Именно этими контактами, этим влиянием обусловлено, например, появление в некрополе Херсонеса нового типа погребальных сооружений — склепов с нишами-лежанками, применение при погребениях золотых лицевых пластин и мраморных саркофагов, проникновение в город некоторых новых культов и верований, в том числе христианства, и т. д. [28, с. 72; 29, с. 19; 30, с. 128—129]. Подчеркнем, что теперь, после исследования В. И. Кадеева, можно говорить не просто о каком-то абстрактном влиянии Южного Понта и Малой Азии, а о притоке в город носителей новых для Херсонеса веяний, ибо малоазийская группа населения была, без сомнения, прекрасной питательной средой для распространения новых идей и обычаев.

В специальном разделе главы освещается вопрос об имени Скиф, которое обычно признается веским доказательством присутствия скифов в составе населения Херсонеса и даже их принадлежности к числу полноправных граждан. Этимологические изыскания и особенно внимательное изучение громадного сравнительного материала из областей Причерноморья, Средиземноморья и Великой Греции позволили автору книги прийти к обоснованному выводу о том, что носителями имени Скиф в греческих городах вообще и в Херсонесе в частности были греки, а само имя Скиф попало в Херсонес и Каллатий вместе с колонистами из Гераклеи Понтийской (с. 91—96).

Наряду с всесторонним анализом эпиграфических источников в главе об этническом составе населения использованы материалы херсонесского некрополя: погребальный обряд и сооружения, ориентировка покойников, инвентарь, антропологические данные и проч. Дав общую характеристику обряда погребения и отметив изменения в нем по сравнению с классическим и эллинистическим периодами, В. И. Кадеев основное внимание акцентирует на тех новых чертах в погребальном обряде, которые в литературе трактуются как показатель проникновения в Херсонес новых этнических элементов (скорченные захоронения; погребения на спине, но с руками в области таза; погребения с деформированными черепами; антропоморфные каменные надгробия; захоронения с шейными гривнами, напутственной пищей и такими предметами, как сера, точильные бруски, амулеты «грубого варварского стиля» и т. п.).

Наиболее интересен, по нашему мнению, раздел о скорченных захоронениях. Вопрос об этнической принадлежности «скорченников» херсонесского некрополя принципиально важен для решения проблемы взаимоотношений греков-херсонеситов с местным населением Крыма. К тому же это один из самых спорных вопросов истории Херсонеса. Объективно и детально рассмотрев все аргументы сторонников гипотезы о принадлежности скорченных погребений таврам, автор рецензируемой работы продемонстрировал неубедительность данной гипотезы и выдвинул в свою очередь целый ряд доказательств в пользу мнения о греческой принадлежности этих захоронений раннего некрополя Херсонеса. Особенно впечатляют ссылки на аналогичные скорченные погребения в некрополе родственного Херсонесу Каллатия, где они тоже датируются IV—III вв. до н. э. К аргументации автора можно добавить также следующее: недавно на участке херсонесского некрополя V—IV вв. до н. э. в районе театра в одной из могил найдено скорченное захоронение подростка,

[3] Уроженцы Гераклеи Понтийской.
[4] Выходцы из Амастрии.

сопровождаемое типичными для греческого погребального обряда «оболами Харона» [31, с. 6—7] [5]. Что касается скорченных погребений, изредка фиксируемых в херсонесском могильнике первых веков нашей эры, то они «также не имели отношения к таврам, а, вероятно, принадлежали появившимся в то время в составе населения города сарматам, причем беднейшим их представителям» (с. 119). С этим выводом вполне можно согласиться.

Большой фактический материал содержат разделы о погребениях на спине с руками в области таза, погребениях с деформированными черепами, сарматскими зеркалами, точильными брусками и другими «варварскими» предметами. Определяя этническую принадлежность тех или иных захоронений, В. И. Кадеев справедливо отказывается видеть в каком-либо отдельном предмете или признаке полноценное свидетельство проживания в городе представителей туземного населения. Комплексное изучение всего материала погребений — вот единственно верная методика работы по определению этноса погребенных. И применение данной методики заставляет отказаться от безоговорочного отнесения подавляющего большинства считавшихся «варварскими» погребений к числу захоронений местного населения Таврики. Во всяком случае, бесспорных указаний на присутствие в некрополе Херсонеса тавров и скифов нет. С другой стороны, материалы могильника (и это в главе хорошо показано) не оставляют сомнения в том, что третья волна миграции сарматов не миновала и Херсонес: начиная со II в. н. э. их инфильтрация в город становится все более ощутимой.

Встречаются в четвертой главе и спорные положения. Так, автор пишет, что сарматские погребения с деформированными черепами появляются в некрополе только на рубеже II—III вв. н. э. (с. 122). В литературе, однако, высказано мнение о том, что такие захоронения есть в Херсонесе уже в середине II в. н. э. [32, с. 44]. Перечисляя сарматские вещи в могилах, автор книги называет (правда, предположительно) среди них браслет со змеиными головками (с. 121). Нам представляется, что браслеты и кольца с окончаниями в виде змеиных головок вряд ли целесообразно связывать с сарматами. Они являлись не только украшениями, но и апотропеями, защищавшими, по религиозным представлениям греков, как живых людей, так и попавших в царство Аида [33]. Несколько неопределенно интерпретированы в главе находки в погребениях кусочков серы. Автор не возражает против общепринятой трактовки этих захоронений как сарматских, хотя и оговаривает, что сера «иногда встречается в типично греческих захоронениях с „оболами Харона", а значит, ее использовало и греческое население Херсонеса» (с. 126). Думается, что в данном случае нужно переставить акцент. Ведь сера значительно чаще фиксируется именно в тех погребениях, греческая принадлежность которых очевидна [34, с. 13, № 1387; 35, с. 82, № 2394; 36, с. 166, № 2679; 37, с. 191, № 6; 38, с. 128, № 987 и др.]; причем кусочки серы начинают включаться в состав погребального инвентаря уже в эллинистическое время [39, с. 99, № 1979 (III в. до н. э.)] [6]. Греки, а затем римляне использовали серу как действенное катартическое средство и применяли ее в различных очистительных обрядах (Hom. Od., XXII, 481; Apul. Metam., XI, 16; Ovid. Metam., VII, 260—261; Ovid. Ars amat., II, 330). Умерший, как правило, снабжался средствами очищения от прижизненной «скверны» или же «скверны», насылаемой злыми демонами потустороннего мира. Поэтому в погребениях часто находят такие средства ритуального очищения, как сера, угольки и зола, куриные яйца, лавровые и золотые погребальные венки и т. п. Конечно, иногда кусочки серы присутствуют и в сарматских захоронениях херсонесского некрополя. К приведенному В. И. Кадеевым примеру [36, с. 156, № 2558] добавим комплекс, в котором сера найдена вместе с шейной гривной, указывающей, по-видимому, на погребение сармата [41, с. 105, № 101].

Отметив все новые для Херсонеса этнокультурные явления, автор формулирует надежно обоснованный вывод о том, что этнический состав населения города в первые века нашей эры претерпел некоторые изменения, но значительно меньшие, чем в других государствах Северного Причерноморья. Этот вывод, кстати, находит

---

[5] Отметим при этом что авторы публикации признавая греческую принадлежность этого участка некрополя для «скорченника» почему-то делают исключение. Намек на проявившиеся в данном скорченном погребении «взаимные влияния или проникновения обрядов, имеющих разные корни» ничего не объясняет.

[6] Интересно отметить, что в некрополе Ольвии сера встречается уже в погребениях V—IV вв. до н. э. [40, с. 30—31].

подтверждение и в сфере идеологии и религии Херсонеса. В I—III вв. н. э. пантеон богов, почитавшихся в городе, оставался в основном греческим, традиционным. Следов отправления каких-либо «варварских» культов, равно как тавро-скифо-сарматского влияния в области верований херсонеситов, не видно. Позднее проникновение и очень медленное распространение христианства в Херсонесе IV — первой половины V в. н. э. тоже во многом обусловлено сравнительно слабым этническим смещением [42, с. 12—13; 30, с. 133—134].

Подводя итоги, подчеркнем, что с поставленными задачами В. И. Кадеев справился успешно. Рецензируемый труд написан на базе огромного фактического материала и новейшей исследовательской методики. Монография В. И. Кадеева является весомым вкладом в разработку принципиально важных проблем истории Херсонеса Таврического и наглядно показывает успехи советской археологии в области изучения античных государств Северного Причерноморья.

Нельзя не сказать и о превосходном полиграфическом оформлении монографии и почти полном отсутствии опечаток, что, увы, редко наблюдается в подобных работах. Нами обнаружено всего две досадные опечатки: на с. 41 вместо φιλόπατρις напечатано φιλορωμαιος; на с. 47 имя Δοῦλας ошибочно передано Λοῦλας.

И последнее. Читателями книги будут не только специалисты. Ее с интересом и пользой прочтут преподаватели и студенты вузов, музейные работники, все те, кто интересуется античной археологией и историей Юга нашей страны.

Мещеряков В. Ф.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1970.
2. *Кадеев В. І.* Про державний лад Херсонеса в перших століттях н. е.— УІЖ, 1971, № 9.
3. *Кадеев В. И.* К вопросу о составе херсонесского совета в первых веках н. э.— ВДИ, 1971, № 3.
4. *Кадеев В. И.* Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя.— ВДИ, 1973, № 4.
5. *Кадеев В. И.* Об этнической принадлежности имени Скиф в Херсонесе Таврическом.— СА, 1974, № 3.
6. *Кадеев В. І.* До питання про римських вільновідпущеників у Херсонесі в перших століттях н. е.— ВХУ, 1974, № 104, історія, вип. 8.
7. *Кадеев В. І.* До питання про вільновідпущеників з грецькими іменами у Херсонесі Таврійському.— ВХУ, 1976, № 145.
8. *Кадеев В. И.* К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе.— КСИА, 1976, вып. 145.
9. *Кадеев В. И.* О рабстве в Херсонесе Таврическом в первых веках нашей эры.— В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
10. *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.— III в. н. э.— ВДИ, 1979, № 2.
11. *Latyschev V.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. V. 1. Ed. 2. Petropoli, 1916.
12. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
13. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.— XII в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1977.
14. *Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э.— ВДИ, 1981, № 4.
15. *Бертье-Делагард А. Л.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса.— ЗООИД, 1893, т. 16.
16. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наук. думка, 1977.
17. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.
18. *Суров Е. Г.* Херсонес Таврический. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1961.
19. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1964.
20. *Мелихов В. А.* Культ римских императоров и его значение в борьбе язычества с христианством. Харьков, 1912.
21. *Латышев В. В.* Эпиграфические этюды. IX. Херсонесский почетный декрет.— В кн.: ΠΟΝΤΙΚΑ. Спб., 1909.
22. *Орешников А. В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, 1922, т. 2.
23. *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пгр., 1918.
24. *Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940.
25. *Новосадский Н. И.* Неизданные македонские надписи.— ТСА РАНИОН, 1928, т. II.
26. *Михайлов Г.* Западнопонтийският койнон.— Известия на Народния музей. Варна, 1980, кн. 16(31).

27. *Pippidi D. M.* Contribuţii la istoria veche a României. Bucureşti, 1967.
28. *Зубарь В. М.* Погребальные сооружения и погребальный обряд участка некрополя у загородного храма в Херсонесе.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
29. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1978.
30. *Мещеряков В. Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом.— Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л.: Изд. ГМПРА, 1978.
31. *Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я.* Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э.— КСИА, 1981, вып. 168.
32. *Зубарь В. М.* Про сарматський елемент у пізньоантичному Херсонесі.— Археологія, 1976, № 20.
33. *Зубарь В. М., Мещеряков В. Ф.* Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя I—IV вв. н. э.).— В кн.: Население и культура Крыма в первые века н. э. Сборник научных трудов. Киев: Наук. думка, 1982.
34. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 9.
35. *Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г.— ИАК, 1911, вып. 42.
36. *Репников Н. И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году.— ХСб., 1927, вып. II.
37. *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок херсонесского некрополя.— ХСб., 1927, вып. II.
38. ОАК за 1897 г. Спб., 1900.
39. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году.— ИАК, 1907, вып. 25.
40. *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. е. Київ: Наук. думка, 1974.
41. ОАК за 1895 г. Спб., 1897.
42. *Мещеряков В. Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1980.

Баран В. Д. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ: Наук. думка, 1981. 263 с.

Вот уже почти 100 лет, как открытая после раскопок В. В. Хвойки в Черняхове, Маслове и Ромашках культура остается объектом ожесточеннейших дискуссий, а ее изучение порождает все новые вопросы. Черняховская культура — единообразная на огромной территории, сочетающая в себе признаки многих предшествующих культур, и в то же время ни к одной из них прямо не возводимая — представляет собой чрезвычайно сложный археологический феномен. Не вызывает сомнения, что без уяснения путей развития и исторических судеб ее нельзя полностью понять предславянский период в древней истории Восточной Европы, а значит, и истоки славянства.

На первой стадии изучения черняховская культура представлялась явлением ясным и внутренне цельным. Ее историческое место не вызывало сомнения. Это восприятие просуществовало до 50-х годов, когда углубление знаний и накопление фактических наблюдений привели к осознанию крайней внутренней сложности черняховской культуры и подчас невозможности однозначного истолкования многих ее проявлений. Новый подход к изучению черняховской культуры нашел отражение в дискуссии, предложенной редакцией журнала «Советская археология», и в появившейся в связи с этим статье М. А. Тихановой [1]. С тех пор одним из магистральных направлений в ее изучении является разработка материалов отдельных исторически сложившихся регионов с определением их места в культуре в целом. Таковы работы И. С. Винокура [2], Э. А. Сымоновича [3], Э. А. Рикмана [4]. Новейшим исследованием того же плана является и рецензируемая работа В. Д. Барана.

Исследование В. Д. Барана посвящено черняховским памятникам Верхнего Днестра и Западного Буга и является итогом более чем 20-летних раскопок автора и обобщения им всех имеющихся сведений о памятниках на этой территории. В методическом отношении автор стоит на традиционных для советской археологии позициях, проверенных временем. Формально-типологический анализ материальных остатков, и прежде всего керамики, позволяет ему сделать хорошо обоснованные выводы о взаимодействии различных культур в рассматриваемом регионе. Корреляция параллельных рядов явлений (например, количества лепной керамики и типов жилищ) вскрывает внутренние закономерности. Картографирование археологических

явлений позволяет выявить их динамику и пространственное взаимоотношение. Традиционна и вполне обоснованна оценка лепной керамики, домостроительства и погребального обряда как наиболее показательных в этнокультурном отношении.

Основная концепция книги в первой ее части сводится к утверждению преемственного развития в рассматриваемом регионе славянского населения, начиная с рубежа нашей эры и вплоть до летописных славянских племен. В. Д. Баран основывает этот вывод на наблюдениях над эволюцией жилищ и керамических комплексов. На Верхнем Днестре и Западном Буге ведущим типом жилищ являются полуземлянки (с. 75), обнаруженные на всех широко раскопанных поселениях. В большинстве случаев они представляют единственный тип жилища. Истоки этого явления автор видит в преобладании заглубленных жилищ на рассматриваемой территории на поселениях липецкой, пшеворской и зарубинецкой культур. Он отмечает также сходство и конструктивных особенностей жилищ на поселениях первой и второй четверти I тыс. н. э. В. Д. Баран считает, что заглубленные жилища на поселениях в Ремезевцах, Майдане Гологорском, Рахнах Собовых и Носовке являются прототипом черняховского домостроительства в междуречье Днепра и Днестра и в верховьях Западного Буга. Остальные типы жилищ также имеют генетические истоки в культурах первой четверти I тыс. н э. на территории Юго-Восточной Европы. Исключение составляют многокамерные наземные дома. В. Д. Баран соглашается с мнением об их германском происхождении (М. А. Тиханова и др.) и связи их появления с расселением носителей вельбарской культуры на юг, но не считает эти жилища в целом характерными для черняховской культуры (с. 59, 61). Он устанавливает, что только на рассматриваемой территории существуют черняховские полуземлянки с печью-каменкой, становящейся позднее характерным элементом раннеславянского жилища.

Материалы поселений Верхнего Днестра и Западного Буга дают убедительную картину смыкания на них черняховской и славянской керамики, и В. Д. Баран вполне доказательно рассматривает это явление как признак эволюции и связи. Автор считает, что раннесредневековые славянские культуры (пеньковская и пражская) не могут быть выведены из какой-либо одной отдельно взятой предшествующей культуры, а представляют собой синтез культур римского времени: киевской и частично черняховской, а на территории Польши, возможно, и пшеворской.

Погребальные памятники на рассматриваемой территории известны в весьма ограниченном количестве: это могильник в Псарах, Островце, Чистилове и Чернелове Русском (еще не изданные материалы раскопок И. П. Гереты) и отдельные погребения, выявленные во время земляных работ. Для всех могильников характерен биритуализм. Недостаточность материала явно ограничивает возможности изучения погребального обряда именно этого региона. В результате соответствующая глава книги посвящена в большей мере анализу погребального обряда в черняховской культуре в целом. Автор сравнивает местный материал с данными 35 черняховских могильников. Сопоставительная таблица имеет целью «восстановление разноэтических компонентов культуры и их соотношения в разных регионах ее распространения» (с. 66). Сравнение выглядит убедительно, однако среди параметров, по которым оно проводится, почему-то опущена грунтовая яма, столь обычная для черняховских трупоположений. Основной вывод В. Д. Барана по погребальному обряду: в нем при далеко зашедших процессах интеграции сохраняются традиции более ранних культур, что выражается в преобладании определенных типов погребений (с. 70). Обряд кремации происходит от дако-гетов (в частности, липецкой культуры) и пшеворского и зарубинецкого населения. Происхождение же обряда трупоположения В. Д. Баран, вслед за Г. Б. Федоровым, Ю. В. Кухаренко, В. В. Седовым, связывает с сарматским миром. Этот вывод он делает опираясь не только на археологические материалы, но и на результаты антропологических исследований М. Р. Великановой, Т. С. Кондукторовой и Т. И. Алексеевой. В целом аргументация убедительна. Интересно наблюдение исследователя над погребальным обрядом: появление отдельных местных особенностей его в других весьма отдаленных районах (с. 71—72). Автор, пожалуй, слишком осторожен, когда воздерживается от объяснения этого явления внутренними миграциями, делая лишь одно исключение. Он считает, что наличие погребений типа Дитиничи в междуречье Днепра и Южного Буга, несомненно, отражает путь продвижения готов и носителей пшеворской культуры с Нижней Вислы до берегов Черного моря (с. 73).

Анализ керамики В. Д. Баран начинает с подробного рассмотрения лепной по-

суды, наиболее выразительной в этнографическом отношении. Он делает чрезвычайно важный и обоснованный вывод о том, что преобладание или большое количество лепной керамики на отдельных поселениях не является хронологическим признаком, характерным только для более ранних черняховских памятников. В табл. 3 убедительно показано, что этот признак коррелируется с наличием на поселениях заглубленных жилищ. Это явление чрезвычайно емко в познавательном отношении и, безусловно, требует дальнейшего изучения. На его фоне кажется недостаточным предположение В. Д. Барана о том, что количество лепной посуды в пределах определенного района зависело от связей конкретного поселения с гончарными центрами (с. 76), хотя эти связи, естественно, играли большую роль. Степень развития ремесленного гончарства является чутким индикатором уровня социально-экономического развития общества. Если исходить из представления о полиэтничности истоков черняховской культуры (а именно на этой точке зрения и стоит В. Д. Баран), то естественно ожидать, что разный уровень развития исходных компонентов еще долго давал себя знать в степени развития гончарства на отдельных поселениях. Тогда становится понятной связь большого количества лепной керамики с углубленными жилищами, являющимися устойчивым этнографическим признаком.

Типологическое рассмотрение лепной керамики позволяет автору сделать важные наблюдения над ареалами разных типов лепной посуды. В частности, выявляется полное различие лепной керамики рассматриваемого района и Нижнего Днепра (с. 85). Полагаю, что в этом случае речь должна идти не только о Нижнем Поднепровье, но и о зоне Причерноморских степей. В. Д. Баран вполне обоснованно выделяет особо лепную посуду всей степной зоны, считая, что в этой керамике наиболее ярко проявились скифо-сарматские черты (с. 95).

Важным результатом исследования лепной посуды является определение черт, общих для всего ареала черняховской культуры, и таких, которые не возводимы к каким-либо прототипам, а принадлежат именно этой культуре (с. 95).

Гончарная керамика рассматривается по трем подгруппам, выделенным в зависимости от характера керамического теста (с. 85). Связь шероховатой гончарной посуды второй подгруппы с более западными районами, и в частности с Дунайскими провинциями, уже отмечалась в литературе (М. А. Тиханова, А. Т. Смиленко). В. Д. Баран на большом фактическом материале развивает и обосновывает это наблюдение, чрезвычайно важное для воссоздания истории развития ремесленного гончарства в черняховской культуре. Рассматривая вопрос об исчезновении гончарной керамики вместе с гибелью черняховской культуры, В. Д. Баран высказывает важное предположение. Он полагает, что профессиональными гончарами в черняховской среде были выходцы из римских провинций, ушедшие из зоны черняховской культуры в результате неблагоприятного изменения политической и социально-экономической ситуации. Это предположение автора не может быть принято без специальной разработки.

Одним из основных итогов исследования является вывод о противоречивости социальной структуры черняховского общества. В. Д. Баран считает, что, с одной стороны, археологически четко фиксируется высокий уровень социально-экономического развития. Наличие больших длительно существовавших поселений, каменных и глинобитных строений, уличная система планировки, индивидуальные домохозяйства, богатые погребения, вещевые и монетные клады указывают на имущественное расслоение и характерны для территориальной общины. Все это допускает предположение о существовании племенной организации и даже союзов племен, что соответствует обществу на уровне военной демократии (с. 129). С другой стороны, наличие небольших селищ, жилищ-землянок, групповое расположение жилищ на поселениях, большое количество хозяйственных ям на отдельных участках, указывающее, вероятно, на их совместное использование, преобладание на части памятников лепной посуды домашнего производства, расположение погребений на могильниках отдельными группами — все это характерно «для периода выделения из родовой общины больших патриархальных родов и возникновения патронимических институтов» (с. 129). Налицо явная неравномерность экономического развития отдельных племен, полная интеграция которых в этническом и социальном отношении еще не произошла. Нельзя согласиться с автором в том, что таким образом явления социально-экономической сферы в преломленном виде отображают синкретичность черняховской культуры.

В. Д. Баран подробно и тщательно разрабатывает датировку всех изучаемых памятников. Результаты сведены им в сопоставительную хронологическую схему по 11 памятникам. Из нее следует, что основная масса материала относится к III—IV вв., три объекта (дома 6 и 11 на поселении Черепин, Бовшев II и Рипнев II) продолжали функционировать в первой половине V в. В целом исследователь датирует черняховскую культуру концом II — началом V в. Полемизируя с М. Б. Щукиным [5], он утверждает, что комплексы с материалами II в. распространены не только на Верхнем Днестре, но и в Среднем и Нижнем Поднепровье, в Молдавии. Вопрос о начальной дате черняховской культуры все же еще не может считаться полностью изученным. В работах последних лет по отдельным регионам выделяются памятники, которые могут датироваться с конца II в.

Решение проблем становления черняховской культуры В. Д. Баран связывает с только начинающимся изучением памятников первых веков нашей эры, предшествующих ей в хронологическом отношении (с. 149—150). В их облике объединены элементы пшеворской, зарубинецкой, дако-гетской (в том числе липецкой) культур. В ранних черняховских комплексах присутствуют, обычно в совокупности, черты предшествующих культур, но нет элементов соседних синхронных — вельбарской, карпатских курганов и др. Сравнив по отдельности черняховские памятники с липецкими и зарубинецкими, В. Д. Баран приходит к выводу, что часть их носителей приняла прямое участие в формировании черняховской культуры. При этом он полемизирует с теми исследователями, которые придают преимущественное значение в этом процессе лишь одной из предшествующих культур: М. Ю. Брайчевский [6, с. 50] и М. А. Тиханова [1, с. 179] — липецкой, Г. Ф. Никитина [7, с. 11—16] и В. В. Кропоткин [8, с. 283—284] — пшеворской. Хорошо аргументировано мнение исследователя о том, что элементы каждой из предшествующих культур в ареале черняховской в концентрированном виде относительно локальны, а скифо-сарматские черты распространены наиболее широко. Однако черняховская культура в целом является не продолжением какой-либо из более ранних культур, а результатом их интеграции в условиях провинциально-римских влияний.

В рецензируемой книге специально и подробно рассматривается вопрос о взаимоотношении черняховской и вельбарской культур. В. Д. Баран доказывает, что на Волыни они синхронны. Об этом свидетельствуют результаты раскопок в Борсуках и Бережанке в верховьях р. Горыни и у с. Ромош на Западном Буге. Между этими двумя культурами не существует генетических связей. В черняховской культуре имеют место некоторые заимствования из вельбарской, и наоборот. На памятниках Северного Причерноморья (Коблево, Каборга IV, Викторовка II) хорошо прослеживается слияние степных племен с пришлым гето-гепидским населением. В. Д. Баран считает ошибочной точку зрения И. Вернера [9], полностью отождествляющего носителей черняховской культуры с готами. Действительно, новейшие материалы, особенно степных памятников, свидетельствуют о невозможности такого отождествления. В целом В. Д. Баран прочно стоит на точке зрения полиэтнического происхождения черняховской культуры.

Рецензируемую книгу завершает раздел, посвященный взаимоотношениям черняховской культуры и славянских древностей V—VI вв. н. э. С этой точки зрения первостепенный интерес представляют памятники, относимые В. Д. Бараном к последнему этапу существования черняховской культуры, охватывающему вторую половину IV, а в отдельных случаях и первую половину V в. Особенно показательно в этом отношении поселение Теремцы (с. 148). Связь этих поздних слоев и поселений с раннесредневековыми славянскими древностями рассматривается В. Д. Бараном прежде всего по наиболее ярким этнографическим признакам — лепной керамике и домостроительству. Выявляются отличительные признаки этих поздних памятников. Это правильная подквадратная форма жилищ, появление печей-каменок или глинобитных печей, увеличение, как правило, количества лепной посуды, появление выпуклобоких горшков с высокими плечиками, близких посуде пражского типа. В. Д. Баран отмечает, что эти особенности прослеживаются и на поселениях Среднего Поднестровья (Бакота, Сокол), и на Среднем Днепре (Журавка). Полуземлянки в сочетании с толстостенной лепной керамикой, преобладающие в днепро-днестровской группе черняховских памятников и особенно на Верхнем Днестре и на Западном Буге, В. Д. Баран считает принадлежащими протославянскому населению, существовавшему здесь до сложения черняховской культуры. Оно входило в состав носителей пшеворской и зарубинецкой культур,

а также оставило памятники киевского типа. Результаты раскопок на поселении Теремцы четко показывают, что не все черняховские поселения исчезают после гуннского разгрома, и подтверждают мысль В. Д. Барана о том, что население рассматриваемого региона «приняло участие в формировании новой славянской культуры раннего средневековья» (с. 162).

Зоной становления раннего славянства В. Д. Баран считает территорию, распространяющуюся от Верхнего Поднепровья, Подесенья и верховьев Западного Буга на севере до верховьев Прута на юге, и от верховьев Южного Буга на востоке до верховьев Вислы на западе. Он исходит из существования трех локальных групп славянских древностей: колочинской, пеньковской и пражской, объясняя их существование различиями в субстрате и разницей в интеграции с соседними культурами.

Изложение взглядов автора на историю и условия возникновения и развития этих трех локальных групп, пожалуй, наиболее полемичное во всей работе. В. Д. Баран рассматривает и решительно опровергает взгляды И. Вернера [9] по этому вопросу. Истоки ошибочных суждений этого исследователя он видит в определении черняховской культуры исключительно как готской. В результате возникает представление о существовании хиатуса в Юго-Восточной Европе в V в. и, как следствие, локализация И. Вернером изначальной славянской территории в лесных районах Верхнего Поднепровья, где становление славян происходит якобы исключительно на зарубинецкой подоспове.

В. Д. Баран не согласен также со взглядами В. В. Седова [11] и И. П. Русановой [10] о балтской принадлежности раннесредневековых памятников Верхнего Поднепровья. В. Д. Баран полагает, что зарубинецкое население Верхнего Поднепровья было славянским, что не исключает существования здесь и носителей балтских культур. Наличие зарубинецких памятников на Южном Буге никак не согласуется с мнением об их исключительно балтской принадлежности. Произведенные им раскопки поселения второй половины VII — начала IX в. у с. Рашков на Среднем Днестре показали сочетание здесь пражских и пеньковских форм керамики и появление тюльпановидных горшков, подобных керамике Верхнего Поднепровья. Это указывает на участие в расселении славян на юг и выходцев с северо-восточных окраин славянского ареала. Предшественниками верхнеднепровских памятников колочинского облика В. Д. Баран считает памятники киевского типа вместе с элементами днепро-двинской и других балтских культур. Лепная керамика колочинского типа эволюционно восходит к киевской, истоками же памятников пеньковской группы в Среднем Поднепровье и Среднем Поднестровье были и в хронологическом, и в чисто этническом отношении в первую очередь киевские и, в определенной мере, черняховские племена.

Славянские древности пражского типа (от Днепра до Вислы), по мнению В. Д. Барана, сложились в V—VI вв. Предшествующие по времени культуры — липецкая, вельбарская и карпатских курганов — и значительная часть носителей черняховской культуры не имеют отношения к пражскому типу. В его основе лежат позднезарубинецкие древности Киевщины и лишь северная часть черняховских памятников. Формы черняховской лепной керамики и керамики пражского типа на Западном Буге и Верхнем Поднестровье очень близки. Автору удалось выделить черняховские памятники, на которых сочетается гончарная керамика и лепные горшки пражского типа. Они-то и являются связующим звеном. Второй важный ингредиент в сложении пражской лепной посуды — киевский тип. В сложение пражского типа в некоторой мере были втянуты и носители пшеворской культуры. В. Д. Баран полемизирует с И. П. Русановой по поводу ее мнения о развитии форм пражских горшков из керамики подклёшевых погребений лишь через пшеворские древности.

В. Д. Баран считает, что погребальный обряд и жилища ранних славян, с одной стороны, и культур черняховской, пшеворской и киевского типа — с другой, генетически связаны. Исследователь неоднократно отмечает существование в составе пшеворского и черняховского населения протославян, находившихся в политически зависимом положении. Историческая ситуация изменилась только после разгрома готов гуннами, и в период гото-славянских войн, когда начинается сложение новой этнокультурной и социально-экономической общности — раннего славянства.

Рецензируемая книга, хотя и написанная прежде всего по материалам Верхнего Днестра и Западного Буга, безусловно, является шагом вперед в изучении черня-

ховской культуры в целом. Автор на основе изучения широкого круга археологических источников внес новый вклад в разработку проблем происхождения, датировки, региональных вариантов и других характеристик этой культуры. Исследование им вопроса о связи черняховских и раннесредневековых славянских памятников представляет большой интерес и, безусловно, привлечет внимание исследователей. Видимо, в настоящее время состояние источников уже позволяет прийти к выработке более или менее единого мнения по этому вопросу и признать определенный вклад носителей черняховской культуры в формировании раннесредневековых славянских древностей.

Гудкова А. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тиханова М. А.* Локальные варианты черняховской культуры.— СА, 1945, № 4.
2. *Вінокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ: Наук. думка, 1972.
3. *Сымонович Э. А.* Племена Поднепровья в первой половине I тыс. н. э.: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.
4. *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975.
5. *Щукин М. Б.* О трех датировках черняховской культуры.— КСИА, 1967, вып. 112.
6. *Брайчевский М. Ю.* Походження Русі. Київ: Наук. думка, 1968.
7. *Никитина Г. Ф.* Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. (проблема происхождения черняховской культуры): Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1965.
8. *Кропоткин В. В.* Черняховская культура и Римская империя.— Miedzynarodowy kongres archeologii slowianskiej. T. 2. Wroc'aw, 1969.
9. *Вернер И.* К происхождению и распространению антов и склавинов.— СА, 1972, № 4.
10. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976.
11. *Седов В. В.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья.— СА, 1972, № 4.

Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М.: Наука, 1981, 296 с., 105 рис., (13 карт), тираж 3000.

Серия работ, посвященных истории отдельных областей Древней Руси, пополнилась монографией Т. Н. Никольской о земле вятичей. В этой книге анализируются археологические памятники, концентрирующиеся в бассейнах Верхней и Средней Оки и р. Москвы. Территория, подвергнутая исследованию, является обособленным регионом, но обособление это связано не с административно-политическими, а прежде всего с этнографическими (этническими) факторами. Согласно данным письменных источников и по археологическим материалам, здесь в течение нескольких столетий жили восточнославянские племена вятичей. В XII в. регион их расселения оказался разделенным между Черниговским, Рязанским, Ростово-Суздальским и Смоленским княжествами. Однако этнографическое единство вятичей, наглядно иллюстрируемое раскопками сотен курганов, сохранялось вплоть до середины XIII в. Это обстоятельство не только оправдывает географические и хронологические рамки исследования, но и позволяет по-новому взглянуть на некоторые особенности развития древнерусской государственности. Открывается возможность изучения социально-экономических причин, по которым на базе вятичского племенного союза не сформировалась самостоятельная земля — княжение.

Сосредоточив все внимание на анализе археологических данных, Т. Н. Никольская преднамеренно отказалась от углубленного исследования политической истории вятичей, неразрывно связанной с процессом становления ряда крупнейших княжеств Руси. «Земля вятичей» в известной мере продолжает опубликованную в 1959 г. работу Т. Н. Никольской, которая была целиком посвящена древностям населения Верхнеокского бассейна в I тыс. н. э. [1].

Основным источником рецензируемой монографии явились обширные археологические материалы, в первую очередь Воронежской археологической экспедиции,

плодотворно работающей на протяжении ряда лет под руководством Т. Н. Никольской.

Книга состоит из краткого введения, шести разделов, заключения и приложения. По своему стилю она приближается к сборнику очерков, но органически хорошо связанных между собой. Поэтому в ней отсутствует специальный историографический обзор, а сведения историографического характера предпосланы каждому из очерков.

Во введении Т. Н. Никольская сжато излагает историю изучения племенных границ вятичей и их происхождения, очерчивает круг археологических источников, положенных в основу исследования материальной и духовной культуры населения Поочья и бассейна р. Москвы в IX—XII вв. Самостоятельное значение имеют карты курганов и поселений вятичей по бассейнам рек (рис. 1,1а; вклейка между с. 10 и 11). К сожалению, в легендах к ним перечень памятников не всегда строго следует течению рек, что несколько затрудняет их использование.

Очерк первый («Первые славянские поселения и курганы в бассейне рек Оки и Москвы») состоит из двух частей: «Поселения» и «Курганы с трупосожжениями». В нем сведены воедино результаты раскопок и обследований всех (74) раннеславянских памятников, обнаруженных ныне в ареале расселения летописных вятичей. Особый интерес представляют материалы изучения поселений IX—X вв., до сих пор плохо представленные в научных изданиях. Остается сожалеть, что Т. Н. Никольская была лишена возможности широко привлекать данные из раскопок Жуковского селища и городища у с. Супруты.

Подчеркивая значимость введения в научный оборот целой группы новых памятников, нельзя не отметить, что Т. Н. Никольская лишь вскользь коснулась вопроса о происхождении вятичей (с. 12). Представляется все же, что некоторые основания для прояснения ранней истории вятичей есть. Однако здесь требовался более детальный анализ черт сходства и различия верхнеокских памятников с одновременными поселениями и могильниками роменско-боршевского круга. Но в книге ничего не сказано даже о соотношении вятичей и донской группы ранних славян, многими исследователями считавшейся вятичской.

Безусловное сходство культуры ранних (верхнеокских) вятичей (домостроительство, погребальный обряд, формы и орнаментация глиняной посуды) в первую очередь с роменской и боршевской культурами, а не с раннеславянской культурой пражского типа (корчак) говорит об их близкой родственности. Путь вятичей на Оку лежал через бассейн рек Десны и Сейма, т. е. из области распространения роменской культуры. По-видимому, внутри нее сложились и постепенно отпочковались племенные союзы северян, радимичей и вятичей. Не случайно, конечно, исходные формы и семилучевых радимичских, и семилопастных вятичских височных колец встречены на памятниках именно роменской культуры [2, с. 110—127]. Об этом же свидетельствует и вывод Т. Н. Никольской, что «ареал ранних вятичей может быть очерчен на основании курганов с трупосожжениями главным образом в бассейне Верхней Оки» (с. 41), т. е. на территории соседней с главными центрами роменской культуры.

Второй очерк — «Сельские поселения XI—XIII вв.» посвящен истории древнерусской деревни, все еще слабо изученной. Сельские поселения вятичей XI—XIII вв. Т. Н. Никольская подразделяет на три группы: селища, сельские поселения на древних городищах и феодальные усадьбы. Под первыми подразумеваются открытые (незащищенные) поселки, под вторыми — селения, обосновавшиеся на городищах эпохи железного века, а под третьими — укрепленные дворы-усадьбы владельческого характера. В основу предложенной классификации положен принцип наличия или отсутствия оборонительных укреплений. Но, если поселения второй группы не использовали древние укрепления, чем они отличаются от памятников первой группы? Таким образом, целесообразно их объединить и рассматривать вместе, чтобы у читателя не сложилось представления о существовании какого-то особого (социального?) типа древнерусских сельских поселений «на древних городищах».

Все вятичские открытые сельские поселения удачно систематизированы автором по четырем топографическим типам: приречный, мысовой, дюнный и на ровных плато, вдали от берега реки. Хронологически они разбиты на три группы: А — VIII — первая половина X в., Б — конец X — первая половина XII в., В — вторая половина XII — середина XIII в. Во все хронологические периоды господствует

приречный тип поселений с прибрежно-рядовой застройкой. Кучевая застройка свойственна селениям второго и третьего типов.

Динамика количественных изменений селищ во времени отражена в таблице IV (с. 64). На долю группы А приходится 30 (20,97%) поселений, группы Б — 58 (40,56%) и группы В — 55 (38,47%). Правда, итоговые цифры не совсем сходятся с данными, помещенными в предшествующих таблицах и на картах. Некоторые памятники (например, Добрый Сот) попали сразу в две хронологические группы.

Получившаяся картина окажется еще более наглядной, если подсчеты произвести не по времени возникновения новых селений, а по числу памятников, существовавших одновременно в каждый хронологический период, добавив сюда сведения и о сельских поселениях на древних городищах. Тогда в ранней группе А окажется 43 (16,48%) селища, в группе Б — 83 (31,8%) и в группе В — 135 (51,72%). Иными словами, с рубежа X—XI вв. количество сельских поселений в земле вятичей к середине XIII в. увеличилось втрое. Сколь ни фрагментарны собранные данные, результат достаточно показателен: с конца XI в. идет быстрое хозяйственное освоение обширных территорий Окского бассейна, создается экономический фундамент развития городских центров и появления самостоятельных (Рязанское) княжеств.

По археологическим материалам Т. Н. Никольская восстанавливает основные направления хозяйственной деятельности сельского населения. Помимо пашенного земледелия, скотоводства и различных промыслов оно занималось железоделательным, кузнечным, ювелирным, гончарным, плотницким и другими ремеслами.

В заключительной части очерка рассматриваются укрепленные поселения, условно причисляемые автором к типу феодальных усадеб-замков. Т. Н. Никольская отмечает особую важность археологического изучения этих памятников в связи с решением проблем становления и развития русского феодализма и появления феодальной вотчины (с. 72). Одновременно подчеркивается методическая сложность выделения феодальных замков из общей массы укрепленных поселений на основе внешних данных (укрепления, план, размер). Более надежные критерии для суждения о социальном облике памятника дают стационарные археологические раскопки. Все же автор исследования с определенными оговорками относит к числу феодальных замков 30 городищ, большинство (20) из которых возникло в XII в. Размеры их колеблются от 0,05 до 2 га, но чаще всего встречаются поселения площадью 0,1—0,3 га. Яркие материалы, характеризующие быт феодальной усадьбы, найдены на Спасском городище (отождествлен с летописным Спашем), городищах Ждамирово и Спас-Перекша. Среди находок имеются дорогие украшения, оружие, предметы снаряжения коня и всадника. На Спасском городище обнаружен развал каменного фундамента дома владельца усадьбы. О занятии жителей феодальных замков свидетельствуют находки наральников, сошников, серпов и кос; о развитии вотчинного ремесла — мастерские и орудия труда кузнецов, ювелиров, плотников. Судя по семилопастным височным кольцам, решетчатым перстням, хрустальным шарообразным бусам и иным индикаторам этнической принадлежности, среди населения вотчин преобладали вятичи.

Таким образом, раздел о сельских поселениях в земле вятичей является одним из интереснейших в книге как по охвату материала, так и по его историческому содержанию. Массовое появление в XII в. по берегам Оки и ее притоков владельческих усадеб говорит, в полном согласии с показаниями летописи, о начале активного процесса феодализации края.

В третьем очерке — «Курганы вятичей XI—XIII вв.» рассматриваются особенности эволюции вятичского погребального обряда и инвентарь захоронений. Поскольку эти вопросы недавно были темой диссертационных работ Н. Г. Недошивиной и Т. В. Равдиной, Т. Н. Никольская ограничилась кратким изложением существа проблемы и итогов ее изучения.

Четвертый очерк целиком посвящен возникновению и развитию городов в земле вятичей. Многолетние раскопки и исследования автора монографии внесли немаловажный вклад в разработку сложной проблемы.

По летописным и археологическим данным Т. Н. Никольская насчитывает на территории вятичей более 40 городов XI—XIII вв. (рис. 42, с. 121). Почти каждый из них получил на основании сведений письменных источников и результатов раскопок достаточно полную характеристику. Интересны страницы об исследованиях в Тешилове, Коломне, Спас-Городке, Домагоще, мало известные по научным

публикациям. Очень существенные материалы для реконструкции картины яркого и самобытного развития вятичских городов дали раскопки автора в Серенске и Слободке. Они доказали высокий профессиональный уровень и мастерство местных ремесленников XII—XIII вв.: кузнецов, ювелиров, стеклоделов, гончаров. В детинце Слободки обнаружена усадебная планировка, типичная для большинства крупных городов. Вывод о том, «что возникновение укрепленных городов в земле вятичей в конце XI и первой половине XII в. было подготовлено всем предшествующим развитием общественно-экономических отношений на данной территории (развитие пашенного земледелия, ремесла, торговли, появление местной феодальной знати)», представляется вполне обоснованным (с. 172).

Вместе с тем Т. Н. Никольская отказалась от попыток как-то обоснованно классифицировать вятичские городские центры. Поэтому стерлись различия между огромной Рязанью — столицей большого княжества — и городками вроде Дедославля или Жокинского городища. По-видимому, следовало бы поискать и в материалах раскопок, и в морфологических данных объективные показатели для социального членения указанных памятников. Автор полагает, что среди поселений городского типа были «и довольно развитые центры ремесла и торговли, как, например, Ст. Рязань, Коломна, Серенск, были крепости — Слободка, Тешилов, Новосиль, Воротынск и поселения типа феодальных замков — Спаш, Домагощ, Тушков, Новый городок Ольгов, Жокинское городище» (с. 172). Однако подоснова этого деления читателю не совсем ясна. Почему, например, Пронск — второй по значению город Рязанской земли, столица удельного княжества — оказался в числе сторожевых крепостей?

Пятый очерк — «Материальная и духовная культура населения» самый значительный по объему (треть книги) и написан почти целиком по археологическим данным, в большинстве своем новым. Он состоит из семи разделов, в которых исследованы оборонительные сооружения, жилые и хозяйственные постройки, виды ремесла, сельское хозяйство и промыслы, военное дело, а также предметы повседневного быта. Выяснено, что военно-фортификационное искусство вятичских градостроителей вполне отвечало требованиям создания надежных укреплений. При сооружении валов и рвов применялись различные, хорошо известные и в других областях Руси дерево-земляные конструкции, в том числе ряды деревянных «жилых» клетей. В Серенске и Слободке обнаружены остатки башен, входивших в систему укреплений детинцев. Жилые и хозяйственные постройки, встреченные при раскопках, были двух основных типов: наземные и углубленные в грунт. Многие из них реконструированы автором совместно с Г. В. Борисевичем. Большой интерес представляет восстановленная ими картина застройки детинца в Слободке. Из производственных комплексов открыты домницы, кузницы, мастерские по производству стекла и поливной керамики, гончарные горны, мастерские ювелиров, косторезов и пр. Основным типом жилых, хозяйственных и производственных сооружений в XI—XIII вв. были наземные постройки (с. 210, 211). Углубленные в землю жилища встречены значительно реже и, вероятно, свидетельствуют о притоке населения на Оку с юга.

Десятками категорий вещей в книге представлены изделия вятичских ремесленников. Особенно выразительна продукция ювелиров, владевших самыми сложными приемами своего ремесла.

Сельское хозяйство, прежде всего пашенное земледелие, как об этом свидетельствуют собранные Т. Н. Никольской факты, развивалось в земле вятичей успешно. Правда, в интерпретации пахотных орудий по их железным частям (плуги, многозубые сохи) автор придерживается традиционных взглядов, ныне подвергшихся вполне обоснованной критике (Ю. А. Краснов, А. В. Чернецов).

Остатки вооружения, предметы снаряжения коня и всадника найдены на вятичских памятниках в большом числе. Все они относятся к хорошо известным на Руси типам. Бытовые вещи: ножи, замки, ключи к ним, кресала, ножницы, различные виды пряжек, петель, пробоев, котлы, ведра и проч.— имеют прямые аналогии в общерусских древностях. В ряде пунктов обнаружены писала и книжные застежки, предметы с надписями, указывающими на распространение грамотности. Словом, весь комплекс «вещевых» находок убедительно доказывает, что в XII—XIII вв. земля вятичей, считавшаяся некогда отсталой, по своему экономическому и культурному развитию сравнялась с другими областями Руси.

Последний очерк посвящен торговле и торговым путям. Находки монет и

денежных кладов, различных импортов из стран Востока, Византии и Западной Европы свидетельствуют об оживленных культурных и торговых связях Окского бассейна в эпоху средневековья. Еще более интенсивными были отношения с различными древнерусскими княжествами. Меньше внимания уделено вопросам внутренней торговли, труднее поддающимся изучению.

В заключении подводятся итоги исследования, отмечен длительный и сложный путь развития вятичских земель с VIII по XIII в. Монография Т. Н. Никольской на археологических материалах реконструирует историю вятичей — одного из крупнейших восточнославянских союзов племен, органически влившихся затем в единую древнерусскую народность. Особенно велика заслуга автора в исследовании вятичских городов. Многолетние раскопки позволили Т. Н. Никольской не только восстановить картину их развития и становления, но и доказать, что города земли вятичей ничем не уступали прочим городским центрам Руси. Их культура, ремесленное производство, оборонное зодчество и домостроительство к середине XIII в. достигли своего расцвета. Отдельные недостатки не затушевывают основного достоинства книги — широкого привлечения в качестве полноценного исторического источника разнообразных археологических материалов.

Куза А. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, 1959, № 72.
2. *Шинаков Е. А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец.— СА, 1980, № 3.

Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1981. 264 с., 46 рис., 3 табл.

Книга Н. А. Соболевой посвящена русской геральдике — теме, которая в течение длительного времени оставалась по существу вне поля зрения серьезных исследователей. Одна из причин этого — «дворянский» характер науки, точнее, не самой науки, а основной массы материала, которым она оперирует. Оправданное на определенной стадии развития науки ослабление интереса к геральдике в настоящее время представляется причиной досадного пробела в научных знаниях. Этот пробел должен быть по возможности скорее заполнен.

Важнейшая причина изменения подхода к геральдике — значительное развитие вспомогательных исторических дисциплин, удельный вес и авторитет которых в общем контексте исторических исследований за последние десятилетия чрезвычайно возрос. Историческое значение геральдики определяется тем, что она представляет собой внешнее выражение политической структуры и правовых отношений. Дворянские, городские и территориальные гербы, изучение которых составляет предмет геральдики, можно рассматривать лишь как часть более широкого круга материалов, включающего также различные знаки собственности [1] и эмблематику, отражающую идеи власти, владельческих прав и воинской доблести. Гербы можно и должно рассматривать в общем контексте так называемой «политической иконографии» [2], отражающей в иллюстративной, аллегорической или символической форме идеи суверенитета и подданства.

Значительная сложность работы с геральдическими материалами, с одной стороны, чрезвычайно специфическими и, с другой — связанными множеством нитей с комплексом разнообразных специальных вопросов как социально-политического, так и историко-культурного и искусствоведческого характера, предъявляет высокие требования к исследователю, берущемуся за подобную тему. Н. А. Соболева — опытный специалист в области нумизматики, автор специальных работ по сфрагистике и государственной эмблематике Русского государства — подошла к геральдической проблематике с серьезным знанием дела. В рецензируемой работе она демонстрирует хорошее знакомство с архивными материалами, интересно анализирует иконографию и символику геральдических изображений.

Рассматриваемая книга преимущественно посвящена, как это указано в заглавии, XVIII—XIX вв. На самом деле, однако, хронологический охват книги шире: в ней

имеются значительные специальные исследовательские разделы, посвященные символике русских территориальных и городских эмблем XVI—XVII вв. (с. 153—178). Важнейшая особенность книги Н. А. Соболевой — то, что автору удается преодолеть узость, присущую значительной части собственно «геральдических» исследований. Н. А. Соболева рассматривает геральдику как отражение существовавших государственных учреждений, средство оформления правовых отношений, выражение определенных тенденций государственной политики России. Эти аспекты истории русской геральдики раскрыты (по существу впервые) на основании изучения деятельности Герольдмейстерской конторы и Герольдии. Привлекая многочисленные архивные и иные материалы, автор подробно характеризует деятельность этих учреждений по созданию областных и городских гербов [1].

Интерес Н. А. Соболевой прежде всего к городской и территориальной геральдике России обоснован. В то время как бо́льшая часть русских дворянских гербов ведет свое происхождение с послепетровских времен, значительная часть гербов крупнейших старых русских городов и земель восходит к эмблемам XVI—XVII вв. Этот факт чрезвычайно характерен для русской геральдики. Пути ее развития были диаметрально противоположны путям развития западноевропейской геральдики, где исходным явлением была рыцарская «геральдика щита». Если в Западной Европе геральдика при своем возникновении — порождение феодальной раздробленности, то на Руси даже самые первые шаги «протогеральдики» в виде областных эмблем и дальнейшее ее развитие связаны исключительно с укреплением централизованного государства и совершенствованием его административного аппарата.

Указанная ключевая особенность русской геральдики могла бы быть более ясно подчеркнута Н. А. Соболевой, если бы анализ городской и территориальной геральдики постоянно сопровождался параллельным обращением к судьбам геральдики дворянской. Неразрывная связь городской и земельной геральдики, с одной стороны, и дворянской — с другой, ярко проявилась в гербах русских княжеских домов, возводивших свои родословные к Рюрику. Они использовали эмблемы тех городов и земель, где правили их родоначальники [6, с. 366]. При этом первичность городских и территориальных эмблем по отношению к гербам наиболее родовитой русской знати совершенно неоспорима. То, что в книге Н. А. Соболевой по существу отсутствует сравнительное параллельное рассмотрение геральдики областной и городской с дворянскими гербами, не может, однако, быть поставлено автору в вину, так как это резко увеличило бы объем монографии.

Рецензируемая книга состоит из Введения, в котором сообщаются общие сведения о геральдике, ее истории и принятых в ней понятиях, а также историография вопроса, и трех глав. Глава I — «Территориальная геральдика XVIII в.» включает разделы «Эмблемы, символы и петровская Россия», «Учреждение Герольдмейстерской конторы и начало ее деятельности по созданию городских гербов», «Развитие территориальной геральдики во второй трети XVIII в.», «Реформы 70—80-х годов XVIII в. и городское герботворчество». Глава II — «Территориальная геральдика XIX в.» состоит из разделов «Правительственные мероприятия по реорганизации Герольдии», «Деятельность государственных учреждений и частных лиц по созданию территориальных гербов», «Территориальные гербы в системе символов царской России». Глава III — «Символика российских городских гербов» включает разделы «Символика эмблем XVI в.», «Символика эмблем XVII в.» и «Символика эмблем XVIII—XIX вв.». В книге помещены три таблицы: «Территориальные эмблемы XVI—XVII вв.», «Территориальные эмблемы XVII в. сибирских городов и острогов» и «Территориальные эмблемы, фигурирующие в качестве „старых" российских городских гербов». На таблицах указаны древнейшие описания или изображения эмблемы (герба) каждого города или земли, их дальнейшие изменения, а также данные об официальном утверждении герба. Книгу завершают Заключение, иллюстрации и именной указатель.

Поскольку автор уделяет большое внимание территориальным и городским эмблемам XVI—XVII вв., в структуре монографии представляется не вполне удачным то, что первая глава начинается непосредственно с петровского времени. Может быть, здесь следовало поместить небольшой раздел «Предыстория русской геральдики», куда могли бы концентрированно войти сведения, рассеянные в разных

[1] Среди работ послевоенного времени, посвященных той же теме, следует отметить важную статью А. В. Арциховского [3]. Две другие работы [4, 5] по существу не внесли в науку ничего нового.

местах книги. В этой главе интересны указания на то, что, хотя Петр I и был основателем Герольдмейстерской конторы как государственного учреждения, собственно работа по созданию гербов в это время почти не велась. Действительно, при Петре I только 6 человек получили дворянские дипломы с гербами (с. 22). Признавая справедливость этого наблюдения, подчеркнем, что именно при Петре I оживляется интерес дворянства к употреблению гербов. Об этом, в частности, свидетельствует кортик петровского времени, богато украшенный надписями и изображениями [7, с. 352—358]. Среди надписей на клинке гимн Петру I, а также описание герба владельца кортика сержанта Ф. Ходырева (о гербе сказано, что он «заслужебной роду его»). Изображенный здесь же герб представлен в развитой иконографии «а сверх его Ходырева родового гербу карона, а по сторонь того гербу оберегатели с полашами». На том же кортике имеется и политическая аллегория, составленная из гербов России и Швеции: «орле российский, спусти своя стрелы, дабы льва шведска утробу пронзили». Геральдическая символика используется и в тексте гимна: «лев шведской „увы мне" рыдает». Развитая иконография герба с дворянской короной и щитодержателями, а также подчеркивание «заслужебного» и «родового» характера герба свидетельствуют о достаточно полном усвоении идей, связанных с геральдикой, еще до утверждения Герольдмейстерской конторы, у дворян, занимающих невысокое положение.

В главе подробно рассматривается история Герольдмейстерской конторы и ее герботворческая деятельность. Здесь особый интерес представляют доношения конторы Сенату, в которых указаны сведения, необходимые для составления гербов той или иной провинции или города (с. 47). Эти сведения как исторические (древность города, какие-то происшествия, которыми сопровождалось их вхождение в состав России), так и географические (наличие гор и водоемов, характерные для данной местности животные и растения). Из этого списка становится ясным, что в первой половине XVIII в. существовало стремление отражать в городской и областной геральдике реальные черты городов и областей.

Н. А. Соболева отмечает особое усиление работы по созданию городских гербов в 1775—1785 гг. в связи с реорганизацией губерний и введением городового положения. Автор справедливо отмечает «нарочитость, излишнюю помпезность» гербов, создававшихся в это время, и характеризует их создание «как организованный в масштабах государства камуфляж, вызванный намерением прикрыть классовую сущность реформ», которые по существу не давали городам самоуправления (с. 99).

Подобную же, по существу декоративную, форму русская геральдика сохраняет и в XIX в., когда, по отзывам передовых представителей русской общественности, употребление гербов и интерес к ним рассматривались как анахронизм (с. 149).

Исключительный интерес в рецензируемой книге представляет глава III, в которой разбирается символика русских городских и областных гербов. Рассматриваемый Н. А. Соболевой материал показывает, что городские и областные эмблемы на Руси появляются позднее, чем символы государственности — российский двуглавый орел и московский «ездец». Последние имеют вполне определенное значение уже на государственной печати Ивана III 1497 г. Впервые российский двуглавый орел сопровождается территориальными гербами (двух ливонских областей) на печати царского наместника 1564 г. (с. 225, рис. 2). Около этого времени известна и новгородская эмблема (с. 156). Крупная серия территориальных эмблем впервые появляется на большой государственной печати Ивана Грозного 1577 г. На ней представлено 27 эмблем (включая двуглавого орла, московского всадника и единорога). Три из этих эмблем — ливонского происхождения, одна — полоцкая — польско-литовского («колюмны», герб Гедиминовичей, хотя, находясь в составе польско-литовского государства, Полоцк имел иной герб) [2]. Все областные эмблемы, кроме московского герба и единорога, изображенных на груди орла, размещены вокруг

[2] Отметим что русские эмблемы, названные в надписях, их сопровождающих, «печатями», имеют отличие от помещенных среди них западноевропейских (ливонских). Последние в соответствии с геральдической традицией представлены на гербовых щитах. Русские же эмблемы (за исключением конного драконоборца и единорога на груди двуглавого орла) щитов не имеют, так что предположение о том, что их появление — простое следование западноевропейской традиции, отпадает.

российского герба. Таким образом, общая композиция печати наглядно выражает идею объединения под властью русского государства различных земель, в прошлом имевших политическую самостоятельность.

Бо́льшая часть образов на печати — различные звери и чудовища. Очевидно, качественно новое явление русской феодальной эмблематики — территориальные эмблемы — в основном формировалось за счет фонда образов, для этой эмблематики традиционных. Действительно, разнообразные зооморфные изображения составляют значительную часть образов на русских монетах XIV—XV вв. [8], печатях XV—XVI вв. (см. [9]), на великокняжеских посохах конца XV в. [10]. Первоначально эти образы не соотносились с конкретными территориями и просто символизировали державное достоинство и воинские доблести русских князей и феодалов.

Приступая к более детальному рассмотрению наиболее ранних русских областных эмблем, Н. А. Соболева справедливо полагает, что при этом необходимо обратиться к древнерусской символике животных, как она отражается в письменности и на других изображениях. Автор обращается к имеющимся в русской письменности текстам о символическом значении животных. Как правило, это тексты, трактующие о христианской, церковной символике образов. Это прежде всего «Физиолог», бо́льшая часть статей которого посвящена толкованию упоминаний животных в тексте Библии, и ряд других текстов, генетически с ним связанных или подобных. В ряде случаев Н. А. Соболева прямо обращается к тексту Библии, прежде всего к Псалтыри (последняя пользовалась большой популярностью, знакомство с нею было шире, чем знакомство с «Физиологом» и другими подобными сочинениями).

В результате принятого Н. А. Соболевой допущения образы на территориальных эмблемах, в соответствии с христианским нравоучительным символизмом, распадаются на две противоположные группы — отрицательные, демонические образы и положительные, благочестивые. По мнению Н. А. Соболевой, основная масса образов зверей и оружия носит демонический характер и отражает представление о неверных народах, попавших под власть христианского царя (с. 164—166). Такая трактовка вызывает возражения — думается, что скорее следовало бы ожидать на областных эмблемах преобладания положительных образов. Если еще можно допустить демонические эмблемы для недавно включенных в состав России нерусских областей, то почему демонические образы оказались на эмблемах Пскова, Твери, Чернигова, Рязани? На мой взгляд, следует искать иную трактовку областных эмблем XVI в. Основания для нее также можно почерпнуть из письменных источников.

Прежде всего отметим характерную особенность средневековой и позднесредневековой символики. Эта символика в разных своих областях оперирует в значительной мере одним набором образов. Так, основные образы, известные по «Физиологу», фигурируют также в качестве алхимических символов [11, с. 34, рис. 2]. Однако в этом последнем случае их основное значение, естественно, не этическое, а соответствующее содержанию алхимических текстов, т. е. фигуры зверей и чудовищ символизируют вещества и их превращения. В западноевропейской геральдике представлено значительное число образов, распространенные представления о которых трактовали их как демонические (дракон, гарпия) или, во всяком случае, отрицательные (вепрь, обезьяна). Между тем гербы с подобными изображениями вовсе не предназначались для того, чтобы унизить достоинство их носителей, напротив, все рыцарские гербы являлись знаком воинской доблести и благородного происхождения. В случае, если сеньор стремился наказать провинившегося рыцаря, то в сфере геральдики это достигалось не тем, что в его герб вводилось какое-то позорящее изображение, а иными способами. Известен, в частности, случай, когда провинившемуся рыцарю было приказано изображать на щите льва без высунутого языка и когтей, «разоруженным» [12, с. 111]. Таким образом, геральдическая символика имела свою специфику в сфере «языка» и не всегда соответствовала языку общепринятых нравоучительных символов.

Представление Н. А. Соболевой о христианской символике областных эмблем на первый взгляд хорошо согласуется с тем, что в царствование Ивана Грозного усиливается тенденция к смешению духовного и светского начал в представлениях о царской власти. Однако идея «теоцентрической модели мира» (с. 166, точнее, священного царства и принципа теократии) вполне ясно выражена на печати изображениями крестов, которые венчают корону двуглавого орла и, кроме того, в ка-

честве отдельных изображений занимают главенствующую позицию в ряду областных эмблем.

Представляется, что основное значение звериных образов на областных эмблемах может быть понято не с помощью книжных, христианизированных текстов, а с помощью проникнутых фольклорным духом текстов, посвященных восхвалению доблести русских князей и воинов. Для этих текстов характерно сопоставление положительных героев с хищными зверями и птицами. Приведу характерный пример в письменности XVI в.: «...на коня ездя с дружиною своею уподобляешися льву страшну, дружина же твоя аки медведи и волци, или яко подобишися орлу, летающу под облаки, дружина же твоя аки ястребы, и никтоже может тогда одолети» [13, с. 218]. В подобном контексте в роли положительного героя может оказаться даже традиционно считаемый демоническим образ: «Якоже змий страшен свистанием своим, тако и ты, княже, славен множеством вои» [14, с. 66].

Мне представляется, что зооморфные образы среди наиболее ранних областных и городских эмблем связаны именно с такими представлениями, близкими, с одной стороны, фольклору, а с другой — психологии воина-феодала. Ряд из них представляет хищных зверей и чудовищ, значение которых в данном контексте понятно, другие — объекты охоты (следует учитывать, что в древнерусской литературе образы боя и охоты постоянно ассоциируются). Изображение лошади можно связывать с представлением о боевом коне. С подобной трактовкой согласуется и изображение оружия на отдельных эмблемах.

Предложенная гипотеза, разумеется, не может быть названа ни бесспорной, ни единственно возможной. Но не является таковой и трактовка Н. А. Соболевой. Отмечу некоторые дополнительные соображения в пользу своей гипотезы. Отдельные эмблемы, возникшие в XVI в., во второй половине XVII в. приобретают дополнения, придающие им христианизированный облик (крест; рука, выходящая из облаков; евангелие) (с. 245, рис. 31; с. 247, рис. 33). Всадник московского герба происходит от светской эмблемы, на которой он не имел черт змееборца [15, с. 22—24]. Христианизированные композиции с двуглавым орлом появляются на Руси значительно позже, чем сама эмблема. Очевидно, элементы христианской иконографии вносились в русскую феодальную эмблематику вторично. Об этом свидетельствуют и изображения на русских монетах XIV—XV вв., на которых почти нет религиозных сюжетов.

В разделах, посвященных символике гербов и их ранней истории, существенны указания на неустойчивость многих ранних русских эмблем (с. 18, 167, 168). Это очень важный показатель, так как в западноевропейской геральдике каждый герб имеет окончательно установившуюся иконографию, в частности все подробности позы изображаемых существ, стороны, в которые повернуты те или иные объекты, цвет отдельных частей герба. Эти черты геральдики на Руси усваиваются лишь в XVIII в.

Обращаясь к символике русских гербов XVII в. и более поздних времен, Н. А. Соболева совершенно справедливо уделяет важное внимание такому материалу, как разнообразные издания эмблематического содержания. Открытые ею факты иконографических заимствований из подобных книг весьма наглядны и убедительны (с. 248—253, рис. 34—40). Вместе с тем, заимствуя иконографию из эмблематических книг, составители гербов могли далеко не всегда переносить на герб соответствующее символическое значение, потому что функция аллегорий в эмблематических книгах и гербов различна. Эмблемы в рассматриваемых книгах — прежде всего изображения назидательного, моралистического назначения, о чем свидетельствуют сопутствующие надписи. Символика герба может быть не чужда такого характера, но все-таки его значение совсем иное — это символ определенного статуса в структуре общества и своеобразный знак различия.

Одно из важнейших положений работы Н. А. Соболевой — отрицание существования геральдики в древней Руси. Оно не является общепринятым положением в науке.

Поскольку автор рецензируемой книги ограничивается в своем исследовании городскими и областными гербами, а исторически исходной формой геральдики является рыцарская «геральдика щита», это важнейшее положение книги оказывается аргументированным лишь для рассматриваемого в ней материала, между тем как очевидно, что принципиальное значение представляет разрешение этого вопроса в целом.

Солидаризируясь с концепцией Н. А. Соболевой о происхождении русской геральдики, остановлюсь на некоторых не рассматривавшихся ею данных, которые, на мой взгляд, делают ее еще более обоснованной.

Ярким примером неразвитости правовых и государственных представлений, связанных с использованием геральдических изображений на Руси конца XV в., служит редчайшая золотая монета Ивана III. Воспроизводя тип венгерских золотых монет, она несет изображение венгерского гербового щита, который сопровождается, однако, русскими надписями с именами и титулами великого князя и его сына [16, с. 97, 98, рис. 68].

Предположения о существовании геральдики еще в домонгольской Руси опираются на существование ряда произведений искусства, представляющих те или иные изображения на щитах, в частности львов в позе, близкой геральдической [17]. Сразу же отметим, что наличие изображений животных на щитах не является спецификой геральдики. Такие изображения известны на щитах разных народов начиная с древнейших времен и могут не подчиняться каким-либо правилам их употребления, что составляет сущность геральдики. Частные признаки ряда древнерусских щитов со львами (на щите святого Георгия на стене собора в Юрьеве Польском и Федора Стратилата в Федоровском евангелии 1321—1327 гг.— наличие вдоль края щита орнаментального бордюра) не соответствуют западноевропейской геральдической традиции.

Более существенный аргумент в пользу наличия в древней Руси геральдики — существование изображений щитов с условными «собственно геральдическими» изображениями, образованными разделением щита на части, окрашенные в разный цвет. Они изредка встречаются на Руси начиная с XII в. [18; 19, табл. 126; 20, табл. XVIII, *1*; 21, с. 282]. Такие изображения действительно составляют специфику геральдики, однако ни в одном случае подобные щиты не выступают на Руси в роли родовой эмблемы и изображаются у святых воинов, рядовых персонажей массовых сцен и т. п. Очевидно, щиты с геральдическими изображениями первоначально появляются в древнерусском искусстве как заимствованный мотив, без усвоения соответствующих представлений.

Для изобразительных мотивов, встречающихся в геральдике, характерен ряд черт условности, не распространенных в древнерусском искусстве до XVI в. Это изображения отдельных частей тела животных, изображения животных и чудовищ в головных уборах и с оружием в лапах, отдельные изображения оружия. Изображение птичьего крыла на щите Логгина Сотника на фреске середины — второй половины XIV в. в церкви Успения на Волотове в Новгороде [22, табл. 99] на первый взгляд соответствует этому типу условности, но здесь нельзя говорить о геральдическом щите западноевропейского типа, так как изображение обрамлено имитацией арабской надписи.

Отметим, что отдельные эмблематические изображения оружия, животных в коронах и с оружием распространяются в русском искусстве с середины XVI в., одновременно со становлением областных эмблем. Тогда же русские люди начинают использовать чужеземные печатки со случайными изображениями западноевропейских гербов [8, табл. IV, *46*; V, *69*; VI, *123*, *127*]. Очевидно, эти совпадения не случайны и свидетельствуют о том, что в русском обществе уже тогда созревали предпосылки к усвоению геральдики западноевропейского типа. С начала XVII в. появляются печати знатных людей русской работы с изображениями геральдического характера, иногда отличные от позднейших гербов тех же фамилий [23, табл. 89, 90].

Древнейший случай употребления гербов русской знатью пока нельзя точно установить. Считается, что западнорусское православное дворянство, получившее в 1432 г. польско-литовские гербы, значительная часть которого переходила на службу к русским царям, приносило употребление гербов на Русь. Однако использование этих гербов русскими служилыми людьми и боярами XV—XVI вв. пока не прослежено.

Так или иначе, с середины XVI в. тенденции к созданию русской геральдики уже реально существовали, а ко второй половине XVII в. усвоение геральдической традиции привело уже к таким ярким проявлениям, как в целом нетипичные для русской геральдики случаи помещения двуглавого орла на гербовом щите [16, с. 123, рис. 88; 23, табл. 60] и создание своего герба неродовитым патриархом Никоном [12, с. 271].

Несколько мелких замечаний по тексту книги. Говоря о символике образов животных в Библии, Н. А. Соболева пользуется иной версией перевода, чем та, которая была известна на Руси. В результате некоторое несовпадение образов. Например, традиционное чтение псалма 90: «плещма своима осенит тя и под крилеего надеешися», у Н. А. Соболевой: «перьями своими осенит тебя...»; псалом 46: «яко божии державнии земли», в рецензируемой книге: «щиты земли» (с. 165, 166).

Едва ли правильно относить книгу Н. М. Максимовича-Амбодика к сочинениям по геральдике (с. 139, сноска 116). Это типичная эмблематическая книга, во многом повторяющая петровский «Эмблемат». Н. А. Соболева ошибочно полагает, что бабр — фантастическое животное (с. 169). На самом деле это сибирское название тигра [24, с. 35]. Для истории распространения геральдики на Руси небезынтересен не отмеченный в книге факт перевода в 1681 г. на русский язык одного геральдического трактата [25, с. 144—146].

Приведенные критические замечания носят частный характер и ни в коей мере не снижают высокой оценки работы Н. А. Соболевой, создавшей наиболее ценный и капитальный труд по русской геральдике за все послевоенное время. Однако эта богатая тема еще далека от исчерпания, необходимы новые исследования. Следует надеяться, что среди них важное место займут дальнейшие работы Н. А. Соболевой, крупнейшего специалиста в этой непростой области.

Чернецов А. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, 1940, т. VI.
2. *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild. Von den Anfangen bis zu Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im Byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers, 1978.
3. *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы.— Уч. зап. МГУ, 1946, № 93. Сер. История, кн 1.
4. *Ураносов А. А.* Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного многонационального государства XV—XVIII вв.: Автореф. канд. дис. М.: Моск. гос. истор.-архивный ин-т, 1953.
5. *Сперансов Н. П.* Земельные гербы России XII—XIX вв. М.: Сов. Россия, 1972.
6. *Лакиер А.* Русская геральдика. Кн. 2. Спб., 1855.
7. *Я. И. С.* Русский кортик XVIII столетия в Национальном музее в Будапеште.— АИЗ, 1894, № 11.
8. *Chernetsov A. V.* Types on Russian Coins of the XIV and XV centuries. An iconographic study.—BAR, International Series, 167. Oxford, 1983.
9. *Иванов П.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в архиве Министерства юстиции. М., 1858.
10. *Чернецов А. В.* Три резных посоха XV в.— СА, 1980, № 2.
11. *Lennep J. van.* Art et alchimie. Bruxelles, 1971.
12. *Арсеньев Ю. В.* Геральдика. М., 1908.
13. ПСРЛ. Т. 9. М.: Наука, 1965.
14. *Зарубин Н. Н.* Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.
15. *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. II. М.: Наука, 1970.
16. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
17. *Некрасов А. И.* О гербе суздальских князей.— Сб. ОРЯС. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928.
18. *Лабутина И. К., Кондратьева О. А.* Пластины с изображением кентавра и фантастического животного во Пскове.— СА, 1975, № 4.
19. *Овчинников А. Н.* Суздальские златые врата. М.: Искусство, 1978.
20. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств.— САИ, вып. Е1-36. Л., 1971.
21. *Чернецов А. В.* К изучению Радзивилловской летописи.— ТОДРЛ, 1981, т. XXXVI.
22. *Алпатов М. В.* Фрески церкви Успения на Волотовом поле. М.: Искусство, 1977.
23. Снимки древних русских печатей. М., 1882.
24. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955, т. 1.
25. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб., 1903.

Хроника

СИМПОЗИУМ «КУЛЬТУРНЫЙ ПРОГРЕСС В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА»

(Ереван, 1982)

С 20 по 23 октября 1982 г. в Ереване состоялся Всесоюзный симпозиум на тему «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа», посвященный 60-летию образования СССР. Организаторами симпозиума явились Ленинградское отделение Института археологии АН СССР совместно с Институтом археологии и этнографии АН АрмССР. В симпозиуме приняли участие археологи Закавказья, РСФСР, Украины и Туркмении; заслушаны 22 доклада и 8 выступлений в прениях. Издан сборник тезисов [1].

Открыл заседание акад. Б. Н. Аракелян.

Доклад В. М. Массона (Ленинград) «Культурный прогресс в эпоху палеометалла» охватил широкий круг вопросов. Культурный прогресс имел особенно большое значение для обществ, расположенных к северу от первичных цивилизаций. Ранние оседлые культуры арридной зоны (юг Балкан и соседние регионы), где введение меди не вело к кардинальным изменениям, в разной степени подошли к порогу цивилизации, исчерпав возможности данных культурно-хозяйственных систем. В силу существующих в обществе противоречий необходимо различать прогресс как общемировое явление и как прогресс отдельных обществ. Последнее не исключает катаклизмы, упадок и т. п. В погребальном обряде социальный престиж наиболее четко отражается «на первых этапах установления этих обычаев». Впоследствии эти обычаи упрощаются, поскольку уменьшается необходимость фиксировать таким способом социальный престиж (яркий пример — царские гробницы). Далее В. М. Массон заострил внимание на том, что в прогрессе производства решающим является повышение производительности производства орудий труда. Докладчик коснулся экономической функции вооруженного насилия в древних обществах, а также таких черт прогресса, как усиление различного рода связей и контактов, развитие знаковых форм связей. В Средней Азии в эту эпоху развиваются культурные системы древневосточного типа, для которых характерны монументальная архитектура, фортификационные сооружения, прогресс и дифференциация ремесел и усложнение знаковых систем.

Доклад О. М. Джапаридзе (Тбилиси) «Ранний этап курганной культуры в бронзовом веке Грузии по материалам в Марткопи» ознакомил с исследованиями четырех больших курганов с двухслойной насыпью (земляная поверх каменной). Под насыпями были камеры сложного устройства (сруб) с богатым захоронением. В центре самого большого кургана (высота 12 м, диаметр 100 м) находились вставленные один в другой два сруба высотой 2 м. Инвентарь этого захоронения (три погребения) весьма разнообразен: сосуды, бронзовые топоры, тесла, кинжалы и долото, более 20 наконечников стрел, перламутровые нашивки, золотые, серебряные, пастовые и сердоликовые бусы, подвески из клыков животных и пр. Среди богатого инвентаря остальных курганов имелись сосуды, напоминающие по форме керамику ранних Триалетских и Самгорского курганов, а керамика, характерная для культуры бедени, совершенно отсутствует. Поэтому Марткопские курганы «несколько более ранние и, вероятно, относятся к XXIV—XXIII вв. до н. э.», а их материал свидетельствует не только о социальной, но и об имущественной дифференциации общества того времени.

Основные положения доклада Г. Е. Арешяна (Ереван) «К проблеме относительной независимости развития культуры и социальной организации (по материалам бронзового века Армянского нагорья и Южного Кавказа)» сводятся к тому, что в определенные периоды человеческой истории изменения в экономике и материальной культуре не всегда соответствуют переменам в социальном устройстве и духовной культуре. Докладчик сопоставил шенгавитскую культуру с ее развитым хозяйством и обществом с неоформившейся классовой структурой и более позднюю триалетскую культуру, где экстенсивное скотоводческое хозяйство сочетается с резкой социальной дифференциацией общества, отраженной в погребальном обряде. Прерывистость в развитии культуры лишь ускорила социальную дифференциацию.

---

[1] Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа.— Тезисы докладов. Ереван, 1982.

Докладчик приходит к заключению об относительном характере объективного исторического процесса.

В докладе М. Г. Гаджиева (Махачкала) «Некоторые особенности культурного прогресса по материалам археологии Северного Кавказа» ставится вопрос о том, что мировой процесс развития в марксистско-ленинском понимании — сложное и противоречивое явление. Если обществам майкопской и куро-аракской культур свойственны высокоразвитые металлообрабатывающее и гончарное производства, а также имущественная и социальная дифференциация, отраженные в погребальном обряде, то в последующий период, во II тыс. до н. э., указанные культуры сменились другими, менее развитыми (гинчинская, каякентско-хорочоевская и др.). Новый культурный подъем наметился на рубеже II—I тыс. до н. э. и ускорился в связи с освоением металлургии железа. Докладчик предлагает по-новому объяснять прогресс и регресс в указанных культурах и искать причины этого не только во внешних факторах, как это делалось прежде, а в первую очередь во внутренних.

Доклад Э. В. Ханзадян (Ереван) «Развитие палеометаллических культур Армянского нагорья» был посвящен анализу социально-экономических и духовных достижений в развитии культур региона. Пашенное земледелие с применением тягловой силы крупного рогатого скота, искусственное орошение и отгонное скотоводство характеризуют развитие шенгавитской культуры (одна из разновидностей куро-аракской). Решающим в этом процессе явилась металлургия: подъем бронзолитейного дела стимулировал подъем земледелия (совершенствование земледельческих орудий и пр.). Эта территория была главной сырьевой базой для ряда стран Передней Азии и Кавказа. Керамическое производство отмечается высоким техническим и художественным уровнем. Среди установившейся иерархии поселений выделяются центральные поселения городского типа.

В следующую эпоху усиливается роль отгонного скотоводства и развитие социальной организации, приведшее к выделению аристократической верхушки и, видимо, к формированию классового общества. Для эпохи поздней бронзы отмечается большая роль металлургии в прогрессе всех сфер хозяйства и социальной структуры. В следующую эпоху главным стимулом прогресса явилась металлургия железа. Начинается использование коня для верховой езды, что тоже ускоряет распространение различных инноваций. Прогресс способствовал переоформлению всей культуры (образуются культуры мецаморского типа).

К. Н. Пицхелаури (Тбилиси) в докладе «Центральное Закавказье на раннем этапе поздней бронзы» выделяет три новых этапа развития материальной культуры (финал средней бронзы, переходный этап и начало поздней бронзы). Наряду с генетической связью материальной культуры этих этапов типы некоторых категорий бронзового оружия на переходном этапе целиком сменяются переднеазиатским. На втором этапе поздней бронзы в некоторых частях региона появляются бронзовое оружие и украшения, близкие восточно- и центральноевропейским типам. Существенным представляется внезапное исчезновение в Восточной Грузии европейских типов, сменившихся местными. В свете этого важным становятся находки центральнозакавказских бронзовых предметов в Восточной Европе.

Доклад И. С. Масимова (Ашхабад) «Келлелинский оазис и проблема генезиса культуры эпохи бронзы в Маргиане» посвящен памятникам одного из восьми самостоятельных оазисов, содержащих наиболее раннюю группу древнеземледельческих поселений. Основную роль в развитии культуры оазиса сыграла цивилизация протогородского типа подгорной полосы Копетдага на рубеже III—II тыс. до н. э. (по данным раскопок Алтын-Тепе). В оазисе выявлено четыре типа поселений иерархического порядка, где центральным явился холм Келлели.

В докладе А. Д. Пряхина (Воронеж) «Абашевские древности и проблемы культурного развития эпохи бронзы евразийской лесостепи» дана характеристика абашевской культурно-исторической общности и обоснование ее выделения. Даются общие показатели этой общности и определение понятий: «культурно-историческая общность» как сумма археологических культур, носители которых близки этнически, и «культурно-историческая область» как археологические культуры, носители которых не обязательно близки этнически. Осмысление первого понятия позволяет по-новому объяснять ряд непонятных прежде фактов (абашевские захоронения в степях, отличающиеся высоким социальным статусом погребенных, могут свидетельствовать о том, что часть воинской верхушки срубных и алакульских племен являлась абашевской). Внутри абашевской общности выделяется три абашевские культуры (доно-волжская, средневолжская и уральская), имеющие наряду с общими чертами также и некоторые отличия.

Доклад С. А. Есаяна и Э. М. Геворкяна (Ереван) «Развитие удил в древней Армении» посвящен типологии удил. Металлические удила появляются с XIV—XIII вв. до н. э. В эпоху поздней бронзы бытует пять типов бронзовых удил. V тип является местным, и его прототип — удила III типа. Разнообразие одновременно бытующих удил указывает на развитое коневодство и проникновение готовых форм из Передней Азии (Б. Б. Пиотровский). В эпоху раннего железа появляются пять новых типов железных удил, но встречаются и бронзовые. Большинство новых типов возникло под влиянием ассиро-урартской культуры, но значительная часть их отливалась на месте.

Г. Ф. Коробкова (Ленинград) в докладе «Развитие производства в эпоху палеометалла (в свете экспериментально-трасологических исследований каменных орудий)» анализирует прогрессивные изменения в развитии каменных орудий, происшедшие в культурах Средней Азии и Кавказа при переходе к производящим

формам хозяйства и особенно заметные на орудиях труда. Развитие последних прослеживается для эпохи неолита (Джейтун) и палеометалла (Анау, Алтын-Тепе). Усовершенствования традиционных орудий повышали их производительность, изменяли технику их изготовления и технологию производств. Технический и технологический прогресс неолитической индустрии повысил производительность труда и эффективность производства. В Геоксюрском оазисе в эпоху палеометалла резко сокращается число каменных орудий (сохраняются вкладыши серпов, скребки, сверла, наконечники стрел), вероятно заменяющихся металлическими. В этот период происходит подъем различных производств, как традиционных, так и новых — металлургического и металлообрабатывающего. Аналогичная картина наблюдается и для Кавказа: усовершенствованные производства в обществе шулавери-шомутепинской культуры, более разнообразные производства в куро-аракской, особенно развитые производства майкопской культуры. Переход от каменных орудий к металлическим явился качественным скачком в развитии и производств, и самих культур. В эпоху бронзы каменные орудия, продолжавшие применяться, способствовали прогрессу новой хозяйственной системы.

Доклад Х. А. Амирханова (Москва) «Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе)» ознакомил слушателей с интерпретацией материала многослойной Чохской стоянки, значение которой состоит в том, что верхний слой (ранний неолит, начало — первая половина IV тыс. до н. э.) демонстрирует присутствие в горной полосе Восточного Кавказа архаических поселений с производящей экономикой, предшествующих памятникам типа Шомутепе-Шулавери. Преемственность в кремневом инвентаре мезолитического и неолитического слоев говорит о непрерывности развития и, видимо, о самостоятельном (в «кавказском масштабе»?) формировании производящего хозяйства (жилища, керамика, а также каменные орудия, связанные с производящим хозяйством, зерна культурных и диких злаков).

В докладе А. Л. Нечитайло (Киев) «О значении связей степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы» говорилось о том, что в эпоху ранней бронзы имело место существенное влияние Кавказа на степные культуры. Это проявилось в импорте изделий, в подражании почти всех основных типов металлических орудий и оружия и в формах керамики. Но наряду с заимствованием достижений наблюдается и обратный процесс, результатом которого на Кавказе явились возникновение курганного обряда, идея антропоморфности изображений (при наличии местных, майкопских стел), остродонные формы сосудов, элементы веревочного орнамента. Взаимовлияние Степи и Северного Кавказа приводило к развитию в степях металлообработки на своем и северокавказском сырье и к формированию общих типов металлических орудий.

В докладе Л. И. Глонти и А. И. Джавахишвили (Тбилиси) «Результаты раскопок селища Бериклдееби» сообщалось, что стратиграфическими наблюдениями над 2-метровыми напластованиями памятника выявлены четыре периода: 1) селище эпохи ранней бронзы (куро-аракская культура), 2) два (?) строительных горизонта поселения рубежа III—II тыс. до н. э. (беденская культура), 3) погребения средней бронзы, 4) остатки поселения поздней бронзы. До сих пор культура бедени была известна лишь по погребениям. Здесь в слое этой культуры открыты строительные остатки, в том числе жертвенники, а также малоизвестные формы грубой светлоглиняной посуды (наряду с характерной чернолощеной). В куро-аракском слое начато исследование круглого помещения с центральным очагом, ритуальными цилиндрическими «вазами» и архаической керамикой.

В сообщении Д. А. Хахутайшвили (Батуми) «Возникновение и развитие производства железа в древней Колхиде» говорилось, что самая древняя железоплавильная печь в Колхиде относится уже к XIV в. до н. э. На раннем этапе освоения железа (XV—XVII вв. до н. э.) в Колхиде его производили из местных руд и, судя по письменным источникам, для Кавказа и соседних стран. Вначале для плавки применяли магнетит, а с X в. до н. э. наряду с ним использовали и гематит.

В докладе К. Х. Кушнаревой (Ленинград) «К выделению культур эпохи средней бронзы Южного Кавказа» анализировались вновь выделенные культуры. Общеизвестны две археологические культуры эпохи средней бронзы: западногрузинская и триалетская (обе на территории Грузии). Остальная, большая часть Закавказья представлена многочисленными разрозненными материалами, в основном могильниками. Изучение этих материалов позволило выделить еще три родственные культуры: кармибердскую, севано-узерликскую и кизылванкскую. Намечены их ареал и специфика; ведущим признаком культур является керамика. Таким образом, центрально-юго-восточное Закавказье составляло в эпоху средней бронзы одну культурно-историческую область. Вторая, совершенно иная культура представлена в Западном Закавказье.

Доклад И. Г. Нариманова (Баку) «Культура равнин Восточного Закавказья в ранней бронзе» посвящен различному характеру заселения равнин указанного региона в эпоху энеолита и ранней бронзы. Равнины в эпоху ранней бронзы или пустуют, или менее обжиты по сравнению с энеолитическим периодом. Поскольку установлено, что поселения ранней бронзы располагались только там, где запасы воды не истощались круглый год, предполагается высыхание небольших водных источников в конце энеолита, в результате чего поселения близ них покидались.

В докладе Г. С. Исмаилова (Баку) «Становление металлургии и металлообрабатывающего производства в Восточном Закавказье» показано, что этот процесс

восходил к началу III тыс. до н. э. Контакты с Древним Востоком, общий подъем хозяйства, местное рудное сырье явились предпосылками для возникновения металлургии и металлообработки и освоения более прочного сплава (медно-мышьяковистая бронза). Происходит усовершенствование технологии и стандартизация однотипных изделий. Металлообработка децентрализуется и оказывает решающее воздействие на организацию ремесленного производства.

Сообщение Т. М. Асланова и С. М. Кашкяй (Баку) «О раскопках некрополя в Мунджуглу-тепе (Нахичеванская АССР)» посвящено характеристике инвентаря, среди которого широко представлены бронзовые изделия, свидетельствующие о высоком уровне ремесленного производства.

В докладе С. Г. Даведжяна и А. Ц. Геворкяна (Ереван) «Прогрессивные процессы в металлообработке Лорп-берда (II тыс.— начало I тыс. до н. э.)» кратко анализируется металлообработка одного из ключевых памятников эпохи раннего железа — Лорибердского некрополя. Наибольшего расцвета достигло здесь художественное литье (скульптуры, различные модели).

Доклад А. Т. Рамишвили (Тбилиси) «Предварительные результаты раскопок в с. Цагвли» посвящен периодизации позднебронзового века по материалам могильника и селища в Восточной Грузии. На могильнике выделено четыре хронологические группы: 1) конец эпохи средней бронзы, 2) переходный период от эпохи средней бронзы к поздней бронзе, 3) I ступень эпохи поздней бронзы, 4) II ступень эпохи поздней бронзы. На многослойном селище Сацпхурис гора лучше всего сохранились слои эпохи поздней бронзы, что проливает свет на ряд спорных вопросов хронологии. Так, комплексы с листовидными кинжалами в Шида Картли, относимые до сих пор к I ступени эпохи поздней бронзы, принадлежат ко II ступени, а керамика в нижних слоях селища, несомненно, является промежуточным звеном между керамикой переходного периода и комплексами с листовидными кинжалами.

Доклад С. Г. Амаякана (Ереван) «Культ Солнца у земледельческо-скотоводческих общин Закавказья и урартское божество Шивини» посвящен генезису одного из божеств урартского пантеона. Докладчик относит Шивини — бога Солнца одновременно и к божеству дня, а его культ связывает с индоевропейским происхождением. Надпись Менуа из городов (религиозных центров Шивини) на побережье оз. Ван говорит о том, что Шивини — один из богов-покровителей царствующей династии, а также свидетельствует об отправлении этого культа населением района оз. Ван. В урартскую эпоху на основе древних традиций культа Солнца солнечное божество древневосточного пантеона выступает уже персонифицированно, в антропоморфной форме.

В докладе Л. Н. Биягова и А. С. Пилипосяна (Ереван) «Традиция изготовления бронзовых поясов в раннем железном веке Армении» сообщается, что новые находки орнаментированных поясов подтверждают расширение ареала их распространения в эту эпоху. Указанные изделия связаны с частью воинского набора и культовыми представлениями. Видимо, пояса относятся к определенной социальной группе, принадлежащей на поздних этапах к вооруженному всадничеству.

Б. Б. Пиотровский (Ленинград) сделал сообщение о самых ранних в Закавказье находках с надписью из богатого погребения начала I тыс. до н. э. в Мецаморе. Это агатовая лягушка-гирька с вавилонской клинописью и цилиндрическая печать с египетскими иероглифами, свидетельствующие о культурно-экономических связях Кавказа с древневосточными государствами.

В дискуссии по заслушанным докладам выступили в последний день симпозиума В. А. Дергачев, Г. Ф. Коробкова, А. Д. Пряхин, Г. М. Миндиашвили, Т. Г. Мовша, Н. Я. Мерперт, Б. Б. Пиотровский, В. М. Массон.

В. А. Дергачев (Кишинев) остановился на вопросах археологической таксономии и особенностях культурных явлений в контактных зонах. Он указал, что до 60-х годов в археологии использовались два понятия: культура и локальный вариант. Принятая сейчас трехступенчатая иерархия — культурно-историческая общность, культура и локальный вариант — оказалась недостаточной для обозначения всего многообразия культурных явлений. Поэтому вопрос о разработке археологической таксономии и номенклатуры требует дальнейшего совершенствования. В. А. Дергачев отмечал, что для контактных зон характерно соприкосновение двух или более этнокультурных массивов, различных по происхождению, традициям и социально-экономическому укладу. Таковыми на протяжении многих этапов истории были земли между Днестром и Карпатами, Северный Кавказ и т. д. Отличием контактных зон является то, что развитие этнических, культурных и социальных процессов характеризуется здесь особой динамичностью. Это обстоятельство необходимо учитывать при культурологических интерпретациях.

Г. Ф. Коробкова (Ленинград), подчеркнув плодотворность работы симпозиума, положительно отметила доклады Э. В. Ханзадян и М. Г. Гаджиева. Она остановилась на роли каменных орудий в эпоху металла, когда меняется их содержание, дающее теперь дополнительную информацию о металлическом инвентаре (как сделаны бронзовые орудия; выявление их новых типов). Г. Ф. Коробкова коснулась оценки многослойного памятника Чох (по докладу Х. А. Амирханова), где представлены черты перехода от присваивающего хозяйства к производящему. В Чохе, как и в джейтунской культуре, имеется уже развитое земледелие. Корни этих сложившихся земледельческих хозяйств пока неизвестны. Но ценно то, что Чох показывает мезолит как период, являющийся основой перехода к производящему хозяйству.

А. Д. Пряхин (Воронеж) с удовлетворением констатировал, что симпозиум явился важным этапом в исследовании проблематики эпохи бронзы на территории нашей страны. С середины 60-х годов советская археология вступила на принципиально новый этап развития, и в проблематике эпохи бронзы археология значительно продвинулась вперед. Выступавший подчеркнул хорошо продуманную программу конференции, а также важность оперативной публикации тезисов. А. Д. Пряхин отметил широкий круг проблем, прозвучавший в докладе В. М. Массона, и выразил признательность организаторам симпозиума.

Т. М. Миндиашвили (Тбилиси) не согласился с рядом положений в докладе Г. Е. Арешяна. Он рекомендовал точнее очерчивать границы исследуемого региона; привести археологические данные в пользу тезиса о большесемейной организации в обществе куро-аракской культуры; дополнительно аргументировать преемственность шенгавитской и триалетской культур, а также связь социальной структуры с самой культурой.

Т. Г. Мовша (Киев), положительно оценив доклады закавказских археологов о памятниках бронзового века (особенно куро-аракской и шенгавитской культур), подробнее остановилась на связях культур Закавказья с культурами Кукутени-Триполья.

Н. Я. Мерперт (Москва) подчеркнул важность открытия уникального кургана в Марткопи и высокую фундированность проделанного О. М. Джапаридзе анализа памятника. Ценность памятника не только в его сложной конструкции и интересных находках, но и в том, что здесь впервые представлена стратиграфия погребений культур куро-аракской и бедени.

Б. Б. Пиотровский (Ленинград) обратил внимание на следующее: при смене общественно-экономических формаций у народа с более прогрессивным социальным устройством культура может быть ниже, чем у тех народов, которых они сменили («дорийское завоевание» после распада микенской культуры, «варварские государства» после падения Рима). Это объясняется тем, что культурное наследие новых государств было ниже, чем у государств, проживших длительную историю, а насильственный захват ведущего положения сопровождался ломкой культурного наследия.

В. М. Массон (Ленинград) подчеркнул значение опубликованных тезисов. Касаясь выступления В. А. Дергачева, В. М. Массон указал на существенное значение организации археологического материала для хронологии, выделения культур, их генезиса и проч. В «прокрустово ложе» схемы «культурно-историческая общность» — «культура» — «локальный вариант» материал не всегда «укладывается», однако для организации последнего эта триада необходима: уровень типологической разработки не поспевает за ростом наличного фонда археологического материала.

В заключительном слове В. М. Массон подчеркнул важность проведения подобных симпозиумов. Именно на таких представительных форумах происходит необходимый для развития нашей науки обмен мнениями и именно в таких контактах «может быть заложен культурный прогресс».

Шарафутдинова Э. С.

СОВЕЩАНИЕ «ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

(Москва, 1983 г.)

25—26 января 1983 г. в Москве проходило организованное Комиссией по применению естественных наук в археологии Московского общества испытателей природы, Институтом археологии АН СССР и Институтом истории СССР АН СССР совещание «Человек и окружающая среда в древности и средневековье», в работе которого приняли участие представители более чем 10 различных специальностей из 15 городов Советского Союза. Свыше 100 человек из 30 научных учреждений страны собрались обсудить актуальные проблемы комплексных исследований в области палеоэкологии, археологии и истории. Работали секции: «Естественные науки в изучении древних экосистем», «Экологическая среда и проблемы расселения человека в древности и средневековье», «Использование природных ресурсов в древних производствах», «Количественный анализ в исторических исследованиях».

Пленарное заседание открыл Б. А. Колчин (Москва). В своем выступлении он указал на особую важность для изучения проблемы «человек и биосфера» данных, предоставляемых археологией. Именно археология способна дать для описания экологических процессов прошлого четвертое измерение — время.

В докладе Н. А. Хотинского (Москва) «Природная среда и человек в голоцене» на основании археолого-палеогеографических исследований последних лет утверждается исключительная роль в развитии хозяйства первобытных племен в течение голоцена природных факторов, наиболее существенными из которых являются климатические колебания. Наряду с этим не менее важным представляется выявление «обратной связи» — определения степени антропогенного воздействия на естественные ландшафты. Отмечено, что антропогенное влияние в пределах Русской равнины, приводящее к коренному изменению естественной растительности, особенно усиливается с XVII—XVIII вв.

В докладе «Палеомониторинг — реконструкция изменений природной среды под влиянием человеческой деятельности (его задачи и связь с археологией)» А. М. Грин и С. А. Сычева (Москва) рассмотрели предмет, задачи и методы системного географо-археологического исследования взаимодействия природы и общества. Впервые были сформулированы конкретные пути ретроспективного анализа изменений в окружающей природной среде, вызванные антропогенной деятельностью на различных этапах развития человечества. Палеомониторинг антропогенного фактора развития геосистем должен осуществляться параллельно с выявлением основных законов развития природы, прежде всего направленности и ритмичности природных процессов, а также определением места современных и прошлых состояний геосистем в сложной картине эволюции природы. Палеомониторинг изучает эволюцию антропогенного вклада в процессы функционирования и структуру геосистем, который зависит от экономического и демографического факторов развития человеческого общества. Тем самым круг его вопросов выходит за рамки естественных наук, и решение их возможно только на основе совместных географо-археологических исследований.

К. В. Хвостова (Москва) в докладе «Методологические принципы количественного анализа социально-экономических процессов прошлого» констатировала, что количественный подход к социально-экономической истории — это точная формулировка предпосылочного знания и его формализация. Кроме того, это локальная идентификация модели, предназначенной для измерения изучаемого явления. И наконец, это выявление возможностей конструирования моделей, изучающих локальные тенденции.

В докладе П. М. Долуханова и А. М. Микляева (Ленинград) «О ландшафтной приуроченности памятников Верхнего Подвинья в начале I тыс. до н. э.— начале II тыс. н. э.» на основании сопоставления почвенных и археологических карт сделан ряд интересных выводов о закономерностях в расположении археологических памятников, которые могут отражать изменения в хозяйственной деятельности древнего населения региона.

О. Р. Квирквелия (Москва) в докладе «Биосфера как объект археологического исследования» уделила внимание необходимости изолированного анализа природных и социальных факторов с последующим сопоставлением результатов. Такой подход значительно повышает достоверность выводов и дает независимые аргументы для проверки исторических гипотез. Кроме того, он делает возможным вычленение чисто социального в изучаемых явлениях, обычно затрудненное многофакторностью последних.

В докладе М. Д. Гвоздовер и Д. В. Деопика (Москва) «Природные ресурсы, тип хозяйства и формы орудий человека позднего плейстоцена» поставлена проблема связи методов обработки первичного сырья с формой орудий. Рассматриваются элементы формы, не обусловленные формой заготовки, а получившиеся в результате обработки сырья. Утверждается, что степень и способы преодоления формы заготовки могут служить культуроразличающим признаком.

В докладе Н. В. Рындиной (Москва) «Самородная медь в древности» подчеркивается важность и информативность металлографического анализа медных изделий древности, позволяющего наряду с химическими и спектральными методами исследования решить вопрос о возможных стадиях эволюции древнейшей металлургии меди. Дается обзор изделий из самородной меди, найденных на Ближнем Востоке в памятниках докерамического неолита, датируемых VII тыс. до н. э. Имеющиеся данные фиксируют неизвестную ранее стадию холодной кузнечной обработки самородной меди (холодная ковка, изгибание, обрезка, сверление и т. д.). Определяется зона древнейшей металлургии самородков, охватывающая район Ближнего Востока от Анатолии и Восточного Средиземноморья на западе и до Иранского Хузистана на востоке.

Доклад А. Н. Щеглова (Ленинград) «Использование почвенных ресурсов Тарханкута в IV—III вв. до н. э.» явился результатом многолетнего изучения земледельческой территории отдаленных владений Херсонеса в Северо-Западном Крыму. Комплексное применение археологических методов, аэрофотосъемки, палеографии, палеоботаники, палеозоологии и геофизики послужило основой для реконструкции почвенных и растительных ресурсов района древности, характера хозяйственного освоения земель в IV—III вв. до н. э., позволило определить величину обрабатываемой территории и систему размежевания земельного фонда Херсонеса. Изучалось также воздействие хозяйственной деятельности человека на окружающую среду, создание культурного ландшафта на Тарханкуте в раннеэллинистический период.

Программу пленарного заседания завершил доклад Ю. Л. Щаповой (Москва) «Экологическая среда и экономика в связи с производством стекла в древности и средневековье». Показано, что производственные отношения есть «совокупность отношений людей друг к другу и природе» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 385), что взаимоотношения людей и природы на разных исторических этапах изменялись, но человеку всегда было свойственно уважительное отношение к природе. Человек в древности не только зависел от природы, но и сохранял ее, принимая во внимание биологические циклы, климат и другие географические условия. Сохранение природы выражалось в разумных ограничениях и предписаниях, а в VI в. н. э. получило «теоретическое» обоснование в «Трактате» Юлиана Аскалонита. Существует немало археологических подтверждений того, что в древности и средне-

вековье стекольные производства размещались в соответствии с указаниями «Трактата».

На заседании секции «Экологическая среда и проблемы расселения человека в древности и средневековье» было заслушано 15 докладов.

В. В. Сидоров (Москва) в докладе «Оценка численности населения льяловской культуры» отметил необходимость демографических выкладок при разработке палеоэкономических и историко-культурных моделей. Сведения можно получить исходя из суммы использованных ландшафтных единиц. Ландшафтной единицей является озерная система. Густота озерных систем определяет густоту поселений. Поиск освоенных ландшафтных единиц и оценка перспективности их на нахождение неолитических поселений результативнее поиска отдельных стоянок.

Ю. Е. Вострецов и И. С. Жущиховская (Владивосток) посвятили свой доклад «Опыт палеоэкологического изучения древних культур Приморья» некоторым особенностям процесса адаптации древних обществ к окружающей среде. Выяснено, что специфика хозяйства и степень развития земледелия на древних поселениях кроуновской культуры (конец I тыс. до н. э.— рубеж нашей эры) находилась в непосредственной зависимости от характера геосистемы.

В докладе «Воздействие антропогенных факторов на природу Нижнего Побужья в античное время» О. П. Журавлев (Киев) на примере данных, полученных при раскопках Ольвии, показывает степень воздействия человека на природную среду: система земледелия, применявшаяся эллинами, требовала вырубки леса, что существенно повлияло на величину площади лесов и численность диких зверей. В настоящее время из 22 видов диких млекопитающих, найденных в материалах Ольвии, 10 видов в Нижнем Побужье не встречаются.

К. К. Шилик (Ленинград) в докладе «О выборе места для основания Березанского поселения» выявляет условия, определившие этот выбор: запасы леса, соли, рыбы, возможность обеспечения обороны. При этом древним населением не были учтены требования наличия пахотных земель, удобных путей сообщения, пресной воды и бухты, что привело позднее к перенесению столицы в Ольвию.

В сообщении Н. А. Антоновой (Севастополь) «Меры по сохранению Херсонесской бухты в античное и средневековое время» изложены некоторые результаты серии комплексных палеоландшафтных, геологических и архитектурных исследований, проведенных Херсонесским государственным историко-археологическим заповедником. Выяснено, что при сооружении оборонительных стен на участке у порта строители преследовали также цель предохранить бухту от делювиальных стоков, опасных не только для порта, но и для бухты в целом. Принятые херсонеситами меры представляют собой интересный пример защиты природной среды в древности.

В докладе «Палинологическая датировка стоянки Ладыжино III и ее место в окском мезолите» А. С. Фролов (Москва) суммировал данные пыльцевого анализа из культурного слоя этого памятника. Получена четкая картина спорово-пыльцевых спектров, однозначно соответствующих бореальному периоду голоцена. Результаты позволяют удревнить время существования стоянки относительно принятых ранее датировок и считать ее древнейшим поселением иеневской культуры бассейна р. Оки.

М. Г. Гусаков (Москва) в докладе «Территория расселения племен зарубинецкой культуры» предлагает единые принципы картирования памятников этой культуры — наличие на объекте фибул «зарубинецкого типа» и целых форм керамики (последнее — для могильников). Выяснив общее число зарубинецких поселений, автор выдвигает предположение о том, что одновременно в их пределах проживало 4000 чел. при средней плотности 1 чел. на 10 км². При всей проблематичности этого предположения интересна новизна подхода к проблеме.

Доклад А. В. Кропоткина (Москва) «Поселения черняховской культуры» посвящен выявлению общих геоморфологических особенностей этих памятников. Автор приходит к выводу, что основной чертой черняховских поселений является расположение на склоне первой надпойменной террасы реки при отсутствии укреплений. Автор отмечает, что на рубеже III—IV вв. происходят изменения в дислокации поселений. С этого времени носители черняховской культуры начинают селиться на ранее неосвоенных, малоплодородных землях, в зонах же, заселенных ранее, возникают агломерации поселений. Возникают поселения площадью более 20 га. Такие перемены могут указывать на интенсивное развитие земледелия и ремесла, а также на определенные демографические и социальные процессы, происходившие у черняховских племен в конце III—IV в.

В докладе Ю. А. Смирнова (Москва) «Тафология» сделана попытка выявления общих и специфических законов, действующих в сфере погребальной практики: древнейшие преднамеренные погребения возникают в готовых формах; в тафогенезе отсутствует линейное развитие от простых форм к сложным; различные социальные отношения и идеологические представления порождают сходные формы погребений. В рамках задачи предлагается модель геосистемы, модифицированная за счет введения таких подразделений, как антропосфера, моросфера и тафосфера. Предлагается тафологическая модель антропосферы и рассматриваются фундаментальные процессы, происходящие в моро- и тафосферах.

Доклад Н. А. Кирьяновой (Москва) «Применение карпологии в изучении истории земледелия Древней Руси» показал, что работы в области видовых определений семян сорняков, обнаруженных среди зерен культурных растений в археологических материалах X—XV в. памятников центральной таежно-лесной зоны

Восточной Европы, позволяют выявить состав сорной растительности древних полей и наметить группы сорняков, имеющих определенные районы распространения. Географическое распределение ряда видов сорной растительности в археологических находках позволяет подойти к решению вопроса о том, в какой почвенно-климатической зоне изучаемой области выращено обнаруженное при раскопках зерно.

Доклад М. И. Колосовой и А. И. Семенова (Ленинград) «О подготовке определителя древесин для историко-культурных исследований» констатирует необходимость создания такого определителя. Он должен отличаться от соответствующих определителей для нужд народного хозяйства следующими характеристиками: учитывать породы до вида, а не до рода, включать основные представители тропических лесов и характеристики немноголетних побегов. Стремительный рост коллекций археологических древесин делает насущным резкое увеличение темпов и объемов ксилометрических определений во избежание утраты ценной исторической информации.

Доклад А. А. Узянова и С. А. Сычевой (Москва) «Динамика заселения бассейна Тускари и ее связь с многовековой ритмичностью природных процессов» был посвящен выявлению и сопоставлению изменений в характере заселения территорий и эволюции хозяйственной деятельности с основными ритмами и рубежами развития природных процессов на Русской равнине. В качестве модельной области рассматривается долина р. Тускари — одна из типичных ландшафтных геосистем региона, исчерпывающе обследованная археологически. Прослеженные закономерности имеют 4000-летний диапазон, увязаны с мезоритмичностью природных процессов и главным образом с 1900—2000-летними циклами увлажненности (выделены О. Петерсоном, А. В. Шнитниковым, Г. А. Тушинским для материков северного полушария). В динамике заселенности выделены и три 200—400-летних перерыва — периоды значительного запустения территории, достаточного для регенерации нарушений.

Доклад А. А. Узянова (Москва) «Древние поселения и ландшафт» посвящен археологической характеристике долины р. Тускари за 3000-летний период ее активного освоения человеком. Выделены устойчивые зоны обитания в рамках стабильных геоморфологических подразделений долины, анализируются закономерности в группировке поселений различного социально-экономического значения по этим природным участкам для разных эпох, констатируется специфика изменений, вызванных сменой населения, изменением уровня влагоносности реки или историко-культурными процессами. Особенно подробно восстановлена группировка роменских поселений, выделены ландшафтные границы размещения родовых коллективов, дан вариант реконструкции внутриплеменного членения территории.

В. А. Лапшин (Ленинград) в докладе «Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской земли X—XIII вв. и природный фактор» отмечает, что влияние природных условий на формирование системы расселения опосредовано типом хозяйства населения, нередко играющим доминирующую роль при выборе места поселения.

С. З. Чернов (Москва) в сообщении «Влияние природы и системы хозяйства на заселение района Троице-Сергиева монастыря в XI—XVII вв.» ознакомил собравшихся с результатами обследования средневековых областей Радонеж, Воря и Кинела: около $^1/_4$ поселений, упоминаемых в актах Троице-Сергиева монастыря XV в., сохранилось на лесных полянах-покосах («оселках»). Старинные дороги, пруды, ненарушенный культурный слой делают селища на «оселках» ценным источником по истории XIV—XVI вв. Автор ставит вопрос о неотложном поиске и охране тех памятников археологии, которые являются историко-природными реликтами.

В докладе С. В. Белецкого, Ю. М. Лесмана, А. К. Станюковича, В. П. Фролова и К. В. Шишкина (Москва, Ленинград) «Средневековое сельское расселение на северо-западе Восточной Европы (возможности комплексного изучения)» предложен принципиально новый подход к изучению памятников указанного периода и региона. Использование метода ретроспекции, основанного на позднейших письменных и картографических источниках, археолого-ландшафтных данных по памятникам раннего средневековья с привлечением современной микротопонимики и аэрофотосъемки позволяет путем многоступенчатого сопоставления данных подойти к вопросу о расселении в XIV—XV вв., достоверно не документированном источниками.

На секции «Естественные науки в изучении древних экосистем» заслушано 10 докладов, посвященных различным методическим аспектам изучения памятников археологии в связи с их приуроченностью к палеоэкологическим системам.

А. Н. Щеглов (Ленинград) в докладе «О методике комплексных полевых исследований (из опыта Тарханкутской экспедиции)» обобщил опыт применения в полевых исследованиях методов естественных наук: палеогеографии, палеоботаники, палеозоологии, петрографии, геофизики и др. Комплексный подход к исследованию памятника с точки зрения автора включает следующие этапы: выбор объекта, способного ответить на заранее поставленные вопросы; изучение географической среды и взаимосвязей «среда — человек»; получение наиболее полной информации в процессе раскопок объекта. Все эти положения подробно проиллюстрированы конкретными результатами, полученными автором при исследовании античного поселения Панское в Северо-Западном Крыму.

В докладе «Опыт аэроразведки памятников археологии в земле пруссов» В. И. Кулаков (Москва) рассмотрел принципы применения аэрофотосъемки для изучения археологии Прибалтики. Впервые в истории изучения этого региона автор предлагает образец классификации памятников I тыс. н. э., основанный на данных аэроразведки. На большинстве упомянутых памятников культурная принадлежность, категория и датировка памятника проверена раскопками. Работа по данной методике открывает перспективу создания общей картины поселений и хозяйственных угодий пруссов с учетом как археологических, так и палеогеоморфологических данных.

И. А. Антонова, Г. М. Николаенко и В. В. Глазунов (Севастополь, Ленинград) в докладе «Роль геологии в строительстве и земледелии античного Херсонеса по геофизическим данным» на основании проведенных комплексных исследований показали, что логику херсонесских строителей объясняют не только традиции, тип сооружений и палеоландшафт. Ключ к пониманию их действий дают и геологические сведения. Утилизация геологических условий прослежена на некрополе в Песочной бухте и на земельных наделах Херсонеса. Тип архитектурных и погребальных сооружений находится в непосредственной связи с геологическим субстратом. Ведущим методом, позволяющим изучать инженерную геологию Херсонеса, является археологическая геофизика.

В. М. Слукин (Свердловск) в докладе «Поиск исторических эколандшафтных форм на территории Ростовского Кремля» изложил методику и результаты геофизического изучения древнего рельефа средневекового городища, в настоящее время полностью скрытого под современными отложениями.

С. А. Маруев, Ю. Г. Кулешов, В. В. Радилиловский (Смоленск, Москва, Душанбе) предложили принципиально новые средства кондуктометрических измерений на археологических памятниках, позволяющие значительно экономить время на проведении съемки. А. В. Мельников, Т. Н. Смекалова, М. М. Бочаров и А. Ф. Осокин (Ленинград) предложили простые алгоритмы обработки данных магнитометрии, позволяющие без сложных вычислений выделять аномалии от протяженных объектов и тем самым надежно идентифицировать объекты типа стен и фундаментов. Е. В. Цуцкин (Элиста) выступил с сообщением о результатах применения аэрокосмической съемки на территории Калмыкии, позволившей не только выявить ряд новых археологических комплексов и древних путей сообщения, но и правильно интерпретировать как памятники археологии некоторые объекты, считавшиеся ранее геологическими.

Доклад В. К. Власова, О. А. Куликова и Н. А. Кренке (Москва) «Определение абсолютного возраста керамики Дъякова городища радиотермолюминесцентным методом» содержал результаты принципиально нового метода абсолютного датирования археологической керамики. Использован материал из раскопок Дъякова городища в Москве. Сравнение полученных дат с радиоуглеродными датами органических материалов из соответствующих слоев городища показало прекрасную сходимость результатов. По данным авторов, Дъяково городище существовало в интервале с III в. до н. э. (±300 лет) по V в. н. э. (±200 лет).

В сообщении В. А. Алексеева и Н. И. Алексеевой (Троицк) «Применение рентгенофлюоресцентного метода в археологии и палеонтологии» констатируется, что использование предлагаемого метода для определения микропримесей в различных археологических и палеонтологических объектах и почвах позволяет в некоторых случаях реконструировать загрязнение среды в историческое время. В качестве примера показана возможность частичного затопления Фанагории грязевыми потоками в результате мощного извержения вулкана в IV в. до н. э.

На заседании секции «Использование природных ресурсов в древних производствах» было заслушано 6 докладов.

В докладе «О зонах развития в верхнем палеолите (по материалам микролитического инвентаря)» В. Д. Артемова (Ленинград) отметила, что анализ микролитического инвентаря позволяет сделать вывод об отсутствии его природной обусловленности и связи с определенным видом хозяйства. Можно говорить о зонах развития в верхнем палеолите лишь в географическом смысле.

Н. Н. Терехова и Л. С. Хомутова (Москва) в докладе «Освоение человеком химико-термических и термических процессов на ранних этапах становления железообрабатывающего производства в Восточной Европе» показали, что сравнительный анализ данных по технологии железообработки у кобанских и ананьинских племен обнаружил единство производственных навыков, заключающееся в знании приемов термической обработки стали уже в VII в. до н. э. Это предполагает единый источник технических знаний.

В. П. Новиков, В. В. Радилиловский и В. В. Супрычев (Душанбе) построили сообщение «Комплексное геолого-археологическое обследование южного склона Мачетлинских гор» на анализе конкретного материала, позволяющем сопоставить наличие и использование природных ресурсов в данном регионе.

Т. Г. Андержанова, Г. А. Ильинский, А. В. Мельников, А. И. Серебрицкий, Т. Н. Смекалова и А. М. Микляев (Ленинград) в докладе «Черная гора — ремесленный комплекс рубежа эр» показали, что сумма данных, полученных раскопками, геофизическими исследованиями и лабораторными анализами, приводит к мысли, что урочище Черная гора — не городище и не селище, а производственный комплекс, возникновение которого в данном месте обусловлено разнообразием, богатством и доступностью необходимых для производства материалов.

М. Ф. Гурин (Минск) изложил разработанную им методику исследования изделий, сваренных из железа и стали, основанную на использовании микрорентгеноспектрального анализа, позволяющего сделать выводы о технологии местной металлургии Белорусского средневековья и наличия импорта из других производственных центров.

В. И. Завьялов (Москва) охарактеризовал металлографические особенности охотничьих орудий поморов-груманланов, выработавших особую технологическую схему их изготовления. Отличное качество гарпунов и рогатин, изготовленных квалифицированными кузнецами, играло большую роль в высокой производительности охоты.

На секции «Количественный анализ в исторических исследованиях» заслушано 25 докладов. Работали две подсекции: аграрной истории и текстологии. Доклады, прочитанные на заседании подсекции текстологии (Д. В. Деопик, А. П. Богданов, А. М. Пентковский, А. П. Журавлев, О. Р. Квирквелия и др.), продемонстрировали тенденцию проникновения количественных методов в исследование все более широкого круга источников: эпиграфических, летописных, повествовательных. Разнообразны и аспекты их изучения: филиграноведение, определение авторства, состава источников и т. д.

В применении количественных методов в исследовании по аграрной истории накоплен уже значительный опыт. На массовых источниках успешно апробированы такие методы, как факторный, корреляционный и т. д. В силу этого основным направлением работы подсекции аграрной истории было дальнейшее углубление и совершенствование разработанных методик (М. Б. Булгаков, В. М. Суринов, И. М. Промахина и др.), методов и тем исследования (Л. И. Бородкин, Ю. П. Бокарев, А. Г. Ганжа, А. И. Пика и др.).

Заседание секции «Количественный анализ в исторических исследованиях» (Б. Н. Миронов, В. М. Сергеев, П. Б. Паршин, Л. Г. Бадалян) явилось итоговым для работы обеих подсекций.

В дискуссии по докладам и при подведении итогов совещания выступили С. В. Грисюк, Ю. Л. Щапова, А. Н. Щеглов, А. К. Станюкович, Е. В. Цуцкин, О. Р. Квирквелия, О. П. Журавлев, Б. Н. Миронов и др. Выступавшие отметили глубокую внутреннюю связь всех представленных направлений с основной темой совещания, значительную консолидацию сил представителей естественных наук, археологов и историков, происшедшую со времени первого Всесоюзного совещания по применению в археологии методов естественных и технических наук в 1963 г. Отмечается, что совместные работы, проведенные представителями различных дисциплин, дали блестящие результаты, важные не только для развития истории и археологии, но и естественных наук. Констатировалось, что ряд археологических задач, как показали результаты совещания, может быть решен только с применением методов естественных наук при участии в комплексных исследованиях специалистов различных направлений. Деятельность Комиссии по применению естественных наук в археологии объединяет этих специалистов в один коллектив. Только их объединенные усилия рождают принципиально новые подходы к проблемам, а также предохраняют историю и археологию от проникновения в эти науки дилетантизма. Комплексный подход к изучению проблем истории и археологии рождает новые понятия и аксиомы, ставит новые проблемы, не все из которых сейчас разрешимы. Происходит определенная поляризация методов на традиционные и комплексные, что зачастую рождает непонимание или безразличие «традиционалистов» к «новым методам», с одной стороны, а у ряда представителей «комплексной школы» традиционные методы отходят на второй план. Ни тот ни другой подход не является правильным. Каждая система источников должна прежде всего быть исследована присущими ей методами (внутренняя критика источников без давления одной системы исследования на другую), а затем сопоставляться с другими. Выступавшие особо отметили большой научный вклад в развитие «комплексного направления» докладов Н. А. Хотинского, А. Н. Щеглова, Н. В. Рындиной, О. Р. Квирквелия, Н. А. Кирьяновой, А. А. Узянова, А. М. Грина, С. А. Сычевой, П. М. Долуханова, А. М. Микляева, С. В. Белецкого, Ю. М. Лесмана, А. К. Станюковича, В. К. Власова, О. А. Куликова, Н. А. Кренке, группы авторов, возглавляемой А. В. Мельниковым, М. Ф. Гурина, В. И. Завьялова и др.

В резолюции совещания кратко суммированы основные достижения «комплексного направления» историко-археологических исследований, приняты рекомендации по дальнейшему развитию исследований в данной области в рамках Комиссии по применению естественных наук в археологии МОИП, включающие конкретные меры по дальнейшему укреплению межведомственных и межинститутских связей. В резолюции также выражено удовлетворение ходом работы совещания, одобрена инициатива его организаторов. Проведение следующего проблемного совещания запланировано на 1984—1985 гг.

Квирквелия О. Р., Кулаков В. И., Станюкович А. К., Хамидуллина Н. М.

ПАМЯТИ ЭРАСТА АЛЕКСЕЕВИЧА СЫМОНОВИЧА

Ушел из жизни известный советский ученый, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР, доктор исторических наук Эраст Алексеевич Сымонович.

Э. А. Сымонович принадлежал к первому послевоенному поколению советских археологов, вступившему в науку в трудные 40-е годы. Он был участником Великой Отечественной войны и прошел суровую школу жизни во время блокады Ленинграда. Начало творческого пути Эраста Алексеевича связано с Ленинградским университетом. Затем он работал в Эрмитаже. В 1952 г. Э. А. Сымонович переехал в Москву, где работал сначала в ГМИИ им. А. С. Пушкина, а с 1956 г. и до последних дней — в Институте археологии АН СССР.

Еще при работе в Эрмитаже определился круг научных интересов Э. А. Сымоновича: прежде всего изучение и интерпретация черняховской культуры. Почти 40 лет отдал Эраст Алексеевич разработке этой проблематики — одной из самых дискуссионных в советской археологической науке — и остался верен ей до последнего дня своей жизни. Но эта верность не была проявлением творческой узости: круг интересов исследователя выходил далеко за пределы собственно черняховской тематики. Э. А. Сымоновичем много сделано в изучении позднескифских древностей Северного Причерноморья и Крыма. Работая в ГМИИ им. А. С. Пушкина, Э. А. Сымонович проводил широкие раскопки некрополя Неаполя Скифского. Результаты этих работ обобщены в монографии «Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского в г. Симферополе)» (М.: Наука, 1983), вышедшей из печати уже после смерти автора. В последующие годы им были проведены раскопки позднескифских могильников в селах Николаевка, Красный Маяк в Нижнем Поднепровье, оставшиеся пока неопубликованными.

Выдающимся вкладом Э. А. Сымоновича в науку было также открытие новой археологической культуры — колочинской, занявшей существенное место среди раннеславянских памятников середины I тыс. н. э. Имя этой культуре дало целиком раскопанное Эрастом Алексеевичем в 50-х годах на Гомельщине городище у дер. Колочин (Колочинское I), материалы которого, полностью опубликованные, стали эталонными для широкого круга памятников Белоруссии, близких к ней областей РСФСР и Украины.

Большое внимание Э. А. Сымонович уделял изучению религиозных представлений древних обществ. Ему принадлежит серия интересных работ, посвященных культовым представлениям древних народов Восточной Европы, их отражению в материальной культуре. Здесь и исследования вотивных предметов, и проблема первобытной магии как фантастического способа активно влиять на ход земных событий, и т. д. Главным достижением в данной области было обоснование гипотезы о распространении христианства у черняховских племен.

Э. А. Сымоновичем опубликованы материалы самых разных эпох, такие, как Ингульский клад бронзового века, кочевнические погребения Каменского и других могильников и многое другое.

Но основная творческая биография Э. А. Сымоновича связана с разработкой черняховской проблематики. Когда он обратился к изучению этой культуры, она представляла собою почти сплошную terra incognita. К 1946 г. археологи имели в своем распоряжении краткую публикацию В. В. Хвойки, посвященную могильникам в Черняхове и Ромашках; раскопанные до войны, но неопубликованные могильники в Маслове и Привольном, да еще ряд слабо изученных, спорадически выявляемых и публикуемых объектов, не дававших адекватного представления о культурном комплексе. В настоящее время черняховская культура едва ли не наиболее полно исследованное археологическое явление в Восточной Европе, представленное тремя тысячами поселений и сотнями могильников[1]. И в этом немалая заслуга Э. А. Сымоновича — неутомимого полевого работника, отлично владевшего методикой полевых археологических исследований. Вклад Э. А. Сымоновича в источниковедение черняховской культуры весом. Именно ему принадлежит честь окончательного обоснования тезиса о продвижении черняховцев в степное Причерноморье, значительно раздвинувшее черняховскую ойкумену в южном направлении. Точно так же им было установлено наличие северо-восточного региона культуры в области Курского Посеймья, лишь намеченного работами А. Е. Алиховой и Ю. А. Липкинга. Благодаря работам Эраста Алексеевича территория черняховской культуры предстает перед нами в совершенно ином свете и масштабе.

Первые важные полевые результаты по черняховской культуре были получены Э. А. Сымоновичем в конце 40-х — начале 50-х годов, когда он, находясь в составе экспедиции, руководимой С. Н. Бибиковым и М. А. Тихановой, обобщил материалы поселения II—V вв. н. э. у с. Лука Врублевецкая на Среднем Днестре. Эти мате-

[1] Вот далеко не полный список черняховских поселений и могильников, исследованных Э. А. Сымоновичем: Лука Врублевецкая, Данилова Балка, Грушевка, Кут, Гавриловка, Каменка, Черняхов, Журавка, Коблево, Викторовка, Ранжевое и многие другие. Только на одном Журавском комплексе памятников им вскрыты тысячи квадратных метров площади поселения с несколькими десятками жилищ, гончарной мастерской и прочими сооружениями и полностью исследован могильник. Последний подготовлен Э. А. Сымоновичем к печати. Большинство других раскопанных памятников опубликовано.

риалы легли в основу его кандидатской диссертации. Основным содержанием диссертации было выделение двух локальных вариантов культуры — днестровского и южнобугского. Лишь пунктирно намеченная схема, скованная ограниченностью фактического материала, которым в то время располагала наука, была существенно развита в последующие годы. Начав с расчленения черняховской культуры на территориальные проявления, Эраст Алексеевич в дальнейшем обратился к выяснению сложной диалектики ее единства и различий. С проблемой единства черняховской культуры связана и проблема этнической принадлежности ее носителей. Последовательно и убежденно Э. А. Сымонович отстаивал концепцию славянской принадлежности черняховской культуры, подчеркивая в то же время сложный и многокомпонентный состав населения, черняховцев. Для Э. А. Сымоновича культурно-этническая сложность «черняхова» реализовалась в двух чрезвычайно важных аспектах: а) в сложности генетической подосновы, невозможности вывести черняховскую культуру из какого-либо одного более древнего типа (скажем, из пшеворской или зарубинецкой культуры), а тем самым и в сложности этнической подосновы; б) в сложности населения маргинальных районов, где черняховские традиции органически переплетались с иными традициями, имевшими отличные исторические корни. Верный своему принципу идти к постановке теоретических проблем от источниковедческой разработки фактического материала Э. А. Сымонович и данную проблему развивал на основе прежде всего полевых изысканий. Его работы в данном направлении были сосредоточены в двух важнейших маргинальных областях: на северо-востоке — в Посеймье и на юге — в степном Причерноморье. В Курской области были исследованы памятники нового типа первой половины I тыс. н. э., сочетающие в себе разнородные черты: черняховские, колочинские, киевские (Снагость, Каменево, Букреевка, Воробьевка, Комаровка, Колосовка, Тазово, Авдеево и др.).

В Причерноморье Э. А. Сымоновичем были открыты могильники и поселения черняховской культуры, в материалах которых выступает скифо-сарматское влияние (Ранжевое, Коблево, Викторовка, Фурмановка, Бургунка и др.).

Эраст Алексеевич считал, что, несмотря на специфику памятников в пограничье с другими синхронными культурами, в целом черняховская культура и ее этнос едины. Важным аспектом исторической интерпретации черняховской культуры является уточнение хронологии, и в первую очередь ее верхней границы. Э. А. Сымонович на основании хронологических наблюдений над черняховскими могильниками в Даниловой Балке у овчарни совхоза «Приднепровский» близ Гавриловки, в Журавке пришел к убеждению относительно неверности «ультракраткой» хронологии (III—IV вв.) и решительно поддержал тезис о более поздней датировке черняховских материалов. В последнее время эта точка зрения получает новые подтверждения.

Основные достижения Э. А. Сымоновича в деле изучения и интерпретации черняховской культуры были изложены им в докторской диссертации, защищенной в 1971 г. Эта диссертация содержит стройную и непротиворечивую концепцию, основные узлы которой убедительно аргументированы и обоснованы фактическим материалом. Она представляет собою этапный труд, с одной стороны, подытоживающий огромную работу, проделанную советской археологической наукой в одной из важнейших ее областей, а с другой стороны, открывающий новую стадию в разработке черняховской проблематики.

Такими же этапными являются и другие итоговые труды, в создании которых Э. А. Сымоновичу принадлежит решающая роль. Это — том «Свода археологических источников СССР», посвященный могильным древностям черняховской культуры, вышедший из печати в 1983 г., и черняховский том 20-томной «Археологии СССР», подготовленный к печати.

Нельзя обойти вниманием большую организационную работу, осуществлявшуюся Э. А. Сымоновичем в стенах Института археологии АН СССР. Речь не только об экспедиционной деятельности, хотя масштабы ее внушают самое глубокое уважение. Эраст Алексеевич был инициатором подготовки и издания сборников МИА, посвященных черняховской культуре (вышли из печати три больших тома: № 82, 116 и 139) и славянским древностям второй половины I тыс. н. э. (№ 108). Главная тяжесть по изданию этих сборников легла на его плечи.

Э. А. Сымонович принимал самое активное участие в черняховских конференциях, проводимых ИА АН СССР совместно с археологическими учреждениями Украины. Он был главным организатором львовской сессии 1969 г. и каменец-подольской 1981 г. Им же была подготовлена севастопольская сессия 1983 г., не состоявшаяся из-за неожиданной смерти ученого. Имелось в виду в дальнейшем превратить эти нерегулярно созываемые конференции в постоянно действующий симпозиум со строгой периодичностью сессий.

Э. А. Сымонович всегда остро откликался на все значительные события, относящиеся к области его научных интересов. Свидетельством этого является серия рецензий, опубликованных им в археологической печати. Можно утверждать, что ни одна серьезная публикация по черняховской тематике не прошла мимо его внимания и не осталась без отклика в печати. Научно-исследовательская деятельность Эраста Алексеевича всегда была очень насыщенной. И в кабинете, и в экспедициях ученый постоянно, самоотверженно и целеустремленно работал, не считаясь с возрастом и здоровьем, заражая энергией своих коллег. Перу Эраста Алексеевича Сымоновича принадлежит более 160 опубликованных работ. Целый ряд рукописей находится в печати или полностью подготовлен к изданию. Им еще предстоит увидеть свет.

Работы Эраста Алексеевича широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Коллеги из ГДР, Чехословакии, Польши, Болгарии, Румынии и других стран, как и археологи СССР, навсегда сохранят чувство благодарности к исследователю за плодотворный, самоотверженный труд на благо исторической науки.

Э. А. Сымонович ушел из жизни, находясь в зените своей творческой активности. Разведки в Приазовье и раскопки в Северном Причерноморье были завершены Эрастом Алексеевичем за неделю до смерти.

Память об Эрасте Алексеевиче Сымоновиче, прекрасном ученом, щедром и принципиальном человеке, навсегда останется в сердцах его коллег и учеников.

Группа товарищей

ПАМЯТИ ПАВЛА НИКОЛАЕВИЧА ШУЛЬЦА

20 сентября 1983 г. после долгой тяжелой болезни, немного не дожив до 83 лет, скончался крупный советский археолог и искусствовед, кандидат исторических наук Павел Николаевич Шульц.

П. Н. Шульц — ровесник нашего века. Он родился 9 (22) октября 1900 г. в Петербурге, в семье ученого. Его отец, биолог Н. П. Шульц, заведовал Ботаническим кабинетом Петербургского университета и вел занятия со студентами. Интерес к истории П. Н. Шульц унаследовал от своей матери — дочери известного историка, специалиста по русской истории, профессора Варшавского и Харьковского университетов Н. Я. Аристова.

Закончив в Петрограде среднюю школу в 1918 г., П. Н. Шульц поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, но вскоре прервал занятия, уйдя на службу в ряды Красной Армии. Возвратившись в Петроград в 1921 г., он продолжил ученье в университете, который закончил в 1923 г. по специальностям археология и история искусства древнего мира. Его непосредственными учителями в университете были Б. В. Фармаковский и О. В. Вальдгауер. Под руководством последнего после окончания университета П. Н. Шульц более двух лет работал в Отделе древностей Государственного Эрмитажа, где совершенствовал свои знания по истории античного искусства. В 1926 г. он был принят в аспирантуру ГАИМК и здесь под руководством Б. В. Фармаковского начал заниматься изучением памятников скифской и сарматской монументальной скульптуры. Это направление тогда еще только начинало разрабатываться, и молодой исследователь стал одним из первых его создателей. С указанной тематикой, в которой он стал ведущим специалистом, Павел Николаевич не расставался до конца жизни, постоянно возвращаясь к ней в своих работах.

После окончания аспирантуры в 1929 г. П. Н. Шульц был зачислен на должность старшего научного сотрудника античного отдела ГАИМК. С этого же времени начинается его плодотворная преподавательская деятельность — он стал доцентом ЛГУ. С 1936 по 1941 г. он был доцентом Академии художеств — читал курсы лекций на факультете истории и теории искусства, одно время исполнял должность декана факультета и бессменно заведовал Кабинетом истории искусства. Все, кто учился на факультете истории и теории искусства Академии художеств в предвоенные годы, с благодарностью вспоминают насыщенные, яркие и увлекательные лекции П. Н. Шульца.

В самом начале Великой Отечественной войны Павел Николаевич вступил добровольцем в ряды ополченческой дивизии. В конце июля 1941 г. он перешел в партизанский отряд, вместе с отрядом совершал рейды в тыл противника на Ленинградском, Тихвинском и Волховском фронтах. Страстный охотник и следопыт, прекрасный знаток местности, умеющий ориентироваться в любых условиях, опытный полевой исследователь, великолепный наблюдатель — все эти качества особенно пригодились бойцу партизанского отряда, действовавшему в тылу врага в тех тяжелых условиях, когда кольцо блокады сомкнулось вокруг Ленинграда. Оказались весьма полезными навыки и знание мест, приобретенные во время довоенных археологических разведок в Лужском и Гдовском районах Ленинградской области. Работая проводником партизанских отрядов в суровую зиму 1942 г. на Волховском фронте, Павел Николаевич получил тяжелое ранение и обморожение. Ему пришлось ампутировать пальцы рук. За боевые заслуги П. Н. Шульц, был награжден орденом Славы III степени и медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг».

После выхода из госпиталя в Москве П. Н. Шульц стал старшим научным сотрудником ИИМК, где в 1943—1944 гг. занимал должность ученого секретаря. На протяжении 5 лет (1944—1948) он по совместительству заведовал также античным отделом ГМИИ им. А. С. Пушкина и вел преподавательскую деятельность, читая лекции по истории искусства античного мира в Московском художественном институте им. В. И. Сурикова и на искусствоведческом отделении МГУ. В 1948 г. Президиум АН СССР направил П. Н. Шульца в Симферополь для организации Крымской научно-исследовательской базы АН СССР, преобразованной вскоре в Крымский филиал АН СССР. В составе базы Павел Николаевич создал отдел истории и археологии Крыма, который он возглавлял на протяжении почти двух деся-

тилетий. После расформирования Крымского филиала АН СССР отдел истории и археологии был реорганизован в Отдел древней и средневековой археологии Крыма и вошел в состав Института археологии АН УССР. П. Н. Шульц заведовал отделом до возвращения в Ленинград в 1966 г., куда он был приглашен для руководства Группой античной археологии ЛОИА. В 1974 г. Павел Николаевич вышел на пенсию по болезни. За многолетнюю научную и научно-организационную деятельность он был награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Самостоятельные полевые исследования П. Н. Шульц начал в 1925 г. В этом и следующем году он организовывал Верхневолжскую экспедицию ГАИМК, в 1927—1929 гг. участвовал в Северо-Западной экспедиции П. П. Ефименко, в 1924 и 1928 гг.— в Северо-Кавказской экспедиции А. А. Миллера. Неоднократное участие принимал Павел Николаевич в работах Ольвийской экспедиции (1926, 1929—1930, 1932, 1939 гг.). В эти годы проявился особенный талант П. Н. Шульца в проведении археологической разведки, в которой ему всегда сопутствовала удача. Во время разведок по берегам Волги в районе г. Ржева и нижнего течения р. Вазузы им открыты поселения и могильники разного времени — от неолита до позднего средневековья. Он был одним из первых исследователей, начавших целенаправленный поиск и изучение поселений ольвийской периферии на правом берегу нижнего течения р. Южный Буг в 1929—1930 и 1939 гг.

С начала 30-х годов П. Н. Шульц начинает заниматься археологией Крыма. В 1933—1934 гг. он осуществил разведочное обследование побережья Северо-Западного Крыма, где открыл ряд греческих и позднескифских укрепленных и неукрепленных поселений, а также провел раскопки на городище Кара-Тобе. Он первым после М. И. Ростовцева вновь обратил внимание на важность комплексного изучения памятников этого района не только с точки зрения истории Херсонеса, но и истории скифо-сарматского мира, а также истории греко-варварских взаимодействий. Результаты разведок позволили П. Н. Шульцу выдвинуть новую гипотезу о греко-скифских взаимоотношениях в Крыму в IV—III вв. до н. э. Эта гипотеза превратилась в общепризнанную концепцию, долгое время просуществовавшую в науке и оказавшую важное воздействие на развитие представлений о древней истории Причерноморья. В конце 50-х годов П. Н. Шульц возобновил широкие и всесторонние полевые исследования в Северо-Западном Крыму, которые продолжаются и сейчас его учениками и последователями.

Вся послевоенная научная и организационная деятельность П. Н. Шульца была связана с Крымом. Созданный и руководимый им отдел археологии в Симферополе стал практически центром археологических исследований в Крыму. Еще до образования Крымского филиала АН СССР по инициативе Павла Николаевича ИИМК и ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1945 г. организовали постоянно-действующую Таврo-Скифскую экспедицию (затем — экспедиция Крымского филиала), общее руководство многолетними работами которой осуществлялось П. Н. Шульцем. Регулярные полевые исследования трех-четырех отрядов этой экспедиции охватили почти всю территорию Крыма; работы велись в степных, предгорных и горных районах, а также на южном побережье полуострова. В экспедиции принимали участие и другие центральные научные учреждения и музеи Крыма — П. Н. Шульц постоянно стремился привлечь для комплексного изучения крымских древностей и решения поставленных задач максимум научных сил. В дальнейшем он создавал и возглавлял ряд других экспедиций, Крымского филиала и ИА АН УССР, в том числе Симферопольскую, Ялтинскую и Северо-Крымскую, которая с 1952 г. и по настоящее время проводит исследования по трассе Северо-Крымского канала и в зонах орошения земель в Степном Крыму. С 1967 г. до заболевания П. Н. Шульц руководил Боспорской экспедицией ЛОИА.

Павел Николаевич был разносторонним и широко одаренным исследователем, крупным специалистом в разных разделах археологии. Но основные его научные интересы лежали в области изучения позднескифской и кизил-кобинской культур, древностей тавров, а также памятников скифской и сарматской монументальной пластики. Ведущая роль советской науки в изучении культуры скифов общепризнана. Исследования П. Н. Шульца занимают в ней особое место. Благодаря им получены новые данные, позволившие сформировать принципиально новые представления о развитии и состоянии общества и государства поздних скифов с центрами в Крыму. Его наблюдения и выводы, изложенные в ряде статей, обобщены в работе «Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (постановка проблемы)» (В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 127—143). Громадное значение для науки имеют проводившиеся под руководством П. Н. Шульца в 1945—1963 гг. и получившие широкую известность раскопки главного центра Крымской Скифии — городища Кермепчик, отождествляемого с Неаполем. Исследование этого позднескифского города — целая глава в развитии скифоведения. Многолетние работы дали обширный новый материал для изучения последнего этапа скифской культуры. Среди открытых на городище памятников — знаменитый мавзолей, усыпальница верховной знати, по-видимому, царского рода. Главные итоги этих исследований подведены в ряде трудов П. Н. Шульца, среди которых обобщающая статья «Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.)» (В кн.: История и археология древнего Крыма. К., 1957, с. 61—93) и монография «Мавзолей Неаполя скифского» (М., 1953). В последние годы работы П. Н. Шульц практически завершил раскопки самого крупного на Боспоре кургана Кара-Оба — монументального памятника II в. до н. э., исследование которого было начато еще в XIX в. А. Е. Люценко и продолжено В. Ф. Гайдукевичем.

Еще в начале 30-х годов П. Н. Шульц разработал первую систематику скифских и сарматских изваяний, оставшуюся неопубликованной. В дальнейшем он постоянно ее совершенствовал и собирал материалы для Свода памятников скифской монументальной пластики. Эта работа была им завершена, а краткие выводы из нее опубликованы в широко известной специалистам статье «Скифские изваяния Причерноморья» (В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 225—237).

Ведущее место принадлежит П. Н. Шульцу и в исследовании таврской проблемы. Разведки и раскопки, проводившиеся Тавро-Скифской экспедицией, позволили ему обосновать первую стройную периодизацию памятников Горного Крыма и создать обобщающий труд «О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами)» (В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 235—272).

П. Н. Шульц опубликовал немногим более 60 работ — это не соответствует тому действительному вкладу, который он внес в науку. Но дело в том, что Павел Николаевич принадлежал к тому счастливому типу ученых, которых называют «генераторами идей», и он охотно и с радостью делился идеями с коллегами и учениками, совершенно не жалея своего времени. Он обладал даром синтезировать разрозненные и, казалось бы, случайные мелкие и незначительные факты и наблюдения, видеть за ними общие явления и процессы, строить обобщающие модели и концепции. В то же время он был блестящим полевиком, особое значение придававшим археологической разведке, поиску, всегда подчиненному определенной научной цели. Будучи человеком с душой необычайной щедрости, он все свое знание и умение стремился передать другим. Одна из важнейших заслуг П. Н. Шульца — создание современной школы крымской археологии. Из-под его крыла вышло немало специалистов. Учил он всегда и везде: и в поле, и в лаборатории, и просто в беседах, причем всегда незаметно и без всякого давления. В первые послевоенные годы «ненавязчиво, исподволь, но, как всегда, последовательно и методично перестраивал он вчерашних фронтовиков с покалеченными телами и израненными душами в «гражданских» — тех прежних мирных научных работников и студентов, какими мы были накануне войны» — так тепло вспоминает Павла Николаевича в книге «Аю-Даг — „Святая“ гора» (Симферополь, 1975, с. 102) один из его первых учеников О. И. Домбровский. С такой же теплотой и благодарностью хранят светлую память о Павле Николаевиче Шульце его ученики всех поколений и возрастов и все те, кому посчастливилось с ним вместе работать и кто продолжает дело, которому он посвятил свою жизнь.

Щеглов А. Н.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АП — Археологічні пам'ятки УССР. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск — Ижевск
ВВ — Византийский временник
Вестн. ЛГУ — Вестник Ленинградского гос. университета
Вестн. МГУ — Вестник Московского гос. университета
ВЕУ ОН — Вестник Ереванского гос. университета. Общественные науки
ВОН АН АрмССР — Вестник общественных наук АН Армянской ССР. Ереван
ВХУ — Вісник Харківського університету
ГМГ — Гос. музей Грузии АН ГССР. Тбилиси
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Спб.
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Москва — Ленинград
ИИС — Из истории Сибири. Томск
ИМИ — Историко-математические исследования. Москва
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИООН АН ТаджССР — Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Душанбе
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
МАР — Материалы по археологии России. Спб.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии. Ленинград
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе
НАА — Народы Азии и Африки. Москва
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОПИ — Отдел письменных источников
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности АН СССР
ПАДИУ — Проблемы археологии и древней истории угров
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА РАНИОН — Секция археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
СНВ — Страны и народы Востока. Москва
ТГУ — Томский гос. университет
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Москва — Ленинград
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Гос. исторического музея
Тр. ИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР. Ташкент
Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
Тр. ТКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УІЖ — Український історичний журнал
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ХСб.— Херсонесский сборник. Севастополь
ЮТАЭ — Южнотаджикистанская археологическая экспедиция Института востоковедения АН СССР, АН ТаджССР и Гос. Эрмитажа
AIHV — L'Association internationale pour l'histoire du Verre
AM — Arheologia Moldovei. Bucureşti
AmA — American Antiquity. Menasha — Solt Lake City
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CAPH — Cemeteries of the Avar period (576—829) in Hungary / Ed. by Kovrig I. Budapest
CRAIBL — Académie des inscriptions et belles-lettees. Compter rendus des séances. Paris
EAZ — Ethnografich-Archäologische Zeitschrift. Berlin
JGS — J. of Glass Studies. Corning — New York
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
PS — Pamiętnik słowiański